

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ

ЦЕНТР ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКАДЕМИЯ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

**КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ГОРНО-МЕТАЛУРГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ
(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НАРОДОВ КАВКАЗА

УЧЕБНИК

ЧАСТЬ II

Ростов-на-Дону
2021

УДК 340
ББК Х1(2Р37)5

Авторский коллектив:

доктор исторических наук, профессор **Ш.Б. Ахмадов**,
доктор юридических, профессор **Д.Х. Сайдумов**
доктор юридических наук, профессор **А.М. Цалиев**

История государства и права народов Кавказа. : Учебник ч. II. : Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Шапсугова Д.Ю. 2021 г. – 452 с.

ISBN 978-5-6044096-6-4

Настоящее издание является второй частью учебника «История государства и права народов Кавказа». В ней изложена история государства и права Осетии и Чечни.

Учебник предназначен для преподавателей, студентов, аспирантов, обучающихся по специальности «юриспруденция, научных работников, исследующих государственно-правовое развитие народов Кавказа и мира.

ISBN 978-5-6044096-6-4

© Ш.М. Ахмадов
© Д.Х. Сайдумов
© А.М. Цалиев

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ I	ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЧЕЧНИ	6
ВВЕДЕНИЕ	(к разделу по Чечне)	7
РАЗДЕЛ I.	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЧЕЧНИ В XVII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	10
Глава 1.	ТЕРРИТОРИЯ, ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И НАСЕЛЕНИЕ ЧЕЧНИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	10
Глава 2.	РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	27
РАЗДЕЛ II.	ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЧЕЧНИ В XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	37
Глава 1.	СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СТРУКТУРА ВАЙНАХСКОГО ОБЩЕСТВА В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	37
	§1. Социально-имущая категория общества	37
	§2. Социально-зависимая категория общества	50
Глава 2.	ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ЧЕЧНИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	60
	§1. Административно-политическое устройство Чечни и Ингушетии	60
	§2. Феодалные владения на равнинной территории Чечни в XVIII веке	80
	§3. Вольные общества в горной Чечне в XVIII – начале XIX века. Территориальное и политическое устройство вольных обществ	94
	§4. Органы власти и управления в вольных (сельских) обществах вайнахов	104
	§5. Основопологающие принципы чеченского тайпа	108
	§6. Роль тукхумов в общественном устройстве чеченцев	113
Глава 3.	КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В ЧЕЧНЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.	117
	§1. Основные причины крестьянских восстаний в Чечне и Ингушетии	117
	§2. Восстание горцев в 1707 – 1708, 1722, 1732, 1757 – 1758, 1760, 1770 – 1774, 1783 гг.	124
Глава 4.	НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В ЧЕЧНЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ИМАМА МАНСУРА В 1785 – 1791 гг.	145
Глава 5.	ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ С СЕВЕРО-КАВКАЗСКИМИ НАРОДАМИ И РОССИЕЙ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.	169

РАЗДЕЛ III.	ПРАВО И ПРАВОСУДИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНЦЕВ	173
Глава 1.	ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИЙ ПРАВА И ПРАВОСУДИЯ У ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ	173
	§1. Особенности правового порядка у чеченцев и ингушей	173
	§2. Этнические правовые принципы и судебные процедуры по адатам	206
	§3. Основные правовые отношения по шариату у чеченцев и ингушей	215
	§4. Особенности рецепции мусульманского права у чеченского и ингушского этносов	224
	§5. Шариатские судебные органы и процесс	236
Глава 2.	РАЗВИТИЕ СИСТЕМ ПРАВА И СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ	251
	§1. Особенности процесса взаимодействия российского законодательства, адатов и шариата	251
Глава 3.	ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ И СУДЕБНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	284
	§1. Судебно-правовое строительство в Чечне и Ингушетии (1921–1936 гг.)	284
	§2. Развитие права и судебная реформа в Чечено-Ингушской АССР	309
Глава 4.	ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЧЕЧНЕ	336
	§1. Слом позитивной правовой системы и федеральной юстиции в Чеченской Республике	336
	§2. Трансплантация экзогенных религиозно-правовых форм и институтов в управление и судопроизводство	353
	§3. Введение шариата в общественную и государственную системы	361
	§4. Восстановление федерального конституционного правового порядка и юстиции в Чеченской Республике	380
	КРАТКИЙ СЛОВАРЬ НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ НА ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ	394
	КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИИ ВАЖНЫХ СОБЫТИЙ	400
	КРАТКИЙ СПИСОК ЗНАМЕНИТЫХ ПЕРСОНАЛИЙ	430
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	442

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание является второй частью учебника «История государства и права народов Кавказа» и включает краткую характеристику истории государственно- правового развития Чеченского и Осетинского народов. Оно выступает логическим продолжением первой части учебника, включающей историю государственности и права Азербайджана, Дагестана, Ингушетии, Карачая и Балкарии.

Руководство издания выражает огромную признательность ученым, бескорыстно взявшим на себя, прямо скажем, нелегкий труд обобщенного изложения весьма сложной проблемы.

Данная, вторая, часть учебника как и первая публикуется в авторской редакции и рассматривается как пилотный проект, вбирающий в себя весь доступный историко-правовой материал, который будет подвергнут основательной научной проверке в процессе подготовки его завершающего варианта.

Проходящая в настоящее время подготовка к изданию третьей части учебника будет включать в себя историю государства и права Грузии, Армении, Адыгов, Ногайцев, других народов, представители которых ученые историки и юристы сочтут необходимым дополнить учебник материалами и по их государственно-правовой истории.

Как уже отмечалось во введении к первой части данного учебника, как на это надеялись участники проекта, таким образом, будет создана начальная основа для создания и издания общего оптимального по объему, структуре, содержанию, достойному издательскому оформлению учебника.

Участники проекта издания данного учебника ставят своей задачей создать полноценное учебно-методическое обеспечение преподавания дисциплины «История государства и права народов Кавказа» в юридических учебных заведениях на территории всего Кавказа.

Разумеется, решение этой задачи потребует огромных усилий ученых-авторов всех разделов учебника, а также проведение неоднократных научных дискуссий для выработки наиболее обоснованной концепции, которая поможет снять или дать научное обоснование накопившимся спорам, вопросам, выявить реальный вклад народов Кавказа в мировое государственно-правовое развитие.

Д.ю.н., проф.,
руководитель научно-исследовательского проекта
«Правовой мир Кавказа»
Д.Ю. Шапсугов.

**ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЧЕЧНИ**

Ш. Б. Ахмадов, Д. Х. Сайдум

ВВЕДЕНИЕ

История вайнахского народа – чеченцев и ингушей, населяющего ныне Чеченскую и Ингушскую Республики, отмечена знаковыми и судьбоносными процессами политического, военного, социально-экономического и культурного характера, выходящими далеко за рамки интересов одних лишь чеченцев и ингушей. Это – богатая и бесценная сокровищница исторических знаний, представляющих интерес и для других народов России, в первую очередь окружающих и живущих по соседству с ними на протяжении столетий. Обращая взор к истории можно сделать вывод о сложной, местами глубоко трагической судьбе этих двух этносов, которые сами чеченцы и ингуши отождествляют одним емким названием – вайнах (наш народ). Процесс подготовки над данной работой начался еще в 2012 г., когда инициативная группа ученых из Чеченской Республики в лице академика Академии наук Чеченской Республики, доктора исторических наук, профессора Ш. Б. Ахмадова и кандидата юридических наук, доцента, старшего научного сотрудника Комплексного научно исследовательского института Российской академии наук Д. Х. Сайдумова взялась за подготовку работы под названием « История государства и права Чечни». К сожалению, соавтора данной работы выдающегося чеченского ученого Ш. Б. Ахмадова не стало среди нас летом 2016 г. Будучи автором свыше 130 научных работ по истории Чечни и Ингушетии, его исследовательский авторитет в научных кругах страны закрепил за ним статус крупного специалиста в области исследования средневековой истории народов Северного Кавказа. Среди научных работ, отмеченных высокой оценкой следует назвать такие как: «Имам Мансур (народно–освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII века)». (Грозный, 1991); «Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX в. Грозный, 2002; «Из истории народно–освободительных движений в Чечено – Ингушетии в XVII – XIX вв.», (Грозный, 1992), Ш. Б. Ахмадовым было издано (в соавторстве) 6 учебников и учебных пособий для 5 – 9 классов по истории Чечни (1991 – 2006 гг.). Именно поэтому настоящая работа, начатая в 2012 г. и увидевшая свет, приобретает столь важное для исторической и юридической науки значение, поскольку она появится самостоятельным разделом «История государства и права Чечни» в едином учебнике, посвященном истории государства и права кавказских народов.

Безусловно, важным в этом необходимом как для современников, так и их потомков просветительском процессе выступает титаническая организаторская и научно-просветительская работа, проводимая профессором, доктором юридических наук, академиком Д. Ю. Шапсуговым и возглавляемым им коллективом Центра правовых исследований Южно-российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Многолетняя работа по сбору и систематизации сведений о государственности

и праве кавказских народов, есть искреннее стремление ученого кавказоведа Д. Ю. Шапсугова на академическом уровне показать и раскрыть генезис такого уникального явления как «обычное право кавказских народов», правовой культуры каждого кавказского этноса, проследить этапы зарождения и развития их государственности: в составе царской России, советской государственности и на современном историческом этапе в единой семье народов Российской Федерации.

Выражаем надежду, что настоящий раздел послужит достижению целей общей комплексной работы и займет свое достойное место в едином цикле «История государства и права кавказских народов». Хотелось бы также, чтобы настоящее исследование, как и иные научные исследования, имело продолжение в виде дополненных и расширенных по содержанию и предназначению трудов. Содержание настоящего раздела охватывает XVIII – XXI вв. «Отталкивание» от периода XVIII века, обусловлено тем, что именно он занимает обособленное место в истории вайнахов. Этому отправному периоду развития государственности чеченцев и ингушей в широком смысле понимания данного термина, были посвящены исторические исследования академика Ш. Б. Ахмадова. XVIII век стал ключевым для развития и усиления внешнеполитической ориентации чеченцев и ингушей на Россию. Это период стал для Чечни и Ингушетии важным этапом развития их экономики, заключительным этапом масштабного оттока чеченцев и ингушей с гор на равнинные земли, процессом поступательного эволюционного развития. Таким образом, происходит реформа их общественно-экономического уклада. При этом именно в конце XVIII века происходит активное продвижение царизма на Кавказ, способствовавшее началу антиколониального выступления чеченцев и других народов Северного Кавказа. В XVIII веке завершился исторический процесс формирования чеченского и ингушского народов (этносов), с образованием общих этнических названий – чеченцев и ингушей. Вопросы политического, социально-экономического развития чеченцев и ингушей в XVIII – начале XIX века исследовались с позиции общей истории народов Северного Кавказа (Ш. Б. Ахмадов), при этом выделение своеобразных особенностей, в первую очередь основанных на их правовой культуре и правовых институтах, эти процессы реконструированы в научных исследованиях Д. Х. Сайдумова.

XX и XXI вв. в истории чеченцев отмечены серьезными политическими потрясениями: депортация чеченцев и ингушей в 1944 г., их возвращение в 1957 г. на историческую Родину, что позволило завершить полностью процесс восстановления чечено-ингушской государственности, трагические события 1994 – 1995 гг., 1996-1996 гг. Несмотря на это, каждый раз проявляя свойственные их менталитету качества, среди которых – повышенное понимание национальной чести и достоинства, чеченцы не только не сломились, но и к первому десятилетию XXI в. смогли добиться колоссальных экономических и политических результатов, достигнутых благодаря победе чеченского народа над силами международного терроризма и экстремизма. Настоящая работа Ш. Б. Ахмадова и Д. Х. Сайдумова состоит из: введения (Д. Х. Сайдумов), 3 разделов (I – II разд. – Ш. Б. Ахмадов, III-разд. –

Д. Х. Сайдумов), краткого словаря наиболее распространенных юридических терминов на чеченском языке (Д. Х. Сайдумов – по словарю Э. Д. Абдурашидова), краткой хронологии важных событий и краткого списка знаменитых персоналий в истории чеченцев (Д. Х. Сайдумов), заключение (Д. Х. Сайдумов).

*Главный научный сотрудник Академии наук Чеченской Республики,
профессор кафедры гражданского права и процесса юридического
факультета Чеченского государственного университета,
старший научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского
института Российской академии наук,
заслуженный деятель науки Чеченской Республики,
эксперт Российской академии наук
доктор юридических наук
Д. Х. Сайдумов.*

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЧЕЧНИ В XVII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

ГЛАВА 1. ТЕРРИТОРИЯ, ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И НАСЕЛЕНИЕ ЧЕЧНИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В рассматриваемое время вайнахи – чеченцы и ингуши – проживали как в горах, так и на равнине. Территория Чечни занимала восточную часть Северного Кавказа. На северо-западе Чечня граничила с Малой Кабардой, далее граница шла по правому берегу реки Терек от станицы Галюгаевской до укрепления Амир-Аджи-Юрт. На северо-востоке граница Чечни проходила рядом с Горячими колодцами, неподалеку от селений Девлетгирей-Юрт и Брагуны до земель кумыков. Восточная граница Чечни проходила рядом с землями кумыков по Качкалыковскому хребту; река Акташ и Андийский хребет отделяли ее от дагестанского общества Салатау. На юге склоны Главного Кавказского хребта отделяли земли Чечни от Нагорного Дагестана и Грузии, а на западе – от земель ингушей рекой Фортангой до впадения ее в реку Сунжу. На западе Чечня граничила также с Осетией по Главному Кавказскому хребту, главным образом с территорией между реками Терек и Камбилеевка¹.

Наиболее ранние и довольно-таки подробные сведения о границах расселения чеченских и ингушских обществ в XVIII веке сообщает западноевропейский исследователь-путешественник Якоб Рейнегс, побывавший в конце XVIII века во многих регионах Кавказа и, в частности, в Чечне и Ингушетии. В своих описаниях Я. Рейнегс, говоря о местах проживания чеченцев, отмечает: «...Поколение (общество – Ш. А.) Басли поселилось на правом берегу реки Сиунче, и сею рекою отделяется оно не только от соседей своих Алти, но и от другого соседнего народа, который насчитывает в себе 1200 родов и называется Четчен. Сии Четченны вдоль по горе и по реке Сиунчи весьма далеко к востоку простираются. Они бы в рассуждении множества могли занять и иные страны, но удержаны от другого поколения Кигги, состоящего из 700 дворов, и для того оба сии народы реку Витунь имеют границею между собою. Напротив того, между реками Тереком и Яксаем весьма далеко к северу они распространились, и селения их названы по имени нового их поколения или по тому месту, на котором они жить расположились. Как то при реке Аргуне находятся Большая и Малая Атага, народ из 1100 дворов состоящий. Поколение Топли насчитывает в себе 200 дымов, а Барагун деревня, лежащая при теплицах сего же имени состоит из 300 дворов. При ручье Балсу находится деревня того же имени, кое получили они от великого множества пчел, которых там находят, а с ней граничит другое поколение Гиги, которое содержит в себе только 250 дворов. В оной стране находятся еще четыре другие поколения: Чеви, Гачиаул, Шалли и Сагунти, но оные произошли от татарского роду, ибо они чеченского языка разуместь не могут. 400 родов из оных живут в соседстве с деревней Гребенских казаков, состоящею из 150 дворов на берегу реки Терека»².

Якоб Рейнегс высказывает также весьма интересные суждения о местах проживания и расселения ингушей в конце XVIII века. Так, например, он

указывает, что «на правом берегу реки Терек, на северо-западной вершине восточного Кавказа и по всем около него лежащим горам живет народ, называемый Инкучь, который из Мадшара начало свое выводит; в соседстве с ним с южной стороны обитают кисты, нежели самые суть сии народы, о которых Плиний под именем гнетов, а Моисей Хоренский под именем Хустов упоминают. По крайней мере, они суть из числа древнейших кавказских жителей, ибо язык их в употреблении у большей части тех народов, которые на наружных горах к N. О. поселились. Кисты простираются до берегов Терека, а к востоку граничат они с другими народами, называемыми карабулаки; оные живут уже на высочайших горах и распространяются к востоку по долгой долине, даже до соседнего пограничного народу, который называется билитли. Сии билитли граничат к западу с инкучами и рекою Кумбалеи, между собой разделяются от правого берега реки сей даже до источников реки Сиунче продолжились поколение Алти, которое 200 дворов в роде своем считает»³.

Конечно, сведения из процитированного нами источника Я. Рейнеггса, касающиеся этнических названий и происхождения отдельных вайнахских обществ, селений и рек на территории Чечни в рассматриваемое время вызывают определенные сомнения, но при критическом анализе и в сопоставлении их с другими источниками и материалами о чеченцах и ингушах в XVIII в. они могут дать более достоверные и исчерпывающие ответы.

Определенного внимания заслуживают сведения о границах расселения чеченцев и ингушей в конце XVIII – начале XIX в., сообщаемые исследователем С. Броневским. Он указывает, что «чеченцы, называемые также от соседственных народов мичкизами, граничат к северу с селениями гребенских казаков, отделяемыми Тереком; к западу с брагунским владением, с Малой Кабардою, ингушами и карабулаками; к полудни с снежным хребтом гор; к востоку с Андийским и Аварским владениями, входящими в Лезгистан, и с аксаевскими кумыками, от коих отделяются рекою Аксаем. Земли их по Терек, заключенные между устьями Сунжи и северо-восточным изгибом Аксая, верст на тридцать расстояния, расширяются к высоким горам на полдень, имея крайними пределами на восток вершины Аксая и на запад вершины реки Фартама. Левый берег Аксая весь принадлежит чеченцам; нижняя часть сей реки, параллельно с Тереком текущая, находится во владении аксаевских кумыков. Начиная от средних и нижних частей правого берега Сунжи, заселенных чеченскими деревнями, сунженские реки протекают через их земли...»⁴.

Называя данные о границах расселения ингушей, С. Броневский замечает также, что «ингуши, называемые также кисты, галгаи, сильное кистинское колено, имеют главные жилища свои вдоль по Кумбулеи впадающих в нее ручьям до высоких гор, также по вершинам Сунжи и по Сунженской реке Шадгир или Оссае, находясь, таким образом, между Малою Кабардою и Чеченцами. Селения ингушевские начинаются в нескольких верстах на восток от Владикавказской крепости в предгорьях, пересекаемых возвышенными равнинами, и оттуда расширяются далее на восток и на полдень по берегам Кумбулея, Сунжи и Шадгира неопределенною чертою. Они сами себя называют ламур (горный житель)»⁵. И далее С. Броневский указывает, что

ингуши «живут по правому берегу Терека, в высоких горах, против Осетинского колена тагауров... Бесплодные земли их, лежащие на известковых и шиферных горах, большею частью обнаженных в виде скал, простираются от Владикавказской крепости до Дарьяла, где начинается грузинская граница и, следовательно, на тридцать верст расстояния»⁶.

Одновременно С. Броневский сообщает сведения о границах расселения наиболее крупного и могущественного для того времени племени чеченцев и ингушей – карабулаков. «Карабулаки – небольшое колено, – указывает автор, – живут у истоков Сунжи по Сунженским рекам Шадгир (Оссае) и Фортам; граничат на западе с ингушами, на востоке – с чеченцами»⁷.

Безусловно, сведения начала XIX века, сообщаемые исследователем С. Броневским о границах расселения чеченцев и ингушей, хотя и не во всем безупречны и достоверны, однако как фактический материал с учетом их критического анализа они представляют также определенную научную значимость.

В начале XIX в., по определению дореволюционного исследователя Д. А. Милютина, территория Чечни составляла в общей сложности около 14 тыс. км². Из них Чечня занимала более 10 тыс. км², из которых около половины ее территории была гористая, а другая половина – равнинная. Площадь, занимаемая Ингушетией, несколько превышала 3 тыс. кв. км.⁸

В физико-географическом отношении Чечня и Ингушетия в рассматриваемое время делились на четыре зоны: высокогорная, горная, предгорная и равнинная. В высокогорной зоне климат суровый, горы покрыты снегами и ледниками. К северу горы понижаются, появляется растительность. Долины покрыты слоем чернозема; здесь много пастбищ. Основное занятие жителей этой зоны – скотоводство. Осенью здесь рано выпадает снег, и стада спускаются в низины⁹.

В горной зоне преобладают гряды и отроги, которые покрыты толстым слоем чернозема и лесами. В народе их называют «лаьржа лаьмнаш» – Черные горы. Черные горы – самая живописная часть Кавказа. Перед взором человека здесь встают горы, изрезанные извилистыми балками, с речками прозрачной воды и ниспадающими водопадами с весьма значительных высот. В лесах этой зоны растут такие деревья как: дуб, чинара, бук, граб, липа, ясень, высокогорный клен, карагач, орешник, а также дикие фруктовые деревья: яблоня, груша, кизил, слива. На полях горцы сеяли пшеницу, кукурузу, просо и ячмень. В лесах произрастает много разных трав и растений, среди которых есть и целебные¹⁰.

Предгорная зона Чечни ровной лесистой полосой тянется до самой Сунжи. Она полна природными богатствами, земля здесь плодороднее, нежели в горах, много фруктовых деревьев. Климатические условия благоприятствуют здешним теплолюбивым южным растениям¹¹.

Почти третью часть территории Чечни составляли леса. Леса здесь богаты строевыми породами деревьев. Лес играл большую роль в хозяйстве чеченцев и ингушей. Из него горцы изготавливали части плуга, горские бороны, сохи, лари, сапетки, санки, кадушки, вилы, грабли, повозки. Лес служил для строительства домов, а также в качестве топлива, и шел на

продажу. Говоря о разнообразных породах деревьев, растущих в Чечне, И. А. Гюльденштедт указывает, что «между устьями Аргуна и Джалки находится равнина, усаженная густым лесом, состоящим большей частью из дуба, грабины, илима и из обыкновенного кустарника по Тереку растущего. Из илима казаки делают себе лодки для плавания по Тереку»¹². Другой исследователь – Я. Рейнеггс, побывавший в горной Чечне и Ингушетии, сообщает, что в горах Ингушетии он встречал «прекрасные дубовые рощи», в то время как чеченские земли вообще «наполнены дремучими лесами»¹³.

Равнинная зона включает в себя пространство между Тереком и Сунжей и образует Терско-Сунженскую равнину, которая прерывается параллельно текущими реками Сунжей и Тереком. Земля между этими реками почти безводная, здесь нет больших рек, кроме Ачкихи или речки Нефтянки. Река Сунжа берет свое начало в отрогах Кавказского хребта, течет в северном направлении до Назрани, здесь поворачивает на восток, прорезая Терский хребет и в 3-х верстах ниже села Брагуны впадает в реку Терек. Длина реки Сунжи 220 км. По реке Сунже чеченцы и ингуши сплавляли лес в Кизляр. Одной из крупных рек Чечни является река Аргун, образующаяся от слияния двух рек Чанти-Аргун и Шаро-Аргун вблизи села Дачу-Барзой и впадающая в реку Сунжу.

Кроме Сунжи, Терека и Аргуна в Чечне есть и другие реки. Так, в Малой Чечне, беря свое начало из Черных гор, текут реки Фортанга, Гехи, Мартанка и Гойта. Река Гойта делит Чечню на Большую и Малую. В большой Чечне, беря свое начало из Андийского хребта и его отрогов, текут реки Джалка, Хулхулау, Гудермес (Гумс) и Аксай¹⁴.

В пределах Ингушетии после впадения в нее Ассы течет река Сунжа на расстоянии 50 верст. Река Камбилеевка течет из лесистой котловины Передового хребта, образуясь из 9 потоков, сходящихся близ сел. Ангушт. Характерная особенность ее заключается в том, что из 72 верст 53 версты река Камбилеевка течет по территории и в ней полностью отсутствуют ледниковые воды. Река Асса на расстоянии 63 верст проходит по Ингушетии, беря свое начало из главного хребта в Хевсуретии и с горы Архотис-Мта, и впадает в Сунжу около сел. Закан-Юрт. Река Фортанга является притоком Ассы. По ней проходит граница между Чечней и Ингушетией¹⁵.

Разнообразны климатические условия Чечни и Ингушетии. В высокогорной части Чечни климат резко континентальный, зима суровая. По мере удаления от снежных гор климат становится мягче, теплее. Зима на Чеченской равнине короткая и не очень холодная. В горах снег, как правило, выпадает в начале ноября, а на плоскости – в середине декабря. В середине февраля обычно снег исчезает¹⁶.

Климат на равнинной и предгорной части также резко континентальный. В горной же части он характеризуется коротким жарким летом, сухими сильными ветрами и, благодаря высокому положению над уровнем моря, суровой продолжительной зимой с холодными ветрами. Кроме того, в летние месяцы здесь наблюдаются резкие переходы от температуры дня к температуре ночи: дни стоят жаркие, ночи – прохладные¹⁷.

Далеко неоднобразны и почвенные условия Чечни и Ингушетии. Чеченскую равнину составляет преимущественно черноземная почва (Iабржа латта). Плодородные почвы Чеченской равнины в XVIII веке способствовали началу интенсивного развития земледельческой отрасли чеченцев. «Чеченская плоскость, – сообщает К. Самойлов, – является чуть ли не самой плодородной частью всего Северного Кавказа»^{18.} Безусловно, хорошие природно-климатические условия Чечни и исключительное трудолюбие местного населения способствовали развитию здесь самых разнообразных отраслей хозяйства.

Наряду с живописнейшей и богатой растительностью и хорошими плодородными землями равнинной частью Чечни и Ингушетии, дававшей горцу возможность успешно заниматься земледелием и скотоводством, одновременно существовала дикая горная часть, где практически отсутствовали какие-либо условия для ведения хозяйства. Так, немецкий исследователь М. Энгельгардт, побывавший в сентябре 1811 года в Ингушетии, указывает: «Чудесные долины, частично котлообразные и окруженные высокими горами, открывались к югу от наших ног: их поверхность была украшена прекрасными лугами, их склоны были покрыты буковыми и еловыми лесами»^{19.} И далее, описывая долину, расположенную в бассейне реки Ассы, он пишет: «Эта долина самая красивая, какую я видел на Кавказе. Роскошная растительность украшает склоны, белые известковые скалы просвечивают из многообразной зелени и взгляд скользит над колышущимися верхушками деревьев, которые закрывают шумящую Ассу, далеко в плодородную долину, которая закрывается горной цепью у северного горизонта»^{20.}

Богат и разнообразен животный мир горных лесов Чечни и Ингушетии. Самый крупный зверь – медведь. Его любимыми местами обитания служат глухие леса и узкие, заваленные буреломом скалистые ущелья. На опушках и лесных полянах можно встретить косулю. Много в лесах диких кабанов. В глухих балках живет лесной кот. Здесь же изредка встречается рысь. В горных лесах обитают волк, лисица, заяц, олень, серна, лань, куница лесная и каменная, шакал, барсук, ласка. Один из современников, грузинский царевич Вахушти, рассказывая об Ингушетии (Дзурдзукетии и Глигвии) XVIII века, писал, что из зверей здесь водятся олени, серны, лани, рыси, лисицы, волки, шакалы, барсуки, медведи, зайцы и др.^{21.} Достаточно много водится птиц в горных лесах Чечни и Ингушетии. Здесь живут зяблики, пеночки, синицы, снегيري, поползни, дятлы, дрозды, сойки, совы.

Издавна Чечня и Ингушетия славятся полезными ископаемыми, нефтяными и минеральными богатствами. Наиболее ранние сведения о наличии нефти в крае относятся к 1653 году, когда во время осады Сунженского острога персидскими войсками в качестве горючего средства была использована нефть, добытая, по-видимому, из источников недалеко от аула Мамакай-Юрт, (вблизи нынешнего г. Грозного и селения Брагуны). Об использовании в XVIII веке местными жителями нефти свидетельствуют лейбмедик Петра I г. Шобер (1718 г.), географ-экономист Иван Кириллов, академики И. Г. Гмелин, И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас и др., которые побывали в это время в Чечне и Ингушетии. Они отмечали, что местными жителями (чеченцами, ингушами и

казаками) нефть используется для бытовых нужд: освещения, смазки колес телег и как лечебное средство²³.

Чечня и Ингушетия также были богаты различными полезными ископаемыми. Вайнахи издревле занимались добычей различных металлов. Еще в XVI веке русский стрелец Девятко Савельев ездил из Терков покупать свинец в горы Ингушетии²⁴. Академик П. Г. Бутков сообщает, что когда в 1769 г. Российская Берг-Коллегия направила экспедицию для разведки руды в горах, то «кистинцы предлагали свои услуги в сем предприятии»²⁵. Академик И. А. Гюльденштедт также свидетельствует, что во время его поездки «показывали ему небольшие штуфы свинцового блеска, медной лазури и медной сини со вкрапленную серую руду, которые, по свидетельству тамошних жителей, были выкопаны возле сего храма»²⁶. Относительно уезда Мереджой он сообщает, что здесь находятся медные прииски²⁷. «Свинцовое серебро, содержащее блески и серные колчеданы, появляется в сложной горной породе, различными способами, а особливо четырьмя жилами в Кистенской провинции в Галгаевском округе при реке Ассае, между деревнями Ассай и Жейрехи»²⁸, – сообщает далее И. А. Гюльденштедт. Исследователь С. Бронеvский в начале XIX в. отмечает, что «в Ингушевских горах известны следующие руды: свинцовый блеск, медная синь, медная зелень с жилками поблеклой медной руды серебро содержащей, упоминаемые И. А. Гюльденштедтом». И далее продолжает автор, что «в архивах есть сведения, что за несколько лет прежде (1767 г.) доставленные из Кистинских и Осетинских гор пробы руд в Государственную Берг-Коллегию признаны в свинце и серебре не уступающими Нерчинским рудам»²⁹. Иностраннvй исследователь Я. Рейнеггс замечает, что кистинские, ингушские горы состоят из дикого гранита и камней, покрытых железистой, глинистой и мергелевой землей. Недалеко от кистинских границ находится отверстие шириною в 260 футов, наполненное серой и окаменелой глиной. Из глины горцы изготавливали всякого рода водяные и питьевые сосуды. На востоке Ингушетии существовали яшмовые пещеры, где встречались весьма хорошие яшмы с черными, зелеными и желтыми пятнами. Более того, в Ингушетии Я. Рейнеггс видел свинцовую руду, вышедшую наружу.³⁰ По утверждению того же автора, горы Чечни содержат в себе чистую известь, а в длину по всей гористой цепи находятся весьма верные признаки твердого каменного угля. К западу же, на левом берегу р. Сунжи, – замечает далее Я. Рейнеггс, – находятся несколько изобильных черных ключей горного масла (нефти – Ш. А.), которые смогут быть весьма полезны для доходов государственных. В 25 верстах от реки Сунжи находится «весьма горячий серный ключ», имеется здесь также сера и т. д.³¹.

В рассматриваемое время в Чечне имелись еще и соляные копи. Об этом сообщает один из западноевропейских путешественников и исследователей Л. С. Паллас. «В земле ингушей, – говорит он, – есть очень мощный соляной источник; его вода, как говорят, столь насыщена солью, что два ведра воды из него дают ведро соли; этот источник небольшим ручейком впадает в реку Фортангу»³².

Точных данных о количестве населения Чечни как в горах, так и на равнине за XVIII век практически не представляется возможным назвать из-за

отсутствия цифровых сведений. Однако дореволюционные источники первой половины XIX века называют различные, а порой и противоречивые сведения и цифровые данные о численности чеченцев, ингушей и других вайнахских этнических групп, проживавших в различных обществах Чечни в XVIII веке. Особенно это касается горных обществ Чечни и Ингушетии, о которых русские и зарубежные источники, по всей вероятности, не располагали более или менее точными сведениями о численности населения вплоть до начала Кавказской войны. Поэтому данное обстоятельство приводит нас к необходимости пользоваться в данной работе сведениями источников за первую четверть XIX века.

Как известно, в прошлом среди определенной части жителей отдельных этнических групп чеченцев и ингушей, как в горах, так и на равнине, исторически, географически и экономически тяготивших друг к другу, происходил динамический процесс их ассимиляции. Ввиду этого местным исследователям представляется чрезвычайно сложным и трудным определить, какие именно из известных нам горных обществ Чечни явились основой формирования в дальнейшем как чеченского, так и ингушского этносов. Известно, что таким путем одно из вайнахских обществ – карабулаки (орстхоевцы), в прошлом частично растворились среди чеченцев, а частично – среди ингушей. Большое количество карабулаков в 60-х годах XIX века после окончания Кавказской войны переселилось за границу. Поэтому не случайно, что дореволюционные исследователи обоснованно считали, что всякое деление между чеченцами и ингушами условное, ибо в сущности это один народ, который в силу исторических условий и политических устремлений царских властей на Кавказе оказался изолированным в некоторой степени друг от друга (в частности, в пору движения горцев Северного Кавказа под предводительством шейха Мансура в 1785 – 1791 гг. и имама Шамиля в 1834 – 1859 гг.).

Наиболее ранние сведения о численности чеченцев и ингушей в рассматриваемое время мы находим у западноевропейских путешественников и исследователей, членов Российской Академии наук И. А. Гюльденштедта, И. Г. Георги, Я. Рейнеггса и др., побывавших на Северном Кавказе, в Чечне и Ингушетии. Так, И. А. Гюльденштедт отмечает, что «округ ингушевцев и кистов... может выставить по примерному исчислению около 5000 военных людей»³³. Я. Рейнеггс сообщает по этому поводу следующее: «Во время военное, когда они обыкновенно совокупаются вместе, чечены, считая со всех их поколений, выставляют против неприятеля 10000 человек, сила ингушей состоит в 4000-х воинах, кисты имеют 1800 человек, а карабулаки – 1000 человек»³⁴. Исследователь И. Г. Георги также указывает, что «чеченги (чеченцы – Ш. А.) живут в кистинской чеченской округе по Аргуну и Тереку, и могут поставить до 5 000 конницы»³⁵.

Конечно, по данным И. А. Гюльденштедта, И. Г. Георги и Я. Рейнеггса вообще невозможно определить общее количество чеченцев и ингушей. Но если исходить даже из того, что на семью из 5 – 7 человек населения мог приходиться один воин, то вряд ли и в этом случае число чеченцев и ингушей могло составлять 35 – 50 тысяч человек.

Более правдоподобные сведения о численности ингушей в XVIII веке можно найти у дореволюционного исследователя Л. Г. Буткова, хотя и по нему также трудно судить о точном количестве данного народа. Так, например, автор сообщает, что равнинные ингуши, жившие по берегам р. Камбилеевки и известные в русских источниках как Большие или Старые ингуши, составляли 19 деревень, а Малые ингуши, расположенные на реке Шалха, – 5 деревень. Все они составляли 24 деревни с общим числом 2000 дворов, рассеянных маленькими деревнями от 20 до 30 домов в каждой. Позже они переселились в урочище Назрань и стали известны в русских источниках под названием «назрановцы». Галгаи, жившие в горах, имели 12 деревень. Джераховцы жили в 15 деревнях, количество которых в каждой деревне составляло по 5 дворов. В 1802 г. джераховцы могли выставить до 300 человек вооруженных. Карабулаков было 300 дворов, и обитали они при вершинах Сунжи, по рекам Осай или Вайсайсу и Балсу, в Черных горах, а аккинцев – около 200 дворов в 5 деревнях³⁶.

В Актах, собранных Кавказской археографической комиссией (АКАК), также содержатся некоторые сведения о численности ингушей в начале XIX века. Они, в частности, сообщают о том, что всего населения ингушей составляло в 1810 году более 7 тысяч душ³⁷. При этом приходится считаться с возможностью, что здесь называется численность т. н. галгайцев, т. е. жителей Ассинского ущелья. В это число, по всей вероятности, не включались ингуши Джераховского ущелья, т. е. назрановцы.

На основе сведений, собранных из различных устных и письменных источников, исследователь С. Броневский в начале XIX века называет приблизительное количество чеченцев, кистинцев, ингушей и карабулаков, а именно: чеченцев мирных и независимых – 20000 дворов или семей, а кистин, ингушей, карабулаков и пр. – 15000 дворов или семей³⁸. И далее С. Броневский указывает, что все отдельно взятые ингушские общества могут выставить пять тысяч вооруженных людей. «Следовательно, – говорит он, – население Ингушевской земли должно быть не менее 5000 дворов и вероятно несколько более»³⁹. Правда, через несколько страниц тот же автор называет другие, несколько противоречивые цифры. Так, в частности, по Ингушетии он сообщает, что «все вышеупомянутые Кистинские колена (общества – Ш. А.) вместе с неизвестными, за исключением чеченцев, собрать могут до 12000 вооруженных воинов»⁴⁰. Относительно сведений по Чечне С. Броневский указывает следующее: «Из всех чеченских отделений (обществ – Ш. А.) собраться может до 15000 вооруженных людей; из чего заключить должно, что население чеченской области простирается до 20 000 дворов»⁴¹. Если принять в расчет, что на один двор или семью приходится 5 – 7 человек, то общее число чеченцев и ингушей по подсчетам С. Броневского составляло соответственно: чеченцев – 100 000 – 140 000 человек, а ингушей – 75 000 – 105 000 человек. По-видимому, автор ошибочно называет здесь в общем количестве ингушей всех жителей кистинских обществ и карабулаков.

Другой дореволюционный исследователь А. М. Буцковский, говоря о численности дворов отдельных ингушских обществ в начале XIX века, указывает, что ингуши составляли в это время 1 367 дворов, кистинцы – 482, и

карабулаки – 488 дворов⁴². Если исходить из расчета 5 – 7 человек на одну семью или двор, то общее число населения ингушей, кистин и карабулаков должно было насчитывать от 11 000 до 16 000 человек, что, безусловно, на наш взгляд, не могло соответствовать действительности.

В значительной мере более полные и относительно достоверные сведения о численности чеченцев и ингушей в рассматриваемое время мы обнаруживаем в официальных источниках царской администрации на Кавказе в 20 – 30-х годах XIX века. Это был период активного продвижения царизма на Северный Кавказ, в Чечню и Ингушетию. Так, царский офицер Д. А. Милютин, который служил в это время в отдельном Кавказском корпусе в качестве офицера Генерального штаба и по долгу службы бывал в это время в Чечне, называет в 1829 г. в Надтеречье и Затеречье 16 селений чеченцев, в которых находилось от 1700 до 1900 дворов с общей численностью до 5,5 тысяч человек мужского пола. По берегам реки Сунжи, не считая ингушских селений, было расположено 70 чеченских селений. Менее населенными, считает автор, являлись равнинные земли за рекой Сунжей, где находилось 10 селений и более 30 хуторов⁴³.

В восточной части Чечни 17 чеченских селений находилось на Кумыкской плоскости. Качкалыковские селения вайнахов располагались на восточной стороне Качкалыковского хребта и насчитывали до 3 тысяч человек мужского пола. По соседству с ними в 12 селениях проживали мичиковцы с числом до 6 тысяч человек мужского пола. В горных районах Чечни, в основном в верховьях рек Ярыксу, Ямансу, Аксай и Хулхулау в 34 селениях жили ичкеринцы и насчитывали до 5 тысяч человек мужского пола. Более или менее крупными населенными пунктами, кроме главного Веной, являлись Зандак, Аллерой, Центорой, по 30-40 дворов насчитывалось в селениях Белетли (Билты – Ш.А.), Саясан, Ахшипатой, Эрсен, Ведень, Черми, Гуна. Менее 30 и более 10 дворов насчитывалось в чеченских селениях Гендерхой (Гендергеной – Ш. А.), Дарго, Белгатай, Гурдали (Гордали – Ш. А.) и др.⁴⁴.

«К западу от ичкеринцев в горах по ущелью Джалки и Аргуна, – сообщает далее Д. А. Милютин, – жили Чарбили (Чеберлой – Ш. А.), Шубурды и Шатойцы». Автор называет весьма приблизительное число жителей данных горных обществ. К примеру, чеберлойцы составляли около 3 тысяч человек мужского пола. Значительная часть чеберлойцев проживала в хуторах, которые близко располагались друг от друга, составляя как бы одно селение под общим названием⁴⁵. Основной недостаток сведений, сообщаемых Д. А. Милютиным, заключается в том, что автор совершенно не учитывает и не анализирует численный состав женщин и детей, как в горах, так и на равнине Чечни.

Довольно краткие сведения о численности населения горных обществ Чечни дают источники 30-х годов XIX века. Так, в обществе Напгхо в это время насчитывалось 200 дворов и 1 тысяча жителей; в обществе Терело было 13 населенных пунктов с 200 дворами; в обществе Митхо было сосредоточено 16 селений с 161 двором; в обществе Майсты – три населенных пункта и 72 двора; в обществе Чанти по р. Аргуну – 7 селений и 135 дворов⁴⁶.

Ценные сведения на основе анализа источников 30-х годов XIX века о двух чеченских горных обществах Малхиста и Майсты сообщает современный

исследователь Н. Г. Волкова. Так, в Малхистах находилось 11 селений со 174 дворами, численность которых достигала 1,5 тысячи человек⁴⁷. По сравнению с Малхистами в Майстах значительно меньше было и число населенных пунктов, и соответственно число жителей в них. Все села Майсты располагались по правому берегу реки Аргуна – ручью Майсты, и число жителей в них составляло 200 человек. В горном обществе Нахаша имелось 6 селений с общей численностью 75 дворов, в Терлоевском обществе насчитывался 21 населенный пункт со 163 дворами⁴⁸.

Будучи начальником 21-й пехотной дивизии и левого фланга Кавказской Линии в 1830 г., царский генерал барон Р. Ф. Розен также предпринял попытку собрать сведения о численности равнинных и горных чеченцев. Так, говоря о чеченцах, живущих на Тереке и по обеим сторонам реки Сунжи, а также на других вытекающих из гор реках и впадающих либо в Сунжу, либо в Терек, автор делит их на ряд обществ под следующими названиями: собственно чеченцы, или мичигизы, качкалыковцы, мичиковцы, ауховцы и карабулаки. «Число жителей мужского пола, покорных и непокорных, указывает Р. Ф. Розен, – по собранным сведениям примерно до 35000 душ, в сем числе покорных правительству до 22000 душ. Число вооруженных простирается: покорных до 9000 человек и более, непокорных – до 7000; в том числе более половины конных. Горные чеченцы – ичкеринцы, составляют особенное общество, – сообщает далее автор, – и имеют около 5000 душ мужского пола, число вооруженных их простирается до 2000 человек, в числе коих больше половины конных, а общество племени чабуртлы (чеберлой — Ш. А.), расположенное по соседству с ичкеринцами и Андиєю, состоит из 3000 душ жителей мужского пола»⁴⁹.

Почти в это же время подсчеты численности населения Чечни произвел другой дореволюционный исследователь, офицер царской службы И. И. Норденстамм. Он, в частности, отмечает, что по среднему исчислению из разновременно собранных им сведений в Чечне проживало в это время от 110 до 120 тысяч человек. При этом автор указывает, что данное исчисление (подсчет) весьма условное и, надо полагать, что на самом деле фактическое количество населения должно быть больше⁵⁰.

Более подробные сведения о численности всех наиболее крупных обществ как горной, так и равнинной Чечни приводятся в специальной «Ведомости о численности народонаселения Кавказа и степени их покорности царскому правительству», составленной кавказской администрацией в 1833 году. Согласно данной «Ведомости...» общее количество чеченцев и ингушей составляло 218 тысяч человек. Из них чеченцев, проживающих на равнине, насчитывалось 86 000 человек, качкалыковцев и ауховцев – 14 000 человек, чеченцев, проживающих в горах, т. е. ичкеринцев – 15 000 человек, чабуртлинцев (чеберлоевцев – Ш. А.) – 7000 человек, шубузов (шубутов – Ш. А.) – 5000 человек, пшехоицев (пешхоицев – Ш. А.) – 4000 человек, аккинцев – 6000 человек. Всего чеченцев 157 000 человек. От общей численности населения Чечни ингуши, проживающие как в горах, так и на равнине, составляли 46 000 человек. Из них кистинцев – 27000 человек, цоринцев –

1200 человек, галгаев – 4800 человек, галашевцев – 2000 человек, назрановцев – 11000 человек. Общество карабулаков насчитывало 15000 человек⁵¹.

По всей вероятности, в данную «Ведомость...» не вошли некоторые чеченские и ингушские горные общества, не выразившие своей лояльности царской администрации. Кроме того, надо полагать, что под кистинцами в данном случае официальные власти в равной мере подразумевали как представителей отдельных горных обществ Чечни, так и Ингушетии, ибо строгого этнического деления кистинцев на чеченцев и ингушей, по-видимому, в рассматриваемое время не существовало.

Известный современный этнограф Н. Г. Волкова, исследовавшая динамику численности вайнахских народов до начала XX века, сообщает, что население Чечни (горной и равнинной части) в 1830 г. кроме жителей брагунского и ауховского обществ составляло примерно 131 000 человек⁵². Конечно, эти сведения также являются приблизительными.

С древнейших времен коренными жителями Чечни являются чеченцы и ингуши с их локальными группами, а также карабулаки. За пределами Чечни и Ингушетии, на территории нынешней Грузии в рассматриваемое время проживали родственные вайнахам народы «бацбийцы», переселившиеся «на южные склоны Кавказского хребта не позднее XVI столетия и в течение длительного времени развивавшиеся в русле культурно-экономической и политической жизни Грузии»⁵³, а также группа чеченцев под названием «кисты». Все эти народы в прошлом имели общие исторические корни, а отсюда – общий язык, культуру, быт и религию.

Чеченцы и ингуши принадлежат к восточной (дагестано-нахской) группе иберийско-кавказской языковой семьи. Последние достижения науки позволяют говорить о более глубоких культурных корнях происхождения общекавказского этнического субстрата, уходящего своими основами еще в неолитическую эпоху. Если происхождение вайнахского народа, – указывает известный кавказовед Е. И. Крупнов, – не отрывать от всей проблемы происхождения иберийско-кавказского этноса, то с большей долей уверенности можно говорить о местном автохтонном развитии всех народов на Кавказе уже с III тысячелетия до н. э.⁵⁴

Наиболее ранние свидетельства о далеких предках чеченцев и ингушей – гаргарах (гегарах – Ш. А.), живших на северных склонах Кавказского хребта в Керавнских горах, приводятся в «Географии» Страбона (I в. до н. э.) и в «Естественной истории» Плиния Секунда (I в. н. э.). Страбон пишет, что «амазонки живут рядом с гаргареями на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнскими».

Гай Плиний Секунд также локализует гаргареев на Северном Кавказе, но называет их «Гегарами»⁵⁵. В 80-х годах XIX в. и в начале XX в. этот тезис был высказан П. К. Усларом и К. Миллером, а в советское время – Н. Ф. Яковлевым, Е. И. Крупновым, Л. А. Ельницким, И. М. Дьяконовым, В. Н. Гамракели и др. Так, например, Н. Ф. Яковлев писал: «Я думал, что в этих гаргареях и были представлены элементы, имевшие некоторое отношение к чеченцам. Это видно из того, что у чеченцев сохранилось самое слово «гаргарнах» – близкие люди, родственники»⁵⁶. Местные ученые В. Б. Виноградов и К. З. Чокаев в

специальной статье, посвященной данной проблеме, отмечают, что «гаргарей» – несомненное производное от нахского термина «гергара» – близкий, соседний, родственник⁵⁷. Эти же авторы другой этнос под названием «хамекиты», впервые названный Страбоном в «Географии», локализуют в верховьях Ассинского ущелья, недалеко от нынешнего села Хамхи⁵⁸.

Наиболее удачные и важные свидетельства о предках вайнахов донесли до нас и закавказские письменные источники раннего средневековья. Так, в известной «Армянской географии VII века» автора Анания Ширакаци содержатся древнейшие известия о прямых предках вайнахских племен – чеченцев и ингушей – «нахчаматьянах» и «кустах» («кистах»), названных в «Географии» среди других народов, некогда обитавших в Азиатской Сарматии⁵⁹. Исследователь К. Л. Латканов высказал предположение о том, что в слове «нахчаматьян» может быть заключен древний вайнахский этноним «Нахчомохк» – «Земля Нахчо» (легендарный предок чеченцев)⁶⁰. В настоящее время данного положения придерживаются профессоры Ю. Д. Дешериев⁶¹, В. Б. Виноградов, К. З. Чокаев⁶² и др.

В этой связи нельзя не обратить внимания на имеющее место в исторической литературе мнение весьма авторитетных и известных грузинских ученых академиков И. А. Джавахишвили и Г. А. Меликишвили об одном древнем вайнахском этнониме. Так, они считают, что известное в урартских источниках государство Цупани (Бираш), к названию которого восходит позднее этноним «Софена», в древнеармянских источниках называется «Тсопк», что очень близко совпадает с названием одного из северокавказских племен – тсов⁶³. «Это одно из чеченских племен, – утверждает Г. А. Меликишвили. – Территория, занимаемая племенем «тсов» и локализуемая в центральной части Кавказского хребта, в древнегрузинских источниках упоминается под названием «Тсобена». Ясно, что название этого северокавказского племени, – указывает далее Г. А. Меликишвили, – почти полностью идентично названию области Софена – Бираш (Борат)». Таким образом, область Цупани («Цопк» по древнеармянским источникам и «Софена» по античным источникам), расположенная к востоку от Малатии, на левом берегу Евфрата, близка с названием одного из северокавказских (чеченских) племен Цов⁶⁴.

В более ранних письменных источниках прошлого, в частности, в грузинских летописях, также известны различные этнонимы собирательного характера, обозначающие чеченцев и ингушей в прошлом. Таким, например, является термин «дурзуки» (дурдзуки), который хронологически предшествует этнониму кисти (кистины). Первое упоминание имени «дурдзуки», согласно сочинению арабского писателя Ибн ал-Факиха и ал-Баладзори, относится к первой половине VI века, в котором сообщается «о строительстве Хосровом Ануширваном (VI) в Дурзукии 12 ворот и каменных укреплений»⁶⁵.

Исследователь А. И. Шавхелишвили отмечает, что «дурдзуки» обитали в районе ущелья р. Ассы и в верховьях рек Аргуна и Армхи, где употреблялся этот этноним до XVIII века⁶⁶. Профессор А. Н. Генко называл дурдзуков предками ингушей⁶⁷, а Е. И. Крупнов высказался в пользу того, что этот этноним может в равной мере относиться ко всем нахским народам⁶⁸. Есть мнение ученых о том, что в силу исторической особенности кавказских племен

в прошлом «дзурдзуки» и «дидойцы» были тесно связаны с обществом, занимавшим северные склоны гор⁶⁹. Грузинский источник («Картлис Цховреба») прямо указывает на то, что дзурдзуки являлись данниками хазар⁷⁰.

В VI веке упоминается название «дурдзуки» другим арабским писателем ал-Баладзори. Якут, написавший «Географический словарь» в 1227 г., использовал сведения из более ранних трудов (IX в.) об Ануширване и повторил те же сведения: «Он (Ануширван) построил также Дурдзукию с 12 воротами и на каждом из них каменный замок»⁷¹.

В XI веке этноним «дурдзук» впервые упоминается в трудах грузинских исследователей Леонтия Мровели и Джуаншера, а позднее – в исторической хронике начала XIII века. Леонти Мровели часто называет дурдзуков, которые совместно с осами (аланами), дидойцами и леками (дагестанцами) выступали в качестве участников событий, происходивших на территории Картлии. Безусловно, между дурдзуками и аланами существовали в те времена тесные связи и контакты, а потому их совместная борьба против арабов за овладение горными проходами Центрального Кавказа была общим стремлением как дурдзуков и алан, так и других этнических племен этого региона⁷².

Сведения о дурдзуках, приводимые другим грузинским исследователем Джуаншером, в целом совпадают с известиями арабских географов IX – XI вв. Так, в хронике 1204 года, в которой сообщается об отправлении царицей Тамарой войск для подавления восставших горцев, перечисляются области Дидоети, Лшав-Хевсурети и Дурдзукети. «Поскольку не подлежит сомнению, – пишет исследователь Н. Г. Волкова, – что в XIII в. эта часть Кавказских гор была заселена вайнахами, то, следовательно, термин «дурдзук» в грузинских источниках этого времени обозначал именно чечено-ингушское племя...»⁷³.

Наиболее ранние сведения еще об одном ингушском этнониме, являвшемся в свое время самоназванием народа, известны также в грузинских источниках первой половины XI века. Это – этноним «глигви». Для нас представляют определенный интерес события, описываемые в это время в «Картлис Цховреба» – «Жизнь Грузии». Так, например, в грузинской хронике этого времени повествуется о грузинском царе Квирике, который в это время назначил правителей в Тианети, Тушети, Дидоети, Дурдзукети, Глигвети. Вахушти Багратиони локализует Глигвети к востоку от Кист – Дурдзукетии. Глигвов и кистов называет в своих документах и царь Вахтанг VI⁷⁴. Как видим, разнообразные исторические свидетельства, сохранившиеся в древних исторических документах и источниках с названиями чеченских и ингушских племен – «нахче», «кусты», «дзурдзуки», «глигви», «галгаи», позволяют говорить о вайнахах, как об одном из древнейших народов Кавказа.

Чеченцы и ингуши издревле называют себя общим термином, объединяющим два этноса, «вайнах» – «наш народ». В то же время чеченцы называют себя «нохчи», ингуши – «галга», аккинцы – «аьккхи» и карабулаки – «орстхой». Современные этнические названия – чеченцы и ингуши – под которыми данные народы стали известны в последние столетия, считаются относительно молодыми. Впервые термины чеченцы и ингуши появляются в русских источниках XVII–XVIII веков, а впоследствии они становятся известными в западноевропейских и грузинских источниках того же периода.

Считается, что этноним «чеченцы» происходит от названия селения «Чечен-Аул», образовавшегося, по всей вероятности, в результате переселения сюда части чеченцев с гор на плоскость, на р. Аргун⁷⁵. Самое раннее упоминание этнонима «чечен» встречается в русских документах за 1665 год, которые сообщают о том, что грузинское посольство, направлявшееся в 1665 г. в Москву, проезжало через владение Чечень, находившееся при выходе р. Аргуна из ущелья. «И чеченское же (подчеркнуто мною – Ш. А.) владение царевича пропустить было не хотело»⁷⁶, – сообщается в документе. Упоминание этнонима чеченцы встречается и в русских исторических актах, в договоре калмыцкого хана Аюка с Астраханским губернатором Апраксиным в 1708 году⁷⁷. Однако на карте Северного Кавказа первое упоминание слова чеченцы приводится в 1719 году⁷⁸.

В первой четверти XVIII века сведения об этнонимах Чечня и чеченцы часто употребляются в грузинских источниках и, в частности, в документах царствования Вахтанга VI – в 1720 и 1730 гг., а в 1728 и 1770 гг. – в историко-географических работах И. Гербера и И. Гюльденштедта. Впоследствии же термином чеченцы называется население, проживающее на территории «от р. Аксай на востоке и до р. Фортанги на западе»⁷⁹.

Этноним «ингуш» связывается с названием селения «Онгушт» или «Ангушт» – одного из первых крупных ингушских селений в Тарской долине, фиксируемого русскими источниками начала XVIII века. Гипотеза о происхождении русского названия этноса «ингуш» впервые была высказана, как об этом указывает исследователь Н. Г. Волкова, профессором Н. Ф. Яковлевым. Вот что сообщает по этому поводу сам Н. Ф. Яковлев: «Само это слово (ингуш – Ш. А.), по-видимому, происходит от названия селения Онгушт, которое находилось при выходе из ингушских гор. Оно было большим аулом, и жители плоскости, первыми вступившие с ним в торговые сношения, название этого селения перенесли на весь находившийся в экономической связи с этим селением нагорный народ»⁸⁰. Впоследствии точку зрения Н. Ф. Яковлева приняли известные российские ученые А. Н. Генко, Е. И. Крупнов, Б. А. Калоев, Е. Н. Кушева и др.

В грузинских документальных материалах первой половины XVIII века наравне с терминами «глигви» и «кисти» фигурирует термин «ингуш». А в работах западноевропейских авторов (И. А. Гюльденштедт, Л. Штедер, П. С. Паллас, Я. Рейнеггс и др.) этноним ингуш выступает в качестве синонима имени «галгай». В русских источниках XVIII века этноним «ингуш» становится общим для обозначения живущих в западной части всех вайнахов. В это время другой этноним «калканцы» (от самоназвания «галгай»), употреблявшийся в русских документах до этого времени, начинает исчезать⁸¹.

В рассматриваемое время ранее известные отдельные чеченские и ингушские общества (мичиковцы, кистинцы, качкалыковцы, ичкеринцы, чеберлоевцы, шатоевцы, пгубуты, галгаевцы, джераховцы, галашевцы, цоринцы, назрановцы, бацбийцы, аккинцы, карабулаки и др.), полностью теряют свои этноплеменные названия и приобретают общие этнические названия – чеченцы и ингуши.

Как видим, так же, как и многие другие народы, чеченцы и ингуши вошли в историю не под самоназванием, а с названиями этносов, данными их соседями, в данном случае – русскими.

На сегодняшний день учеными неоспоримо доказана древность происхождения этнонима «нохчо» (нахчаматьяне), «кисти» (кусты), которыми в настоящее время называют себя чеченцы и ингуши.

Дореволюционный исследователь Кавказа С. Броневский в начале XIX века отмечал, что еще совсем недавно ингуши-горцы называли себя «ламур» или «ламаро», что значит горный житель (от «лам» – гора)⁸². Отдельные группы чеченского и ингушского этносов, очевидно, некоторые племенные общества, которые мы называли выше, имели в прошлом различные самоназвания. Со временем, по всей вероятности, в силу сравнительно высокоразвитых социально-экономических отношений, как, например, в галаевской племенной группе, проживавшей в Ассинском ущелье – древнейшем центре ингушской культуры, название племени «галгай» было перенесено на все другие ингушские племена, в результате чего и поныне все ингуши называют себя «галгаями»⁸³. Идентичным образом происходило, по-видимому, образование этнического самоназвания собирательного термина чеченцев – «нохчи», «Нохч-мохк».

Таким образом, совокупность некоторых исторических, этнографических, археологических, антропологических и лингвистических свидетельств о чеченском и ингушском народах говорит о древнем и сугубо местном, автохтонном происхождении их наравне с другими народами Кавказа, о принадлежности чеченцев и ингушей к восточной, дагестано-нахской группе иберийско-кавказской языковой семьи.

Использованная литература и источники:

1. Милютин Д. А. Заметки о племенах кавказских. – Чечня, Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 169, к. 81, д. 7, л. 1; Карта Малой Кабарды, Осетии, част. и Чечни второй половины XVIII в.
2. Гаджиев В. Г. Якоб Рейнегтс о Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – нач. XIX в.). – Грозный, 1986. С. 27.
3. Гаджиев В. Г. Якоб Рейнегтс о Чечено-Ингушетии. // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – нач. XIX в.). Грозный, 1986. С. 26.
4. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2. М., 1983. С. 171 – 172.
5. Броневский С. Ук. соч., ч. 2. С. 160 – 161.
6. Там же. ч. 2. С. 159.
7. Там же, ч. 2. С. 167.
8. Милютин Д. А. Ук. соч., ф. 169, к. 81, д. 7, л. 1; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 11.

9. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1. СПб, 1871. С. 420; Берже А. П. Краткий обзор горских племен Кавказа. Тифлис, 1858. С. 29 – 30.

10. Берже А. П. Ук. соч. С. 30; Рыжиков В. В. География Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1973. С. 54.

11. Там же.

12. Гюльденштедт И. А. Ук. соч. С. 14.

13. Гаджиев В. Г. Ук. соч. С. 32 – 33.

14. Берже А. П. Ук. соч. С. 30; Рыжиков В. В. Ук. соч.. С. 33 – 41.

15. Тусиков М. Ингушетия. Владикавказ, 1926. С. 39 – 32.

16. Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. № 9. СПб, 1855. С. 57.

17. Мартиросиан. Нагорная Ингушетия // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения (ИИНИИК), т. 1. Владикавказ, 1928. С. 21.

18. Самойлов К. Заметки о Чечне. Ук. соч. С. 57 – 58.

19. Энгельгардт М. Путешествие в Крым и на Кавказ // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 204 – 205.

20. Энгельгардт М. Путешествие в Крым и на Кавказ. Ук. соч.. С. 205.

21. Крупнов К. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 129; Рыжиков В. В. География Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1973. С. 55.

22. Вахушти Багратиони. География Грузии. Тифлис, 1904. С. 139.

23. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1. Грозный, 1967. С. 151. Рыжиков В. В. Ук. соч.. С. 21.

24. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. М, 1957. С. 128.

25. Бутков П. Г. Ук. соч., с. 7.

26. Гюльденштедт И. А. Ук. соч.. С. 115.

27. Там же. С. 12.

28. Там же. С. 63.

29. Броневский С. Ук. соч. С. 2.

30. Гаджиев В. Г. Ук. соч. С. 32 – 33.

31. Гаджиев В. Г. Ук. соч. С. 32 – 33.

32. Паллас П. М. Заметки о путешествии в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 104.

33. Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб, 1809. С. 113.

34. Гаджиев В. Г. Ук. соч. С. 27 – 29.

35. Георги Иоганн Готлиб. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 2. СПб, 1799. С. 59.

36. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., ч. 1. СПб, 1869. С. 260.

37. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), т. 4. Тифлис, 1871. С. 897.

38. Броневский С. Ук. соч. ч. 1. С. 57 – 58.

39. Броневский С. Ук. соч., ч. 2. С. 166.

40. Там же, ч. 2. С. 170.
41. Там же, ч. 2. С. 183.
43. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XIX вв. М., 1974. С. 188.
44. Там же. С. 188.
45. Волкова Н. Г. Ук. соч. С. 188.
46. Волкова Н. Г. Ук. соч. С. 189.
47. Там же. С. 190.
48. Волкова Н. Г. Ук. соч. С. 191 – 192.
49. Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана // История, география и этнография Дагестана (XVIII – XIX вв.). М., 1958. С. 281 – 285.
50. Норденстамм И. И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера // Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. 3, ч. 1. Махачкала, 1940. С. 311.
51. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 – 50-х годах XIX в. Махачкала, 1959. С. 122 – 123.
52. Волкова Н. Г. Динамика численности вайнахских народов до XX века. Археолого-этнографический сборник (АЭС), т. 2. Грозный, 1968. С. 126.
53. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Грозный, 1973. С. 151.
54. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 38, 57.
55. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 1. СПб, 1890; т. 2, вып. 1. СПб, 1904; вып. 2. СПб, 1906; Крупнов Е. И. Ук. соч., С. 25.
56. Яковлев Н. Ф. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ, т. 1. Ростов-на-Дону, 1928. С. 150.
57. Виноградов В. Б., Чокаев К. З., Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен, т. 7, вып. 1. Грозный, 1968. С. 67.
58. Виноградов В. Б., Чокаев К. З., Ук. соч. С. 55.
59. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 28.
60. Патканов К. П. Армянская география XVIII века, приписываемая Моисею Хоренскому. СПб, 1874. С. 38.
61. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских Кавказских народов. Грозный, 1963. С. 18 – 25.
62. Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Ук. соч.. С. 55.
63. Джавахишвили И. А. Введение в историю грузинского народа, кн. 1. Тбилиси, 1950. С. 47 – 49.
64. Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 89, 401.
65. Волкова Н. Г. Ук. соч. С. 135.
66. Шовхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 37.
67. Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов, т. 5. Ленинград, 1930. С. 681.
68. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 24 – 38.

69. Гадло А. В. Ук. соч. С. 166.
70. Там же.
71. Волкова Н. Г. Ук. соч., с. 135 – 136.
72. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 53 – 54.
73. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказ. М., 1973. С. 135 – 136; Генко А. Н. Ук. соч. С. 711 – 712; Гадло А. В. Ук. соч. С. 166.
74. Волкова Н. Г. Ук. соч. С. 158 – 159.
75. Волкова Н. Г. Ук. соч. С. 145.
76. Волкова Н. Г. Ук. соч. С. 171.
77. Энциклопедический словарь. Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А., т. 76. СПб, 1903. С. 785.
78. Волкова Н. Г. Ук. соч. С. 144.
79. Волкова Н. Г. Ук. соч. С. 144 – 145.
80. Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927. С. 75.
81. Волкова Н. Г. Ук. соч. С. 159.
82. Броневский С. Ук. соч., ч. 2. М., 1823. С.161.
83. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 24 – 25.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

С древнейших времен основным занятием чеченцев и ингушей, как и соседних северокавказских народов, являлось земледелие.¹ Сведения о развитии земледелия у вайнахов в XVIII веке мы обнаруживаем в дореволюционной исторической литературе.² В наше время вопросы развития земледелия у чеченцев и ингушей в XVIII веке нашли отражение в трудах некоторых исследователей истории народов Северного Кавказа.³

Как известно, в XIII – XIV вв. предки вайнахов в пору нашествия татаро-монголов были оттеснены в горы Чечни и Ингушетии. Однако со временем здесь в результате роста численности населения еще более усилилась земельная теснота и в конце XIV – начале XV века началось возвращение вайнахов на свои исконные равнинные земли.⁴ С этого времени они стали интенсивно заселять верховья рек Сунжи и Камбилеевки, а также правый берег реки Терека.⁵ Впоследствии многие из них попали в кабалу к кабардинским или кумыкским феодалам. Это продолжалось и позже. Так, в 1810 году генерал-майор Ивелич сообщал генералу от инфантерии Булгакову о том, что он считает своим долгом выполнить просьбу ингушского народа и их старшин, насчитывающих более 7 тысяч душ, которые по бедственному своему положению вынуждены переселиться для хлебопашества на р. Сунжу с обязательным условием давать аманатов кабардинскому князю Батоко

Жанботову и выплачивать ему с каждого двора по рублю серебром и по две мерки проса.⁶

Еще в начале XIX века исследователь С. Бронеvский, опираясь на материалы своих предшественников И.А. Гюльденштедта, П.С. Палласа и других исследователей XVIII века, отмечал, что некоторые кистинские общества живут у подножья снеговых гор, в неприступных местах и питаются кукурузоv, которую сеют на удобренных каменистых почвах. Другие источники также подтверждают, что горные ингуши живут очень бедно, пшеницу, проса, хотя и сеют, но очень мало.⁷ Пристав Тушетии в 1831 г. сообщал о 22 дымах (двор) кистин, жителях селения Хорбалo, поселившихся на казенной земле около 40 лет назад, которые и здесь продолжали испытывать трудности в хлебопашестве. В одном из документов говорится, что хотя кистинцы и имеют пахотную землю, но в малом количестве, а потому ее им не хватает. Других угодий нет.⁸

Исследователи и современники отмечали большое трудолюбие горцев в обработке земли. Чтобы подготовить участок под пашню, необходимо было освободить его от кустарника, леса и камней, разровнять бугристые места, удобрить, сделать сточные каналы для его орошения. Кроме того, для горных районов Чечни характерно было ведение террасного земледелия, что подтверждают следы террас, сохранившихся в высокогорной и горной зонах края.

В рассматриваемое время чеченцы и ингуши, жившие на равнине и в горах, как и другие народы Северного Кавказа, в большинстве своем вели экстенсивное земледельческое хозяйство, часто меняли свои пахотные земельные участки, чего, как правило, требовала переложно-залежная система земледелия.

Кроме того, как и во всем Северном Кавказе, в горных районах Чечни на скалистых участках создавались искусственные поля путем перенесения почвы с других земельных участков. Именно здесь в горах вследствие малоземелья уделялось большое внимание улучшению из-за тяжелых природно-климатических условий как пахотных, так и сенокосных участков, которые также часто орошались горцами.⁹

Так же, как и в Дагестане, в рассматриваемое время в Чечне широко применялось орошение не только в горах, но и на равнине. В горах, как правило, террасы орошались с помощью подводимых к ним арыков. В равнинной же части Чечни горцами проводились от рек водопроводные каналы, по которым во время засухи они пускали воду на засеянные разными зерновыми культурами участки земли. Иригационные сооружения горцев, как в горах, так и на равнине заслуживали высокой оценки иностранных исследователей-путешественников.

О жителях влиятельного в горной Ингушетии общества Галгай неизвестный автор того времени писал, что жители этого общества занимались хлебопашеством, высекали у себя в основном ячмень, немного пшеницы и кукурузы. Однако при этом из-за малоземелья и суровых климатических условий они испытывали недостаток в хлебе, который выменивали на масло, мед и овец у равнинных ингушей.¹⁰ Согласно преданию, группа фяппинцев

общества Галгай в результате недостатка земли переселились из родных мест в Тушетию (Грузию), и впоследствии они стали именоваться цовцами или бацбийцами.¹¹

По свидетельству иностранного исследователя П.С. Палласа, ингуши являлись хорошими земледельцами, но из-за нехватки земельных площадей не имели возможности широко заниматься земледелием, а потому, как отмечает автор, они живут довольно бедно.¹² В данном случае, по-видимому, П.С. Паллас имел в виду жителей горных обществ Ингушетии.

По свидетельству С. Броневого, карабулаки (орстхой) «умеренно занимались хлебопашеством». Иностранный исследователь Л. Штедер, посетивший в 1781 году карабулаков, отмечал, что живут они в башнях, сеют в большом количестве коноплю, маис (просо – Ш.А.) и табак.¹³

Трудное экономическое положение жителей горного малхистинского общества Чечни, связанное с отсутствием удобных пахотных земель, вызвало систематическое переселение их в районы равнинной Чечни или горной Грузии. Описывая горное общество Майсты, состоящее из селений Цахиль-Гой, Тут-Гой и По-Гой, А. Зиссерман отмечал, что жители селения Цахиль-Гой совершенно не имеют пахотных земель и пастбищ. Часть населения из-за малоземелья переселилась на равнину.¹⁴ Академик А.И. Гюльденштедт свидетельствовал, что местное население сеет пшеницу, просо и сорочинское пшено.¹⁵ Офицер царской службы барон Р.Ф. Розен писал, что занятие горцев состоит в хлебопашестве, но в весьма малом количестве.¹⁶

Однако были и такие горные общества в Чечне и Ингушетии, в которых довольно хорошо было развито хлебопашество. Так, например, горский уздень Ашур Агаев, посланный в мае 1748 г. кизлярским комендантом в известную чеченскую деревню общества Чеберлой со специальным заданием, сообщал, что здешние жители очень богаты хлебом.¹⁷

Как мы отметили выше, в развитии земледелия XVIII в. для равнинной Чечни был переломным периодом. К этому времени заселение вайнахами плодородных равнинных земель в основном завершилось, в результате чего изменился и характер ведения хозяйства. Росли производительные силы, развивались обмен и торговля. Поселившись на равнинных землях, чеченцы и ингуши стали все более уверенно втягиваться в торгово-экономические связи с Россией и соседними северокавказскими народами. В этих условиях основной отраслью хозяйства для большинства населения становится земледелие (хлебопашество).

Князь Туманов из Астрахани писал в Сенат о том, что кистинцы желают переселиться с гор на равнинные земли, чтобы не иметь более нужды в пашенных участках и претерпевать большую нужду в соли, железе, кумаче, одежде, иглах, ножницах, которые они желают приобретать в России.¹⁸

Известно, что равнинная Чечня в конце XVIII – начале XIX века по свидетельству многих современников становится поставщиком хлеба не только для горных районов Северо-Восточного Кавказа, но и вывозит его отсюда за границу.¹⁹ Так, по свидетельству академика А.П. Берже, Чеченская равнина по своему плодородию после Кахетии в Грузии являлась лучшим уголком на Кавказе и слыла житницей Дагестана.²⁰ Высокий уровень развития земледелия

на Чеченской равнине отмечал царский министр Д.А. Милютин в записках «Чеченцы», составленных им в 40-х годах XIX века. В частности, он указывает, что на равнине чеченцы сеяли преимущественно кукурузу и просо, в то время как в Черных горах в основном высевали пшеницу и ячмень.²¹ Благодаря хорошим климатическим условиям на равнинной части, указывает исследователь И.И. Норденстамм, Чечня производит хлеба больше, чем необходимо для прокормления ее жителей, и избытки его обменивают с соседями – кистинцами и лезгинами, живущими в бесплодных высоких горах, на шерсть, бурки, грубое сукно и другие изделия.²² Успешное занятие хлебопашеством чеченцев, переселившихся на реки Сунжа и Терек, а также в целом равнинных чеченцев и ингушей, отмечают дореволюционные исследователи А.И. Ахвердов, Г.И. Гербер, С. Плещеев, И.Г. Георги и др.²³

В своем обобщающем труде по земледелию известный кавказовед Б.А. Калоев также указывает, что в XVIII веке главным занятием равнинных чеченцев было земледелие, и велось оно с применением основных систем полеводства: залежной, подсечной и плодосменной. Автор отмечает, что горцы осуществляли полив полей, для чего строили специальные оросительные каналы.²⁴ Судя по документальным источникам, равнинные чеченцы, потомки жителей Окоцкой слободы города Терки, в XVIII веке занимались земледелием, причем в больших масштабах. В челобитной кизлярских и окоченских (чеченских) жителей в Астраханскую губернскую канцелярию от 5 августа 1749 г. говорится, что прадеды их, живя в Терском городе, имели свои пахотные земли вниз по прорытому каналу между реками Терек и Кизляр, а сейчас, отнимая у них те пахотные земли, их отдают «приезжим купеческим армянам и прочим чинов людям».²⁵ Как видим, отнимая у горцев лучшие ухоженные плодородные земли по реке Терек и ее притокам, дававшие немалые урожаи зерна, царские власти тем самым лишали их возможности производить излишки продуктов. Такие действия царской администрации могли стать впоследствии одной из причин присоединения окочан к антифеодальной и антиколониальной борьбе горцев под руководством шейха Мансура в 1785 – 1791 гг.²⁶

В рассматриваемое время орудия обработки земли в нагорной Чечне были менее сложными, чем на равнине. Иностранник-путешественник-исследователь Ю. Клапрот, посетивший в 1807 – 1808 гг. народы Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей, по-видимому, был хорошо знаком с их основными орудиями труда и правилами обработки земли. В частности, автор указывает, что горский плуг размером меньше, чем русский, и представляет форму изогнутого куска дерева, обе лопасти которого имеют длину около 46 см и удалены друг от друга лишь на 20 см. Железный плоский лемех его, образующий равносторонний треугольник, прикреплен к изогнутому куску дерева и разрыхляет землю. К концу изогнутого куска дерева приделан шест длиной около 183 см, к концу которого впрягают двух быков с ярмом; имеется специальная ручка, при помощи которой человек управляет плугом левой рукой, в то время как правой рукой он погоняет быков. При такой вспашке борозда имеет глубину более 15 см. Боронование производили горцы с

помощью связанных вместе нескольких деревьев, влекомых быками; на деревьях стоял человек и прижимал их к земле.²⁷

Система земледелия в горной, предгорной и равнинной Чечне была идентична той, которая существовала и у других народов Северного Кавказа. Исследователь аккинского общества Чечни в XVI – XVIII вв. А.А. Адилсултанов указывает, что у жителей Терско-Сулакского междуречья система земледелия была разнообразной: в горных и предгорных районах существовала трехпольная система, в то время как для равнинной зоны основной системой оставалась двухпольная.²⁸

Приемы земледелия в Чечне также были общими с другими народами Северного Кавказа, хотя в них преобладали некоторые особенности в способах обработки земли. Так, вайнахи вносили удобрения (золу, перепревший навоз, птичий помет и др.), в основном, до и после пахоты. В целях борьбы с сорняками (асар) в равнинной части Чечни, в частности, в обществе Акки, жители за 2 – 3 недели перед основной пахотой делали мелкую запашку глубиной в 8 – 10 см. После завершения пахоты, перед началом сева почву обрабатывали при помощи особой бороны, называемой акинцами-вайнахами «дечкан мекха».

Что касается сельскохозяйственного инвентаря чеченцев и ингушей в рассматриваемое время, то следует заметить, что он был также во многом схож с идентичными орудиями труда у соседних народов, хотя и были некоторые различия в их устройстве, вызванные естественными географическими и климатическими условиями. Правда, наибольшее разнообразие используемых орудий земледелия наблюдается в равнинной части Чечни и Ингушетии. Здесь одновременно соседствовали как архаичные орудия, так и орудия, характерные для более высокого уровня развития земледелия (например, плуг с железным лемехом).³⁰

Согласно утверждению исследователя А.А. Адилсултанова, древнейшим орудием обработки почвы у вайнахов в XVIII веке являлась «палка-копалка», имевшая две разновидности. «Палка-копалка» – деревянный кол, длиной 110 – 115 см (иногда до 130 см) с каменным утяжелителем. Она, как правило, использовалась в тех случаях, когда земля была неровной, кочковатой и обрабатывать ее плугом было практически невозможно. Второй вариант «палки-копалки» называется «хьокха», имел длину 170 – 180 см. Конец такой «палки-копалки» (хьокха) обжигался, и он не имел утяжелителя. Использовали его преимущественно в предгорной зоне, где на свежерасчищенном от корней участке земли практически невозможно было пользоваться плугом.³¹

Для предгорных районов вайнахского общества в рассматриваемое время довольно распространенным орудием труда оставался заступ (бел – чеч.) различных видов. Заступ являлся, по сути, самым древним орудием обработки земли у вайнахов, представлявшим собой деревянный кол с рабочим концом в 7 – 10 см. «На высоте 25 – 30 см от рабочего конца, – указывает А.А. Адилсултанов, – отходило короткое ответвление для стопы, перпендикулярное ручке».³²

Для прополки вайнахам служили орудия, похожие на мотыгу и назывались «абста» и «цел». Эти орудия представляли собой четырехугольную

пластину, насаженную на обычную деревянную рогатину или прикрепленную на длинную деревянную ручку с помощью черенков.³³

Как аккинцам, так и представителям других вайнахских обществ в рассматриваемое время известны были бороны нескольких видов: борона-волокуша, борона с поперечной доской, рамная борона и борона наподобие граблей – «терноч» (къомсар – чеч.). Как правило, для улучшения пашни широко использовалась борона с короткими зубьями.³⁴

Молотьбу горцы производили с помощью быков. Для этого зерновой хлеб в снопах раскладывали на ровной площадке, имеющей 20 шагов в диаметре; затем по кругу заставляли непрерывно ходить пять быков, привязанных вместе за шею и снабженных намордниками. В процессе ходьбы быки выбивали ногами зерна колосьев. Для этой работы нужны были два человека: один шел за быками, погоняя их и собирая их экскременты на доску, а другой переворачивал зерно лопатой и собирал его в кучу. Этим способом, как правило, очищали две четверти пшеницы в течение одного дня.³⁵ Чеченцы и ингуши жали хлеб маленькими железными серпами длиной более 30 см и шириной лезвия в два пальца с сильноизогнутыми и зубчатыми лезвиями.

В конце XVIII – начале XIX века происходит переселение значительного числа горцев, в том числе и карабулаков-орстхойцев, на равнинные и предгорные районы Чечни и Ингушетии. Именно в это время орстхойцы поселяются в районе Верхнего Алкуна, где длительное время находились хозяйственные угодья и временные летние жилища карабулаков. Карабулакское племя в это время начинает интенсивно заниматься хлебопашеством, высеивая у себя пшеницу, кукурузу, просо.³⁶ Источники сообщают также, что карабулаки в прошлые времена были многочисленным и мужественным народом, имели лучшие земли для хлебопашества и сенокосов.³⁷

Документальные материалы 1758 года говорят о том, что на равнинной части Чечни неподалеку от селения Мекеня в так называемых чеченских жилищах по реке Терек, принадлежащих известному Герменчукскому владельцу (князю) Девлетгирею Черкасскому, горцы сеяли в большом количестве просо.³⁸

Русский офицер А.М. Бундовский, специально посланный царскими властями в 1812 году для описания общественного быта жителей Кавказской губернии, проанализировал ведение хозяйства ауховцами и равнинными чеченцами, переселившимися в верховья рек Акташ и Ярык-Су. По его свидетельству, простые чеченцы должны были давать князьям и владельцам рабочего с каждого двора на один день во время посева, жатвы и сенокосения.³⁹ Это дает основание полагать, что имущая чеченская прослойка владела большими земельными угодьями.

Наличие большого количества водяных и ручных мельниц на территории Чечни в XVIII – нач. XIX в., о которых говорят источники, является свидетельством высокого уровня развития земледелия (хлебопашества) как в горах, так и на равнине.

Один из очевидцев того времени отмечал, что по берегам рек Камбилеевки виднелись маленькие мельницы ингушей. В числе наиболее известных среди прочих равнинных селений Чечни назывались Шали,

Герменчук и Гудермес, в которых имелось множество мельниц, построенных горцами на маленьких речушках.⁴⁰ В одном из донесений Кизлярского коменданта В. Оболенского в Астраханскую губернскую канцелярию в 1746 году сообщалось о том, как в прошлом, 1745 году, Брагунский владелец Мудар Баматов с множеством своих писем обращался к нему лично с просьбой разрешить ему прорыть «татул» (канал) для строительства водяной мельницы, ибо, как писал он, «подвластные его люди для молотьбы хлеба, за неимением у них мельницы, ездят в Чеченскую и в прочие деревни».⁴¹ Водяные мельницы горцев были снабжены, как правило, небольшим горизонтально поставленным колесом с лопастями, приводимым в движение струей воды, текущей по желобу; зубья, расположенные в верхней части вертикальной оси колеса, приводили в движение маленький жернов. Жернова изготавливались горцами из каменных плит особой горной породы. Заготавливались горцами такие каменные плиты, которые поддавались шлифовке. Как правило, жернова были из высококачественного камня. Мука, хотя и получалась несколько грубоватой на этих мельницах, но ею довольствовались местные жители. Безусловно, мельницами, как в горах, так и на равнине владели состоятельные люди.⁴² Безусловно, наличие большого количества водяных мельниц в рассматриваемое время свидетельствует о развитии зернового хозяйства в чеченских и ингушских селах.

Известно, что в рассматриваемое время в равнинной Чечне в основном возделывались такие зерновые культуры, как пшеница и просо, а в горах – ячмень, овес и пшеница. Что касается кукурузы, которая в XVIII веке стала культивироваться почти всеми равнинными чеченцами и ингушами, то в начале XIX века она становится самой распространенной культурой, проникнув даже в горные районы.⁴³ В свете сказанного более чем странным выглядит утверждение местного дореволюционного этнографа У. Лаудаева о том, что чеченцы, жившие на равнине, сеяли в основном пшеницу и ячмень, а кукуруза им до этого якобы не была еще известна, и они научились ее возделыванию лишь впоследствии.⁴⁴

Осенью горцы, как правило, сеяли только озимую пшеницу, а весной – яровую пшеницу, шестирядный ячмень и изредка овес. Жители предгорных селений вайнахов, поля которых были расположены на ровных площадях, не сеяли овса и ячменя, но зато высевали немного пшеницы, большое количество проса и род зерна, очень похожего на просо и называемого у русских бором.⁴⁵ Кроме того, по свидетельству очевидца – иностранца Л. Штедера, побывавшего здесь в конце XVIII в., горцы сеяли у себя стручковый горох, фасоль, кукурузу, коноплю и табак, а также выращивали огурцы.⁴⁶

Необходимо отметить, что, исходя из климатических условий, в Чечне местные жители издавна занимались выращиванием тех или иных зерновых культур по зонам. Так, например, для высокогорной зоны характерно было возделывание ячменя; для горной – яровой пшеницы и ячменя; для предгорной с прилегающими равнинами – кукурузы, а для зоны сухой степи – проса.⁴⁷ Известно, что у чеченцев и ингушей в XVIII – начале XIX в., как и у многих народов Северного Кавказа, наиболее распространенной полеводческой культурой являлось просо. Оно лучше, чем какая-либо другая культура, было

приспособлено к переложно-залежной системе земледелия, давая одновременно высокие и устойчивые урожаи. Посевы проса производились, как правило, поздно – в мае, а уборка урожая производилась осенью – в сентябре и даже иногда в начале октября. Эти же сроки подходили и для таких культур, как полба и ячмень, которые также как и просо вовсе не боялись осенних холодов.⁴⁸

Следует отметить, что по имеющимся в нашем распоряжении некоторым сведениям, урожайность зерновых культур, особенно в равнинной части Чечни и Ингушетии, в конце XVIII – начале XIX в. была значительной. Хотя заметим, что в XVIII веке озимая пшеница в нашем крае не получила особо широкого распространения вследствие своей низкой урожайности. Но зато чеченцам и ингушам в это время хорошо была известна яровая пшеница.⁴⁹

Подводя итоги, следует отметить, что в рассматриваемое время земледелие у чеченцев и ингушей становится основной и ведущей отраслью на равнине. Между горными и равнинными жителями происходит более четкое разделение труда. Так, вайнахи, живущие в горах, получая хлеб от равнинных жителей, могли заниматься в основном скотоводством. На равнине горцы продолжали расширять площади посевных земель.

Хлебопашество все более распространялось на север и расширялось за счет свободных плодородных земель по левому берегу реки Терек и в его низовьях. В конце XVIII – начале XIX в. Чечня и Ингушетия производили хлеб не только для покрытия своих внутренних потребностей и обмена с горными обществами, но и для продажи на внешнем рынке. Одновременно расширялись торгово-экономические связи их с соседними северокавказскими народами и с Россией. Крепости и военные форпосты царской администрации, цепь которых составила «Кавказскую Линию», стали местом сбыта сельскохозяйственных продуктов, различных изделий местного производства, что также создавало благоприятные условия для расширения посевных площадей и увеличения ассортимента и количества выращиваемых культур вайнахов.

Использованная литература и источники:

1. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 315-316.

2. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб, 1809; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч.1-2. М., 1823; Норденстамм И.И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера // Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1. Махачкала, 1940; Гербер Г.И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана XV – XIX вв. М., 1958; Ахвердов А.И. Описание Дагестана // История, география и этнография Дагестана XV – XIX вв. М., 1958; Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // История, география и этнография Дагестана X – XIX вв. М., 1958 и др.

3. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века // Труды ЧИНИИ, т. 2, вып. 2.

Грозный, 1961; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е годы XIX в.). М., 1966; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XIX в. М., 1974; Ахмадов Ш.Б. Из истории развития земледелия и животноводства у чеченцев и ингушей в XVIII – нач. XIX в. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – нач. XX в.). Грозный, 1982; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Махачкала, 1978; Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981 и др.

4. К сожалению, в данной главе из-за отсутствия на сегодняшний день конкретных документальных сведений не представляется возможным назвать цифровые данные о посевных площадях вайнахов и количестве собранного урожая в XVIII – нач. XIX в.

5. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т.1. Грозный, 1967, с. 48.

6. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК), т. 4. Тифлис, 1904, с. 897.

7. Броневский С. Ук. соч., ч.2, с. 35; Архив внешней политики России (АВПР) МИД СССР, с. 110.

8. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 157.

9. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII. М, 1988, с. 376.

10. Волкова Н.Г. Ук. соч., с.157.

11. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 158.

12. Аталиков В.М. Страницы истории. – Нальчик, 1987, с.102.

13. Броневский С. Ук. соч., ч.2, с.169; Штедер Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. Осетины глазами русских и иностранных журналистов. Орджоникидзе, 1967, с.28-46.

14. Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе, 1842-1867, ч.1. СПб, 1879, с.172.

15. Гюльденштедт И.А. Ук. соч., с.114.

16. Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана XVIII – XIX вв. М., 1958, с.282.

17. ЦГВИА, ф.482, оп.1, д.1, л.220-221.

18. Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИЯЛ, т.1, вып.1. Грозный, 1959, с. 177.

19. Вроцкий Н.В. Чечня как хлебный оазис // ССТО (Сборник сведений о Терской области), вып.1. Владикавказ, 1878, с. 270.

20. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, с.32-33.

21. Милотин Д.А. Чеченцы. Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. В.И. Ленина, с.169, карт.8, ед.хр.7, л. 1200.

22. Норденстам И.И. Ук. соч., с.302.

23. Ахвердов А.И. Ук. соч., с.227; Гербер Г.И. Ук. соч., с.278.

24. Калоев Б.А. Ук. соч., с.30.

25. АВПР МИД СССР, ф.110, «Сношения России с Грузией», оп.110/1, д.5, л.27.

26. ЦГВИА СССР, ф.52, оп.1/194, д.350, л.38.

- 27.Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 – 1808 гг. Цитир. по работе Калоева Б.А. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XI – XIX вв.). Орджоникидзе, 1967, с. 171-172.
- 28.Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI – XVIII вв. Грозный, 1992, с.21.
- 29.Адилсултанов А.А. Ук. соч., с.21.
- 30.Там же, с.21.
- 31.Там же, с.22.
- 32.Там же, с.22.
- 33.Там же, с.22.
- 34.Там же, с.22.
- 35.Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 – 1808 гг. Калоев Б.А. Ук. соч., с.125.
- 36.Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XIX в. М., 1974, с.162,166.
- 37.Ахвердов А.И. Описание Дагестана // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. М., 1958, с.227.
- 38.ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.1, д.425, л. 18 – 18 об.
- 39.Бундовский А.М. Ук. соч., с.243-244.
- 40.Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1. – Махачкала, 1940, с. 160.
- 41.Ставропольские губернские ведомости. № 43. Ставрополь, 1857, с. 283-284.
- 42.Клапрот Ю. Ук. соч., с.173-175.
- 43.Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т.1. Грозный, 1967, с. 59-60.
- 44.Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872, с.22.
- 45.Клапрот Ю. Ук. соч., с.172.
- 46.Аталиков В.М. Страницы истории. Нальчик, 1987, с. 102.
- 47.Норденстамм И.И. Ук. соч., с.172.; Хасиев С.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – первой четверти XX в. М., 1973, с.25.
- 48.История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988, с. 377.
- 49.Там же, с. 377.

РАЗДЕЛ II. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЧЕЧНИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СТРУКТУРА ВАЙНАХСКОГО ОБЩЕСТВА В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

§ 1. Социально-имущая категория общества.

Вопрос о социальных отношениях и структуре вайнахского общества в XVIII веке в исторической науке до сих пор остается слабо разработанным. Первые исторические сведения о социальных отношениях или структуре чеченцев и ингушей содержатся в литературе XVIII в. Их авторами выступали ученые-путешественники или военнослужащие царской армии, писавшие по заданию Российской Академии наук (И.Г. Георги, И.А. Гюльденшtedт, Л.С. Паллас, С.Д. Бурнашев, Г.И. Гербер и др.).

С XIX в. о Чечне писали, как правило, царские офицеры, лица гражданской администрации и отчасти местная интеллигенция, содержание их работ составляли общие исторические и географические сведения о крае, они не вдавались в серьезный анализ социально-экономической жизни народа. Более того, высказывания дореволюционных авторов базировались на личных наблюдениях и этнографических материалах, реже на письменных источниках. Поэтому выводы авторов об уровне социально-экономического развития вайнахов в XVIII в. страдают крайней тенденциозностью¹.

Отсутствие на сегодняшний день единого мнения у исследователей относительно общественного строя чеченцев и ингушей в XVIII в. объясняется, во-первых, некритическим восприятием наследия дореволюционных историков, во-вторых, слабой изученностью архивных и других материалов, на что в свое время справедливо указывал выдающийся кавказовед, профессор Е.И. Крупнов².

Цель очерка состоит в следующем: используя преимущественно новые архивные материалы, а также на основе анализа результатов предшествующих научных исследований, охарактеризовать некоторые характерные черты и особенности социальной структуры вайнахского общества в XVIII в.

У чеченцев и ингушей еще до указанного времени существовала частная собственность на пахотные, пастбищные, сенокосные земли, а также на дома, скот и т. д. В горных районах было налицо имущественное неравенство не только между отдельными семьями, но и родами – тайпами. Богатые имущие семьи и сильные тайпы эксплуатировали труд беднейших крестьян и слабые тайпы. Тайпы XVIII в. являлись пережиточным явлением патриархально-родового строя. Они состояли из богатых и бедных людей. «По этнографическому материалу, неоднократно фиксируемому нами в горной Ингушетии, – пишут грузинские исследователи Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, – население различало сильные и слабые тайпы, среди которых одни именовались «эзди тайпы», а вторые – «лай тайпы»³.

Среди семей встречались также и такие, которые имели в своем владении много земли и эксплуатировали труд соплеменников и рабов. В то же время

были семьи, совершенно не располагавшие средствами производства. С переселением чеченцев и ингушей с гор на более обширные и плодородные равнинные земли родовые отношения окончательно разрушаются – на смену семейной общине приходит территориальная община, которая способствует становлению частной собственности, а термины «старейший в роде», «знатные в роде», «влиятельные в роде», «старшины», «уздени» и другие приобретают социальное значение.

Вайнахские князья, феодалы, владельцы, почетные и влиятельные старшины, знатные уздени и другие богатые люди, которые составляли социально-имущую категорию населения и о которых так часто говорят архивные материалы и литературные источники, – это ни что иное, как феодальная или феодализирующаяся верхушка вайнахского общества. Все они, в зависимости от своего сословного происхождения, размеров земель и других владений, а также социального положения занимали различные места на феодальной иерархической лестнице. Во главе села, общества или нескольких сел стояли князья (элий) и феодальные владельцы, которые осуществляли верховную власть во владении. После них по своей социальной значимости стояли старшины (старейшины) – наиболее многочисленное сословие, за ними шли знатные уздени, чанки, торговцы (купечество, чеч совдегарш), мусульманское духовенство, жрецы, бабччи (военные вожди) и т. д.

На наш взгляд, вполне обоснованы предположения тех исследователей, которые считают, что княжеская верхушка в Чечне была в значительной мере уничтожена еще на протяжении XVI–XVII вв. широкими антифеодальными движениями, которые выросли именно из конфликта между интенсивно развивающимися производительными силами и сдерживающими их развитие феодально-родовыми отношениями. Бурное развитие производительных сил вайнахов было связано, на наш взгляд, с процессом возвращения их в XV–XVII вв. на плоскость и освоением здесь плодородных земель. Вполне логично отсюда и предположение известного кавказоведа и этнографа В.К. Гарданова, который, указывая сведения о мощной антифеодальной борьбе, охватившей в XVII в. все народы Северного Кавказа, допускает, что именно в это время княжеской верхушке в Чечне был нанесен особенно сокрушительный удар, чем и объясняется, по его мнению, последующая слабость феодальной прослойки у вайнахов по сравнению с соседними горскими народами.⁴

Предположения профессора В.К. Гарданова становятся еще более убедительными, если обратиться к сообщению по этому поводу дореволюционного исследователя С. Броневского, который, опираясь на документальные сведения И.А. Гюльденштедта XVIII века, также указывает, что «чеченцы не имеют своих князей, коих они в разные времена истребили, а призывают таковых из соседственных владений, из Дагестана и Лезгинистана, наипаче от колена Аварского Хана; но сии князья малою пользуются доверенностью и уважением».⁵

Однако слабость позиций пришлых князей и феодалов в Чечне вовсе не означала их полного отсутствия здесь. Документальные источники на протяжении XVI–XVII вв. фиксируют в Чечне довольно значительное количество крупных феодалов, которые фигурировали здесь под

наименованием мура, беков, князей и владельцев. Некоторые из этих феодалов были кабардинского или кумыкского происхождения, которые с помощью царского оружия стремились распространить свою власть на трудовых чеченцев и ингушей, другие же приглашались от соседних народов Северного Кавказа отдельными обществами для управления ими; однако имелись феодалы и вайнахского происхождения.⁶

Насколько подтверждают материалы, власть пришлых, иноплеменных князей и феодалов распространялась в основном на равнинные села вайнахов. Так, в первой четверти XVIII в. эндерийские (кумыкские) князья Айдемир и Мусал Чапаловы владели «знатною частию чеченцев». В 20-х годах XVIII века князь Терлоев (аварский), имея ставку в с. Буюк-кент (по-видимому, Бугун-юрт – Ш.А.), владел чеченскими селами, расположенными по р. Сунже. В 30-х годах XVIII в. кумыкский князь Айдемир Бардыханов управлял чеченскими селами: Большие Чечни и Большие Атаги. На чеченцев, живших в Брагунской деревне, распространял свою власть кумыкский князь Мудар. В 40-х годах XVIII века кабардинский князь Девлетгирей Черкасский владел чеченскими селами Герменчук и Шали. В 60-х годах XVIII в. карабулаки, одноплеменцы чеченцам и ингушам, жившие в верховьях рек Сунжи, Аксая, Васайсу и Бал и имевшие не более 300 дворов, зависели от эндерийских, брагунских и некоторых кабардинских князей и давали им подать. «Народ ингуши, известные также под именем кистов или киштинцев, – указывал П.Г. Бутков, – обитающий между рек Терека и Сунжи», также испытывал притеснения аксайских и кабардинских князей.⁷

В 1758 – 1759, 1760 – 1770-х годах в Чечне прокатилась целая серия крупных антифеодальных и антиколониальных восстаний горцев, в результате которых многие пришлые князья и владельцы вынуждены были уйти вовсе или перебраться на реки Сунжа и Терек. Однако и после этого часть вайнахских сел оставались данниками пришлых соседних князей. В этом им активно помогала царская администрация. К таким селам вайнахов относятся, в частности, с. Чахкари (позже на этом месте царскими властями была заложена крепость Воздвиженская – Ш.А.) – владелец Алихан Нурмамаев; с. Гехи – владелец Кайтука Бакон; Сунженская деревня – владелец Албек Батырханов⁸ и т. д.

Надо полагать, что для приглашения иноплеменных князей и владельцев в Чечню и Ингушетию в разные времена имелись важные причины. Вайнахам, по-видимому, было более удобно приглашать для управления чужих князей и феодалов, чем иметь своего соплеменника. Очевидно, учитывалось то, что от феодала-чужака легче можно избавиться, чем от своего соплеменника, на защиту которого мог стать могущественный род, как это не раз случалось. По мнению исследователя И.М. Саидова, «выбирать правителей из числа своей знати чеченцы и ингуши опасались по той причине, что представители знати, опираясь на своих родственников (однотайповцев – Ш.А.), могли упрочить свою власть и не считаться с интересами населения».⁹

Как известно, со второй половины XVIII в., после начала антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне и на Северном Кавказе во главе с Майсуром в 1785 – 1791 гг. число иноплеменных князей и феодалов в крае резко уменьшается, а в некоторых вайнахских селам вовсе

исчезает. Зато быстро растет в Чечне число местных владельцев, особенно старшин и богатых узденей. «Со времени проповедника Ших-Мансура чеченцы, – указывает С. Броневский, – все вообще приняли магометанский закон... и управляются они выборными старшинами»¹⁰ (подчеркнуто мною – Ш.А.). Определенного внимания заслуживают сведения того же исследователя С. Броневского о вайнахских князьях в прошлом и приглашении их от своих соседей. В частности, он пишет: «Чеченцы имели прежде князей, но впоследствии истребили их и прибегли к своим соседям, особенно к владельцам Аварии, прося дать им кого-нибудь из родственников владычествующего дома; а как замечено неоднократно, чеченцы, народ свирепый и буйный, не только не уважают чужеземных князей, но даже приносят их в жертву жестокого своего характера и самоуправства, поэтому чеченцы вынуждены избирать из среды себя старших (подчеркнуто мною – Ш.А.), хотя и невольно на то соглашаются».¹¹

Говоря о формах зависимости крестьян в прошлом у чеченцев и ингушей, живущих как в горах, так и на равнине, следует сказать, что существовал неписанный закон («обычай»). Согласно этому закону, они должны были платить подати князю или владельцу сугубо по своему усмотрению, отдавая предпочтение тому князю или «владельцу», который более последовательно и настойчиво защищал бы интересы подвластных горцев как внутри своего общества, так и за его пределами (в связях с соседними народами и царской администрацией в Кизляре), и предоставлял бы им широкие возможности для торговли с народами Кавказа и Россией. Об этом говорит тот факт, что в одном из писем от 15 ноября 1784 г. на имя Кизлярского коменданта И.С. Вешнякова чеченская княгиня Крымхана Росланбекова, по-видимому, жена или дочь покойного чеченского князя Расланбека Айдемирлова (кумыкского происхождения), сетует на то, что с живущих на Сунже, у Амирханова брода, ей подвластных чеченцев, ранее переселившихся сюда, еще при жизни князь Расланбек «брал по их согласию подать, по обычаю». Ныне же подвластные не хотят ей (княгине – Ш.А.) давать подати, а «желают отдавать оную (подать – Ш.А.) брагунскому владельцу Кучуку, который хочет над оними властвовать».¹²

Кроме того, встает вполне резонный вопрос, были ли у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время наряду с феодалами «варяжского» типа владельцы или феодалы вайнахского происхождения? Мы склонны считать, что в рассматриваемое время в Чечне были владельцы местного происхождения. В документальных источниках называются феодальные владельцы с типично чеченскими именами: Туей, сын Султана; Мурза, сын Казы.¹³ Отдельные представители чеченских социальных верхов в документальных источниках начала XVIII в. выступают под названием «бей». Так, в одном из архивных документов, приводимом в сборнике «Материалы по истории Башкирской АССР», сообщается о том, как участник восстания в Башкирии в 1707 г. уфимец султан Мурат «ушел к чеченцам, которые живут близ Терека», а именно «к бею Амирамзе ... и бей чеченской велел ему быть к себе ...и в Чечнях зимовать по прощению его!...».¹⁴ Словосочетание «бей», которым называется здесь чеченский владелец Амирамзе, не должен нас смущать,

поскольку в дореволюционной исторической литературе представители сословной знати вайнахов обозначаются различными терминами, бытовавшими у соседних народов и заимствованными русскими источниками у последних.

В другом архивном источнике за 1749 г. сообщается о челобитной знатного чеченского владельца Умара Минкишиева и его товарищей, живших в Кизляре, которая была подана в Астраханскую губернскую канцелярию с просьбой вернуть им пахотные земли, которые якобы в прошлом принадлежали их прадедам, а ныне те пахотные земли, отнимая у них, дают приезжим купеческим армянам и прочих чинов людям.¹⁵ Из челобитной явно следует, что Умар Минкишиев и другие чеченцы являются вполне сложившимися к этому времени феодалами-землевладельцами.

В документах, относящихся к 1760 – 1770 гг., в числе других чеченских владельцев-феодалов называются владельцы Чопан Турлов (с. Алды) и Мамакай Гиреев (урочище Качкалык), которые имели своих подвластных крестьян. Чопан Турлов назван также в письме Кизлярского коменданта на имя чеченского владельца Алисултана Казбулатова от 12 марта 1762 г., в котором сообщается о том, что селение чеченского владельца Расланбека Айдемирова находилось во владении князя Турлова и называлось Качкалык.¹⁶

Данный факт свидетельствует о том, что часть вайнахских владельцев в рассматриваемое время находилась в некоторой зависимости от князей (элий), хотя на сегодняшний день представляется трудным определить, в чем выражалась эта зависимость. Спустя некоторое время, т. е. 17 ноября 1771 г., тот же чеченский владелец Р. Айдемиров вынужден был обратиться за помощью к Кизлярскому коменданту Ф.И. Паркеру в связи с неповиновением ему подвластных чеченцев. В частности, он указывал, что подвластные ему жители не желают переселиться вместе с ним на земли, специально отведенные царскими властями на р. Сунже, недалеко от Горячих колодцев, более того, чеченцы отказываются выплачивать ему положенный ясак (подать).¹⁷

Другой владелец Мамакай Гиреев, живший в урочище Качкалык, упомянут в письме Кизлярского коменданта к андреевским владельцам, в котором он просит защиты от Андреевских (кумыкских) владельцев, притязавших на его пахотные и сенокосные земли.¹⁸

Вслед за князьями (элий) и владельцами по своей сословной и социальной градации, т. е. по статусу, стояли вайнахские старшины – наиболее многочисленное сословие в Чечне и Ингушетии. Они, естественно, зависели от первых и подчинялись им. Об этом говорят многочисленные документальные источники. Большинство старшин считалось потомками и родственниками вайнахских князей и владельцев, но были и такие, которые не имели никакого отношения к княжескому происхождению. Так, например, в письме от 14 февраля 1764 г. на имя чеченского владельца Расланбека Айдемирова местные старшины из селений Чечен-Аул-Лавараслан, Ида, Мата, Сулейман, Казанби, Акмирза, Урус и Мичи называют Айдемирова своим владельцем и считают себя ему подвластными. Из письма шибутских старшин на имя чеченского князя Эльмурзы Черкасского от 5 июля 1764 г. явствует также, что князю «владельцу» Девлетгирею Черкасскому были подвластны не только равнинные алдынские и герменчукские старшины и «простой народ», но и шибутские

(горный Шатой) старшины Аллам Данаев, Аджи Джанаев и др. старшины с им подвластным населением.¹⁹

При всей внешней кажущейся покорности и зависимости местных старшин от владельцев и князей, в отдельных случаях некоторые чеченские старшины открыто высказывали свое недовольство действиями владельцев или князей и даже отказывались выполнять их условия. Так, в письме от 12 января 1782 г. на имя Кизлярского коменданта А.М. Куроедова мичкизские старшины (жители чеченских сел по р. Мичик – Ш.А.) Актола, Айваза, Тонгара, Биймурза, Батрасхан, Мурза, Санби, Таштамир, Азнаур, Даут, Чопан, Солтан, Арслан, Карамурза, Амирбек, Чедахан, Ножи, Имата, Осман сообщали о нежелании выплачивать подати своим владельцам, так как местные старшины не согласны с их условиями. «...Наши владельцы с нас умеют только збирать подати, – писали старшины, – а порядочно содержать не знают как, а потому вынуждены между собою учинить присягу в том, чтобы подати им (владельцам – Ш.А.) не платить и коди²⁰ не давать».²¹

В другом письме от 18 марта 1782 г. на имя Кизлярского коменданта А.М. Куроедова гехинские старшины (с. Гехи) Казни, Канбулат, Нулук, Буртукай, Козмамат, Пуча и им подвластные крестьяне просили о разрешении переселиться им на р. Сунжу для жительства напротив станицы Наурской, куда накануне из их селения якобы переселился старшина Кайтука. В качестве пожелания русской администрации гехинские старшины указывают далее в письме о необходимости создания порядка в деревне (Гехинской) и просят определить над ними (старшинами) владельца Навруза, сына Дохтука – Мисоста, которому по существующему обычаю полагается платить подати.²²

Характерно, что в официальной переписке с царскими властями на Кавказе нетитулованные местные феодалы выступают наравне с князьями, феодалами, ханами и беями.

Можно привести еще ряд документальных источников, которые также убеждают нас в наличии в рассматриваемое время в ингушских селениях местной феодальной прослойки. Так, архивный источник за 1772 г. сообщает о том, как главные ингушские старшины обратились к царской администрации с просьбой не чинить препятствия их подвластному народу для свободного проезда для торговли в Моздок, Кизляр и т. д.²³ И далее в этом же документе говорится о том, что Кахетинский (грузинский) царь Ираклий пригласил к себе четырех ингушских старшин с вооруженными людьми.²⁴

По данным источников, с середины XVIII века среди фамильных поселений Джераховского ущелья (Калмыкав, Камыкау), Волакав (Уаллагкау), Лемат (Лхемат), Большой и Малый Вазби (Оъзми), в которых рядом с ингушами проживали осетины, одно селение носило имя кистинского (ингушского) старшины Цаука Мирзы Калмакова.²⁵

Ингуш Базар Мамилов, указывая на наследственность сословных прав ингушской социальной верхушки и знатное происхождение своей фамилии, писал, что один из его предков Даурбек поссорился с дядей своим Андом, из-за чего оставил Кистинию и переселился к джераховцам, где пользовался всеми преимуществами, какими пользовались тагаурцы (знатные осетины – Ш.А.), заключал с ними браки, брал пошлины за проезд или провоз товаров по

Военно-Грузинской дороге и управлял кавдасардами наравне с тагаурцами. После него пользовались этими правами его сын Шейлынк, внук Багамет, правнук Тач(ь) и отец наш Дударуко, которого почти ежегодно приглашал грузинский царь Ираклий.²⁶

Согласно документальному источнику 1773 г., ингушские старшины, жившие в Малых и Больших Ингушах, а именно: Сурхо Мурзаханов, Ежож Мурзаханов, Екиш Донов, Али Сереев, Мусоуст Кариев, Хам Мусоустов, Мурзабек Мурзаханов, Чара Баматов, Ташторика Гогиев, обратились в письме за помощью к царской администрации на Кавказе для отражения притязаний владельцев Большой Кабарды, требующих от подвластных старшин и их народа платить подати. На что ингушские старшины отвечали: «только они без дозволения генерала И.Ф. Де-Медема платить (подати – Ш.А.) не смеют».²⁷ В том же году в рапорте пристава при кабардинцах, премьер-майора Д.В. Таганова от 25 марта 1773 г. относительно взимания дани кабардинскими князьями с равнинных ингушей сказано: «...Ингушевский народ был издревле ими (кабардинцами – Ш. А.) завоеван, и всегда они с них (ингушей – Ш.А.) по обычаю подать брали...».²⁸

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии, как и в прежние времена, основным средством производства оставалась земля, которая находилась в различной степени собственности и в зависимости от местной социально-имущей категории населения. Наиболее крупными землевладельцами являлись, прежде всего, князья и феодалы, которым принадлежали большие земельные угодья.

В XVIII веке в Чечне наравне с князьями (элий) и крупными феодалами-землевладельцами отдельные старшины также владели большими земельными участками, покосными и пастбищными угодьями. Кроме того, так же, как и князья, и феодалы-землевладельцы, часть вайнахских старшин, которых можно сравнить по своему социальному статусу с кабардинскими тлхукотлы²⁹ (юридически свободными общинами), по-видимому, владела земельными угодьями целыми фамилиями. Земля, которой пользовались вайнахские общинники или фамилии (тайны), в рассматриваемое время принадлежала князю или крупному феодалу, и он мог по своему усмотрению либо наделить ею жителя села, либо отобрать у него.

Со второй половины XVIII века в связи с усилением в Чечне власти исконно вайнахских князей, владельцев, старшин и т. д. и ростом производительных сил, вызванных серьезными сдвигами в социально-экономическом развитии края в результате освоения равнинных земель, феодальная земельная собственность начинает распадаться и уступать место личной собственности владетелей на землю.

Как известно, земли местных князей, владельцев и старшин передавались по наследству, поскольку власть их была также наследственной. В связи с этим, надо полагать, вайнахские старшины, как и дагестанские беки³⁰, являлись не только социально-экономической опорой, но и основным ядром социально-имущей категории общества, пользовались правом на получение дополнительного пая в тех селах и обществах, где имелись общинные земли с переделами. При этом старшины получали земли по выбору и в больших

размерах. В то же время следует отметить, что земельные владения вайнахских старшин находились под контролем местных князей (элий) и крупных феодалов, так как старшины сами находились в вассальной зависимости от вайнахских князей и владельцев. В свою очередь, в вассальной зависимости от князей, феодалов и старшин находилась и другая категория социально-имущей части общества – уздени, расположенная чуть ниже на шкале феодально-иерархической лестницы.

Кроме того, в обязанности вайнахских старшин входило, по-видимому, при первой же необходимости оказывать помощь князю или владельцу и выступить на его стороне со своими вооруженными людьми (дружиной).

По своему сословному и социальному положению за старшинами шли уздени. Как известно, у разных народов Северного Кавказа в зависимости от уровня развития социально-экономических отношений понятие «узденъ» выражало неодинаковое и неравнозначное сословное и социальное содержание. Так, например, понятие узденъ у кабардинцев отождествлялось с дворянским сословием «уорки» 1-ой степени (военные слуги у князя); у аварцев понятие «узденъ» было равнозначно лично свободной социальной категории людей; в кумыкском обществе Дагестана в соответствии с различными степенями свободы и зависимости существовали четыре сословные категории узденей:

сала-уздени (средние дворяне, опора феодалов);

уздени лично свободные (две категории) – одну категорию узденей составляла основная масса лично свободных крестьян; другую – разбогатевшая часть узденей, владевшая рабами и т. д.;

четвертая категория узденей (большая часть) – юридически свободное, но фактически зависимое крестьянство.³¹

У чеченцев и ингушей в XVIII в. термин «узденъ» также выражал неоднозначное социальное понятие. Дореволюционные исследователи Голенищев-Кутузов, Дубровин, Лаудаев и др. под чечено-ингушскими узденями понимали людей вольных и независимых. Правда, другой исследователь А.П. Берже отмечал, что чечено-ингушские уздени – это дворяне.³²

Действительно, наряду с вышеперечисленной сословно-имущей верхушкой (князья, владельцы, старшины), у чеченцев и ингушей существовала и такая социально-имущая категория, как узденъ – оьзда стаг (нах), которая по своему имущественному положению стояла, по-видимому, после князей, владельцев (феодалов) и старшин и составляла, таким образом, несколько категорий. Первую категорию составляла небольшая часть свободных узденей, за короткое время пополнявшая ряды феодалов (богатых и независимых) и, в свою очередь, продолжавшая эксплуатировать непосредственных производителей. Вторую категорию узденей из числа вайнахов составляли также люди разбогатевшие, но еще находившиеся в личной зависимости от крупных владельцев, князей и старшин. И, наконец, в вайнахском обществе существовала третья категория узденей «в его первоначальном и широком смысле слова – это основная и значительная масса свободных общинников, являвшихся непосредственными производителями материальных благ».³³

Говоря о социальной дифференциации узденей в вайнахском обществе вообще, следует отметить, что документальные источники XVIII века также свидетельствуют о существовании узденей знатных и простых, главных и рядовых, богатых и бедных и т. д. Безусловно, в конкретно-исторической среде своего бытования социальное значение термина «узденъ» менялось. Однако при этом в Чечне в XVIII в. узденъ – это не только состоятельный и влиятельный человек, но и представитель обездоленной части населения вайнахов. Не случайно князья, владельцы и старшины в селе стремились опереться на знатных и влиятельных вайнахских узденей, которые пользовались в обществе большим авторитетом вследствие своего имущественного положения. Об этом, например, прямо указывает в своей реляции от 22 февраля 1749 г. на имя Кизлярского коменданта генерал-майор князь Эльмурза Черкасский, заявляя, что «всегда чеченская деревня силу имеет своими узденями».³⁴ Более того, развивая и углубляя свои наблюдения за деятельностью чеченских узденей, тот же генерал-майор спустя 15 лет в письме от 16 декабря 1764 г. на имя Кизлярского коменданта Н.А. Потапова сообщает о своеобразных взаимоотношениях, которые существовали между чеченскими владельцами и узденями. В частности, он отмечал, что чеченские уздени являлись, как правило, выходцами из лучших и сильных фамилий. Они могли свободно, по собственному желанию проживать «в ведомстве» любого вайнахского владельца, т.е. в зависимости от личных связей, симпатий и политической ориентации того или иного владельца, уздени со своими семьями могли свободно уходить жить во владение любого владельца.³⁵ Приведенный факт свидетельствует о том, что данная категория узденей являлась относительно свободной, лично независимой частью или прослойкой вайнахского общества.

Документальные источники за 1749 – 1751 гг. свидетельствуют о том, что многие чеченские и ингушские владельцы и князья имели при себе знатных узденей. Так, например, известный чеченский владелец Айдемиров имел при себе знатного узденя по имени Кучук³⁶; владелец Алибек Казбулатов содержал при себе узденей Мурзакаю Сунгурова, Казыхана Казылева, Али-Исхана Бисакаева, Юнуса Челчика; князь Мудар имел узденей Абата Ильясова, Аббата Козиш³⁷, Махмуда Замицуева³⁸ и Актулу Турлова³⁹; крупный чеченский владелец Герменчукской деревни Девлетгирей Черкасский имел при себе знатных узденей Кулая Баматова⁴⁰ и Бамата Чоматова⁴¹. В одном из донесений за 1760 г. на имя Кизлярского коменданта от подвластных чеченского князя (владельца) Эльмурзы Бековича Черкасского, знатных узденей Бомата Усеинова и Курман-Али Менкишиева указывалось, что оба они посланы своим князем с товарами для торговли в Большую и Малую Кабарду.⁴²

В рассматриваемое время, надо заметить, были отдельные знатные вайнахские уздени, которые сами, будучи под властью местных князей и владельцев, имели у себя собственных холопов, используемых для хозяйственных работ или на продажу. В рапорте Кизлярского коменданта Н.А. Потапова в Государственную Коллегию Иностранных дел от 17 апреля 1765 г. сообщалось, что во владении чеченского владельца Р. Айдемирова проживает 4 узденя – Чепал Черкасов и Умар Муруев с братьями, а с ними их собственные холопы – 92 человека (60 мужчин и 32 женщины)⁴³. В документе

за 1775 г. говорится о том, что у чеченского владельца Алихана Алибекова из с. Большой Чечни имеется во владении 20 узденских дворов, а у чеченского уздени Акмузы Мамулатова во владении имеется 4 двора холопов ему подвластных, а в деревне Карабулакской знатным узденем на правах владельца является Бузурта Фиразов.⁴⁴

Князьям и феодальным владельцам в плоскостной Чечне служили также уздени из числа горных чеченцев и ингушей. Так, житель горной Чечни из знатной фамилии (рода, тайпа) Цонтарлы (Цонтарой – Ш.А.) Шамурза Тамарзоев являлся узденем землевладельца из плоскостной Чечни Расламбека Айдемирова и находился в вассальной зависимости от него.⁴⁵

Интересные сведения сообщает документ за 1755 г. о том, как один из знатных мичкизцев, чеченец по имени Юсуп, проживавший в Чечне, одновременно являлся узденем у брагунской княгини (владелицы) Кичебеки и приезжал по необходимости в ее владение. Уздень Юсуп имел свой личный двор, имение в деревне Брагунской. «Живущий в Брагунской деревне одного чеченца Бекея ближний свойственник (родственник – Ш.А.) мичкизец Юсуп, – говорится в донесении от 14 января 1755 г., – у владелицы Кичебеки почитается за узденя..., и двор его Юсупа ныне весьма часто в Брагунскую деревню приезжает для свидания с нею, владелицей».

В 70 – 80 г. XVIII в. во многих вайнахских обществах возрастает роль знатных узденей, приобретающих такие же сословные права и имущества, что и владельцы, и князья. Царская администрация на Кавказе поддерживала со знатными узденями такие же контакты, что и с князьями, и с владельцами, и при случае не упускала возможность приласкать местную верхушку в лице узденей деньгами или подарками. Так, по свидетельству документа за 1771 г., чеченскому узденю Байзе, который был проводником и охранником представителей царской администрации, следовавших в Ингушетию, а также способствовал склонению карабулакских жителей в подданство ее Императорского величества, выдали 20 рублей деньгами.⁴⁷

В рассматриваемое время во владениях богатых узденей находились достаточно большие земельные угодья, которые значительно превосходили земельные участки вайнахских крестьянских общинников. Как известно, знатные уздени являлись опорой вайнахских князей, владельцев и старшин, исполняли различные непростые должности во владениях князей и владельцев, за что последние могли пожаловать им дополнительные земельные угодья в пожизненное или наследственное пользование. Кроме того, богатые уздени эксплуатировали труд простых феодально-зависимых крестьян.

В XVIII веке в вайнахском обществе зафиксирована также сословно-имущая, социальная категория «чанка». «Чанкой» называются горцы Северного Кавказа и дети шамхалов, ханов, уцмиев и других владельцев-беков, рожденные от брака с незнатной женщиной. Это, в частности, касается Дагестана.⁴⁸ По своему социально-имущественному положению «чанка» стоял ближе к вайнахским владельцам и старшинам. Так, например, в одном из архивных документов 1771 г. сообщается о том, как жители деревни Девлеттиреевской (ныне с. Старый Юрт) и чанка Боташ Исмаилов вместе с другими проводниками из числа знатных чеченских и ингушских владельцев и старшин

сопровождал экспедицию царских властей во владения карабулаков и осетинского старшины, к его сыну Дударуко с целью приведения их к присяге.⁴⁹ Чанке Боташу Исмаилову из Девлеттиреевской деревни, – говорится в документе, – за участие его в качестве проводника администрации к месту обитания карабулаков и осетин было отпущено царскими властями для поощрения 23 рубля, а узденю Байзе из чеченской деревни (видимо, с. Чечен-Аул) за тоже самое дело – 20 рублей.⁵⁰

Приведем еще один пример, связанный с социально-имущей категорией «чанка». Так, в письме чеченского старшины д. Амирхановской Зорокая Бисолтанова на имя Кизлярского коменданта А.М. Куроедова от 28 июня 1782 г. им высказана просьба к царским властям о том, чтобы определить владельцем в деревне Амирхановской Расламбека Айдемирова или его сына. В то же время старшина З. Бисолтанов и подвластные ему жители указывали на том, что находившийся у них во владении чанка Алихан открыто претендует на принадлежность ему якобы этих мест. «И спорит с нами чанка Алихан, – сообщает далее в документе Бисолтанов, – тут де есть мое место (владение – Ш.А.). А его места совсем нет, только напрасно нас обижает».⁵¹

Отметим также, что чеченские «чанки» в рассматриваемое время, по-видимому, владели теми землями и имуществом, которые могли им достаться в наследство от своего отца.

Другую сословно-привилегированную категорию вайнахского общества составляло мусульманское духовенство в лице мулл, кадиев и шейхов. В рассматриваемое время оно было еще, по-видимому, относительно малочисленным. Во всяком случае, до выступления горцев Северного Кавказа под руководством шейха Мансура в 1785 – 1791 гг. не представляется возможным сказать, был ли в каждом вайнахском селе, как в горах, так и на равнине, мулла или кадий, или они имелись только в больших селах.

Мусульманское духовенство в этот период было далеко неоднородным. По всей вероятности, отдельные сельские муллы или кадии обладали земельными и другими угодьями. Так, в письме чеченского владельца Расламбека Айдемирова на имя Кизлярского коменданта от 26 августа 1762 г. среди прочих знатных влиятельных фамилий узденей селений Алды, Чечен-Аула и Топли называется фамилия одного из мулл с. Алды Исханова, причем сын его Эльдерхан называется еще и узденем.⁵² В конце XVIII в. источники называют в Чечне (с. Шали) знатных и влиятельных мулл и хаджи – Умар-Хаджи, Ногай Мирза-Хаджи, Бисултан-Хаджи и Хамби-Хаджи, совершивших в свое время паломничество (хадж) в Мекку.⁵³

Так же, как и у северокавказских народов, мусульманское духовенство в Чечне играло определенную главенствующую роль в обществе. Оно могло вмешиваться в дела князей и владельцев и принимать по ним независимые решения. Но зато ни князья, ни владельцы не могли вмешиваться в права и привилегии духовенства, ибо это считалось посягательством на предписания ислама.

Духовными лидерами, как правило, выбирались люди, знающие шариат. В материальном плане некоторые духовные лица зависели от князей и владельцев. В то же время они получали от простых крестьян часть урожая или

другие различные вознаграждения за исполнение религиозных обрядов. По-видимому, в конце XVIII века во всех крупных селах и обществах имелись муллы и кадии. Духовные лица в селах обучали детей в начальных школах (хьуьжар) за плату. Кадии производили суд по шариату в противовес суду по адатам, совершаемому сельскими старшинами и владельцами. О привилегиях местных мулл и кадиев говорит тот факт, что они не отбывали никаких повинностей в пользу князей, владельцев и старшин. Сельские мечети в Чечне имели свои земли, называемые вакуфными. Ими распоряжались кадии и муллы, доход, получаемый с них, использовался для нужд мечети. Десятая часть от сбора урожая крестьянина в виде дохода от заката также поступала в мечеть. От группы дворов или с каждого двора, в зависимости от общего количества их скота, в пользу мечети выделялся также крупный и мелкий рогатый скот.

Так же, как и в Дагестане,⁵⁴ местные муллы, кадии и шейхи получали различные подарки, подношения или вознаграждения во время мусульманских праздников, свадеб, при заключении брака по шариату, при разделе имущества семьи, при похоронах и т. д.

Со второй половины XVIII в. в Чечне параллельно с меновой торговлей все большую роль стала приобретать денежная торговля местных жителей с российскими купцами и соседними народами, вследствие которой в вайнахском обществе стала складываться другая, весьма влиятельная социально-имущая категория – купечество. К ней относились местные торговцы, купцы (совдегар – чеч.). Документы этого времени сообщают о том, что вайнахи приезжали для торговли с казаками, имея целые обозы товаров. Так, например, в 1751 г. царские власти на Тереке не пропустили без соответствующего билета к соседним казакам для продажи своих товаров чеченца из с. Алды Цукания Кичиева с 20 арбами.⁵⁵ Необходимость для чеченцев любыми способами сбыть свой товар была столь настоящей, что они целыми толпами с огромным количеством обозов «толпились» на берегу Терека у русской границы. Власти вынуждены были даже сдерживать их натиск вооруженной силой, и временами представителям военной администрации приходилось «ехать с казаками на ту сторону реки и всех отбить прочь».⁵⁶

Вместе с развитием производительных сил в крае возрастало и имущественное неравенство среди чеченцев и ингушей. Таких богатых людей, как упомянутый торговец Цуканий Кичиев с двумя десятками арб товаров, в Чечне уже было немало. Этот слой населения, так же, как и широкие массы, не мог быть доволен существующими феодальными и родовыми препонами на пути своей деятельности. Самое широкое развитие производства прибавочного продукта и появление его в столь значительных количествах на рынке означало преодоление горами замкнутых натуральных феодально-родовых хозяйственных отношений.

В рассматриваемое время у чеченцев и ингушей было и такое социально-имущее сословие, как «жрецы» – цлой (цой). Сословие жрецов составляло, естественно, социально-имущую категорию Чечни и Ингушетии. Известно, что мелхинский «город Мертвых» (Щой-пхьеда) означает местопребывание жрецов. Вайнахские жрецы разбирали здесь различные междоусобные споры и тяжбы. По-видимому, за участие в судебных делах и разбирательствах в

вайнахских обществах жрецы получали от местного населения различные подношения и подарки в качестве вознаграждения. Жрецы (ц1ой) пользовались у местного населения большим уважением и авторитетом и располагали в селе определенной частью земельных угодий и пастбищ.

Истории известны такие места, где, начиная с средневековья и до середины XIX века, соби́рался для разбирательства тяжб «Совет страны» (Мехк-кхел) из жрецов и других влиятельных и авторитетных людей, например, Мааста, Мизир-Корта, Кхеташ-Корта у с. Центарой и т. д. Эти места почитались как древние языческие святыни, где до того собирались жрецы. И храмы здесь, как правило, носят названия своих первых жрецов.⁵⁷ С конца XVIII века (начало движения горцев Чечни во главе с шейхом Мансуром в 1785 г.) социальная база жрецов в вайнахском обществе начинает резко сужаться, ибо на смену жрецам приходят последователи ортодоксального ислама – ученые алимы (богословы).

Почти все устно-поэтическое творчество вайнахов изобилует различной социально-сословной терминологией, что свидетельствует о далеко зашедшей имущественной дифференциации в вайнахском обществе. В основе значительного числа вайнахских героико-исторических песен «Йлли» представлен бедный, незащищенный горец, противопоставленный верхушке богатых и сильных односельчан, которые стояли над всеми бедными и неимущими и именовались тхамадами (глава, руководитель), бабччами (вождями отрядов военных походов), князьями (элий) и т. д.

По всей вероятности, упоминаемые нами выше горские военные вожди (бабччи) в вайнахском обществе в рассматриваемое время являлись ни кем иным, как социально-имущей категорией людей. Дело в том, что в XVIII в. наиболее знатные и известные в Чечне «бабччи» (военные вожди) имели свои дружины. Они совершали набеги и походы в чужие страны, разоряли аулы, уводили скот и пленных людей. Многие из числа «бабччей» превращались таким образом в крупных феодалов, имевших свою власть и богатство. Источники недвусмысленно говорят о том, что в рассматриваемое время отдельные вайнахские отряды во главе с «бабччи» не раз уходили в Грузию, и грузинские цари использовали в походах военные отряды горских вождей в качестве своих вассалов. Некоторые же ингушские старшины, находившиеся на службе у грузинских царей, получали даже твердое жалованье от царя Ираклия II.⁵⁸

Высказывались также предположения относительно существования у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время и такого сословно-социального термина, как «б1абхo» (воин). Об этом писал в свое время дореволюционный исследователь Н. Семенов⁵⁹. Это же утверждает относительно чеченцев-карабулаков другой дореволюционный исследователь С. Броневский. Он отмечает: «По преданиям, существующим между горскими народами, карабулаки в древние времена составляли сильное воинское колено (сословие – Ш.А.), которое уважалось соседними народами не только за их храбрые дела, но и за соблюдение ими в обществе справедливости... Они были богаты скотом, и от произведения земли достаточно получали пропитание ...»⁶⁰. Более того, в вайнахском языке широко бытовало еще несколько терминов, обозначавших

социальное понятие категории «б1аьхой» (воина или стражника) – «г1ой» (гой); хой, б1о (бо), «г1езихой» (гезихой), эскар (эскархо). Надо полагать, что в этом значении в древности употреблялись также слова «ковр» и «сур». Безусловно, анализ социального содержания термина «воин» или «стражник» (б1аьхо) дает нам основание отнести его к социально-имущей категории вайнахского общества.

§ 2. Социальн-зависимая категория общества

Обратимся теперь к категории социально-зависимых людей в вайнахском обществе в рассматриваемое время. Одним из самых древних социальных терминов, обозначавших людей сословно-зависимой категории, является «лай» – раб. Упоминания о рабах (лаях) встречаются в древних преданиях чеченцев и ингушей, которые сообщают сведения о благородных и неблагородных чеченцах. Благородных называли – «Оьзда нах», а неблагородных – лаями (рабами). Сословие «лаев» сохранилось в Чечне вплоть до XIX века. Можно предположить, что слово «лай» происходит от вайнахского слова «ла» – терпеть; «лай» – вытерпел. Страбон применительно к Иберии (Грузии) считает, что «лаон» – это, как правило, зависимое сословие, «образовавшееся в результате завоеваний инородных племен»⁶¹.

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии, если пленник – «йийсар», принадлежавший к другому племени, не мог быть выкуплен его близкими, он оставался у того, кто брал его в плен, и превращался в раба. Пленник «йийсар», превращенный в раба, здесь именовался «лаем».⁶² Лай был лишен элементарных человеческих прав. Он не имел своего дома; ему разрешалось, согласно преданиям, возводить лишь пристройку к дому своего хозяина. Он также не имел права жениться, не имел земли, не имел своего сельскохозяйственного инвентаря, не имел права решающего голоса в соответствующих общественных органах управления и т.д. По преданиям «лай» вовсе не должен был носить оружие; если лай вырастит скакуна, то кто-либо из «оьзда нах» могли запросто обменять его на быка⁶³ и т. д.

В XVIII веке среди чеченцев и ингушей сословие «лаев» было не так уж распространено. К концу XVIII века лаи фиксируются лишь в горной Чечне, в частности, в Чеберлое. Но и здесь к этому времени традиционное сословное деление общества в имущественном отношении резко совпадает с классовым. Среди бывших лаев встречались богатые, а среди «оьзда нах» (свободные люди) – бедные.⁶⁴ Были случаи, когда лаи из целого селения, например, из Чеберлоевского селения Цикарой, жили богаче, чем «оьзда нах». Были и такие случаи, когда лаи селения Цикарой хотели породниться со «свободными людьми» (оьзда нах) из селения Макажой, но последние, хотя и были беднее цикароевцев, неохотно желали породниться с ними из-за их якобы низкого происхождения.⁶⁵

Некоторые сведения о наличии рабов (лаев) в Чечне в рассматриваемое время дают документальные источники. Так, в письме на татарском (кумыкском – Ш.А.) языке Герменчукского владельца Девлетгирея Черкасского на имя Кизлярского коменданта Фрауендорфа от 11 августа 1753 г. сообщалось

о том, что в селении чеченца Шахгирея, находившегося в зависимости от владельца «Турлова сына», проживала семья Чукаевых, которая происходила из лаев⁶⁶. Лаи (рабы) как дармовая сила пользовались определенным спросом на меновом рынке. Так, например, в октябре 1758 г. чеченец Тувадук Зурмаутов фамилии (тайпа) Цувантурлы (Цонтарой – Ш.А.) из сел. Чечен-аул продал в Кабарду (Тамбиев кабак) двух рабов (лаев) за 240 баранов. Там же в это время Солтан Марашев фамилии (тайпа) Ширди из селения Герменчук продал одного ясыря (пленника) за 114 овец и одну лошадь. «Было время, – сообщает документ, – когда рабов (лаев) продавали за 7 аршин ситца.⁶⁷ Однако в связи с тем, что царская администрация препятствовала работорговле, цены на рабов во второй половине XVIII в. значительно возросли».⁶⁸

В XVIII – нач. XIX в. у чеченцев и ингушей была и такая категория зависимых людей, как «йийсар» (чеч.) – пленник, невольник, по-видимому, от тюркского слова «ясырь» (пленник). Действительно, ясырями, как правило, являлись пленные горцы – иноплеменники, а также представители царских властей. Ясырями могли быть чеченцы и ингуши, захваченные враждовавшими между собой обществами. Как правило, они не имели своих семей. Ясырей можно было продать, подарить, но убийство их запрещалось общественным мнением⁶⁹. По истечении определенного времени, если пленный верно отслужил своему хозяину, то последний мог наделить его земельным участком с выплатой натуральной ренты. Тем самым ясырь приобретал право поставить свой собственный дом, иногда даже башню, но незавершенную, и обзавестись семьей своей. Потомство его именовалось «есар бераш» (дети ясырей – Ш.А.). Оно всегда было в долгу перед семьей похитителя и вносило подать за пользование земель, отправляя и личные повинности⁷⁰. В том случае, когда родственники не желали или не имели возможности выкупить ясыря, он превращался в лая и оставался в доме своего хозяина в качестве работника, а через некоторое время получал в аренду участок земли и обзаводился своим собственным хозяйством. «Оставленный на произвол судьбы пленный, – указывают исследователи Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, – сам уже терял желание возвратиться домой, предпочитая оставаться у хозяина. Во всех случаях оставления на работу «йийсар» (ясырь) именовался «лаем». Лаем же он именовался и после того, как получал право владения на средства производства...».⁷¹

Мысль о социальной неравнозначности категории людей, называвшихся в вайнахском обществе «лаем», холопом, «ясырем» и азатом, высказал еще ранее дореволюционный автор Ф.И. Леонтович. Он указывает, что ясырь может быть выкуплен и возвратиться на родину, тогда как лай, забывший свое происхождение, без связей с отечеством своих предков составляет неотъемлемую собственность своего господина. Положение лаев в Чечне – то безусловное рабство, которое существовало в древнем мире. И далее автор сообщает некоторые подробности о категории «лаев». «Несмотря на унижение, в котором находятся лаи, рабское происхождение не почитается постыдным», – пишет автор. – Дети отпущенника пользуются всеми правами вольных и равны всем. Правда, они не имеют ни веса, ни значения, потому что и то, и другое основано в Чечне, как и в Дагестане, на многочисленности родства. Отпущенник

же – человек одинокий, которого легко обидеть, оттого он большей частью пользуется свободой, не покидает своего бывшего хозяина, берет в замужество одну из дочерей или родственниц его и поселяется при нем как член его семейства. Для того, чтобы отпустить раба на свободу, – указывает далее Ф.И. Леонтович, – необходимо предоставить ему письменную отпускную, составленную кадием и скрепленную двумя свидетелями (по-видимому, письменными подтверждениями свидетелей – Ш.А.). Когда же раб откупается, обязательно соблюдается тот же обряд, при котором откупные деньги вручаются кадию села, который передает их владельцу раба. С этого времени отпущенник (выкупленный) называется «азатом».⁷²

Как видим, со дня официального освобождения «лая» (холопа), т. е. приобретения им юридического права независимости от своего бывшего хозяина – владельца, он по-прежнему продолжает пополнять эксплуатируемый класс людей и образует новую социально-зависимую категорию людей, именуемую в чеченском обществе – «азат». И если лай-отпущенник (азат) не пользовался особым уважением и авторитетом, не имел права голоса в официальных общественных органах села или общества, то это не распространялось на детей «азата». Напротив, дети «азатов» пользовались в вайнахском обществе всеми правами коренных жителей Чечни и Ингушетии.⁷³

В одном из рапортов на имя коменданта Кизлярской гражданской канцелярии от 30 марта 1750 г. указывается на то, как владелец чеченского селения Аллы Цуканий Кичиев имел пленных ясырей – афганца Комара Куркаева и персианина Ахлавьерды⁷⁴, которых он использовал в качестве холопов. В присланном летом 1751 г. в Кизлярскую гражданскую канцелярию письме владельца Герменчукского селения Девлетгирея Черкасского также содержится просьба о том, чтобы вернуть бежавшего от него знатного узденя Бамата Шабанова черкесского ясыря Ахлавьерды...⁷⁵, находившегося у него также, по всей вероятности, на положении холопа. В рапорте от 15 сентября 1750 г. на имя Кизлярского коменданта сообщается о том, что другой чеченский владелец Расланбек Айдемиров имел при себе пленного персианина – ясыря по имени Акбас Байсикулов⁷⁶, которого он также использовал у себя в качестве холопа.

Интересно отметить, что в тех же официальных рапортах приводится предписание Кизлярского коменданта чеченским князьям и владельцам, чтобы они впредь таковых персиан в холопство не покупали и у себя не держали в неволе⁷⁷. Видимо, местные князья и владельцы, кроме всего прочего, покупали ясырей и на невольничьем рынке, а затем использовали их в своих хозяйствах в качестве холопов.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы и опубликованные источники позволяют утверждать, что в XVIII в. в вайнахском обществе была и такая категория зависимых людей, как холопы, которые по своему социальному положению, по-видимому, стояли на одном уровне с лаями. В большинстве случаев холопы, которыми становились захваченные в плен люди (ясыри), были людьми нечеченского и неингушского происхождения. Так, в письме, поданном Кизлярскому коменданту Оболенскому от чеченского владельца Расламбека Айдемирова от 25 августа

1747 г., содержится просьба о том, чтобы вернули его холопов – и мужчин и женщин, находившихся в Кизляре. «...Я, не ведая, что они (холопы – Ш.А.) христианского закона, – указывает в письме Айдемиров, – купил их, а продал мне их Акмурза за ногайцев...; оставшиеся от моего деда магометанского закона холопы бежали, и Вы, милосердие, мне тех холопов деньгами возратить прикажите...»⁷⁸. Кроме того, в одном из документов того времени приводится краткое сообщение о результатах опроса одного из холопов владельца Герменчукской деревни Девлетгирея Черкасского в Кизлярской гражданской канцелярии от 19 июля 1751 г. Холоп рассказал, что «зовут его Данбек Шапотоев, что он сын хана Шедерлама Запсулга Арыктун, калмычанин, его взяли в плен и продавали разным людям...».⁷⁹

Можно с полным основанием утверждать, что вайнахский термин «лай» и русский термин «холоп» равнозначны по своему социальному содержанию. Как свидетельствуют дореволюционные источники, и рабы, и холопы, принадлежавшие чеченским и ингушским князьям и владельцам, как правило, являлись выходцами из среды другой национальности, попавшими в свое время в плен. Холопов использовали в хозяйствах не только князья и владельцы, но и знатные вайнахские уздени и старшины.

Рассмотрим более подробно сообщение дореволюционного источника о социальном статусе «холопа» в вайнахском обществе. В рассматриваемое время холоп не считался в полном смысле слова членом общества, а являлся всего лишь вещью своего хозяина, имевшего над ним безграничную власть. Холоп (лай) мог быть продан, наказан, лишен жизни по воле своего хозяина. Приобретенная холопом (лаем) вещь могла быть его собственностью до тех пор, пока его хозяину не вздумается присвоить ее себе, поскольку и он, и его труды, и вся его жизнь принадлежит владельцу. Какобы бы ни были притеснения со стороны хозяина, холоп не имел права покинуть его и переселиться к другому. Иногда случалось, что холоп от страха жестокого наказания убегал от хозяина и просил защиты у какого-либо сильного и уважаемого в обществе человека. Такой человек принимал холопа (лая) к себе в дом, становился его заступником и просил его прежнего хозяина смягчить свое наказание и быть более милостливым. Таким образом, заручившись поддержкой в своей просьбе у владельца, он отпускал холопа обратно к нему. Защитник холопа не мог удерживать его у себя против воли хозяина, опасаясь преследования за якобы совершенное воровство.⁸⁰

Многочисленные документальные источники XVIII века свидетельствуют о том, что вайнахские князья, владельцы (феодалы), богатые уздени при разных обстоятельствах (будь-то сельскохозяйственные работы в горах, работы в собственном дворе феодала (владельца) или же работы на выезде за пределы своей территории по своим хозяйственным и другим делам) везде и всюду использовали только холопов (лаев) в качестве дармовой силы. В одном из документов от 9 января 1726 года читаем, что окоченской (чеченской) узденке из г. Терки Саламовой со своей холопкой после уплаты определенной пошлины царской администрацией разрешено проехать до Аксая для свидания с ее родственниками.⁸¹ В другом документе, датированном 24 февраля 1726 года, говорится также, что чеченской узденке из г. Терки Бабуше Адрамановой

(также после уплаты соответствующей денежной пошлины царской администрации) разрешено со своей холопкой Черхиковой да еще с двумя людьми поехать до Аксая для провожания дочери.⁸²

В письме Кизлярского коменданта на имя чеченского владельца Расламбека Айдемирова от 22 ноября 1762 г. среди прочих карабулакских жителей, участвовавших в заготовке сена для скота, назван знатный карабулакский уздень⁸³ со своим холопом⁸⁴. Или еще другой факт. В письме Герменчукского владельца Девлетгирея Черкасского на имя Кизлярского коменданта Н.А. Потапова от 11 ноября 1764 г. говорится, что уздень его по фамилии Курманалиев имеет у себя беглого «холопа по имени Бомат...».⁸⁵

Князья, владельцы, старшины и богатые уздени жестоко эксплуатировали горцев-холопов. В результате чего участились побегі последних в Кизляр.⁸⁶ Так, например, в январе 1781 г. старшины Большой Чечни и Аджи-Аула письменно просили Кизлярского коменданта Куроедова: «Ежели будут наши холопы магометанского закона от нас убегать и являться в российских границах, оных отдавать обратно...».⁸⁷

Вайнахские старшины в своих прошениях часто называют зависимых крестьян «холопами». Бегство последних, безусловно, было вызвано жестоким угнетением со стороны социальных верхов. Все это свидетельствует о наличии важнейших признаков феодального общества в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время.

К социально-зависимому сословию относятся также «рабочие люди». Архивные материалы XVIII в. называют их работниками или работницами. Среди материалов, выявленных нами в архивном фонде «Кизлярского коменданта» (Республика Дагестан), определенный научный интерес по данной проблеме представляет специальная «Книга для учета пошлин, взимаемых с проезжих жителей» (с января по май 1726 г.). Книга эта примечательна тем, что сюда заносились царскими властями фамилии знатных и влиятельных окочанских (аккинских) владельцев и узденей с их холопами и работниками, обитавшими в г. Терки и приезжавшими для торго в крепость Святой Крест, Аксай и в гребенские казачьи городки. Известно, например, что в «Книге для учета пошлин, взимаемых с проезжих жителей» сообщается о том, что 9 февраля 1726 года с жителя г. Терки оконченца (чеченца) Курмана Богоматова «да при нем жена его Кихата Арасланбекова с их двумя работниками и работницами, которые были пропущены властями через заставу для торго в Аксай, была взята соответствующая пошлина».⁸⁸ Среди знатных и влиятельных окоченских владельцев, старшин и узденей из г. Терки называются следующие: Суркай Усманов с его двумя работниками; Умар Менкишиев с одним работником, Бабуша Абдурахманова с холопкой и двумя работниками, Бамат Касканов с одним работником, Ибрагим Гиреев с одним работником, Махмуд Мусаев с двумя работниками и т. д.⁸⁹ По всей вероятности, и холопы, и работники, и беднейшая часть узденства в хозяйстве князей, владельцев, старшин и богатых узденей выполняли одну и ту же работу и пользовались в основном одинаковыми правами. Однако, на наш взгляд, работники были менее зависимы от своих владельцев, чем холопы или лай.

Говоря о развитии социальных (феодалных) отношений в Чечне в рассматриваемое время, очень важно рассмотреть вопрос о том, как же все-таки осуществлялась на деле феодальная эксплуатация между социально-зависимой прослойкой общества и феодализирующейся частью населения? Был ли на самом деле юридически чеченский крестьянин лично зависим от своего феодала или владельца?

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии, как нам известно, отсутствовало крепостное право в той классической форме, в какой оно существовало в дореволюционной царской России до 1861 года. Зато испокон веков здесь существовала сословная неполноправность, которая, по сути, мало чем отличалась от крепостного положения. Тем более, что на службе у эксплуататорской верхушки находились такие влиятельные силы, как религия и адаты.

В Чечне в XVIII – нач. XIX в. в силу специфических условий развития общества и отсутствия государства со всеми надлежащими атрибутами, не было государственного аппарата принуждения, а потому «феодално-зависимое положение непосредственного производителя не было закреплено юридически в форме закона, который давал бы феодалу право лично подчинить крестьян своей власти и внеэкономически принуждать их работать на себя».⁹⁰ Хотя крестьянин был формально свободен, фактически же он зависел от владельца и феодала, которые различными способами заставляли его отбывать в свою пользу всевозможные повинности.

Сословная неполноценность зависимой категории людей выражалась, в основном, во взимании с них различных видов феодальной ренты: продуктовой (натурального оброка), отработочной (барщины) и денежной (денежного оброка).

Для Чечни в рассматриваемое время самым распространенным видом повинности оставался натуральный оброк в виде ясака, известный как подать, налог. Одновременно существовала и отработочная рента. Однако денежный оброк взимался сравнительно редко. В вайнахском обществе одновременно существовали все перечисленные виды повинности. Судя по документальным сведениям, самым популярным видом продуктовой ренты, получаемой вайнахскими владельцами от своих подвластных, во всех горских владениях был ясак.⁹¹

Дореволюционный исследователь истории чеченцев и ингушей У. Лаудаев отмечал, что ясак или подать платили жители по условиям владельца; условия эти, смотря на обстоятельства, т. е. большее или меньшее влияние князя на страну, изменялись, подати увеличивались или уменьшались. Обыкновенно платили от количества рогатого скота, овец, лошадей и проч. Бывали примеры, когда от количества овец платили 3 %, от скота – 1 %, случалось, что от овец давали только 1 %, а от скота ничего не платили.⁹²

Часть чеченцев, поселившаяся в верховьях рек Акташа и Ярухсу, платила кумыкским князьям дань баранами и обязательно должна была давать вспомогательных воинов.⁹³ Размер ежегодного натурального оброка, вносимого крестьянами аксаевским (кумыкским) князьям во второй половине XVIII века, достигал одной мерки (бустург) пшеницы от каждого урда (около 0,5 га)

посевной площади.⁹⁴ В одном из документов, датированном 1773 г., читаем: «Ингуши утверждали, что платили кабардинским князьям со двора по барабану, а у кого нет, то на одну косу железа...».⁹⁵

Существенным источником доходов для местных владельцев и князей являлась отработочная рента – барщина. Документальные сведения середины XVIII века сообщают нам, что жители различных сел по нескольку дней работали всенародно, «по своим обычаям для пахания на владельца» и «посеяния хлеба»⁹⁶, а живущие по правому берегу реки Терека чеченцы своим владельцам и князьям «дань платят баранами», и выделяют с каждого двора рабочего на один день к посеву, жатве, сенокошению в хозяйстве феодала.⁹⁷ Другой документальный источник, относящийся к указанному времени, повествует о том, что карабулаки, поселившиеся у кумыков, князьям последних «особенной дани не платят, кроме поставки вспомогательных воинов и на один день с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокошению».⁹⁸

Наряду с выполнением отработочной и продуктовой повинностей, зависимое вайнахское население платило своим владельцам и князьям также и денежную ренту, что было для него весьма обременительно. По свидетельству одного из документов того времени, ингуши, выселившиеся на равнину, должны были платить своему князю по одному рублю с хозяйства. Князь обязан был защищать их от внешних врагов.⁹⁹ Другой документ этого же периода сообщает, что ингуши, переселившиеся на р. Сунжу, должны были давать аманатов кабардинскому князю Батокко Жанботову и одновременно приносить в его пользу с каждого двора по одному рублю серебром и по две мерки проса¹⁰⁰.

Из всего сказанного можно резюмировать, что в указанный период в вайнахском обществе сформировались и четко обозначились два антагонистических социальных класса: с одной стороны, социально-имущие сословные верхи (эксплуататоры) в лице князей, феодалов (владельцев), старшин, богатых узденей, чанков, торговцев (купечества), духовенства и т. д., а с другой – социально-зависимые сословные низы (эксплуатируемые) в лице лаев (рабов), ясырей, холопов, азатов, работных людей, бедных узденей и т. д. В то же время в обществе сохранялась зажиточная часть узденей, которая продолжала еще находиться в вассальной зависимости от крупных и влиятельных князей и феодалов. Значительная часть вайнахских крестьян-общинников оставалась еще свободной. Сословные верхи в зависимости от своего происхождения, размеров владений и положения, занимали различные места на феодальной иерархической лестнице.

Как в горах, так и на равнине все зависимые крестьяне отбывали различные феодальные повинности и подати. Во всех феодальных владениях и союзах сельских обществ Чечни существовала отработочная повинность. От излишков своей продукции зависимые крестьяне отдавали владельцам и крестьянам повинности в виде тайповой помощи, дарения и различных приношений. При всем этом господствующей формой феодальной ренты XVIII в. в Чечне оставалась продуктовая рента, которая базировалась на феодальной собственности на землю и зависимости крестьян от владельцев и князей.

Использованная литература и источники:

1. Исаева Т.А. К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX вв. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1. Грозный, 1978, с. 128.
2. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 177.
3. Харадзе Р.Л., Робакидзе И.А. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник (КЭС), Ч.2. Тбилиси, 1968, с. 132.
4. Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Известия ЧИНИИЯЛ. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии, Т.9, Ч.3, Вып.1. Грозный, 1974, с. 68-69.
5. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, с. 18.
6. Ахмадов Ш. Б. Ук. соч., с. 69.
7. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1772 г. по 1803 г., ч. 1, СПб., 1869, сс.260-261,300.
8. ЦГВИА, ф.52, оп. 1/197, д.243, лл.8-8об, 9об; д.481, ч.2, лл.82-82об.
9. Саидов И.М. Ук. соч., сс.275-276.
10. Броневский С. Ук. соч., с. 181.
11. Броневский С. Ук. соч., сс.181-182.
12. ЦГАДА, ф.23, оп.1, д.13,ч.6а, лл.337-337об.
13. ЦГВИА, ф.52, оп. 1/197, д.408, лл.162-162об.
14. Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1. Башкирские восстания в XVII – первой половине XVIII вв., М. – Л., 1936, с.241.
15. АВПР, ф. «Сношения России с Грузией», оп. 110/1, д.5, лл.26 - об.27.
16. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.4282, ч.1, л. 122.
17. Там же, ф.37,9, оп.1, д.799, л. 52.
18. Там же, ф. Кизлярский комендант, д.3260, л.52.
19. Там же, ф. Кизлярский комендант, д.3272, л.69.
20. Коди-подать, 90 фунтов зерна с посева однодневного пахаря в Грузии, т. е. с половины десятины земли.
21. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.1, д.1169, лл.20-20 об.
22. Там же, д.1183, лл.10-10 об.
23. АВПР (Архив Внешней политики России), ф. Ингушские дела, оп.114, д.1, лл.55-55об.
24. АВПР, ф. Сношения России с Грузией, оп. 110/1, д.5, л. 10.
25. История осетин в документах и материалах, т.1, Орджоникидзе, 1967, с. 115; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XIX в., М.,1974, с.144.

26. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 145.
27. Материалы по истории Осетии XVIII в. Известия СОНИИ, т. 6, Орджоникидзе, 1934, сс.157-158.
28. АВПР, ф. Кабардинские дела, 1769 – 1777, оп. 115/2, д.21, л.238.
29. История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, М., 1967, сс.148-149.
30. История Дагестана, т.1, М., 1967, сс.317-318.
31. Кавказский этнографический сборник, т. 2, Тбилиси, 1963, с. 133; Тавакалян Н.А. О классах и классовой борьбе в Чечено-Ингушском обществе во второй половине XVIII – первой половине XIX в. – Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XIX – нач. XX в.). Грозный, 1979, сс.81.
32. Берже А.П. Чечня и Чеченцы, Тифлис, 1959, с. 135; Тавакалян Н.А. Ук. соч., с. 81.
33. Тавакалян Н.А. Ук. соч., с. 81.
34. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3755, л. 83 об.
35. Там же, ф.379, оп.1, д. 565, лл.50-50 об.
36. Там же, д. 3755, л. 99.
37. Там же, д. 3666, л. 14, 91.
38. Там же, д. 3700, л. 3.
39. Там же, д. 3696, л.91.
40. Там же, д. 3619, л.1-8.
41. Там же, д. 3663, л. 61.
42. Там же, д. 3381, л. 6.
43. АВПР, ф. Кабардинские дела, 1769 – 1777, оп. 115/1, д.5, л. 26.
44. ЦГА ДаАССР, ф. 379, оп.1, д.987, лл.14,16,17-17об.
45. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.3466, л.50.
46. Там же, д.3666, лл.14, 91.
47. АВПР, ф. Сношения России с Грузией, оп.110/2, д.7, л.424.
48. История Дагестана, т.1, М., 1967, с.318.
49. АВПР, ф. Отношения России с Грузией, оп.110/2, д.7, л.421.
50. Там же, д.7, л.424.
51. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.1, д.1171, лл.42 об., 43об.
52. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.3592, л.191.
53. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур, Грозный, 1991, с.93.
54. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана, Махачкала, 1994, с. 181.
55. Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура. Известия 2-го Северо-Кавказского педагогического института им. Т. Гадиева, т.9. Юбилейный сборник. Орджоникидзе, 1932, с.98.
56. Там же, с.99.
57. Ахриев Чах. Ингушские праздники. Сборник сведений о кавказских

горцах, вып.5, Тифлис, 1871, сс.4-5.

58. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т.1, Грозный, 1967, сс.58, 62.

59. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.,1895, с. 187.

60. Броневский С. Ук. соч., ч.2, М., 1823, сс.168,169.

61. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Ук. соч., с.135.

62. Там же, с. 137.

63. Саидов И.М. Ук. соч., с.267.

64. Там же, сс.269-270.

65. Там же.

66. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.3574, л.9.

67. Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII - 40-е годы XIX в.). Известия ЧИНИИЯЛ, т.8, вып.1, История, Грозный, 1969, с. 192.

68. Тотоев Ф.В. Ук. соч., с. 192.

69. Саидов И.М. Ук. соч., с.267. Тотоев Ф.В. Ук. соч., с.188.

70. Харадзе Р.Л. Робакидзе А.И. Ук. соч. с.138.

71. Там же, сс.138-139.

72. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев, вып.2. Одесса 1883, с.81.

73. Там же, с. 110.

74. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.3682, л.81.

75. Там же, д. 3700, л.1.

76. Там же, д. 3619, л. 17.

77. Там же, д. 3700, л.1.

78. Там же, д. 4282, л.122.

79. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.3619, л.17об.

80. Леонтович Ф.И. Ук. соч. с.81.

81. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.4451, л.2.

82. Там же, д.4451, л.4.

83. К сожалению, из-за серьезного дефекта, документ не называет фамилию этого знатного узденя.

84. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярского коменданта, д.3318. л.203.

85. Там же, д. 33272, л.13.

86. Там же, ф. 52, оп. 1/194, д.408, лл.159,162об.

87. Там же, д.243, л.4об.

88. Там же, ф. Кизлярского коменданта, д.4451, л.2об.

89. Там же, д.4451. лл.2-5об.

90. Тавакалян Н.А. Ук. соч., с. 85.

91. АВІР, ф. Кабардинские дела, оп. 151/1. д.9, лл.1, 3об.

92. Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских

горцах, вып.6. Тифлис, 1872, сс.12-13.

93. Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д.296, л. 186.

94. Саидов И.М. Ук. соч., с. 276.

95. Бутков П.Г. Ук. соч. ч.1, СПб., 1968, с.303.

96. АВПР, ф. Кабардинские дела, оп. 115/1, д.8, л.36.

97. ЦГВИА, ф. 414, оп.1, д. 300, л.61.

98. Рукописный Фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д.296, л. 186.

99. Скитский Б.В. Ук. соч., с. 175.

100. АКАК (Акты Кавказской археологической комиссии), т.4 Тифлис, 1870, с.897.

ГЛАВА 2. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ЧЕЧНИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

§ 1. Административно-политическое устройство Чечни и Ингушетии

В XVIII – начале XIX века Чечня и Ингушетия не имели единого государственного устройства. Вся территория чеченцев и ингушей состояла из целого ряда более или менее крупных феодальных владений (княжеств) и вольных обществ (союзов сельских обществ), единого объединяющего политического центра у чеченцев и ингушей не существовало. Отличительной особенностью политического устройства вайнахов в рассматриваемое время являлось то, что в обществе наблюдалась феодальная раздробленность, которая продолжалась вплоть до начала движения горцев в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785 – 1791 гг.

Каждое феодальное или княжеское владение, как правило, расположенное на равнине края, а также различные вольные общества (в большинстве своем расположенные в горах) представляли собой в какой-то степени самостоятельные и обособленные друг от друга территориально-административные единицы. Локальные политические центры существовали, по-видимому, во всех владениях, а также в обществах и союзах сельских обществ в горах. Князья, феодалы и старшины вели независимую друг от друга как внутреннюю, так и внешнюю политику с соседними народами. Более того, отдельные вайнахские князья и владельцы подчас конкурировали между собой. Из-за отсутствия единого политического центра взаимоотношения между феодальными владениями и сельскими обществами в горах, а также внутри самих обществ, строились на основе договоров и соглашений,

регулировавшихся обычным правом (адатами), а с конца XVIII века – начала XIX века – шариатом.

В то же время в отдельных горных районах Чечни со второй половины XVIII века шел интенсивный процесс слияния некоторых так называемых вольных обществ в союзы сельских обществ. Данные общества находились под влиянием местной феодализирующей знати в лице владельцев (феодалов), старшин, богатых узденей¹ и т. д.

Отсутствие каких-либо конкретных источников XVIII века и цифровых данных не позволяет назвать точное количество всех вольных обществ или союзов сельских обществ на территории Чечни в рассматриваемое время. Однако, на наш взгляд, бесспорным должно быть то, что общее число вольных обществ (союзов сельских обществ) в горах Чечни не могло превышать общего количества тайпов и тукхумов вайнахов вместе взятых.

Единственным и существенным научным подспорьем при рассмотрении данной проблемы является, на наш взгляд, исследование известного этнографа Чечни по топонимии А.С. Сулейманова², в котором дан обстоятельный анализ всех этнических обществ (родов) чеченцев и ингушей «с учетом исторически сложившихся географических районов локализации»³ их на территории нынешней Чечни и Ингушетии.

Учитывая, что материалы топонимии Чечни и Ингушетии, связанные с сельскими общинами (обществами) и их традициями у чеченцев и ингушей в прошлом, отличаются архаичностью и консервативностью, мы позволим себе ретроспективно использовать сведения автора А.С. Сулейманова, опубликованные в конце 70-х годов XX столетия. Судя по всем этническим обществам (родам – тайпам), выделенным исследователем А.С. Сулеймановым сугубо в горной Чечне и Ингушетии, их общее число в рассматриваемое время насчитывало, по-видимому, 64 общества (малых и больших). Из них в Горной Чечне (центральной, восточной и юго-восточной части) – 59 обществ (малых и больших), а в Горной Ингушетии (юго-западной части) – 5 обществ (малых и больших).⁴

Более 60 сел или этнических сельских обществ существовало и по сей день существует в предгорной и на равнинной части Чечни и Ингушетии⁵, в которых компактно проживали представители разных чеченских и ингушских тайпов, гаров и некый, на протяжении XV – XVIII веков поэтапно переселившихся с гор на равнинные земли.

В некоторых предгорных селах (обществах) Чечни, например, с. Курчалой, Цонтарой, Беной, судя по названиям этих сел, при их образовании здесь сохранились прежние их тайповые наименования, существовавшие прежде в горах, так как основателями данных предгорных сел, по-видимому, были представители конкретных чеченских тайпов, пользовавшиеся большим авторитетом и правом преимущества в решении важных вопросов по сравнению с другими тайпами Чечни и Ингушетии.

Данный факт имел большое значение для формирования будущего сельского органа управления и определения его функций, роли и значения, для избрания старшины села (общества), распределения общинных земель и

использования пастбищных и сенокосных угодий между членами основной общины (тайпа) и пришлыми людьми другого тайпа и т. д.

В 70-е годы XVIII века дореволюционный исследователь И.А. Гюльденштедт, побывавший во главе научной экспедиции на Северном Кавказе, в частности, в Чечне и Ингушетии, называет ряд наиболее крупных этнических обществ на территории так называемой Кистинской области, а именно: общества Ингуш, Ахкинчурт, Ардахли, Вапи, Осет, Макалр, Ангуш (Большой), Шалха или Малой Ангуш, а также другое крупное этническое общество Чечен (по-видимому, союз обществ или тукхумов). В свою очередь оно распадалось на более мелкие общества – Арахы, Кулга или Дганты, Галгай или Галга, Джанти, Чабрило, Шабет, Чисхрикакер. Автор называет также ряд других крупных этнических обществ – Карабулак, Меести, Мереджи, Галашка, Дубан.⁶

К перечисленным выше крупным чеченским и ингушским обществам так называемой Кистинской области, количество которых составляли 14, исследователь И.А. Гюльденштедт относит также общества Эндери и Аксай под одним общим названием Качалык (Качкалык (гIацалкх) – чеч.), куда входило шесть горских деревень.⁷

Как известно, в рассматриваемое время в обществах Эндери и Аксай правили известные кумыкские князья. Здесь находилась их ставка. И Эндери, и Аксай одновременно являлись политическими и духовными центрами этих обществ. Население обществ было смешанное и находилось, видимо, под управлением кумыкских князей. В отдельных селах, которые входили в общества Эндери и Аксай, также проживали чеченцы, и все вместе они составляли одно Качкалыкское общество.⁸

Кроме того, в указанных исследователем И.А. Гюльденштедтом крупных этнических (тайповых) обществах чеченцев и ингушей в так называемой Кистинской области одновременно существовали политические и духовные центры с идентичными названиями.

В начале XIX века другой дореволюционный исследователь С. Броневский, опираясь на материалы своих предшественников XVIII века (И.А. Гюльденштедта, П.С. Палласа, С.Г. Гмелина), также называет территорию нынешней Чечни некоей «Кистинской областью» и локализует на ней этнически близкие и даже родственные по своему происхождению, языку, обычаям, нравам, религии и хозяйственной деятельности 4 крупные этнические образования:

- 1) Кисты, собственно так называемые;
- 2) Ингуши или Ламур (горные жители – Ш.А.);
- 3) Карабулаки или Арште;
- 4) Чеченцы или Шешены (называемые также Мичкизы).⁹

Автор считает, что поскольку чеченцы как «многолюднейшее колено» занимают большую половину так называемых кистинских земель и по сходству языка имеют много общего с ингушами, то условно можно разделить всю «Кистинскую область» на две части: на одной части территории, где обитают кисты, автор называет ингушей, карабулаков и другие общества, а на другой,

называемой Чеченской областью, по мнению С. Броневского, проживали сугубо чеченцы.¹⁰

Говоря же об административно-территориальном устройстве вайнахов, исследователь С. Броневский замечает, что разделение Чечни на области, провинции, волости, округа, колени, большие и малые общества и союзы является весьма условным, ибо он не видит явного «различия округов или волостей от колен, поскольку под ними подразумевались в равной мере как «обширные области», так и «малые волости», включавшие в себя несколько деревень, принадлежавших к какому-либо колену (обществу или тайпу – Ш.А.).¹¹

По существующему у кавказских республиканцев обычаю, – указывает далее С. Броневский, – в Кистинской области (провинции) подобных округов или волостей должно быть значительно больше, поскольку каждое колено (общество) в свою очередь делится на малое общество или союзы, куда входит несколько деревень. Из таких деревень одна признается всегда главою союза или сборным местом и, как правило, «все общество называется по имени главной деревни»¹². В то же время малые общества или союзы обществ вайнахов не всегда соответствуют названию волостей из-за малого количества жителей в них, и такие общества называются дистриктами¹³, округами и уездами.

В XVIII – начале XIX века Восточную Чечню (Горная Чечня) составляли 3 крупных общества: горная Ичкерия, называемая вайнахами Нохч-Мохк; общество Мичик и Качкальковское общество. Горная Ичкерия (Нохч-Мохк) занимала верховья рек Хулхулау и Аксая. Хронологически трудно определить время возникновения данного общества, хотя известно, что русские источники XVI–XVII вв. связывают его с «Мичкинской землей». Данным именем назывались только чеченские поселения по р. Мичик. В документах XVIII века называются «ичари мооскиз», т. е. ичкеринцы-мичкизы, живущие в 25 верстах от Анди и насчитывающие до 50 малых деревень, а именно: Цонтарой, Зандак с населением во 100 дворов, Дада-юрт (87 дворов), Умараджи-юрт (45 дворов), Чючели (40 дворов), Даттах (30 дворов) и т. д.¹⁴

Общество Цонтарой состояло из нескольких хуторов и отселков, группировавшихся вокруг села Цонтарой, являвшегося одновременно единственным политическим и духовным центром данного общества (тайпа). Внутри однотоппового селения Цонтарой имелись кварталы, принадлежащие разным некие и тарам.

Общество Зандак состояло из нескольких чеченских селений, хуторов и отселков и было расположено на юго-востоке Чечни. В обществе в основном проживали однотопповцы – зандакской, разделявшиеся на ряд некие и гаров. Политическим и духовным центром общества являлось село Зандак.¹⁵

Источники сообщают также, что в первой половине XVIII века в обществе Мичик, т. е. в горах по р. Мичик существовало еще ряд чеченских селений.

В начале XIX в. исследователь А.М. Буцковский называет крупное общество Аух и перечисляет в нем чеченские села, образовавшиеся в результате переселения вайнахов на р. Акташ и Ярыксу: Акташ (200 дворов),

Юрт (50 дворов), Алмак (80 дворов), Ярыксу (или Качалык – 300 дворов), Кешень (200 дворов), Гилян (100 дворов), Зандак (100 дворов), Чучели (40 дворов), Даттых (30 дворов), Хасса-Мекент (70 дворов), Балча (60 дворов), Герзели (50 дворов), Дада-юрт (87 дворов), Умараджи-юрт (45 дворов).¹⁶

Как видим, общество Аух состоит из 14 сел. Названия отдельных сел общества Аух совпадают с названиями чеченских тайпов (родов), например, зандактой, цонтарой и др. Духовным и политическим центром общества Аух являлось село Аух. Одновременно с. Зандак и Цонтарой также являлись политическими и духовными центрами обществ Зандак и Цонтарой.

Другое крупное общество Восточной Чечни – Качкалыковское – источники локализуют на территории между устьем р. Сунжи и Аксай. По свидетельству И.А. Гюльденштедта, в общество Качкалыковское или Качкалык входило всего 21 селение, в том числе с. Кошкельды, Ойсунгур, Истису, Аллерой, Наурус-аул, Курчалой, Акку, Дада-юрт и др. Кроме качкалыковских поселений, исследователь И.А. Гюльденштедт включил в состав данного общества уже возникшие к этому времени равнинные ичкерийские селения Аллерой, Курчалой и Акки. Другой иностранный исследователь Ю. Клапрот также называет другие селения общества Качкалык: с. Кошкельды в 300 дворов, Ноемберды – 350 дворов, Ойсунгур – 350 дворов, Истису – 500 дворов, Наврусаул – 50 дворов и т. д. Он же включает в данное общество ичкерийские села Курчалой (20 дворов) и Али-аул. Далее Ю. Клапрот сообщает, что все качкалыковские селения принадлежали аксаевским князьям.¹⁷ Исследователь А.И. Ахвердов также считает, что 6 качкалыковских селений чеченцев располагалось на правом берегу р. Терек. Известно, что в давние времена жители этих селений – чеченцы – были выведены с гор аксаевскими владельцами и поселены на этих местах, за что они считались подданными этих князей.¹⁸

Общество Качкалык (Качкалыковское) состояло из 21 селения чеченцев. Так же, как и в Ауховском обществе, названия некоторых сел Качкалыковского общества совпадают с названиями чеченских тайпов (родов), например: Аллерой, Курчалой, Аьккхи и др. Духовным и политическим центром общества Качкалык являлось село Качкалык (ГТачалкх – чеч.). Монотайповые селения Аллерой, Курчалой и Аьккхи одновременно являлись политическими и духовными центрами в своих обществах.

Несмотря на то, что качкалыковские чеченцы формально считались подвластными аксаевским князьям, однако они мало-помалу, пользуясь послаблением власти князей, выходили из их повиновения и никаких податей им не платили.¹⁹

К западу от Восточной Чечни (горная Ичкерия) в горах по ущелью р. Джалка и Аргун, как сообщает Д.А. Милютин, были расположены большие общества чеченцев – Чеберлой, Шубуты и Шотойцы.²⁰ Население Чеберлоевского общества составляло около 3 тысяч душ мужского пола. Большая часть населения жила в хуторах. Несколько хуторов объединялось в одно селение под общим названием. Такое селение представляло собой одно маленькое общество из представителей одного тайпа (рода). Так, крупное общество Чеберлой в рассматриваемое время объединяло несколько тайпов-

родов, представлявших каждый в отдельности небольшое общество – села Макажа, Садой, Орсой, Тундакха, Ариеовл, Хьаркруо, Бассахуо, Бунахуо, Хой, Хинда, Кьоьрзуной, Ригаха. Всего 12 монотайповых сел (обществ). Своим духовным и политическим центром жители Чеберлоевского общества издавна считали село Макажа.²¹

Другое крупное чеченское общество Шотой (Шуьйта) имело несколько названий: Шубути, Аш-Шубута, Шуоти, Шуот, Шуьйта, Шотой. Общество Шотой объединяло несколько тайпов-родов: хьакой, глаьтти, вашандарой, пхьамтой, хьалглой, маьршалай, саьттой, саной, тумсой, борзхой, варандой, келой. За каждым тайпом значилось конкретное село с тайповым названием. Саьрбалай и лаьпкарой, проживавшие в шаро-аргунской котловине, также относят себя к шотойцам. Всего 14 тайпов. Духовным и политическим центром данного общества издавна считалось село Шуьйта.²² Каждый из перечисленных 14 тайпов (родов), составлявших в совокупности большое многотайповое общество Шотой (Шуьйта), в отдельности же представлял небольшое сельское общество (село) с конкретным тайповым названием (с. Вашандарой, Варандой и др.), куда входили все близлежащие к селам хутора и отселки. Каждое тайповое село (общество) имело вокруг себя небольшие хутора и отселки и являлось их общим политическим и духовным центром.

На юго-восточной части Чечни были расположены известные чеченские общества (тайпы) – Нашха, Терлой, Митхо, Майсты, Чанти и др. В конце XVIII – начале XIX в. общество Нашха составляло 200 дворов (1 тыс. жителей) и состояло из 4-х крупных тайпов и некие – Нашха, Чармаха, Моггуста, Хьайбаха и т. д. Многие чеченские тайпы признают себя выходцами из Нашха. Названия многих сел общества Нашха идентифицируются с наименованиями отдельных чеченских тайпов (Бенакха, Мулка и др.). Духовным и политическим центром своего общества нашхоевцы считают Хьайбаха и Хгийлах.²³

В 60-х годах XIX в. в связи с общественно-политическими и экономическими изменениями в крае, вызванными завершением Кавказской войны и отменой крепостного права в России, происходят соответствующие изменения в демографическом развитии населения горных районов Чечни и Ингушетии. Часть населения уходит отсюда из-за малоземелья на равнины, некоторые села остаются заброшенными. В это время общество Нашха составляло уже 6 селений: Пешхой, Чермхой, Мозарой, Хайбах, Тестерхой и Аялли общей численностью 75 дворов. Каждое селение общества Нашха, за исключением с. Тестерхой, имело около 13 – 15 дворов.²⁴

Общество Терлой в начале XIX века состояло из 13 населенных пунктов (селений) с 200 дворами жителей, пишет исследователь Н.Г. Волкова.²⁵ Местный этнограф А.С. Сулейманов считает, что общество Терлой объединяло представителей различных чеченских тайпов, проживавших в 12 селениях с тайповыми названиями. Внутри общества Терлой, – указывает автор, – изолированно жили некоторые группы чеченцев, считавшие себя отдельными тайпами, например, с. Никархой и Бархлай в бассейнах р. Никархой-эрк и Бархлайн-эрк, а также с. Блавлой в бассейне р. Блавлойн-эрк.²⁶ По сведениям грузинских источников, общество Терлой объединяло 21 населенный пункт с

163 дворами. Это селения Никархой, Арстхой, Басхой, Курачой, Харсанллерой, Лежой, Гезехой, Муцарой, Баулой, Сенухой и др. Наиболее крупными среди них были селение Никархой, составлявшее 25 дворов и Баулой – 23 двора. В остальных селениях число дворов колебалось в пределах от 4 (с. Арстхой и др.) до 8 (с. Гезехой, Отты и др.).²⁷ По-видимому, некоторые из перечисленных грузинскими источниками сел общества Терлой отчасти носили тайповые названия и одновременно являлись местами компактного проживания представителей того или иного чеченского тайпа. Политическим и духовным центром общества Терлой являлось с. Терлой.

Согласно грузинским источникам, вначале XIX в. в обществе Малхиста (хевсурское название «Митхо») было сосредоточено 11 селений со 177 дворами, в которых проживало 1,5 тыс. жителей: с. Тертего (60 дворов), Бонисты (30 дворов), Джареги (20 дворов), Харпато (200 дворов), Сохано (10 дворов), Бостаны (10 дворов), Мизо (7 дворов), Икелъта (6 дворов), Камалако (5 дворов), Бозияхи (5 дворов), Олакано (4 двора).²⁸ Русский офицер А. Зиссерман, побывавший здесь, пишет, что чеченское общество Митхо (Малхиста) было расположено в 10 верстах от с. Шатили и имело 6 небольших населенных пунктов. Отмечая своеобразие малхистинцев, А. Зиссерман продолжает: «Они называют христиан неверными, а поклоняются Св. Георгию, не делают намаза, не едят свинины, не имеют мулл и мечетей».²⁹ Другой исследователь Г. Радде, побывавший в этих краях в 70-х годах XIX в., сообщает о 10 малхистинских (митхойских) селениях, расположенных по левому притоку р. Аргуна – ручью Митхой, где насчитывалось 174 двора.³⁰

Местный этнограф А.С. Сулейманов, в середине 70-х годов XX столетия обследовавший общества Малхиста, отмечает, что из 14 небольших сел, в которых жили малхистинцы, два села были расположены на правой стороне реки Меши-хи-жларе (на карте Джареги) и Шегине (на карте Кагинахо). Остальные села были расположены на южном склоне горы Коре-Лам, тянувшегося параллельно Главному Кавказскому хребту. Протяженность Малхистинского ущелья составляла 18 – 20 километров. Автор выделяет чеченские села с тайповыми названиями, входившие в состав общества Малхиста: Икалчу, Бленистие, Сахана, Щенчу Мехка, Тутанда, Нахараста, Кхоруотта, Банах, Дуоза, Комалха, ламие, Блаетие, Жларие, Тугланча. Политическим и духовным центром общества Малхиста являлось село Малхиста.³¹

Известное чеченское общество Мlайста (Мlайстой) в XVIII – начале XIX века граничило на юге с хевсурами, на севере и западе – с обществами Маьлхи и Кей, на востоке – с обществом Хилдехьа. В обществе Мlайста находилось всего три села – Тlуга, Луогl а и Щекхелли. Все эти 3 аула лежали на склонах ущелья и реки Мlайстон-эрк, текущей с юга на север. На левом берегу р. Мlайстон-эрк лежали села Тlуга и Луогl а, а на правом берегу – с. Щекхелли.³² Согласно сведениям Н.Г. Волковой, общество Майсты располагало 3 селениями из 72 дворов жителей.³³

Общество Майсты было значительно меньшим как по количеству населенных пунктов в нем, так и по числу жителей в них. Согласно сведениям А. Зиссермана, в обществе Майсты было сосредоточено всего три селения:

Цахиль-Гой (по грузинским источникам – Джавалисопели), Тут-Гой и По-Гой.³⁴ Эти же селения в несколько изменено-усеченной форме называет и другой дореволюционный исследователь Г. Радде (с. Туго, Пуго и Джаварисопели). По его сведениям все эти села были расположены по правому притоку р. Аргуна – ручью Майсты, и общее число жителей в них составляло не более 200 человек.³⁵

Самым крупным селом в обществе Майста по рассказам старожил, – указывает А.С. Сулейманов, – являлся с. Фаранзкхелли³⁶, которое после с. Мlайсты также, по-видимому, служило политическим и духовным центром всех майстинцев.

Общество Чанта (Чlаьнта, Чlаьнтий – чеч.) в рассматриваемое время граничило на юге с обществом Хьачара, на востоке – с обществом Дишни, и было расположено в бассейне р. Добрахойн-эрк, берущей начало в местечке Кхакькуртий и текущей с юго-запада на северо-восток правого притока Чlаьнтий Орга. Общество Чlаьнта долгое время играло ведущую роль в общественной жизни во всем Аргунском ущелье. Видимо, с этим связано то обстоятельство, что р. Аргун носит название Шlаьнтий Орга. Общество Чlаьнта состояло из 7 селений (135 дворов) и множества хуторов и отселков в количестве 36. Каждое из 7 селений, составлявших в целом общество Чlаьнта, являлось носителем тайповой принадлежности – Добра, Бобаш Гутl, Хаз-Кхелли, Хьieraх, Тас Гутlа, Кхок-хада, Хьелди. Село Добра являлось древним поселением, оно охватывало Шел Цгьуника, Пера Цгьуника, Чlагlие, Дехьа Добра, Сехьа Добра (Басара Добра, Кlогура Добра). Духовным и политическим центром общества Чlаьнта считалось село Итон-Кхелли.³⁷

В XVIII – начале XIX века крупное чеченское общество Шора (Шарой) граничило на юге с обществом Шикъара, на западе – с обществом Щеса, на востоке – Хьакъмада, на севере – с Дlай. Локализовалось оно на левой стороне реки (берегу) Шаройн Орга. Общество Шора (Шарой) в течение нескольких веков играло ведущую политическую, экономическую и культурную роль в шаройской котловине, являясь одним из центров древнейших поселений предков вайнахов. Крупное этническое общество Шарой состояло из трех главных поселений (обществ) с тайповыми названиями: Шора, Жогlалда, Пой, в которых сосредоточено было множество хуторов, отселков, представлявших собой отдельные некъе и тары. Духовным, административным и политическим центром данного общества считалось село Шора.³⁸

В рассматриваемое время наиболее известными и главными ингушскими обществами или союзами обществ, которые имели в своем подчинении небольшие деревни, назывались сборным местом и управлялись владельцами и старшинами, являлись общества Вани, Осет, Макалр. Их земли, по свидетельству С. Броневского, были расположены на восточной части в направлении от Владикавказской крепости, в нескольких верстах друг от друга, между р. Терек и Камбилеевка, на реке, впадающей в Терек, напротив осетинской деревни Чми.³⁹

К другим известным крупным ингушским обществам принадлежат Большой, или Старый Ангушт, и Малый Ангушт, земли которых были расположены в основном в верхнем течении р. Камбилеевка, у подошвы гор, на

открытой и возвышенной местности. Им принадлежали относительно маленькие по числу дворов деревни: Галга, Тироль, Ака, Беци, Ялгор, Корби, Аздар, Вишу, Голой, Ной, Гой, Цулай, Мелер, Палан и другие. Всего около 25 деревень.⁴⁰

Сравнительно большим селом в Ингушетии в это время являлся Ахкин-юрт (по-видимому, Акки-юрт – Ш.А.), расположенный у истоков р. Сунжи, между р. Камбилеевка и Сунжа.

Довольно известными и крупными обществами Ингушетии, как считает С. Броневский, являлись также общества Меести, Мереджи, Галашка, Дубан, расположенные рядом друг с другом по рекам Шадгир или Асса, а также по притоку р. Сунжи, куда входили более маленькие деревни: Махки, Хамха, Таргим, Агикартне, Цулу, Бештузы, Залгай, Малар, Арапе, Тала, Бархан, Кори. Всего более 30 деревень.⁴¹

В XVIII – начале XIX века, как мы отмечали выше, крупные общества (села) ингушей, оставаясь одновременно главными и независимыми обществами, контролировали деятельность маленьких сел и управляли ими через выборных старшин, которых, как правило, сами жители избирали из знатных и состоятельных тайпов (родов), причем старшинские права закреплялись за ними, по возможности, наследственно. «Ингуши разделены на малые независимые общества под управлением выборных старшин, которые избираются из богатейших родов. По причине частого повторения выборов из одних и тех же семейств, обыкновенно присваивают себе старшинские права от отца к сыну наследственно». В то же время в Ингушетии были известны такие знатные и богатые тайпы, из которых, как правило, избирались старшины, например: Мацех, Веза, Чев и Пшанува.⁴²

Говоря о формах зависимости ингушских крестьян и старшин от пришлых князей или владельцев, С. Броневский замечает, что «аксаевские и кабардинские князья издревле стараются утвердить над ингушами временные права завоевания наложением даней и требованием всегдашнего от них покорства». В официальных письмах на имя представителей царской администрации на Кавказе отдельные ингушские старшины и их подвластные крестьяне указывали о своей зависимости, хотя и временной, от кабардинских князей. Так, например, в XVIII веке ингушские старшины (по-видимому, владения Ангушт – Ш.А.) и их крестьяне представили письмо на имя командующего на Кавказе генерал-майора Де-Медема о том, что «временно они платили подать кабардинцам с каждого двора по одному барану, а у кого нет барана, то на одну косу железа...».⁴³

В XVIII – начале XIX века на западной части территории проживания ваинахов, в горах и в предгорьях Ингушетии, так же, как и в Чечне, локализовались небольшие этнические политические образования ингушей, известные в исторической литературе, как «вольные» сельские общества или союзы сельских обществ.

Территорию расселения ингушей составляли как горные, так и предгорно-равнинные районы по р. Армхи, Камбилеевка, Сунжа (с притоками р. Герг, Назрань, Эндерипс) и Асса. Ингушские селения располагались в нескольких верстах на восток от Владикавказской крепости в предгорьях,

пересекаемых возвышенными равнинами, и оттуда, расширяясь, простирались далее на восток. Горные ингуши сами себя называли «ламорой» (горные жители), а своих соседей чеченцев – «нохчой».⁴⁴ «Данная этническая территория ингушского народа, – замечает исследователь Н.Г. Волкова, – не будучи стабильной, создавалась в результате многочисленных и разнообразных миграционных и этнических процессов, имевших место в ингушском обществе в конце XVII века».⁴⁵

С начала XVIII века в западной части действительно происходили значительные демографические и миграционные процессы. Так, судя по источникам, если в районе с. Ларса в XVI – начале XVIII в. проживали ингуши, то в конце 20-х годов XVIII в. их сменили осетины. Исследователь Ю. Клапрот также отмечает, что осетины занимали в XVIII веке с. Ларс и основали возле него свои селения Чми и Балта, и за это они долгое время платили ингушам дань за пользование этой землей.⁴⁶

Многочисленные предания свидетельствуют о том, что часть ингушей и аккинцев в прошлом передвигалась и уходила с запада на восток. Так, в осетинских преданиях, записанных в свое время исследователем Л.П. Семеновым, говорится о том, что ингуши в прошлом проживали в Куртатинском и Даргавском ущельях, откуда они под натиском осетин и кабардинцев ушли сначала в Санибанское ущелье, а позже через район с. Чми на правый берег р. Терек.⁴⁷

Другое предание, записанное известным кавказоведом Н.Г. Волковой в 1971 г. от аккинца из с. Бони-юрт, также подтверждает о продвижении части ваинахов с запада на восток. Предание говорит о том, что «некогда аккинцы, вышедшие из Шами (Сирия – Ш.А.), обосновались под горой Казбек, но, враждая с бацавигурджи, они вынуждены были уйти в местность Пула, которая, по мнению рассказчика, аккинца из села Бони-юрт, находилась в верховьях р. Армхи или р. Ассы». Однако впоследствии в результате нападения калмыков на аккинцев они вынуждены были уйти из Пула (ср. правый приток р. Ассы – Пулойхи) и поселиться на р. Мичик, но вторичное нападение калмыков окончательно вынудило аккинцев переселиться в горы к реке Ямансу и создать здесь свои поселения.⁴⁸

В рассматриваемое время существуют и другие материалы, которые также подтверждают о постепенном продвижении аккинцев с запада на восток. Так, например, жители с. Кербите, расположенного в Джераховском ущелье рядом с с. Эрзи, считают себя выходцами из Кербите, ранее жившими в горах, в Аккинском обществе, в селе с таким же названием. В обществе Акки существовало село Озми, известное в XIX веке в нижнем течении р. Армхи. Жители с. Фалхан (правобережье р. Армхи) считают себя аккинцами по происхождению. Орстхойцам-хаккоевцам (ср. Хакки – Кочи-юрт, район Алкуна), переселившимся с р. Ассы в начале XIX в., принадлежало с. Цогуной на р. Аргун, расположенное на месте с. Шотой. В Шотоевском обществе проживает тайп Хаккой, который насчитывает около 100 хозяйств. Из общества Щечеах далеко на восток к Шаро-Аргуну продвинулись цечоевцы (орстхой) и образовали здесь с. Пхьамат. Представители этого общества (тайпа), хотя и считаются чеченцами, но по сей день называют себя орстхой.⁴⁹

В XVIII в. в нижнем течении р. Армхи, по сведениям Ю. Клапрота, были расположены два фамильных феодальных поселения-владения: Цурате и Ленате, вместе составляющие с. Джерах. Однако фактически названия этих селений связываются с фамилиями Дуровых и Льяновых, первая из которых и сейчас встречается среди ингушей и осетин, а вторая – только среди ингушей.⁵⁰

В начале XIX века к Джераховскому обществу принадлежали селения Калмыков (Калмыкау), Волокав (Уаллагкау), Пемат (Пхемат), Большой и Малый Вазби (Оьзми).⁵¹ Название с. Калмыкау происходило от осетинского фамильного поселения Калмаковых (ср. Калманкау из Куртатинского ущелья). Более того, известно, что в документах середины XVIII века в Джераховском ущелье упоминается имя одного из кистинских старшин Цаука Мирзы Калмакова, который, по-видимому, в это время управлял в своем феодальном владении (обществе) с одноименным названием, т. е. Калмакова.⁵²

Следует отметить, что в рассматриваемое время в нижней части Джераховского ущелья проживали также отдельные осетинские переселенцы, ранее переселившиеся сюда из-за кровной мести и образовавшие свои небольшие фамильные поселения. В это время здесь насчитывалось пять небольших джераховских поселений, в которых было 37 дворов и 185 жителей, происходивших от осетин – с. Цурате (Цуровых), Ленате (Льяновых), Слоновых (Дударовых) и др.⁵³ Кроме Дударовых, в Джерахе были фамильные феодальные поселения Мамиловых из сел Эрзи и Гудантовых из с. Мецхала. Ингуш Базар Мамилов, говоря о сословных правах ингушской феодальной верхушки и о происхождении своей фамилии, сообщал, что один из его предков по имени «Даур-Бек поссорился с дядей своим Андом (ср. ингуши Яндиевы – Ш.А.), из-за чего оставил Кистинию и переселился к джераховцам, где пользовался всеми преимуществами, какими пользовались тагаурцы, заключал с ними браки, брал пошлины за проезд или провоз товаров по Военно-Грузинской дороге и управлял кавдасардами наравне с тагаурцами. После него пользовались этими правами сын его Шейлынк, внук Багамет и правнук Тачь (фамилия Тачиевых – Ш.А.) и отец наш Дударуко, которого почти ежегодно приглашает грузинский царь Ираклий...»⁵⁴.

Ближайшими соседями джераховцев по р. Армхи, согласно источникам XIX века, были кистины или, как их реже называют, фаппийцы. По сведениям источников XVIII – нач. XIX в., область расселения кистинцев (фаппийцев) занимала среднее и верхнее течение р. Армхи. По описанию 1816 г. кистины на западе граничили с джерахами, на юге граница их проходила по р. Ахкархий, доходя до ее верховьев, через которые лежал путь в Архоты и Гудашаури. Кистинских селений здесь, по сведениям того же источника, насчитывалось 25, а население составляло 1195 душ христиан и 74 мусульман.⁵⁵

Исследователь С. Броневский отмечает, что общество кистов или кистин, собственно так называемое в дореволюционной кавказоведческой литературе, локализовалось на правой стороне р. Терек, высоко в горах, напротив осетинского общества Тагауров!.. Земли кистов в основном были бесплодные, расположены на известковых и шиферных горах и простирались на 30 верст от Владикавказской крепости до самого Дарьяла, где начиналась граница с Грузией.⁵⁶ Главными обществами (селами) кистов являлись Задрово и Джерах,

которые одновременно выступали в качестве политических центров – сборных мест двух разных обществ. Вместе с входившими в них деревнями эти общества составляли не более 500 дворов. В русских источниках XVIII – начала XIX в. кистов (кистинцев) называют зауровцами и джераховцами, исходя из этнического названия общества, не смешивая их с ингушами (ингушевцами), хотя жители других горных обществ называли их так же, как и ингушей – галгаями. Общество кистов было независимое и управлялось выборными старшинами.⁵⁷

В состав кистинского общества в рассматриваемое время входили еще 3 довольно крупных и независимых друг от друга общества (села): Галгай (у истоков р. Ассы), Галбы (в верховьях р. Сунжи), Глигвы (на р. Глигви).⁵⁸

В рассматриваемое время, в частности, со второй половины XVIII века, продолжается процесс выхода ингушей с гор на равнины и образование множества поселений, в том числе и смешанных: на востоке – ингушско-карабулакских, на западе – осетино-ингушских.

Ингушское селение Заурово, о котором исследователь С. Бронеvский сообщает как о главном и политическом центре кистинского общества, по мнению иностранного исследователя-путешественника Ю. Клапрота, судя по картографическим материалам, существовало с 60-х годов XVIII века, и в нем проживало тогда много беглых осетин.⁵⁹ Судя же по мнению академика И.А. Гюльденштедта, с. Заурово возникло недалеко от будущего Владикаvкказа, на старой дороге в Грузию, которая проходила от Моздока на Ахловы кабаки, затем через р. Камбилеевку, далее на Заурово и после этого в Дарьяльское ущелье. В начале 80-х годов XVIII века село Заурово имело 30 дворов и располагалось на крутом берегу р. Терек, в 4-х верстах от того места, где позднее была заложена крепость Владикаvкказ.⁶⁰

Самая восточная область самостоятельного ингушского этнического общества Галгай располагалась в верховьях р. Ассы. Земли галгаев имел в виду известный грузинский географ Вахушти Багратиони, называя их территорией Глигви.⁶¹ По свидетельству Ю. Клапрота, в состав ингушей входило 7 племен: Тергимха, Аги, Хамхой, Кортой, Цимкайбох (Оздой), Евлой и Вапи⁶², из которых Таргим, Аги (т. е. Эгикал), Хамхи являлись главными галгаевскими селениями. Источники конца 20-х – начала 30-х годов XIX века называют более полные сведения о землях галгаев, занимавших в этот период обе стороны р. Ассы и течение р. Тоба (приток р. Ассы). В целом территория Галгая, судя по этим источникам, составляла 321 кв. версту, на которой располагалось 55 селений с 213 дворами и 1065 жителями. Все галгаевские села были невелики по числу дворов. Самое большое из галгаевских населенных пунктов с. Хамхи в то время имело 10 дворов.⁶³ Выходцы из общества Лалглай-шахьар считают себя истинными глалглайцами. Политическим и духовным центром Галгаевского общества являлось село Лалглай-шахьар.

Ниже по течению р. Ассы располагались Карабулакские, часть Галгаевских и Галашевские общества. Наличие селений этих обществ в среднем и нижнем течении р. Ассы свидетельствовало о направлении миграции: с верховьев этой реки (галгаевцы), с реки Фортанги (карабулаки) и с территории вокруг озера Галанчоvж, т. е. поселения тайпа Галой. Населенные

пункты галашевцев значатся на карте 1768 года, на которой место впадения р. Ассы в р. Сунжу обозначено названием «Галачи». Селения галашевцев называет также другой исследователь И.А. Гюльденштедт. Источник начала XIX века локализует галашевцев по обоим берегам реки Ассы, но более всего по левобережью. Этот же источник называет 10 галашевских селений, в которых было сосредоточено более 155 дворов. В число галашевских поселений были включены некоторые селения Галашевского общества (Мужичи, Нижний Алкун) и Карабулакского общества (с. Верхний Алкун). Общее число галашевцев в это время составляло 775 душ обоего пола.⁶⁴

Общество Больших Ингушей. Кроме низовьев р. Ассы и прилегающих районов р. Сунжи, источники называют и другое направление и территории компактного проживания (локализации) ингушей в XVIII – нач. XIX в. Это Тарская долина и другие территории по р. Камбилеевке, где уже в конце XVII века было известно общество и село Онгушт (Ангушт). Вахушти Багратиони считает, что село Ангусти находилось по р. Борагнис-цкали, которую отождествляет с р. Сунжей.⁶⁵ Однако источники 2-ой половины XVIII века утверждают, что с. Онгушти находилось в Тарской долине. По всей вероятности, в данном случае грузинский географ допустил явную ошибку, назвав с. Ангусти (Ангушт) по р. Сунже. Судя по описанию Вахушти, это было большое селение, «жители которого похожи на черкесов и по вере мусульмане».⁶⁶ По сведениям И.А. Гюльденштедта, с. Онгушт в 1771 г. находилось в Тарской долине, по р. Камбилеевке, и в нем было значительное население, среди которых были как ингуши – фаппий, так и галгаи.⁶⁷

В рассматриваемое время с. Онгушт (Ангушт) входило в состав общества, известного в источниках под названием «Больших Ингушей» и занимавшего земли по р. Камбилеевке. В начале 80-х годов XVIII века здесь побывал исследователь-путешественник Штедер, который, двигаясь вверх по р. Камбилеевке в сторону Тарской долины, пришел в первую ингушскую деревню Шалха, образованную переселенцами из Больших Ингушей в 50 – 60-х годах XVIII века. От с. Шалха дорога вела в Тарскую долину – долину Больших Ингушей.⁶⁸ Большинство тарских селений было расположено на северной стороне долины, одна часть – на склонах гор, а другая – у реки. В западной части верховьев р. Герг (западный приток р. Камбилеевки) также было сосредоточено несколько обособленных ингушских селений, входивших в общество Больших Ингушей. Внутри Тарской долины Штедер называет с. Вапи. Именно ваппинцы (фаппий), как указывает автор, прежде жили на р. Герг, откуда одна их часть ушла, а другая осталась в бесплодных горах. Всего в Тарской долине насчитывалось до 300 фамилий (дворов). Здесь жили Тергимхоевы, Эги (ср. Эгикал), Хамхоевы, Оздоевы, или Цимкайбох, Евлоевы и ваппинцы. Первые шесть фамилий мигрировали из общества Галгая.⁶⁹

Исследователь И.А. Гюльденштедт рассматривает в составе общества Больших Ингушей селение Акки-юрт, Вапи и др. Селения были расположены ближе к горам. «Все они свободны, – указывает И.А. Гюльденштедт о жителях Тарской долины, – не имеют князей. Живут в постоянных деревнях, каждая примерно по 20 домов...».⁷⁰

Общество Малых Ингушей. В 1773 г. на территории Малых и Больших Ингушей побывал руководитель миссионерской комиссии А. Лебедев, который, докладывая о результатах своей поездки Кизлярскому коменданту Штедеру, отмечал, что следствием притеснений жителей Малых Ингушей кабардинскими князьями стало частичное переселение их в Большие Ингуши.⁷¹ Исследователь А.Н. Генко считает 60-е годы XVIII века временем возникновения группы поселений Малых Ингушей, когда жители Тарской долины, продвинувшись через узкий горный проход, отделявший р. Камбилеевку от равнин, заняли оба берега этой реки в урочище Шаулохи (Шолхи).⁷² Высказывания А.Н. Генко подтверждает также иностранный исследователь-путешественник Ю. Клапрот, считающий, что поселения Малых Ингушей образовались за счет переселившихся с гор ингушей около 40 лет назад.⁷³

Большие и Малые Ингуши в самом начале XIX века, по свидетельству Ю. Клапрота, составляли более 25 деревень, в том числе: Галга, Ака, Беци, Ялхор, Корби, Бушу, Голай, Ной, Гой, Цулай, Мелер, Паланг и др. Многие из приводимых Клапротом названий сел указывают на истоки ингушских переселений, например: с. Галгаи (совр. Камбилеевское) – на верховья р. Ассы; Бушу, по-видимому, с с. Вауче (Вауш) в Аккинском обществе; Голай – с Галанчожем; Цулай, Мелер – с галгаевскими селениями Цоли, Мелери и т. д.⁷⁴

Часть ингушей в рассматриваемое время мигрировала в район р. Сунжи и образовала здесь ряд селений. Исследователь и комендант кизлярской крепости Штедер называет на р. Сунже село Казахгечу из 35 дворов, население которого состояло из ингушей и карабулаков, а также небольшое общество Ахкин-юрт по этой же реке в горах, населенное пришедшими с гор карабулаками и ингушами. Когда эти места посетил лично сам Штедер, то поселения общества Ахкин-юрт были значительны, состояли из 3 – 4-х селений, расположенных под лесистыми горами по левой стороне р. Сунжи, на ее притоках. Возникновение поселений общества Ахкин-юрт стало возможным после ухода из этих районов кабардинских князей.⁷⁵

Общество ингушей Назрани и вокруг них. В 1810 году и в последующие годы вокруг Назрани и несколько севернее нее образуются многочисленные ингушские поселения. В это время 60 дворов жителей Назрани поселяются в местности Ачалуки, образовав с. Ачалуки. Основателями села считаются Бековы и Чопановы из общества Таргима и Богатыревы из общества Эгикала. Позже в с. Ачалуки переселились галгаевские тайпы: Евлоевы, Аушевы (из Эгигала), Циздыевы (из сел. Цизды), Таршхоевы (Фаппий), аккинские и орстхоевские тайпы (Акиевы, Булгучевы, Цечоевы).⁷⁶

В образовавшемся в это же время в другом ингушском с. Тимурково, которое находилось в двух верстах от крепости Владикавказ на правом берегу Терека, также проживало значительное число ингушей. В 1810 г. в селениях Назрани и Тимурково насчитывалось до 866 ингушских дворов. В с. Эндери, находившемся в 3-х верстах от Назрани и имевшем 80 дворов, совместно проживали чеченцы, карабулаки и ингуши. В 1816 г. вокруг Назрани (назрановцы) находилось 93 небольших селения, в которых насчитывалось 2410 дворов и 12050 человек.⁷⁷

В рассматриваемое время известные и довольно крупные общества карабулаков и горных аккинцев составляли две локальные этнические группы вайнахов, имевшие не только отличительные самоназвания (орстхой и аккххий), но и некоторые диалектные особенности в языке. В сознании большинства вайнахов представители карабулаков и аккинцев, занимающие промежуточное географическое положение между местными народами, предстают как особые тайпы, которые не причисляют себя ни к чеченцам, ни к ингушам. «Сами орстхоевцы и аккинцы объединяют под именем орстхой четыре подразделения: собственно орстхой, аккий, мержой и цечой»⁷⁸, – указывает известный кавказовед Н.Г. Волкова.

Согласно документальным источникам, в 70 – 80-х годах XVIII века общество Карабулак локализовалось в среднем течении р. Ассы и Фортанги и образовалось, по-видимому, за счет объединения сравнительно больших и влиятельных карабулакских тайпов – Цечой, Мержой и Орстхой.⁷⁹

Чеченцы называют карабулаков «арштхой» (орстхой), а сами карабулаки и ингуши называют их «арште».

В рассматриваемое время общество Карабулак (Орстхойцы) объединяли следующие нехьи и тары: Щечой, Мержой, Хьевхьарой, Галай, Фергнекхье, Белхарой, Оьргнекхье, Галханекхье, Виелханекхье, Мужахой, Булгучаннекхье, Боканекхье, Иандалой, Мужганхой. Всего 14 известных тайпов, нехьи и гаров. В общество Карабулак (орстхойцев) входило около 40 населенных пунктов. Своей прародиной Орстхойцы (Эрштхойцы) считают древний аул Цечуэхкхье в 4-х км от Щечуолкумие. Собственно он и являлся в рассматриваемое время духовным и политическим центром данного общества.⁸⁰

Более ранние сведения об экономическом развитии и общественно-политическом устройстве карабулаков (орстхойцев) находим в источниках и работах не ранее 70 – 80-х годов XVIII века (труды авторов Штедера и Гюльденштедта) и в начале XIX века (труды авторов Клапрота, Вахушти, Буткова, Ахвердова, Буцковского, Броневского и др.). Правда, первое упоминание одного из тайпов карабулаков – Мержой, встречается в русских источниках XVII века.⁸¹

Известный грузинский географ Вахушти Багратиони область проживания карабулаков размещает к востоку от общества Глигви, т. е. от Ассинского ущелья, по реке, берущей свое начало между гор Глигви и Панкиссии. Данная река течет к северу и впадает в Глигвицкали, под которой Вахушти подразумевает р. Ассу. Единственным крупным притоком р. Ассы являлась река Фортанга.⁸² На карте 1733 г. по реке Фортанге, которая называется еще и р. Балсу, обозначено «100 деревень».⁸³

Исследователь И.А. Гюльденштедт также подтверждает, что население, живущее по р. Балсу, является карабулакским. «Черкесы, – указывает он, – называют карабулакскую реку Балсу».⁸⁴ Собственно, среди части ичкеринцев (горцев) называют орстхойцев «балой», а в источниках XVIII в. встречается имя «балсурцы».⁸⁵

По документальным сведениям 60-х годов XVIII века, приводимым академиком П.Г. Бутковым, карабулаки занимали территорию в горах, в верховьях р. Сунжи, по рекам Осай, или Васайсу, т. е. Ассе, и Бал. Орстхойцы

зависели от эндерийских, брагунских и некоторых кабардинских владельцев и платили им дань. В 1772 г., – сообщает далее автор, – часть орстхойцев, которая приняла российское подданство, переселилась на равнину в урочище Карасу-Яндырь, которое находилось на месте впадения р. Осай (Ассы) в р. Сунжу.⁸⁶

И.А. Гюльденштедт сообщает, что карабулаки имели в своем владении 6 речек – притоки Ассы, Фортанги и Сунжи. Среди этих речек автор называет р. Балсу, которая являлась притоком р. Фортанги. На речке Шелмигор, правом притоке р. Сунжи, была расположена карабулакская деревня Боко, называемая по имени знатнейшего старшинского рода. На территории карабулакского общества И.А. Гюльденштедт называет также ручьи Ашган, Валерик и Шалаш.⁸⁷

Свои сведения о карабулаках сообщает также исследователь Штедер, который в 1781 г. побывал среди них. Проехав по р. Фортанге (второе название этой реки – Балсу), автор увидел карабулакские фамильные поселения, разбросанные в долине этой реки. Каждая карабулакская фамилия (тайп) или община составляла 40 – 70 человек.⁸⁸

Очень краткие сведения о карабулаках содержатся в труде иностранного исследователя Ю. Клапрота, который побывал здесь в самом начале XIX века. «Аршты не имели князей и управлялись старейшинами, – указывает он, – однако ранее у них были кумыкские князья».⁸⁹ Подобный факт сообщает Штедер, рассказавший о своей встрече во время путешествия к карабулакам «с их вождем, юным андреевским князем Шабулаф Аджи сыном Муртазали, ехавшим со своим приемным отцом (аталык), старшиной карабулаков и с 9 чеченцами».⁹⁰

В начале XIX века исследователь Ю. Клапрот отмечал, что самая северная группа карабулаков проживала по маленькому ручью Балсу; а также на западной части территории от ручья Шелмигор, впадающего ниже р. Ассы в р. Сунжу. На р. Шелмигор было расположено карабулакское с. Боко с 40 семьями. Существовала здесь еще долина р. Фортанги. Форман-аул был главным местом проживания карабулаков. Он был расположен на ручье Шелкан и состоял из 80 домов. По свидетельству того же Ю. Клапрота, на ручье Басерен (правый приток Ассы) проживало небольшое карабулакское общество Мереджа,⁹¹ являвшееся, как известно, одним из 4-х составляющих подразделений орстхойцев.

В первое десятилетие XIX века, по сведениям Кизлярского коменданта А.И. Ахвердова, карабулаки занимали некоторые территории, близко расположенные к верховьям р. Сунжи. Автор указывает на систематическое уменьшение численности карабулаков в результате войн с соседними народами и переселения части карабулакских фамилий, перешедших в покровительство чеченским знатым фамилиям.⁹² Об этом же пишет и А.М. Бундовский в своем очерке о кавказских народах в 1812 г. «Аухами, – пишет он, – называются поселившиеся на землях кумыкских около рек Агташа и Ярухсу карабулакские и частью чеченские выходцы, кои кумыкам дань платят баранами и в обязанности которых входит давать вспомогательных воинов». Кроме того, жители ауховских, т.е. карабулакских селений, обязаны были давать кумыкским владельцам с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокосу.

Хотя, как замечает далее А.М. Бундовский, селения Хасамкент, Балчи и Герзелли от этой повинности уже отклонились.⁹³

В исследованиях другого царского офицера С.М. Броневского в первой четверти XIX века, хотя и есть сведения о карабулаках, повторяющиеся в сообщениях его предшественников, все же приводятся им новые суждения и материалы. Так, согласно источнику, – отмечает С.М. Броневский, – главной деревней карабулаков вначале являлась Воко (по-видимому, д. Боко – Ш.А.), по имени знатнейшего и влиятельнейшего человека из старшинского рода. Деревня Боко была расположена на р. Шелмигор, впадающей в правый приток р. Сунжи, и состояла не более чем из 40 дворов. Согласно преданиям, в древние времена карабулаки являлись сильными воинами, которых уважали соседи за их храбрость и соблюдение ими справедливости. Часть карабулаков в числе 200 семей, оставшаяся в живых после истребительной междоусобной борьбы с соседними народами, попала якобы в зависимость от чеченцев. Вообще же карабулаки, как указывает С. Броневский, имели своих старшин, выбираемых ими из своей среды, говорят они на кистинском языке, имеющем много общего и схожего с чеченским наречием.⁹⁴ Кроме того, известно, что с середины XVIII века значительная часть карабулакских селений признавала на какое-то время своим главным правителем Эндерийского князя Муртазали-Хаджи. Он почти не вмешивался в их внутренние дела, а только представлял интересы карабулаков перед царскими властями на Тереке.⁹⁵

Данные источников 30-х годов XIX в. говорят о том, что западные карабулаки проживали в 6 селах за р. Ассой, напротив с. Галашек. Число дворов в этих селениях составляло 868 с 8 600 жителями. По другим документальным данным число карабулакских селений в эти годы составляло 21 населенный пункт с 627 дворами и 3 100 жителями.⁹⁶

Горное общество Акки в рассматриваемое время граничило на юге с обществом Кей, на западе – с Мержой (Орстхой), на северо-востоке – с Галой, на востоке – с Нашха. Аьккхинцы делятся на лам-аьккхий (горные), арана-аьккхий (равнинные) или карабулаки (горная речка) от кумыкского слова «кхара-булакх». Карабулаков на востоке Чечни и в Дагестане знают как ауховцев. Аьккхинцев, как и орстхойцев, в древности называли «балой». (ср. Балой-лам, Балой-гора). Орстхойцы считают аккинцев своими предками. Духовным и политическим центром общества Аьккха (Аккха) являлось село Аьккха, расположенное на юго-восточном склоне горы Мордлам, на левом берегу реки Осухи.⁹⁷

Общество Аьккха в рассматриваемое время состояло из 11 населенных пунктов (аулов), представлявших каждый в отдельности места компактного проживания представителей того или иного тайпа, некие или гара, входивших в состав аккинского общества. Название сел (аулов) соответствовало наименованию конкретного тайпа (общества). Следующие чеченские аулы составляли аккинское общество – Кей-Мехка, Ткъуйистие, Влоьга, Хьахильгие, Лозана, Оьрзумие-Кхелли, Тишли, Хьаьгие, Иттар-кхели, Зингала, Бийци.⁹⁸

Таким образом, в рассматриваемое время Чечня и Ингушетия оставались политически раздробленными. На равнинной территории существовали феодальные политические образования с соответствующими надстройками.

Здесь находились княжества и феодальные владения. В горных же районах шел процесс формирования феодальных отношений. Здесь вайнахи продолжали в большинстве своем группироваться по «вольным» сельским обществам или союзам сельских обществ, которые управлялись изолированно друг от друга и напоминали военно-административные объединения.

Использованная литература и источники:

1. Термин «общество» в дореволюционной литературе употреблялся как синоним общины, – указывает Т.А. Исаева, – под «обществом» подразумевалась также группа сел. Исаева Т.А., Исаев С.-А.А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI–XVIII вв.). Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX вв.). Грозный, 1982, с. 45.

2. Сулейманов А.С. Топономия Чечено-Ингушетии, Ч. 1 – 4. Грозный, 1976 – 1985.

3. Там же, Ч. 1, 1976, с. 8.

4. Там же, Ч. 1 – 2, 1976 – 1978.

5. Там же, Ч. 3 – 4, 1980 – 1985.

6. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. – СПб, 1809, с. 89.

7. Там же, с. 89.

8. Качкалыки – так называют чеченцев, живших в то время на равнине вдоль Качкалыковского хребта и занимавших территорию по нынешним расчетам от г. Гудермес (Чеченская Республика) до границы с Республикой Дагестан по р. Аксай.

9. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823, с. 155-156.

10. Там же.

11. Там же, с. 157.

12. Там же, с. 157-158.

13. Дистрикт – низшая форма административно-территориального деления в России в XVIII веке.

14. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. – М., 1974, с. 178.

15. Сулейманов А.С. Ук. соч., с. 266-267.

16. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. – М., 1958, с. 245.

17. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 178.

18. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. История, география и этнография Дагестана. – М., 1958, с. 226.

19. Броневский С. Ук. соч., с. 176.

20. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 188.

21. Сулейманов А.С. Ук. соч., Ч. 1, с. 163, 219.

22. Сулейманов А.С. Ук. соч., Ч. 2, с. 145-172.

23. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 169.
24. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 191-192; Ср. с. Махкеты Веденского района, в котором компактно проживают представители Чермоевского тайпа.
25. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 189.
26. Сулейманов А.С. Ук. соч., Ч. 1, с. 26-50.
27. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 192.
28. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 189-190.
29. Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867), Ч. 1. – СПб, 1879, с. 172.
30. Раде Г. Хевсурия и хевсуры. – Тифлис, 1881, с. 53-54.
31. Сулейманов А.С. Ук. соч., Т. 1, с. 11-20.
32. Сулейманов А.С. Ук. соч., Ч. 1, с. 81.
33. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 192.
34. Зиссерман А. Ук. соч., с. 172.
35. Радде Г. Ук. соч., с. 53.
36. Сулейманов А.С. Ук. соч., Ч. 1, с. 82.
37. Сулейманов А.С. Ук. соч., Ч. 1, с. 119-144; Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 192.
38. Сулейманов А.С. Ук. соч., Ч. 1, с. 188-196.
39. Бронеvский С. Ук. соч., с. 160-165.
40. Там же, с. 166.
41. Там же, с. 166.
42. Там же с. 163-164.
43. Там же, с. 164-165.
44. Там же, с. 160-161.
45. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 142.
46. Клапрот Ю. Ук. соч., с. 669. Цитирую по работе Волковой Н.Г. Ук. соч., с. 166.
47. Семенов Л.П. Ук. соч., с. 27.
48. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 143.
49. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 144.
50. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 144.
51. ЦГВИА, колл. 414, д. 300, л.107.
52. История Осетии в документах и материалах, Т. 1, с. 115.
53. ЦГИА Грузинской ССР, ф.416, оп. 4, д. 50, л. 15. Цитирую по работе Волковой Н.Г. Ук. соч., с. 145.
54. Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа. // Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ, Т. 1, Вып.1. – Грозный, 1959, с. 188.
55. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 145-146.
56. Бронеvский С. Ук. соч., с. 159.
57. Там же, с. 159-160.
58. Там же, с. 170.
59. Клапрот Ю. Ук. соч., с. 651; Цитирую по работе Волковой Н.Г. Ук. соч., с. 161.
60. Гюльденштедт И.А. Ук. соч., с. 479.

61. Вахушти Багратиони. География Грузии. // Записки Кавказского отдела РГО, Кн. 24, Вып. 5. – Тифлис, 1904, с. 151.
62. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 156.
63. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 157.
64. Гюльденштедт И.А. Ук. соч., с. 483.
65. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 157.
66. Вахушти Багратиони. Ук. соч. с. 151. Цитирую по работе Волковой Н.Г. Ук. соч., с. 158.
67. Там же.
68. Гюльденштедт И.А. Ук. соч., с. 479.
69. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 158-159.
70. Там же.
71. Гюльденштедт И.А. Ук. соч., с. 4798.
72. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 160.
73. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей, с. 692. Цитирую по работе Н.Г. Волковой. Ук. соч., с. 160.
74. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 160.
75. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 160.
76. Там же, с. 160-161.
77. Там же, с. 161.
78. Там же, с. 162; АКАК, Т. 4. – Тифлис, 1870, с. 902.
79. Там же, с. 163.
80. Ахмадов Я.З., Ахмадов Ш.Б., Багаев М.Х., Хизриев Х.А., История Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Учебное пособие. – Грозный, 1991, с. 50.
81. Сулейманов А.С. Ук. соч., Ч. 2, с.78-79.
82. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов, Т.1. – М., 1957, с. 95.
83. Вахушти Багратиони, Ук. соч., с. 151.
84. Гамрекели В.Н. Ук. соч. Карта 1733 г. Цитирую по работе Волковой Н.Г. Ук. соч., с. 163.
85. Гюльденштедт И.А. Ук. соч., с. 460.
86. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 1. – М., 1859, с. 260.
87. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 1, М., 1859, с. 261.
88. Гюльденштедт И.А. Ук. соч., с. 477.
89. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 164.
90. Там же.
91. Клапрот Ю. Ук. соч., с. 11. Цитирую по работе Волковой Н.Г. Ук. соч., с. 165.
92. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. История, география и этнография Дагестана. – М., 1958, с. 227.
93. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. История, география и этнография Дагестана. – М., 1958, с. 243.
94. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823, с. 167-169.

95. Ахмадов Я.З., Ахмадов Ш.В., Багаев М.Х., Хизриев Х.А. Ук. соч., с. 50.
96. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 165-166.
97. Сулейманов А.С. Топономия Чечено-Ингушетии, Ч. 2. – Грозный, 1978, с. 115.
98. Там же, с. 116-132.

§ 2. Феодалные владения на равнинной территории Чечни в XVIII веке

В рассматриваемое время на территории равнинной Чечни, вплоть до начала движения горцев под руководством имама Мансура в 1785 – 1791 гг., источники называют некоторые наиболее крупные и влиятельные вайнахские феодалные владения (княжества), в которых управляли либо добровольно пришедшие князья, либо приглашенные князья и феодалы из соседних районов Северного Кавказа – Кабарды, Кумыкии и Аварии. Так, например, в 20 – 40-х годах XVIII века чеченскими селами на равнине владели князья кумыкского происхождения Бардыхановы и Чапаловы из с. Эндери (Андрей-аул), князья Казбулатовы из Аксая, князья Айдемировы и Ваматовы из с. Брагуны и Топли, князья Черкасские из Большой Кабарды, князья Терлоевы (Турловы) из Аварского владения и т. д.

В специальном «Реестре горским владельцам» за 1732 г., составленном Д.Ф. Еропкиным, обозначено, что кроме с. Чечен-аул во владении вайнахских князей и владельцев в это время находились следующие деревни: Хажи-аул, Астанкул, Жатага (Атага – Ш.А), Шихкирей (Чахкери – Ш.А), Сурь (Суыйра-Корт – Ш.А.), Хамбат-аул, Башин-Баха-аул, Алда.¹ Кроме того, в 30 – 40-х годах XVIII в. во власти этих же князей находились также другие вайнахские деревни: Большая Чечня, Малая Чечня, Большая Атага, Горячевская или Исти-Су, Топли², Шали, Герменчук,³ Маюр-туп, Гехинская⁴ и др. Некоторые из перечисленных сел, например, селения Хажи-аул, Атага, Чахкери, Суыйра-Корт и т. д., упоминаются также в источниках первой половины XIX века среди прочих населенных пунктов Чечни, расположенных по р. Аргун. В 1747 г. владельцем над чеченскими селами Герменчук и Шали документы называют князя Девлет-Гирея Черкасского.⁵ В 1757 г., по сведениям дореволюционного исследователя П.Г. Буткова, жители чеченских сел Чечен (Чечен-аул – Ш.А.) и Горячевское (Исти-Су) находились под властью их прежних феодалных владельцев Росланбека Айдемирова и Кучука Баматова.⁶

Архивные материалы этого периода свидетельствуют о том, что чеченцы-качкальковцы являлись данниками аксаевских (кумыкских) владельцев, которые удерживали подвластных чеченцев исключительно при помощи царских штыков.⁷ Документальные источники 60-х годов XVIII в. подтверждают также, что карабулаки, одноплеменцы чеченцев и ингушей, жившие в вершинах р. Сунжи, Аксая, Васай-су и Бал и имевшие около 300 дворов населения, находились в зависимости от эндерийских, брагунских и некоторых кабардинских князей и платили им подати.⁸ Народ ингуши, известный под именем кистов или киштинцев, – сообщает дореволюционный

исследователь П.Г. Бутков, – и живущий между реками Терек и Сунжа, также испытывает притеснения со стороны аксайских и кабардинских князей.⁹

В 70-х годах XVIII века исследователь И.А. Гюльденштедт также называет в Чечне по р. Аргуну довольно большое число феодальных владений (селений) так называемых независимых чеченцев: с. Большой Чечен в 40 верстах от слияния р. Аргуна с р. Сунжей, а ниже по Аргуну – с. Гаджи-аул (Хажи-аул). Эти два селения считались весьма крупными, так как имели по 500 дворов населения в каждом, а также к ним были присоединены многие союзные им деревни: вверх по Аргуну – с. Большая Атага и присоединившаяся к нему д. Закурова Атага; далее – с. Малая Атага и присоединившиеся к ней деревни Гендергеной, Бенаул-Узек и Мартан.¹⁰ Как отмечает известный исследователь Н.Г. Волкова, местоположение перечисленных выше чеченских селений вплоть до 40-х годов XIX века не изменилось, а некоторых из них (например, с. Атага) и значительно позднее.¹¹ Кроме указанных выше сел, расположенных по р. Аргуну, исследователь И.А. Гюльденштедт называет еще ряд чеченских владений – селения Шали и Герменчук по 300 дворов в каждом, с. Новый Чечен или Янгикент, расположенное по правой стороне р. Сунжи.¹²

Как известно, в 1747–1749 гг. чеченские князья Арслан-бек (Расланбек) Айдемиров, Алибек и Алисултан Казбулатовы и владелец с. Топли находились на государственном жаловании. Более того, все названные выше чеченские князья и владельцы в свое время принесли присяги верности российским властям на Кавказе и находились в прямой зависимости от них.

Как же все-таки обстояло дело с управлением князьями и владельцами в вайнахских феодальных владениях в рассматриваемое время?

Во-первых, документальные источники четко фиксируют распространение неюридической власти пришлых князей и владельцев на отдельные вайнахские села, расположенные в основном на равнинной и предгорной части Чечни и Ингушетии. Во-вторых, по нашим наблюдениям, именно в тех вайнахских селах, где распространялась власть пришлых князей, местное население, как правило, придерживалось внешне лояльной пророссийской ориентации. Это обстоятельство было связано, по-видимому, с тем, что пришлые князья и владельцы, как правило, не выбирались местным населением из своей среды, в отличие от старшин, а назначались и утверждались (иногда с согласия местных жителей и старшин) царскими властями в Кизляре. Об этом свидетельствует тот факт, что пришлые вайнахские князья и владельцы, как мы отмечали выше, вместе с их подвластными узденями и старшинами находились на твердом государственном жаловании русских властей. Кроме того, известно также, что вайнахские князья и владельцы обязаны были регулярно, в течение нескольких лет, отдавать царским властям в Кизляр в качестве заложников (аманатов) своих детей или ближайших родственников в знак лояльности и верности России (это была своего рода присяга). Рассмотрим далее подробно, что же из себя представляли в рассматриваемое время наиболее крупные и влиятельные феодальные владения на территории равнинной части Чечни в XVIII веке.

Феодалное владение князя Девлет-Гирея Черкасского

О характере отношений вайнахских князей и владельцев с русскими властями, на довольствии которых они состояли, можно судить по тем данным, которые подтверждают архивные материалы относительно вступления в Герменчукские и Шалинские владения в 1747–1749 гг. царского офицера, ротмистра Девлет-Гирея Черкасского (из Кабарды).¹³ Известно, что в 1750 г. русскими властями был повышен денежный оклад чеченскому владельцу Девлет-Гирею Черкасскому с 40 руб. до 120 руб. в год «для поощрения оного в верной службе».¹⁴ Кроме того, царская администрация на Кавказе удовлетворила просьбу Девлет-Гирея Черкасского и с 1748 г. разрешила ему свободный пропуск «быков, коров, рыбы, полотняного товару» из Кизляра в Герменчук. Вместе с тем, подвластным князя Девлет-Гирея людям выдавалось специальное разрешение на свободный проезд для торговых целей в гребенские казачьи городки за печатью самого Девлет-Гирея Черкасского.¹⁵

Как видно из утверждений исследователя П.Г. Буткова относительно привилегий и поощрений, предоставляемых русскими властями местным владельцам, последним предоставлялся воинский конвой для охраны и плотники для строительства, которые периодически менялись. Также всем им отпускалось денежное жалованье.¹⁶ Наряду с соответствующими привилегиями в то же время русское правительство предъявляло к местным владельцам определенные требования, которые выражались в следующем: местные владельцы и князья должны были держать подвластный народ в повиновении, не позволять отдельным горцам нападать на казачьи станицы и на проезжих людей на дорогах, а в случае убийства или ограбления кого-либо, отыскать убийцу, ограбленное отнимать и возвращать, а также находить самих виновных и т. д.¹⁷

Несмотря на такое обстоятельство и «невзирая на то, что с печатью своих владельцев чеченцы имели всюду свободный проезд и доступ, кроме того, им разрешалось брать соль из русских озер и т. д., – пишет Г.А. Ткачев, – чеченцы плохо исполняли единственное условие своего подданничества и непрерывно его нарушали».¹⁸ Одновременно с вовлечением чеченских обществ в подданство России, Девлет-Гирей Черкасский обязан был «ведать, какие оные народы и кто владельцы, сколько деревень или владений, а прежде сего, под чьим владением были».¹⁹

Говоря о повинностях и податях, которые должны были нести подвластные чеченцы в пользу Девлет-Гирея Черкасского, то они, по-видимому, «не превышали обычных для Чечни повинностей в пользу своего князя – мерка зерна со двора и один баран со стада в год». У князя были участки земли, которые обрабатывались трудом холопов. Личные доходы Девлет-Гирея постоянно росли как за счет эксплуатации личных холопов, которых у него было только в 1758 г. 10 семей, так и за счет сбора налогов с населения своих аулов, а также со сбора пошлин с торговых караванов, проходивших через территорию владения Девлет-Гирея Черкасского.²⁰

В середине 50-х годов XVIII века князь Девлет-Гирей Черкасский, до этого управлявший чеченскими селами Герменчук и Шали, из-за его жестокого обращения с подвластными крестьянами был изгнан местными жителями.

После этого с разрешения царских властей на землях, где раньше чеченцы и брагунцы выпасали свой скот, т. е. вблизи Червленного городка, князем Девлет-Гиреем было основано поселение, получившее впоследствии название Девлетгиреевское.²¹ Благодаря близкому географическому расположению с. Девлетгиреевского к русским крепостям и казачьим станицам, а также всякого рода льготам, предоставляемым князю Черкасскому царскими властями, жители села вели оживленную торговлю в Кизляре и в соседних казачьих станицах. Жители села сеяли много проса, которое вывозили на продажу в Кабарду. Они выращивали также виноград, занимались скотоводством и коневодством.²² Кроме того, с. Девлетгиреевское находилось в чрезвычайно выгодном географическом положении по отношению ко всей Чечне, Кабарде и Кумыкии, поскольку оно было расположено на территории между представителями российской администрации и различными горскими народами Кавказа. В конце XVIII века в с. Девлетгиреевском насчитывалось уже 335 семей, в том числе представители Чермоевского тайпа – 58 семей, Чармахойского тайпа – 62, Энгелинского тайпа – 40, Зандакского тайпа – 84, Киавского тайпа – 36 и Ауховского тайпа – 45. Кроме этих тайпов, в с. Девлетгиреевском проживали в рассматриваемое время представители еще 9 чеченских тайпов: Шуаной, Харачой, Энгиной, Курчалой, Цонтарой, Чанти, Терлой, Чинахой, Лешхой, из них первые 5 тайпов – из Ичкерии, а остальные – выходцы из Аргунского ущелья.²⁴ В 1799 г. сын Девлет-Гирея – Баммат-Гирей в 5 – 6 км восточнее с. Девлетгиреевского основал аул Баммат-юрт (ныне с. Виноградное). Основу селения составили чеченцы и кумыки, которые вместе с князем Бамматом переселились в XVIII веке на равнину. В основном в с. Баммат-юрте проживали ичкерийские тайпы Цонтарой, Беной, Ширдой, а также тайпы из других районов – Дышни, Ялхой и Лой.²⁵

Феодалные владения князей Турловых

Другими чеченскими владельцами, которые наравне с Девлет-Гиреем Черкасским правили на территории Чечни в XVIII веке, были князья Турловы (из Аварии). В июне 1720 г. кабардинский князь Эльмурза Черкасский во время пребывания его в Санкт-Петербурге сообщал о чеченцах, живущих на р. Сунже, что «владеет ими (чеченцами – Ш.А.) князь, именуемый Терлов сын, который живет и княжует в местечке, называемом Буюк-Кент...».²⁶ Согласно этому документу, как утверждает профессор Я.З. Ахмадов, владение князя Турлова локализовалось на территории района, прилегающего к р. Сунже, в местечке «Буюк-Кент» (чеч. Бугун-юрт), т. е. в одном из аулов, который входил в общество Алда.²⁷ Другие же села этого общества подчинялись родственникам Турлова, более богатым и известным в народе князьям – Казбулату и Амир Тарзе, чья княжеская резиденция находилась в Чечен-ауле. После смерти князя Казбулата, который был дядей Турлову, все Алдинское общество признало своим владельцем Турлова. Кроме Алдинского общества, князья Турловы владели вместе с князьями Казбулатовым и Айдемировым аварским обществом Гумбет, которое было поделено на три части между этими княжескими фамилиями.²⁸

С 1747 г. наравне с другими чеченскими владельцами князь Турлов находился на государственном жалованьи царизма и получал денежный оклад

50 руб. серебром в год, а 10 его узденей – по 5 руб. каждый.²⁹ Судя по денежному жалованию, которое было определено российскими властями местным узденям, последние являлись достаточно сильной и влиятельной социальной опорой вайнахских князей и владельцев. Князья Турловы, в отличие от некоторых других вайнахских князей и владельцев, как указывает об этом исследователь Я.З. Ахмадов, «не являлись и не считались собственниками земли чеченских обществ, в которых они правили». Они подчас выполняли обязанности местных старшин, права и обязанности которых передавались по наследству. В то же время, как сообщают источники, князья Турловы взимали подати (ясак) с подвластных чеченцев, налагали на них штрафы за невыполнение решений аульных сходов и получали определенную часть от захваченной в набегах добычи. Определенным источником доходов князей Турловых являлась также эксплуатация холопов.³⁰ Территория княжеских владений Турловых находилась в географически выгодном положении (известно, что через владение Турлова проходил торговый путь из Кабарды в Дагестан), и князья взимали пошлины с проезжих купцов, силой брали дань со стад, пасущихся вблизи их земель. Князья Турловы имели большие богатства и от скотоводческого хозяйства. Известно, что в результате взимания с подвластных чеченцев «продуктовой ренты, ежегодно у князей увеличивалось не менее чем на 1000 голов рогатого скота». Большие прибыли имели князья Турловы от продажи нефти из имеющихся у них в собственности нефтяных колодцев. Ежегодно на Кавказской Линии реализовывалось 500 и более бочек нефти стоимостью 16 рублей медными деньгами за бочку. Огромные денежные средства имели Турловы и за торговлю солью. Известно также, что в 1811 г. соль из Наура отпускалась чеченцам через Магомеда Турлова.³¹

Изгнанные подвластными чеченцами в 1782 г. из Алдинского общества князья Турловы после этого в официальных документах (письмах и рапортах) Кизлярского коменданта на имя «алдинского народа» более не фигурируют. Согласно утверждению исследователя П.Г. Буткова, местные князья Кайтуков и Турлов, изгнанные в 1784 г. из с. Топли, также основали два селения против Наура: одно село – Верхний Наур; другое – Нижний Наур.³² В 1800 г. владельцами в этих селениях были Магомет и Муса Турловы и двоюродный их брат Алибек Турлов. Население этих сел увеличивалось, сообщают документы, как за счет узденей и холопов, так и за счет переселенцев, которые селились на «праве оброка» и выполняли различные работы на участках князей Турловых.³³

Феодалное владение князя Расланбека Айдемирова

В рассматриваемое время известный чеченский князь Расланбек Айдемиров (из с. Брагуны) также имел в вайнахских аулах Алды, Чечен-аул, Топли в личной собственности выделенные ему обществом участки земли, для обработки которых и для домашней работы содержались холопы. Как правило, холопами были люди, захваченные в плен (ясыри), не вайнахского происхождения. Однако, кроме пленных ясырей, Расланбек Айдемиров покупал также ясырей на невольничьем рынке и использовал их в своем хозяйстве в качестве холопов.³⁴ Так, в специальном письме Расланбека Айдемирова на имя Кизлярского коменданта Оболенского от 25 августа 1747 г.

содержится просьба к русской администрации, чтобы она вернула ему холопов его, мужчин и женщин, содержащихся в Кизляре...³⁵ Другой документ от 15 сентября 1750 г. сообщает также о том, что чеченский владелец Расланбек Айдемиров имел при себе пленного ясыря – персианина по имени Акбас Байсикулов, которого использовал князь в качестве холопа.³⁶ По всей вероятности, князь Расланбек Айдемиров в рассматриваемое время, так же как и другие местные князья и владельцы, имел несколько десятков семей или дворов холопов в своем распоряжении.

Благодаря экономическому состоянию и поддержке богатой верхушки вайнахского узденства, без которой была слаба владельческая сила местных князей, – указывает профессор Я.З. Ахмадов, – последние составляли высший слой эксплуататорского сословия в Чечне и Ингушетии.³⁷ Не случайно вайнахские князья и владельцы стремились опереться на богатых узденей, пользовавшихся а обществе большим влиянием вследствие своего имущественного положения. Генерал Эльмурза Черкасский в своей реляции на имя Кизлярского коменданта Девица от 22 февраля 1749 г. указывал, что «всегда чеченская деревня силу имеет узденями».³⁸ Документальные материалы за 1749–1751 гг. свидетельствуют о том, что влиятельный чеченский князь Расланбек Айдемиров имел при себе знатных узденей по имени Кучук, Абата Ильясов, Абата Козиш, Махмуд Замицуев, Актуллу Турлов и т. д. Более того, житель горной Чечни Цамурза Тамарзоев из знатного тайпа Цонторой являлся узденем крупного землевладельца на равнинной части Чечни Расланбека Айдемирова и находился в вассальной зависимости от него.³⁹ В письме Кизлярского коменданта на имя чеченского владельца Расланбека Айдемирова от 26 августа 1762 г. называются имена старых и новых узденей и их аманатов от подвластных князю селений. В числе узденей князя Айдемирова названы: сын муллы из с. Алды – Эльдерхан Исханов; Адаев – из с. Алды; Чабаяв из с. Чечен-аул, Булат-хан – брат владельца Ахлова; сын узденя Нога-мурзы; сын узденя Аджихана Хасаева из с. Чечен-аул – Домба Аджиханов; уздень Амраз Хамзиев из с. Топли; сын узденя Ногамурзы из той же фамилии (тайпа); дети узденя Мурзакая.

Отметим также, что в рассматриваемое время часть старшин, так же как и уздени, находилась в вассальной зависимости от местных князей и владельцев. Так, в письме чеченских старшин из с. Чечен-аул – Лавараслана, Иды, Матая, Сулеймана, Казанби, Акмурзы, Уруса и Мичи, адресованном князю Расланбеку Айдемирову от 14 февраля 1764 г., сообщалось, что все они находятся в подвластии Расланбека и называют его своим владельцем.⁴¹ С 1748 г. князь Расланбек Айдемиров и зависимые от него уздени в количестве 20 человек находились на государственном жалованьи. Расланбеку Айдемирову было определено 50 руб. в год, а 20 узденям его – каждому по 5 руб. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Расланбек Айдамиров вместе со своим отрядом принимал активное участие в боевых действиях в составе русских войск против турок в походе генерала де-Медема за Кубань. Имя Расланбека Айдемирова вошло в список лиц, представленных генералом де-Медемом императрице Екатерине II с просьбой «о показании некоторой отличности».⁴²

Активное участие князь Расланбек Айдемиров принимал также на стороне царских регулярных войск генерала де-Медема в разгроме восставших горцев Горячевских сел у Качкалыковского хребта 23 июля 1775 г. После этого князь Расланбек Айдемиров, как и прежде, был принят в подданство, и ему было пожаловано 150 руб. денежного довольствия в год; он имел у себя специальный караул из казаков, т. е. содержалась казачья команда из 10 человек для его нужд. Кроме того, генерал де-Медем выделил ему 4-х плотников для строительства его новой деревни на левом берегу р. Сунжи.⁴³ В рассматриваемое время чеченский князь Расланбек Айдемиров находился в более привилегированном положении в торговых отношениях Чечни с Россией. Пользуясь этим, он добивается беспошлинного ввоза и вывоза товаров, приобретенных его людьми на Кизлярском рынке. Так, например, Расланбек Айдемиров обращается с просьбой к Кизлярскому коменданту разрешить ему купить 5 лошадей и посуды оловянной один пуд.⁴⁴

В XVIII веке отдельные чеченские владельцы имели денежные доходы, причем немалые, от реализации нефти, добываемой на их территории. Так, например, Кизлярский комендант Вешняков в рапорте на имя генерала П.С. Потемкина от 23 апреля 1782 г. сообщал, что чеченскому владельцу Расланбеку Айдемирову разрешено продавать нефть на своей территории по цене 30 и более копеек за одно ведро.⁴⁵ Документальные сведения второй половины XVIII века свидетельствуют о том, что некоторые владения чеченского князя Расланбека Айдемирова находились также на территории соседних князей. Так, в письме Кизлярского коменданта на имя чеченского владельца Алисултана Казбулатова от 12 марта 1762 г. сообщалось о том, что селение князя Расланбека Айдемирова расположено во владениях князя Турлова и называется Качкалык.⁴⁶

Источники первой половины XVIII века, вплоть до начала движения горцев во главе с имамом Мансуром, фиксируют множество фактов обращения вайнахских владельцев и князей (с. Шали, Герменчук, Алды, Атаги, Чечен-аул и т. д.) к царской администрации, в частности, к Кизлярскому коменданту, с просьбой разрешить им вместе с их подвластным населением переселиться на равнинные земли по р. Терек и Сунжа, ближе к российской границе, под защиту царских властей. Кизлярский комендант, естественно, охотно идет навстречу просьбам местных князей и владельцев и разрешает переселяться и создавать новые села на отведенных им землях по р. Терек и Сунжа. Так происходило переселение горцев с предгорных чеченских сел вместе с их владельцами на равнинные земли и образование надтеречных и надсунженских селений.

Документы последней четверти XVIII века сообщают о том, что одна часть изгнанных из Чечни князей кумыкского происхождения возвратилась к себе в Аксай и Эндери, откуда они пришли в Чечню, другая же часть с разрешения российских властей основала новые селения на равнине между р. Сунжей и правым берегом р. Терека, напротив гребенских и моздокских казачьих станиц. Так, например, когда в 1762 г. Расланбек Айдемиров основал новый аул в нижнем течении р. Сунжи, Кизлярский комендант Ступишин писал князю, что это «весьма похвально почитается ему».⁴⁷ Чеченские князья,

находившиеся при Расланбеке Айдемирове и изгнанные в 1775 г. из с. Большая Чечня (Иоккха Чечена – Ш. А.), Большая Атага (Иоккха Атага – Ш.А.) и Топли, основали в том же году два селения на равнине, в которых насчитывалось 400 дворов.⁴⁸ Князь Касбулат и его брат, изгнанные вайнахами из с. Топли, также основали село около Наура, рядом с с. Терловых.⁴⁹ В 1778 г. в ответ на просьбу князя Расланбека Айдемирова и части жителей с. Алды разрешить им переселиться на реку Сунжу, Кизлярская администрация дозволила крестьянам перейти туда вместе с князем, ближе «к Амирханову броду».⁵⁰ В 1779 г. часть жителей с. Гехи поселилась напротив Наурской казачьей станицы. Они считались российскими подданными, – указывает исследователь П.Г. Бутков, – а потому и «были охраняемы от аксаевских владельцев, которые набегами своими не оставляли их в покое».⁵¹ Таким образом, в течение 40 – 70-х годов XVIII века по правому берегу Терека местными владельцами вместе с их подвластными жителями было основано шесть новых селений. Такое же количество сел было заложено вайнахами и на р. Сунже. Источники свидетельствуют также о том, что во вновь образованных вайнахских селах по р. Сунжа и Терек, как правило, являвшихся селами пророссийской ориентации, в основном проживали не природные холопы, а добровольно переселившиеся простые горцы-крестьяне, с которыми по возможности их хозяева – князья и владельцы – старались мирно уживаться.⁵²

Феодальные владения князей Алисултана и Алибека Казбулатовых

В XVIII веке наравне с вышеописанными феодальными владениями на территории равнинной Чечни были расположены также владения других чеченских князей – братьев Алисултана и Алибека Казбулатовых из Аксяя. Согласно источникам, князья Алибек и Алисултан Казбулатовы владели чеченскими селениями Атаги и Чечен-аул. Кроме того, в XVIII веке князья Казбулатовы совместно с другими чеченскими князьями Турловым и Айдемировым владели также аварским обществом Гумбет, которое было поделено на 3 части между этими княжескими фамилиями. Владельцы Алибек и Алисултан имели в личной собственности в чеченских селах определенное количество земли, которая обрабатывалась холопами и другой беднейшей частью зависимого населения. Алибек Казбулатов имел «холопов 12 дворов»,⁵⁴ которые постоянно работали на своего хозяина. Однако на князя Алибека Казбулатова работали не только крестьяне из Чечни, но также из Дагестана. Так, например, в 1758 г. дагестанец по имени Шала-Хаджи Кехов, задержанный царской администрацией на границе с Чечней, сообщал, что он шел в Чечню «для испросу» у Алибека Казбулатова «к сеянию под пашни землю». Незадолго до этого от Казбулатова получил якобы землю и его сын.

Князья получали от подвластных аулов определенные размеры податей, долю от захваченной в набегах добычи, штрафы от лиц, нарушивших постановления Народных собраний и т. д. Распространенным видом продуктовой ренты был ясак, известный как подать, налог. «Желудочными» потребностями феодала определялись размеры ясака. Дореволюционный исследователь У. Лаудаев свидетельствует: «Ясак, или подать, платили по условиям хана (аварского – Ш.А.) с жителями. Условия эти, смотря по обстоятельствам, т. е. большему или меньшему влиянию хана на страну,

изменялись, т. е. подати увеличивались или уменьшались. Обыкновенно платили от количества рогатого скота, овец, лошадей и прочего. Бывали примеры, что от овец платили 3 %, от скота 1 %...». ⁵⁷ Кроме продуктовой подати, важным источником доходов вайнахских феодалов являлась отработочная рента. Источник середины XVIII века сообщает о том, что жители некоторых вайнахских селений по нескольку дней работали «всенародно, по своим обычаям, для пахания на владельца и посеяния хлеба». ⁵⁸

Князья Казбулатовы получали также денежную ренту от добычи нефти на территории Чечни, от ее торговли. «Нефть сделалась объектом купли, продажи, спекуляции и наживы», установилась здесь «откупная система» ⁵⁹, – пишет профессор Л.Н. Колосов. Это, естественно, давало дополнительный доход социальной верхушке и новые страдания, и разорение простым горцам-крестьянам. Кроме уплаты различных видов названной ренты, вайнахи должны были нести в пользу своих феодалов или князей ряд других повинностей, в частности, военную и подводную. «Первая обязывала население участвовать в военных походах и набегах феодалов, защищать их от внешних нападений, а вторая – перевозить на своих подводах нужные феодалу вещи». ⁶⁰ Князья Казбулатовы имели узденей в Чечне, которые были связаны с ними вассальными отношениями. По данным 1748 г. Алибеку Казбулатову подчинялось 10 чеченских узденей. Некоторые чеченцы и ингуши не только признавали власть пришлых феодалов, но находились в прямой зависимости от них. Один из чеченцев Магома Казыев в 1757 г. на допросе в Кизляре пояснил, что «холоп он природный чеченского владельца Алибека Казбулатова, деревни Алды». Можно предположить, что зажиточная часть узденей находилась в вассальной зависимости от феодалов, другая (основная) часть населения выполняла договорные повинности в пользу пришлых феодалов, а третья (незначительная) часть холопов находилась в полной зависимости от феодала. ⁶¹

Сторонником российской ориентации был также и старший чеченский князь Казбулат и его сыновья – Алибек и Алисултан Казбулатовы, которые в 1733 г. «находились со своими подвластными при русском командующем на Северном Кавказе генерале Гессен-Гомбургском и участвовали в сражении с войсками крымского хана Фети-Гирей-Султана, двигавшегося в Прикаспий». ⁶² Вайнахские владетели давали письменные заверения русским властям и приводили своих подвластных крестьян и людей к присяге на верность русскому государству. Они верно служили царизму, получая от него за это разные награды, льготы и поощрения. В 1735 г. чеченский князь Алисултан Казбулатов принял «присягу подданства» и отдал в заложники в Кизляр своего младшего брата Бамата. ⁶³ В 1747–1748 гг. на основании решения Коллегии Иностранных дел чеченские князья Алибек и Алисултан Казбулатовы получили годовое денежное жалованье по 25 руб. на каждого и 100 руб. на 20 узденей. ⁶⁴ Но уже к 1764 г. владелец Алисултан Казбулатов, по свидетельству документальных источников, получал 75 руб. жалованья в год. Будучи недовольным этим, настоятельно просил разрешения у Кизлярского коменданта отпустить его в Петербург, чтобы получить свои награды, чины и добиться увеличения жалованья, «обещая за это и впредь служить верноподданнической своей должности». ⁶⁵ Алисултан Казбулатов старался привлечь на сторону

России и своих подвластных чеченцев. В этих целях в подвластном ему селе Алды он, по собственным его словам, «призывал чеченцев, чтобы они всемирнолюбившей государыне свое покорение принесли и состояли б по-прежнему в верном подданстве».⁶⁶ Царское правительство, в свою очередь, брало под свое покровительство чеченцев и ингушей, опираясь на социальные верхи, в частности, на владельцев, поставленных над чеченцами, подкупая их всевозможными наградами и льготами за их службу в пользу России.⁶⁷

В то же время царизм, не всегда доверяя присягам верности владельцев, главным условием принятия их под свое покровительство ставил переселение владельцев со своими подвластными жителями с гор на равнины – к берегам Сунжи и Терека, а также выдачу ими аманатов (заложников). С такими условиями, конечно, вайнахи не всегда и не охотно соглашались. Особенно отказывались вайнахи давать аманатов, большинство из которых царские власти держали в положении жалких, бесправных рабов. Горцы соглашались на добровольное подданство России, – пишет профессор Н.А. Тавакалян, – на присягу о верности ей, но только без выдачи аманатов.⁶⁸ Как и опасалось царское правительство, не все ранее присягавшие России местные владельцы и князья оставались верными до конца. Они часто и легко нарушали данную ими присягу, если она не отвечала их интересам. Так именно поступил чеченский владелец Алисултан Казбулатов. Движимый чувством личной обиды и узкокорыстных классовых интересов он, не добившись получения жалования от царизма наравне с другим чеченским владельцем Расданбеком Айдемировым, а также поссорившись с ним в дележе подвластных им земель – аулов, и претендуя на первое место в правах владычества над ними, поднял мятеж и со своими подвластными жителями ушел в горы с берегов р. Сунжи.⁶⁹

В рассматриваемое время чеченские князья Алибек и Алисултан Казбулатовы и подвластный им народ были крайне заинтересованы в расширении торгово-экономических связей с русскими, для чего они настойчиво добивались разрешения свободного проезда в Кизляр и Моздок и снижения торговых пошлин. Из рапорта, поступившего с Шадринского форпоста к Кизлярскому коменданту от 18 февраля 1751 г., узнаем, что к Шадринской заставе прибыли едущие в Кизляр для торговли чеченский владелец Алибек Казбулатов с узденями своими. Все вместе на 4-х верховых лошадях и с четырьмя арбами товаров...⁷⁰ Желание торговать с русскими было не только у равнинных чеченцев, но и у горных жителей. Так, например, в письме чеченского владельца Алибека Казбулатова к Кизлярскому коменданту от 23 декабря 1758 г. говорится о том, что к нему приехали люди из горного чеченского аула владельца Султана Азнаурова и просили, чтобы «он с ними поехал провожать их до казачьих городков, куда они едут для купечества».⁷¹

Феодальные владения князей Айдемира Бардыханова и Мусала Чапалова

Документальные сведения начала 20-х годов XVIII века повествуют о том, что чеченские князья – старший Айдемир Бардыханов и Мусал Чапалов из с. Эндери, владели «знатною частию чеченцев».⁷² В 1732 г. в числе первых названо с. Чечен (по-видимому, с. Чечен-аул или Большие Чечни), центр Чеченского феодального владения, которое находилось недалеко от места

впадения р. Сунжи в р. Терек. Владельцами с. Чечен-аул документы называют чеченских князей Камбулата, Амир-Гарзе и Айдемира Бардыханова.⁷³ В 1733 г. источники указывают также чеченского князя Айдемира Бардыханова владетелем селений Большие Чечни и Большие Атаги.⁷⁴ В рассматриваемое время феодальное владение князя Айдемира Бардыханова занимало, видимо, среди других княжеских владений в Чечне достаточно высокое положение, и сам князь также пользовался определенным влиянием и авторитетом среди прочих князей не только в Чечне, но и в соседней Кумыкии. Известно, что князь Айдемир Бардыханов неоднократно участвовал на стороне русской армии в боевых действиях против турецко-крымских войск в 1735–1739 гг., которые несколько раз вторгались на территорию Северного Кавказа. Поэтому вполне понятно, почему крымский хан Каплан-Гирей накануне и в ходе военных действий против России на Северном Кавказе усиленно добивался расположения к себе, в первую очередь чеченского князя Айдемира Бардыханова. «Чеченский князь Айдемир Бардыханов, – указывает П.Г. Бутков, – приведенный к верности (России – Ш.А), по многим от хана (крымского – Ш.А.) письмам и подзывам не только к нему не поехал и людей не отпустил, но и немалые отгоны лошадей из войск ханских и другие вредительства показал». За боевые заслуги, а также в целях закрепления его верности России царское правительство назначило князю Айдемиру Бардыханову и его 20 узденям крупное денежное и натуральное жалованье: князю Бардыханову – 50 руб. в год; 20-ти узденям его по 5 руб. на каждого в год, а сыну Айдемира Бардыханова – Бардыхану, 13 руб. 20 коп. в год. В знак своей верности России, – указывает профессор Я.З. Ахмадов, – в 1735 году Айдемир принял «присягу подданства и отдал в заложники своего сына Бардыхана».⁷⁹

Чеченцы с. Большие Чечни и Большие Атаги экономически тяготели к Кизляру, где они могли приобрести необходимые товары и продавать там излишки продуктов своего труда. Однако им также чинили всевозможные препятствия. Несмотря на то, что отдельные равнинные чеченские и ингушские селения во главе с их князьями (владельцами) и старшинами часто присягали русским властям, и в знак своей верности ежегодно отдавали аманатов в Кизляр, они периодически обращались за разрешением торговать в Кизляре. Так, например, чеченский князь Айдемир Бардыханов, «получавший часть своего жалованья натурой», также добивался разрешения у царских властей продавать муку и овес «кизлярским обывателям».⁸⁰ Источники сообщают также, что в первой четверти XVIII века князья Айдемир Бардыханов и Мусал Чапалов имели в своем подчинении часть чеченского узденства.⁸¹ Как и прочие чеченские князья, Айдемир Бардыханов владел значительными земельными угодьями, покосными землями и пастбищами на территории чеченских сел Большие Чечни и Большие Атаги. Ущемляя права и интересы основных производителей – чеченских крестьян, Айдемир Бардыханов расширял свои владения, используя труд крестьян-односельчан, и эксплуатировал домашних рабов и холопов. Кроме того, в рассматриваемое время землевладение князя Айдемира Бардыханова увеличивалось как за счет захвата общинных земель, так и за счет земель, полученных от других, соседних князей за различные услуги.

В рассматриваемое время зависимые крестьяне селений Большие Чечни и Большие Атаги отбывали в пользу князя Айдемира Бардыханова множество податей и повинностей. Несмотря на их многообразие, главенствующей формой феодальной повинности была продуктовая рента, которая базировалась на феодальной собственности на землю и зависимости крестьян от своего феодала. Продуктовая рента была связана самым тесным образом с натуральным характером хозяйства. Кроме того, во владении князя Айдемира Бардыханова, так же, как и у других чеченских князей и феодалов, существовала и отработочная повинность.

Таким образом, в рассматриваемое время на равнинной территории Чечни во владениях князей Турловых, Черкасских, Айдемировых, Казбулатовых, Бардыхановых, Чапаловых и др. мы наблюдаем более зрелые феодальные отношения, т. е. более высокую ступень развития феодальных отношений, чем в горах. Источники свидетельствуют о распространении неюридической власти чеченских князей и феодалов на многие равнинные и предгорные села. Население равнинных сел внешне придерживалось пророссийской ориентации. Чеченские князья и феодалы не выбирались местным населением, а назначались и утверждались Кизлярской администрацией. Местные князья и феодалы вместе с их подвластными знатными узденями и некоторыми старшинами находились на государственном жаловании и пользовались особыми привилегиями. Судя по источникам, местные князья и владельцы должны были приводить своих подвластных жителей к присяге на верность русскому государству, а в знак принятия «присяги подданства» России князья и феодалы обязаны были отдавать в заложники в Кизляр близких своих родственников или детей.

Основное ядро феодальной эксплуатации в Чечне на равнине составляли холопы, ясыри, домашние рабы (лай), «рабочие люди», беднейшая часть узденства. Однако в ряде вайнахских владений между богатым феодалом и зависимой категорией крестьян стоял еще и свободный уздень. Пришлые князья имели в Чечне ряд известных вайнахских узденских и старшинских семей, которые были связаны с ними вассальными отношениями. Сила местных князей заключалась в их поддержке верхушкой вайнахского узденства. Поэтому местные князья и владельцы всегда и во всем стремились опереться на знатных узденей, пользовавшихся в обществе большим влиянием и авторитетом. Другая, основная и беднейшая часть узденства, выполняла договорные повинности в пользу местных князей. Материалы свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII века отдельные пришлые чеченские князья и феодалы имели владения на территории соседнего Дагестана.

Источником доходов местных князей и владельцев являлась эксплуатация холопов, домашних рабов, ясырей, беднейшей части узденства и т. д. Князья и владельцы вносили с подвластных жителей продуктовую ренту (ясак), которая выражалась, например, в одной мерке (бустург) пшеницы с каждого урда (около 0,5 га) посевной площади, а также в определенном количестве крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и т. д. Важным источником доходов князей и феодалов являлась также отработочная рента, которая выражалась в отработке у хозяина жителями подвластных сел по несколько дней сообща для

пахоты, посева и уборки урожая. Часть вайнахских князей и феодалов получала также денежную ренту от добычи и реализации нефти на территории Чечни трудом беднейшей части крестьянства. Денежная рента давала князьям солидные доходы от реализации нефти.

Использованная литература и источники:

1. Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. – М., 1958, с. 123.
2. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. II. – СПб., 1869, с. 258.
3. Там же, с. 258-259.
4. Ткачев Г.А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев. // Записки Терского общества любителей казачьей старины, № 9. – Владикавказ, 1914, с. 65-66.
5. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 1. – СПб., 1869, с. 258-259.
6. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 2. – СПб., 1869, с. 110.
7. ЦГВИА, ф. 52, оп.1.194, д. 408, лл.159, 162 об.
8. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 1. – СПб., 1869, с. 260-261, 300.
9. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. – СПб, 1809, с. 90.
10. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XIX в. – М., 1974, с. 172.
11. Гюльденштедт И.А. Ук. соч., с. 91.
12. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 2. – СПб., 1869, с. 258.
13. Ткачев Г.А. Ук. соч., с. 68.
14. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3378, ч. 4, лл. 46, об.47.
15. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3812, ч. 4, лл. 45; Бутков П.Г. Ук. соч., Ч.1. – СПб., 1869, с. 258-259.
16. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 2. – СПб., 1869, с. 23.
17. Ткачев Г.А. Ук. соч., с. 69.
18. Там же.
19. Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений. // Вопросы истории Дагестана (досоветский период), Ч. 2. – Махачкала, 1975, с. 297.
20. Там же, с. 297, 300.
21. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 2. – СПб, 1869, с. 258-259; Ахмадов Я.З. Ук. соч., с. 298.
22. Ахмадов Я.З. Ук. соч., с. 299.
23. Материалы по истории Дагестана и Чечни, Т. 3, Ч. 1. – Махачкала, 1940, с. 164.
24. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 183.
25. Там же.
26. АВПР, ф. 115. Кабардинские дела, оп. 115.1, 1720, д. 3, л. 1.
27. Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии. Вопросы истории Дагестана (досоветский период), Ч. 1. – Махачкала, 1974, с. 221.

28. Там же.
29. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 1. – СПб. 1869, с. 258.
30. Ахмадов Я.З. Ук. соч., Ч. 1, с. 222.
31. Там же.
32. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 2. – СПб., 1869, с. 112.
33. Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии. // Вопросы истории Дагестана (досоветский период), Ч. 1. – Махачкала, 1974, с. 223.
34. Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке. Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XIX в.). – Грозный, 1979, с. 61.
35. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 4282, л. 122.
36. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3619, л. 17.
37. Ахмадов Я.З. Ук. соч., с. 23.
38. Ахмадов Ш.Б. Ук. соч., с. 56.
39. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3696, л. 91; д. 3466, л. 50.
40. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3318, лл. 191-191об.
41. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3260, л. 52.
42. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3082, лл. 23,48; Ахмадов Я.З. Ук. соч., с. 80-81.
43. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 2901, ч. 2, лл. 55, об. 56.
44. Ахмадов Я.З. Ук. соч., с. 76.
45. ЦГА ДаАССР, ф.23, ед.хр.15, ч. 5(6), л. 297.
46. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 282, ч. 1, л. 122.
47. Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии. Ук. соч., с. 69.
48. Бутков Л.Г. Ук. соч., Ч. 2. – СПб., 1869, с. 112.
49. Там же.
50. Волкова Н.Г. Ук. соч., с. 186.
51. Бутков Л.Г. Ук. соч., Ч. 2. – СПб., 1869, с. 62.
52. Там же.
53. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3700, л. 86; д. 3272, л. 69; д. 1584, л.21.
54. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 2982, ч. 1, л. 16.
55. Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в. Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI-XX вв.). – Грозный, 1980, с. 54.
56. Ахмадов Я.З. Ук. соч., с. 54.
57. Лаудаев У. Чеченское племя. Ук. соч., с. 12-13.
58. АВЛР, ф. Кабардинские дела, 1757, оп. 115.1, д. 8, л. 36.
59. Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893-1917). – Грозный, 1962, с. 26.

60. Тавакалян Н.А. О классах и классовой борьбе в чечено-ингушском обществе во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XX в.). – Грозный, 1979, с. 86.

61. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, Т. 1. – Грозный, 1967, с. 64.

62. Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVIII – нач. XX вв. – Грозный, 1981, с. 61.

63. Бутков Л.Г. Ук. соч., Ч. 1. – СПб., 1869, с. 158.

64. Ахмадов Я.З. Ук. соч., с. 20.

65. Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России. Археолого-этнографический сборник. Т. 2. – Грозный, 1968, с. 99.

66. АВЛР, ф. Кумыкские дела, 1759 – 1781 гг., оп. 121.1, д. 1, л. 12.

67. Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России. Археолого-этнографический сборник. Т. 2. – Грозный, 1968, с. 101.

68. Там же.

69. Там же, с. 102.

70. Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVIII – нач. XX в. – Грозный, 1981, с. 84.

71. Там же, с. 91.

72. Бутков Л.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г., Ч. 1. – СПб., 1869, с. 122.

73. Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. Ук. соч., с. 123.

74. Бутков Л.Г. Ук. соч., Ч. 1. – СПб., 1869, с. 122.

75. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. – Грозный, 1991, с. 52.

76. Бутков Л.Г. Ук. соч., Ч. 1. – СПб., 1869, с. 122.

77. Там же.

78. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3755, л. 13.

79. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. – Грозный, 1991, с. 53.

80. Ахмадов Я.З. Ук. соч., с. 54.

81. Гриценко Н.Л. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – второй половине XIX в. // Труды ЧИННИИЯЛ, Т. 4. – Грозный, 1961, с. 104.

§ 3. Вольные общества в горной Чечне в XVIII – начале XIX века. Территориальное и политическое устройство вольных обществ

На территории современной Чечни в XVIII – нач. XIX в., как известно, не сложились единые централизованные государственные образования.

Политическая карта Чечни в это время оставалась довольно пестрой. Здесь наряду с политическими образованиями, феодальными владениями или княжествами на равнине, одновременно в горах продолжали сосуществовать так называемые «вольные» общества или союзы сельских обществ вайнахов, в которых шел интенсивный процесс социальной и имущественной дифференциации.

Говоря о формах политического устройства горной Чечни в XVIII веке, авторы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа замечают крайнюю раздробленность и наличие здесь в это время множества независимых друг от друга обществ чеченцев и ингушей. Раздробленность и разобщенность вайнахских обществ, пишут авторы, более всего заметна была в горах, где формой объединения тайпов являлись союзы или ассоциации (тукхумы, джамааты) обществ.¹

Как известно, в XVIII – XIX вв. терминами «общества», «округа», «республики» и т. д. в дореволюционной русской кавказоведческой литературе называли различные политические образования или объединения союзов сельских общин, существовавшие в горах у народов Дагестана, Чечни и Ингушетии. Известный дагестанский ученый М.А. Агларов замечает, что дореволюционный исследователь И. Гербер в самом начале XVIII века «впервые ознакомил читателя и открыл для русской исторической науки так называемые «вольные общества» как управляемые выборными представителями и имеющие самостоятельный статус политической единицы».

Проблема экономического развития и политического устройства вольных обществ или союзов сельских обществ чеченцев и ингушей как таковая в историографии истории Чечни и Ингушетии, к сожалению, до последнего времени вообще не ставилась и не рассматривалась. Исключение составляли работы местных ученых Т.А. Исаевой и Я.З. Ахмадова, в которых данные авторы касаются этой проблемы лишь вскользь, в контексте анализа отдельных вопросов проблемы социально-экономического развития и политического положения чеченцев и ингушей в XVII–XVIII веках. Так, исследователь Т.А. Исаева замечает, что «политическое устройство чечено-ингушских обществ было во многом схоже с дагестанскими вольными обществами».³ Профессор Я.З. Ахмадов указывает, что «на территории Чечено-Ингушетии существовал «ряд союзов сельских общин или, как определяют историки, «вольных обществ», которые управлялись народными собраниями и старшинами».⁴

В начале 70-х годов XX столетия исследователь В.П. Дзагурова отмечала, что союзы сельских обществ – это особый тип политических образований, сложившихся в период средневековья. Таких союзов сельских обществ в период и накануне присоединения Дагестана к России насчитывалось до 60. Среди них были небольшие союзы, объединявшие несколько обществ или даже ограничивающиеся пределами джамаата, и крупные, объединявшие несколько таких обществ, например, Акуша-Дарго. Союзы сельских обществ расположены были в основном в горах, в данном случае в западном, центральном и южном Дагестане, в условиях, которые как в географическом, так и в стратегическом плане способствовали правильной организации

обороны, «что имело огромное значение для противодействия захватнической политике феодальных властей».⁵

Вслед за отдельными дореволюционными исследователями, утверждавшими о союзах сельских общин (вольных обществ) как о демократических и федеративных республиках горцев (С. Броневский), данный тезис без критического его анализа был взят на вооружение некоторыми советскими исследователями. Так, в конце 40-х годов XX столетия современный исследователь Л.А. Брюханов в работе, посвященной государственному устройству и административному управлению «вольных» обществ Дагестана в XVIII в., указывал, что вольные общества Дагестана являлись чуть ли не демократическими республиками. Однако известный ученый-кавказовед, профессор Р.М. Магомедов решительно не согласен с подобными утверждениями автора. Он замечает, что вольное общество – это не племя и не союз племен, а особая политическая организация сельских общин-джамаатов.⁷ И далее, развивая и углубляя свою мысль по данной проблеме, Р.М. Магомедов сообщает, что объединение населения вокруг вольного общества происходило на основе племенного родства, и в каждом вольном обществе или союзе вольных обществ сохранялись границы их прежнего племенного деления, свой отличительный язык или диалект. Наконец, каждое такое вольное общество состояло из определенного числа джамаатов (сельских общин). Возражая точке зрения Л.А. Брюханова о его характеристике вольных обществ Дагестана, Р.М. Магомедов прямо указывает, что вольное общество Дагестана не являлось никакой демократической республикой.⁸ «Неточным термином «вольное общество», введенным русскими исследователями в XIX веке, – утверждает профессор В.Г. Гаджиев, – в исторической литературе именовались относительно независимые от посторонней власти раннефеодального типа сельские общины, объединенные в один союз вокруг более крупного селения».⁹

Обратимся еще к мнению очень авторитетного ученого дореволюционной России, крупнейшего исследователя законов и обычаев народов Кавказа М.М. Ковалевского о вольных обществах, имевших различные по составу населения. Судя по утверждению М.М. Ковалевского, вольное общество создавалось благодаря тому, что древнейшему и могущественнейшему (влиятельнейшему) селению «удавалось нередко путем молчаливо заключенных союзов взять на себя руководство судьбами соседних с ним обществ, и в этом случае сельский старшина этого аула принимал на себя предводительство в военных походах и сосредотачивал в своих руках судебное разбирательство и вне пределов общины». Так, например, анализируя деятельность Акушинского вольного общества, состоявшего из пяти даргинских селений, автор замечает, что во главе этого общества стояло древнее и могущественное село Акуша. Кадий этого главного селения принимал во время войны руководство ополчением соседних четырех сел, от их имени объявлял войну и заключал мир, и все это делалось после принятия решения на сходе сельчан. Как правило, указывает далее М.М. Ковалевский, в Акушинском вольном обществе не встречались факты насилия со стороны главного селения над подчиненными.¹¹

Что же из себя конкретно представляли в XVIII – нач. XIX в. так называемые вольные общества в условиях горной Чечни и Ингушетии, и в чем их отличительная особенность от других политических образований вайнахов этого периода?

Как известно, в конце XVIII века в ряду других исследователей, состоявших на военной службе в России, иностранец, подполковник Л.Л. Штедер в 1781 г. совершил экспедицию по Северному Кавказу с целью составления военно-топографической карты и геологического обследования края. Он посетил земли чеченцев, ингушей, карабулаков и т. д. и оставил некоторые сведения об общественном устройстве горных жителей края. В рассматриваемое время на территории Чечни Л.Л. Штедер называет наиболее крупные вайнахские общества – Четчен, Ингуш, Карабулак и Акки, а ингуши, по сведениям автора, разделялись к тому же еще на 7 родов (тайпов) – Тергимха, Аги, Хамхой, Чартой, Цимкалбох, Геулаву, Вапи и т. д. Описывая формы общественного управления горных вайнахов в рассматриваемое время, Л.Л. Штедер замечает, что карабулаки имеют «демократическую конституцию» и общественные дела решают голосованием на общих собраниях, но зато в частных делах у них господствует (управляет – Ш.А.) старейшина (фаустрехт).¹²

В 70-х годах XVIII в. по заданию Российской академии наук во главе первой научной экспедиции на Северном Кавказе, в частности, в горной Чечне и Ингушетии, побывал академик И.А. Гюльденштедт. По результатам историко-географического обследования края он называет и перечисляет в своей работе округа (по-видимому, общества – Ш.А.), называя их «дистриктами», расположенные в так называемой Кистинской провинции (области) в горах: Ингуш, Ахкингурт, Ардахли, Вапи, Осет, Макалр, Ангуш (Большой), Шалха или Малой Ангуш. В так называемой Чеченской провинции (области) И.А. Гюльденштедт также указывает ряд округов (обществ – Ш. А.): Араки, Кулга или Дганти, Галгай или Галга, Джанти, Чабрило, Шабет, Чисхрикакер, Карабулак, Меести, Мереджи, Галашки, Дубан.¹³

Говоря же об общественном устройстве кистин (ингушей) в так называемых горных обществах, исследователь И.А. Гюльденштедт замечает, что ингуши не имеют у себя дворянства, но зато имеют «исстари знаменитых родов: Мацеки, Боза, Чев и Пшанув, из коих они, как независимый народ, выбирают себе старшин и судью, который управляет именем целого общества».¹⁴

Однако другой известный дореволюционный исследователь начала XIX века С. Броневский не совсем согласен с точкой зрения И.А. Гюльденштедта относительно административного деления им Чечни на округа, замечая, что «сие разделение на округа нельзя почитать определенным», поскольку он (С. Броневский) не видит заметного различия округа или волости от колена, потому что и обширные области, и малые волости, по мнению С.М. Броневского, включают в себя несколько деревень, принадлежащих неизвестно к какому колену¹⁵ (по-видимому, автор имеет в виду общество с конкретным тайповым или тукхумным названием – Ш. А.). И далее С. Броневский заключает, что «каждое колено (общество – Ш.А.) разделяется на малые

общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из коих одна признается главою союза или сборным местом и обыкновенно все общество называется по имени главной деревни». Так, например, общество Карабулак (Аршты), по мнению этого автора, имело главную деревню Боко, называемую по имени знатнейшего старинного рода.¹⁶ Между прочим, в Ингушетии и сегодня живут потомки родоначальника Боко из общества Карабулак по фамилии Боковы.

Безусловно, надо полагать, что называемые исследователями И.А. Гюльденштедтом, Л.Л. Штедером и С.М. Броневским округа или колена (общества) Чеченской и Кистинской провинций (в данном случае в горных районах) представляли собой в рассматриваемое время не что иное, как вольные общества, а точнее союзы сельских обществ чеченцев и ингушей. В административном отношении во главе нескольких десятков маленьких сел находилось то или иное крупное и влиятельное село (общество) с конкретным тайповым (тукхумным) названием.

Относительно данной проблемы более чем сдержанно и даже неопределенно высказываются авторы обобщенного труда по истории народов Северного Кавказа. В нем сказано, что в предгорных и высокогорных районах Чечни существовал целый ряд союзов сельских общин, известных в российских источниках под названием «обществ», горских землиц или земель.¹⁷

Имеющиеся материалы недвусмысленно подтверждают, что в XVIII – нач. XIX века в условиях Чечни вольные общества или союзы обществ локализовались сугубо в горах, в горных районах, а отчасти и в высокогорье. Кроме всего прочего, под вольными обществами подразумевались многочисленные селения (аулы) вайнахов в горах, не подверженные, в отличие от сел на равнине, ни российскому административно-политическому влиянию, ни вайнахскому феодальному княжескому правлению. Вайнахские вольные общества, так же, как и у дагестанских народов, имели свои собственные наименования. В одном случае у вайнахов вольные общества назывались, по-видимому, по имени того или иного большого и влиятельного тайпа, в другом случае – по имени тукхума или ваъра. Последнее встречалось у вайнахов относительно реже.

Как видно из материалов, политическое устройство вайнахских обществ было во многом схоже с дагестанскими вольными обществами. Русские источники XVI–XVII веков дают различные наименования горных «землиц»: Окотской, Тибутской, Мерезинской, Калканской и др. Соответственно называются локальные группы населения: «окотские люди», «калканские люди». В источниках XIX века эти земли, – указывает исследователь Т.А. Исаева, – называются «обществами» или «вольными обществами». Термин «общество» в дореволюционной литературе употреблялся как синоним «общины», под «обществом» подразумевалась также группа сел.¹⁸ Кроме того, по-видимому, в рассматриваемое время каждое из этих так называемых политических объединений вайнахов в горах – союзов сельских обществ (тукхумов) – называлось также по имени той или иной большой и влиятельной деревни, вокруг которой группировались более мелкие деревни с представителями близкородственных тайпов, либо представители известного и

многочисленного тайпа подчиняли себе соседние вайнахские селения. Поэтому под тем или иным крупным обществом, как правило, подразумевалось не одно вайнахское селение, а, возможно, несколько десятков. С другой стороны, параллельно шел и другой процесс. В пределах крупных союзов сельских обществ, а точнее сказать – внутри этих обществ, происходило слияние отдельных мелких селений в более крупные. Последнее обстоятельство, хотя и приводило к уменьшению численности маленьких селений, но от этого общая территория союза вольных обществ не сокращалась.

Поскольку в предыдущем параграфе (§1) данной главы нами подробно названы и перечислены известные «вольные» общества вайнахов в горах, а также некоторые крупные союзы сельских обществ с их названиями и общим количеством входивших в них мелких обществ и селений, в данном параграфе работы мы намеренно не останавливаемся на этом вопросе.

В рассматриваемое время соответственно названию широко известных коренных вайнахских тайпов или тукхумов: Беной, Белгатой, Билтой, Варандой, М1айстой, Нашхой, Харачой, Цонтарой, Чермой, Эг1ашбатой, Элистанжой, Эрсаной, 1алирой и т. д., параллельно в горных районах Чечни существовали крупные общества или селения с идентичными названиями: Бена (общество), Беной-тайп, Беной-юрт; Нашха (общество), Нашхой-тайп, Нашхой-юрт; Чермой (общество), Чермой-тайп, Чермой-юрт; Эрсаной (общество), Эрсаной-тайп, Эрсаной-юрт; 1алирой (общество), 1алирой-тайп, 1алирой-юрт и т. д. Выше мы уже отмечали высказывания дореволюционного исследователя С. Броневского относительно вольных обществ в горах Чечни и Ингушетии, которые он склонен называть также и «кавказскими республиками».¹⁹

В конце XIX века местный исследователь, хороший знаток общественного быта вайнахов У. Лаудаев, называя одну из причин, побудившую половину фамилий (представителей разных тайпов – Ш.А.) чеченского племени переселиться на свободные земли из-за недостатка земли от умножившегося народонаселения, указывал, что земли вайнахов, поделенные на участки, заселяются, как правило, теми же фамилиями (тайпами), которыми они были заняты впервые, и носят те же названия, например, Чермой-Мохк, Чермой-лам, означающие земли Чермоевской фамилии (тайпа), гору Чермоевцев; Дишний-Мохк – дишнинская земля; Харачой-лам – харачоевская гора и т.д. Называя Ичкерия (Нохч-Мохк, Де-Мохк – Ш.А.) отцовскою землею, – сообщает далее У. Лаудаев, – горцы доказывали тем самым, что они вышли из этого горного края, в котором они имели свои фамильные (тайповые) поземельные участки. «Ичкеринцы строили аулы, как и шатоевцы, на своих участках, и придавали аулам название фамилий, например: Черми, Харани, Цонтари и прочие, от фамилий (тайпа – Ш.А.) Чермоевской, Харачоевской, Цонтроевской и т. д.».²⁰

В XVIII – начале XIX века вольные общества в горах Чечни имели свои собственные территории, которые оберегались и охранялись всеми имеющимися средствами защиты. Каждое вольное общество, по-видимому, состояло из представителей одного тайпа или нескольких близкородственных тайпов, составлявших объединения определенного числа сельских общин

(обществ). У дагестанских народов под сельскими общинами подразумеваются «джамааты».

Известно также, что сельские общины вайнахов, в зависимости от численности представителей тех или иных тайпов, входивших в их состав, были либо крупные, либо мелкие. Поэтому утверждать о многочисленности того или иного вольного общества и о положении, занимаемом им в зависимости от количества сельских общин (тайпов), входящих в состав данного общества, не совсем верно. Часто случалось, что некоторые вольные общества вайнахов с небольшим числом сельских общин из крупных тайпов, входивших в них, фактически превышали по количеству населения те вольные общества, которые составляли большое количество сельских обществ (общин) из относительно маленьких тайпов. И такие вольные общества более успешно решали как внутренние, так и внешнеполитические вопросы.

В то же время в горах Чечни существовала другая часть вольных обществ, которая объединялась между собой и образовывала союзы вольных обществ (тукхумы) из представителей нескольких близкородственных тайпов. «Эти образования (союзы вольных обществ – Ш.А.) в одних случаях объединяли несколько сельских общин, указывают авторы обобщающего труда по Истории народов Северного Кавказа, а в других – являлись наименованием отдельных тайповых организаций, включающих одно-два поселения».

Союзы вольных обществ или, правильнее сказать, союзы сельских обществ, как правило, состояли из представителей различных тайпов, но одного тукхума. Каждый такой союз (тукхум) в качестве своего политического центра имел наиболее крупное село или аул. Такими союзами обществ или территориальными объединениями в рассматриваемое время в горах Чечни являлись Чеберлой, Шотой (Шубуты), Ч1аьнтий, Нашха, Аькххи, Маьлхи, Джерах, Цори, Галгай, Фяппий и т. д.

«Основной целью создания союза сельских обществ, – пишет дагестанский ученый М.-С.К. Умаханов, – являлась защита интересов всех входивших в его состав сел от посягательства со стороны других союзов или феодальных владений».²³

И, наконец, в горах Чечни существовала третья категория вольных обществ, которая продолжала развиваться как отдельная территориальная политическая единица и не входила ни в какие другие сельские общества и не образовывала с ними никакого другого общего союза (тукхума), например, Майстой, Садой, Лешхой и др. Все это являлось, безусловно, наглядным доказательством чрезвычайной раздробленности населения.

В отличие от дагестанских вольных обществ, вайнахские общества в XVIII – начала XIX в. имели общий язык (разница была лишь в союзах вольных обществ (тукхумах), где был свой диалект или наречие) и четко обозначенные самостоятельные территориально-административные границы с соседними сельскими обществами и т. д. Политические и административные центры имелись, по-видимому, так же, как и в Дагестане, лишь в союзах вольных обществ вайнахов.

Известно также, что вольные общества или союзы вольных обществ были расположены близко друг от друга и управлялись самостоятельно или под

руководством старшин главного селения. Однако «вольность» некоторых обществ следует понимать весьма условно, ибо они зачастую попадали под влияние феодалов владетелей или же более крупных и влиятельных сельских обществ, которые притесняли своих слабых «союзников» вплоть до взыскания с них податей.

Главное отличие вольных обществ или союзов обществ в горной Чечне от княжеских или феодальных владений на равнине заключалось в том, что во главе вольных обществ стояли избранные народом старейшины (старшины) и Народные сходы (собрания). Идентичную картину мы наблюдаем в это время и в горной Сванетии (Грузии).²⁵ Кроме того, общественно-политические и экономические отношения в них регулировались обязательными для всех жителей нормами обычного права (адатами), которые в рассматриваемое время, так же, как и в Дагестане, «претерпели существенные изменения, отражали социальную дифференциацию внутри сельских обществ».

Как правило, все союзы вольных обществ были равны между собой и никто в союзах не мог прямо и открыто навязать свою волю другим членам общества. Однако были сильные союзы обществ (тукхумы), которые могли повлиять на принятие сельскими обществами угодных им решений по различным вопросам, а также захватить лучшие пахотные земли, пастбища и добиться избрания своих представителей в административные органы управления. Внутри сельских обществ, как известно, еще задолго до рассматриваемого времени шел процесс имущественного неравенства, в результате которого бедные, обездоленные крестьяне-общинники попадали в зависимое положение от сельской верхушки.

В XVIII – начале XIX в. во всех вайнахских вольных обществах, надо полагать, были свои политические органы. Из прошлой истории вайнахов известно, что в каждом обществе имелись совещательные, законодательные, судебные и исполнительные органы. Такими органами были «Советы старейшин» (Къаной кхеташо) и «Народное собрание» (Халкъан гулам). Совет старейшин и Народное собрание общества созывались в условленном месте. Каждое вольное общество по мере необходимости созывало Народное собрание для решения особо важных дел. Во время работы Народного собрания власть старейшин и кадиев, а также жрецов, по-видимому, несколько ограничивалась. В Совет старейшин входили, кроме самих старейшин, известные предводители военных походов (баьччи), кадии, муллы, жрецы, тамады тайпов (тайпанан тхьамда) и т. д.

Собрание представителей от всех сельских общин вольного общества, как правило, созывалось в главном селении общества. Например, Щонтароевское вольное общество располагалось в горах. Центром этого общества являлось с. Щонтарой. Когда возникала необходимость в решении жизненно важных вопросов, касающихся всего общества, то в Щонтарой съезжались представители от всех сельских общин этого общества, т. е. представители всех тайпов и ваьров, входивших в сельские общины и составлявших данное вольное общество. Последнее решающее слово при вынесении окончательного вердикта по внутренним и внешнеполитическим вопросам оставалось за

представителями богатой знати и духовенства, крупными землевладельцами и скотовладельцами данного общества.

Однако параллельно Советам старейшин и Народным собраниям отдельных вольных обществ функционировали другие Советы старейшин – «Мехк-кхелы» (дословно «Суд страны», чеч.) более высокого ранга, созываемые, как правило, в наиболее крупных и независимых союзах вольных обществ Чечни и Ингушетии. На них решались далеко неординарные, а, напротив, очень важные судьбоносные вопросы страны. Такими известными вайнахскими центрами сбора «Мехк-кхела» страны являлись: общества Майсты, Кий, Нашаха, Щонтарой, гора Мизир-корта, Кхеташ-корта, Жеми-барз²⁸ и т. д. В данной работе мы отдельно рассматриваем деятельность вайнахского общественного органа «Мехк-кхел».

В рассматриваемое время в некоторых вайнахских вольных обществах, по-видимому, были военные предводители или вожди (баьччи – чеч.). Жители обществ избирали баьччи, как правило, перед походом. По свидетельству дагестанского ученого Р.М. Магомедова, у даргинцев во всех их делах в роли военных предводителей выступали кадии. Они были наделены в военное время неограниченной властью, которая ограничивалась «в мирное время деятельностью Народных собраний».²⁹

Как мы отмечали выше, в XVIII – начале XIX в. во всех вайнахских обществах, начиная от сельских общин одного горского аула и кончая большими союзами сельских обществ, внутренняя общественно-политическая и духовная жизнь регламентировалась на основе норм обычного права – адатов. Взаимоотношения между вольными обществами и союзами вольных обществ строились на основе договоров и соглашений, полностью опиравшихся на местные адаты вайнахов и решавших многочисленные вопросы хозяйственного и общественного характера.

Однако уже в первой половине XIX века ни вольные общества, ни союзы вольных обществ вайнахов, взятые в отдельности, в плане их территориального единства уже не представляли особой политической силы. Был нарушен принцип формирования вольного (сельского) общества по тайповому и тукхумному признакам родства. Объединение сельских общин внутри вольного общества происходило чисто по территориальному признаку. В состав вольного общества или союза вольных обществ входили представители различных тайпов, тукхумов и сельских общин. Таким образом, происходило этническое смешение населения одного вольного общества вайнахов с другим, причем с представителями разных тайпов, тукхумов, диалектов или наречий. Кроме того, в рассматриваемое время одна часть вайнахских вольных обществ находилась под руководством старшин главного селения союза сельских обществ, а другая часть – под политическим влиянием феодализирующей знати.

Использованная литература и источники:

1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 1988, с. 400.

2. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII – начале XIX в. – М., 1988, с. 8.
3. Исаева Т.А., Исаев С.А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI–XVIII вв.). Общественные отношения чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начале XX вв.). – Грозный, 1982, с. 45.
4. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. – Грозный, 1991, с. 27.
5. Дзагурова В.П. Еще раз о союзах сельских обществ // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). – Махачкала, 1974, с. 82.
6. Брюханов Л.А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX века. // Сборник трудов Пятигорского госпединститута, Вып.1. – Ставрополь, 1947, с. 158.
7. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. – Махачкала, 1957, с. 115.
8. Магомедов Р.М. Ук. соч., с. 63.
9. Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана. (Проблемы, история изучения, перспективы). Общественный строй союзов сельских обществ Дагестана в XVIII – начала XIX в. – Махачкала, 1981, с. 25.
10. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе, Т. 2. – М., 1890, с. 162.
11. Там же, с. 163-164.
12. Штедер Л.Л. Дневник путешествия по пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. – Лейпциг, 1797; Цитирую по книге В.М. Аталикова Страницы истории. – Нальчик, 1987, с. 96-107.
13. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа в 1770 – 1774 гг. – СПб, 1809, с. 115.
14. Там же, с.110.
15. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823, с. 156-157.
16. Там же, с. 158,168.
17. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 1988, с. 295.
18. Исаева Т.А., Исаев С.А. Ук. соч., с. 45.
19. Броневский С.М. Ук. соч., с. 157.
20. Чечня и чеченцы. Чечня и чеченцы в материалах XIX в. – Элиста, 1990, с. 80 – 81.
21. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 1988, с. 295.
22. Там же, с. 295.
23. Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. – Махачкала, 1973, с. 7.
24. Магомедов Р.М. Ук. соч., с. 63.
25. Калоев Б.А., Ковалевский И.М. и его исследования горских народов Кавказа. – М., 1979, с. 108.
26. Умаханов М.-С.К. Ук. соч., с. 7.

27. Хашаев Х.-М. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы. – М., 1965, с. 4-5, 41, 48.

28. Саидов И.М. «Мехк-кхел» («Совет страны») у вайнахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник (КЭС), Ч.2. – Тбилиси, 1968, с. 200.

29. Магомедов Р.М. Ук. соч., с. 117.

§ 4. Органы власти и управления в вольных (сельских) обществах вайнахов

В дореволюционных источниках и литературе по истории Чечни сохранились определенные сведения об органах власти и управления в горных селениях или в так называемых «вольных» обществах. Что же касается местных исследователей, писавших в советский период о дореволюционной истории вайнахов, то они вообще не касались проблемы административно-политического устройства «вольных» обществ горной Чечни в XVIII – начале XIX в. Между тем, необходимо подчеркнуть, что без правильного анализа данной проблемы на примере «вольных» обществ вайнахов не может быть создана объективная картина административно-политического устройства в целом всей Чечни в рассматриваемое время.

Говоря об органах власти «вольных» обществ вайнахов в XVIII – начале XIX в., следует отметить, что в дореволюционной исторической литературе руководителей вольных обществ называют либо предводителями обществ («баьчча»), либо старшинами. Русский офицер А.И. Ахвердов, находившийся в конце XVIII века на службе на Кавказе, о горных ингушах писал, что «старшины у них (ингушей – Ш.А.) хотя и есть, но мало уважаемы, а управляются они на древних своих правах духовными законами и древними обыкновениями».¹ Исследователь И.А. Гюльденштедт, посетивший в конце XVIII века горные районы Чечни и Ингушетии, сообщает о том, что чеченцы, живущие в горах, «не имеют дворянства, но выбирают между собой богатейших, а особливо имеющих большое родство, в старшины, коим они, однако, не столько повинуются, сколько им угодно».² Другой русский офицер С. Броневский, служивший на Кавказе в начале XIX века, отмечал, что чеченцы и ингуши в своих обществах управляются выборными старшинами, которые «обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно и руководствуются при этом духовными законами и древними обычаями»³ (адатами – Ш.А.).».

До выступления шейха Мансура в 1785–1791 гг. в вольных (сельских) обществах горной Чечни основные функции военачальника выполняли, по всей вероятности, военные вожди (баьччи), старшины или старейшины (почетные старики), а также известные во всем обществе духовные жрецы, которых выбирал и признавал сам народ. Каждый из них, в силу своих обязанностей и почетной должности, обязан был поддерживать порядок (низам) на всей территории сельского общества. При необходимости военачальник должен был организовывать военное ополчение и предводительствовать в

походе; руководить религиозными делами и быть верховным судьей при решении судебных дел на основе адатов, а затем и шариата.

Органы управления сельских общин (обществ), входивших в состав вольных обществ, в рассматриваемое время состояли также из старшин, старейшин, судей (кхелахой), почетных людей, Совета старейшин и Народного собрания. О некоторых из них говорят адаты вайнахов и устные исторические предания. Факты свидетельствуют также о том, что в сельских общинах «вольного» общества старейшины или так называемые «почетные старики» занимали ведущее положение в общественно-политической жизни горцев. В подтверждение к сказанному, т. е. о роли и месте старейшин или «почетных стариков» в обществе, обратимся к местным вайнахским адатам. Так, например, в описании механизма проведения суда по адату у вайнахов сказано, что «противники, желая кончить дело по адату, выбирают обыкновенно в посредники или судьи себе одного или двух старшин. Старшины для избежания лицемерия выбирать должны не из того колена (тайпа – Ш.А.) или токхума (тукхума – Ш.А.), которому принадлежат тяжущиеся, а непременно из другого. Старики (старейшины – Ш.А.) выслушивают отдельно каждого из разбирающихся, а, выслушав, произносят приговор».⁴

В вайнахских адатах зафиксированы также некоторые обязанности, которые выполняли местные старшины или «почетные старики» (старейшины): «Если какая-нибудь из тяжущихся сторон остается недовольной приговором и не хочет выполнить условий, на нее возложенных, то тогда тяжущиеся имеют дело не только с противником, но и со свидетелями и стариками, находившимися на суде, и те обязаны уже принудить его к исполнению...».⁵

Как видим, в этих адатах старшинам, которые одновременно выступают в качестве судей, отведена решающая роль. В то же время в адатах ничего не сказано о кадии и его роли. Это свидетельство того, что в сельских обществах и старейшины, и кадии занимали, по-видимому, далеко не одинаковую роль и положение. На основании приведенных выше решений адатов вайнахов мы можем констатировать, что решающее слово в судебно-административной системе сельских обществ принадлежало сельским старейшинам (старшинам), которые одновременно выступали и в качестве судей (кхелахой).

Между тем, как правильно замечает исследователь Р.М. Магомедов, «власть старейшин в джамаатах (сельская община – Ш.А.) являлась в значительной степени патриархальной, основанной еще в известной мере на авторитете и господстве обычаев».⁶

В рассматриваемое время, надо полагать, в некоторых вайнахских сельских обществах старейшины (старшины) выступали также и в роли военачальников, т. е. предводителей военных походов. Под руководством таких военачальников жители отдельных обществ совершали набеги на соседние территории. Предводителям военных дружин доставалась лучшая и большая доля награбленной добычи. По свидетельству П.Г. Буткова, при дележе добычи вожак (баьчча) получал вдвое больше остальных⁷, а по утверждению другого исследователя А. Зиссермана – он получал две трети⁸. «Такое привилегированное положение баьччей в обществе, – замечает профессор

Н.А. Тавакалян, – способствовало превращению этих когда-то равноправных со своими дружинниками вожаков в крупных феодалов».⁹

Старшины у вайнахов назывались словом «къаной». Установить численный состав старейшин в сельских общинах вольных обществ не представляется возможным. По-видимому, жители сельских общин выбирали себе старейшин по своему усмотрению. В некоторых обществах избирали по одному старейшине, а в других – по два и более.

В официальной переписке царской администрации с местной верхушкой на Кавказе упоминается о наличии у жителей вайнахских сельских обществ «старшин села», «главных старшин», «почетных стариков» и т. д. Между прочим, адаты чеченцев и ингушей сообщают о том, что, как правило, из «почетных стариков» выбираются у вайнахов общественные судьи (кхелахой).¹⁰

Как и во всех вольных обществах в целом, в каждой сельской общине в отдельности существовали свои органы власти – Совет старейшин (къанойн кхеташо) и Народное собрание (юьртан гулам). В Советы старейшин сельских общин выбирали старейшин села, почетных стариков, судей и руководителей тайпа (тайпан тамада – Ш.А.). Советы старейшин решали все повседневные дела. Серьезным органом сельского общества оставалось долгое время и Народное собрание, которое созывалось регулярно. На нем решались наиболее важные вопросы внутренней жизни сельского общества, принимались постановления, которые со временем закреплялись в качестве законов и обычаев вайнахов (адатов).

До утверждения ислама в каждой сельской общине, действовал суд по адату, а с первой половины XIX века – суд по шариату. Адаты вайнахов не дают сколько-нибудь значительных сведений об организации подобных судов, однако есть некоторые подробные сведения процессуального характера, указаны меры наказания за различные преступления. Сельские старшины разбирали различные ссоры и тяжёлые дела граждан. Недовольные решением старшин обращались к Народному собранию. На суде, где рассматривались дела лиц, совершивших преступления, большую роль играла присяга со стороны ответчика и его родственников. Вот что говорит по этому поводу местный вайнахский адат: «...Если же обе стороны (тяжущиеся – Ш.А.) имеют свидетелей, то таковые принимаются судом, и если свидетели эти хорошие люди, никогда ложно не присягали, то они приводятся к присяге. При этом проигрывает та сторона, свидетели которой откажутся принять присягу или которая выставит хотя бы на одного свидетеля меньше противной стороны. Если же обе стороны выставят равное число свидетелей, и они одинаково примут присягу, в таком случае предмет спора разделяется поровну между истцом и ответчиком»¹¹.

В конце XVIII – начале XIX века, по мере усиления религии ислам в горных районах Чечни и Ингушетии, власть кадия и муллы наравне со старшиной (старейшиной) начинает играть на территории вольного общества все более заметную роль. Кадий становится религиозной главой в обществе и верховным судьей при решении судебных дел на основе шариата. Власть кадия становится прочной. За свою работу кадий и мулла получали от населения

подати (закят) и судебные пошлины. Со временем старейшины (старшины), кадии и муллы в обществе превращаются в настоящих феодальных владельцев. По мере укрепления позиций мусульманского духовенства в вольных обществах, в его руках сосредотачиваются главные духовные и светские должности. В основном это касается кадия и муллы.

На суде по шариату кроме кадия и муллы участвовали также некоторые авторитетные члены данной сельской общины (джамаата).¹² Например, известно, что в наиболее крупных вайнахских селах, а также в союзах сельских обществ на суде участвовали духовные авторитеты рангом повыше – муфтии, которые контролировали почти все судебные и правовые иски гражданских лиц. Более того, муфтиям подчинялись сельские муллы и кадии.

Тяжущиеся, как правило, присягали на Коране или же в исключительных случаях руководствовались требованиями некоторых местных адатов, которые по большому счету не вступали в явное противоречие с шариатом. Чисто по шариату рассматривались судебные дела, которые относились к религии, семейным вопросам, завещанию, наследству и т. д. В рассматриваемое время сельские общества вайнахов составляли, как правило, жители того или иного селения (аула), которые являлись исторически сложившимся хозяйственным и общественным коллективом людей в виде общины. Такая община, состоящая из отдельных тайповых семей и их членов, как правило, в селе располагала своей общинной территорией (кварталом (куп, чеч.), своим строго ограниченным населением того или иного тайпа, а также своими обычаями и тайповыми старейшинами (тайпанан къаной). Взаимоотношения между отдельными тайпами и членами семей разных тайпов в сельском обществе строились на свободной и равноправной основе. Безусловно, у вайнахов, также, как и у соседних северокавказских народов, давно зародился и на протяжении веков существовал крепкий коллектив в виде отдельной сельской общины (общества), состоявший как из отдельных членов, так и из целых семей разных тайпов.

Использованная литература и источники:

1. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв. – М., 1958, с. 228.
2. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа в 1770-1774 гг. – СПб, 1809, с. 77.
3. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1923, с. 163-164, 181.
4. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. – Одесса, 1883, с. 25.
5. Там же, с. 26.
6. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX в. – Махачкала, 1957, с. 70.
7. Бутков П.Р. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч.1. – СПб, 1869, с. 260-261.
8. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 2. – СПб, 1879, с. 440.

9. Тавакалян Н.А. О классах и классовой борьбе в Чечено-Ингушском обществе во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Сборник статей «Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XIX в.)». – Грозный, 1979, с. 78-79.

10. Леонтович Ф.И. Ук. соч., с. 40.

11. Там же, с. 49.

12. Джамаат (арабское слово) – сельская община, сельский сход, собрание. Данный термин, более соответствующий по своему социальному содержанию «сельской общине» в Дагестане. Однако, в рассматриваемое время в Чечне с таким названием и содержанием понятие «джамаат» почти не практиковался до XIX в.

§ 5. Основополагающие принципы вайнахского тайпа

В рассматриваемое время внутритаиповое устройство вайнахского общества было основано на соблюдении и выполнении всеми его членами основных юридических норм адатов, выражавшихся в основном в вопросах уголовного характера, а также в семейных и наследственных делах. Тайп как семейная община характеризовался правами, привилегиями и обязанностями, предусмотренными для его членов правовым институтом адатов. В свою очередь, правовой институт вайнахского тайпа устанавливал для своих членов, а также в целом всему обществу 23 наиболее важных общественно-значимых и обязательных принципа.¹

С данным количеством основополагающих принципов, лежащих в основе вайнахской тайповой структуры, предложенным М.А. Мамакаевым, категорически несогласен исследователь Леча Ильясов, который считает, что автор в своей работе механически перенес правила, характерные для классического рода, например, римского, на тайп, который является социальной, а не кровнородственной структурой, и тем более не является классической родовой организацией. «Некоторые из перечисленных принципов М.А. Мамакаева, – указывает Л. Ильясов, – характерны для патронимии или для небольших тайпов, для ветви тайпа («гар»), образовавшихся за счет сегментации патронимии». Он же предлагает, в свою очередь, в качестве основополагающих для классического чеченского тайпа 9 признаков,² которые присутствуют среди 23 признаков, предложенных М.А. Мамакаевым.

Этнограф С.А. Хасиев считает, что предложенные М.А. Мамакаевым 23 основных общественно-обязательных принципа, характеризующих род, с таким же успехом, как и к вайнахским «тайпам», можно было бы формально перенести и к адыгским «братствам» («тлеух»).³ Это говорит об общности этих принципов у многих народов Северного Кавказа в XVIII – XIX вв.

Остановимся несколько подробнее на анализе основных принципов вайнахской тайповой структуры, предложенных авторами М.А. Мамакаевым и Л. Ильясовым в свете новых материалов (фольклорных и этнографических) и их концептуального подхода в связи с этим к данной проблеме.

1. Единство и незыблемость тайповых обычаев (законов) для каждого члена тайпа и его родственника.

2. Право на общинное землевладение. Если в XVII веке мы наблюдаем в горной Чечне общее владение всем тайпом пахотными землями, то позже, в XVIII веке, происходит раздел земли между отдельными семьями, что порождает имущественную и социальную дифференциацию в обществе.⁴ Л. Ильясов считает, что земли таиповой общины делились на 3 вида:

а) общие нераздельные земли (горные пастбища, берега рек и выгоны);

б) общие делимые земли (пахотные и покосные земли издревле);

в) собственные земли по праву первого завладения через очистку лесов. В недрах таиповой общины зарождалась частная собственность на землю или право исключительного владения, когда земля могла перейти к частным владельцам в бессрочный залог, либо могла быть продана или обменена.⁵

3. Объявление всем тайпом кровной мести другому тайпу за убийство и общественную дискредитацию члена своего тайпа. В этом случае собирался Совет старейшин тайпа погибшего члена и принимал решение об отмщении за убийство. Тайп убийцы также собирал свой Совет старейшин, который искал все способы и средства для достижения примирения с тайпом погибшего. Если две стороны не приходили к согласию, то собирался Совет племени из нейтральных тайпов и вырабатывал условия примирения. Условия были различные, в зависимости от положения того или иного тайпа. В случае отказа от примирения, пострадавшая сторона объявляла, кого она намеревается убить. Убийством виновника обычно заканчивалась кровная месть.

4. Безусловное запрещение брака между членами одного тайпа. «Если вступающие в брак из одного тайпа, то у них не будет многочисленного и здорового потомства», – утверждали вайнахские старейшины, чьи наблюдения и опыт доказывали отрицательное влияние браков на потомство между родственниками внутри одного тайпа.⁶

5. Оказание отдельным членам тайпа помощи в случае бедствий или несчастий. Традицией таиповой помощи и сегодня являются так называемые «белхи», сохранившиеся у вайнахов.

6. В случае смерти члена тайпа, объявление траура всем родом. Строгое воздержание от участия в увеселениях. Для близких родственников такой траур длился долго, а дальние же родственники снимали траур через определенный промежуток времени с разрешения ближайшего родственника умершего.

7. Тайп возглавлял предводитель тайпа или, как принято говорить, «тайпанан тхьамада».⁷ Тамада руководил Советом старейшин и участвовал во всех делах тайпа. Однако решающую роль в управлении тайпом играл не тамада, а Совет старейшин тайпа – демократическое собрание. Исследователь Л. Ильясов при этом замечает, что предводитель тайпа (тамада – Ш.А.) при принятии решений имел равный со всеми голос.⁸

8. Выбор предводителя, производившийся свободной договоренностью членов Совета старейшин, который состоял из взрослых мужчин тайпа, не носил наследственного характера. Предводитель или военачальник (баьчча) имел свод дружину (г1ера), выбирался на эту должность за его личные качества – храбрость, мудрость и красноречие. Военачальник (баьчча) пользовался властью только во время войны.

9. Каждый тайп имел свой представительный орган – Совет старейшин (Тайпанан кхел). Решение Совета старейшин было обязательным для всех членов данного тайпа. Также обязательным и беспрекословным было для каждого члена тайпа решение предводителя тайпа (тамады).⁹

10. Совет старейшин тайпа избирался из числа мудрых и уважаемых людей пожилого возраста, но независимо от имущественного ценза. Хотя номинально должность члена Совета старейшин и была пожизненной, однако существовало правило, при котором его могли сместить.

11. Совет старейшин тайпа заседал открыто: каждый чеченец по своему желанию мог присутствовать на нем, получить слово и высказать свое мнение. После окончательного решения вопроса на Совете право голоса имели только выборные члены.

12. Все члены Совета старейшин имели равные голоса.

13. Тайп имел право назначать и смещать своих предводителей (тайпанан тамада) и военачальников (баьчча). Хотя юридически закреплено было правило выбора и назначения собранием членов тайпа предводителя тайпа, однако фактически он сам выдвигался на эту должность в силу его особых личных качеств. Предводитель тайпа нес полную ответственность за проступки своих членов и моральную ответственность за свое неправильное решение по отношению к ним. В свою очередь, все члены тайпа должны были беспрекословно слушаться своего руководителя. Для разбора любого вопроса собирался Совет старейшин во главе с предводителем. Его решению подчинялись все. Молодежь и женщины в решении данных вопросов участия не принимали.

14. Бесправное положение женщины подтверждалось при решении правовых вопросов. Женщина лишена была права голоса в общественно-политической жизни тайпа. С одной стороны, женщина в семье пользовалась большим авторитетом, а с другой – она же была лишена гражданских прав.

В рассматриваемое время внутри тайпа хозяином отцовского права являлся муж. Жена полностью подчинялась неограниченной власти мужа. Однако убийство женщины в прошлом осуждалось и по сей день остается величайшим позором у вайнахов. Гражданские права женщины, кроме права голоса, оберегались наравне с мужчиной.¹¹

15. Право на усыновление посторонних лиц – принятие в состав своего тайпа нового члена. Тайп с большими торжествами принимал в свой состав нового человека. При этом вступающий обязан был в честь этого зарезать быка. Принятые в тайп не перенимали названия тайпа, никто не принуждал их к этому. Фамилии лиц, принятых в тайп, образовывались по признакам их этнической принадлежности. Отчество этих лиц не произносили. Например, Суьйлин Аба, 1аьндин Исраил, Пумкин Муса и т. д. Фамилии вайнахов, как правило, образовывались от имени их ближайшего предка. Но были случаи, когда фамилии образовывались от названия тайпа.¹²

16. Переход имущества умершего к членам тайпа. Имущество умершего после его смерти делили между собой члены его семьи и ближайшие родственники. И это право сохранялось среди вайнахов долго.

17. Каждый тайп имел свое определенное имя, – пишет М.А. Мамакаев, – полученное им от своего предполагаемого родоначальника или принадлежавшее исключительно ему одному. Однако исследователь Л. Ильясов несколько иного мнения по этому поводу. «На самом деле имена многих чеченских тайпов связаны, во-первых, с названием селений или местности, например, Пхьамат – пхьамтой, во-вторых, с профессиональной специализацией, ср. Белг'латой – работные люди; б'лавлой – строители башен; в-третьих, с этническим происхождением, ср. цадахарои – даргинцы», – указывает он в своей работе.

18. Тайп занимал особую территорию и имел свою тайповую гору, – указывает М.А. Мамакаев. Например, Деайн лам, Дишнийн лам, Тумсойн лам, Бенойн лам и т. д. По свидетельству Л. Ильясова, коренными чеченскими тайнами считаются те, которые имеют свою гору. Хотя известны случаи, когда те или иные тайпы вынуждены были уступать свои земли или горы в качестве платы за кровь в междоусобных войнах.¹⁴

19. Тайпу принадлежала и своя тайповая башня, возведенная его родоначальником. По местному адату, коренные жители страны вайнахов должны были иметь свои тайповые башни. Однако надо полагать, что эти башни принадлежали не всему тайпу, а его предводителю. К такому выводу приходит в своем исследовании местный археолог С.Ц. Умаров.¹⁵ Хотя известный этнограф-кавказовед М.О. Косвен утверждает, что в кавказских селениях было столько боевых башен, сколько патронимии,¹⁶ исследователь М.А. Мамакаев ему возражает, указывая, что владельцем боевой башни был глава небольшой группы кровнородственных семей – тара, а не вся патронимия.¹⁷ Так, например, боевые башни в Чечне сохранили имена своих первоначальных владельцев: Унтин-г'лала, Дугалин-г'лала, Алдам-г'лезин-г'лала, Зайтан-г'лала¹⁸ и т. д.

20. В прошлом, надо полагать, каждый тайп имел свое божество с определенным обрядом религиозного культа. В данном случае имеется в виду период до утверждения ислама в горах Чечни и Ингушетии, т. е. до выступления горцев Чечни и всего Северного Кавказа под руководством шейха Мансура в 1785–1791 гг. и национально-освободительного движения на Северном Кавказе в I половине XIX в. под руководством Шамиля. Повидимому, до принятия ислама религиозный культ вайнахов связывался с существованием мнимого божества у каждого тайпа, которому горцы поклонялись. Так, например, чеченцы припоминают такие выражения в прошлом: кхойн дела (бог кеноевцев), кл'ирдойн дела (бог кирдоевцев), т'ерлойн дела (бог терлоевцев), м'лайстойн дела (бог майстинцев) и т. д.¹⁹

21. Каждый тайп справлял праздники, связанные с культом своего божества. Известно, что члены тайпа регулярно отмечали в прошлом праздники весны, праздники урожая и т. д. Торжества, как правило, устраивались на майданах перед храмом «ц'лу» и сопровождались обильной едой и выпивкой. По случаю таких праздников горцы варили специальное домашнее пиво (йий). Безусловно, это было время до принятия в Чечне религии ислам.

22. Тайп имел отдельные тайповые кладбища. На таких кладбищах хоронили, как правило, только членов данного тайпа. Жену также хоронили на

кладбище тайпа мужа. Обычай, связанный с тайповыми кладбищами, у ваинахов существовал давно и долго. Однако впоследствии, в связи с малоземельем в горах и ростом численности населения, данный обычай стал постепенно нарушаться и тайповые кладбища стали превращаться в межтайповые.

23. Тайповое гостеприимство ваинахов. Гостеприимство (хьошалла) – священный закон, обязательный для всех ваинахов. «Оно высоко ценилось у горцев. Гостеприимство входило как важнейшая черта в кодекс настоящего вайнаха»,²⁰ – пишет Ш.М.-Х. Арсалиев. Плохое и неприветливое обращение с гостем вызывало общественное осуждение у ваинахов. Чтобы поднять авторитет и популярность своего тайпа, хозяин жертвовал для гостя решительно всем самым дорогим. За оскорбление гостя виновник должен был нести самое суровое наказание. За убийство гостя убийца должен был платить хозяину дома 7 коров, наследнику убитого – 63 коровы, или же на общих основаниях он становился кровником хозяина дома.²¹

Использованная литература и источники:

1. Мамакаев М.А. Чеченский тайп в период его разложения. – Грозный, 1973, с. 29. При написании данного параграфа нами использованы материалы работ М.А. Мамакаева и Л. Ильясова.

2. Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалий. // Вестник «Лам». Бюллетень Международного общественного и культурного Центра «Лам», № 4(8), май 2001. – Грозный, с. 36-37.

3. Хасиев С.А. О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX – нач. XX в.). Ук. соч., с. 75.

4. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 29.

5. Ильясов Л. Ук. соч., с. 37.

6. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 30.

7. Тамада (чеч. тхьамда) – тюрк. слово – старший, старейший.

8. Ильясов Л. Ук. соч., с. 37.

9. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 32-33; Ильясов Л. Ук. соч., с. 37.

10. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 32-33.

11. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 33.

12. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 35; Ильясов Л. Ук. соч., с. 37.

13. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 35; Ильясов Л. Ук. соч., с. 37.

14. Там же.

15. Умаров С.Ц. Памятники башенной культуры горной Чечено-Ингушетии. Ук. соч., с. 97.

16. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961, с. 40.

17. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 36.

18. Пала – в данном случае «башня», «крепость».

19. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 37.

20. Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогическое наследие чеченцев. – М., 1988, с. 229.

21. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 38.

§ 6. Роль тукхума¹ в общественном устройстве вайнахов

Для характеристики общественно-политического устройства «вольных» обществ или союзов вольных обществ в Чечне в XVIII – нач. XIX вв. большое значение имеет правильный анализ социального содержания, внутреннего устройства и основных функций вайнахского общественного института «тукхум».

До последнего времени среди исследователей разных школ и направлений, как дореволюционных (буржуазных), так и советских, а также некоторых местных авторов, существовали различные точки зрения относительно социального содержания и общественных функций общекавказского института «тукхум» (тукхум). Судя по утверждению дагестанского ученого М.А. Агларова, впервые о тукхуме, как о структуре джамаата джаробелоканских аварцев из Дагестана, отметил в 40-х годах XIX в. исследователь И.О. Константинов.² Несколько позже, в 80 – 90-х годах XIX в. известные дореволюционные исследователи – историки, этнографы и правоведы М.М. Ковалевский,³ Ф.И. Леонтович⁴ и др., относительно дагестанского тукхума утверждали, что это род. В частности, М.М. Ковалевский подчеркивал, что семейная община в Дагестане – это позднейшее явление родовой общины.⁵

В советский период, т. е. в 50-х годах XX столетия, небольшая часть ученых поддержала этот ложный тезис буржуазных исследователей. Так, например, известный профессор С.В. Юшков утверждал, что тукхумы на Кавказе – это родовые организации.⁶

За последние годы историческое кавказоведение преодолело этот перекося в науке, выразившийся в крайней архаизации роли тукхума в дагестанском обществе в XVIII – нач. XIX вв., и отказалось от далеко не научных взглядов М.М. Ковалевского, Ф.И. Леонтовича и их последователей. К сожалению, как нам представляется, среди ученых Дагестана и Чечни и сегодня нет единого мнения относительно общественного института тукхума. По мнению профессора Р.М. Магомедова, «тукхум в своей основе был не родом, а семейной общиной», а у даргинцев «тукхум по своему происхождению – это патриархальная домашняя семья»,⁷ – заключает он. «Дагестанский тукхум в XIX веке не был ни родовой, ни семейной общиной. Дагестанский тукхум – узкая группа людей, связанных между собой или кровным родством, или местом происхождения»,⁸ – утверждает профессор Х.–М. Хашаев. Профессор М.О. Косвен рассматривал тукхум как патронимию.⁹ Изучив историю табасаранского общества в рассматриваемое время, профессор М.Р. Гасанов приходит к выводу, что «тукхум – это семейная община, включавшая в себя широкий круг родственников, связанных кровными узами по отцовской линии».¹⁰

Такова точка зрения относительно института «тукхума» дагестанских исследователей.

Что же касается характеристики общественного института «тукхума» (тукхум) вайнахов, данной местным ученым М.А. Мамакаевым, чеченский тукхум, в отличие от дагестанского «тукхума», это не кровнородственный союз, а союз или ассоциация нескольких тайпов (родов) одного и того же племени.

Более того, чеченский тукхум, по мнению М.А. Мамакаева, «это своего рода военно-экономический союз определенной группы тайпов, не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач – защиты от нападения противника и экономического обмена».¹¹ Местный исследователь Л. Ильясов также считает, что чеченский тукхум – это закономерный процесс объединения тайпов в более крупные и сложные социальные организации.¹²

Как видим, судя по тем характеристикам, которые даны дагестанскими и вайнахскими исследователями относительно понятия и социального содержания института «тукхум» у дагестанцев и чеченцев, то «тукхумы» этих народов мало что имеют общего и даже отличаются друг от друга. Но с другой стороны, при внимательном анализе содержания дагестанского «тукхума» и чеченского «тайпа» (рода), обнаруживается весьма интересная деталь: дагестанский тукхум и чеченский тайп почти идентичны по своему общественному положению и социальному содержанию. Более того, если сравним общественно-политическое и социальное положение вольного общества или союза обществ Чечни и Дагестана в рассматриваемое время, то здесь также обнаруживается, что между данными политическими объединениями этих народов много общего.

Среди определенной части местных исследователей существует мнение о том, что между тукхумом и тайпом якобы нет существенной разницы кроме количественной, что тукхум, как и тайп, если подходить к их рассмотрению в динамике, «могут в определенной последовательности выполнять функции и рода (тайпа – Ш.А.), и фратрии, то есть союза родов».¹³

Однако, хотя тукхум и означает в переводе (неизвестно, с какого языка – Ш.А.) «семья», «яйцо», он не был в представлении вайнахов группой кровнородственных семей (тайпом), а представлял собой «союз родов (тайпов – Ш.А.), объединившихся во фратрию по своему территориальному и диалектологическому единству».¹⁴ «В дагестанский тукхум могли входить, – по свидетельству Х.М. Хашаева, – не только кровнородственные члены общества, но и представители из других тукхумов. Более того, в XIX веке тукхумы в Дагестане не знали ни общности производства, ни общности потребления».¹⁵

В рассматриваемое время вайнахский тукхум локализуется на фактически заселенной территории, где тайпы, входившие в него, занимались производительной деятельностью – земледелием, скотоводством, охотой, другими промыслами, ремеслом и торговлей. Каждый тукхум, а точнее его предствитель, разговаривал на том или ином диалекте общего для всех тукхумов вайнахского языка. Так, например, жителям Чеберлоевского общества (тукхума) свойственно было аканье (аса алу, аса малу, аса дау), а жителям Аккинского общества (тукхума) свойственно было оканье (ас олу, ас молу, ас доу) и т. д.¹⁶

В пользу того, что понятия «тукхум» и «тайп» у вайнахов являются далеко не идентичными, говорит тот факт, что тайп в отличие от тукхума имел своего предка-родоначальника и сохранял кровнородственное, экзогамное единство членов общины, в то время как в тукхуме строго соблюдалось территориальное и диалектное (языковое) единство. Таким образом, тукхум, как видно из примеров, это не кровнородственный союз, а естественно

образовавшееся братство из тайповых организаций. Тукхумы складывались из союза или ассоциации нескольких тайпов одного и того же племени, имея перед собой вполне конкретные и реальные задачи. Но в Чечне в это время были и союзы кровнородственных тайпов, образовавшиеся путем сегментации одного начального рода, например, чантийцы и терлоевцы. В состав тайпа терлоевцев входят такие кровнородственные группы, называвшиеся либо тарами, либо тайпами, как Бьшши, Бавлой, Жерахой, Кхенахой, Мацларой, Никларой, Оьшний, Санахой, Шуьндий, Элпхьархой¹⁷ и др.

В отличие от тайпа, где отсутствовала кровная месть среди кровнородственных семей, внутри вайнахского тукхума закон кровной мести был обязателен. Брак между членами вайнахского тукхума также не воспрещался. Все это говорит в пользу того, что среди членов тукхума уже отсутствовала традиция или обычай кровного родства.¹⁸

В отличие от тайпа, вайнахский тукхум не имел своего официального главы, равно как и своего военачальника (баьчча). Отсюда можно предположить, что тукхум являлся не столько органом управления, сколько общественной организацией, в то время как тайп являлся «логической стадией прогресса в развитии идеи управления». В то же время создание союза тайпов (тукхумов) представляло несомненный прогресс, «происходящий на одной и той же территории как неуклонный процесс, ведущий к возникновению нации...».¹⁹

В конце XVIII – середине XIX века вайнахское общество, если исходить из общего числа тайпов, зафиксированных местными источниками, составляло более 135 тайпов. Впоследствии из этого общего числа тайпов более 100 тайпов объединились в 9 крупных союзов обществ (фратрии) – тукхумы: Аьккхий, Маьлхий, Нохчмахкой, Ч1ебарлой, Шарой, Шотой, Эрштхой, Ч1аьнтий, Т1ерлой.²⁰ Как видим, некоторые вольные общества объединились между собой и образовали союзы вольных обществ (тукхумы).

Источники свидетельствуют, что в рассматриваемое время такие крупные союзы обществ Чечни (тукхумы), как Аьккхий, состояли из 7 тайпов, Маьяхий – 12; Нохчмахкой – 20, Ч1ебарлой – 6; Шарой – 6; Шотой – 10; Эрштхой (Орстхой) – 6; Ч1аьнтий – 7; Т1ерлой – 4²¹ и более. Из приведенных данных видно, что по числу входивших в состав тукхумов больших и малых тайпов на первом месте находилось общество Нохчмахкой (20), за ним следовало общество Маьлхий (12), и на третьем месте стояло общество-тукхум Шотой (10).

В XVIII – нач. XIX вв. в горной Ингушетии также были сосредоточены такие крупные тукхумные объединения, как Джейрах, Цори, Галгай, Фяппий и др.,²² причем с идентичными названиями сел и обществ.

Какие же органы власти или органы управления существовали на территории вайнахских тукхумов в рассматриваемое время? Материалы свидетельствуют о том, что в отличие от тайпов, где четко соблюдались правовые отношения, основанные на адатах вайнахов, и функционировали судебные и исполнительные органы власти, в тукхумах собирался Тукхумный Совет старейшин в качестве совещательного органа. Он состоял из представителей всех тайпов, входивших в данный тукхум, на равных по

положению и почету правах. Тукхумный совет собирался в случае необходимости для улаживания межтайповых споров и разногласий, а также для отстаивания внутренних интересов как отдельных тайпов, так и всего тукхума в целом.²³

Кроме того, Тукхумный совет был наделен полномочиями в случае необходимости объявлять войну и заключать мир, вести переговоры с противником с помощью своих посредников и чужих послов, а также в зависимости от обстановки заключать союзы с другими тукхумами и порывать их.

Кроме Тукхумного совета старейшин, существовал еще и Совет страны – «Мехк-кхел», в который входили старейшины тайпов, старейшины сел, бабчи, жрецы, кадии и муллы и т. д. Один из самых влиятельных для того времени «Мехк-кхел» функционировал в Ичкерии на священной горе Кхеташи-Корт, вблизи большого селения Цонтарой.²⁴ На этом совете обсуждались вопросы политического положения и некоторые обычаи в различных областях горского общества. В зависимости от экономической и правовой необходимости и целесообразности они в дальнейшем получали одобрение центральных властей и т. д.

Использованная литература и источники:

1. Относительно понятия «тукхум» (тухум) среди исследователей существуют разные мнения. Дореволюционный исследователь М.М. Ковалевский называет термин «тухум» лезгинским, а дагестанские ученые Р.М. Магомедов и Х.-М. Хашаев считают термин «тухум» иранским и арабским. Чеченский исследователь М.А. Мамакаев считает, что слово «тукхум» дословно означает «семья», «яйцо» и заимствовано оно войнами из тюркских языков. Современный дагестанский исследователь М.А. Агларов считает, что термин «тухум» (или «тохум») на санскрите, как и в иранском языке, означает «семья», «деревенская община», и слово «джухум» бытует ныне у народов штата Ассам в Индии.

2. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII – нач. XIX вв. – М., 1988, с. 114.

3. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе, Ч. 2. – М., 1890.

4. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев, Ч. 1 – 2. – Одесса, 1883.

5. Ковалевский М.М. Родовой быт. // Вестник и библиотека самообразования. Вып. 1. – М., 1905, с. 87.

6. Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. – М., 1950, с. 434.

7. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX вв. – Махачкала, 1957, с. 127.

8. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. – М., 1961, с. 220 – 221.

9. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961, с. 34.

10. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. – Махачкала, 1994, с. 208.

11. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 16.

12. Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалии. // Вестник «Лам», № 4 (8). – Грозный, 2001, с. 37.
13. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 18.
14. Там же, с. 18.
15. Хашаев Х.-М. Памятники обычного права Дагестана в XVII – XIX вв. – М., 1965, с. 5.
16. Арсаханов И. Очерки чеченской диалектологии. – Грозный, 1966, с. 32.
17. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 18.
18. Там же, с. 17.
19. Там же, с. 17.
20. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 18-19.
21. Там же.
22. История Чечено-Ингушетии (XVI – середина XIX вв.). Учебное пособие для 9 класса. – Грозный, 1992, с. 13.
23. Мамакаев М.А. Ук. соч., с. 17.
24. Саидов И.М. Мехк-кхел (Совет страны) у нахов в прошлом. // Кавказский этнографический сборник. Ч. 2. – Тбилиси, 1968, с. 200.

ГЛАВА 3. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В ЧЕЧНЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

§1. Основные причины крестьянских восстаний в Чечне и Ингушетии

В дореволюционной исторической литературе история крестьянских выступлений в Чечне в Ингушетии не являлась предметом специального исследования, хотя она затрагивалась при освещении исторического прошлого отдельных народов Северного Кавказа.

Дворянско-буржуазные исследователи XIX – нач. XX вв., касавшиеся в своих работах мотивов выступления горских масс, следовали за официальными документами высших правительственных кругов и военных учреждений. Дореволюционной военно-исторической науке, всецело подчиненной интересам царского самодержавия, характерны были апология захватнической политики царизма и преувеличение религиозного фактора в борьбе горцев против царизма.

В советский период история борьбы горцев XVIII века нашла свое отражение в работах М.Н. Покровского, Н.И. Покровского, З.Д. Шерипова, С.К. Бушуева, Р.М. Магомедова, М.А. Абазатова, В.Б. Скитского, Н.А. Тавакаляна, А.И. Хасбулатова, Я.З. Ахмадова и др. В трудах этих исследователей антифеодальная и освободительная борьба горцев рассматривается как дореволюционное выступление масс.¹

Как известно, крестьянские выступления в Чечне носили не только антифеодальный, но и антиколониальный характер. Простые горцы в силу

объективных причин не всегда могли видеть различия между проводниками колонизаторской политики царизма на Кавказе и русским народом в лице русских поселенцев и трудового казачества.

Поэтому, испытывая жестокие притеснения и преследования со стороны царских чиновников, проводивших здесь политику «разделяй и властвуй», «чеченцы и ингуши временно невольно поддавались антирусской пропаганде и, поднявшись на борьбу за свое социальное и национальное освобождение, нередко шли под флагом ислама, мюридизма и газавата»².

В антиколониальную борьбу включались как представители трудового населения горских обществ, так и социальные верхи, которые более всех боялись потерять свои земли и феодальные права на крепостных крестьян.

Социальные верхи как всегда использовали в своих интересах недовольство простого народа, задавленного тяжелой нуждой и эксплуатацией. Но поскольку антиколониальная борьба горских народов тесно переплеталась с антифеодальной, то в своих выступлениях против местных феодалов и владельцев трудовое население надеялось получить у царских властей помощь в защите от угнетателей.³

Для того, чтобы разобраться в сущности крестьянской борьбы XVIII в., необходимо вкратце рассмотреть политическую обстановку и социально-экономические причины накануне выступления горцев Чечни и Ингушетии.

Как известно, с начала XVII в. международная политическая обстановка на Кавказе принимает напряженный характер. На протяжении XVII – начала XVIII в. Кавказ становится объектом захватнических устремлений шахской Персии и султанской Турции. Несмотря на поражение в войне 1683 – 1692 гг. с коалицией европейских держав, султанская Турция все же продолжала оставаться крупной державой, готовой взять реванш. После окончания войны в Европе ее взоры вновь были направлены на Кавказ. Вынашивая агрессивные планы захвата Северо-Восточного Кавказа, она стала усиленно засылать на Кавказ своих эмиссаров-агентов, главной задачей которых было привлечение на сторону Турции феодальных верхов Дагестана, Кабарды, Чечни, Ингушетии, Азербайджана. В 1707 г. Крымский хан Каплан-Гирей, подстрекаемый Турцией, вторгся в Кабарду, стремясь ее захватить и присоединить к Крыму. Аннекционистские устремления Турции особенно усилились после подписания невыгодного для России Прусского мира (1711 г.), по условиям которого Россия должна была возвратить Турции Азов и больше не держать своего флота на Азовском море. Стремление Турции завоевать Кавказ было продиктовано и попытками шахского Ирана также укрепить позиции на Кавказе и расширить тем самым свои владения.⁴

В этой чрезвычайно сложной международной обстановке Российское государство хотя и выступало в роли освободителя народов Кавказа от вековых угнетателей – Турции и Ирана, тем не менее, преследовало собственные политические и экономические цели. Оставив на время Черное море, «Россия сосредоточила свое внимание на бассейне Каспия, надеясь обратить к Каспийскому морю всю индоевропейскую торговлю и стать посредницей в торговле между Востоком и Европой».

Черное и Каспийское моря являлись для России естественным продолжением торговых путей в Азию и Южную Европу. В течение XVI – XVII в. Русское государство развивало торговые связи с Ираном по Волге, а также с азербайджанцами и армянами в Закавказье. В то же время оно создавало себе политическую опору в центре Закавказья – в царствах Восточной и Западной Грузии, с целью укрепления своего политического влияния и отпора захватническим устремлениям Турции и Ирана.⁶

Обстановка этого периода складывалась так, что основное внимание России на Кавказе было обусловлено защитой и укреплением ею своих юго-восточных границ от постоянных нападений турок. Так же, как и Дагестан, Кабарда и другие северокавказские районы, Чечня и Ингушетия в рассматриваемое время в политическом отношении представляли области, раздробленные на ряд феодальных владений и феодализирующихся обществ, находящихся в постоянной междоусобной борьбе. Какого-либо самостоятельного политического объединения с общим центром либо в Чечне, либо в Ингушетии не было. Кроме того, они не располагали своими внутренними политическими силами и средствами, необходимыми для защиты и сохранения своей национальной самостоятельности и целостности в условиях внешней угрозы.

В рассматриваемое время часть чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, а также осетин, в отдельные периоды находилась в вассальной зависимости от князей, дагестанских феодалов и грузинских царей. В отношении чеченцев и ингушей соперниками кабардинских князей часто выступали также дагестанские феодалы и грузинские цари.⁷

Политическое влияние Дагестана, Кабарды и Грузии на народы Северного Кавказа было обусловлено как военной силой, так и социально-экономическими причинами. «Карачаевцы, балкарцы, осетины, чеченцы и ингуши имели свои интересы, которые в известной мере отличались от интересов Кабарды, Дагестана и Грузии. «Эти народы, – отмечает Т.Д. Боцвадзе, – находившиеся в вассально-подданнической зависимости от Кабарды, Дагестана и Грузии, в свою очередь, стремились освободиться от этой зависимости при помощи России, что, конечно, вносило определенные коррективы в кабардино-русские, дагестано-русские и грузино-русские отношения. Кроме того, вступлением под покровительство России эти народы хотели избавиться от угрозы и порабощения со стороны Турции, Крымского ханства и Ирана».

Были и другие важные обстоятельства, склонявшие северокавказские народы к России. С одной стороны, с помощью России они хотели улучшить свое экономическое положение путем получения права беспрепятственно расселяться на равнине с последующим наделением их земельными участками и сенокосными угодьями, а с другой – приобрести льготные права для торговли с жителями русских городов, крепостей, терских и гребенских станиц.⁹

В то же время кабардинских князей, которые получали подати от находившихся в вассальной зависимости чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и осетин, не удовлетворяло желание этих народов принять покровительство России, ибо в этом случае они лишались своих доходов.

«Поэтому кабардинские князья всячески стремились помешать установлению непосредственных отношений между этими народами и Россией, считая, что они могли установить свои отношения с Россией лишь через их посредничество.¹⁰

С активизацией политики на Кавказе в XVIII веке не случайно совпало обострение социальных противоречий между князьями (Кабарды и Кумыкии) и феодализирующей знатью в Чечне и Ингушетии, с одной стороны, и с горской массой, с другой. Под влиянием развития торгово-экономических связей с Россией сословные верхи усиливали эксплуатацию зависимых горцев, захватывали земли крестьян и увеличивали размеры поборов и податей, стремясь к расширению своей власти. Почти все горские феодалы (по старой терминологии «владельцы») – кабардинские, аварские, кумыкские, чеченские и др., вели между собой ожесточенную борьбу за земли, вовлекая в свои кровавые распри подвластные им народы.¹¹

Произвол со стороны царской администрации, строительство укреплений и крепостей – все это создавало для горцев тяжелые условия жизни. Уместно отметить, что у местных верхов, как мы отмечали выше, также были свои причины недовольства некоторыми аспектами политики царских властей на Северном Кавказе. Прежде всего, горских владельцев сильно возмущало стремление царских властей взять под свой контроль горцев, а главное – их земли. Поэтому они иногда становились в оппозицию к царским властям, а отдельные феодалы вступали даже на путь прямой борьбы с царизмом. При этом горские владельцы были не прочь заигрывать с находившимися на Кавказе турецкими и крымскими агентами, поскольку их правители не желали примириться с усилением на Кавказе влияния России.

Заметим, что от далеко не бескорыстных сделок местных владельцев с турецкими и иранскими агентами, с одной стороны, и царскими властями – с другой, больше всего страдали беднейшие горские массы.¹²

Всегда одним из самых животрепещущих для чеченцев и ингушей являлся земельный вопрос. Горцы сильно страдали от недостатка земли в горах, и еще с XVI века шло перманентное заселение ими плодородных равнинных земель. В связи с ростом численности населения и земельной теснотой, чеченцы и ингуши в поисках новых мест для поселения стали спускаться с гор на равнину (впоследствии ее стали называть Чеченской равниной), образуя со временем ряд самостоятельных обществ (тукумов), которые, судя по источникам, мало чем отличались по своему внутреннему устройству от аварских «вольных» обществ.¹³ Местный исследователь А.А. Саламов высказал мнение, что усиленное освоение чеченцами и ингушами равнинных земель с середины XVII века и особенно в XVIII в. было обусловлено социально-экономическими причинами: земельной теснотой и тяжелыми условиями жизни в горах, социальной дифференциацией, начавшейся с развитием производительных сил и захватом пахотных участков и пастбищ, отпочковавшимися в лице старшин феодальными элементами из своей среды, а также усиливающимся давлением со стороны кабардинских, кумыкских и аварских князей и ханов. Зачастую пособниками в поселении чеченцев, ингушей, кабардинцев на Притеречной и Кумыкской плоскостях выступали

сами кабардинские и кумыкские князья и феодалы для усиления их эксплуатации.¹⁴

В то же время расширение экономических связей с Россией и развитие торгово-денежных отношений приводили к обострению внутренних социальных противоречий среди чеченцев и ингушей. В течение всего XVIII в. в адрес царских властей шли многочисленные письма с прошениями от чеченского, кумыкского и других народов на разрешение свободной торговли в Кизляре, Моздоке и в других местах. Частые жалобы поступали от чеченцев и ингушей на таможенные запреты властей или же на чрезмерно высокие пошлины на привозимые ими предметы торговли для русских поселенцев и казаков. Так как с привозимых ими в Кизляр товаров – меда, воска, бурок и леса, равно как и с товаров, ввозимых в Бурканг (по-видимому, название села Брагуны – Ш.А.)¹⁵ берут подати, а из Кизляра вывоз соли запрещен, «то просили бы исходатайствовать у ее величества о небрании с них подати и о вывозе соли из Кизляра «милостивого» дозволения ее...».¹⁶ Чтобы усилить свои таможенные выгоды в этом районе, царские власти расширяли пределы торгового обмена, причем часть чеченцев лишена была торговых привилегий. В то время как на некоторые продукты питания при торговле внутри России вообще не распространялась пошлина, с чеченцев же она взималась в больших размерах. «Когда мы удостоены будем принятия в вечное подданство, – писали старейшины и трудовой народ Большой Чечни и Аджи-Аула на имя Кизлярского коменданта в 1781 г, – то это должно позволить нам невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и прочие Российские места и никаких обид не чинить, считать и принимать нас везде так, как вечно и верноподданных...».¹⁷

Одной из серьезных причин недовольства горцев являлось то, что царские власти насильно заставляли влиятельных местных феодалов и старшин отдавать своих детей или других ближайших родственников в качестве заложников – «аманатов». Широко распространенный между Россией и кавказскими народами добровольный обычай аманатства, который считался первоначально признаком особого внимания со стороны московских царей к горским князьям, в период усиления влияния царизма на Кавказе сделался принудительным обычаем, а также орудием нейтрализации горской организованности против политики царизма.¹⁸

С начала XVIII века царизм вынуждает горцев выдавать аманатов, которые, по сути, являлись заложниками и содержались в Терском городе, Кизляре, Моздоке в целом ряде тогдашних пограничных крепостей. В одном из писем от алдышских жителей Больших и Малых селений на имя Кизлярского коменданта И.А. Потапова и князя Бековича Черкасского от 25 мая 1767 г. по поводу нежелания их давать властям аманатов читаем следующее: «Мы, алдынские народы, все покорно Вас просим аманатчика нашего выпустить из аманат и отправить к нам, как чеченские народы (по-видимому, с. Чечен-аул – Ш.А.) содержатся без аманат, ибо чрез того аманатчика могли люди наши из жилища выехать на другое место, а когда пред сим от нас не было взято аманат, и тогда от нас к стороны вашим никакие обиды не причинено, впрочем обо всем податель сего вам объявить может...».¹⁹

Боясь открытого недовольства и выступления горских масс, местные владельцы и старшины добивались у царских властей разрешения к переселению вместе со своими подвластными на реки Сунжа и Терек. Так, на прошение Герменчукского владельца Девлетгирея Черкасского о разрешении ему переселиться ближе к расположению царской администрации астраханский губернатор Брылкин в специальном донесении от 28 февраля 1750 г. указывал, что «согласно представления Кизлярского коменданта, следовало бы все-таки переселить чеченцев (видимо, жителей с. Чечен-аул – Ш.А.) и герменчукцев на реку Сунжу, поблизости казачьего Червленского городка и Брагунской деревни, или еще в другие места для столь наилучшего воздержания и прекращения чинимых ими своевольств».

Постоянно растущая алчность князей, владельцев и старшин вызывала недовольство и сопротивление крестьян, усиливая «взаимную злобу и ненависть между» подвластными и их владельцами. По своему характеру это была социальная, антифеодальная борьба. Формы проявления социального протеста носили различный характер: от индивидуального пассивного ропота и неповиновения до более или менее организованных крупных массовых волнений и вооруженных стычек. В условиях Кавказа и Чечни распространено было следующее: захват земли феодалов и их убийство, отказ от выплаты им ясака и выполнения других повинностей, потравы господских посевов и пастбищ, поджоги владельческих имений, бегство крестьян в русские города, увод (кража) скота и т. д. Поэтому не случайно официальные дореволюционные документы пестрят выражениями о «наглостях» и «дерзостях» чеченцев, которые не хотят слушаться своих владельцев.²¹

Усиление феодальной эксплуатации горского крестьянства встречало с его стороны растущее сопротивление, важнейшей формой которого, как мы отмечали выше, сделалось бегство его в пределы России. Бегство крестьян от своих господ было в период феодализма одной из самых распространенных форм крестьянской борьбы с гнетом и произволом. Убежищем крестьян становились русские города и укрепления, сыгравшие большую роль в социально-политической жизни кавказских народов того времени. Открывшаяся для горских крестьян возможность в случае недовольства своими владельцами уйти в русские города и крепости и таким образом получать свободу сделала их более решительными в борьбе с угнетателями и еще больше обострила социальную борьбу в горской деревне.²²

Поэтому уже с самого начала XVIII в. чеченские владельцы неоднократно просили царское правительство не принимать бежавших от них крепостных и холопов. Царские власти были заинтересованы в увеличении численности населения развивавшихся городов Северного Кавказа, поэтому они охотно принимали выходцев из Чечни и других горских областей, предоставляя им земли для поселения и зачисляя их на военную службу. Так, горячевские и брагунские владельцы выражали свое недовольство тем, что бежавших от их гнета подвластных горцев принимали в г. Кизляре.

Вайнахские крестьяне подвергались тяжелому гнету не только со стороны феодалов, но и старшин. Об этом красноречиво говорится в присяге старшин Большой Чечни и Аджи-Аула от 1781 г. на имя Кизлярского коменданта

Куроедова: «Ежели будут наши холопы магометанского закона от нас убегать и являться в российских границах, оных нам отдавать обратно».

То обстоятельство, что местные старшины называют крестьян «холопами» и требуют у властей их выдачи, говорит о том, что они были лично зависимы от них и жестоко эксплуатировались своими старшинами, а поэтому вынуждены были от них бежать в российские пределы.²⁵

Отказ от выдачи беглых холопов мотивировался царскими властями обычно ссылкой на то, что они приняли христианство. Горские же князья и владельцы утверждали, что принятие христианства происходило вовсе не по причине религиозного характера, а лишь для того, чтобы избавиться от крепостного гнета. Владельцы просили, чтобы их рабов и слуг не крестили, а крещеных им возвратили. Бегство крестьян в российские города не только непосредственно избавляло все более увеличивающуюся часть зависимых сословий от своих угнетателей, но, что было еще более серьезным, вызывало массовое неповиновение им горского крестьянства, которое усматривало в возможности уйти в соседние с горцами владения России гарантию своего полного освобождения.

Ни в одном из районов Северного Кавказа князья и владельцы не чувствовали такой неуверенности своего положения, боязни перед подвластными крестьянами, как в Чечне. В переписке с царскими властями князья и владельцы постоянно выражали свое бессилие удержать в повиновении подвластных горцев, просили помощи в борьбе с восставшими крестьянами или разрешения переселиться вместе с подвластными под защиту царских властей ближе к крепостям и укреплениям Кавказской Линии. Так, в рапорте коменданта г. Кизляра Куроедова на имя князя Г.А. Потемкина от 19 апреля 1781 г. сообщалось о том, что «чахкеринский владелец Алихан Нурмамагов, состоящий в родстве с чеченскими владельцами Алисолтаном Алибековым и Арасланбеком Айдамировым, доносил ему (коменданту) о том, что из подвластных ему чеченцев, насчитывающих в Чахкеринской деревне около двухсот дворов, некоторые по легкомыслию своему, смотря на другие народы, сообщаясь с бездельническими людьми, к российской стороне до сего времени делают шалости».

Другие чеченские владельцы Казбулат Топлинский и Альбек Батырханов в 1784 г. обратились также к царским властям с просьбой разрешить им переселиться вместе с подвластными людьми на плоскостные земли по Тереку, «где бы они были под ближней защитой российского начальства».²⁸

Царские власти охотно пошли навстречу желаниям местных владельцев. В своем рапорте по этому поводу генерал Текелли указывает, что «лучшие способы удалить всех их непокорных (горцев – Ш.А.) от реки Сунжи и водворить (их — Ш.А.) против Моздокского казачьего полку». И далее в том же рапорте читаем: «...как между Сунжою и Терекон Девлетгиреевская деревня владельца Бамата незаменимая нам ничем, но делающая вред связью со всеми деревнями чеченскими, то предписал сию уговорить ласковостью и также переселить к Тереку, хотя ниже Моздокского полку, надеясь посему, что много зла прекратится».

Часто случалось и так, что обездоленные крестьянские массы становились невинными жертвами всевозможных споров и тяжб между чеченскими князьями и владельцами из-за торгово-экономических выгод. Особенно алчным и жестоким не только к своим подвластным, но и к другим владельцам, судя по документальным источникам, предстает чеченский владелец Девлет-Гирей Черкасский. Так, во время разбора в Кизляре ссоры между чеченскими владельцами Девлет-Гиреем Черкасским, с одной стороны, и Арасланбеком, Бардыханом и Маматом Айдемировыми – с другой, которая возникла из-за того, что Девлет-Гирей брал с их крестьян пошрины и чинил другие обиды, комендант Кизлярской крепости потребовал от горских владельцев слушаться во всем Девлет-Гирея Черкасского. Чеченские владельцы поэтому указывали в письме к Кизлярскому коменданту от 9 апреля 1763 г. на то, «что Девлет-Гирей через дорогу в урочище, называемое Келзели (по-видимому, нынешнее село Герзель – Ш.А.), их не допустил и от кунаков наших купцов с каждой лошади требует по 300 коп., а ездить нас через Червленский городок не допустил».

И еще один документ подтверждает факт тяжелого гнета, которому подвергал подвластных крестьян чеченский владелец Расланбек Айдемиров. Так, в письме кизлярскому коменданту чеченский владелец Девлет-Гирей Черкасский отмечал, что Расланбек Айдемиров просил его возвратить к нему «непослушных чеченцев», которые ушли от него якобы в Кабарду.³¹

Выдвигая свои укрепления в предгорную зону, царская администрация отрезала горцев от удобных для хлебопашества равнинных земель и степных пастбищ, которыми они пользовались в зимнее время. Таким образом, снова вытесняли горцев в горы, что, естественно, подрывало их хозяйство. Одновременно в различных горских обществах происходило усиление социальных противоречий, вызванных требованием от крестьян тяжелых податей и повинностей. На противодействия чеченцев и ингушей своим владельцам и старшинам царские власти отвечали разрушением и сожжением целых аулов, уничтожением посевов хлеба и садов в ходе карательной экспедиции.

§ 2. Восстание горцев в 1707 – 1708, 1722, 1732, 1757 – 1758, 1760, 1770 – 1774, 1783 гг.

Первое по времени крупное и организованное крестьянское выступление в Чечне в XVIII в. относится к 1708 г. В это время едва закончилось Астраханское восстание (1705–1706 гг.) городских и крестьянских масс, как началось мощное народное движение на Дону (1707–1708 гг.), в Слободской Украине и в Поволжье. Главным очагом восстания стал Дон, куда в этот период устремился один из основных потоков русских беженцев-крестьян, пытавшихся таким путем спастись от усиливающегося крепостного гнета.

Следует отметить, что в это же время в Поволжье и Приуралье прокатилась волна восстаний башкир, марийцев, татар, чувашей, которые участвовали в народном движении 1707–1708 гг. Кроме общих причин, вызвавших эти восстания, следует назвать и такие, как установление там

крепостнических порядков и учреждений, расширение помещичьего землевладения, рост государственных налогов и повинностей и насильственная христианизация. Самым значительным из них было восстание башкир, которое длилось с 1705 до 1711 гг. Несмотря на участие в нем отдельных феодалов, оно объективно было борьбой башкирского народа против колонизаторской политики царизма и резкого роста налогового гнета.

Характеризуя типичную для начала XVIII в. политику царизма и в связи с этим обстановку на окраинах России среди различных народностей, дореволюционный историк В.А. Потто писал: «Происшествия в пограничных областях, беспорядки во внутреннем управлении, подкупность и взяточничество воевод, позволявших себе большие злоупотребления – все это было явлением далеко не новым». Ненависть к местным эксплуататорским элементам усугублялась тем, что различные дискриминационные препоны царской администрации, действовавшей вкупе с горскими верхами, подавляли хозяйственную инициативу крестьянина-труженика. Например, окочане (чеченцы-аккинцы), проживавшие в городе Терки, должны были в обязательном порядке платить пошлину за различные товары и изделия, вывозимые ими на продажу к своим соотечественникам в Чечню и Ингушетию. Как видим, экономическое общение вайнахов с Россией и другими народами Кавказа было практически парализовано.

Эти и подобные им причины привели к недовольству и протесту простых горцев, в том числе чеченцев и ингушей, проживавших по р. Терек и Сунжа.

Крестьянские выступления значительно усилились и здесь, на Тереке, как о том повествует документ начала XVIII в., с приходом к горским народам, проживавшим в это время близ города Терки, участника башкирского восстания в 1707–1708 гг. уфимского феодала Мурата Кучукова. Подробной биографии Кучукова мы не знаем. О нем имеются весьма отрывочные сведения. Вероятно, Кучуков был одним из активных участников башкирского восстания 1707–1708 гг., после поражения которого перебрался к соседним народам – к чеченцам и ингушам. В одном из донесений астраханского воеводы П.М. Апраксина царю Петру Алексеевичу от 20 марта 1708 г. говорится: «...В прошлом 1707 г. уфимский башкирец, который назвал себя салтаном, был в Цареграде и в Крыму, прибежав с Кубани, явился в горских народах, которые близ Терека называются чеченцы, мичкизы (кумыкское название чеченцев – Ш.А.), аксайцы; и те народы прельстя, называя себя прямым башкирским салтаном и проклятова их закона басурманского святым, учинился над ними владельцем...».³⁴

Безусловно, практические действия Мурата Кучукова сразу же за агитационной работой среди горских народов за Тереком не заставили себя долго ждать. За короткое время крестьянские массы различных народов Северного Кавказа из многих горских аулов и деревень объединились для вооруженной борьбы против местных князей и владельцев, а также стоявшей за их спиной царской администрации в лице воеводской власти г. Терки. Основное ядро восставших крестьян составляли чеченцы-окочане (ауховцы – Ш.А.), а также мичкизы – чеченцы, аксайцы, кумыки, казаки – раскольники с Кубани, тавлинцы, ногайцы, татары и т. д.³⁵

«Захватив Терский город и городки низовых казаков, в этом восстании приняли активное участие многие нерусские жители этого края, в том числе и жители селения Кизляр», – пишет исследователь Д. Васильев. Хотя это восстание затем было подавлено, но жителям Кизляра удалось избавиться от притязаний кабардинских князей.^{35a}

За короткое время руководитель восставших Мурат Кучуков собрал вокруг себя 1600 человек вооруженных. Интересно заметить, что в лагерь повстанцев стекались даже кочевые племена вместе с их баями, мурзами, султанами и другими владельцами, недовольные действиями терских воевод и их администрацией.

Известно, что два терских окочанина – чеченцы, имена которых, к сожалению, не называет документ, и беглый черкасский уздень по имени Лузан, принадлежавший знатному ногойцу Алды-Гирею, которые ездили из г. Терки в Чечню для продажи рыбы, подробно ознакомили восставших с расположением военно-административных властей города Терки, обстановкой внутри крепости и ее обороноспособностью.

Знатные окочане и уздень Лузан посоветовали восставшим горцам идти войною на город Терки, ибо «город весь обвалился» и солдат в нем в настоящее время «малое число», а «которые ратные люди были, и те взяты на службу, и стрелять из ружья некому, а которые и есть люди, и те худы...».³⁶ Воспользовавшись подробными сведениями, сообщенными окочанами и узденем Лузаном, восставшие решили в данной ситуации без промедления начать боевые действия против терской администрации. С этой целью они во главе с Муратом Кучуковым, в лагере которого находились чеченцы, мичкизы, аксайцы, тавлинцы, кумыки Андреевской деревни, кочевые ногойцы, заречный мурза Салтан-Мурат и другие мурзы, всего более 1600 человек, атаковали город и крепость Терки.

12 февраля 1708 г. за два часа до рассвета восставшие горцы подошли к городу Терки и расположились в окрестных садах, выбрав для себя здесь удобную позицию. Впереди восставших во главе с Муратом Кучуковым шли уздень Лузан и два чеченца, показывая путь к крепости. Под покровом ночи восставшие незаметным образом проникли в город Терки. Город состоял из деревянных строений и укреплений. Разгорелось сражение между восставшими и военным гарнизоном города. Борьба длилась до четырех часов следующего дня. Первое сражение восставших с царскими войсками закончилось победой горцев. Восставшими было сожжено много строений и укреплений терской администрации; много было убитых, раненых и взятых в плен. Кроме того, восставшие захватили в Терках 7 медных и 3 чугунных пушки.³⁷

После этого случая царская администрация стала в спешном порядке дополнительно укреплять боевые позиции в городе Терки. Терский воевода Р. Вельяминов перебросил сюда пушки и подкрепления. Поэтому повстанцы, несмотря на их частые атаки, в дальнейшем не смогли овладеть крепостью. Сказывалось отсутствие у горцев опыта овладения крепостями приступом. Восставшие на этот раз намерены были единым порывом полностью разгромить войска терского воеводы. Они со всех сторон окружили

крепость и стали ждать, пока не иссякнут в городе хлебные припасы, которых было в крепости не более 600 мешков, да и те гнилые.

Восставшие решили не ждать добровольной сдачи царской администрации города Терки, а, напротив, посоветовавшись, на следующий день «учинили над городом со всех сторон приступ крепкий...».

Когда восставшие вновь атаковали крепость и оцепили весь город, астраханский воевода П.М. Апраксин срочно послал несколько военных отрядов на помощь терским воеводам: отряд в 1200 солдат во главе с полковником, наемное войско из «татар юртовских» – 250 человек, из «астраханских же мурз и татар» – 400 человек. Верноподданный царский слуга – калмыцкий Аюка-хан, прислал своего внука с восьмьютысячным отрядом калмыков.⁴⁰ Как видим, против восставших горцев астраханским воеводой был брошен боевой отряд в 9850 человек.

Один из документов того периода повествует о том, как на протяжении февраля 1708 г. происходят частые и небольшие стычки между горцами и войсками терского воеводы. Но еще до прихода астраханских войск 26 февраля разразилось сильное сражение у крепости Терки и в ее окрестностях. Это произошло, видимо, до того, как астраханский воевода Апраксин успел уведомить царя Петра Алексеевича 20 марта 1708 г. об отправке им в город Терки военной помощи.⁴¹

Подробности данного сражения у крепости Терки документы нам не сообщают. Известно только, что восставшие были разгромлены, а их предводитель Мурат Кучуков схвачен в плен и отправлен на допрос к царским властям. «...Неприятелей под Терком побили, – сообщает документ, – и того злодея, самого владетеля их салтана (Кучукова – Ш.А.), взяли, ранен он был легкою раню и остался жив, и ныне в наших руках; а как того злодея (Мурата – Ш.А.) взяли, тотчас неприятели от Терка отошли».

Несмотря на большие усилия восставших, им все же не удалось овладеть Терками. Силы противника во много раз превосходили силы восставших. Кроме того, царские войска были хорошо вооружены и обучены. Горцы действовали стихийно и, естественно, не могли им противостоять и потерпели поражение.

К сожалению, в документах не сообщаются какие-либо сведения о дальнейшей судьбе участников восстания: об их военных действиях, о социальном составе участников и социальной направленности восстания.

В своем пространном донесении царю Петру I астраханский воевода П.М. Апраксин не сообщает о первоначальных успехах восставших, не говорит о слабом вооружении горцев, их мужестве и стойкости. И это вполне естественно.

Наряду с местной горской верхушкой для подавления восставших царизм привлек своего сторонника – калмыцкого хана Аюка, который безжалостно расправлялся со всеми участниками восстания.

В 1708 г. Апраксин писал царю, что по его личной просьбе Аюк-хан готовится к усмирению восставших народов Башкирии и окончательному разгрому восстания,⁴³ которое с новой силой там разгорелось. О том, какие большие надежды возлагал царизм на Аюка-хана, можно судить из следующего

документа: «...В здешней стране (Нижнем Поволжье – Ш.А.) без него (Аюка-хана – Ш.А.) трудно быть, только б ныне ему от злодейства донских казаков прешкоды не было, о которых слышим, что идут многим собранием к Волге на калмык...».

Безусловно, борьба северокавказских народов за город Терки в 1708 г. имела в своей основе те же общие причины, цели и задачи, что и восстания башкир, марийцев, татар, чувашей, Кондратия Булавина в 1707–1708 гг., и явились прямым отголоском выступлений народов Поволжья и Дона. Восстание беднейших слоев казачества и крестьянства под предводительством Кондратия Булавина, которое в 1707–1708 гг. приняло широкий размах, безусловно, отразилось на Тереке и, особенно, среди горского населения. Это подтверждается тем, что Булавин в то время заявил всенародно: «Не бойтесь! Я начал дело не просто. Я был в Астрахани и на Терках, и астраханцы и теречане дали мне присягу, чтобы им на вспоможение и в товарищи быть и стоять с нами за казачьи вольности».⁴⁵

Таким образом, первое организованное выступление горцев, которое, по сути, носило не только антифеодальный, но и антиколониальный характер, потерпело поражение. Социальная база восстания была пестрой: здесь были и обездоленные горцы-бедняки, и уздени состоятельные, владельцы, мурзы, беи и т. д., ущемленные в своих правах и недовольные колониальными действиями царизма. Кроме того, выступлению горцев 1708 г. чужды были религиозные лозунги и какие-либо религиозные мотивы, хотя многие горские народы уже были мусульманизированы, а предводитель восставших – Мурат Кучуков, назывался даже мусульманским святым.⁴⁶

В 1722 году произошло другое сражение между восставшими горцами и войсками коменданта крепости Святой Крест генерала Ветерани. Основной причиной «недовольства» царской администрации на Кавказе и наказания за это восставших горцев явилось, якобы, то, что чеченские и эндерийские владельцы и их подвластные отказались присягнуть в покорности царским властям. В свою очередь, горские народы по-прежнему мотивировали свое недовольство дискриминационными мерами администрации города Терки по отношению к торгующим горцам и т. д. Поэтому вооруженные отряды горцев продолжали беспокоить власти г. Терки. Все это побудило царизм наказать «непокорных» чеченцев, а с ними и подвластных людей эндерийских (с. Эндери – Ш.А.), владельцев Айдемира и Мусала Чапаловых.

Восставшие чеченцы и эндерийцы ждали подхода карательных войск царской администрации и, соответственно, готовились к обороне. Жители Эндери, где насчитывалось тогда до 3 тысяч дворов, и соседних чеченских сел отослали свои семьи и имущество свое в горы, а в самой Эндери сделали засады по улицам и окрестным проходам.

Военные действия начались в июле 1722 года. Для усмирения непокорных горцев был послан конный корпус под командой бригадира Ветерани. Ветерани было предписано атаковать и захватить Андреевскую (Эндерийскую) деревню.⁴⁸ В отряде Ветерани насчитывалось три драгунских полка, численностью до 2 тыс. человек и 400 вооруженных казаков.

Когда 23 июля 1722 г. царский отряд во главе с генералом Ветерани, пройдя прямым путем от г. Терки к р. Койсу, приблизился к с. Эндери и вышел к ущелью, в это время одновременно и с высоких круч, и из леса встретили его вооруженные горцы, число которых, по сообщению источников, достигало от 5 до 6 тыс. человек.⁴⁹ Надо полагать, что отряд полковника Ветерани попал в окружение: восставшие чеченцы и андреевцы, вооруженные стрелами, кинжалами, шашками и ружьями, выбегали со всех сторон из лесу и почти в упор поражали противника. Застигнутые врасплох царские войска были в панике и не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления наступающим горцам. Бригадир Ветерани не стал атаковать ближайшие деревни, а стал медлить и обдумывать планы дальнейшей борьбы с восставшими. Его подчиненный подполковник Наумов, оставив небольшое число солдат для сдерживания натиска восставших горцев, вместе со своим отрядом, преодолевая сопротивление восставших, пришел к Эндери и полностью его разорил и сжег, оставив после себя только пепел.⁵⁰ В этом сражении (23 июля 1722 г.), как явствуют царские источники, было убито не более 80 драгунов. Были потери также со стороны чеченцев и андреевцев, многие попали в плен. Царские войска разграбили все имущество горцев и угнали с собой их скот.

4 августа 1722 г. по указу самого царя Петра Алексеевича повторно совершена была карательная экспедиция против восставших чеченцев и андреевцев. В состав военной экспедиции входили боевые силы поручика Кудрявцева, а также вооруженный отряд калмыков, посланный Аюк-ханом по просьбе царя, в количестве 3730 человек. «Калмыки действительно в том же августе произвели опустошение эндерийцев, – говорится в «Материалах...», – и простирая оное по обыкновению далее пределов, отбили баранов, быков и лошадей не только у эндерийского владельца Чопала Чопалова, но и у аксайского султана Магмута, людей, приверженных России».⁵²

Как и прежде, калмыцкий Аюк-хан не пожалел своего усердия для оказания помощи царизму в окончательном разгроме «непокорных» горцев. За свое усердие калмыцкому хану, кроме награбленного им у горцев имущества и скота, было пожаловано государем 10 тыс. руб., не считая того, что при организации первого похода против горцев ему также было пожаловано 10 тыс. рублей.⁵³

Только после 4 августа 1722 г., когда дважды обрушились царские каратели на восставших горцев, последние вынуждены были согласиться «дать присягу» и выразить «свое подданство» государю, причем, надо отметить, что восставшие чеченцы впервые были здесь включены в состав эндерийцев, принеших присягу царским властям. Только после этого горцам разрешено было вновь селиться в с. Эндери, но при условии, что они не будут делать никаких укреплений вблизи своих селений.⁵⁴

«После экспедиции бригадира Ветерани против восставших чеченцев, – указывает Г.А. Ткачев, – калмыцкие отряды неоднократно посылались против жителей Аксая и на Качкалык, а также в горы Дагестана. С 1722 года укрепления царской администрации (редуты) и прилегающие к ним гребенские

станции постоянно находились под охраной калмыцкого отряда. Такая охрана продолжалась и при генерале Де-Медеме.

Через 10 лет, в 1732 году, жители аула Чечень (с. Чечен-аул – Ш.А.) и Эндери вновь вышли из повиновения своих владельцев и старшин и стали выражать недовольство действиями царской администрации. Для усмирения восставших, 4 июля 1732 г. царские власти снарядили в Чечню военный отряд во главе с командовавшим войсками в крепости Святой Крест комендантом генерал-майором графом Дугласом. События здесь развивались следующим образом. В конце июля 1732 года у деревни Чечень стали собираться восставшие от различных деревень на равнине и, открыто выражая свое недовольство действиями царских властей, начали угрожать нападением на их укрепления.

Генерал Дуглас, надо полагать, не без приглашения местных владельцев и старшин, с отрядом в 1200 солдат пехоты и 500 казаков 4 июля предпринял поход в Чечню. Когда отряд подошел к Андреевской деревне, генерал получил сообщение, что будто бы восставшие, узнав о приближении войск, тут же разошлись. Обманутый ложными сведениями, Дуглас ограничился тем, что послал против деревни Чечень отряд под командованием полковника Коха, состоявший из 300 солдат и 200 казаков. Сам же он с частью войск остался ждать у Андреевской деревни. Полковник Кох 7 июля вступил в деревню Чечень, полностью сжег ее и стал спешно отходить назад. Но при отступлении выяснилось, что его отряд окружен восставшими чеченцами. В происшедшем между ними сражении было убито 125 и ранено 75 солдат.

Здесь уместно сообщить и такой факт из истории борьбы в Чечне в 1732 г., когда восставшими горцами был убит в этом сражении местный князь Казбулат, который привел отряд царских войск во главе с Дугласом в селение Чечен-аул для подавления выступления горцев.⁵⁸

«Должно думать, во-первых, – писал А. Зиссерман, – генерал Дуглас поддался фальшивому слуху о бегстве неприятельского скопища, во-вторых, что он не имел никакого понятия о характере лесной войны с чеченцами, решившись послать 500 человек, вместо того, чтобы идти со всею колонною, в-третьих, при отступлении произошел какой-нибудь беспорядок, иначе трудно объяснить себе такую относительно значительную потерю». Сообщая о тактике восставших чеченцев, А. Зиссерман далее отмечал, что они «держались своей системы: отступать при нашем наступлении и зло наседать при нашем отступлении».⁵⁹

Говоря о потерях царских войск в 1732 г., необходимо обратить внимание на сообщения и других официальных источников того времени. Так, в одном из своих представлений в 1757 г. сделанном в Коллегию Иностранных дел, асессор Давыд Абазац также отмечал о большой неудаче, постигшей царские войска во главе с Дугласом.⁶⁰ Источники того времени не называют потери со стороны восставших горцев. Можно предположить, что они были незначительными, ибо восставшие вели войну с царскими войсками в условиях пересеченной местности.

Если военные походы царских войск против восставших горцев в первой половине XVIII в. носили в основном эпизодический характер, то этого никак

нельзя сказать относительно второй половины этого столетия. В этот период царизм уже ведет борьбу за покорение северокавказских народов. Расширение сферы колонизации, колониальные разбои, грабежи, военные экспедиции царских властей против мирных жителей принимают систематический характер.

Карательные экспедиции царских властей лишь усиливали ненависть к ним горцев. Широкие массы выходят из повиновения своих владельцев, поддерживающих власть, совершают нападения на военные укрепления и посты, а также на казачьи станицы, устраивают засады на дорогах и т. д.

Так как феодализирующая знать в Чечне была гораздо слабее, чем феодальная верхушка в Кабарде, Кумыкии, Черкесии и других районах, то антифеодальная и антиколониальная борьба в Чечне имела свои особенности. Если в Кабарде и Кумыкии ввиду мощи, организованности и многочисленности местных феодалов борьба горцев носила ярко выраженный антифеодальный характер, то в Чечне феодализирующиеся верхи, чувствуя свою слабость и не имея сил самостоятельно оказать народным массам сопротивление, немедленно обращались к царским генералам за помощью. И чеченцы сразу же сталкивались с царскими властями, спешившими на помощь феодалам. Поэтому классовая борьба здесь приобретала более ярко выраженный антиколониальный характер.

Относительная слабость и малочисленность феодализирующихся верхов облегчили здесь переплетение антифеодальной борьбы с борьбой антиколониальной.

Вооруженные выступления крестьян не превращались во всеобщее антифеодальное восстание. Это объяснялось, по-видимому, тем, что феодальному гнету были подвержены не все вайнахские общества, а только часть из них. Некоторые общества сохраняли свою былую вольность и не испытывали феодального гнета, хотя имущественная и социальная дифференциация задела и их. Ярким подтверждением сказанного является восстание 1757 года. О его характере имеются разные суждения авторов. Остановимся несколько подробнее на анализе движения горцев 1757–1758 гг.

Дореволюционный историк Л.Г. Бутков пишет о нем следующее: «В 1757 году чеченцы вышли из должного повиновения своим владельцам и совсем оказались противными российской стороне».⁶¹ Жители Чечни и Горячевских (Исти-су) селений в том же 1757 г. изгнали своих владельцев,⁶² указывает далее он. Местный историк Н.Л. Гриценко, следуя сообщениям Л.Г. Буткова, отмечает, что «в 1757 году чеченцы восстали против пришлых феодалов и прогнали их со своей территории. Русский царизм, верный своей политике, наказал «непокорных» чеченцев и снова заставил принять кумыкских, кабардинских и других феодалов».⁶³ Об этом же фактически пишет и М. Мамакаев.⁶⁴ Несколько иной подход видится нам у другого исследователя Ф.В. Тотоева в этом вопросе. Изучив фактический материал по этому движению, он приходит к выводу, что «события 1757 года были не феодальной борьбой, а ранним антиколониальным выступлением, в котором принимали участие и чеченские владельцы, чьи интересы были ущемлены наметившимися в 50-е годы XVIII века изменениями в политике военно-колониальных властей России

на Северном Кавказе»⁶⁵ Говоря о движении горцев 1757–1758 гг., современный исследователь Ахмадов Я.З. отмечает, что характер его определяется, прежде всего, антифеодальной направленностью, хотя вместе с тем он трактует его и как антиколониальное.

На антиколониальную сторону этого восстания проливает свет и официальный документ, исходящий из Государственной Коллегии Иностранных дел. В нем мы читаем следующее: «в 1757 г. от захвата одного чеченца за отогнанных лошадей из-под Червленского редута, весь чеченский народ приходил в движение, что нужно было усмирить движением войска». И, действительно, как свидетельствует другой документ, «генерал-майор Фрауендорф ходил на чеченцев в числе 2196 человек... войска», и, несмотря на сопротивление повстанцев, «в сем походе» было «побито чеченцев до 200 человек, а «жилища их, которые ими пред тем были уже оставлены, выжжены, и посеянные ими хлебы вытоптаны, также и в добычу получено много скота и прочего».⁶⁶ Из этого же документа явствует, что предводителем жестоко подавленного восстания был брат «задержанного» в Кизляре узденя Бекей.⁶⁹ Вышеприведенные данные, как видим, дополняют друг друга и создают в целом правильное представление о восстании 1757–1758 гг., как об антиколониальном и антифеодальном выступлении горцев.

Основное острие антифеодальной классовой борьбы было направлено, в основном, против иноплеменных феодалов и князей, хозяйничавших в Чечне. Эти феодалы были более зрелыми в классовом отношении, обладали большей экономической и политической мощью, чем зарождающаяся вайнахская феодальная знать. Ее представители иногда выступали против иноплеменных феодалов. При этом они преследовали сугубо свои корыстные классовые цели: с помощью народных масс разбить иноплеменных конкурентов и занять их место.

Что же касается царских властей, то они, заинтересованные в сооружении на землях горцев своих крепостей и укреплений, стремятся вытеснить горцев в горы. На противодействия чеченцев и ингушей власти отвечают карательными экспедициями в вайнахские селения, связанными с сожжением аулов, уничтожением посевов урожая, а также запасов хлеба, истреблением садов и пр.

Из документальных источников видно, что крестьянские массы Чечни во второй половине XVIII века нередко выходили из повиновения владельцев, и последние для усмирения восставших горцев приглашали царские войска. Наиболее крупное выступление произошло в 1757–1758 гг. на равнинной части Чечни. Основной причиной недовольства и последующего выступления горцев против местных владельцев и царских властей явились все возрастающие тяжелые обременительные повинности со стороны местных князей и владельцев и колониальные мероприятия царской администрации, стоявшей на страже местной знати. Эти моменты, собственно, и обусловили антифеодальную и антиколониальную направленность выступления горцев в 1757–1758 гг.

Обратимся к самому движению 1757–1758 гг. и материалам по нему. Так, в рапорте Кизлярского коменданта Фрауендорфа в Государственную Коллегию

от 13 июня 1757 г. сообщалось о том, что 26 марта этого же года Шедринский атаман захватил в плен Шамирзу Тамарзоева, знатного чеченца из фамилии Цонтарлы (Цонтарой – Ш.А.) и держал его под караулом. Приехавший 28 марта в построенный на той стороне при червленских теплых водах редут чеченский владделец Альбек Казбулатов объявил, что в отместку за плененного узденя Шамирзу Тамарзоева его братья собираются учинить нападение на казачьи городки.⁷⁰

1 мая того же года житель Брагунской деревни армянин Юсуп Айвазов доносил царским властям об этом же. В частности, он сообщил, что «чеченцы с прочими народами дальних гор имеют намерение подступить в построенный при Червленских теплых водах редут...». А уже 3 мая рано утром восставшие горцы, человек до 300, совершили нападение и обстреляли Червленский редут. В завязавшей перестрелке между горцами и солдатами редута один горец был убит и несколько человек взято в плен (6 брагунцев и 2 мичкиза). Оправдываясь перед Кизлярским комендантом о непричастности местных владельцев в подстрекательстве к нападению на казачьи редуты подвластных им горцев, чеченский владделец Альбек Казбулатов, брагунский уздень Эйкадар и брагунская владелица Кичибики отмечали что «...чеченцы владельцев своих не слушают и противности замышляют...».⁷¹

Далее в рапорте отмечалось, что «...чеченцы явно от подданства ее императорского величества отказались, и от владельцев своих отказались (отошли – Ш.А.) и ни в чем их не слушают...». Кроме тех немногих горцев и с ними узденей, которые переселились на новые места по р. Сунже, все остальные местные жители ежедневно совершают нападения «под гребенские городки».⁷²

Здесь же в рапорте Фрауендорф указывал, что «чеченские владельцы все единственно по непослушанию злодеев чеченцев (восставших – Ш.А.) бессилием своим отговариваются и беспрестанно просят оных чеченцев наказывать...».

Поводом для всеобщего недовольства горцев послужило также удержание в начале 1757 г. в Кизляре «знатного и сильного узденя» чеченского владельца Расланбека Айдемирова Шабая Ахлова за «непослушание чеченцев», главным образом гребенчиковцев и чебуклинцев.

В рапорте Кизлярского коменданта Фрауендорфа в Государственную военную коллегия от 31 января 1757 г. отмечалось о том, что князь Эльмурза Черкасский и майоры Шейдяков и Татаров признают в качестве лучшего способа «Шабая содержать под караулом, дабы чрез него возможно было трех знатных чеченских узденских детей Аджиханова, Чепалова и Арабова в аманаты получить, почему и чеченцев содержать себя могут спокойнее...». Это обстоятельство указывает на тот факт, что уздень Шабай Ахлов был незаконно задержан в Кизляре.

Присланный в Кизляр от князя Девлет-Гирея Черкасского его холоп представил в Кизлярскую комендантскую канцелярию «письма, написанные Шабаям и адресованные к горскому народу, возмутительные к воровству (в данном случае к восстанию — Ш.А.)», в котором он (уздень) действительно признался, что эти письма касались побегов к российским жилищам...». Сам же

Шабай Ахлов, хотя и считался формально узденем чеченского владельца Арасланбека Айдемирова, фактически признался в Кизляре, что он владельца по великому его родству не слушает...».⁷⁶

В это время на имя Кизлярского коменданта стали поступать письма от чеченских владельцев с явным недовольством и требованием, «что ежели содержащийся у вас в Кизляре уздень Шабай и находящийся при Девлет-Гирее их чеченец не возвратятся, то ни поступят на противности...».⁷⁷

Между тем, Аксайский владелец Каплан-Гирей сообщал царским властям в Кизляре, что восставшие чеченцы действительно намерены выступить против русской администрации «под предводительством чеченского узденя Шабая, брата Бикей...».⁷⁸

В ноябре 1767 г. ассессор Коллегии Иностранных дел сообщил, что согласно полученным на этих днях известиям из Кизляра, восставшие чеченцы вновь совершили нападения «на казачьи городки и разорили не только многие жилища, но и тамошние редуты, и другие укрепления...».^{78a}

Опасения царской администрации по поводу того, что вместе с восставшими чеченцами могут подняться и «другие горские народы», и создастся, таким образом, реальная опасность «общего возмущения»,⁸⁰ стала еще более усугубляться после перехода восставших горцев к более активным действиям.

В официальных кругах с целью предупреждения всеобщего возмущения восставших горцев, которое могло произойти, решено было направить в Чечню экспедицию царских войск во главе с комендантом Кизлярской крепости генерал-майором фон Фрауендорфом.

Коллегия Иностранных дел, одобряя инициативу Кизлярского коменданта фон Фрауендорфа и астраханского губернатора генерал-майора Жилина о наказании восставших чеченцев, в специальном постановлении от 24 сентября 1757 г. отмечала, что она, в свою очередь, в «наказании чеченцев за учиненные ими ныне явные противности весьма согласна, ибо подлинно, что далее, то они больше про дерзости производить не оставят, а притом и другие горские народы к ним приставать могут».⁸¹

Позже, 19 апреля 1781 г., в рапорте на имя князя Г.А. Потемкина уже другой Кизлярский комендант Куроедов по поводу экспедиции в Чечню во главе с генералом Фрауендорфом скажет, что в «1757 г. во время отправления должности коменданта Кизлярской крепости генерал-майором фон Фрауендорфом чеченцы совершенно вышли из повиновения своим владельцам» и «совсем оказались противными Российской стороне, за таковые дерзости того же году октября 23 дня велено было их наказать и привести к должному повиновению». И генерал-майор фон Фрауендорф в 1758 г. совершил экспедицию в Чечню против ее жителей.⁸²

Экспедиция во главе с генералом Фрауендорфом в Чечню была, пожалуй, самой продолжительной. Она длилась несколько месяцев. В представленной в Коллегию Иностранных дел докладной по поводу причин, которые настоятельно требовали наказать восставших чеченцев, Кизлярский комендант фон Фрауендорф указывал, что «чеченцы явно от подданства ее Императорского Величества отложились и от владельцев своих отстали, и

ничем их не слушают и, кроме всего вышеописанного, под гребенские городки почти ежедневно чинят подбег и наводят беспрестанное беспокойство и всячески ищут убивать, пленить и воровать, и казаки городки выжигать хвалятся..., а владельцы чеченские по непослушанию тех злодеев бессилием отговариваются и о наказании их просят». Поэтому Кизлярский комендант в своей докладной просил чеченцев всемерно наказать.⁸³

В экспедицию решено было пригласить калмыцкие войска, а также кабардинцев, так как последние, как указывают документы, «по причиняемым им от чеченцев обидам о том просят и охоту имеют».⁸⁴

Вот что сообщал о требовании кабардинских феодалов ротмистр Мещеряков: «Кабардинские владельцы, – говорил он, – жаловались на то, каким образом чеченцы им, кабардинцам, не дают проезду, убивают людей, лошадей и скот крадут, а они, кабардинцы, чеченцев без позволения Российской империи укрощать (укрощать – Ш.А.) и разорять не смеют, а в случае посылки на них казаков и калмык, совокупясь с оными, и они, кабардинцы, итти желают».⁸⁵

В экспедиции против восставших горцев участвовали: казачьи войска – гребенское и терское семейное войско, Кизлярская нерегулярная команда князя Эльмурзы Черкасского, грузинский и армянский эскадроны, калмыцкие отряды под начальством Яндыка и Ерембия и не менее 500 человек пехоты от двух гарнизонных полков с полковыми пушками.⁸⁶

О точном количестве всех царских отрядов, участвовавших в этой экспедиции, мы не имеем сведений. Войска были расположены лагерями по обоим берегам р. Сунжи: калмыцкие отряды на правом, а царские войска – на левом.

Согласно утверждениям официальных источников, которые исходят, видимо, из опыта предшествующих военных походов царских генералов против горцев, например, в 1722 – 1732 гг., восставшие равнинные чеченцы могли и на этот раз выставить против экспедиции Фрауендорфа до двух тысяч воинов.

К восставшим горцам присоединились и некоторые соседние народы: чебуклинцы, чубутцы, ашгийцы и отовсюду мичкизцы – из Аксайской деревни и Исти-Су, из Гикеху и Ерки, а также живущие вверх по Сунже горцы и подвластные Андревским владельцам жители селений Аух...⁸⁸ В ответ на призыв восставших горцев и их руководителей, к селению Чечен-аул, очагу восстания, стали стекаться вооруженные отряды горцев «из гребенчиковцев, шалинцев, мичкизцев, качкалыковцев, кехинцев, чебуклинцев, чубутцев, гунбетцев, андицов, нохчумакинцов, голонданцов...». Из Дагестана, кроме андийцев и аварцев, прибыли еще эндерийские и аксайские кумыки.⁸⁹

Говоря о социальной базе участников движения, следует отметить, что в основном преобладал в нем бедняцко-батрацкий люд, который с переходом царских войск на территорию восставших, увлек за собой своего ближайшего соседа, наиболее лояльно настроенных к восставшим горцам отдельных узденей и владельцев, чем в значительной мере расширил базу движения и сделал его опасным для царской администрации.

В движении 1757 – 1758 гг. восставших горцев поддерживали некоторые владельцы и уздени, которые с усилением влияния царизма на Северном

Кавказе боялись потерять свое господство в общественном положении и свои феодальные привилегии. Они враждовали с царской Россией из-за того, что в ее пределы уходили их зависимые крестьяне, которых администрация неохотно возвращала своим владельцам.

Хотя в целом экспедиция длилась в течение нескольких месяцев, однако основные военные действия царских войск ограничились одним сражением с восставшими горцами, которое произошло 24 апреля 1758 г. Войска генерал-майора Фрауендорфа, овладев ущельем Хан-Кале, направились через р. Сунжу, вышли на Чеченскую равнину и подожгли деревню Новые Чечни. Жители деревни, в основном женщины и дети, успели уйти в горы, угнав с собой скот. Мужское население, видимо, осталось защищаться. Согласно сведениям, сообщенным генералом фон Фрауендорфом, потери со стороны горцев составили 120 человек.⁹⁰

Имеющиеся в распоряжении материалы не дают точных сведений о ходе военных действий между царскими войсками и восставшими. Из донесения грбенского атамана явствует, что при столкновении 24 апреля было убито лишь 2 солдата. 26 апреля из числа раненых умерло 6 человек, и 7 июня 1758 г. от ран умерло еще 2 человека. Из Терского семейного войска один солдат был ранен.⁹¹ Что касается грбенских казаков, то они, по замечанию С.Ф. Головчанского, старались, как правило, «скрыть свои потери от чеченцев».⁹² Из этих материалов можно судить, что большого сражения между восставшими и царскими войсками в 1758 г. на Сунже не произошло.

О последующих военных действиях этого похода войсковой атаман Червленского городка от 26 мая 1758 г. доносил Кизлярскому коменданту, что «25 числа сего месяца калмыцкие отряды владельцев Яндыкова и Ерембиева, а также остальные войска, разделившись на три части и перейдя р. Терек, потоптали выше городка, в урочище на верхнем изголовье Мертвой протоки и Аксиньиной, немалое число сеяного озимого хлеба, который уже не поправится, и потоптали сенные покосы, где и лагерем ныне остановились».

Астраханский губернатор генерал-майор Жилин сообщал 19 июня 1758 г. Фрауендорфу, что после учиненной расправы над жителями деревни Новые Чечни дома их и хлеба подвергнуты сожжению.⁹⁴

Сохраняя наружную лояльность, отдельные чеченские владельцы и старшины Алдынского, Атагинского и других селений оказывали содействие царским властям во время данной экспедиции в Чечню. Поэтому вполне понятно, что в Коллегии Иностранных дел и Военной коллегии с пониманием отнеслись к Алдинским владельцам Альбеку и Алисултану Казбулатовым во время экспедиции в Чечню в 1758 г. «Его, генерал-майора Фрауендорфа, попечению предоставить надобно, – писали в Коллегии, – и сбережение жилищ чеченских владельцев (с. Аллы и Атаги – Ш.А.), ибо они по непременной их верности всемерно то заслужили, чтоб при разорении протчих чеченцев оному подвержены не были».⁹⁵

В военной экспедиции против Чечни участвовали также грбенские казаки в количестве 200 человек. Об этом указывал в донесении Кизлярскому коменданту грбенский атаман Иван Иванович 8 июня 1758 г.⁹⁶ В целом, экспедиционные войска Фрауендорфа находились в боевых действиях против

восставших горцев до конца мая 1758 года. Между горцами и царскими войсками не произошло более никаких столкновений. 2 июня 1758 г. войска вернулись обратно в Кизляр. В своем донесении на имя высочайшего государя в Петербург генерал Фрауендорф не без сожаления признавал, что восставшие горцы «в покорение не пришли».⁹⁷

Говоря о причинах неудачи движения горцев 1757 – 1758 гг. в Чечне, исследователь Я.З. Ахмадов указывает, что у восставших отсутствовала четкая программа действий, не было признанного и авторитетного руководителя движения, а также «достаточных сил», чтобы вести военные действия против российской регулярной армии. Кроме того, отрицательно сказалось на движении то, что «сословные верхи даже в период апогея движения удерживали влиятельные позиции в политической жизни Чечни».⁹⁸

В 1760 году произошло очередное выступление трудовых чеченцев против кабардинского владельца Девлет-Гирея Черкасского, приведшее к изгнанию его вместе с подвластными горцами на равнинные земли ближе к царским властям, под их защиту. После Девлет-Гирея восставшими чеченцами были изгнаны и другие пришлые иноплеменные владельцы. Владелец Хасбулат из с. Атаги был убит восставшими.⁹⁹ «Хотя затем остальные владельцы, кроме Девлет-Гирея, – сообщает дореволюционный исследователь, – и были водворены русскими вновь на прежние места, однако в 1783 г. возмущение (восстание чеченцев – Ш.А.) повторилось, и владельцы на этот раз окончательно были изгнаны».¹⁰⁰

В семидесятые годы XVIII в. чеченцы не раз доказывали своим владельцам нежелание терпеть феодальный гнет. В 1770 году генерал-майор Де-Медем, назначенный в 1769 году Командующим войсками на Кавказской Линии и одновременно являвшийся инспектором, дважды ходил наказывать восставших чеченцев, которые «никак своего буйства не оставляли».¹⁰¹

О походе генерала Де-Медема против восставших в Чечне в 1770 году известный кавказовед П.Г. Бутков писал: «Сей первый поход чеченцев, в коем употребленная умеренность не могла их привести к раскаянию, но поощряла только к вящим преступлениям, и они от буйства своего не отстали».¹⁰²

В 1773 г. восставшими чеченцами был убит князь Девлет-гирей Черкасский, еще в 1760 г. бежавший в результате возмущения подвластных горцев на равнинные земли к р. Терек, под защиту царских властей.

Спустя несколько лет в Чечню было направлено еще несколько военных экспедиций генерала Де-Медема, которыми также были разорены многие равнинные аулы. «Поход генерала Де-Медема, – писал Ф. Серов, – помнила вся Чечня. Не успели застроиться разрушенные аулы, еще не затихла горечь утраты по жертвам, по боли, причиненным царскими войсками. Чечня находилась под страшным впечатлением от погрома, страха и ужаса, который был причинен завоевателями».

В 1774 году чеченцы вновь восстали против своих феодалов, и генерал-поручик Якоби, назначенный в это время инспектором Кавказской линии, жестоко подавил восстание горцев.¹⁰⁵ То же самое повторилось и в 1783 году при Командующем войсками на Кавказе генерал-поручике П.С. Потемкине, когда он выдвинул войска для усмирения чеченцев, восставших против своих

владельцев.¹⁰⁶ Так, для расправы над восставшими чеченцами и ингушами были посланы в 1783 г. различные военные отряды. Против с. Атаги выступил полковник Кек, имея в своем распоряжении три батальона пехоты, 12 орудий, 2 эскадрона легионеров и 1150 линейных казаков. В Ингушетию был направлен майор Рик с батальоном пехоты, эскадронам драгун и сотней казаков. 3 марта полковник Кек со своим отрядом выступил против Атаги из станицы Наура. 4 марта он дошел до р. Сунжи, проделав расстояние в 50 верст. Перейдя через Сунжу, Кек поставил у переправы две гренадерские роты, 100 егерей, 2 эскадрона драгун, 2 полка казаков и 2 пушки, которые были направлены сюда по личному указанию генерала П.С. Потемкина. В Ханкальском ущелье оставил Кек батальон с 3 пушками, а сам двинулся на Атаги. При подходе к селу отряд царских войск встретил сильное сопротивление восставших атагинцев и присоединившихся к ним алдинцев (с. Алды расположено от ст. Атаги в 20 верстах). До подхода царских войск жители близлежащих сел покинули свои места. Полковник Кек сжег и полностью разрушил с. Атаги, а затем стал преследовать восставших. Горцы, видя объятые пожаром свои села, решили отрезать обратный путь Кеку. Устремившись к Ханкальскому ущелью, где оставлен был царский батальон, восставшие обрушились на него со всех сторон, рассчитывая тем самым прервать связь батальона с Кеком.¹⁰⁷ У Ханкальского ущелья произошло большое сражение между войсками Кека и восставшими, длившееся более 3-х часов. Горцы потерпели поражение и понесли при этом, как сообщают царские источники, большие потери: было много убитых и раненых, и два человека взяты в плен.¹⁰⁸ Относительно потерь со стороны отряда полковника Кека царские источники ничего не сообщают.

В конце сентября 1783 г. генерал-поручик П.С. Потемкин снарядил в Чечню еще нескольких карательных экспедиций для «наказания» тех же восставших атагинцев, а также жителей близлежащих плоскостных сел, которые упорно не желали покориться царским властям и дать им аманатов (заложников). Так, генералу Самойлову И.В., находившемуся со своим отрядом в Малой Кабарде, приказано было выступить против восставших горцев с. Атаги через жилища карабулаков (чеченцев).¹⁰⁹ Сам же генерал-поручик П.С. Потемкин в это время со своим вооруженным отрядом выступил из Наура к Ханкальскому ущелью. В задачу П.С. Потемкина входило, отвлекая наступательным маневром восставших местных жителей, дать возможность и время отряду Самойлова незамеченным проникнуть в селение Атаги и сжечь его.

3 октября генерал П.С. Потемкин перешел р. Сунжу и остановился у Ханкальского ущелья, ожидая подхода отряда Самойлова. Однако отряд Самойлова при приближении к горам был встречен отчаянным сопротивлением жителей с. Гехи. Вскоре Самойлов овладел с. Гехи и сжег его. 5 октября отряд генерала Самойлова подошел к с. Атаги. П.С. Потемкин в это время продолжал отвлекать восставших чеченцев в ущелье Хан-Кала. Когда отряд Самойлова подошел к Атаги, генерал П.С. Потемкин решил атаковать горцев в самом ущелье Хан-Кала. 6 октября были введены в ущелье 2 батальона пехоты под командованием полковника Пиери. Сражение длилось 12 часов. Вскоре восставшие горцы отступили от ущелья. Отметим, что накануне сражения

царскими войсками был вырублен в Хан-Кальском ущелье весь лес, чтобы войска могли свободно передвигаться и вести боевые действия.¹¹⁰ После этого сражения генерал П.С. Потемкин посылает в ущелье для соединения с отрядом Самойлова еще 4 грендерские роты и 300 казаков. Горцы, свободно пропустив вперед царские войска, внезапно напали с гор на отряд П.С. Потемкина, но были отбиты. Восставшие горцы всячески старались воспрепятствовать соединению отряда П.С. Потемкина с Самойловым, но попытки были безуспешны. Самойлов полностью сжег селение Атаги (еще раньше, в марте 1783 г., его сжег полковник Кек) и, отбиваясь от нападавших горцев, пошел к Хан-Кале для соединения с П.С. Потемкиным. Согласно официальным источникам, восставшие понесли ощутимые потери, было много убитых. Со стороны царских войск было убито 18 и ранено 49 солдат.¹¹¹

Военные действия царских генералов против восставших принимают еще более зловеющий характер после начала широкого антифеодального и антиколониального движения горцев Чечни и Северного Кавказа под предводительством шейха Мансура в 1785 – 1791 гг.¹¹²

О действиях одного из многочисленных военных отрядов в Чечне против восставших свидетельствуют выдержки из донесений генерал-поручика П.С. Потемкина на имя князя Г.А. Потемкина от 29 января 1787 г., которые сообщают о жестоком обращении царских офицеров с восставшими горцами правобережной части Терека, в частности, с качкалыковскими чеченцами. «Жители, оставя свои дома, – говорится в донесении, – выбрались с женами, детьми и имуществом в леса и за ними лежащие ущелья, и для того не почел я полезным разорить пустые дома, а хотел притеснить их самой стужей и отнятием у них снедения» (припасов – Ш.А.)». На следующий день, 17 января 1787 г., войсками под командованием полковника Савельева было отбито у тех же качкалыковских чеченцев около двух тысяч баранов. Жители же, увидя отнимаемый у них скот и сено, выскочили из лесов и стали сопротивляться. В происшедшем между войсками и качкалыковцами кровополитии было убито до двадцати качкалыковцев, в числе которых был и их предводитель Иббамулла.¹¹³ 19 января 1787 года полковник Ребиндер с грендерским батальоном, имея в команде подполковников Кривцова и Рика, совершил новый военный поход против восставших качкалыковских, кумыкских, аксаевских, андреевских, черкеевских народов, живших также на правой стороне реки Терека. В этом сражении было убито около 80 человек и взято в плен 4 горца, захвачено в качестве добычи 800 баранов и 30 голов крупного рогатого скота, которые тут же были розданы войскам и т. д.¹¹⁴

Таким образом, мы сделали попытку рассмотреть выступления крестьянских масс на территории Чечни до начала широкого антифеодального и антиколониального выступления горцев Северного Кавказа под предводительством Ушурмы (шейха Мансура) в 1785 – 1792 гг. При этом нас в равной мере интересовала и антифеодальная, и антиколониальная направленность этих выступлений. Имеющиеся в нашем распоряжении источники, к сожалению, не позволяют достаточно глубоко изучить отдельные стороны антифеодальных выступлений горцев.

Несмотря на то, что восставшие на определенном этапе движения одерживали временный успех, в конечном счете, их действия были обречены на поражение. Так случилось на протяжении всех классовых столкновений в XVIII веке. «Единственная слабость Чечни в тот период, – указывает Ф. Серов, – состояла в неорганизованности, отсутствии скрепляющего, побуждающего начала».¹¹⁵

В выступлениях горцев XVIII в. не прослеживаются религиозные лозунги, хотя многие горские народы были уже мусульманизированы, а сам предводитель горцев 1708 г. Мурат Кучуков, как о том повествует документ, назывался даже мусульманским святым.

Отдельные вооруженные выступления крестьян-горцев не превращались во всеобщее антифеодальное восстание. Это объясняется, по-видимому, тем, что феодальному гнету были подвержены не все вайнахские общества, а часть их. Некоторые общества сохраняли свою былую вольность и не испытывали феодального гнета, хотя имущественная и социальная дифференциация задела и их.¹¹⁶

При изучении причин поражения восстаний, необходимо считаться всегда с тем, что восставшим горцам противостояла одна из самых могущественных в то время держава. Материальные, технические и людские ресурсы России нельзя даже сравнить с горскими. Самодержавие располагало мощным государственным аппаратом, громадными людскими ресурсами, военачальниками, имевшими за плечами большой опыт ведения войн и подавления народных восстаний. С чисто военной точки зрения слабо вооруженным горским партизанам и ополченцам противостояли хорошо вооруженные регулярные войска с артиллерией.

В XVIII веке Чечня и Ингушетия (горная и равнинная) были политически раздроблены и не представляли (да и не могли в то время представлять) единого целого, а были конгломератом слабо связанных между собой мелких феодализирующихся обществ, находившихся между собою во враждебных отношениях. Отсутствие политического единства в Чечне не только мешало сплочению горцев и координации их усилий во время восстаний, но давало возможность царским властям, используя в своих интересах вражду и родовую рознь различных племенных вайнахских обществ, направлять отдельных владельцев и старшин с их подвластными людьми против восставших. В XVIII веке восставшие горцы в силу определенных условий развития не могли еще выдвинуть четкой политической программы; их требования не были достаточно ясными для всех горцев.

Несмотря на все это, выступления горцев имели большое значение. В результате борьбы горцев был нанесен удар местным горским феодалам; быстрее пошла консолидация вайнахских обществ; укрепились традиции военной дружбы народов Северного Кавказа. В результате опыта, накопленного горцами в совместной борьбе в Чечне и Ингушетии, заметно возросло их активное стремление к сближению с народами Северного Кавказа и Россией. Это способствовало более интенсивному развитию производительных сил и прогрессу всего социально-экономического уклада жизни горцев.

Использованная литература и источники:

1. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М., 1923 г., Шерипов З.Д. Шейх Мансур. Краткий историко-биографический очерк // О тех, кого называли обреками. – Грозный, 1927; Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля, М.-Л., 1939; Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1939; Абазатов М.А. Мансур-Ушурма. Из прошлого Чечено-Ингушетии. // Грозненский рабочий. – № 111. – Грозный, 1939; Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Избранное. – Орджоникидзе, 1972; Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Тахо Гадиева, Т. IX. – Орджоникидзе, 1932; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX вв. – М., 1958; Гриценко Н.П., Хасбулатов А.И. Классы и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в XI – XIX вв. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XX в.). – Грозный, 1979; Тавакалян Н.А. О классах и классовой борьбе во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XX в.). – Грозный, 1979; Ахмадов Я.З. О характере движения в Чечне в 1757 – 1758 гг. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XX в.). – Грозный, 1979 и др.

1а. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, Т. 1. – Грозный, 1967, с. 97.

2. Чекменев С.А. К истории дружественных взаимоотношений между русскими и северокавказскими народами в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского НИИ, Вып. 6. Серия историческая. – Ставрополь, 1970, с. 227.

3. История Дагестана, Т. 1. – М., 1967, с. 337-338.

4. История Дагестана, Т. 1. – М., 1967, с. 338.

5. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. – М., 1966, с. 3.

6. Бозвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. – Тбилиси, 1974, с. 38.

7. Там же, с. 39-40.

8. Там же, с. 40.

9. Бозвадзе Т.Д. Ук. соч., с. 40.

10. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. – М., 1958, с. 135-136.

11. Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI – нач. XX вв.). // Известия ЧИНИИЯЛ, Т. 3, Вып. 1. – Грозный, 1963, с. 29-30.

12. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей. // Совесткая этнография. – № 1. – М., 1961, с. 41.

13. Саламов А.А. Ук. соч., с. 26.

14. В письме к царским властям брагунские владельцы называют себя «буркангским» народом.

15. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 408, л. 159-159 об.

16. Там же, д. 243, л. 5.

17. Кавказский сборник. Т. 10. – Тифлис, 1899, с. 413.

18. ЦГА Даг. АССР, ф. 379 «Кизлярский комендант», ч. 1, ед. ХР 3605, д. 655, л. 31.

19. АВПР, Кабардинские дела, оп. 115/11, д. 9, лл. 14 об, 15.

20. Тавакалян Н.А. О классах и классовой борьбе во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (X – нач. XX). – Грозный, 1979, с. 87.

21. История Кабардино-Балкарской АССР, Т. 1. – М., 1967, с. 150.

22. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 408, л. 169, 162 об.

23. Там же.

24. Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Известия ЧИНИИЯЛ, Т. 9, Ч. 3, Вып. 1. – Грозный, 1974, с. 71.

25. История Кабардино-Балкарской АССР, Т. 1. – М., 1967, с. 150.

26. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 243, л. 8.

27. Там же, д. 481, № 2, л. 82.

28. Там же, д. 481, № 2, лл. 82, об.

29. ЦГА ДаАССР, ф. 379, «Кизлярский комендант», оп. 1, ед. хр. 4078, д. 543, л. 89.

30. ЦГА ДаАССР, ф. 379 «Кизлярский комендант», д. 3318, ед. хр. 524, л. 195 об.

31. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 1975, с. 351-352.

32. Материалы по истории Башкирской АССР, Ч. 1. // Башкирское восстание в XVII и первой половине XVIII века. – М.-А., 1936, с. 242.

33. Потто В.А. Два века терского казачества (1577 – 1801), Т. 1. – Владикавказ, 1912, с.105.

34. Материалы по истории Башкирской АССР, Ч. 1. – М.-А., 1936, с. 232.

35. Там же, с. 242.

35а. Васильев Д. Загадка старого Кизляра. // Вопросы истории Дагестана, Ч. 1. – Махачкала, 1974, с. 52.

36. Материалы по истории Башкирской АССР, Ч. 1. – М.-А., 1936, с. 242.

37. Там же.

38. Там же, с. 243.

39. Материалы по истории Башкирской АССР, Ч. 1. – М.-А., 1936, с. 243.

40. Там же, 243.

41. Материалы по истории Башкирской АССР, Ч. 1. – М.-А., 1936, с. 232.

42. Там же, с. 232.

43. Материалы по истории Башкирской АССР, Ч. 1. – М.-Л., 1936, с. 232.

44. Там же.

45. Потто В.А. Два века терского казачества, Т. 1. – Владикавказ, 1912, с. 104.
46. Материалы по истории Башкирской АССР, Ч. 1. – М.-Л., 1936, с. 232.
47. Бутков Л.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. – СПб., 1869, с. 21.
48. Лысов В.Л. Персидский поход Петра I (1722 – 1723). – М., 1951, с. 120.
49. Надо думать, что царские источники здесь в несколько раз завышают действительное число восставших горцев.
50. Бутков Л.Г. Указ. соч., Ч. 1, с. 22.
51. Потери со стороны царских войск приводятся в источниках явно заниженные, что, естественно, не соответствует действительности.
52. Бутков Л.Г. Указ. соч, Ч. 1, с. 22.
53. Бутков Л. Г. Указ. соч, Ч. 1, с. 22-23.
54. Там же, с. 23.
55. Жителями Качкалыка являлись чеченцы.
56. Ткачев Г.А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев. // Записки Терского общества любителей казачьей старины. – Владикавказ, № 9, 1914, с. 73.
57. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726 – 1880 гг.), Т. 1. – СПб., 1881, с. 27-28; Потто В. Кавказская война в отдельных эпизодах, очерках, легендах и биографиях, Т. 1. – СПб., 1885, с. 45.
58. АВЛР, ф. «Кабардинские дела», 1758, оп. 115/1, д. 11, л. 230.
59. Зиссерман А. Указ. соч., Т. 1. – СПб, 1881, с. 28.
60. АВЛР, ф. 110, «Сношения России с Грузией», оп. 110/1, д. 5, л. 3.
61. Бутков Л.Г. Указ. соч., Ч. 1, с. 259.
62. Там же, Ч. 2, с. 109.
63. Гриценко Н.Л. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половины XIX в. – Грозный, 1961, с. 104-105.
64. Мамакаев М.А. Чеченский таип (род) и процесс его разложения. – Грозный, 1971, с. 34-35.
65. Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е годы XIX в.). Рукопись канд. диссертации. – М., 1966, с. 341.
66. Ахмадов Я.З. О характере движения в Чечне в 1757 – 1758 гг. Ук. соч., с. 100.
67. АВЛР, ф. «Кабардинские дела», 1764 – 1767, оп. 115/1, д. 5, лл. 28-29.
68. Там же, д. 9, л. 2.
69. Там же, д. 9, л. 1 об.
70. Архив ЧИИИСФ, ф. 1, д. 4 (1); ЦГВИА, лл. 2 об-3.
71. Там же, лл. 4-4 об.
72. Там же, лл. 4 об-5. Когда документы говорят о нападении горцев «под гребенские городки», надо полагать о беспокойстве ими не жителей гребенских станиц, а царских властей, размещавшихся в редутах (укреплениях, крепостях, городках) вблизи казачьих станиц.
73. ЧИИИСФ, ф. 1, д. 4 (1); ЦГВИА, лл. 5-5 об.

74. Там же, лл. 45-45 об.
75. Там же, л. 44 об.
76. Там же, л. 45-45 об.
77. Там же, л. 46.
78. Там же.
79. АВЛР, ф. 110 «Сношения России с Грузией», оп. 110/1, д. 5, л. 1.
80. Ахмадов Я.З. О характере движения в Чечне в 1757 – 1758 гг. Ук. соч., с. 97.
81. Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. (По документам Кизлярского комендантского архива). // Записки Терского общества любителей казачьей старины», № 11. – Владикавказ, 1914, с. 79.
82. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 243, л. 1.
83. Головчанский С. Ф. Ук. соч., с. 79.
84. Там же.
85. Там же.
86. Там же, с. 91.
87. АВЛР, ф. 110, «Сношения России с Грузией», оп. 110/1, д. 5, л. 3.
88. Ахмадов Я.З. О характере движения в Чечне в 1757 – 1758 гг. Ук. соч., с. 98.
89. Ахмадов Я.З. Ук. соч., с. 98.
90. Головчанский С.Ф. Ук. соч., с. 95.
91. Там же.
92. Там же, с. 98.
93. Там же, с. 88.
94. Там же, с. 95.
95. Там же, с. 92.
96. Головчанский С.Ф. Ук. соч., с. 98.
97. Ахмадов Я.З. О характере движения в Чечне в 1757 – 1758 гг. Ук. соч., с. 98.
98. Ахмадов Я.З. Ук. соч., с. 100.
99. Ахмадов Я.З. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. Ук. соч., с. 72.
100. Ткачев Г.А. Ук. соч., с. 75; Бутков П.Г. Ук. соч. Т. 1. – СПб, 1869, с. 112.
101. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 243, л. 1 об; См. Сборник общества любителей казачьей старины. – Владикавказ, № 6, 1912, с. 13.
102. Бутков П.Г. Ук. соч., Ч. 2. – СПб, 1869, с. 301.
103. Тавакалян Н.А. Ук. соч., с. 89.
104. Серов Ф. Наездник Бей-Булат Таиманов. // О тех, кого называли абреками. – Грозный, 1927, с. 127.
105. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, Т. 1. – Грозный, 1967, с. 64.
106. Сборник общества любителей казачьей старины, № 6, Владикавказ, 1912, с. 13.
107. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2. – СПб, 1869, с. 110.

108. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2. – СПб, 1869, с. 111.
109. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2. – СПб, 1869, с. 112-113.
110. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2. – СПб, 1869, с. 113-114.
111. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2. – СПб, 1869, с. 113-114.
112. По указанной проблеме автором данной работы издано специальное монографическое исследование на тему «Имам Мансур». – Грозный, 1991.
113. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, 45 об.
114. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 46.
115. Серов Ф. Наездник Бей-Булат Таиманов. Ук. соч., с. 127.
116. Тавакалян Н.А. Ук. соч., с. 89.

ГЛАВА 4. НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В ЧЕЧНЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ИМАМА МАНСУРА В 1785 – 1791 гг.

Освещение народно-освободительной борьбы горцев Чечни и Северного Кавказа в конце XVIII века под предводительством Ушурмы (Майсура)¹, чеченца из с. Алды, в дореволюционной историографии страдает явной тенденциозностью. Движение горцев, в котором принимали участие народы Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабарды, Черкесии и Адыгеи, искажается, его предводитель – шейх Мансур, во многих источниках и литературе изображается как «авантюрист», «лжепророк», «турецкий шпион», «религиозный фанатик» и т. д. В ряде публикаций намеренно не указывается подлинная национальность Мансура, его называют то башкиром, то киргизом, то итальянцем.

Дворянская и буржуазная историография относит движение горцев во главе с Мансуром к бунту, религиозному всплеску «диких, необузданных горцев», а самого народного вождя зачисляет в категорию разбойников. Царский официальный историограф XIX века Р.А. Фадеев свел борьбу горцев за независимость к разбойным нападениям на русских, осуществляемым под религиозными знаменами. «Газават» был для них (горцев – Ш. А.) не только предлогом отстаивать вольность, но и проводить набеги,¹⁸ – пишет Р.А. Фадеев. Идея «набегов» горцев оказалась весьма живучей, и она послужила теоретической базой не только для царских историков, но и для отдельных исследователей советского периода. Такого рода идеологические упрощенные оценки освободительной борьбы горцев Северного Кавказа, заняла заметное место во многих исследованиях. Царский офицер А.Л. Зиссерман пишет, что «распространению мюридизма на Кавказе способствовал религиозный фанатизм в соединении с хищническими наклонностями горцев»².

В борьбе за свою свободу и независимость горцы нуждались в объединительной идеологии и соответствующих лозунгах. В качестве таковой и стала идеология мюридизма, основанная на идее «газавата». К подобной форме

горцы обращались исключительно лишь в оборонительных целях, используя ее в качестве идеологического средства в антиколониальной борьбе. Не «религиозный фанатизм», не «хищничество» (терминология колониальной идеологии) явились причиной зарождения мюридизма в Чечне, а карательные экспедиции царизма против горцев, стремившихся к единению на основе ислама перед лицом внешней опасности.

Ложные, искаженные оценки, данные дворянской историографией личности шейха Мансура и его движению, не остались без внимания. Яркое свидетельство тому – серия публикаций, появившихся в начале 50-х годов XX века в центральных изданиях. К ним относятся статьи небезызвестного М. Багирова³, а также историков Н.А. Смирнова⁴ и А.В. Фадеева⁵, извращенно преподнесшие причины, характер и движущие силы народно-освободительных движений горцев XVIII – XIX веков. В их публикациях движение горцев преподносится как инспирированное Турцией, враждебно относившейся к России. При этом авторы не утруждали себя анализом имперской политики царизма на Кавказе и ее трагических последствий для народов Северного Кавказа. Н.А. Смирнов о движении Мансура писал: «Его выступление было типичным реакционным восстанием, направляемым иностранной рукой»⁶. По сути, колонизаторская политика России преподносится чуть ли не благом, социально-культурным прогрессом для народов Кавказа, а их борьба за свободу – действиями варваров, лишенных «цивилизованных» представлений о независимости и свободе.

В середине 70-х годов автор этих строк на основе новых архивных документов предпринял первую попытку дать объективный анализ народно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа в конце XVIII века⁷. Исследования эти позволили категорически опровергнуть утверждения о направленности действий Мансура руками Порты и «шпионской деятельности» его в пользу последней.

В начале 80-х годов XX века в исторической науке начался процесс реанимации оценок дворянско-буржуазной и сталинской историографии. Результатом чего и явилась концепция «добровольного вхождения» чеченцев и ингушей в состав России, основным разработчиком которой явился В.Б. Виноградов. Идеологическое закрепление этой концепции в исторической науке способствовало возрождению методологии 50-х годов. Так, Н.С. Киняпина, М.М. Блиев, В.В. Дегоев движение Мансура характеризуют как антирусское, организованное Турцией, помогавшей восставшим всеми средствами^{7а}. Ссылаясь на статью Н.А. Смирнова, написанную им в пору господства «сталинско-багировской» концепции национально-освободительных движений, указанные авторы пишут: «Потерпев ряд неудач в стычках с войсками России, он (Мансур – Ш.А.) принялся за активную пропаганду протурецкой ориентации среди мусульманского населения Северного Кавказа»⁸. При этом неизвестно, какими источниками руководствовались авторы. Архивные документы указывают на то, что Мансур приписываемого ему рвения в поддержку турецкой политики на Кавказе не проявлял. Об этом говорят протоколы допроса Мансура в Шлиссельбургской крепости в 1791 году.

В конце 80-х годов XX века тезис об ориентации Мансура на Турцию подхватывает В. Виноградов, утверждая, что «Мансур превратился в проводника османской политики на Северном Кавказе»⁹. В солидном академическом труде по истории Северного Кавказа, вышедшем в конце 80-х годов XX века под редакцией академика А.Л. Нарочницкого, также утверждается, что в основном Ушурма опирался на помощь Османской империи».¹⁰

Идея об антирусской направленности освободительной борьбы горцев пришлась по душе стороннику В.Б. Виноградова – Б.М. Хашегульгову, отождествившему движение Мансура с антирусским газаватом.

Однако, в чем именно проявлялась протурецкая ориентация шейха Мансура и какую конкретную помощь ему оказывала Турция, ни один из вышеназванных авторов сколько-нибудь убедительно доказать не может. Хотя Мансур и ополчение горцев на войне с весьма сильным противником нуждались в военной и материальной помощи иностранных держав, но поддержки со стороны Турции не получали и были далеки от мысли навязать своему народу турецкое иго. В попытке представить движение шейха Мансура как религиозную войну против христиан и русского народа усматривается идеологическая спекуляция и научная недобросовестность.

Известному кавказоведу Р.М. Магомедову, много лет добивавшемуся научной реабилитации Шамиля и движения горцев под его руководством, в освещении личности Мансура не хватило последовательности и принципиальности. Только находясь в плену старых идеологических схем, можно писать, что «под именем шейха Мансура выступал турецкий эмиссар, который развернул мюридское движение в интересах захватнической политики Турции... с целью борьбы против России».¹¹ Такая оценка деятельности шейха Мансура и возглавленного им движения из уст такого известного кавказоведа и ученого как Р.М. Магомедов вызывает недоумение и досаду.

Еще дальше идет М.М. Блиев, утверждая: «В свете этой воинствующей идеологии (мюридизма – Ш.А.), нацеленной на утверждение новых социально-экономических отношений в Чечне, следует рассматривать известное движение во главе с шейхом Мансуром, придавшим новый импульс набеговой системе».¹² М.М. Блиев и ранее выдвигал идею набегов, называя ее горским «экспансионизмом». «Любопытно, что вначале «потребителями» мюридских формул Магомеда Ярагинского оказалось не население горного Дагестана, – пишет он, – для которого они предназначались, а чеченцы, практиковавшие значительно раньше, чем горцы из «вольных» обществ Дагестана, набеги на север, в том числе на русские города».¹³ Утверждения М.М. Блиева означают, что мюридизм способствовал утверждению феодальных социально-экономических отношений в Чечне. Но призыв М.М. Блиева рассматривать движение шейха Мансура под углом зрения воинствующей идеологии – не более, чем идеологический выверт. Следует признать безосновательной и тенденциозной и такую его мысль: «Мансур призывал к газавату – «священной войне» для истребления неверных (христиан)».¹⁴ Мансур, будучи хорошо знаком с Кораном, понимал, что не в иноверцах (христианах) дело. Кроме того, нет ни одного серьезного факта, позволяющего согласиться с суждениями

автора. Документы свидетельствуют о другом. На допросе Тайного Советника Шешковского шейх Мансур заявил, что «советовал каждому не делать зла друг другу, как своим единоверцам, так равно и иноверцам, как тоже россиянам яко сильному и великому народу».¹⁵

Судя по всем имеющимся в нашем распоряжении материалам, шейх Мансур – убежденный сторонник справедливости, добра, нравственного совершенства, и он не мог позволить себе действия, противоречащие собственным религиозным и нравственным представлениям. В своих проповедях он призывал чеченцев отказаться от вражды, насилия, кровопролития, употребления спиртного, словом, от всего греховного. Для подкрепления своих религиозно-нравственных воззрений он обращался к Корану и в качестве примера часто приводил добродетельные поступки пророка Мухаммеда. Ведя аскетический образ жизни, он ограничивал себя во всем. Его призывы жить по совести и правде для того жестокого времени казались удивительными и странными. Люди шли к нему, чтобы слышать его речь, приобщиться к проповедуемой им духовной чистоте. Убежденность его слов доходила до человеческих сердец, и все, кто однажды слышал его наставления, каялся в грехах, и становились его последователями. Бескорыстие его было общепризнанным. Когда благодарные горцы приносили ему подарки, он тут же все раздавал бедным, сиротам, нуждающимся. В суровых сердцах он будил высокую нравственность, братские чувства. По признанию самого Мансура, «пророком» он был назван невежественными людьми, хотя сам он, зная каноны ислама, таковым себя не считал.

Влияние шейха Мансура на народ было настолько сильное, что, следуя его просьбам, люди прощали друг другу взаимные обиды, оскорбления, многие кровники мирились. Посвятив себя религии, утверждению ислама, нравственному самосовершенствованию, Мансур вел уединенный образ жизни, показываясь лишь изредка на людях. Все это создавало вокруг него ореол таинственности, мифичности.

Особый мифический смысл в глазах суеверных горцев приобретали факты укутывания лица, облачения в разноцветные одежды суфиев, в которых он являлся к людям, частого доведения Мансуром себя через обряд «халват» до самоистязания. Высокий рост, благородные черты лица, ораторский дар, строгий аскетизм, сострадание к людям, искреннее желание и любовь.

Как известно, в XVIII веке в отдельных чеченских районах через союз обществ происходил процесс их слияния. Чеченские общества находились под влиянием и феодализирующей знати. С древнейших времен во главе чеченского общества стояла верховная организация, так называемый «Мехк-кхел» (Совет страны). Его представляли местные старейшины, муллы и богатые люди. В зависимости от внутренней и внешней обстановки в обществе, власть Совета страны то ослабевала, то, наоборот, усиливалась.¹⁶ «Мехк-кхел» являлся верховным законодательным органом Чечни. В случае невыполнения требований «Мехк-кхела» виновных граждан сурово наказывали, вплоть до разоружения и сожжения их селений.

Внутренние производственные отношения чеченских обществ характеризовались тем, что одновременно существовали две формы земельной

собственности: частная (индивидуальная) и общественная. Первая форма земельной собственности представляла собой новые отношения. Вторая же форма – остатки общинных отношений чеченцев в земледелии – почти не имела значения в экономике горцев. Общинные земли представляли собой неудобные для обработки участки на крутых склонах гор.

В целом Чечня в XVIII веке развивалась по тем же социально-экономическим законам, что и соседние народы. В описываемый период чеченцы были объединены в тайповые общества, представлявшие собой территориально-политические организации. Видное место в них играла сельская община. Малая семья выступала в качестве самостоятельной хозяйственной ячейки, что содействовало процессу становления у чеченцев классового общества.

В 70 – 80-х годах XVIII века начался закономерный процесс: из равнинной части Чечни в результате антифеодальных выступлений горцев были вынуждены уйти последние остатки пришлых князей и феодалов, а некоторые из них были вовсе истреблены.

По мере того, как внутри чеченского общества складывались феодальные отношения, получили развитие и товарно-денежные отношения. У чеченской знати возрос интерес к личному обогащению, наживе и к деньгам. Все это приводит, естественно, к усилению эксплуатации зависимого населения, а, в конечном счете – к обострению классовой борьбы и к массовым выступлениям чеченских крестьян против своих богачей и старшин.

В результате более или менее успешной социальной борьбы между угнетенными и угнетателями, имевшей место во второй половине XVIII века в отдельных вайнахских обществах, вызванной известными экономическими причинами, феодальные элементы были ослаблены, но не уничтожены совсем.

В то же время во многих чеченских обществах крестьяне подвергались тяжелому гнету со стороны местных феодалов. Не говоря о чеченских владельцах и князьях, даже многие старшины приобретали фактические права феодалов и жестоко эксплуатировали подвластных горцев.

Феодальные отношения, переплетаясь с родовыми пережитками, становились тормозом на пути все более укрепляющихся экономических связей между равнинным и горным населением, между тяготевшими к тесным взаимосвязям вайнахскими обществами и племенами. Феодализм препятствовал развитию торговли, сельского хозяйства, стоял на пути процесса складывания из отдельных вайнахских обществ единого чеченского и ингушского народов. Все это и обусловило силу и размах антифеодальной борьбы в Чечне в XVIII веке.

В середине XVIII века произошло несколько крупных антифеодальных восстаний горцев, в результате которых значительная часть феодалов была истреблена. Так, в 1758 – 1760 гг. произошло выступление чеченских крестьян против Герменчукского владельца Девлет-Гирея, приведшее к переселению его на равнинные земли, ближе к царским властям, под их защиту. После Девлет-Гирея восставшими чеченцами были изгнаны и другие пришлые владельцы. Владелец Казбулат (Хасбулат) из с. Атаги был убит восставшими. «Хотя затем остальные владельцы, кроме Девлет-Гирея, – писал Г.А. Ткачев, – и были

водворены русскими вновь на прежние места, однако в 1783 г. возмущение (чеченцев – Ш. А.) повторилось, и владельцы на этот раз окончательно были изгнаны».¹⁷

Очевидно, сама слабость феодальной прослойки в Чечне и обусловила их вытеснение под ударами антифеодальной борьбы 70 – 80-х годов XVIII в.

Начало XVIII в. на Кавказе было ознаменовано нарастанием политической и военной активности Российской империи. Политика царизма активизируется в этом районе под знаком обострения отношений между царской Россией, султанской Турцией и шахским Ираном из-за владычества на Кавказе. Сюда же были устремлены алчные взоры западноевропейских держав, в основном английских колонизаторов.

Активизация политики царизма на Кавказе имела определенные социально-экономические и военно-стратегические предпосылки. В социально-политическом отношении царизм старался остроту национально-классовых и политических противоречий в центре России сгладить за счет активного захвата земель на Кавказе. С этой целью он, с одной стороны, переселял из центра России неблагонадежных крестьян, а с другой, наделял крупными земельными наделами своих генералов, местных феодалов и старшин, являвшихся надежной массово-политической опорой царизма.

Начиная со второй половины XVIII в., царизм предпринимает серьезные шаги для укрепления своих позиций на Северном Кавказе. С этого времени он ведет систематическую борьбу за покорение северокавказских народов. Начало было положено военной колонизацией, заключавшейся в насильственном переселении волжских и донских казаков на р. Кубань, Терек и далее к Кавказским горам. При этом экспроприировались лучшие равнинные земли у местного населения. На этих горских землях русское командование строило казачьи станицы и поселения, а в предгорьях сооружало военные форпосты – укрепления. Так, в предгорьях Кавказа царской администрацией сооружена была крепость Екатеринодар, от которой шло дальнейшее завоевание Кубанского края. Ближе к горам были построены крепости Кизляр (1735 г.) и Моздок (1763 г.). С основанием крепости Моздок русское командование приступило в этом крае к созданию оборонительной линии, называемой Кавказской, то есть стали закладываться новые крепости: Екатериноградская (на р. Малке), Павловская (на р. Куре), Марьинская (на р. Золке), Георгиевская (на р. Подкумке) и Александровская (на р. Томузловке). Кавказская линия должна была выполнять функции дальнейшего продвижения царизма вглубь Кавказских гор, штыком и кровью беззащитных кавказских горцев прокладывая путь своей колонизаторской, экспансионистской политике, расширяя тем самым южные границы России.

Колонизаторская политика Российской империи в крае приводила к вытеснению местных народов с равнинных земель вглубь гор. Известно, что колонизация земель на Северном Кавказе проходила в основном двумя путями: прикрито – «мирным» путем, и открыто – военным. И «мирная», и военная колонизация были между собой связаны и развивались параллельно, дополняя друг друга. Это были излюбленные колонизаторские методы царизма. В зависимости от складывавшихся конкретно-исторических условий в данном

районе, преобладал то один, то другой путь. Однако в обоих случаях формы и методы действия были военно-феодальными, колонизаторскими, и местные народы, безусловно, попадали при этом под самодержавную власть русского царизма, испытывая на себе его деспотический колониально-национальный режим».¹⁹

Вторая половина XVIII в. стала новым этапом в русско-чеченских отношениях. С этого момента, с одной стороны, усиливается русская ориентация чеченцев, заинтересованных в расширении торговли, а с другой, активизируется политика царизма на пути насильственного присоединения горских земель.²⁰ С момента активного заселения гребенскими казаками левого берега Терека, плодородные земли которого до этого обрабатывались чеченцами, начинается борьба местного населения с русскими властями.

Вытеснение чеченцев шло именно с плодородных берегов Терека, дававших горцу обильный урожай. Порою открытой силой изымая из владения чеченских обществ самые удобные для земледелия плодородные земли и лучшие плоскостные угодья и закрепляя их за казачеством, царизм тем самым теснил жителей Чечни вглубь бесплодных горных хребтов.

По условиям внутренней и внешней торговли Чечни нетрудно убедиться в том, что из всех северокавказских народов чеченцы, пожалуй, больше других страдали от различных запретов царской администрации на торговлю с русскими и соседними кавказскими народами в Кизляре, Моздоке и т. д. Если во второй половине XVIII в. правительством были отменены всякие пошлины с жителей Кабарды и Кумыкии при покупке ими товаров и продаже своих изделий и скота в Кизляре²¹, то такая привилегия не распространялась на чеченцев. В одном из многочисленных прошений, поданном на имя царских властей, чеченцы просили разрешить им «невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и прочие российские места и никаких обид не чинить».²²

Открываемые царизмом на Кавказской линии специальные меновые дворы для регулирования торговли с горцами так же использовались для проведения колониальной политики царизма.

Торговля охватывала такие отрасли хозяйства чеченцев, как земледелие, животноводство, садоводство, пчеловодство, продукты которых становились предметом внутренней и внешней торговли. Тем не менее, торговые связи Чечни с Россией в конце XVIII в. не получили должного развития, так как экономические мероприятия царских властей, таможенные пошлины, меновые дворы и всякие другие запреты сдерживали это развитие, что, в свою очередь, вызывало недовольство народа (особенно, когда речь шла об ограничении торговли и обмена солью и другими необходимыми товарами). Это, безусловно, отрицательно влияло на развитие взаимовыгодной торговли, обостряя напряженность отношений между чеченскими обществами и царскими властями.

На противодействие чеченцев власти отвечали карательными экспедициями в чеченские селения, сжигали и разрушали целые аулы, уничтожали посевы, а также запасы хлеба, истребляли сады и т. д.

Таким образом, колониальные мероприятия царизма и обострение внутренних классовых противоречий в горских обществах в конце XVIII в.

обусловили глубокий социальный протест, который вылился в антифеодальное и антиколонизальное движение горцев Чечни и Северного Кавказа под предводительством Мансура в 1785 – 1791 гг.

В марте 1785 г. на территории Чечни вспыхивает первое в истории Северного Кавказа мощное народное движение. За короткое время оно охватило почти все соседние районы: Кумыкию, Дагестан, Кабарду, Черкессию, Адыгею и т. д. Во главе его стал выходец из бедной крестьянской семьи, чеченец из селения Алды по имени Ушурма.

В документальных источниках и литературе, а также среди народных масс Кавказа руководитель народного движения в 1785–1791 гг. Ушурма известен как шейх Мансур.²³ Биографические сведения об Ушурме довольно скудны и противоречивы. Так, например, по данным турецких архивных документов, приводимым известным зарубежным исследователем Александром Беннигсеном и опубликованным в 1964 году²⁴, Ушурме в момент начала его публичных выступлений было 15 – 16 лет. Известно, что деятельность его началась весной 1785 г. Следовательно, по турецким источникам, датой его рождения должны являться 1769 или 1770 годы. Однако сам Беннигсен считает более достоверными сведения, «подтверждающиеся русскими источниками», в которых говорится, что в момент выступления Ушурме было 26 лет.²⁵ Поэтому, на наш взгляд, более близок к истине советский историк-кавказовед, профессор Б.В. Скитский, который писал, что Ушурма родился в 1760 году.²⁶ Кстати, и сам Ушурма после того, как движение было подавлено, а сам он пленен, в показаниях обер-секретарю «Тайной экспедиции» тайному советнику Шешковскому сообщил, что ему более тридцати лет.²⁷ К тому же есть все основания полагать, что если в момент пленения Ушурме было более тридцати лет, то родился он приблизительно в 1760 году. Кстати, этой даты придерживается, ссылаясь на академика П.Г. Буткова, и дореволюционный исследователь А. Терещенко.²⁸ В отличие от года рождения, сведения о месте рождения и социальном происхождении Ушурмы довольно однозначны. Родился он в чеченском ауле Алды в бедной крестьянской семье и происходил из тайпа «элистанжои». По свидетельству академика Н.Ф. Дубровина, «действительно его имя было Учерман, переделанное сначала в Ушурму, а потом в Мансура. Впоследствии и сам Ушурма называл себя этим именем».²⁹ Конечно, слово «нами» в цитате Дубровина не нужно воспринимать буквально, ибо вовсе не русские давали и меняли имя будущего первого имама Северного Кавказа. А. Терещенко считал, что лишь в Ушурму переименовали русские Учермана, который впоследствии сам присвоил себе имя Масур.³⁰ Как бы то ни было, но именем Учерман будущего имама Мансура называл и русский агент татарин Али-Солтан, посланный в с. Алды в марте 1785 г.³¹ Отца Ушурмы звали Япили. Имелись у него братья Таити и Тычай, которые были еще живы в момент его пленения. С самых ранних лет пришлось Ушурме испытать нужду и тяжелый труд. Будучи сыном бедных родителей, он не мог получить нужного образования, и в молодости своей пас домашний скот³². Немного возмужав, он, по его словам, «упражнялся в земледелии».³³ Но ни пастушество, ни тяжелый крестьянский труд не вывели Ушурму из бедности. Поэтому ему были близки и понятны заботы и чаяния горского крестьянства. Впоследствии, став

признанным вождем горских масс, Ушурма отличался удивительным бескорыстием, раздавал бедноте тот скот и подарки, с которыми тянулись к нему со всех сторон многочисленные последователи. Неудивительно поэтому, что в момент пленения имам Мансур был таким же бедняком, как и перед восстанием Ушурма. «Я беден, – говорил он в показаниях Тайной экспедиции, – все мое имение состоит из двух лошадей, двух быков и одной хижины».³⁴

Скупые сведения о других членах семьи Ушурмы также противоречивы. Так, А. Беннигсен пишет, что «женившись, он имел двух детей, но к моменту своего возвеличивания бросил свою жену».³⁵ Однако сам Ушурма в показаниях Тайной экспедиции говорил о том, что женат и имеет не двух, а трех детей: «есть у него жена по имени Чачи, сыну Яса – восемь лет, двум дочерям – Рагмет и Намет – четыре и один год».³⁶ Алдынский шейх, даже по словам царских историков, являлся незаурядной личностью и резко выделялся среди своих односельчан. «Одаренный природой гибким и проницательным умом»³⁷ и сильной волей³⁸, он являлся прекрасным психологом и умел внушать глубокое доверие окружающим».³⁹

Говоря о внешности Мансура, следует отметить, что, по свидетельству имама Шамиля, «он был очень красив и имел при этом мужественную увлекательную наружность; несмотря на то, что совершенно не знал грамоты, все же владел необыкновенным даром слова». Кроме того, по свидетельству того же Шамиля, Мансур был «так высок ростом, что в толпе стоящих людей казался сидящим верхом на лошади».⁴⁰

Жил Мансур замкнуто, уединенно. «Под строением его сделана землянка весьма крепкая, где он ночует, караул состоит из его родственников, есть ему дает жена его и ни с чьих рук не берет пить, кроме оной».⁴¹ Одевался он также необычно, выходил в народ в поражающем фантазию простых горцев костюме, чем и производил на них сильное впечатление. Лица своего толпе не показывал, а выходил обычно с закрытой головой. Одевался в зеленую шаль. Старшины Алдышской деревни доносили царским властям: «В деревне оказался какой-то человек, оделся в разноцветное платье такое, что на свете никогда не видали».⁴²

Безусловно, при тогдашних условиях и религиозные, и социальные мотивы должны были принести авторитет Мансуру и выдвинуть его в качестве имама и предводителя начавшегося освободительного движения масс.

Сама логика событий неумолимо толкала горцев к объединению под единой идеологической оболочкой религии. Более широкие возможности для объединения представляла новая религия – ислам, общая для всех народов Северного Кавказа, за исключением части осетин. Политика жесткой эксплуатации, проводимая царской администрацией на Кавказе, способствовала невиданно стремительному распространению ислама. По признанию официальных дореволюционных историков, «религиозный фанатизм был возбужден у них (чеченцев – Ш. А.) лишь в 1785 году, когда чеченец по имени Ушурма, прозванный за его ученость и святость шейхом Мансуром, сумел соединить национальную борьбу с религиозной. С этого времени начинается ожесточенная борьба с царской администрацией».⁴³

Как видно, даже дореволюционные исследователи не могли не указывать на прямую связь между религиозной оболочкой и национально-

антиколониальной борьбой, на зависимость первой от второй. Таким образом, если раньше «зачастую только правящие классы были мусульманами, а крестьянская же масса оставалась в идолопоклонстве», то нужна была царская угроза, чтобы горцы Кавказа освоили действительное «мусульманское сознание».⁴⁴

Из имеющихся письменных и архивных источников невозможно полно и ясно сказать о религиозной подготовке и религиозных откровениях Мансура до весны 1785 года, накануне его публичного выступления с «пророческими» откровениями. Тем не менее, они позволяют судить о том, что имамом было потрачено, по всей вероятности, немало времени для подготовки себя к публичным религиозным проповедям⁴⁵. В показаниях при допросе в Тайной экспедиции Мансур сообщил, что духовенство одобрительно отнеслось к его нравоучениям, и даже прониклось к нему уважением и назвало его шейхом 1783 г.⁴⁶

Сам Мансур рассказывает, что «слухи о его обращении к честной жизни быстро распространились среди сородичей, так как он избавился от желания воровства и грабежей». Во время же «размышлений и очищений» в горах у Мансура бывали «видения» в лице двух всадников, посланных якобы самим пророком Мухаммедом, которые называли его имамом и призывали к проповедям среди горцев⁴⁷. В 1784 году он то ли объявил, то ли заставил признать себя шейхом и имамом, а в начале 1785 г. начал свои публичные проповеди⁴⁸.

Впервые с публичными проповедями Мансур выступил в начале марта 1785 г. у себя в деревне Алды. «До объявления шейхом, – сообщал 8 марта 1785 года татарин (русский агент – Ш.А.) Али-Солтан из Больших Атагов, побывавший в Алдах, – Мансур три ночи в доме молился богу, с плачем выговаривал своим родственникам, что по непостоянству чеченцев в рассуждении смертоубийств и грабительства они погибают или осуждаются в будущем веке к вечному мучению, и что он (Мансур – Ш. А.) по данной ему свыше власти может их от сего избавить и обратить к чистому признанию и примирению...»⁴⁹. После мучительных двух суток, в течение которых родственники удерживали его от пророчеств, «онный ших (Мансур – Ш.А.) взошел на мечеть, созывал всех к богомолию, и как народ собрался великим количеством к мечети, то онный, не слезая с мечети, увещевал всех тут предстоящих, дабы они отстали от всех злых предприятий, и кто с кем имеет ссору и вражду, примирились бы, а равно вина и водки не пили, табаку не курили, подавали бы милостыню и наблюдали закон Мохамета. Поуча сему, пошел в свой дом, куда и все скопище за ним пошло, а по приходе приказал резать двух баранов, оные раздал тут всем предстоящим, чем тот день и окончился. На другой день из бывших у него (Мансура – Ш. А.) двух волов, взяв одного, вышел на кладбище и, обведя около его кругом раза три, пришел домой и тамо зарезал, из которого половину отдал бедным, а другую – учащимся грамоте малолеткам». «С коего времени, – сообщает далее Али-Солтан услышанное им о Мансуре, – разнесся повсюду слух, а по нем и собирается великое количество людей и всякий день приводят к нему скотину, которую раздает бедным, да и сам с родственниками из нее питается. Из

родственников его одного в давних годах убил горский житель, который бы так же должен был отвечать жизнью, но ших принудил мать и всех родственников сие упустить и помириться. Смотри на то, и другие тому последовали и стараются делать его повеления, а вино, водку пить и табаку курить жители деревни Алдынской тогда же оставили, да и приезжие, кто только у него побывают, то предаются его учению, равно и воровство, что прежде почиталось за удачу, ныне в пренебрежении и всякий от того уклоняется». ⁵⁰

При внимательном рассмотрении проповедей Ушурмы, нетрудно убедиться, что он, по сути, ничего нового к Корану не прибавил. ⁵¹ Он учил «соблюдать строго заповеди пророка Магомета, раздавать милостыню, не красть, не грабить, не прелюбодействовать, не пьянствовать». ⁵² Из религиозных проповедей имама выделились три основных направления его программы:

1. Возвращение к исламу чистому и аскетическому.
2. Борьба против адатов и введение убеждением или силой закона шариата.
3. Священная война (газават) ведется сначала против соблюдающих адаты, затем против «неверных» (иноверцев-горцев) и, наконец, против царизма.

Такую последовательность в учении Мансура объяснить нетрудно. В первом пункте мы видим обычный в любых движениях масс под религиозной оболочкой призыв к отказу от жизни развратной, возвращение к чистым незапятнанным роскошью, разнузданностью, извращениями истокам религии. «Мансур звал к новому быту, построенному на принципах пуританской морали. В этом призыве к набожности, самообузданию, – указывает Б.В. Скитский, – чувются те же социальные мотивы, что и в проповеди западноевропейских пуритан эпохи первоначального накопления». ⁵³ Крестьянская беднота, увидев под религиозной оболочкой выражение близких своим интересам идеи, стремительно стала принимать учение Мансура. Феодалы же почувствовали в шариате, в том виде, в каком его трактовал Мансур, подрыв всех своих прав, смертельную угрозу своему владычеству и стали защищать адаты.

Известно, что процесс смены религиозных взглядов был всегда очень долгим, сложным и болезненным процессом. Тем поразительнее успехи Мансура, сумевшего буквально в несколько месяцев добиться того, чтобы почти все равнинные чеченцы оставили свои древние верования и пошли за его учением. Безусловно, эти успехи объяснялись не столько тягой населения к исламу, ибо прочного внедрения его среди чеченцев само мусульманское духовенство добивалось в течение веков. Ускорили же исламизацию чеченцев социальные требования народных масс, которые были оформлены в религиозных проповедях имама.

Между тем, добившись определенных успехов в распространении ислама в равнинных селах Чечни, завоевав авторитет и популярность народа, Мансур намечает походы в горы, где еще целые чеченские общества оставались верными полужыческому и полухристианским верованиям, а также в земли карабулаков, ингушей и осетин, соседнюю Кумыкию, Дагестан, Кабарду, чтобы преодолеть сопротивление феодалов.

В донесениях царских агентов сообщалось о том, что Мансур во главе своего отряда с приближенными разъезжает по горным селам Чечни и насильственным образом приводит здешних жителей к мусульманской вере. В это же время письма Мансура с проповедями и призывами следовать правоверному исламу приходят также в отдельные ингушские села. Идеи Мансура находят благодатную почву, по-видимому, лишь в отдельных равнинных селах Ингушетии.⁵⁴ Из этих отдельных показаний и свидетельств можно сделать вывод, что Мансур прошел обычный (на Востоке) путь религиозного проповедника, обличителя и наставника в вере. Другого пути выдвинуться для простого человека в тех условиях не было. Но цели, которые преследовали имам и его сподвижники, шли гораздо дальше обличения своих односельчан в неверии и нарушении правил религии.

Достигнув определенного успеха на этом пути и завоевав нужный авторитет и популярность, Мансур невольно должен был перейти к каким-то решительным действиям, которые диктовались сложившейся обстановкой и требованиями народных масс. Притеснения со стороны местных старшин и феодалов, карательные экспедиции царских войск, распространившиеся к югу от Терека и с разных сторон вторгшиеся в Чечню, Кумыкию и другие соседние земли – все это возбуждало горцев, толкало их на стихийное сопротивление колониальной экспансии царизма. В этих условиях религиозная проповедь Мансура сплачивала горцев, помогала им объединить разрозненные силы, чтобы отстоять свою землю и права. Таким образом, можно считать, что не столько религиозные проповеди и чудеса шейха Мансура, сколько реально сложившиеся обстоятельства и воля народных масс сыграли решающую роль в переходе Мансура к открытой военно-политической деятельности. И острее его религиозной пропаганды теперь направлено было на сплочение масс для борьбы с усилившимися действиями колониальных властей.

В продолжение первой половины 1785 г. число сторонников шейха Мансура постепенно увеличивалось. Выступив из недр Чечни, он быстро находит себе сторонников среди кумыков, а потом и среди кабардинцев, дагестанцев и других народов. Уже с этих пор, в своих ранних религиозных проповедях, желая удовлетворить страсти возбужденных горцев, Мансур стал проповедовать о необходимости войны с неверными колонизаторами, придавая ей значение богоугодного дела.

В своих откровениях перед жителями села Алды Ушурма говорил, что как скоро он выедет из двора (селения – Ш. А.), то к нему в это время соберется великое множество войска, с которым он сначала пойдет к карабулакам и ингушам, потом в Кабарду для обращения их в магометанский закон и, наконец, после этого в российские пределы для истребления неверных⁵⁵. В своих первых сведениях, доставленных в ставку царских властей в Кизляр 4 марта 1785 г., старшина деревни Кизляр Кайтуко Баков сообщил, «что, будучи в Алдынской деревни 3 марта 1785 г., им замечены приготовления жителей многих чеченских деревень идти в поход, для этого они будто бы шьют знамена и говорят, что пойдут с Мансуром к ингушам для обращения их в магометанство и для отыскания какого-то древнего Алкорана, якобы хранящегося у ингушей».⁵⁶

Отправленный царскими властями из Червленской станицы с письмом в Алдынскую деревню (видимо, к старшинам – Ш.А.) казак Иван Жуков с пятью конвойными солдатами, возвратившись обратно в станицу 5 марта 1785 г., сообщил, «что в Атагу и Алды по немалой опасности того места (в связи со сборами Ушурмы), никто не осмелился их провожать». 8 марта 1785 г. татарин (горец) Али-Солтан из Больших Атагов доносил, что Ушурма приказал сделать себе знамя и копье, и что караул при нем находится «весьма великий из приезжих», а жители Алдынской деревни расположились по дороге, «ведущей к российским границам».⁵⁷ Между тем, в секретном рапорте полковника Савьелева на имя генерала Пеутлинга от 9 марта 1785 г. отмечалось о том, что «вчерашнего дня (т.е. 8 марта 1785 г.) собравшиеся за р. Сунжей из разных горских деревень жители, числом до ста человек, хотели совершить нападение на укрепления русских за Терекон». Полковник Матцен в это же время доносил генералу Пеутлингу, что по дошедшим до него слухам восставшие чеченцы хотят напасть на крепость Владикавказ.⁵⁸

Слава о Мансуре распространилась далеко за пределами Чечни: о нем стали говорить на Кумыкской равнине, в горах Дагестана, а также в Кабарде. У кумыков же со времени выступление Мансура со своим учением христиане, живущие в их селениях, претерпевают некоторого рода обиды и притеснения. Старшина Сактач из ингушской деревни Шолхи, расположенной недалеко от Владикавказа, сообщал, что «хотят чеченцы к ним в деревни приехать и ко оной же лживой присяге принудить, а если мы к оной не согласимся, то нас всех хотят разорить...». Прибывший 9 марта 1785 г. к подполковнику Матцену сын Ахметова Дударуко донес, что будучи в Малой Кабарде, слышал он от тамошних кабардинцев, что в Чечнях имеются великие сборища⁵⁹.

К Мансуру продолжали прибывать народы из различных кумыкских селений, которые, видимо, более других испытывали на себе тяжелый гнет местных князей и владельцев. Брагунский князь Росланбек извещал Кизлярского коменданта о том, что к Мансуру из ближайших деревень, в том числе из аксаевской, андеевской и девлетгиреевской, приезжает много людей, которым он приказал, как только он будет выезжать в поход, чтобы все вооруженные явились к нему, и намерение имама состоит в нападении на Кизляр. Алдынский мулла Али сообщал Булатову, посланному аксаевскими владельцами для наблюдения за имамом, что Мансур будто бы приказывает прибывшим к нему горцам являться в апреле месяце. И сборы назначены имамом между Науром и Мекенями, на той стороне, в урочище, именуемом потатарски (кумыски) Джуарак. В первой половине 1785 г. число сторонников Ушурмы как в Чечне, так и за ее пределами продолжает увеличиваться⁶⁰.

Одновременно царскими властями были усилены наиболее важные укрепления и крепости, расположенные на Кавказской укрепленной линии. Среди прочих крепостей, укреплений и редутов, намеченных восставшими горцами во главе с Мансуром для нападения, особую тревогу у царского командования вызывали Кизляр, Владикавказ, Григорополис и др.⁶¹

Командующий войсками на Моздокской линии генерал-поручик Леонтьев не без опасения наблюдал за волнениями горцев, происходившими в Чечне, и предписал всем пограничным начальникам находиться постоянно в

боевой готовности на случай внезапного нападения восставших и всеми мерами стараться захватить Мансура в свои руки.

Еще раньше, до получения этого распоряжения-предписания, генерал-поручиком П.С. Потемкиным был отправлен во Владикавказ батальон пехоты для усиления здешнего гарнизона. Им же приказано было сосредоточиться на р. Сунже под командованием генерал-майора Шемякина. Это был особый, довольно сильный по тому времени боевой отряд, который был необходим, чтобы пресечь волнение горцев в самом его начале и «не дать самой малой искре произвести пламень».⁶² Одновременно генерал-поручиком Потемкиным была разослана прокламация в районы, наиболее активно поддерживавшие призывы имама Мансура – Чечню, Кумыкию (деревни Аксаевская и Андреевская), в которой просил их не верить новоявленному имаму и не следовать его учению. Эта прокламация от 2 апреля 1785 г. к горским народам не принесла желаемых результатов. В ордере генерал-поручика М.Н. Леонтьева на имя полковника Пиери от 3 июля 1785 г. сообщалось, что появившийся в Чечне за рекою Сунжею «лжепророк» (Мансур – Авт.) «опутал так много легкомысленных чеченцев и других народов, которые тысячами были готовы отважиться на всевозможные злодейства русским властям, а также жителям станиц и крепостей».

Поступавшие с линии сведения, рапорты и донесения генерал-поручика М.Н. Леонтьева указывали, что волнения со стороны восставших горцев не прекращаются, а, напротив, усиливаются. С этой целью, считая наиболее надежным средством для прекращения дальнейшего волнения горцев, производимого «в народе обманщиком» (Ушурмой – Ш.А.), князем Г.А. Потемкиным через командующего на Кавказе войсками предписано было специально отправить «в самое сборище Ушурмы лично известного ему своими качествами полковника Пиери» с отрядом с целью захвата руководителя горцев.

Для захвата в плен Мансура царскими властями были использованы наиболее верные и надежные люди из числа местных владельцев и князей. «Небесполезно в сем случае, – писал в ордере Потемкин, – употребить к приобретению его (Мансура – Ш. А.) в руки усердных владельцев, а именно: Кайтуку Брагунского, коего доброжелание и верность испытаны, и Кайтуку, близ Наура живущего».⁶⁵

Отряд полковника Пиери состоял из Астраханского пехотного полка, батальона Кабардинского егерского полка, двух гренадерских рот, Томского пехотного полка и сотни казаков Терского войска. Утром 6 июля 1785 г. отряд Пиери достиг с. Алды в сопровождении проводника из этого селения. Отбивая атаки восставших чеченцев, отряд обошел населенный пункт и пришел к дому, в котором жил Ушурма. Мансура в доме не нашли, но зато было найдено его знамя и убит знаменосец. Жители села Алды все выбрались из села. Алдышцы все вместе с Мансуром ушли в близлежащий лес и, обогнув поляну, вышли к той узкой просеке (дефиле) через лес, по которой пришел отряд Пиери в Алды. Словом, алдынцами был перекрыт обратный путь войскам Пиери.

Царскими властями было приказано первым делом зажечь дом Ушурмы, а затем и всю деревню, состоящую из 400 дворов. Премьер-майору Комарскому

был отдан приказ, чтобы отправить «половинное число егерей в деревню (Алды – Ш. А.) для зажигания дома лжепророка» (Мансура. – Ш.А.).⁶⁶

Через Алды отряд Пиери прошел относительно спокойно, хотя изредка наблюдалась перестрелка между восставшими и царскими войсками. Но когда отряд Пиери дошел до леса и углубился в него, началось настоящее сражение между алдынцами, жителями близлежащих сел и войсками Пиери. Отряд Пиери попал в окружение восставших, и последние со всех сторон обрушили бешеный огонь по отступавшим войскам. Сразу же среди офицеров, егерей и grenадеров появились раненые и убитые. Сам же полковник Пиери получил первое ранение в голову. Попад под перекрестный огонь от нападавших на него со всех сторон горцев, отряд Пиери ценою больших потерь продолжал пробиваться к переправе через р. Сунжу. Среди отступавших создалась страшная паника. Приказано было оставить захваченную егерями у алдынцев скотину.⁶⁷

После безуспешной попытки отбить у горцев захваченную ими пушку, капитан Казин быстро возглавил колонну и стал защищать переднюю пушку от безудержного натиска алдынцев. Однако и здесь капитана ждала неудача. Лошади, которые тянули ящики со снарядами и тащили вторую пушку, были вскоре перебиты. Солдатам приходилось одновременно и защищаться от восставших, и нести на себе ящики со снарядами, и тянуть оставшуюся пушку. В это время полковник Пиери получил второе, смертельное ранение. После этого алдынцы, не встречая серьезного сопротивления со стороны царских войск, удвоили свои усилия. Отряд Пиери нес большие потери и сократился до небольшого числа солдат и офицеров. Не имея патронов, оставшиеся в живых егери и grenадеры в паническом страхе перед численно превосходящими силами восставших стали отступать к переправе.⁶⁸ И когда до р. Сунжа осталось небольшое расстояние, майор Комарский из отряда Пиери также получил смертельное ранение.

Только небольшая часть солдат Пиери перешла р. Сунжу и соединилась с командой полковника Томара. Не имея возможности развернуть боевые действия против восставших алдынского и амирхановского селений, полковник Томара с оставшимися войсками стал отходить назад к Науру. Восставшие горцы в количестве 5000 конных и пеших до 10 часов вечера преследовали отступавший отряд полковника Томары.

В целом, первое сражение царских войск под командованием полковника Пиери с повстанческими силами Ушурмы (Мансура) под Аллами стало для первых роковым. Царские войска, впервые проникшие в предгорья Чечни, потерпели крупное поражение. Отряд Пиери, насчитывавший более двух тысяч солдат и офицеров, лишился 12 офицеров и 740 человек нижних чинов. Были убиты пять человек офицеров, в том числе сам руководитель экспедиции полковник Николай Пиери. Из общего числа войск 162 человека были взяты восставшими в плен, а затем в разное время выкуплены царскими властями. Всего же в этой экспедиции царское командование потеряло более 1000 человек убитыми и ранеными. Позже восставшие возвратили царским войскам и две пушки, захваченные в этом сражении. В числе спасшихся оказался унтер-офицер князь Петр Иванович Багратион. В данном походе 20-летний Петр

Багратион был адъютантом Пиери. Он и до этого дважды участвовал вместе с Пиери в военных экспедициях в Чечню в 1783 г. О сражении под с. Алды и своем пленении и возвращении позже горцами царским властям Петр Багратион рассказал исследователю истории Кавказа академику П.Г. Буткову. Впоследствии князь П. Багратион стал генералом от инфантерии и прославился в Отечественной войне 1812 г. как талантливый полководец и умер от ран, полученных в Бородинском сражении.⁶⁹

Что касается потерь со стороны восставших горцев под Аллами, то согласно рапорту генерал-поручика П.С. Потемкина от 12 июля 1785 г. более трехсот человек было убито, в числе которых и родной брат Мансура, а также около сорока человек почетных (знатных) чеченцев⁷⁰, хотя сведения официальных властей о количестве потерь со стороны войск имама Мансура в данном сражении нам представляются преувеличенными.

Поражение отряда Пиери – первая значительная военная неудача царской России на Северном Кавказе. В неравной схватке с таким мощным и коварным врагом, каковым являлся царизм, восставшие горцы еще раз продемонстрировали свою силу, сплоченность, известную организованность. Разумеется, первая большая победа восставших над царскими войсками должна была сыграть огромную роль в деле подъема начавшейся антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев Северного Кавказа и поднять авторитет руководителя этой борьбы – шейха Мансура.

Кизляр – одна из старейших крепостей на Кавказе, имел важное стратегическое и экономическое значение. Он являлся связующим звеном между Северным Кавказом, Дагестаном, Закавказьем и Россией. «Кизляр, с одной стороны, – отмечает Б.В. Скитский, – являлся главной цитаделью русского могущества на Северном Кавказе: здесь размещались ближайшие к горцам представители русской власти. С другой же стороны, он представлял собой центр экономических связей и зависимости горских народов от русских властей»⁷¹. Видимо, этим и объяснялись упорные и настойчивые попытки горцев во главе с Мансуром в течение двух лет (1785 – 1786 гг.) овладеть Кизляром и тем самым разорвать всякую связь с Астраханью и обессилить могущество царизма на Кавказе.

Торопясь развить военный успех, приобретенный в результате победы над войсками отряда Пиери, восставшие горцы во главе с Мансуром начали наступление на Кизляр. Для штурма крепости и ее захвата был создан специальный отряд. 15 июля 1785 г. горцы в количестве 5 тысяч человек во главе с Мансуром подошли к Кизляру и попытались штурмом овладеть крепостью. Но оказалось, что она сильно укреплена: имеет много пушек и достаточно сильно защищена. После первой атаки горцы сразу же были отбиты мощным огнем крепостных пушек. Отряд Мансура вынужденно отошел назад. Царские власти были крайне встревожены столь неожиданной атакой восставших⁷².

После безуспешной попытки овладеть Кизляром, Мансур, не раздумывая, переносит военные действия на Каргинский редут, расположенный в 5 верстах от Кизляра. Несмотря на то, что гарнизон отчаянно сопротивлялся, горцам удалось овладеть укреплением. От случившегося во время перестрелки между

горцами и защитниками Каргинского укрепления пожара вскоре загорелись здешние строения. Распространившийся пожар очень быстро достиг порохового погреба, и укрепление вместе с его защитниками взлетело на воздух.⁷³

После неудачной попытки овладеть Кизляром, Мансур вынужден был вернуться в свое родное село. В отряде Мансура при нападении на Кизляр принимали участие в основном жители чеченских сел и часть жителей кумыкских деревень – Андреевской и Аксаевской. Кроме того, на стороне Мансура находились горцы некоторых дагестанских владетелей и ханов – дербентцы, тарковцы, джегутайцы, а также шекинцы и кубинцы из соседних районов.

В то же время Мансур, празднуя новую победу (сожжение Каргинского укрепления на подступах к Кизляру и захват 4-х пушек), стал уверять соотечественников и всех своих последователей в том, что крепость Кизляр должна также пасть к ногам правоверных мусульман. Жители Кизляра пришли в смтение.

Приносимые агентами из горских селений известия говорили о том, что Мансур собирается, еще более увеличив войска за счет новых повстанческих отрядов, предпринять второй поход против Кизляра.⁷⁵ Командующий войсками на линии генерал-поручик Леонтьев сразу же отправился в Кизляр, чтобы еще более усилить его войсками и принять дальнейшие меры для его защиты.

Движение горцев разгорелось на всей протяженности Кавказской линии от Кубани до Терека. Успехи, которых добились восставшие горцы во главе с Мансуром (разгром отряда Пиери под с. Алды, уничтожение Каргинского укрепления на подступах к Кизляру), способствовали тому, что горцы еще более открыто стали уходить от своих владельцев и старшин. Князя Андреевской деревни доносили Кизлярскому коменданту: «Народ из повиновения нашего вышел, есть у них намерения, чтобы нас из деревни выгнать».⁷⁶ Жители этой деревни приняли решение: если среди них окажутся предатели, которые могли бы выдать сведения русским властям о ходе восстания и его сроках, то «такого человека убить и дом с его именем разграбить».⁷⁷

За религиозными лозунгами Мансура отчетливо видны были антиколониальные призывы против царского правительства, призывы к активной борьбе против существующего строя, эксплуатирующего класса, чего, конечно, не могли не видеть и не понимать обездоленные массы.

Царские власти и горские владельцы называли восставших горцев «сволочью», «черню», «воровской парией», «горскими бродягами», а самого Мансура – «разбойником», «лжепророком», «лжецом», «алдынским развратником» и т. д.

В лагерь Мансура переходили и уздени от некоторых кумыкских князей. Так, из Андреевской и Аксаевской деревень Темир Хамзин, Хануа Алиев и др. доносили: «Наши подвластные уздени и черный народ лжепророку обещают с каждой мечети отдать по два человека». А Аксаевский князь Адиль Алибеков сообщал к тому же, что аксаевские и андреевские уздени от них ушли и присоединились к имаму Мансуру.⁷⁸

Уздени испытывали тяжелый гнет со стороны своих владельцев, что вынуждало их подчас поднимать восстание против господ, а иногда даже уходить от них в российские пределы. К таким же мерам борьбы со своими князьями и владельцами часто прибегали кабардинские уздени.⁷⁹

Главное ядро движения Мансура составляли, конечно, не уздени, а «черный народ», самая беднейшая часть горского населения. Несколько раньше побывавший в Аксаевской деревне кизлярский житель Мамуша Асанов доносил, что «имам теперь имеет сволочи (простых горцев – Ш. А.) тысячи до двух и то самых беднейших». В лагерь Мансура спешили обездоленные горцы, которые жаждали освобождения от своих владельцев и старшин. Даже царские власти вынуждены были признать, что войско Мансура составляют бездомные и абреки. Сам же Мансур – вождь восставших горцев – также принадлежал к этой социальной категории. Об этом убедительно сказал Мансур на допросе, устроенном ему в Тайной экспедиции после пленения.

Говоря о социальной базе участников движения, Б.В. Скитский замечает, что «этот бедняцко-батрацкий люд восстал против своих господ и в своем движении увлек и своего ближайшего социального «соседа – середняцко-узденинскый люд, чем значительно расширил базу своего движения и сделал его опасным для властительного элемента».⁸⁰

Мансура поддерживали некоторые князья и владельцы, которые с усилением влияния России на Северном Кавказе боялись потерять свое общественное положение и феодальные привилегии и враждовали с колонизаторами из-за того, что с приходом русских увеличился уход крестьян. Так, например, Мансура поддерживали некоторые князья и феодалы Малой и Большой Кабарды, из Тагаурских осетин алдар Ахмет Дударов; к Мансуру присоединились сыновья Шамхала Тарковского и Казикумухского, хана Дагестана и др. Поддерживала его и часть князей, хотя некоторые из них потом объясняли, что действовали они так, чтобы «самозванец» (Мансур – Ш. А.) не угнал их скот, который по степи при кочевых татарах находился.⁸¹ Феодалы же, которые дружили с царскими властями, к движению не присоединились, а, напротив, боролись с Мансуром, видя, что выступление горской бедноты направлено и против них. Такие владельцы не только сами не переходили на сторону Мансура, но и строго запрещали делать это своим подчиненным.

Одновременно в Кабарде и закубанских районах ширится движение горцев. Поддерживая постоянные контакты с восставшими чеченцами, кумыками и дагестанцами, получая письма Мансура, многие кабардинцы и адыги продают свой скот, закупают оружие и лошадей, готовятся примкнуть к движению горцев. Обстановка на Линии складывается тревожная.

При таких обстоятельствах, имея при этом достаточную базу среди восставших горцев, 29 июля 1785 г. Мансур с отрядом чеченцев и кумыков при поддержке князя Малой Кабарды Дола и знатного узденя Берда Хапцуга с их подвластными жителями предпринял поход против укрепления Григориполис, расположенного в 42 верстах от крепости Моздок. Однако осада укрепления, длившаяся в течение полудня, несмотря на отчаянные атаки горцев, закончилась неудачей для Мансура.⁸²

Несмотря на неудачный поход горцев на укрепление Григориполис, Мансур стал очень скоро в своем родном селе Алды с новой силой призывать народы Чечни и Северного Кавказа к новому походу на Кизляр. Поддерживаемый частью влиятельных князей и владельцев Кабарды, Кумыкии, а также Чечни в лице владельцев и мулл, приведших в его лагерь подвластных себе крестьян, 19 – 21 августа 1785 г. Мансур предпринял новый поход против Кизляра.⁸³ Безусловно, длительная подготовка Мансура к нападению на Кизляр позволила коменданту крепости Вешнякову основательно укрепить ее. 21 августа 1785 г. отряд Мансура предпринял стремительную атаку на Томский пехотный полк, находившийся недалеко от главного укрепления. Томский пехотный полк, построившись в каре (четыреугольником), встретил горцев батальонным огнем. Однако ни батальонный огонь солдат Томского полка, ни стрельба из пушек, бивших из крепости, не могли приостановить стремительный натиск горцев. Горцы дрались отчаянно: укрываясь в лощинах и прячась за различные укрытия, они производили беглый ружейный огонь по каре царских войск. Горцы, хотя и наседали на отступающих и стремились окружить солдат, все же при длительных перестрелках несли большие потери. При каждой атаке горцев царские войска останавливались, строились в каре и отражали атаки пеших и кавалерии из отряда Мансура. При отходе солдат Томского полка в ретраншамент горцы были встречены огнем из всех орудий. Не имея сил противостоять оружейным залпам, отряд Мансура вынужден был вновь отступить. Так закончилась неудачей для Мансура вторая и последняя попытка овладеть крепостью Кизляр.⁸⁴

В октябре 1785 г. восставшие горцы численностью около 6 тысяч человек чеченцев и дагестанцев переносят боевые действия на территорию Кабарды. А уже 30 октября 1785 г. в ущелье между Григориполисским укреплением и Малой Кабардой произошло сражение отряда Мансура с царскими войсками полковника Нагеля. Когда войска приблизились, горцы зажгли некоторые опустевшие дома в с. Малой Кабарды и попытались окружить отряд Нагеля. Некоторые группы всадников, как бы прикрывая основные силы горцев, постоянно выскакивали перед царскими войсками, не решаясь, однако, к ним приблизиться. Намерение восставших заключалось в том, чтобы завлечь царские войска в леса и ущелья. Но когда горцы увидели, что войска Нагеля не предпринимают такого шага, то 30 октября 1785 г. горцы сами решили атаковать русский отряд с разных сторон, но были отбиты мощными орудийными залпами пушек, восставшие также открыли огонь по царским войскам. После пятичасового боя между войсками шейха Мансура и отрядом полковника Нагеля военные действия прекратились. Сражение закончилось без определенных результатов с обеих сторон.⁸⁵

Располагая в своем отряде несколькими тысячами человек, Мансур решил вторично атаковать отряд царских войск. Приняв отход царских войск в другое укрепление, в Татартуп, за отступление, Мансур 2 ноября 1785 г. снова атаковал отряд полковника Нагеля у укрепления Татартуп. Имея при себе подкрепление от владельцев Большой и Малой Кабарды, он развернул мощное наступление с разных направлений: справа наступали лучшие кабардинские наездники во главе с Долом; с тыла – кумыки, руководимые самим Мансуром,

слева – тавлинцы и, наконец, с фронта – основная сила, состоявшая из чеченцев и других народов, по-видимому, дагестанцев. Отчаянное сопротивление и мощный огонь царских пушек заставили чеченцев оставить лошину, где они засели. Видя окруженных царскими войсками горцев, Мансур бросил свой ободряющий клич и кинулся в гущу наступающих войск. В этом сражении Мансуром впервые были применены созданные им подвижные щиты на колесах для прикрытия горцев от артиллерии царских войск⁸⁶. Щиты были изготовлены из двух рядов бревен с насыпанной между ними землей. Каждый щит имел по две пары колес, и они передвигались довольно легко и свободно. Число щитов доходило в данном сражении до 50. После продолжительного артиллерийского обстрела царскими войсками и частых атак с обеих сторон, произошла рукопашная схватка. Вскоре царские войска овладели подвижными щитами горцев. Между прочим, благодаря подвижным щитам Мансору удалось сохранить в этом сражении часть живой силы. Отряд Мансура вынужден был отступить⁸⁷.

9 сентября 1787 г. Екатерина II издала манифест о разрыве связей с Турцией и открытии военных действий. Узнав об этом, с целью упреждения наступления черкесских племен на Линию, генерал-поручик П.С. Потемкин с отрядом 8 тысяч человек при 35 орудиях переправился 20 сентября 1787 г. через Кубань у прочного окопа. Цель его состояла в уничтожении отряда имама Мансура, который с 8-мью тысячами горцев и закубанцев расположился между р. Уруп и Лаба. Генералу Елагину приказано было переправиться через Кубань ниже Овечьего брода и прикрывать действия головной части отряда при переходе ее в наступление.

Высланный вперед полковник Ребиндер со своим отрядом 20 сентября 1787 г. кратчайшим путем прибыл в Зеленчук, но, узнав, что отряд Мансура находится на расстоянии 20 верст впереди, сразу же поспешил ему навстречу с целью захватить его в плен. Когда царские войска подошли к месту расположения отряда Мансура, то руководителя не оказалось на месте, и войска наткнулись на передовой отряд черкесских войск и 600 ароб, установленных вагенбургом. При подходе передовых частей царских войск вплотную к восставшим горцам, последние, произнося молитву, бросились в рукопашную схватку с противником. Произошло кровопролитное сражение. Однако силы были неравны. Горцы несли большие потери от тяжелых орудий царских войск. Вскоре войска Ребиндера овладели укреплением восставших. Многие горцы, находившиеся в нем, были порублены. Царские войска, по донесению П.С. Потемкина, не щадили даже женщин. Со стороны царских войск также были немалые потери.⁸⁸

На другой день, 21 сентября 1778 г., Мансур снова атаковал отряд полковника Ребиндера. Самая значительная схватка произошла между горцами и Ростовским карабинерным полком. Во время продвижения полк наткнулся на засаду и был атакован горцами с левого фланга. Два эскадрона Ростовского полка и часть казаков были тут же опрокинуты, но подоспевший на помощь Ребиндеру премьер-майор Львов со своим астраханскими эскадронами и секунд-майор Дорш с гренадерским батальоном нанесли сильный удар отряду горцев и закубанцев. Восставшие вынуждены были отступить.⁸⁹

22 сентября 1787 г. восставшие во главе со своим вождем вновь сразились с отрядом царских войск. Войска Мансура выступали очень скудно: пришло подкрепление из темиргойцев, бесленейцев, кипчаков и абазинцев. Горцы первыми предприняли попытку вступить в бой. Князь Ратиев, расположив свои войска в соответствующем боевом порядке, двинулся на горцев. Несмотря на отчаянное сопротивление восставших, генералу Ратиеву все же удалось вытеснить горцев из своих укреплений. Жители Большого Зеленчука и Урупа, участвовавшие в сражении на стороне имама, вскоре ушли в горы. Князю Ратиеву приказано было следовать со своим отрядом от вершины Урупа до Большого Зеленчука и предать огню дом, где пребывал имам Мансур, и все остальные деревни здешних жителей. 24 сентября ближайший к месту сражения аул и дом, в котором жил Мансур, были сожжены царскими войсками.⁹⁰

Осень 1789 г. Мансур установил через торговых людей тесные связи с киргизо-кайсацкими (казахскими) народами, жившими в северо-восточной части Каспийского моря. Призывы Мансура отражали интересы этих народов, подвергавшихся притеснениям со стороны царских властей в районе Астрахани.

В середине 1790 г. Мансур вернулся в Чечню и сразу же приступил к мобилизации горцев, в частности, чеченцев и дагестанцев, для нападения на Кизляр. Однако попытки Мансура вновь поднять движение в Чечне и Дагестане не имели успеха. Это вынудило его осенью 1790 г. уйти в Анапу. Отсюда он, как и прежде, обращался с письмами к народам Северного Кавказа, призывая их к активным действиям. Это были его последние воззвания к кавказским народам.⁹¹

В июне 1791 г. в результате боевых действий царских войск с турками генерал Гудович овладел Анапой. Взятый здесь в плен Мансур «как бунтовщик» был отправлен в Петербург, где допрашивался в Тайной экспедиции. Он был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости «за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба империи». Умер Мансур там же 13 апреля 1794 г. и был похоронен на Преображенской горе без какого-либо обряда.⁹²

Движение горцев 1785 – 1791 гг. было первым опытом организации кавказскими народами общей борьбы против царизма и местной феодальной верхушки. Мансуре удалось привлечь под свои знамена горские народы Северного Кавказа, хотя на практике объединить горцев было чрезвычайно трудно. В силу объективных причин в объединении горцев на борьбу определенную роль сыграла религия. Отмечая положительную роль ислама в деле консолидации народов Северного Кавказа, необходимо отметить, что религиозная идеология отчасти затемняла политические цели движения.

Движение Мансура, безусловно, имело прогрессивное значение и неизбежно должно было оставить глубокий след в жизни народов Кавказа. Оно было отчасти направлено против непрекращающихся феодальных и княжеских междоусобиц, тормозивших дальнейшее развитие Чечни и соседних районов. Значение движения Мансура следует рассматривать не только по его результатам, но и в связи с несомненным обострением классовой и антиколониальной борьбы крестьянских масс в крае. Совместная борьба горцев

способствовала сближению, сплочению и росту их самосознания. Это движение, кроме антифеодальной окраски, было направлено также и против таких явлений, как родовые пережитки – адаты, племенную замкнутость и пережитки феодального сепаратизма. Заслуга движения горцев состоит и в том, что оно явилось толчком к ускорению процесса объединения различных горских обществ на пути к формированию вайнахского этноса. Другим результатом движения Мансура явилось усиление роли ислама как консолидирующего фактора среди народов Северного Кавказа. Поражение движения не могло ослабить позиции мусульманского духовенства, которое боролось также за интересы народа.

Следует отметить также, что имам Шамиль отдавал должное уважение шейху Мансуру, называя его своим предшественником и даже учителем. Он с особым трепетом слушал людей, близко знавших имама Мансура, и различные рассказы о нем.

Движение Мансура напоминало вспышку пламени, погашенную мощной силой царских войск. И все же оно в течение многих лет звало горцев против царизма. А предводитель движения – имам Мансур – надолго остался в памяти потомков кавказских народов как национальный герой. В истории вайнахского народа XVIII в. нет другой яркой личности, которая пользовалась бы такой популярностью, как имам Мансур.

В заключение следует отметить также, что движение горцев Северного Кавказа 20 – 50-х годов XIX века не получит полной своей исторической реабилитации до тех пор, пока не будет поднято на соответствующий уровень полное и объективное освещение личности первого имама Чечни и Северного Кавказа Мансура и возглавленного им народно-освободительного движения горцев.

Использованная литература и источники:

1. Данная проблема подробно освещается в монографии Ш.Б. Ахмадова «Имам Мансур». Грозный, 1991 г.
- 1а. Фадеев Р.А. Собрание сочинений, М., 1889, Т. 1, сс. 19, 42.
2. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842 – 1866), СПб., 1871, с. 96.
3. Багиров М. К вопросу о характере движения юридизма и Шамиля. Ж. «Большевик», № 13, М., 1950.
4. Смирнов Н.А. Шейх-Мансур и его турецкие вдохновители. «Вопросы истории», №10, М., 1950.
5. Фадеев А.В. Возникновение юридистского движения на Кавказе и его социальные корни. Ж. «История СССР», №5, М., 1960.
6. Смирнов Н.А. Ук. соч., с. 38.
7. Ахмадов Ш.Б. Народное движение в Чечне в конце XVIII в. Автореферат канд. Дисс. М., 1974.
- 7а. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984, с. 67.
8. Там же, с. 67.

9. Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1971 – 1975 гг.) Ж. «История СССР», №3, М., 1977; Его же. История СССР, №3, М., 1987.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988, с. 95.
11. Магомедов Р.М. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987, с. 82.
12. Блиев М.М. К проблеме общественного строя горских «вольных» обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII – первой половины XIX в. Ж. «История СССР», №4, М., 1989, с. 157.
13. Блиев М.М. Там же.
14. Блиев М.М. Там же.
15. ЦГАДА, ф. 7, Ед. хр. 2777, л. 20 об.
16. Саидов И.М. Общественный быт вайнахов в XIX – нач. XX в. Автореферат на соискание ученой степени канд. истор. наук. Тбилиси, 1972, с. 15.
17. Ткачев Г.А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев. Записки общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914, №9, с. 75.
18. История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. 4, М., 1967, с. 392.
19. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967, с. 82.
20. Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России. Археолого-этнографический сборник, т. 2, Грозный, 1969, с. 99.
21. Смирнов Н.А. Политика России на Северном Кавказе в XVI – XIX вв. М., 1958, с. 86.
22. ЦГВИА, ф. 52. он. 1/194, д. 243, л. 5.
23. Сами чеченцы Мансура-Ушурму «шейхом» не именовали и не называют. Его называли или собственным его именем «Ушурма», или «Алдара имам (чеченск.) — алдынский имам. Титул – шейх» (ших), по-видимому, дан ему татарами-переводчиками (кумыками). Относился он к роду «Элистанжи». Потомки его и сейчас живут в сел. Новые Алды ЧР.
24. Беннигсен Ал. «Священная война» шейха Мансура на Кавказе в 1785 – 1791 гг. Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях. Рукописный фонд ИИЯЛ Дат. Филиала АН СССР. Ф. 1, ед. хр. 469-а.
25. Беннигсен Ал. Ук. соч., сс. 159 - 205.
26. Скитский Б. В. социальный характер движения имама Мансура. Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Т. Гадиева. Т. 9, юбилейный сборник. Орджоникидзе, 1932, с. 98.
27. Смирнов Н.А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе. Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1, М., 1950, с. 23.
28. Терещенко А. Лжепророк Мансур. Ж. «Сын Отечества», СПб, 1856, №15, с. 54.
29. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2, СПб., 1871, с. 86.

30. Терещенко А. Ук. соч., с. 54.
31. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 5, л. 8.
32. Терещенко А. Ук. соч., с. 54; ЦГАДА, ф. 23, д. 2777, л. 19.
33. Дубровин Н.Ф. Ук. соч., с. 87.
34. Дубровин Н.Ф. Ук. соч., т. 2, СПб., 1886, с. 87.
35. Беннигсен Ал. Ук. соч., сс. 159 - 206.
36. ЦГАДА, ф. 23, д. 2777, л. 19.
37. Терещенко А. Ук. соч., с. 54.
38. Дубровин Н.Ф. Ук. соч., с. 87.
39. По словам А. Терещенко и Н.Ф. Дубровина – «вкрадываться в доверие».
40. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. Тифлис, 1904, с. 1403.
41. Скитский Б.В. Социальный характер..., с. 119.
42. Скитский Б.В. Ук. соч., с. 119.
43. Максимов Евг. Чеченцы. «Терский сборник». Вып. 3. Кн. Владикавказ, 1893, сс. 27 - 28.
44. Беннигсен Ал. Ук. соч., сс. 159 - 205.
45. Смирнов Н.А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе. Ук. соч., сс. 11 - 63.
46. Там же, с. 23.
47. Там же, с. 28.
48. Беннигсен Ал. Ук. соч., сс. 159 - 205.
49. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 5, л. 8.
50. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 5, лл. 8-10 об. Показания татарина (кумыка) Али-Солтана из Больших Атагов от 8 марта 1785 г.
51. Скитский Б.В. Ук. соч., с. 106.
52. Терещенко А. Лжепророк Мансур. Ж. «Сын Отечества», СПб, 1859, №15, с. 55.
53. Скитский Б.В. Ук. соч., с. 105.
54. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 2, л. 274. В деле приводится копия письма на арабском языке в русском переводе.
55. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 5, лл. 9 - 9 об.
56. Там же. Д. 350, ч. 3, лл. 36 - 36 об.
57. Там же. Д. 350, ч. 5, лл. 9 об., 10 об.
58. Там же. Д. 350, ч. 4, лл. 32 об.
59. Там же. Д. 350, ч. 4, лл. 32 - 32 об.
60. Там же. Д. 350, ч. 5, лл. 3; 13 об; 14 - 14 об.
61. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 4, л. 28.
62. Дубровин Н.Ф. Ук. соч. с. 100.
63. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, лл. 2; 48.
64. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, л. 5.
65. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, лл. 4-об.; 50 - 50 об.
66. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, л. 15.
67. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, лл. 9 - 9 об.
68. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, л. 13 об.

69. Авалиани Л. Скошенная трава. Журн. «Литературная Грузия», №6, Тбилиси, 1971.
70. Беннигсен Ал. Ук. соч., сс. 159 - 205.
71. Скитский Б.В. Ук. соч., с. 111.
72. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, л. 60.
73. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, л. 60.
74. Там же, л. 28; Там же, д. 366, ч. 1, л. 17 об.
75. Там же, д. 350, ч. 7, лл. 28; 60.
76. Скитский Б.В. Ук. соч., с. 100.
77. Там же, с. 100.
78. Там же, с. 107.
79. Дубровин Н.Ф. Кавказская война. СПб., т. 2, с. 87.
80. Скитский Б.В. Ук. соч., сс. 107-108.
81. Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Ф. 37, оп. 1, д. 2, л. 65. Рукопись Скитского Б.В. К вопросу об истории крестьянских движений у горцев Кавказа во 2-й половине XVIII в. 1950 г.
82. Дубровин Н.Ф. Ук. соч., с. 109.
83. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 8, лл. 8об.; Там же, д. 350, ч. 9, лл. 19 - 19 об.; 28.
84. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 9, лл. 19 об., 24 об.
85. Дубровин Н.Ф. Ук. соч., ч. 2, сс. 128 - 129.
86. Скитский Б.В. Ук. соч., с. 114.
87. Дубровин Н.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 130.
88. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 2, лл. 81 - 81об. Рапорт генерал-поручика П.С. Потемкина на имя князя Г.А. Потемкина от 4 октября 1785 г.
89. Там же, д. 416, ч. 2, л. 81 об.
90. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 2, лл. 81 об; 82 об; 83.
91. ЦГА ДаССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 2, лл. 81 об; 82 об; 83.
92. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX вв. М., 1958, с. 160.

ГЛАВА 5. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ С СЕВЕРО-КАВКАЗСКИМИ НАРОДАМИ И РОССИЕЙ В XVIII – НАЧ. XIX В.

В XVIII веке в Чечне наряду с политическими и торгово-экономическими связями происходит также дальнейшее укрепление и расширение связей вайнахов с Россией и народами Северного Кавказа. В это время в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Осетии и Кабарде идет процесс образования поселений, в которых совместно проживали многие представители народов Северного Кавказа и России. Этому во многом способствовало

начавшееся массовое переселение чеченцев и ингушей с гор на равнинные земли.

Соседями чеченцев и ингушей издавна являются кабардинцы. Культурные связи между ними установились, полагают, еще в XIV веке, когда чеченцы и ингуши в поисках свободных земель стали спускаться к Тереку и Сунже и основали здесь первые вайнахские селения Парчхой и Юрт-аул. А затем, с течением времени, в бассейне Терека стали появляться смешанные селения из чеченцев, ингушей, кабардинцев и других народов. Надтеречные бильтовцы (несколько чеченских сел) называли себя «гебертой» (Кабарда).¹

Героическая вайнахская народная песня «О князе Мусосте и Сурхо Алиеве» сообщает о том, что кабардинский князь Мусост, который переселился на правый берег Терека, «заложил аул на земле ингушей». Чеченцы и ингуши вместе с кабардинцами, кумыками и другими народами жили в деревнях Брагунны (основана в XVI в.), Герменчук, Шали, Девлетгиреевской, Новой Юрте, расположенном недалеко от станицы Червленной. В селении Шали преобладало в это время кабардинское население, куда в результате межфеодальной усаобицы переселились отдельные князья Малой Кабарды вместе со своими подвластными крестьянами.²

В это же время определенная часть чеченцев и ингушей проживала в кабардинских селениях и, в частности, на землях князей Бековича Черкасского и Таусултановых, владения которых были расположены между Эльхотовым и реками Курпом и Терекком. Вместе с ними в селах проживали дагестанцы, кабардинцы и осетины. Так, в селении Пседах проживало 664 чеченца (164 двора). В кабардинских и балкарских деревнях находили себе приют многие беглые крепостные крестьяне и кровники из Чечни и Ингушетии. Предки многих кабардинцев и балкарцев являются выходцами из Чечни и Ингушетии.³

«Кабардинское и балкарское крестьянство всегда видело в лице своих соседей – чеченцев и ингушей – надежных друзей, к которым они могут уйти в любое «время», – указывает один из авторов «истории Кабарды» профессор Г. Х. Мамбетов. В начале XIX века 160 дворов и крепостных крестьян переселились из Кабарды в Чечню. А спустя несколько лет крестьяне из 6 сел Малой Кабарды, подвластных князю Бековичу Черкасскому, из-за жестокой эксплуатации восстали и стали угрожать переселением в Чечню.⁴

Горцы Дагестана, Кабарды, Балкарии, Чечни не только не препятствовали расселению на Северном Кавказе беженцев из России, но и выделяли им хорошие угодья, помогали обзавестись хозяйством, поддерживали с ними добрососедские дружественные отношения. Встречая такой прием, беженцы даже отказывались возвращаться в пределы Российского государства. «Проходили годы и русские беженцы осваивались с окружающими условиями. В то время к ним в селения стали спускаться горцы Дагестана, Кабарды, Чечено-Ингушетии».⁵

В сооружаемых царской администрацией укрепленных городках и крепостях для русских войск расселялись с ведома и поощрения царизма выходцы из влиятельной верхушки горцев Северо-Восточного Кавказа. Как правило, такие «мурзы» и их уздени... получали денежные и хлебные склады и селились за речкой (за рекой Тюменской) и Черкасской слободе, рядом со

слободкой Окоцкой, заселенной выехавшими из Акков в конце XVI века частью общества Акко (окохи, общества Акко) служилыми окочанами (вайнахами).⁶

В XVII веке различные населенные пункты возникали, как правило, рядом с русскими городами-крепостями на Северном Кавказе, а также в слободах вблизи Святого Креста. Здесь проживали представители народов Дагестана, чеченцы, грузины, осетины и другие. Большое количество горцев от различных народностей Северного Кавказа обосновались в слободах вокруг Кизляра, в Моздоке и казачьих станицах. К сожалению, в документах нет сведений о количестве горцев, поселившихся среди терско-гребенского казачества. Но, по всей вероятности, оно было значительным, ибо документы подтверждают, что среди гребенского казачества было много «иноверцев» и имелись «татарские слободы».⁷

Согласно описанию свидетеля тех времен Ф. Котова, напротив крепости Кизляра располагались большие слободы – Черкасская, Окоцкая и слобода новокрещенных черкасов.⁸

Образованию подобных поселений в основном способствовало бегство феодально-зависимых крестьян от гнета своих владельцев и князей. Кроме того, существовал в горах Кавказа тяжелый обычай кровной мести, который также способствовал уходу крестьян к русскому населению.

Жившие в районе Терека разноязычные северокавказские народы прекрасно ладили между собой, не питали неприязни друг к другу, не притязали на господство одних над другими. «Этот этнический конгломерат не был простым механическим соединением различных этнических элементов, – указывает исследователь Гаджиев В.Г., – являлся своего рода «интернациональным» союзом людей, находящихся на одинаковом социальном и правовом положении, союзом людей, преследуемых «власть имущими»; они различались по психическому складу и по языку, но их объединяла общность классовых интересов».⁹

В свою очередь, терско-гребенские казаки поддерживали дружбу не только с народами Кавказа, жившими в районе Кизляра и Моздока, но и со всеми народами Северо-Восточного Кавказа. Основой для укрепления политических и культурных связей между казаками и горцами являлась известная взаимозависимость и взаимозаинтересованность между ними.

Северокавказские народы оказали в определенной мере влияние на развитие материальной культуры русских переселенцев. Терско-гребенские казаки перенимали у кавказских народов форму одежды, виды снаряжения и вооружения и многое другое.¹⁰ В свою очередь, русские переселенцы оказывали благотворное влияние на материальную и духовную культуру горцев. Горские народы «усваивали и перенимали в свой быт культуру гребенских казаков. Это усвоение шло в двух направлениях: по линии духовной и, значительно сильнее, по линии материальной культуры».¹¹

В то же время в XVIII веке к народам Чечни и Ингушетии, Кабарды и Балкарии, а также Осетии стали переселяться из Дагестана кустари-ремесленники. Этот процесс, естественно, имел положительные последствия, так как он способствовал установлению дружественных связей и даже

родственных отношений между дагестанцами, кабардинцами, чеченцами, ингушами и другими народами Северного Кавказа.

Таким образом, в рассматриваемое время между чеченцами, ингушами и соседними северокавказскими народами, а также Россией установились и стали развиваться весьма прочные разносторонние политические, экономические и культурные связи, способствовавшие укреплению взаимной дружбы, выработке общей культуры, развитию и укреплению их межнациональных взаимоотношений.

Использованная литература и источники:

1. История Кабардино-Балкарской АССР, Т. 1. – М., 1967, с. 179.
2. История Дагестана, Т.1. – М., 1967, с. 387; История Кабардино-Балкарской АССР, Т.1. – М., 1967, с. 179-180.
3. История Кабардино-Балкарской АССР, Т. 1. – М., 1967, с. 180.
4. Там же, с. 180.
5. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965, с. 94.
6. Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552 –1572 гг., с. 263.
7. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т.1. – М., 1967, с. 253.
8. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965, с. 95.
9. Гаджиев В.Г. Ук. соч., с. 95; Тотоев М. С. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими переселенцами на Северном Кавказе. // Известия СОНИИ, Т. 12. – Дзауджикау, 1948, с. 141-142. Попко И. Терские казаки со стародавних времен. – СПб., 1880, с. 51; 113-115.
10. Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880, сс.51; 113-115.
11. Тотоев М.С. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими переселенцами на Северном Кавказе. // Известия СОНИИ, Т. 12. – Дзауджикау, 1948, с. 151.

РАЗДЕЛ III. ПРАВО И ПРАВОСУДИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНЦЕВ

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИЙ ПРАВА И ПРАВОСУДИЯ У ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ.

§1. Особенности правового порядка у чеченцев и ингушей

История возникновения и развития обычного права чеченцев и ингушей – это уникальное явление в мировой правовой культуре, которое нуждается в углубленном изучении и широком освещении не только в России, но и за ее пределами. Правовая культура чеченского и ингушского народов состоит из целого спектра национально-духовных ценностей, состоящих из устойчивых норм и принципов поведения. Правовая культура вайнахов состоит из духовно-нравственных характеристик, которые взаимодействуют с материально-правовыми институтами, именуемыми в вайнахском обществе *кхелами*, т. е. судами.

Наличие у чеченцев развитой правовой культуры отмечается исследователем А. Манкиевым, по мнению которого у данного этноса в прошлом была своя политическая культура, своя система управления страной¹.

Между чеченским и ингушским неправовым обычаем и юридической нормой, санкционированной общественной властью, имеются переходные стадии. На наш взгляд, возникновение правовых норм в обычном праве чеченцев и ингушей напрямую происходит в процессе трансформации внутритайповых норм в юридические.

В этой связи нам представляется интересным мнение известного исследователя обычного права народов Северного Кавказа А.М. Ладыженского, понимавшего под обычным правом «совокупность правил внешнего поведения, которые: 1) рассматриваются членами социального объединения как обязательные – либо на основании непосредственно влиявших условий общественной жизни, либо на основании какого-либо общественного авторитета, 2) исполняются членами данного общества, а если их нарушают, то против этого борются, систематически применяя против нарушителей репрессивные меры, 3) защищают интересы данной общественной группы, являвшейся или зачатком класса, или уже вполне сложившейся в класс. В последнем случае эти нормы являются классовыми, оказываются правом в точном смысле этого слова. С таким определением надо подходить к тому, что рассматривается как "обычное право"»².

В современной юридической литературе под правовой культурой понимается обусловленное социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности (юридических актов, правосознания) и в целом правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека³.

Для чеченцев и ингушей правовая культура – это жизненный образ поведения, со своими дозволениями и запретами.

Уникальность права и основанного на нем правосудия у чеченцев и ингушей заключалась в том, что нормы обычного права, будучи потестарными, становились при этом установлениями, основывающимися на внутреннем убеждении членов традиционного общества, передающимися из поколения в поколение. Именно нормы обычного права позволили сохранить общую самобытную культуру вайнахов. Будучи эффективным инструментом сознательного саморегулирования, они решали главные задачи – поддерживали общественный порядок, организованность и этническую целостность вайнахов.

Право чеченцев и ингушей, выраженное в адатах, имеет свои обособленные свойства, объективные закономерности существования и дальнейшего развития, позволившие ему не только не исчезнуть под влиянием других правовых систем, но и достаточно эффективно сосуществовать с ними.

Исследование традиций развития обычного права на Северном Кавказе и всесторонний анализ его будут способствовать раскрытию таких аспектов права, как феномен разума и своеобразия менталитета. К глубокому сожалению, те современные теории, которые ныне превалируют в юридической науке, существенно затрудняют его оценку как юридического феномена, считая его пережитком прошлого.

Адат (араб. «ада», мн. «адат» – обычай, привычка) – обычное право у мусульманских народов, в противоположность шариату, т. е. религиозному закону... Адат представляет собой совокупность обычаев и народной юридической практики в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и других отношений⁴. Обычай – исторически сложившееся в определенном обществе или местности правило поведения. В Европе обычай был основным источником права до XVI в.⁵. Адады чеченцев и ингушей есть элемент образа жизни этнического сообщества.

Обычное право и лежащий в его основе кавказский адат, как в свое время точно отметил Г.В. Мальцев, «не просто свод, собрание юридических правил и норм, но процесс, в котором последние имеют смысл только в контексте процедур осуществления правосудия. Большая часть адата происходит от обычая, как формы передачи социальных норм от одного поколения к другому»⁶.

Сила и значимость адатского права чеченцев и ингушей основаны на непререкаемом почитании тех, кто стоял у истоков формирования данных юридических правил – «къаной» (почтенных старцев с богатым жизненным опытом), которые имели собственное мировоззрение на общественный порядок. В адатском правосудии чеченцев и ингушей судебные решения выражаются обстоятельствами, этим можно объяснить, что судьи отходили от него в случае существования объективных причин, но при этом главенствующий принцип адата – принцип справедливости – оставался неизменным.

Выдающийся юрист П. в. Юлиан касательно обычного права в свое время дал точное определение его как первичной юридической формы: «Укоренившийся обычай вполне справедливо защищаем, как закон, и это есть

право, которое устанавливает обыкновение». Как видно из приведенного примера, даже римские юристы признавали обычай как первичную основу права. Обычное право (англ. *customary law*) – система норм, правила поведения, основывающиеся на обычаях и регулирующие общественные отношения в данном государстве, в определенной местности либо для данной этнической или социальной группы. Обычное право формировалось на основе обычаев, существовавших в догосударственном обществе⁷.

У чеченцев и ингушей ответственность за преступление лежала на всех членах тайпа убийцы, даже не имевших к преступлению никакого отношения, до того момента пока акт возмездия не был приведен в исполнение. Кровная месть в вайнахском обществе представляла характер оборонительной реакции, направленной на достижение социальной справедливости.

Своеобразным и не имеющим аналогов представляется обычай, существовавший у вайнахов, который позволял кровнику избежать наказания – это усыновление матерью убитого убийцы, посредством прикосновения губами к материнской груди. Как отмечает Р.И. Хасбулатов, «обычай был священным, и убийца получал абсолютное прощение, становился приемным сыном матери, со всеми правами и обязанностями заботиться о матери и близких родственниках усыновленной семьи»⁸.

Ни у одного горского племени идея мести не покоилась на идее личной ответственности и наказания именно виновника. Этим объясняется и правило, что женщине нельзя было мстить, а за ее поступки отвечали ее родственники-мужчины. Если же убийца не был известен, то за преступление отвечал тот, кого по формальным основаниям можно было считать убийцей. Чтобы месть не была слепой, обычай установил – кто, где и когда должен считаться ответственным⁹.

Лежащий в основе нормативно-правовой культуры чеченцев и ингушей адат заслуживает особого внимания еще и потому, что является примером генезиса норм уголовно-процессуального права, в основе которого находится система своеобразных композиций.

До введения шариата виды наказания по обычному праву чеченцев и ингушей в основном состояли из смертной казни и изгнания из родового аула. С утверждением ислама к ним добавились телесные наказания, различного рода штрафы. На примере регулирования вопросов кровной мести (*члур, члур длаекхар*)¹⁰ в вайнахской нормативно-правовой культуре рассмотрим своеобразие норм обычного права чеченцев и ингушей.

Порядок кровной мести по обычному праву чеченцев и ингушей был строго регламентирован. Нарушение правил этого порядка находящимися в состоянии кровной мести сторонами порицалось общественным мнением и могло дополнительно осложнить существовавшую ситуацию. Но проявление чувства повинности и осознания вины в отношении потерпевшей стороны и всего тайпа, искреннего раскаяния в совершенном преступлении могло способствовать урегулированию конфликтной ситуации. В этом и заключалась одна из особенностей нормативно-правовой культуры, когда правильное поведение виновной стороны могло не только смягчить вину, но и снять ответственность.

В обычном праве чеченцев и ингушей виновная сторона в целях избежания наказания могла безвозвратно покинуть родные места и переселиться к ближайшим соседним народам – дагестанцам, кабардинцам, грузинам.

У чеченцев и ингушей же переселение убийцы и его ближайших родственников, хотя и не способствовало полному завершению кровной мести, но преимущественно способствовало примирению мстителей с остающейся родней совершившего убийство. Это обстоятельство в значительной степени способствовало тому, что многие, кто покинул Чечню из-за кровной мести, навсегда осели среди дагестанских народов, кабардинцев, грузин, осетин и в дальнейшем этнически перемешивались с ними. Это обстоятельство объясняет тот факт, что, к примеру, в Дагестане и Кабардино-Балкарии немало дагестанских и кабардинских фамилий с этническими чеченскими корнями, равно как и в самой Чечне есть фамилии с дагестанскими, грузинскими и кабардинскими корнями.

Кровная месть по чеченским адатам категорически запрещалась один раз в год, после наступления июля и до его окончания. Чеченцами этот период использовался для сенокосения, заготовки дров, очевидно, это делалось для того, чтобы семьи, втянутые в конфликтную ситуацию, хотя бы временно, но гарантированно получили бы возможность не опасаться применения кровной мести.

Месть (*чIур*) была строго формализована до мельчайших деталей: враги могли встречаться, ходить по определенным улицам, не имея права сводить счеты, где попало и как им вздумается, угрожать друг другу и т. п. По чеченским и ингушским адатам она не была актом личного возмездия, представляла сложный мотивационный характер, при этом общество стремилось примирить врагов. Если этого не происходило, то тот, кому угрожала месть, просто переселялся, обычно к соседнему народу, и месть иногда гасла¹¹.

Нормативно-правовая культура чеченцев и ингушей регулировала применение акта возмездия, а в некоторых случаях запрещала его. В основном это происходило, когда ответчиком за кровь выступал не сам виновный, а кто-либо из его ближайших родственников; в случае, если виновный умер своей смертью.

Кроме того, к таковым обстоятельствам нормативно-правовая культура чеченцев и ингушей относит следующие:

- если при встрече с кровомстителем убийца был невооружен;
- если женщина брала под свое покровительство убийцу, спасавшегося от преследовавших его кровомстителей (См.: Алати Н.Б. Нормативное и организационно-правовое обеспечение государственной политики России на Северном Кавказе в период XVIII–XX вв. Дисс... д.ю.н. СПб., 2006);
- если кровник находился на дороге, разрешенной для перемещения в пределах конкретного населенного пункта.

Обратную ситуацию, к примеру, можно наблюдать у кочующих племен бедуинов (бедеви), распространяющих обыкновенно кровную месть гораздо далее, чем это допускается Кораном¹². Согласно их обычаям, кровная месть

распространяется также на всех родственников убийцы до пятого колена. Дела, связанные с кровной мстью, не передаются на решение судьи, родственники убитого берут на себя обязанность отмщения¹³.

Правовая культура чеченцев и опиравшаяся на нее система управления были выстроены с учетом мировоззренческой комплиментарности чеченцев, сформировавших свой национальный порядок. Существенным отличием нормативно-правовой культуры чеченцев и ингушей от аналогичной культуры других народов Северного Кавказа было то, что применение вида наказания и его размер не зависели от социального статуса совершившего преступление. Практически у всех народов Северного Кавказа компенсация за нанесенный имущественный ущерб носила ярко выраженный сословный характер. Обычное право адыгов, например, с большой точностью разработало цену оплаты различных видов воровства и грабежа, где учитывалась не только стоимость похищенного имущества, но и социальное положение его собственника¹⁴.

Как верно отмечает Э. Абдурашидов, «стратификация нахского общества предполагала восходящую мобильность при нравственной, профессиональной и материальной состоятельности и нисходящую – при совершении злодеяния и недостойных попытках уйти от ответственности и возмещений. Кроме своей состоятельности в сословии достойных нахов, признав свою вину, своевременно и достойно возместив *«мах»* и *«там»*, виновная сторона освобождалась от уплаты *«гуда»* и *«ял»*. Т. е. указывала на свое строгое следование закону и свою непричастность к сословию *«декказа нах»*»¹⁵.

Однако с другим мнением Э.Д. Абдурашидова, считавшего, что: «Закон дифференцировал суммы возмещений в зависимости от вида совершенного деяния, принадлежности сторон к сословиям достойных граждан и недостойных быть гражданами нахского общества», мы не можем согласиться¹⁶. Однако данный исследователь в своем видении вопроса не одинок. Приведенное мнение совпадает с мнением исследователя Ч. Ахриева, который отмечал, что согласно нормам обычного права ингушей «кровь «старшего» оценивалась на 50% дороже крови обыкновенного «галгая»¹⁷.

Своеобразное отражение адата кровной мести и процедура прощения виновного в чеченском обществе описаны капитаном царской армии К. Самойловым, длительное время пребывавшим в Чечне и написавшим «Заметки о Чечне», которые были опубликованы им в двух томах журнала «Пантеон» (СПб., 1855). «Права мстителя и род мести за разные преступления определяются обычаями... За убийство мстят смертью убийц или родственников его до четвертого колена, не исключая и женщин. Право кровомщения возлагается на ближайшего родственника убитого. Все средства, могущие привести к достижению цели, в этом случае считаются позволительными»¹⁸. Упоминание женщины в качестве объекта мщения К. Самойловым не соответствует действительности, по чеченским адатам женщине не мстят.

«Убивать родственников убийцы, хотя и дозволяется, но считается делом несправедливым, и человек с более верными понятиями о чести ищет смерти только одного настоящего виновника, оставляя родню его в покое»¹⁹. По адатам чеченцев и ингушей виновная сторона должна была себя официально признать

виновной перед всем обществом. Отказ от таких возмещений со стороны родственников предоставлял право обществу наказывать виновного по своему усмотрению (подвергнуть изгнанию или передать виновного в руки потерпевшей стороны).

Стоит особо подчеркнуть, что не все адаты в вайнахском обществе классифицировались как правовые нормы, процесс перехода из морально-этических обычаев в правовую стадию проходил переходную форму как во времени, так и в пространстве. Об этом упоминал в свое время и А.М. Ладыженский: «В советское время в связи с проводимыми Северокавказским Краевым Гидротехническим Бюро мелиоративными работами, Крайземуправление обратилось в Горский научно-исследовательский институт с просьбой собрать так называемые водные адаты горцев. Известно насколько важную роль играет на Кавказе орошение полей. Среди горцев с давних времен образовались целые системы обычаев по устройству канав и водохранилищ. Данные адаты частью были записаны в 1870-х годов особой комиссией, исследовавшей вопрос об орошении полей в Крыму и на Кавказе»²⁰.

В научной литературе имеется немало работ, посвященных трансформации обычая в правовую норму. Процессу изменения правил внешнего поведения в юридические права и обязанности была посвящена исследовательская работа С.А. Голунского²¹. Адаты чеченцев и ингушей в процессе формирования и развития меняли свою структуру, но не содержание, что было главной ценностью их как правовых норм. То, что на каком-то историческом промежутке являлось первоначально лишь неправовым обычаем или традицией, впоследствии становилось правовой нормой.

В качестве традиции выступают культурные образцы поведения, различные институты регулирования общественных отношений, нормы, ценности, обычаи, обряды, ритуалы, праздники. В них же сосредоточен интеллектуальный нравственный и эстетический опыт жизнедеятельности народа²².

Нормативный процесс организации права подразумевает, что юридическая норма первоначально образуется как обычай (торговый, семейно-брачный, хозяйственный и иной), становится в нем базовой неформальной институционализацией, а после, по необходимости, эта норма закрепляется, утверждается на политическом уровне в виде закона государства²³.

В целом, не лишним будет еще раз отметить, что наиболее важные юридические воззрения у всех горцев оставались одинаковыми. Как отмечал А.М. Ладыженский, «условия производства, хозяйственные отношения менялись у них (горцев) крайне медленно, а правовая надстройка, как известно, меняется еще медленнее, чем условия производства. Общность религиозных воззрений (ислам) у многих из них содействовала общности основных правовых идей горцев Северного Кавказа»²⁴.

По мнению современного авторитетного исследователя обычного права Д.Ю. Шапсугова, обычное право – естественный этап в формировании права любого народа, в процессах динамики которого оно превращается в центральное ядро правовой системы и обеспечивает преемственность в правовом развитии общества, необходимую для его стабильности²⁵. Таким

ядром в нормативно-правовой культуре чеченцев и ингушей, бесспорно, является адат.

К сожалению, чеченское и ингушское обычное право и лежащие в его основе адаты не были кодифицированы, как, к примеру, осетинские, кабардинские или дагестанские, и тем самым не могли быть известны научному сообществу, как, к примеру, «Сборник адатов Аварского народа», составленный в XVI в. Омар-ханом (Умма-ханом) аварским, а также Сборник адатов Кайтаха (XVII в.), составленный Уцмием Рустем-Ханом.

Необходимо подчеркнуть, что нормативно-правовая культура чеченцев и ингушей не была строго изолированной системой от внешнего проникновения, она исторически переплеталась с обычным правом народов Дагестана. При этом не лишним будет в очередной раз отметить, что нормативно-правовая культура и чеченцев, и дагестанцев, несмотря на единство основополагающих принципов, на той или иной территории трактовалась и применялась по-своему. Так, А.В. Комаров в своем исследовании «Адаты и судопроизводство по ним» отмечает: «С развитием общественной жизни народа адаты, разнообразные и в самом начале, по необходимости изменялись и дополнялись... Почти каждое селение имеет свои адаты, чем-нибудь отличающиеся от адатов соседей; разница эта состоит преимущественно в неодинаковой степени наказания виновного, в числе свидетелей, или присягателей по одному и тому же делу, в количестве штрафа и т. п.»²⁶.

Аналогичные особенности, связанные с различием обычно-правовых законов, лежащих в основе нормативно-правовой культуры чеченцев и ингушей, наблюдались и в самой Чечне. По нашему убеждению, эти особенности могли быть порождены специфическими территориальными особенностями, в частности, чеченцы, проживающие в горной местности Чечни, имели свое видение на решение поземельных вопросов в отличие от своих соплеменников, проживавших на равнине, где проблемы нехватки земли не стояли так остро, как в горах.

Изучение норм и принципов обычного права чеченцев приводит нас к выводу о том, что их лейтмотивом не была лишь идея «око за око», о которой высказываются многие исследователи. По нашему убеждению, обычно-правовая система носила упредительный характер и предостерегала от самого намерения совершения преступления, при этом обычно-правовая система чеченцев предполагала и процедуру примирения без осуществления наказания за некоторые преступления.

Несмотря на то, что вопросами изучения обычного права занимались и зарубежные исследователи, неоспоримым является тот факт, что именно российские (русские) исследователи внесли основной вклад в изучение обычного права народов Северного Кавказа.

Присоединение к Российской империи Северного Кавказа побуждало к углубленному изучению правового строя северокавказских народов. Отмечая данное обстоятельство как позитивный фактор, направленный на изучение народов, вошедших в российское подданство, по нашему мнению, нельзя отрицать, что многие из них записывались со слабым знанием языков или некоторым искажением сведений об обычном праве горцев. К примеру, уже

приведенные в рамках исследования сведения о Чечне и чеченцах, собранные в 1855 г. капитаном царской армии К. Самойловым и опубликованные в журнале «Пантеон» (СПб., 1855)²⁷, нельзя считать полностью достоверными и правдивыми.

Среди сборников, составленных военным командованием, наиболее полным является «Описание гражданского быта чеченцев и кумыков, с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем в 1843 г.». Сборник был составлен графом Голенищевым-Кутузовым и князем Лобановым-Ростовским под руководством бывшего начальника левого фланга Кавказской линии генерал-майора Фрейтага²⁸.

Анализируя устойчивость обычного права чеченцев с позиции механизма нормотворчества, способов выражения и обеспечения правовых норм, мы приходим к выводу о связи правового обычая как формы права с индивидуальным правосознанием.

Помимо того, что обычное право само по себе содержит ценный правовой материал, оно еще представляет и историческую значимость, где правовые вопросы тесно переплетаются с социально-экономическими вопросами жизнедеятельности народов Северного Кавказа. Это обстоятельство объективно отражено в работе профессора Одесского университета Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву горцев Северного и Восточного Кавказа»²⁹.

Существенной особенностью обычного права чеченцев и ингушей можно считать то обстоятельство, что система правосудия не применяла такие формы наказания, как телесные наказания, заключение в тюрьму, до тех пор, пока на смену адатскому праву не пришло шариатское и российское право.

По своей сути нормы обычного права являются казуальными, поскольку возникают в результате разрешения конкретных конфликтов, это обстоятельство определяет содержание и формы деятельности адатского суда на ранних стадиях его возникновения и дальнейшего развития.

Чеченские адаты, по крайней мере с начала XVI в., устанавливались Мехк-Кхелом – Высшим советом страны. Эти нормы к тому же были записаны. В Чечне были записи правовых актов конца XVII – начала XVIII вв., которые исчезли уже после выселения чеченцев в 1944 г.³⁰

Неоспоримым фактором силы и значимости обычного права в чеченском обществе является то обстоятельство, что высокий авторитет обычного права чеченцев был основан на уважении и почитании тех, кто стоял у истоков создания этих юридических правил – предков-мудрецов и знатоков адата. Главным постулатом, подчеркивающим феномен обычного права чеченцев, является содержание в его нормах требования справедливости и благопристойности, которые последовательно переходят в правовую категорию – закон есть закон и он одинаков для всех членов общества вне зависимости от ранга и положения, занимаемого ими в этом обществе.

Правовой термин «адат» неразрывно связан с этнологическим чеченским термином «тайп».

С научной точки зрения М. Мамакаева, в XVI–XVII вв. в Чечне сложились девять тукхумов: Аьккхий, Маьлхий, Нохчмахкой, Пёрлой,

Чаантгий, Чеберлой, Шарой, Шуотой и Эрштхой³¹. Многообразие тукхумов и еще большее количество тайпов, в которых существовали свои правовые обычаи, явилось предпосылкой для создания единого коллегияльного судебного органа Мехк-Кхела (в переводе с чеченского Мехк-кхиэл дословно – суд страны)³². Данный судебный институт был призван решать проблемы партикуляризма в адатах чеченцев.

Нормативно-правовая культура чеченцев и ингушей базировалась на тайповых устоях. Как отмечает в своем исследовании Л. Ильясов: «Идеологической основой тайпового строя первоначально была языческая религия с культом Единого и Великого Творца – Дела, испытывавшая сильнейшее влияние вначале христианства, а затем ислама в его суфийской форме. В основе тайпово-тукхумной демократии складывался культ «достойного человека», принимавшего окончательную форму «Къонахалла» – кодекс чести, который определяет главной целью жизни человека – бескорыстное служение своему народу. Кодекс къонаха регулировал каждый его шаг, его отношение к природе, старикам, женщине, детям, животным. Если человек вел себя негуманно по отношению к кому-нибудь, даже к врагу, он уже не мог считаться достойным человеком, къонахом... Уступить в ссоре или споре более слабому противнику считалось мужеством»³³.

О значении адата и его влиянии на чеченцев, ингушей и дагестанцев можно судить из утверждения исследователя А.В. Комарова: «До какой степени суд по адату соответствует духу и нуждам народа, лучшим доказательством может служить неудавшееся стремление Шейх-Мансура, Кази-Магомы (Кази-Муллы) и Шамиля заменить его вполне судом по шариату. Несмотря на то, что Шамиль сам, по необходимости, допустил некоторые изменения в шариате, с целью облегчить для народа тяжесть его постановлений, настойчиво и энергически, в течение 27-ми лет, стремился к уничтожению суда по адатам, жестоко, большею частью смертью, наказывая сопротивлявшихся его намерениям, однако он не достиг цели»³⁴.

Особо стоит подчеркнуть, что чеченские адаты являлись также и мерилom нравственности. Они содержали нормы, выработанные тысячелетиями общественной жизни. Хранителями их выступали представители старшего поколения. Обострение социальных противоречий вынудило их обратиться к жителям горного аула Нашхой (Нашахэ), который до переселения был центром общественно-политической и культурной жизни вайнахов. Местные старики, знатоки адата, оказались в затруднении, так как изменения в собственном обществе не укладывались в прежние адаты. Необходимо было согласовать адатные нормы с догматами Корана. В связи с этим проводится серия собраний с представителями всех тайпов, которые заседали 10 месяцев³⁵.

Было решено в делах наследования, духовных завещаний, о браке и опеке руководствоваться шариатом, для остальных случаев выработали адатные нормы³⁶.

Опираясь на общие для этноса нравственные нормы, правила и принципы поведения, этническую ментальность, одинаковое для всех чеченцев понятие личной ответственности перед обществом, адаты реализовывали важнейший

принцип социального единства – общественный порядок, как основу единых принципов правовых норм, как главный этнообразующий фактор³⁷.

Именно благодаря социальному контролю в обществе поддерживался общественный порядок и стабильность общественных отношений, посредством обязывания индивидов к выполнению соответствующих норм общезначимости³⁸.

По мнению Н. Семенова, «многие чеченские адаты зиждятся на других основаниях, чем основания родового союза, и действуют в противовес последнему. Адат стоит на почве народности, а не фамилии»³⁹.

Весьма интересным нам представляется мнение С. Броневского, который отмечает: «Чеченцы не имеют своих князей, коих они в разные времена истребили... управляют они выборными Старшинами, духовными законами и древними обычаями...»⁴⁰.

Действительно, общность языка исторических судеб, территории и совместной жизни содействовали развитию национального самосознания, вели к складыванию чеченской народности⁴¹.

На наш взгляд, адат и адатская система правосудия в Чечне и Ингушетии с древнейших времен имеют важное регулятивное значение для вайнахского общества. Нарушение адата и посягательство на него является преступлением, которое подлежит наказанию вне зависимости от того, кто его совершил или намеревался совершить.

Адат и адатский суд для чеченцев и ингушей есть правовая форма защиты внутренних ценностей и идеалов внутри чеченского общества, а также стратегический стержень самосохранения народа, влияющий на его эволюционное развитие, формирование правовых институтов.

К адату чеченцы и ингуши относятся со святым почитанием. Нарушивший вековой закон подвергается не только гонениям внутри конкретного тайпа, но и в целом всего общества.

В рамках исследования считаем важным отметить, что судьи у чеченцев и ингушей были выборными. О наследственной передаче судебно-административной власти ни у чеченцев, ни у ингушей сведений не обнаружено, объяснить это можно родовым порядком⁴².

Изучение адата как основы нормативно-правовой культуры чеченцев и ингушей, на наш взгляд, предполагает его исследование с момента возникновения и дальнейшего трансформирования с целью постижения его основного предназначения в тот или иной период времени. Феномен адата, на наш взгляд, заключается в том, что на протяжении тысячелетий он сохраняет свое основное предназначение регулятора правовых отношений в чеченском и ингушском обществах.

Но существование адата и его сила, по нашему убеждению, заключаются еще и в том, что адат, несмотря на внешнюю незыблемость своих принципов, претерпевал видоизменения по велению времени. Именно эта способность к эволюционному развитию стала главной сохраняющей его функцией, что заставляет нас сделать вывод, противоположный выводам многих исследователей, что обычное право отождествляют с первобытным правом.

Чеченское и ингушское адатское право – это такая же уникальная система, как и римское право, шариатское право, с той лишь разницей, что

указанные системы права развивались параллельно развитию государственности, где использовались эти правовые системы. Право чеченцев и ингушей не является спорадическим явлением.

Несмотря на это, мощное влияние в обществе адатского права чеченцев и ингушей не позволило игнорировать и априори полностью отказаться от него после окончания многолетней Кавказской войны и установления на территории Северного Кавказа (в Чечне, в частности) российской системы права и правосудия.

Обычное право чеченцев и ингушей – это ранняя форма вайнахских правовых традиций, которые на начальном этапе нами определяются как партикулярные, отвечающие интересам узких *тайпово-тукхумных* сообществ, впоследствии ввиду необходимости выстраивания единой стратегии управления *мохком* (страной) они трансформировались в право (*къоман бакъо*) путем единых закреплений. Тем не менее, дореволюционная, советская и современная отечественная правовая школа классифицирует право национальных обществ как обычное право.

На наш взгляд, обычное право не только чеченцев и ингушей, но и других народов Северного Кавказа должно называться в юридической терминологии неустоявшимися терминами «обычное право» или «адатское право». Поскольку термин «адат» (*Iadam*) имеет арабское происхождение, этническое право не только чеченцев и ингушей, но и других народов Северного Кавказа более целесообразно именовать в аспекте юридической терминологии по этническому названию того или иного народа, к примеру чеченское право.

Несмотря на то, что чеченский народ не имеет своей письменности, подобно грузинскому или армянскому языку, именно язык чеченцев является ключом к исследованию феномена чеченского права. Здесь мы обращаемся к лингвистическому подходу, позволяющему понять этнический код чеченцев и ингушей. Вспомнить кавказоведа П.К. Услара, внесшего весомый вклад в развитие языков Кавказа, по мнению которого, «...язык представляет неистощимое средство для изучения древнейшего времени, а потому в основу исторических изысканий должен быть положен, прежде всего, язык»⁴³.

В чеченском языке имеется большое количество юридических терминов, дающих объективное представление о развитости права и правосудия в древнем вайнахском обществе. Эти названия не заимствованы из других языков, а являются исконно чеченскими, к примеру «*бакъо*» – право, «*бакъонийн барам*» – принцип права, «*зулам*» – преступление, «*бакъонийн хъостаи*» – источник права, «*бехкалла*» (бехке хилар) – виновность, «*бехкевен*» – обвинительный, «*мехк-ледал*» – законодательство, «*бакъонцара барам*» – правовая норма, «*маршионах ваккхар*» (чуволлар) – лишение свободы и др.

О развивавшейся с глубокой древности правовой системе чеченцев говорят также и архаизмы языка народа: *машар* – мир, *барт* – союз, *гулам* – собрание, *кхеташи* – совещание, *чир* – возмездие, или месть, *кхел* – приговор, *теш* – свидетель, *таллам* – следствие, *къайле* – тайна, что свидетельствует о высоком уровне развития общественных отношений чеченцев. У многих народов для обозначения этих понятий обычно используются русские заимствования⁴⁴. К обозначенному считаем важным добавить, что, помимо

перечисленных судебно-правовых терминов в чеченском языке, следует добавить *дов* – дело, *левар* – допрос, *дов хаттар* – слушание дела, *чуволлар* – заключение, *дов дохар* – прекращение дела, *душхал хIоттор* – очная ставка.

Наряду с обоснованием семантического значения языковых терминов на чеченском языке, имеющих прямое отношение к праву и правосудию чеченцев, считаем также необходимым показать правовую систему чеченского права изнутри. Ее ядром выступает совокупность источников права в виде *Мехк-Кхелан сацам* (постановления Суда страны). Мехк-Кхел выступает в качестве юрисдикционного органа *мохка* (страны). Источники чеченского права оформлялись двумя органами Мехк-Кхел (Суд страны) и Мехкан-кхеташо (Совет страны). Их появление в юридической природе основано, с одной стороны, на правовом обычае применительно к функциям Мехкан-кхеташо (Совет страны), а с другой стороны – на судебном прецеденте при рассмотрении конкретных дел в Мехк-Кхеле. В широком смысле толкования правовая система чеченцев состоит из правовой культуры и правовой идеологии. Правовая культура чеченцев основана, в первую очередь на убеждениях и стереотипах поведения, оформившихся в правовые традиции с целью регулирования их деятельности. Правовая идеология чеченцев выступала в качестве системы нравственных и религиозных взглядов, идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей в целом к *дахару* (жизненной действительности). С глубокой уверенностью можно считать, что правовая культура и действующая параллельно с ней правовая идеология в чеченском обществе не допускали правового нигилизма. В целом правовой системе чеченцев свойственна система самоконтроля каждого члена общества, для которого несоблюдение правовой культуры приводило к всеобщему порицанию и потере статуса Нохчалла (чеченственность). Действие чеченской легислатуры в лице Мехкан-кхеташо распространяло законодательные функции на всю территорию *мохка* (страны), взаимодействие Мехкан-кхеташо и Мехк-Кхела выражалось в законодательном регулировании общественных отношений на территории всей страны. Чеченское право выработало на протяжении столетий формы и виды возмещений, которые были санкционированы Мехк-Кхелом и действовали во времени и пространстве, они проявлялись как в товарном эквиваленте, так и в денежном. Форма возмещений (*такхари*) подразделялась на категорию «там», направленную на сатисфакцию морального вреда, категорию «*гIуда*» – взыскания за нанесенный материальный и физический вред. Установленная форма примирения посредством материальной ответственности является атрибутом развитого общества ищущего альтернативу наказанию «кровь за кровь». Чеченское национальное право – это, во-первых, совокупность норм, установленных Мехк-Кхелом, направленных, в первую очередь на ограничительные действия по нарушению закона; во-вторых, это выработанный на протяжении столетий эффективный практический механизм реализации мер наказания недозволительного поведения, наказания конкретных преступлений, а также форма, содержащая упредительный характер несовершенного любого злодеяния и недостойного поведения члена общества, относящего себя к *нохчо*. Формирование правовой системы чеченцев и ингушей было обусловлено

национальными, культурными и политическими особенностями развития этносов. Правовая культура чеченцев и ингушей (*вайнехан бакъонийн оьздангалла*) объединяет триаду нравственного, разумного и жизненно необходимого поведенческого типа общественных отношений, лежащих в основе права чеченцев и ингушей. Отсутствие одного из этих трех стержневых компонентов лишает статуса правосубъектности *нохчалла*.

По нашему убеждению, правовую культуру чеченцев и ингушей необходимо рассматривать с позиции нескольких исторических конструкций: этап возникновения и развития, этап стагнации, этап ее разложения и этап возрождения.

Первый этап, датированный X–XVIII вв., связан с переходом от существовавших родовых принципов, основанных на обычаях и традициях, к единому определению категорий *зулам* (преступление), *эхь* (постыдность как средство сдерживания). Именно в этот период происходит трансформация обычая в право, которое носит общеобязательный характер, действие которого распространяется на всю территорию и является общеобязательным для всех членов общества. С распространением и укреплением ислама связано влияние мусульманского права на право чеченцев и ингушей в части его фиксирования. *Тептары* (сборники постановлений), в которых систематизировались и записывались законы, принимаемые Мехк-Кхелом, решения суда велись с использованием арабской письменности, их появление связано с данным историческим этапом.

Второй этап – XVIII–XIX вв., по нашему представлению, связан с вялотекущим продолжением первого этапа, но с той лишь разницей, что заимствования из правовых систем сначала мусульманского права, затем российского позитивного права, способствовали прекращению процесса развития права чеченцев и ингушей на основе их самобытной правовой культуры. Особо отметим, что при всем этом влиянии правовая культура не исчезает. Все больше прослеживается влияние внешних правовых принципов на право чеченцев и ингушей.

Третий этап связан с общественно-политическими потрясениями конца XX в., когда длительное время сопротивлявшаяся внешнему воздействию правовая культура вайнахов фактически была подмита экстремистскими действиями салафитов, активно занявшихся уничтожением всего национального.

Четвертый этап ознаменован общественно-политическими событиями конца первого десятилетия XXI в. в жизни Чеченской Республики. Именно в этот период активно реинstitируются институты *маслаатного* примирения, повышается роль кадиев как эффективных регуляторов общественных отношений по решению конфликтов и их упреждению.

Вайнехан бакъонан оьздангалла – правовая культура чеченцев и ингушей, а также источники права (*Иадати*) позволили нам сформулировать результаты соотношения правовой системы чеченцев с российской правовой системой, ставшей доминировать в регионе на официальном уровне со второй половины XIX в. Исследуя эволюцию правовой системы чеченцев и ингушей, происходившую под внешним воздействием, мы приходим к выводу, что

дальнейшее развитие права в регионе косвенно было обусловлено необходимостью решения возникавших социальных противоречий. Указанное обстоятельство сказывалось на функциональном изменении правовых принципов и устоявшихся правовых конструкций суда. Право чеченцев не исчезает, оно трансформируется с учетом интеграционных процессов, в которых были заинтересованы и сами организаторы новой власти в регионе в лице военных царской России. Единственным юридически санкционированным самим обществом, но поставленным позитивным правом вне закона законом, не подвергшимся изменению, остался обычай *члур* – кровная месть.

На наш взгляд, лежащее в основе нормативно-правовой культуры чеченцев и ингушей право отличалось своеобразной иерархичностью, где обычай играет доминирующую роль. Многие представители юридической и исторической науки под обычным правом понимают ставшую обязательной традицию, хотя при этом подчеркивают его способность к трансформации. Обычное право чеченцев не является неизменным в процессе эволюционного развития, несмотря на отсутствие фиксированной письменной кодификации, оно сохранилось, и сохранилось не только благодаря преемственности, но и умению адаптироваться в соответствии с велениями времени. Данная трансформация происходила в интересах самого общества.

Феномен правовой системы чеченцев и ингушей определяется в системности и целостности общественных отношений, регулируемых их этническим правом, в котором участвуют субъекты данного права. Введение в научный оборот термина «правовая система чеченцев и ингушей» способствует интеграции социального значения нормативных регуляторов, делящихся на обычное право, религиозное право и позитивное право. Правовая система чеченцев и ингушей хоть и носила потестарный характер, но при этом всецело санкционирована обществом, где важное значение имеет общественное мнение, основанное на поощрении или порицании. Ей свойственна правовая рецепция и особый порядок нормотворчества, преимущественно вербальный. Среди основных причин, не позволивших правовой культуре чеченцев и ингушей развиваться в дальнейшем эволюционным путем и способствовавших ее разложению, обозначим противопоставление ей маргинального влияния в начале 90-х гг. узко-клановых интересов *тайна*, вытесненное в дальнейшем с 1996 г. по 1999 г. более организованными экстремистскими группировками, замаскированными в религиозную идеологическую оболочку.

Сильная тайповая организация, сохранявшаяся на протяжении многих столетий, способствовала формированию единого чеченского народа – наиболее крупного этноса на Северном Кавказе⁴⁵. Как отмечают исследователи Б.Б. Нанаева, А.Б. Дохаева, «чеченцами были разработаны такие правовые процедуры, как объявление войны, заключение мира, предъявление претензий противнику, правила ведения военных действий. Существовали и строго выработанные правила приема в члены рода, право убежища, выдача преступников»⁴⁶.

Тайп выполнял функции гаранта прав личности, защитника ее прав. Особенность вайнахских тайпов заключалась в открытости тайпов, которая заключалась в их гражданственности, выраженной в самоограничении

личности в целях соблюдения общественных интересов. По своей сути тайповая организация вайнахов представляет форму самоорганизации общества с социально-контрольными функциями.

В процессе своего эволюционного развития чеченские тайпы стали объединяться в более крупные союзы, именуемые тукхумами. По мнению М. Мамакаева, автора научного труда «Чеченский тайп в период его разложения», тукхум – «это своего рода военно-экономический союз определенной группы тейпов, не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена»⁴⁷.

Тайповая организация чеченского общества рождала особую энергию, пассионарность личности, исключавшую возможность власти толпы (охлократию), что при наличии классических кровнородственных структур – рода, племени – не может иметь места⁴⁸.

Как отмечал в свое время исследователь У. Лаудаев: «Чеченцы не имели князей и были все равны между собой, а если случалось, что инородцы высших сословий селились между ними, то и они утрачивали свой высокий род и сравнивались с чеченцами. Чеченцы называют себя узденями (озди или уздень); слово это у них имеет другое значение, чем у их соседей... Чтобы еще резче выразить свое равенство, чеченцы называют себя витязями или воинами, почеченски «конахи». Чтобы изобразить отвагу или щедрость какого-либо лица, говорят: «им дики конахи ву», т. е. «он хороший воин». Слово это нельзя применить ни к русскому «молодец», ни к кумыкскому «игит» (джигит)»⁴⁹. В подтверждение данного мнения остановимся на выводе, сделанном Н. Семеновым, который отмечал: «Невольно останавливаешься на мысли, что когда-нибудь в этом народе существовало особое сословие воинов, подобное польской шляхте»⁵⁰. Аналогичного мнения придерживался А.П. Ипполитов: «Сословных каст здесь нет вовсе, хотя некоторые фамилии и считаются происхождением высшего, нежели другие»⁵¹.

Нохч-Мохк – самая крупная самоуправляющаяся «федерация» вольных обществ» посредством старшин и народных собраний. Заседание Мехк-Кхела проводилось на горе Кхеташ-корт (гора собраний) между сс. Дарго и Белгатой. Данная федерация состояла из таких вольных обществ, как: Элистанжи, Чермой, Харачой, Дишни-Ведана, Гуьна, Эрсана, Эхашбета, Белгата, Курчала, Цонтара, Гордала, Ширди-Мохк и др.⁵²

Р.И. Хасбулатов обозначил два мнения о происхождении тайпа. Согласно первому, тайп выступает как общая группа, объединенная родственными связями. В научных кругах этого мнения придерживался чеченский писатель и историк М. Мамакаев. Последователи второго мнения считают, что тайп – это общность группы населения вокруг земельной собственности. Этой точки зрения придерживаются С.-М. Хасиев, И. Саидов, Л. Салигов, Я. Чеснов⁵³.

Уникальность нахских племен заключается в том, что они до сих пор сохраняют единство перед Богом и равенство между собой, и сохранение этого единства является свободой в понимании чеченца⁵⁴.

Когда чеченцы (и ингуши) хотят подчеркнуть отсутствие родства у какого-нибудь человека, то обычно говорят: «Цу стеган тайпа а, тукхум а дац» (У этого человека нет ни рода, ни племени)⁵⁵.

Каждый тайп имел юридические нормы и этические правила тайпового (родового) строя. Всего их двадцать три. Каждый тайп имел свой совет старейшин (тайпан-кхел). Решение совета старейшин было обязательным для всех членов данного тайпа. Также обязательными и бесприкословными были для каждого тайповца решения и наставления предводителя тайпа⁵⁶.

Как отмечает исследователь С. Джамирзаев, у нахских племен существовало общественное устройство, именуемое военной демократией, когда все мужчины нахского этноса выступали в качестве не только воинов, но и строителей, пахарей, кузнецов и т. п.⁵⁷

Исследователь обычного права чеченцев и ингушей Б. Далгат в свое время дал определение, характеризующее общественно-политический строй, с которым мы солидарны. Он считал, что чеченцы, разбитые на множество родов и обществ, интересы коих часто сталкиваются, успели, благодаря внешней опасности, сплотиться в один могущественный политический организм. Несмотря на некоторую отсталость от некоторых соседей, например осетин, у них имеются качества, которых нет у соседей, как, например, политическая организация и племенное единство и солидарность в общенародных делах⁵⁸. В чем конкретно выражена «некоторая отсталость» чеченцев исследователь не поясняет, следовательно, эта формулировка достаточно дискуссионна.

Еще одной важной особенностью социального строя и правового порядка у чеченцев и ингушей является укоренившееся у них правовое положение – «вай» (наш), «нех» (чужой). Правовой статус первой категории налагал самые широкие права и обязанности к членам тайпа, допускал к участию в обсуждении важных вопросов. Инородцы, пришлые, ассимилянты – вторая категория – не были наделены столь широкими правами, но, вместе с тем, соблюдение обязанностей следовать правилам, укоренившимся в вайнахском обществе, распространялось на них в полном объеме.

Мы полностью солидарны с мнением исследователя Б. Нанаевой, считающей, что «по форме управления чеченское общество было демократическим. Оно было основано на эгалитарной (уравнительной) этике межличностных отношений, неукоснительном соблюдении принципов равенства и справедливости»⁵⁹. Аналогичное мнение высказывал Г.Н. Казбек: «Социальный быт старой Чечни есть чистый тип демократизма»⁶⁰.

Если руководствоваться теорией выдающегося русского юриста А.П. Куницына, считавшего, что «соотношение людей, в котором им принадлежит взаимное право требовать от всех прочих содействия к достижению общей цели, называется обществом – *societas*»⁶¹, то чеченцы и ингуши, вырабатывая на протяжении столетий подчинение своих членов следованию цели – *нийсо* (справедливость), создали в древности гражданское общество. Это общество можно классифицировать именно равным гражданским обществом – *societas inaequalis*, так как в нем очевидно состояние членов общества в отношении одного к другому и достижение цели происходит сообща на равных условиях прав и обязанностей каждого члена. Как отмечал в свое время Н. Дубровин,

старший в роде у чеченцев был начальником, судьей и первосвященником⁶². Родовые старейшины у всех чеченцев (и ингушей) были одинаково старшими по летам или выдающимся личным достоинствам⁶³. Любовь к свободе, равенство во всем и привычка к общественно-политической организации на выборном начале – основные черты чеченского народа. Именно культ предков имел большое значение, как начало, объединяющее роды (тайпы) и определяющее чистоту крови родичей и множество институтов обычного права. Между чеченскими родами были и кровные, чистые, происшедшие от одной семьи, и фиктивные, считавшие себя кровными, но на самом деле искусственно образовавшиеся⁶⁴. Общественные отношения чеченцев представляли собой синкретическое единство многообразных компонентов, которые осуществляли социокультурное, правовое и политическое взаимодействие индивидов⁶⁵. С древнейших времен у чеченцев и ингушей существовали суды, организационное устройство которых зависело от конкретной общественно-политической составляющей. Мехк-Кхел был родоначальником судебной системы древнего чеченского общества. Организационное формирование Мехк-Кхела происходило на основе делегирования в него лучших представителей чеченских тайпов, которые отличались в обществе своими высокими нравственными качествами, знанием и умением правильно толковать адат.

Совершенно уникальной представляется для нас реконструированная Р.И. Хасбулатовым система организации государственного административного и судебного управления в Древней Чечне. До настоящего времени подобная реконструкция никем не производилась. По его мнению, уже в первые столетия новой эры чеченские общества-государства обладали почти всеми атрибутами классических государств с четко выраженными элементами военно-республиканской демократии, во многом напоминающими соответствующие государства Рима и Греции тех времен (в особенности Спарту). Система выборов была трехуровневой: народные собрания (сходы граждан), когда села выбирали своих представителей – выборщиков, в зависимости от численности населения. Из состава Совета страны 3 члена становились Высшим Судом, который осуществлял разбирательство апелляционных дел и дел по должностным проступкам, а также разбирательство жалоб высших чиновников и жалоб граждан на высших чиновников⁶⁶.

Известный исследователь Я. Чеснов также считал, что предки нахских народов прошли стадии ранней государственности, которая существовала в древности на этническом субстрате хурритов, урартов, дзурдзуков⁶⁷.

Преследование за убийство осуществлялось, как и в архаичной Греции или Риме, не официальной властью, а родственниками жертвы, и даже не через судебную власть, если потерпевшая сторона не обращалась с таким требованием к власти⁶⁸.

Как справедливо констатирует В.К. Гарданов, адаты горцев Северного Кавказа считаются основным, а порой единоличной базой для классификации социальных процессов у данных народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности до периода XVIII – начала XIX вв.⁶⁹. Очевидно, что именно адат являлся для чеченцев и ингушей главным

объединяющим фактором в вопросах справедливого правосудия и в целом всего праведного жития.

На общих собраниях представителей вайнахов вырабатывались совместные действия, принимались меры к нормализации межфратриальных и межплеменных отношений, определялись размеры платы за переход по территориям тайпов и тукхумов, устанавливались нормы взаимоотношений между сородичами и даже цены на выкуп пленных во всех тайпах. Проводились совещания чаще всего в Маасте⁷⁰.

Конфедерация племен была высшей формой социального объединения, достигнутой чеченцами в составе групп вайнахских народов. Основу конфедерации составляли тайпы-фратрии. С разложением патриархально-родовых отношений значение и функции конфедерации утрачиваются. Она постепенно теряет свою демократическую природу и оказывается не в состоянии регулировать отношения между тайпами. Ее функции ограничились координацией общих усилий по борьбе с колонизаторской политикой царизма. В ряде случаев она удовлетворяла интересы лишь ограниченного круга господствующих тайпов⁷¹.

Чеченский адатский закон «*Нохчийн Иедат*», который введен в научный оборот Э.Д. Абдурашидовым, определял формы внутреннего расширения рода не за счет расширения кровнородственных отношений, а за счет ответвлений. Так, дети от брака между родственниками по отцовской линии шестого поколения (*кхочуишери*) образовывали самостоятельную ветвь общности (*некъе*). Сыновья матерей, оставшихся в общности отца, формировали ветвь «*гар*». Иностранцы формировали свою ветвь «*вар*»⁷².

На протяжении многих столетий, как уже отмечалось нами выше, верховным органом различных вайнахских обществ был судебный орган Мехк-Кхел (Суд страны). Мехк-Кхел собирался регулярно, как правило, для обсуждения общенародных вопросов, принятия или отмены того или иного адата, для разбирательства частных споров (обычно два раза в год) в условленном месте.

Мехк-Кхел строго следил за сохранением чеченцами своей национальной идентичности. Существует мнение, что им применялись нормы шариата лишь в вопросах имущественного и наследственного характера. Сохранение Мехк-Кхелом традиционных устоев чеченцев определило своеобразие чеченского менталитета⁷³.

Как отмечают чеченские исследователи, Мехк-Кхел занимался, «выражаясь современным юридическим языком, обобщением судебной практики и усовершенствованием законодательства (где также принимались новеллы по совершенствованию обычного права)»⁷⁴. Отмечается также, что судебная система чеченцев и ингушей «представляла собой органы разных инстанций и категорий (кассационная, апелляционная) и т. п., которые рассматривали дела в своей компетенции и выносили по ним решения в виде судебного прецедента»⁷⁵.

В переводе с чеченского «*кхел*» означает «справедливое наказание»⁷⁶. Мехк-Кхел является древнейшей верховной судебной организацией нахов. Отрывочные сведения, относящиеся к этой важной теме, записаны у В.

Багратиони, И. Гюльденштедта, С. Броневого, И. Попова, П.И. Головинского, Н. Семенова, Н.Ф. Яковлева и др.

Несмотря на устоявшуюся характеристику Мехк-Кхела как чисто вайнахского термина, мы не можем обойти стороной и обнаруженные в ходе исследования сведения о родственном употреблении термина *кхел* у других народов Кавказа. Исследователь А. Генко ингушский термин *кхигел* отождествляет с грузинским *хели* в значении рука, власть, правосудие⁷⁷.

В архивных документах также встречаются сведения о родственном вайнахскому *кхел* термине *хели* применительно к Дагестану, в частности: «для решения спора и дел, важных для дагестанцев, собирается джамат из старшин селения или общества, называемый хели»⁷⁸.

В. Багратиони, например, пишет в отношении организации старейшин галгаев XVIII в.: «...не знают они смертоубийства и мести за кровь; но если случится (убийство), то мирятся через совет своих старейшин»⁷⁹. Важно подчеркнуть, что согласно чеченского сборника 1864 г. маслагат (маслаат) состоит в «миролюбивом окончании дел» медиаторским судом. «Маслагатное» решение по обычаю сразу исполнялось и не принималось на апелляцию ни адатом, ни шариатом⁸⁰.

Возвращаясь к организации Мехк-Кхела, нам видится необходимым обозначить, что вопросы назначения правителей все же обсуждались в другом органе власти, именуемом Мехкан-кхеташо (Советом страны), но не в Мехк-Кхеле. Что касается наследственной передачи своих функций, то и это мнение не находит достаточного подтверждения.

Заседания совещательного органа вайнахской конфедерации в период расселения горцев с гор на равнину проводились значительно чаще. Это объяснялось острой необходимостью выработки адатов, которые могли бы правовым способом регулировать отношения внутри этнических и социальных групп, расселяющихся на равнине.

Члены суда страны решали вопросы установления адатов по регулированию внешней и внутренней торговли, обороны чеченских территорий во время войн, устанавливали размеры пожертвований для строительства сел, сторожевых башен, а также величину и вид обложений и повинностей. Все до принятия ислама происходило в соответствии с чеченскими адатами.

Мехк-Кхел сыграл ключевую роль при создании Имамата Шамиля, так как на одном из советов Мехк-Кхела на горе Кхеташон-корга у селения Центарой на съезде представителей чеченского народа знаменитый ученый, храбрый воин и имам Дагестана Шамиль был провозглашен еще и имамом Чечни⁸¹. Однако после укрепления своей власти данный орган в Имамате Шамиль упразднил.

Характерными критериями для избрания кого-либо имамом являлись требования, чтобы этот человек, прежде всего, вел безупречный образ жизни, был храбрым, искусным в управлении государством и обладал достаточным знанием права и богослужения, чтобы сам мог постановлять решения. Поэтому желательно, чтобы имам обладал некоторой степенью юридического

авторитета (иджтигад)⁸². Очевидно, что Шамиль был храбрым предводителем и умелым организатором, поэтому и был избран имамом Чечни.

В период феодализации в Чечне Мехк-Кхел сохранял свою независимость и выборность. Хотя некоторые исследователи имеют обратную точку зрения, считая, что Мехк-Кхел «все более выражал интересы феодальной верхушки тайпа, освещая их интересы как общечеченские»⁸³. Обращаясь к вопросу феодализации в Чечне, следует отметить имеющееся в научных кругах неоднозначное отношение к данному вопросу. Нам же ближе научная позиция Е.Н. Кушевой, в целом считавшей, что в генезисе и развитии феодальных отношений в Чечне большое значение имеет внешний фактор влияния более развитого феодализма Кабарды, Дагестана, Осетии⁸⁴. Отметим также, что такие исследователи, как: «М.К. Любавский, Н.Е. Иваненков, М.М. Ковалевский, А.И. Ипполитов, В. Швецов признавали наличие в XIX в. у вайнахов феодальных отношений, правда, обремененных сильными родовыми пережитками»⁸⁵. Старейшины и духовенство стояли во главе общин.

Об этом в свое время писал исследователь В. Швецов: «В Чечне на совещаниях первенствует духовенство, владельцы и почетные старейшины из поколений; все же прочие не имеют голоса в совещаниях; они повинуются определениям старших и исполняют единодушно свое назначение»⁸⁶. Как нам видится, в этом нет ничего предосудительного, если решения знатоков шарията и адата являлись для всех обязательными.

Большая заслуга в изучении древнего судебного и законодательного органа чеченцев принадлежит И.М. Саидову⁸⁷, а также современному исследователю Ш.Б. Ахмадову⁸⁸, который в своих исследованиях дает историко-правовую оценку деятельности данного судебного и законодательного органа.

Мехк-Кхел вайнахов обладал, кроме всего прочего, и исполнительной властью. Решение его было для всех обязательным. В случае неповиновения граждан в выполнении постановления Мехк-Кхела лица сурово наказывались (сжигались целые села)⁸⁹. Одно из таких решений было принято Мехк-Кхелом в период руководства данным органом правосудия Тинин Вюсой Эрсинойским. Два семейства нарт-орстхой, поселившиеся возле стратегической дороги, установили запрет на прогон скота к зимним пастбищам без большого выкупа. Игнорирование требований Мехк-Кхела прекратить самоуправство привело к тому, что решением «тридцатки», т. е. президиума Мехк-Кхела, обе семьи были уничтожены, а женщины и дети, согласно обычаю, приняты в чеченские тайпы⁹⁰.

О существовании у чеченцев развитой политической культуры в прошлом отмечает исследователь А. Манкиев. По его мнению, она существовала в виде Совета страны (Мехк-Кхел). В его состав, как правило, избиралось от 12 до 25 человек не моложе 30 лет, сроком на 3 года. Выборы были трехуровневыми: сходы граждан сел (народные собрания), на которых села избирали своих представителей – выборщиков, их количество определялось численностью населения, но любое население независимо от численности его жителей имело право избрать одного выборщика. Выборщики избирали кандидатов в Совет страны – вдвое больше установленного количества членов Совета страны, чем

обеспечивалась альтернативность выборов. Кандидаты не позднее семидневного срока должны были собраться и избрать членов Совета страны⁹¹.

Предметом занятий совещания было установление цены за выкуп пленных, платы за сохранение во время переходов по районам чужих племен, цены на скот и т. п. О времени сбора члены оповещались заблаговременно. Места подобных сходок назывались «хаттам», т. е. расспрос, судьи выслушивали дело и тут же объявляли приговор⁹².

Руководство Мехк-Кхела своими судебными приказами принимало решения об усилении обороноспособности вайнахских земель. Так, при тхьамаде Мехк-Кхела Алдамглазе крепости военной касты были созданы на востоке, в центре и на западе нахов – Макажойской котловине, в Дарьяльском ущелье, возле Назрани⁹³.

До наших дней дошли сведения о некоторых председателях суда, в частности, об одном из них по имени Муйты.

Муйты, как самому умному, опытному в делах и влиятельному человеку, предоставлялось право согласиться или отвергнуть постановление совета. Согласие он выражал взятием себя за нос и уши, а отрицание вставанием на ноги на камне. В последнем случае представители обязывались пересмотреть вопрос снова и решить его иначе или непосредственно, или же по указанию своего председателя Муйты. Утверждение постановления совета было обязательным для членов всех племен и исполнялось беспрекословно⁹⁴.

Довольно ценные сведения о вайнахском Мехк-Кхеле, функционировавшем на горе Муйти-корт, собрал М.А. Иванов, обследовавший в свое время верховье р. Фортанга (Мартанга). Он указывает, что гора Муйти-корт, на которой собирался Мехк-Кхел, в прошлом играла большую роль. «Для решения всяких судебных дел и установления условий, – писал М.А. Иванов, – собирались в то время наши почетные старики – представители племен чеченцев, ингушей, карабулаков, мелхийстинцев и даже отдельные тушины и хевсуры на граничной горе (Муйти-корт). Со стороны Аккинского общества на склоне этой горы есть большой плоский камень, который служил как бы трибуной для председателя таких совещаний, а имя его было Муйты. Известно также, что всех судей Мехк-Кхела о предстоящем заседании заранее оповещали гонцы того или иного селения. Муйти-корт был назван таким именем в честь первого председателя местного суда»⁹⁵.

Чеченский исследователь У. Лаудаев в одной из своих научных работ приводит следующие сведения, которые, как нам представляется, относятся к «Мехк-Кхелу»: «...Старики всех окрестных фамилий стали собираться для совещания о прекращении беспорядка в стране. На совете ими определялось, какое возмездие должно последовать за различные преступления. Старики возвращались домой, объявляли фамилиям устно свое постановление и заставляли клясться свято исполнять их»⁹⁶.

В Мехк-Кхеле в качестве одного из видов наказания широко практиковалось проклятие преступника и его тайпа – «за злостное убийство, прелюбодеяние, клятвopеступление, за рубку грушевого дерева, насилие в отношении женщины или гостя и другие антиобщественные проступки по

решению старейшины объявлялось проклятие... проклятия объявлялись как известному, так и анонимному преступнику»⁹⁷.

Председательство в Мехк-Кхеле предполагало высокую шкалу нравственности, главным критерием, способствовавшим избранию председателем древнего высшего судебного органа, было всеобщее уважение в народной среде. Именно поэтому в числе известных председателей «Мехк-Кхела» по дошедшим до нас преданиям были Мулк Эрсинойский, Вюса Тинаев, Бейбулат Таймиев, мулла Махамад Хаджи Центоройский⁹⁸.

В историко-правовой науке до настоящего времени не имелось систематизированных сведений о большей части руководителей Мехк-Кхела. На основе исследованных материалов считаем важным в числе перечисленных выше руководителей назвать основных тхьамад Мехк-Кхела. После пленения имама Шамиля руководителем Мехк-Кхела был 120-летний хафиз Гойсум Эгаштинский. Его сменил шейх Элих (Алихана) Дебиров. После ареста и гибели Элиха председательство в Мехк-Кхеле было возложено на известного богослова и ученого Сугаипа Шалинского⁹⁹.

Члены Мехк-Кхела избирались из числа авторитетных представителей различных тайпов. Верховный суд страны древних нахов Мехк-Кхел, представляя в одном лице законодательную и судебную власть, имел также в своем подчинении службу по исполнению решений, принятых на совете. Хотелось бы обратить внимание на существующие различные мнения относительно основного предназначения Мехк-Кхела. Так, И.М. Саидов в своей исследовательской работе под названием «Мехк-Кхел (совет страны) у нахов в прошлом»¹⁰⁰, опубликованной в Кавказском этнографическом сборнике, под данным институтом понимает «Совет страны». Хотя в самой его публикации основной акцент делается на то, что Мехк-Кхел решал судебные вопросы. К институту «Совет страны», как мы уже отмечали выше, более подходит другой термин, как Мехкан-кхеташо (в переводе с чеченского – Совет страны).

Как нам представляется, Мехк-Кхел, в первую очередь судебный орган. Институт Мехк-Кхела был также свойственен и близкому чеченскому народу по языку и культуре ингушскому народу. О том, что чеченский и ингушский Мехк-Кхелы были практически идентичны по своему функциональному предназначению, можно судить по выводам, сделанным ингушским исследователем М. Тамбиевым. Мехк-Кхел (Совет страны) – древняя верховная организация ингушей. По мнению исследователя: «Судьи обычного права (кхелахой) являлись не только «юристами», но и тонкими психологами... Перебивать стариков, встречать в их разговоры считалось большим позором... Поэтому и приглашали этих стариков, уважали их и чтили. Поэтому и принимали их суд, выполняли их решения»¹⁰¹. Используя сведения своего предшественника академика И.А. Гюльденшtedта, побывавшего в 70-е гг. XVIII в. во главе научной экспедиции в нашем крае, исследователь С. Броневский сообщает довольно интересные сведения о местных провинциальных судах (кхелах). «Вероятно, что... округов или волостей должно быть гораздо более в Кистинских землях, каждое колено здесь разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из которых одна признается главою союза или сборным местом, и,

обыкновенно, все общество называется по имени главной деревни», – указывает С. Броневский¹⁰².

Древнейшими вайнахскими центрами Мехк-Кхела являлись Чанты-Аргун (Щой-пхеда), Майсты, гора Мизир-корта, Жеми-барз (у селения Чечен-Аул), с. Кий, место для привязи коней (Говраш тосу басо) около г. Грозный, с. Нашха, курган Кхеташ-корта¹⁰³. Смена расположения Мехк-Кхела на территории Чечни, как нам представляется, вызвана сложностью общественно-политической ситуации, возникавшей в период внешней угрозы, когда центром заседаний Мехк-Кхела становилась гора Кхеташ-корта или «селение Кий»¹⁰⁴.

Большое внимание изучению верховного судебного органа вайнахов Мехк-Кхела уделил исследователь И. Попов. Автор считал, что судебный институт Мехк-Кхел должен и может способствовать сплочению различных племен, объединению горских обществ и процессу формирования чеченской народности. Самый чистый адатский обычай, по мнению чеченцев, существовал в Нашхе, куда обращались обиженные в споре»¹⁰⁵.

Анализ приведенных И. Поповым отдельных сведений по организации Мехк-Кхела приводит нас к следующему выводу: на совете Мехк-Кхела вырабатывались нормы обычного права чеченцев и ингушей, регулировался порядок внесения изменений в существующие адаты под влиянием изменений, происходящих в общественно-политической и экономической жизни чеченцев и ингушей.

Вайнахские старейшины устанавливали в Мехк-Кхеле порядок землевладения и землепользования¹⁰⁶, решали вопросы внутренней и внешней торговли (установление единиц измерения, цена на скот и пр.), принимали соответствующие решения по спорным вопросам, разбирали вопросы войны и мира, собирали материальные средства и определяли возможные обложения и повинности для общественных нужд¹⁰⁷.

Нам представляется следующая реконструкционная структура советов – *кхелов*. Они начинались на семейном уровне – *цлийнна кхел* (семейный совет). Затем следовал *верси-кхел* – патронимический совет. Над советами родственников стоял совет тайпа, который являлся не кровнородственной, а субэтнической единицей. Межтайповые отношения регулировал Совет страны – Мехк-Кхел.

Отмечая огромную роль и непререкаемый авторитет чеченских старейшин в общественном быту и на сходах вайнахов, дореволюционный исследователь Н. Семенов сообщает: «Все вопросы, выходящие из круга частных интересов, затрагивающие жизнь целого аула, общества или всего племени, разрешаются всегда на сходах старейшин, и решение сходов признается обязательным для всех членов той или иной общественной группы, а если они приняты по вопросам, касающимся всего народа, то для всех истинных членов его... Везде общество, народ в лице главарей (не тех, которых мы выдвинули из народа, а тех, которых народ сам считает таковыми), а отдельная личность идет за главарями в силу глубоко укоренившейся в ней общественной дисциплины»¹⁰⁸.

По мнению исследователя древнейшего чеченского законодательного и судебного органа И.М. Саидова, «к сведениям о Мехк-Кхеле, сообщаемым

дореволюционными авторами, следует отнести еще более ранние сведения или предания, существовавшие до усиления вайнахского Мехк-Кхела, в частности, цены выкупа пленных людей»¹⁰⁹.

Сведения о Мехк-Кхеле, сообщаемые исследователем М.А. Ивановым, содержат порядок рассмотрения дел в суде. Согласно этим данным разбирательство проходит строго в рамках адата.

В Ассинском ущелье также был самостоятельный судебный орган, состоящий из четырнадцати старейшин, рассматривавших как гражданские, так и уголовные дела. Если центр Совета старейшин, находившийся в селении Нашха, дал самоназвание чеченцев «нохчий», а Онгушта – ингуши, то, по-видимому, с ассинским или кекалинским обществом следует связывать самоназвание ингушей «ГаллГай» (калкай или галгай). Именно на этом месте находился храм Тхаба-Ерды. Надо полагать, что такое сооружение могло быть воздвигнуто исключительно на важном и нужном месте¹¹⁰.

Известно, что до утверждения ислама в Чечне и Ингушетии Мехк-Кхел представляла местная знать. Лай, ясыри и бедные крестьяне (зависимое сословие) в Мехк-Кхел, как правило, не избирались. Упомянув категорию лай – зависимых людей, необходимо отметить, что им «не разрешалось носить оружие и иметь лошадей»¹¹¹.

Бывших лай презирали, с ними неохотно роднились, местами их угнетали. Например, встречался лай пхьо или лаь пхьа (лая вира) – двойной штраф за убийство лаем «свободного человека», или лаь урдо – «лай там», или «шалха там» – калым лая или двойной калым, который платил лай за невесту из оьзда нах¹¹².

По мере усиления ислама, в частности, в восточных районах Чечни и Ингушетии, представители местной знати стали постепенно вытесняться мусульманскими богословами (учеными алимами). Здесь они, по утверждению исследователя И.М. Саидова, с XVIII в. господствовали в Мехк-Кхеле безраздельно. Безусловно, ученые алимы были образованнее, нежели жрецы и старейшины сел и аулов, которые полностью опирались на неписанные законы горцев – адаты. На смену адату пришел шариат. Отныне все спорные дела и вопросы разбирались в Мехк-Кхеле по шариату, судили конкретно одного преступника, многочисленный штат присяжных заменяли конкретными свидетелями¹¹³.

В качестве законодательной базы в осуществлении своих функциональных обязанностей Мехк-Кхел руководствовался как адатом, так и шариатом. В основном на основе адата дела разбирались до принятия чеченцами ислама, а уже после принятия ислама нормы шариата постепенно стали доминировать в его деятельности.

Известно также, что на основе шариата дела в Мехк-Кхеле разбирались более оперативно, чем старейшинами, оперировавшими адатами. Это обстоятельство способствовало тому, что со временем мусульманское духовенство заняло в Мехк-Кхеле главенствующее положение. Кроме того, в XVII–XVIII вв. для избрания того или иного члена в Мехк-Кхел большое значение имели: знание им национальных обычаев, шариата, способности человека, его богатство, происхождение, авторитет в фамилии и обществе, а

также возраст, который подчеркивал степенность того или иного лица. Традиционным требованием для тех, кто должен был входить в Мехк-Кхел, являлось умение красиво и логично говорить, дельно и убедительно, т. е. аргументированно доказывать. Но самое главное требование Мехк-Кхела заключалось в одном – говорить только правду¹¹⁴.

Вплоть до XIX в. Чечня представляет собой конгломерат политически и экономически самостоятельных общин, обходящихся минимальным аппаратом управления, состоящего из сельского старшины (*юрт-да*) и его помощников. Все важнейшие вопросы, касающиеся конкретного селения, решались сходом его жителей, в котором право решающего голоса принадлежало отцам семейств. Вопросы, касающиеся жизни целого общества, решались, как правило, на совете представителей от всех селений, входивших в состав общества, а в исключительных случаях – народным собранием. Таким органом у чеченцев традиционно был Мехк-Кхел (Суд страны), созываемый по мере необходимости и состоявший из представителей всех чеченских обществ и селений. Причиной созыва Мехк-Кхела могли быть конфликты между различными чеченскими обществами, с соседними народами или государством, вопросы вероисповедания, необходимость обсудить и утвердить изменения в обычном праве.

Мехк-Кхел имел право от имени всего чеченского народа объявлять войну и заключать мир, одобрять или отвергать политическое соглашение и т. д.¹¹⁵.

Каждый крупный населенный пункт в Чечне и Ингушетии имел своих специалистов по толкованию и применению адатов.

Анализ отдельных сведений о Мехк-Кхеле приводит нас к выводу о том, что процесс придания обычая статуса юридической нормы заключался в неоднократности повторения обычая и необходимостью его соблюдения как регулятора социальных отношений, невыполнение или нарушение которого имело, или могло иметь, серьезные последствия для общества, а лицо, нарушившее закон, подвергалось наказанию.

В научной литературе приведенному нами выше выводу можно найти аналогичное мнение. Так, Г.Ф. Шершеневич обычным правом называет «юридические нормы, которые сложились силою бытовых отношений, независимо от верховной власти, и приобрели в сознании общества обязательное значение»¹¹⁶. Ф.Т. Селюков также считает обычное право правилами действий, сложившихся на общинной основе общего труда, быта, соседства, родства, единого этнического образования и т. п.¹¹⁷. Именно так формировалось обычное право чеченцев и ингушей.

Специфика Мехк-Кхела как суда и памятника правовой культуры чеченцев заключалась в том, что судьи Мехк-Кхела будучи избранниками основных чеченских тукхумов руководствовались адатами, которые вырабатывались на протяжении длительного времени, их проявление было постоянным и однообразным в единой группе этнического происхождения.

Особенностью обычного права чеченцев и ингушей считается тот факт, что присвоение чужого имущества, совершенное путем кражи, грабежа, объединены в общее понятие «воровство» и всегда наказывались возвратом

похищенного или выплатой его стоимости в двойном размере¹¹⁸. Воровство как преступление, безусловно, наказывалось, но, как отмечали современники, оно «совершалось горским населением не столько из дурных инстинктов, но столько и потому, что, по понятиям их, оно, скорее – проявление удачи и молодечества, чем злой воли»¹¹⁹.

На самом деле чеченцы крайне отрицательно относились к воровству, особенно в своей среде: «Пойманного вора приводили к мечети, где кадии и старики наказывали виновного лишением земли и строений и изгнанием его навсегда из родного села»¹²⁰.

К сожалению, историко-правовая наука не располагает такими письменными нормативно-правовыми источниками, какие имеются в области изучения дагестанского правового обычая. Речь идет об упомянутых нами ранее 2-х основных правовых памятниках Дагестана – Кодекса Умма-хана Аварского (Справедливого), Постановления Кайтагского уцмий Рустем-хана¹²¹.

Однако отсутствие таковых на сегодняшний день не значит, что их не было вообще, поскольку национальное самосознание и отношение к обычному праву как к юридическому обычаю не может быть основано сугубо лишь на фольклорных знаниях.

В 1944 г. в период выселения чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию были уничтожены ценные сведения о судоустройстве и судопроизводстве в Мехк-Кхеле. Мы не случайно обратили внимание на вышеприведенные уникальные правовые памятники Дагестана. Текст сборника «Кодекс Умма-хана Аварского» был обнаружен в 1946 г. в Нагорном Дагестане... Впервые его опубликовал Х.О. Хашаев, он был введен в научный оборот в 1948 г. в переводе на русский язык¹²². Возможно, если бы не депортация чеченского народа с ее трагическими последствиями, научную сокровищницу наряду с перечисленными северокавказскими правовыми памятниками дополнили бы кодексы «Къонахалла», «Нохчалла», которые были нормативно-правовой основой Мехк-Кхела. Именно поэтому принципиально важное значение, в том числе и для юридической науки, имеют современные труды Л. Ильясова по изучению этического кодекса «Къонахалла»¹²³, являющегося реконструкцией свода правил поведения чеченцев и ингушей.

В процессе общественно-политического развития Чечни и Ингушетии развивался и Мехк-Кхел. Обычное право, лежащее в основе судопроизводства Мехк-Кхела, несмотря на неизбежность основных принципов в отношении преступления и наказания, могло трансформироваться. Эта трансформация затрагивала интересы не тех, кто занимался вопросами законотворчества, а непосредственно народные интересы и чаяния. В Мехк-Кхеле широко применялся институт судебного приказа – *кхелан сацамаи*, которые хоть и принимались в Нашхе, но доводились до сведения населения в кратчайшие сроки и применялись на всей территории Чечни: от горной части, именуемой Большой Чечней, до равнинной части, именуемой Малой Чечней. Таким образом, нормативная деятельность Мехк-Кхела действовала во времени и в пространстве. В отечественной историографии работ о становлении и развитии права чеченцев и судебного института Мехк-Кхел (в частности) буквально единицы. Анализ уже имеющихся немногочисленных работ, в которых

упоминается древний чеченский судебный институт Мехк-Кхел, а также проведенное нами исследование полевого материала позволяют сделать основополагающие выводы.

Мехк-Кхел – древний верховный суд чеченцев и ингушей – является памятником правовой культуры этих народов. Его феномен заключается, в первую очередь в системе организации суда, куда делегировались на выборной основе представители основных вайнахских тукхумов. Мехк-Кхел существовал в период тайпово-тукхумной демократии, последняя, по мнению Л. Ильясова, есть «результат определенным образом сложившихся социально-исторических обстоятельств и она соответствовала определенному социально-экономическому укладу чеченского общества, но в процессе эволюции и изменения экономических основ существования изжила себя»¹²⁴. Его многовековая деятельность как древнего судебного института была прекращена в Чечне в период правления имама Шамиля, но этого нельзя констатировать в отношении ингушей, которые не признавали власть имама Шамиля, чья власть не распространялась на территорию горной Ингушетии.

Итогом развития общественного строя чеченцев было образование государства¹²⁵. Созданное военно-теократическое государство всецело опиралось на людской и экономический потенциал Чечни, ставшей главной ареной многолетней Кавказской войны. Система государственно-общественного и судебного управления существовала у чеченцев более тысячи лет и была окончательно разрушена в ходе Кавказской войны. Отчасти ее элементы были включены в государственное устройство Имамата Шамиля, отчасти им же и уничтожены, поскольку он стремился изменить судебную систему Чечни, заменив ее исключительно шариатской, при этом подчиненной его власти¹²⁶.

Чрезвычайно важно отметить, что существовавшая в древности структурная схема права и правосудия чеченцев и ингушей была представлена настолько полно, что дает право исключить различного рода домыслы об онтологической неполноте, неполноценности обычного права в сравнении с более поздними правовыми системами. Наше мнение перекликается в этом с позицией грузинского исследователя Л.Р. Харадзе: «...мы имеем сравнительно развитую систему композиции, которая давно заменила нормы обычного права, восходящие к родовому быту даже в той сфере, где пережитки этого быта наиболее стойко сохранили свое существование»¹²⁷.

Уникальность обычного права чеченцев и ингушей заключалась в опоре на национальный менталитет, который интегрирует эмпирическую и нормативную логику с возникающими явлениями в жизни общества по мере их возникновения.

Использованная литература и источники:

1. См.: Манкиев А.А. Традиционная соционормативная культура чеченцев в контексте современных политических и духовно-нравственных ценностей // Сб. научных трудов. Вып. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2007. С. 242.

2. Ладыженский А.М. Ада́ты горцев Северного Кавказа / Подготовка текста и комментарии И.Л. Баби́ча. Под общей ред. А.С. Зайна́лабидова и В.В. Черно́уса / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 18. Ростов н/Д, 2003. С. 10. Цит. по Мисрокову З.Х. Указ.соч. С. 53-54.

3. Теория государства и права. М.: Норма, 2000. С. 341. См.: Харсиев Б.М. Ингушские адаты как феномен правовой культуры. Дисс.... к. философ. н., Ростов н/Д, 2003. С. 26.

4. Большой юридический словарь / Под ред. В.Е. Сухарева. 2-е изд. М., 2000. С. 15. См.: Харсиев Б.М. Указ.соч.

5. Там же. С. 388.

6. Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999. С. 3. Цит. по Мисрокову З.Х. Указ.соч. С. 36.

7. См.: Свечникова Л.Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) // Государство и право. 1998. № 9. С. 98. См.: Юридическая энциклопедия. М., 1997. С. 283. См: так же Харсиев Б.М. Указ. соч.

8. См.: Хасбулатов Р.И. Чужие (Историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). Кремль и российско-чеченская война. М.: ИД «Грааль», 2003. С. 57.

9. Ладыженский А.М. Указ. соч. С. 55.

10. В переводе с чеч. яз. – месть, возмездие.

11. См.: Хасбулатов Р.И. Чужие (историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). М., 2003. С. 55.

12. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 168.

13. Там же.

14. См.: Алати Н.Б. Нормативное и организационно-правовое обеспечение государственной политики России на Северном Кавказе в период XVIII–XX вв. Дисс... д.ю.н. СПб., 2006. С. 185.

15. См.: Абдурашидов Э.Д. Чеченско-русский, русско-чеченский словарь юридических терминов. Грозный, 2010. С. 212.

16. Абдурашидов Э.Д. Указ. раб. С. 212.

17. Ахриев Ч. Ингуши. ССКГ. Т. VIII. 1875. С. 4.

18. Самойлов К. Заметки о Чечне. М., 2002. С. 61.

19. Там же.

20. См.:Ладыженский А.М. Ада́ты горцев Северного Кавказа / Подготовка текста и комментарии И.Л. Баби́ча. Под общей ред. А.С. Зайна́лабидова и В.В. Черно́уса / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 18. Ростов н/Д, 2003. С. 16.

21. См.: Голунский С.А. Обычай и право // Ж. «Советское государство». М., 1939. № 3.

22. См.: Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М.-Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2012. С. 29, 31.

23. Михайленко Н.М. Использование правовых обычаев в период постреформенной модернизации // Модернизационные процессы в истории России XVIII–XX вв.: политика, экономика, культура: Сб. статей. Армавир, 2003. С. 100, 102.

24. Ладыженский А.М. Указ. соч. С. 25.

25. Шапсугов Д.Ю. Обычное право и его роль в правовом развитии общества / Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999. С. 252. Цит. по Мисрокову З.Х. Указ. соч. С. 55.

26. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // Под общей ред. М.А. Исмаилова. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2009. С. 14.

27. См.: Самойлов К. Заметки о Чечне. М.: Academia, 2002. С. 88.

28. См.: Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа / Подготовка текста и комментарии И.Л. Бабича. Под общей ред. А.С. Зайналабидова и В.В. Черноуса / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 18. Ростов н/Д, 2003. С. 17.

29. См.: Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев / Материалы по обычному праву горцев Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882.

30. Ильясов Л.М. Чеченский тейп. Чеченская республика и чеченцы: История и современность: Матер. Всерос. науч. конф. (Москва, 19–20 апреля 2005). М.: Наука, 2006. С. 179.

31. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 2009. С. 18.

32. Абдурашидов Э.Д. Чеченско-русский словарь юридических терминов. Грозный, 2010. С. 62.

33. См.: Кодекс чести «Къонахалла» (Из книги Лечи Ильясова «Тени вечности»). Чеченское общество сегодня. 2006. №3(4). С. 16–17.

34. См.: Комаров А.В. Указ. соч. С. 10.

35. Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 205.

36. См.: Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. 2. С. 90–91.

37. Нанаева Б.Б., Бисултанова Л.Б. Адат как институт социально-правового регулирования чеченцев. Известия Чеченского государственного педагогического института. №2 (№4). 2010. С. 75.

38. См.: Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М.-Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2012. С. 62, 64.

39. Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1892. С. 92–93.

40. См.: «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». Ч. II. М., 1832. С. 47.

41. Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 205.

42. См.: Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 130.

43. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Вып. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С. 298.
44. См.: Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогика чеченцев. М., 2007. С. 208.
45. См.: Хасбулатов Р.И. Чужие (Историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). Кремль и российско-чеченская война. М.: ИД «Грааль», 2003. С. 318.
46. Нанаева Б.Б., Дохаева А.Б. Нравственный потенциал этнокультурных традиций / Известия Чеченского государственного педагогического института. №2 (№4). 2010. С. 82.
47. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 2009. С. 18.
48. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993. С. 10.
49. Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. VI.
50. Семенов Н. Туземцы Северного Кавказа. СПб., 1895. С. 187.
51. Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа. ССКГ. Т. I. 1868. С. 4–5.
52. Махмудова К.З. К вопросу территориального расселения чеченцев в XVIII – первой трети XIX вв. в трудах дореволюционных авторов / История науки и техники. №7. 2012. С. 154–155.
53. См.: Хасбулатов Р.И. Указ. соч. С. 319.
54. Джамирзаев С.М. Древняя история чеченцев (нохчий) (К древней истории нахских племен III–I тысячелетия до новой эры). М.: Альтекс, 2002. С. 145.
55. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 2009. С. 23.
56. Исаев Э. Вайнахская этика. Назрань, 1999. С. 54.
57. Джамирзаев С.М. Указ. соч. С. 146.
58. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 140.
59. Нанаева Б.Б. Политические традиции чеченцев. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С. 24.
60. Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. С. 118.
61. Куницын А.П. Энциклопедия прав: Изображение системы политически наук. М.: КРАСАНД, 2010. С. 6.
62. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. С. 455.
63. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 129.
64. Там же. С. 140, 142, 143.
65. Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М.-Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2012. С. 307.

66. См.: Хасбулатов Р.И. Чужие (Историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). Кремль и российско-чеченская война. М., 2003. С. 51–55.

67. Чеснов Я. Чеченцем быть трудно // Независимая газета. 1994. 22 сент.

68. См.: Хасбулатов Р.И. Указ. соч. С. 56.

69. См.: Гарданов В.К. Система композиций в обычном праве адыгов XVIII – первой половине XIX в. М., 1964. С. 56.

70. Иванов М.А. В горах между р. Фортангой и Аргуном // Известия КОИРГО. Тифлис, 1904. Т. 17. С. 49–50.

71. Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 209.

72. Абдурашидов Э.Д. Указ. соч. С. 212.

73. См.: Ильясов Л.М. Культура чеченского народа. М., 2009. С. 64–65.

74. Абдурашидов Э.Д. Указ. соч. С. 212.

75. Адуев В., Нинчиева Т.М. Мехк-кхел (Суд страны). Верховный судебный орган у вайнахов // IV Ежегодная республиканская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «Наука и молодежь» (Грозный, 29 мая 2010). Грозный, 2010. С. 388.

76. Кавказский этнографический сборник. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С. 24.

77. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л., 1930. С. 739.

78. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. I. Лл. 130–135.

79. Саидов И.М. Мехк-кхел (Совет страны) у нахов в прошлом / Кавказский этнографический сборник. Т. 2. Тбилиси, 1968. С. 199.

80. См.: Леонтович Ф.И. Адамы Кавказских горцев. Одесса, 1882. С. 10.

81. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Грозный, 2006. С. 818.

82. См.: Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии : [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 186.

83. Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 208.

84. См.: Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963. С. 80, 81, 86.

85. Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 годы). Нальчик, 2003. С. 36.

86. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 64577.

87. Саидов И.М. Мехк-кхел (Совет страны) у вайнахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник (КЭС). Ч. 2. Тбилиси, 1968.

88. Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Изв. ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974.

89. *Саидов И.М. Указ. соч. С. 205.

90. См.: Саидов И.М. О расселении нахских тайпов и тайповых отношениях // Архивный вестник. Архивное управление Правительства Чеченской Республики. Историко-документальный бюллетень. №1. 2013. С. 58.

91. Манкиев А.А. Традиционная соционормативная культура чеченцев в контексте современных политических и духовно-нравственных ценностей // Сб. научных трудов. Вып. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2007. С. 242.
92. Лаудаев У. Чеченское племя ССКГ. Вып. 6. Тифлис, 1878. С. 25.
93. Саидов И.М. О расселении нахских тайпов и тайповых отношениях // Архивный вестник. Архивное управление Правительства Чеченской Республики. Историко-документальный бюллетень. №1. 2013. С. 58.
94. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР (с древнейших времен до наших дней). Грозный, 1967. Т. 1. С. 283.
95. См.: Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVII – начале XIX века). Монография. Элиста, 2002. С. 283.
96. *Лаудаев У. Чеченское племя. Сб. сведений о кавказских горах, вып. 6. Тифлис, 1871. С. 124.
97. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР (с древнейших времен до наших дней). Грозный, 1967. Т. 1. С. 284.
98. Там же. С. 283.
99. ПМА. Тетрадь №1. Д.-Ведено, 2009. С. 10.
100. Саидов И.М. Указ. соч. С. 200.
101. Тамбиев М. Мехк-кхел (Совет страны) – древняя верховная организация ингушей / Н.Д. Кодзоев. Вопросы истории Ингушетии. Вып. 3. Магас, 2005. Сердало. №86 (9607). 5 августа 2005. С. 3.
102. *Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 157, 181. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 280.
103. См.: Саидов И.М. Мехк-кхел в прошлом // КЭС. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С. 200.
104. Саидов И.М. О расселении нахских тайпов и тайповых отношениях // Архивный вестник. Архивное управление Правительства Чеченской Республики. Историко-документальный бюллетень. №1. 2013. С. 57.
105. *См.: Попов И. Ичкеринцы // ССТО. Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 262–263. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 280.
106. См.: Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. 6. Тифлис, 1878. С. 39, 244.
107. *АКАК. Т. 7. Тифлис, 1904. С. 917–918.
108. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Чеченцы. СПб., 1895. С. 97–88. См.: Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XX века). Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 282.
109. Саидов И.М. Указ. соч. С. 203.
110. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. С. 57–58.

111. Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей. Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный, 1968. С. 269.

112. Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей. Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный, 1968. С. 270.

113. См.: Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XX века). Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 284-285. Саидов И.М. Мехкхел в прошлом // КЭС. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С. 205–206.

114. См.: Саидов И.М. Мехкхел в прошлом // КЭС. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С. 205. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. 285.

115. См.: Хасмагоматов Э.Х. Чеченский парламентаризм: история и современность.

Url: http://www.chechnyatoday.com/index2.php?option=com_content&task=view&id=4360&pop=1&page=0&Itemid=473 (дата обращения – 30 октября 2009 г.).

116. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911. С. 41. См. Исмаилова М.А. Указ. соч.

117. См.: Селюков Ф.Т. Отечественный опыт экологии культуры в обычном праве // Государство и право. 1992. №10. С. 114.

118. См.: Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – перв. пол. XIX в.). М., 1972. С. 15.

119. Терская область // Кавказский календарь на 1877 год. Тифлис, 1876. С. 59. См.: Ибрагимова З.Х. Указ. соч.

120. Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 9.

121. См.: Исмаилов М.А. Формирование и развитие права народов Дагестана (XVII – нач. XXI в.). Автореферат дисс... д.ю.н. М., 2005. С. 31.

122. См.: Исмаилов М.А. История государства и права Дагестана. Махачкала, 2010. Ч. I. С. 34.

123. См.: Ильясов Л. Къонахалла. М., 2009.

124. Ильясов Л. Чеченский тейп. Чеченская республика и чеченцы: история и современность / Матер. Всерос. науч. конф. (Москва, 19–20 апреля 2005). М.: Наука, 2006. С. 183.

125. Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX веке. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2012. С. 54.

126. См.: Хасбулатов Р.И. Чужие (Историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). Кремль и российско-чеченская война. М.: ИД «Грааль», 2003. С. 58.

127. Харадзе Л.Р. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей. Кавказский этнографический сборник и очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 165.

§2. Этнические правовые принципы и судебные процедуры по адатам

Своеобразие судебной системы чеченцев и ингушей заключается в лежащих в ее основе этнических правовых принципах и судебных процедурах по адатам. Этнокультурные нормы и принципы общественных отношений, ставшие впоследствии неписаными источниками этнического права в традиционном обществе, к которому бесспорно относится и общество чеченцев и ингушей, имеют более высокое практическое значение в вопросах как предотвращения, так и урегулирования отдельных правонарушений, перед которыми официальный закон в силу своей возможной пассивности применения может быть менее эффективен. К примеру, несовершенство убийства вследствие того, что по адатскому праву предусматривается кровомщение, в то время как нормы позитивного права предусматривали заключение под стражу и лишение свободы на определенный срок.

Отправление правосудия по адатам чеченцев и ингушей в большинстве случаев происходит судом присяжных. Однако напрашивается вопрос, кто мог обладать статусом присяжного. Устоявшийся стереотип в кавказоведении о том, что судьями выступали исключительно умудренные жизненным опытом старцы, корректируется мнением российского ученого Р.И. Хасбулатова, заслуживающим не только внимания ввиду его присутствия в науке, но и в виду нашего согласия с его объективным содержанием, отражающим внутреннюю структуру и внешние функции древнего суда вайнахов: «Присяжными могли быть все свободные люди аула (села), достигшие 30 лет, образованные и имущие, обладающие всеми правами граждан и платящие налоги, помогающие бедным, не совершившие проступков, осуждаемых общественным мнением. Глава рода (большой семьи-патронимии), в согласии с правителем аула, села (*«юрт-да»*, дословно – «голова села») составлял списки кандидатов в члены суда присяжных и выносил его на обсуждение народного собрания (сход села), где он и утверждался¹.

Была разработана процедура прохождения аттестации судей. Суд состоял из 7–15 присяжных в крупных населенных пунктах, 3 присяжных – в малых населенных пунктах. Определен срок полномочий суда в 1 календарный год. В данной модели правосудия не было обвинительной власти, так как это право принадлежало потерпевшей стороне. Вместе с тем, обвиняемый мог привлечь к себе на помощь заступников из числа авторитетных людей, т. е. мы можем констатировать, что этот институт был приближен к адвокатскому². Судьи (*кхелахой*) могли быть отозваны в случае, если обнаруживалась связь с одной из сторон.

Адатская система отправления правосудия в целом не знала строгого отраслевого деления на гражданское и уголовное процессуальное право. Все дела, как гражданские, так и уголовные, рассматриваемые по обычному адатскому праву чеченцев и ингушей в судах присяжных, разбирались как причинение ущерба, требующего полного и адекватного возмещения.

Может показаться, что структура обычного права чеченцев и ингушей не представлена явно обозримыми отраслевыми нормами, это своеобразие характерно всем обычно-правовым системам народов Северного Кавказа.

Отсутствие необходимых элементов для развития гражданской жизни ингушей, по мнению Н.Ф. Грабовского, привело к «скудности местных обычаев по исковым делам»³. Однако это представляется возможным, применив аналитический способ реконструкции, а также на основе продолжающих существовать и поныне договорных отношений, строящихся на адате, в частности, речь идет о том, что у вайнахов (чеченцев) широко практиковалась система заключения договоров между сторонами; главным основанием для этого являлось обоюдное соглашение сторон. По данному соглашению соблюдения специальных формальностей не предусматривалось. Большое значение придавалось устной договоренности, которая не могла быть поставлена под сомнение или изменена. По чеченскому адату договор (*барт*) – это устная договоренность, заключенная при свидетелях, в результате которой происходил процесс передачи вещи и словесный обмен. Договор считался заключенным с момента рукопожатий (*бертавахар*).

Чеченские тайпы очень строго относились к вопросам, связанным с землевладением. В отдельных случаях договоры купли-продажи заключались с согласия главы тайпа (*тайпан верас*), при этом особым условием считалось полное согласие всех заинтересованных членов тайпа. Согласно чеченским адатам правоспособность и дееспособность субъектов договоров напрямую зависели от имущественной и деловой способности тех или иных лиц. Например, вдова не имела права продать или подарить что-либо из имущества покойного супруга, если у него имелся старший брат или совершеннолетний сын.

По мнению Ф.А. Гантамировой, «договор по обычному праву чеченцев и ингушей имеет силу и значение только тогда, когда он реальный, т. е. с момента передачи имущества в руки приобретателя, или формальный при определенном символическом освещении его»⁴.

К разновидностям реальных договоров по нормам адата мы можем отнести договора мены (*хийцаман барт*) и подрядка (*йолах болх тлелацаран барт*). Древнейшим являлся договор безвозмездного пользования имуществом (*махъза хъуманех пайдаэцар*). Обычное право предусматривало ответственность сторон при заключении договора (*барт*) купли-продажи. Согласно чеченскому устному договору продавец отвечал за проданную им вещь. При продаже продавец нес ответственность за сокрытие той или иной информации о проданной вещи, о которой покупатель не мог знать на момент заключения договора купли-продажи. В случае обнаружения серьезных обстоятельств, скрытых продавцом от покупателя, первый был обязан полностью вернуть полученные деньги. В чеченском обычном праве существует такой вид договора, как договор поручительства (*тледицларан барт*), в основе которого лежит личная и имущественная ответственность поручителя и залогодателя. В отличие от других народов Северного Кавказа, чеченцы придавали особое значение договору поручительства как знаку своего уважения и чести в деле решения того или иного вопроса. В качестве поручителей за надлежащее и

полное выполнение условий договора могли выступать как родственники, связанные между собой кровным родством, так и не родственники. Среди ингушей, по наблюдениям И. Потоцкого, было принято обращение к приятелю или кунаку с заявлением о задолженности и возмещении долга⁵.

Земля для чеченцев и ингушей являлась объектом экономической состоятельности, олицетворением чести, поэтому право иметь в собственности землю, неважно коллективной или той, которой пользовались члены одного тайпа, способствовало выработке правовых отношений в области землевладения и пользования. Подтверждение тому мы находим у Н. Грабовского: «Земля в участках разделяется на частную и общественную собственность, к первой принадлежат пахотные участки, лесные дачи; а ко второй – выгоны и во многих местах покосные земли и леса»⁶.

Приветствовалась сдача в аренду собственником излишков земли, «с условием, чтобы арендатор дал ему известную часть урожая, обыкновенно мер 10 зерна с десятины»⁷.

Кроме того, функциональное предназначение права способствует выявлению того пласта обычно-правовых норм, который регулировал вопросы уголовного права.

Наряду с Мехк-Кхелом стоит отметить и роль таких судебных органов, как третейские суды – *маслалатан-кхел*. Третейские суды по чеченскому и ингушскому адату были призваны решать возникающие споры между членами одного тайпа. В специфику рассматриваемых третейским судом дел входили: земельные споры, кражи и т. д. Основной задачей третейских судов было принятие решений, способствующих примирению враждующих сторон. С распространением ислама в Чечне наряду с адатскими начали функционировать и шариатские суды, которые рассматривали дела имущественного и брачно-семейного характера, а также преступления против религии и духовенства. К таковым, к примеру, относились, по мнению В. Швецова, непосещение молитвенного дома без уважительных причин (болезнь или несовершеннолетие), которое наказывалось 3 рублями серебром. Устроивший спор в мечети платил 10 рублей серебром⁸.

Правовая система чеченцев и ингушей не признавала и не применяла телесные наказания.

По адату судебному процессу предшествовала досудебная стадия, когда стороны общались между собой для примирения. Порядок примирения в различных тукхумах и тайпах был своеобразным. Однако суть примирения главным образом заключалась в прекращении кровной мести и установлении мира между конфликтующими сторонами.

По своим функциям примирительный институт на основе адата у чеченцев и ингушей имеет много общего с третейскими судами, однако процедура примирения использовалась либо в случаях кровной вражды, либо совершения тяжкого преступления, а третейский суд рассматривал лишь дела об имущественных спорах, которые не могли повлечь за собой тяжкие последствия. Главной задачей, которую ставили перед собой судьи, занимавшиеся примирением сторон, было предупреждение и недопущение нового преступления путем принятия обоюдного решения сторонами,

способствовавшего денежному или другому материальному выкупу пролитой крови. Среди чеченцев высоко ценился отказ от выкупа и безвозмездное прощение. Однако в основном это происходило, если преступление было совершено по неосторожности либо в целях самообороны.

Совокупность различных методов анализа, использованных в данном исследовании, позволила осуществить последовательную ретроспективу развития смешанно-правовой системы в регионе.

По разбирательству в суде адату подлежали дела преимущественно уголовного характера. К категории *зулам* относятся уголовные преступления и наказания по ним. Система штрафов, длительное время измерявшаяся в головах скота – крупного и мелкорогатого, с развитием товарно-денежных отношений приобрела конкретную единицу измерения серебряными монетами.

Наслоение разрозненной информации, собранной дореволюционными исследователями и опубликованной профессором Ф.И. Леонтовичем в 1883 г., содержит, с одной стороны, ценные сведения о вопросах права и правосудия у чеченцев и ингушей⁹, с другой стороны – разрозненная информация, содержащаяся в отмечаемом сборнике, представлена в хаотичном порядке. Работа изобилует повторами, в самом заглавии сборника указаны чеченцы, при этом в содержании имеются сведения о праве и правосудии также и ингушей. Все это в совокупности затрудняет целостное восприятие материалов сборника. В качестве необходимого действия при проведении настоящего исследования мы посчитали необходимым извлечь и привести в логической последовательности вопросы права и правосудия у чеченцев и ингушей, нашедшие свое отражение в указанном источнике.

Убийство у чеченцев и ингушей наказывается 12 коровами потерпевшей стороне, у ингушей к коровам добавляются еще три барана. При этом суд выносит решение о приговоре и сверх того требуется непременно кровь за кровь, что и исполняется при первой встрече враждующих. Нанесенная рана с увечьем одного из органов наказывается в 70 коров; раны средней тяжести суд наказывал штрафом в 12 коров; за менее значительные раны – от 1 до 5 коров. Надтеречные чеченцы (*теркхой*), относящиеся к обществу Малой Чечни допускают примирение (*машар*) между сторонами, но, если даже примирение и происходило, виновная сторона должна была выплатить 630 руб. серебром. Членовредительство наказывалось в 210 рублей серебром¹⁰.

Согласно записям Н. Яковлева, полная стоимость крови в Ингушетии равнялась 120 коровам, трем лошадям, в числе которых одна должна была быть полностью снаряжена, отрезу шелковой ткани грузинского производства и одному быку, который закалывался при примирении¹¹.

В Чечне, согласно сведениям Н. Харузина, брат убийцы должен был «заплатить 12 коров, ближайший двоюродный брат второй степени – 10 и т. д.¹²». С принятием ислама примирение было освящено еще и религией, «мировая (сульх) есть договор, посредством которого две стороны, желая положить конец или избежать возможного несогласия, делают каждая уступку. Этот договор рекомендуется особенно с нравственной точки зрения»¹³. Суть данного примирительного договора заключается, с одной стороны, в

предложении, а с другой стороны – в принятии предложения, где единственным условием выступает его добровольность.

Кража, воровство, грабёж (*кьола дар*) также относятся к категории *зулам*. Суд, установив виновного, обязывал возратить похищенное или его полную стоимость, а также налагал наказание в виде 18 коров; с переходом на денежное измерение штрафов виновный обязан был выплатить 90 рублей серебром.

Дозволялось убить признанного виновным в воровстве из мечети, разрытии могил и похищении саванов¹⁴. Право чеченцев и ингушей после принятия ислама заимствовало много религиозных принципов. Так, лица, желающие оградить себя от участия в судебном разбирательстве на чьей-либо стороне, получали от кадия освободительный билет, согласно которому лицо, получившее его, освобождалось от принесения всякого рода свидетельств, ввиду данной им клятвы не быть свидетелем по какому-либо делу. Нормы права чеченцев (*нохчийн йедалан барам*) по адату такового правила освобождения от клятвы не допускали. Совершеннолетний и вменяемый в случае привлечения его в качестве лица, свидетельствующего, подозреваемого или обвиняемого по разбираемому делу, должен был в обязательном порядке принести либо очистительную клятву, либо клятвенное заверение в обличении преступника. Свидетельство (*тоьшалла*) являлось частью судебного расследования (*кхелан таллама*).

Шариатский же суд чеченцев и ингушей – это преимущественно гражданско-правовые разбирательства дел, связанных с религией, бракоразводными отношениями, опеке над малолетними детьми и умалишенными; торговые и долговые возникающие из исковых претензий. Здесь следует отметить, что шариатский суд по указанным делам выступал как вышестоящая инстанция над решениями по указанным вопросам. Наиболее характерными примерами решений шариатских судов у чеченцев и ингушей являются судебные приказы (*кхелан члагдарш*), определяющие стоимость калыма. К примеру, назрановские ингуши за девушку платят калым в 21 корову. За вдову установлен аналогичный калым, но существует возможность уплаты калыма в 12 коров¹⁵.

Характеризуя адатский суд чеченцев и ингушей, необходимо отметить, что он применял нормы, регулирующие общественное поведение и быт горцев. К наиболее распространенным видам преступлений, разбираемым чеченским и ингушским судом (кхелом), следует отнести убийство и воровство. Процесс начинался по инициативе потерпевшей стороны. Доказательствами в адатском суде являлись: показания свидетелей, вещественные доказательства, клятва на Коране в случае отсутствия свидетелей. Разбирательство в суде было устным, отсутствовало разграничение между уголовно-процессуальным и гражданско-процессуальным правом.

Систему доказательств условно можно было разделить на три категории:

- первая категория – добровольное признание ответчика;
- вторая категория – явные следы совершения преступления на оружии обвиняемого, его личных вещах, наличие у него похищенного и украденного имущества;

- третья категория – это показания двух и более свидетелей, не находящихся в родстве с обвиняемым.

По адатскому суду чеченцев и ингушей за совершенную кражу предусматривались различные наказания – от возвращения ворованного имущества с дополнительным наложением штрафа до разрешения убийства воров без права на кровную месть. Стоит отметить установленную дифференциацию в категории преступлений. Так, кража (*кьола дар*) делилась на *кьола* (крупную) и *курхалла* (мелкую). Наказание за последнюю было незначительным и в подавляющем большинстве все заканчивалось примирением в досудебной стадии.

Адатские суды в Чечне были не только органами разрешения споров и конфликтов, но еще являлись и совещательными органами, которые могли принимать решения по многим вопросам, представлявшим общественно значимый интерес. Предварительное следствие, как правило, в адатских судах не проводилось. В судебном процессе допускалось примирение сторон, как по уголовным, так и по гражданским делам.

Судебный процесс по адату у чеченцев описан в труде «Описание гражданского быта чеченцев, с объяснением адатского их права и нового управления, введенного Шамилем» В.И. Голенищевым-Кутузовым¹⁶.

На основе собранных им сведений произведем реконструкцию суда и судебного процесса по адатскому праву чеченцев.

Состав такого суда, как правило, состоял из двух судей. Обвинению было необходимо, предоставление истцом со своей стороны 1 или 2 свидетелей. Свидетели должны быть совершеннолетними, мужского пола и не могут быть из рабского сословия (*лай*). В случае, если бы истец не представил свидетелей, то подозреваемый очищается клятвой на Коране. Более того, в его оправдание должны присягнуть 6 посторонних лиц по его выбору. В таком суде отсутствуют очные ставки. Решение по разбираемому делу должно было приниматься обоими судьями. Допускалась процедура отвода суда. Исполнение решения сторонами было обязательным. Приговор основывался на справедливых доводах. Адатский суд чеченцев и ингушей не знал регламентированных сроков давности.

При всем уважении к адатской системе правосудия мы считаем целесообразным выделить и некоторые ее негативные стороны. Наиболее очевидной в этой связи выглядит несовершенная система доказательств посредством принесения клятвы. Степень ее достоверности напрямую зависела от морально-религиозных качеств тех, кто должен был клясться, и, на наш взгляд, она не могла полностью гарантировать юридической и этической справедливости. Однако анализ общей ситуации в вопросах клятвы как вида «очистительного доказывания» вынуждает нас отметить, что институт «*дуь баар*» служил и продолжает служить в настоящее время как форма приведения доказательства абсолютной невинности, способ защиты репутации, чести и достоинства от клеветы и лжедоноса. Здесь отметим, что очистившийся клятвой может привлечь к ответственности встречным иском свидетеля, оклеветавшего его (если тот не является анонимом).

Следовательно, регулятивная функция принесения клятвы направлена на недопущение продолжения конфликта.

Попытка уйти от ответственности за совершенное злодеяние, помимо конкретно применимого наказания, выработала своеобразную форму национального осуждения «*klaplaqla йоглар*» – возведение придорожных холмов проклятий, когда каждый проходящий, проклиная преступника, кидал камень презрения в эти искусственные курганы.

По мнению Г.В. Мальцева, своеобразной особенностью обычного права является его многосубъектность¹⁷.

Заслуживает особого внимания мнение Ф.И. Леонтовича, согласно которому по чеченскому адату «все личные обиды и важнейшие преступления, как то убийство, не подлежали судебному разбирательству»¹⁸.

На наш взгляд, приведенные исследовательские мнения взаимосвязаны. Так как многосубъектность по обычному праву чеченцев и ингушей в случае совершения убийства предполагала естественный для чеченцев и ингушей акт мщения, распространявшийся в отношении всего мужского населения тайпа применительно к чеченцам, а у ингушей – фамилии.

Виды наказаний за некоторые совершенные преступления определялись непосредственно членами рода.

Утверждение ислама и введение шариата в Чечне в период Имамата Шамиля существенно сказалось на перестройке самой формы суда и отправлении судопроизводства. К новым видам наказания относятся: заключение под стражу в сырую яму, отсечение конечностей, телесные наказания. Здесь необходимо отметить, что телесные наказания применялись не только по мусульманскому праву, но и христианству, в т. ч. и в самой России. Об этих фактах пишет исследователь Г.А. Завалько, отмечая, что «уложение о наказаниях уголовных и исправительных... включало более 80 статей, посвященных преступлениям против веры (для сравнения: французский Кодекс Наполеона – 5 статей, Allgemeines deutsches Strafgesetzbuch – 3 статьи)... За распространение сочинений, порицающих православную церковь, виновный или виновная приговаривались к двадцати ударам плетью и ссылке в отдаленнейшие места Сибири»¹⁹.

По мнению Э.Д. Абдурашидова, «современное понятие «руководство» (политическое руководство) обозначает в чеченском языке «куйгалла дар», т. е. сменяемость по определенным законам, условиям, порядку, форме, через определенный срок, а «урхалла дар» означает «управление», т. е. подчиненный закону, руководству и суду, постоянно действующий, нравственный, профессиональный, непреложный государственный, общественный или частный механизм исполнения этих законов (договоров) общества. По принципу историзма и внутреннего сужения религиозного понятия «хьукам дар» до «хьаькамалла дар» мы охватываем значение административного наказания «хьукам дар», хотя для чеченцев ближе понятие «нийсо яр», чем «хьукам дар» или «олалла дар»»²⁰.

Данные термины уходят своими корнями в период создания и функционирования Мехк-Кхела, основанного на принципах законности и справедливости. Известный географ XVIII в. грузинский царевич Вахушти

Багратиони сообщает о большой власти, которой располагали в его время ингушские старейшины, разрешавшие любые спорные вопросы, вплоть до убийства, мирным путем (мирное разрешение старейшинами дела об убийстве или кровной мести означает замену ответного убийства большим штрафом в пользу потерпевших; в XIX в. штраф за убийство человека в большинстве районов Чечни и Ингушетии равнялся стоимости 63 коров).

За злостное убийство, прелюбодеяние, клятвopеступление, за рубку грушевого дерева, насилие в отношении женщин или гостя и за другие антиобщественные проступки по решению старейшин объявлялось проклятие тем, кто совершал подобные действия. Во многих районах Чечни и Ингушетии при исполнении этого обычая почти все взрослое население било палками по звонким медным тазам, кастрюлям, подносам и стреляло из огнестрельного оружия, громко выкрикивая проклятия преступнику. Проклятия объявлялись как известному преступнику, так и анонимному, это практиковалось вплоть до конца второй половины XIX в.²¹.

Общественные дела решали голосованием на общих собраниях²².

Судебная система Чечни в XVIII в. характеризуется противопоставлением адату шариатской системы отправления правосудия. Как справедливо отмечает исследователь Н.Б. Алати, «нормы адата по своей природе являются казуальными, так как возникают в результате разрешения конкретных конфликтов, что определяет содержание и формы деятельности суда на ранних стадиях его возникновения, формирования и дальнейшей эволюции»²³. Судопроизводство по обычному праву чеченцев и ингушей основывалось на адатах. Судьи, осуществлявшие правосудие, были уважаемыми и почитаемыми людьми, умевшими трактовать горский адат.

Реконструкция адатского суда в нашей модели выглядит следующим образом. Умение трактовать адат было важным критерием для выбора судьи, поскольку адат являлся неписаным законом и в основном сохранился и передавался через память народа. В народной среде выбирался человек, который максимально хорошо знал чеченские адаты. По чеченскому обычному праву допускалось избрание судьями людей, не являвшихся членами того тайпа, где избирался суд. Этот принцип говорит о независимости судей (*кхелхой*). Судья избирался на тайповом совете сроком на один год. Судьи не должны были состоять в прямом либо в косвенном родстве с участвующими в разбирательстве сторонами. После избрания судей производилась присяга, согласно которой каждый судья клялся в своей беспристрастности к рассматриваемому делу и участвующим сторонам. Обычное право чеченцев предусматривало процедуру отвода судей в случае, если одна из участвующих в деле сторон настаивала на этом. Причиной отвода могло быть обнаруженное родство между судьями и одной из сторон, участвующей в суде.

Кхелхой получали определенное вознаграждение за свою службу. Изыскание денег происходило в процессе наложения штрафов на виновную сторону, категорически не допускалось брать или принимать деньги либо другие материальные ценности от правой стороны в судебном процессе. Судья, уличенный в этом, лишался своего поста навсегда и не имел более возможности

избираться судьей. Судебная система была представлена сельским (аульным) судом, судом тайпа. Вышестоящей инстанцией был Мехк-Кхел.

Использованная литература и источники:

1. См.: Хасбулатов Р.И. Указ. соч. С. 58.
2. Там же.
3. Грабовский Н.Ф. Ингуши. ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 110.
4. Гантамирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев ингушей. Дисс... к.ю.н. М., 1972. С. 115.
5. См.: Potocki J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase // «Северный Архив». 1828. №1. С. 61–87.
6. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа. ССКГ. III. 1870. С. 13.
7. См.: Харузин Н.Н. Заметки О юридическом быте чеченцев и ингушей. Сб. материалов по этнографии, издающихся при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. 3. С. 195.
8. См.: Швецов В. Очерк о кавказских горских племенах с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. М., 1856. С. 40.
9. Леонтович Ф.И. Адааты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Адааты осетин, чеченцев и кумыков. Одесса, 1883. 396 с.
10. См.: Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 114–147.
11. Яковлев Н.Ф. Ингуши. М., 1925. С. 72.
12. Харузин. Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. Сб. материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М.: Дашковский этнографический музей. Вып. 3. 1888. С. 118–119.
13. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. Кор. IV 127. [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 92.
14. См. Лилов А. Очерки быта кавказских горцев. СМОМПК. Вып. 14. Тифлис, 1892. С. 14.
15. См.: Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 148–183.
16. См.: Голенищев-Кутузов В.И. Описание гражданского быта чеченцев, с объяснением адатского их права и нового управления, введенного Шамилем. Ч. I. Тифлис, 1843.
17. См.: Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999. С. 42.
18. Леонтович Ф.И. Указ. соч. Т. II. С. 92.
19. Завалько Г.А. Проблема соотношения морали и религии в истории философии. 2-е изд. М.: КомКнига, 2010. С. 14.
20. Абдурашидов Э.Д. Указ. соч. С. 220.
21. Тамбиев М. Мехк-кхел (Совет страны) – древняя верховная организация ингушей / Н.Д. Кодзоев. Вопросы истории Ингушетии. Вып. 3. Магас, 2005. Сердало. №86 (9607). 5 августа 2005. С. 3.

22. Shteder L. L. Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenz Festung Mozdok nach dem innern Caucasus unternommen wurde. – Neue Nordische Beirträge. St.-Petersburg und Leipzig, 1796. P. 247.55.

23. Алати Н.Б. Нормативное и организационно-правовое обеспечение государственной политики России на Северном Кавказе в период XVIII–XX вв. Дисс... д.ю.н. СПб., 2006. С. 188.

§3. Основные правовые отношения по шариату у чеченцев и ингушей

Утверждение ислама в Чечне и Ингушетии способствовало интенсивному влиянию шариата на адаты. В результате данного влияния многие адаты, в первую очередь гражданско-правового характера, стали адаптироваться под шариатские нормы правосудия, но при этом социальное значение адата не изменилось. Ислам в Чечне креп и развивался на фоне антиколониальной борьбы горцев Северно-Восточного Кавказа в XVIII–XIX вв. Именно в этот период шариат пытается доминировать над адатом.

В чем заключалась сущность шариата, который внедрялся сначала шейхом Мансуром, позднее Ташу-Хаджи и имамом Шамилем? Основная суть и цель шариата направлены на точное и искреннее соблюдение установленных обязательств, нарушение которых категорически запрещено. В основе шариата лежит защита основных ценностей мусульманского права – религии, жизни, разума, продолжения рода и собственности¹. Фактор сохранения и продолжения рода в условиях борьбы с царской Россией был приоритетным, так как военные действия приносили большие человеческие жертвы, не меньше умирало вследствие действий адата, одобрявшего кровную месть. В этой связи шариат мог стать тем эффективным сдерживающим фактором от применения кровной мести посредством *маслалатного* (миротворчества) примирения.

Правовая система в Чечне и Ингушетии в ряде аспектов принципиально отличается от доисламской. Появляется разграничение понятий личной и коллективной ответственности за преступление, правовая процедура, механизмы и средства исполнения правосудия².

Отличия между исламской и доисламской правовыми системами чеченцев и ингушей особенно ярко прослеживаются в вопросе толкования преступлений на почве кровной мести. По адатской правовой системе чеченцев и ингушей эти преступления не классифицировались на преднамеренные и неумышленные, до наказания виновного ответственность за совершенное деяние (преступление) лежала на всех членах тайпа. В случае, если не представлялось возможности наказать конкретное лицо, совершившее преступление, то по адатской правовой системе допускалось наказание члена семьи или тайпа. По шариату категорически запрещалось мстить кому-либо кроме самого убийцы.

Установленная имамом Шамилем система правосудия по шариату ввела следующие виды наказаний за воровство: в первый раз – отсечение правой руки, во второй раз – левой, в третий раз – правой ноги, в четвертый раз – левой ноги, в пятый – отсечение головы. С тех пор, как горцы приняли шариат, резко

возросло число безруких, особенно в Анди и Гидатле³. В данном случае речь идет о дагестанских населенных пунктах, входивших в состав Имамата. Сведений о применении указанного вида наказаний в Чечне мы не обнаружили.

Установление данных видов наказания за преступления в приведенной последовательности свидетельствует, на наш взгляд, о начальной неразработанности системы наказания в Имамате. Именно это обстоятельство, а также массовое применение данного вида наказаний побудило имама Шамиля ввести некоторое послабление в проводимой им шариатской реформе правосудия. За первое и второе воровство – штраф, за третье – смерть. За уклонение от явки на военный сбор – штраф и заточение в яму на столько дней, сколько длилась данная военная операция.

Характеризуя шариатскую систему Имамата Шамиля, исследователь П. Павленко отмечает: «В Коране сказано: «Человека, пришедшего в чужой дом для драки с хозяином или членами его семейства, можно убить, как собаку». Но, с другой стороны, в том же Коране разрешено в возмездие за кровь требовать кровь же. В Чечне и Дагестане богатые это толковали по-своему. Шамиль решил противоречия Корана своим излюбленным манером – он уравнивал шансы богатых и бедных. Было объявлено: если родственники убитого или раненного в чужом доме начнут мстить за его кровь, то сами обратятся в убийцу»⁴.

После принятия ислама и введения шариатского судопроизводства клятва на Коране стала обязательным элементом справедливого отправления судопроизводства в Чечне и главным отличительным элементом шариатского судопроизводства. К клятве на Коране приводили мусульманские судьи – кадии. Во главе духовенства отдельных обществ стоял так называемый «духовный начальник», скорее всего, один из мусульманских богословов-алимов. В крупных селах, где имелось несколько мечетей, одного из мулл избирали кадием: «Первенствующий в селе назывался кади, т. е. судья; на место умершего духовного избирался старейшими другой достойный, причем не именно той или иной фамилии или другой, лишь бы являлся природным чеченцем». В селениях поменьше имелись только «молы», подчиняющиеся кадиям многочисленных аулов⁵.

Власть кадия в Чечне, в первую очередь была судебной, но она распространяла свою сферу влияния и на иные управленческие стороны деятельности чеченского общества. Старшины селений зачастую руководствовались совместными с кадиями действиями по управлению населением. В отдельных случаях эта власть была единоличной – «чабутлинцы никаких у себя владельцев не имеют, суд и расправу чинят они через своего кадия...»⁶. В Чечне и Ингушетии, в отличие от Дагестана, не известны прецеденты в виде принесения присяги «именем жены, то есть кебинная (самая древняя присяга – хатун-таллах, или кебин-таллах) присяга была связана с брачным договором. Если показания присягателя оказывались ложными, то брак признавался недействительным, незаконным»⁷. Как отмечали исследователи, к примеру, Н.А. Смирнов, В.А. Потто, создание военно-теократического государства Имамата Шамиля основано из-за потребностей борьбы с российским правительством⁸. Внедрение шариата имамом Шамилем

осуществлялось угрозой применения силовых методов воздействия. Очевидно, это была вынужденная мера в условиях того сложного времени. Об этом свидетельствует, к примеру, «Письмо Шамиля чеченскому народу о подчинении шариату под угрозой наказания» (1836 г.)⁹. В правовой лексике чеченцев и ингушей по мере усиления шариата появляются новые термины, например, *тутмакх* – арестант (слово заимствовано с тюркского). Заключение под стражу было одним из самых распространенных наказаний в период военно-теократического государства Имамата.

Управление горцами в мировоззрении имама Шамиля было связано исключительно с жесткой системой подчинения. Шариат в глазах чеченцев Шамиль укреплял путем его применения на личном примере, посредством критики и наказания наибов за нарушения законов шариата. Судебный процесс был демонстрацией его верности шариату и собственному низаму, распространялся на вопросы в т. ч. далекие от религии¹⁰. Введенное шариатское судопроизводство в Чечне на основе низамов регулировало все стороны жизнедеятельности, по сути, они были источниками как государственного, гражданского, уголовного, так и административного права.

Низамы, утвержденные имамом, были ориентированы на соблюдение прав народов, значительная часть которых в Дагестане являлась свободными крестьянами – *узденами* (свободные люди)¹¹. Шариат, в отличие от адата, унифицировал партикулярную систему отправления правосудия по адатам. Если же при адатской правовой системе в тех или иных областях Чечни существовали отличные друг от друга адаты, то с принятием ислама шариатское судопроизводство стало единым для всех представителей чеченского общества, т. е. оно не давало, в отличие от адатской системы судопроизводства, права широкого толкования. Универсальность мусульманского права, взаимосвязь с ним религиозно-этического и правовых начал ясно определяется при его оценке тех или иных поступков. По шариату допускается возможность применения двух подходов, согласно одному из них за основу берутся внутренние намерения человека, а другому – его внешнее поведение. На таком несовмещении обычно были основаны одни из различий муфтия и кадия: первый в своих суждениях относительно конкретного дела руководствовался преимущественно религиозными соображениями, а второй учитывал сугубо правовые аспекты. Поэтому их оценки одного и того же поступка могли не совпадать, но обе признавались действительными. Не случайно мусульманское право исходит из того, что гарантиями соблюдения большинства его норм являются как религиозные санкции, так и правовая ответственность¹².

Процесс шариатского судопроизводства в Чечне и Ингушетии сопровождался ведением специальных учетных книг (*джайна*), в которые записывались решения по конкретному делу.

Мусульманское право гарантировало для всех принцип равенства: «Ведь верующие – братья... О люди! Воистину, Мы создали вас мужчинами и женщинами, сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга, ибо самый уважаемый Аллахом среди вас – наиболее благочестивый» (49:10,13)¹³. «...И советуйся с ними о делах» (3:159). «И дело их – по

взаимному совету» (42:38). Но главным принципом шариатского правосудия является справедливость, упоминаемая во многих аятах Корана, в одном из которых говорится: «Если же станешь выносить судебное решение, то суди их по справедливости» (5:42). «...И мне велено судить по справедливости между вами» (42:15)¹⁴.

Мусульманское право – многогранное социальное явление, уходящее своими корнями в далекое историческое прошлое. Опираясь на выводы исследователей в данном направлении, мы приходим к заключению, что мусульманское право представляет уникальное целостное и самостоятельное юридическое явление, которое относится к религиозной системе, но при этом выходит далеко за ее рамки.

Доминирующими правовыми положениями на основе шариата у чеченцев и ингушей были гражданско-правовые отношения. По шариату брак и рождение детей – религиозная обязанность, а безбрачие не приветствуется¹⁵. Если же согласно обычному праву чеченцев брачный возраст для обоих полов начинался с 16–20 лет, то с утверждением шариата он был снижен до 14 лет. Тем не менее ранние браки не приветствовались, следовательно, они носили минимальный характер.

Семейное право, содержащее нормы ритуального и религиозного поведения, имеет наиболее приоритетное значение в шариате, поскольку в священной книге для всех мусульман Коране наибольшее число предписаний посвящено личному статусу.

Отличием адата от шариата являлось то, что адат в гражданско-правовых вопросах ущемлял права тех, кого защищал шариат. К примеру, отстранена дочь от наследства, по шариату сестре определена треть доли брата¹⁶. Шариат запрещает ростовщичество, распутный образ жизни, браки между близкими родственниками, употребление спиртных напитков и т. д.¹⁷. Здесь следует отметить, что в Чечне, в отличие от Дагестана, браки между родственниками были категорически запрещены, приветствовалось заключение брака по принципу «чем дальше – тем лучше».

С принятием ислама в Чечне и Ингушетии вопросы наследства чеченцы и ингуши все чаще предпочитают решать на основе шариата. Объясняется это тем, что шариат, в отличие от адата, достаточно последовательно разработал процедуру наследования, выделив группы наследников, которые в адате не были так широко представлены.

Следует подчеркнуть, что «патрилинейное чеченское общество, определяя наследника сугубо по отцовской линии, выделяло младшего сына»¹⁸. Степень ответственности за действие и мужчин, и женщин ложилась на дехой (отцовскую линию).

Помимо известных адату, к группе наследников – отца, матери и детей покойного, а также второй группы наследников – дед, бабушка, братья и сестры покойного, добавилась третья группа наследников – дяди и тети покойного по линии отца и матери, а также их дети.

По адату в случае, если жена воспитывает детей и они остаются с ней, то адат определяет денежное содержание каждого из детей¹⁹. Тоже самое происходит и по шариату.

В то же время получается удивительная ситуация, *отмечаемая Н.С. Иваненковым*, считавшим, что до принятия ислама чеченская женщина была менее подвластна мужу²⁰. Связано это, на наш взгляд, с тем, что по адату многоженство не приветствовалось и предполагало, в первую очередь защиту интересов женщины в моногамном браке как хранительницы очага, отсюда чеченское выражение «*цIин нана*», а по шариату многоженство разрешалось. Здесь следует сделать пояснение: многоженство по шариату предполагало полное равенство в отношении ко всем женам, в противном случае оно запрещено. В Чечне и Ингушетии очень трудно было наблюдать ситуацию, о которой пишет голландский исследователь Ван ден Берг: «На Востоке легко можно встретить мужчин, которые имели последовательно от 15 до 20 жен, с которыми они развелись, и женщин средних лет, имевших с полдюжины мужей»²¹. Последних же примеров среди чеченцев и ингушей не было вообще. Адатским правом чеченцев особо защищались честь и достоинство замужней женщины и чужой невесты, причем даже в большей степени, чем незамужней девушки²².

Возникает вопрос, почему по адатам чеченцев и ингушей дочери лишались наследства? Здесь следует пояснить, что речь идет о незамужних девушках, у которых есть братья, следовательно, в их обязанности входит ее содержание и подготовка приданого. Если же речь идет о единственном в семье ребенке женского пола, то она не лишается наследства, а попадает под опеку родственников, которые до ее совершеннолетия и замужества должны ее содержать и передать ей наследство родителей.

Мы солидарны с мнением Ф.А. Гантамировой в части высказанных различий на вопросы развода у чеченцев и ингушей. Если же у ингушей развод – это право исключительно принадлежащее мужу, то у чеченцев развод разрешается обоим супругам, достаточно только привести доказательства невозможности брака²³.

У чеченцев и ингушей существовала выработанная столетиями целая система регламентированных взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Так, если женщина должна дать дорогу мужчине, то мужчина обязан проехать так, чтобы оружие его не было обращено к стороне женщины; бить или убивать свою жену считается величайшим позором; общество клеймит презрением такого мужа²⁴.

Непозволительно не только оскорбить как-нибудь девушку, но даже дотронуться до нее рукою, в противном случае его ожидает всеобщее презрение, а иногда и разделка посерьезнее²⁵.

В случае нанесения побоев женщине в ее пользу взыскивался один бычок. Если женщина была беременна и последствием побоев был выкидыш, то сверх того, дело разбирается по шариату²⁶.

Шариат гарантировал женщине защиту ее интересов в случае явного нарушения мужчиной из дозволенного ему в отношении женщины.

По шариату категорически запрещалось похищение женщин, но в то же время шариат знает форму принудительной женитьбы или замужества. Именно на примере регулирования брачно-семейных вопросов среди чеченцев и ингушей происходит реализация основных правоотношений по шариату.

В шариате были четко регламентированы основания для расторжения брака²⁷. Однако анализ состояния брачно-семейных отношений в прошлом приводит нас к выводу о низком уровне разводов в вайнахском обществе в сравнении с современным периодом. При разводе по вине мужа, вследствие нанесения им тяжких оскорблений, несодержании и некоторых других обстоятельствах, жена забирала все свое имущество²⁸. Круг гражданско-правовых вопросов, регулируемых в чеченском и ингушском обществе шариатом, во многом состоял из вопросов: купли-продажи, права распоряжения имуществом, поручительства, возмещения убытков, долговых обязательств, ростовщичества. Безусловно, эти вопросы могли регулироваться и по адату, но с утверждением ислама и шариата они приобретали еще и духовную силу, имевшую сильное божественное значение для вайнахов. Вопросы процессуальной правоспособности и дееспособности регулировались на нормах шариата.

Так, согласно основам мусульманского права школы имама Аш-Шафии, которой следуют в Чечне и Ингушетии, существует следующее понимание указанных вопросов. «Заключаящие (друг с другом торговую) сделку имеют право выбора (между ее завершением и отменой) до тех пор, пока они не разойдутся. Право распоряжения имуществом предоставлено каждому человеку. При этом запрет на распоряжение своим имуществом – *аль-хаджр* распространяется на шестерых: 1) ребенка (до достижения им совершеннолетия), 2) сумасшедшего (до возвращения к нему сознания), 3) глупца, (безрассудно) расточающего свое имущество, 4) оставшегося без гроша (банкрот), которого обременили долги (т. е. несостоятельный должник), 5) больного (находящегося при смерти) в том, что превышает одну треть (его наследства по причине того, что наследники, согласно закону шариата, имеют право на две трети его наследства, это если на нем нет долга, а если на нем долг, поглощающий все наследство, то он не вправе распоряжаться ни одной третью, ни тем, что превышает ее), 6) раба, которому не дали разрешения на торговлю (он не имеет права распоряжаться имуществом своего господина без его разрешения)»²⁹.

«Разрешается уполномочивать и быть уполномоченным другим. Уполномочие (или доверенность – *аль-вакалату*) – есть разрешенное соглашение, и каждый из них (т. е. уполномочивающий и уполномоченный, или доверитель и доверенный) имеет право по желанию на его расторжение. Расторжение предполагается и по причине смерти одного из них. Возможно поручительство в долгах – *замануд-дуюни*, в которых установлен факт долгового обязательства, если (поручителю) известна их величина (род и свойство). Кредитор наделен правом требования (долга) с поручителя или должника (требовать все с обоих, или все с одного из них, или часть с одного и часть с другого). Ростовщичество (*риба*) – взимание процентов с долга запрещено, оно бывает только в золоте, серебре и съестных продуктах (например, пшеница, ямень, сухие финики и соль)»³⁰.

Укрепление шариата способствовало новому восприятию вопросов по кровной мести. Кровник мог быть прощен ради Аллаха и пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). В постановлениях о кровной мести

шариат не ограничивается простым признанием действовавшего до него обычая, а вводит его в определенные рамки: ограничивает сферу его действия, регулирует порядок его проявления и заботится о замене его менее нарушающим внутренний мир и спокойствие порядком.

Шариат, в отличие от адата, указывает на равенство возмездия. При всем этом шариат остается верен исконному народному воззрению, когда распространяет на весь род ответственность за его членов³¹.

Характеризуя правовые отношения по шариату у чеченцев и ингушей, необходимо отметить, что у них существовали также *маслалатан тобнаш* (примирительные комиссии), руководствовавшиеся для примирения сторон преимущественно шариатом и частично адатом. Эти своего рода примирительные (досудебные) комиссии, действовали на смешанном законодательстве и пользовались большой популярностью среди чеченцев и ингушей. Данный институт функционировал в основном как досудебный орган. Документальное подтверждение разграничения применения адата и шариата, принятого коллегиально на заседании Мехк-Кхела, можно встретить у известного чеченского историка У. Лаудаева: «На горе Кеттеш-корт было 100 представителей от всех тайп, которые заседали 10 месяцев»³².

Утверждение ислама в регионе способствовало развитию общинной собственности, однако теперь, помимо тайповых общин, коллективно распределяющих земли, появляется еще один субъект правоотношений – мусульманское духовенство. Мечеть имела свои земли – *джамалатан латта*, доходы с которой употреблялись на нужды мечети. Пшеницу продавали, а выручку тратили на мечеть. Часть шла на праздники; ее делили между теми, кто ухаживал за землями мечети, а также между односельчанами. Обработку земли мечети и организацию всех соответствующих работ вели служители мечети – туркхи³³. По свидетельству Н.С. Иваненкова, в сел. Хулундой на 100 дворов была одна мечеть. Имущество мечети составляли 12 загонов и 300 овец. Это имущество накапливалось в результате пожертвований со стороны сельчан. «Хотя участки, овцы и прочее имущество жертвователей и находится в ближайшем ведении муллы, но все же высший надзор над ними принадлежит обществу»³⁴. Здесь следует понимать, что на начальном этапе это была форма коллективного объединения членов одной общины по религиозному принципу, не позволявшая выделиться мулле и кадию самостоятельно. Все вопросы решались коллективно. Детальное описание собственности, находящейся во владении мусульманской святыни, можно встретить у Н.С. Иваненкова на примере хозяйства мечети в сел. Малые Варанды. Согласно сведениям, приводимым автором, большая мечеть селения распоряжается 8 загонами, передаваемыми на обработку семье, приносящей обществу наибольшую выгоду. Гамхоевская мечеть располагала 28 загонами в различных местах селения, Ведучинская – 9 загонами, Атенбаусская – 28, Кахходойская – 5 и т. д. «Часть зерна, поступающая мечети, – резюмирует Н.С. Иваненков, – сохраняется лицами, обрабатывающими участки. Они же варят галушки из мечетной муки, пекут хлеб и приносят говельщикам в ноябре месяце»³⁵. Мечеть имела в собственности не только пашни, но и другие виды имущества, в частности, сенокосы (*маьждиган цана*), стада мелкокоротого и крупнорогатого скота

(*маьждиган жа/маьждиган даьхни*), что позволяло эффективно оказывать помощь и взаимовыручку нуждающимся членам общины. Фактически мы имеем ситуацию переноса в религиозную среду чеченского института *белхи*, в основе которого лежит коллективная помощь всей общины на безвозмездной основе одному или нескольким домам *цIа*.

Ценность шариатских правоотношений у чеченцев и ингушей заключалась в том, что мусульманское право стало проповедовать необходимость отличать правильные, допустимые обычаи от неразумных, дозволенное от недозволенного. Важно отметить, что укрепление шариата и его применение чеченцами и ингушами в качестве основных правовых отношений способствовало развитию общей концепции права среди данных этносов. В соотношении адата и шариата, существовавшем в древнем вайнахском обществе, шариат значительно способствует прогрессу правопорядка, в первую очередь с позиции гражданской, уголовной ответственности, а также в силу четко обозначенных в нем юридических санкций. Шариат не давал чеченцам и ингушам право свободного толкования.

Использованная литература и источники:

1. См.: Мисроков З.Х. Указ.соч.
2. См.: Зелкина А. – научный сотрудник Школы изучения стран Азии и Африки при Лондонском университете (Лондон). Ислам в Чечне до российского завоевания. Url.:<http://www.chechen.org/302-islam-v-chechne>. (Дата обращения – 10.04.2011 г.)
3. См.: Павленко П.А. Шамиль. Махачкала, 1990. С. 85.
4. См.: Павленко П.А. Шамиль. Махачкала, 1990. С. 85.
5. См.: Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития в XVI – XVIII века. М., 2009. С. 242.
6. Там же. С. 243.
7. См.: Халифаева А.К. Государственно-правовые институты в Дагестане в XIX веке: основные тенденции и изменения. Дисс... к.ю.н. Махачкала, 2004. С. 133.
8. См.: Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963; Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994.
9. См.: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (Сборник документальных материалов) / Под ред. Ш.В. Цогарейшвили. Тбилиси, 1953.
10. См.: Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: Крон-пресс, 1998. С. 305–325.
11. См.: Даниялов Г.-А.Д. Имамы Дагестана. Махачкала, 1996. С. 65.
12. Мисроков З.Х. Указ. соч. С. 63.
13. Коран / Перев. с араб. и комментарии М.-Н.О. Османова. 2-е изд. М., 1999.
14. Исамагомедов А.М. Развитие судебной власти в Дагестане. Махачкала, 2007. С. 46.
15. См.: Шарль К. Мусульманское право. М., 1959. С. 48.

16. См.: Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Вып. II. С. 99; Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 352.

17. См.: Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 106–110.

18. Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. С. 134.

19. См.: Харузин Н.Н. Заметки О юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издающихся при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. 3. С. 126.

20. См.: Иваненков Н.С. Горные чеченцы: Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ: Тип. Тер. обл. правл., 1910. С. 130.

21. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имама Абу Ханифы и Шафии: [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 144.

22. См.: Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. 2–3. М., 1888. С. 139. См.: Арсанукаева М.С. Указ.соч.

23. Гантамирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев ингушей. Дисс... к.ю.н. М., 1972. С. 121.

24. См.: Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 126.

25. См.: Шамиль и чеченцы. Военный сборник. СПб., 1859. Т. 9. №9–10. С. 159.

26. См.: Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 106.

27. См.: Шарль К. Мусульманское право. М.: Изд-во Иностранная литература, 1959. С. 59–60.

28. См.: Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. С. 127.

29. См.: Муртазаев С.Б. Шариат. Краткое изложение основ мусульманского законодательства богословско-правовой школы Имама Аш-Шафии / Перевод и комментарии к тексту Абу Шуджа. Ч. 1. Грозный, 2013. С. 48–60.

30. См.: Муртазаев С.Б. Шариат. Краткое изложение основ мусульманского законодательства богословско-правовой школы Имама Аш-Шафии / Перевод и комментарии к тексту Абу Шуджа. Ч. 1. Грозный, 2013. С. 48–60.

31. См.: Кавказ: закон и обычай: В 2-х т. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. С. 370.

32. Лаудаев У. Чеченское племя. ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 51.

33. Харадзе Л.Р. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей. Кавказский этнографический сборник и очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968; Гамкрелидзе Б.В. Дневник ЧИЭЭ, 1965, тет. №7, 21.

34. Иваненков Н.С. Горные чеченцы: Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ: Тип. Тер. обл. правл., 1910. С. 90.

35. Иваненков Н.С. Горные чеченцы: Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ: Тип. Тер. обл. правл., 1910. С. 89–90.

§4. Особенности рецепции мусульманского права у чеченского и ингушского этносов

Заимствование мусульманского права шейхом Мансуром в качестве регулятора общественных отношений и отправления правосудия на основе шариата происходило посредством прямого противопоставления религиозного закона адату. Это неоднократно звучало в его прокламациях, в которых прямо указывалось, что тот, кто решает дела по адату, делается некоторым образом соучастником Бога, или равняется ему, что делает его неверным. «Да сохрани нас Бог от того, чтобы мы ошиблись в решениях, которые назначены Богом... и да сохрани нас от того, чтобы мы говорили, что есть то, чего нет в книгах Божьих», – заявлял Мансур¹.

Роль шейха Мансура в построении государственно-правовых институтов трудно переоценить, именно им впервые был начат процесс по созданию единой эффективной системы управления не только чеченским обществом, но и другими северокавказскими народами. Идеологическая платформа его государственного образования базировалась на нормах шариата, созданные им государственные органы по управлению обширной территории в своей деятельности руководствовались исламскими догмами.

Появление шейха Мансура неоднозначно было воспринято среди местного духовенства, поскольку, признавая Мансура за шейха, потом и имама, который до этого ничем не отличался и не выделялся среди жителей Алды, муллы отчасти утрачивали свою популярность среди народа. В то же время муллы и кадии, видя популярность среди горских народов проповедей Мансура, не смели открыто выступать против него, особенно тогда, когда обездоленные горские массы поголовно становились под его знамена². Шейх Мансур предпринял меры по проведению комплексной судебной реформы на Северном Кавказе. Суть данной реформы заключалась в выработке единых стандартов отправления правосудия на основе шариата, лишавших некоторых мулл права самостоятельно вершить правосудие по адату. Выстраивается вертикаль судебной системы народно-освободительного движения шейха Мансура. Однако подобная систематизация не могла устроить отдельную часть духовенства, длительное время имевшую самостоятельность при отправлении правосудия на основе шариата.

Документальным подтверждением этому является письмо от 10 декабря 1785 г. к чеченским и другим народам одного из табасаранских духовных лиц, не скрывающего своего недовольства действиями объявившегося в Чечне имама³.

Движение под руководством шейха Мансура способствовало ускоренному формированию целостной шариатской правовой системы в противовес адату и локальному шариату в лице некоторой части духовенства Чечни.

Преемниками шейха Мансура в 1820-е гг. стали шейхи Абдул-Кадыр, Авко и Мухаммад Майртупский, а также имам Яух⁴. Однако главным и наиболее влиятельным руководителем чеченцев после шейха Мансура стал Бейбулат Таймиев, избранный 29 мая 1825 г. военным руководителем чеченцев, а Магома (Мухаммад) Майртупский – имамом, в качестве духовного лидера. По мнению Н.Ф. Дубровина, этот процесс в Чечне стал «первым проявлением административной власти»⁵. Аналогичное заключение сделал также и исследователь Н.И. Покровский, охарактеризовавший решение этого собрания «первой попыткой установить свою администрацию»⁶.

В Чечне фактически была провозглашена государственность во главе с дуумвиратом – светским и духовным лицами, дальнейшая попытка создать единое федеративное горское государство на территории Чечни и Дагестана в 1829 г. не увенчалась успехом, спустя 2 года после этого, в 1831 г., Бейбулат Таймиев был убит своим кровником⁷. При этом следует особо отметить достигнутые успехи Б. Таймиевым в процессе администрирования Чечни, когда в подвластных ему населенных пунктах назначались старшины, подотчетные ему, установлена была система денежных взысканий, а также были сформированы вооруженные силы, насчитывавшие как пехотные, так и конные соединения и отличавшиеся высокой организацией и дисциплиной. В архивных источниках обнаружены подтверждения его организаторской деятельности. Согласно докладу подполковника Сорочана, являвшегося командующим гарнизоном крепости Грозная, в конце лета 1825 г. на имя генерала А.П. Ермолова, чеченским руководителям во всех населенных пунктах, неподконтрольных царской власти, учреждалось «свое начальство, делает старшим по несколько в деревнях с тем, чтобы они старшинам же были послушны, а ежели не выполнит кто, то 10 рублей серебром штраф. А он же требовать будет исполнения от старшин и все сделано по присяге»⁸.

Бейбулат Таймиев является вторым признанным как чеченским народом, так и царской властью руководителем чеченского народа, четко обозначившим основные приоритеты по созданию государственности чеченцев. Внутренняя политика Таймиева была ориентирована на принципы единения через слом вековых родовых отношений, мешавших чеченцам консолидироваться в единое целое. Система управления, введенная Таймиевым, для своего времени была новаторской. В результате прямого назначения старшин выстраивалась вертикаль власти, административная политика управления крупными территориями, населенными различными тайпами, позволила оперативно управлять подвластными землями, избегать внутренних распри и междоусобиц. При этом в отличие от назначаемых старшин, выполнявших роль исполнительной власти, назначение судей происходило путем избрания самим народом. Внешняя политика является результатом его усилий по сохранению чеченского народа от тотального уничтожения, там, где был возможен язык дипломатии, он всегда прибегал к этому действенному инструменту, но при

этом его гибкость не шла в разрез с его полководческими качествами. Считаем важным отметить, что характеристика его организаторских способностей со стороны царской администрации, обозначившей его «атаманом всей Чечни»⁹, была направлена на принижение его статуса и политической роли в регионе.

В отличие от Шейха Мансура, Бейбулат Таймиев хоть и боролся с родовым строем, но при этом пытался создать в большей степени модель светского государства. В этом контексте следует также отметить, что потестарная власть чеченских старейшин при Таймиеве трансформировалась в сугубо совещательно-рекомендательный орган, вся полнота власти сосредотачивалась у одного руководителя в лице Бейбулата Таймиева.

К концу XVIII в. – началу XIX в. у чеченского этноса окончательно сложились психологические характеристики и поведенческие модели, во многом объединяющие их с другими народами Северного Кавказа... Как отмечают исследователи, регламентированность как характеристика чеченского этноса определяет высокую степень стремления его представителей избегать неопределенности и порождает агрессивность в случае девиантного поведения¹⁰.

В первой половине – середине 30-х гг. XIX в. в качестве религиозного и военно-политического лидера Чечни выступил Ташу-Хаджи, мулла из селения Эндери. По одним сведениям, он по происхождению – кумык, по другим – чеченец¹¹. Его талант не только религиозного проповедника, но и военного и государственного деятеля проявляется в селении Майртуп, где на общенародном съезде «с большим трудом добивается принятия чеченцами шариата в качестве основы судопроизводства. Этим он добивается не только утверждения основ ислама в Чечне; более важно другое – единое право должно было положить начало консолидации чеченского народа в освободительной борьбе»¹².

С начала 30-х гг. XIX в. благодаря имаму Шамилю и Ташу-Хаджи впервые в истории Кавказа была создана единая государственность в виде Имамата, сплотившего народы Чечни и Дагестана. Особый интерес у многих исследователей вызывает законотворческая деятельность, внедренная в Имамате. Низамы являлись основой государственного, уголовного, административного, гражданского, финансового и др. отраслей права.

Как отмечалось выше, главным регулятором общественной жизни чеченцев, базой разбирательства гражданских и уголовных дел являлось обычное право – адатское, но с процессом возникновения и развития Имамата как государства шариат в Чечне постепенно вытеснял адат. В Ингушетии власть имама Шамиля не была признана, следовательно, здесь сохранялась сила адата. В основу Имамата были заложены демократические принципы управления горцами в сочетании с религиозными нормами. При этом, о специфике и сущности организованного имамом Шамилем государства в науке имеются разнородные видения и трактовки. Изучая материалы исследователей движения имама Шамиля, можно прийти к выводу, что шариат был единственным способом приучить к единому порядку множество горских народов, входивших в состав Имамата. Ведь, как отмечалось выше, несмотря на определенную внешнюю однородность, адаты горцев не были идентичными

для всех горцев Северного Кавказа, что сказывалось в т. ч. на их разобщенности.

Имамат был, по сути, переходным типом государства горцев Чечни и Дагестана. Переходные формы государства не всегда можно отождествить с одним из известных исторических типов государства. Переходными были и раннефеодальные государства в Западной Европе, когда государство не сложилось как организация политического господства класса феодалов, поскольку этот класс не сформировался¹³. Имам носит титул халифату-ресулла, что значит «преемник посланника божьего»; некоторые же юристы принимают слово «халифат» в значении «наместник», так что они предпочитают титул халифату-ллах («наместник божий»). Другие же утверждают, что Аллах как вездесущий не имеет нужды в наместнике¹⁴.

В период Имамата Шамиля в Чечне шариат является главной правовой системой, регулирующей все стороны жизнедеятельности горцев. Действуя согласно книге (Корану), наказывал тех, кто предавался пьянству, распутству, злодеяниям. Этим он искоренил злодеяния и преступность, вывел людей на истинный путь¹⁵.

Теократия в своем последовательном развитии приводит неизбежно к всемирному господству или, по крайней мере, к господству над всей массой верующих¹⁶.

До создания теократического государства горцев Чечни и Дагестана под руководством имама Шамиля чеченское общество можно охарактеризовать как демократическое, поскольку ярко прослеживались, с одной стороны, неприятие и отсутствие наследственной власти, а с другой – развитая выборная система формирования коллегиальных органов власти Мехк-Кхела (Суда страны) и Мехкан-кхеташо (Совета страны).

Господство принципа неотвратимости наказания, тотальная юридическая ответственность, жесткая система наказания виновных способствовали выстраиванию управленческой вертикали власти, во главе которой стоял сам имам. Имамат в период начального развития сформировал и развил единую социальную политику – гражданского равенства и единства горцев Чечни и Дагестана.

Обязанности имама были сформулированы голландским исследователем Ван ден Бергом. Среди них главными выступают: охранение религии как в отношении внешних религиозных обрядов (дин), так и в отношении чистоты вероучения (иман) против фетиков и лжеучителей, отправление правосудия и попечение о приведении в исполнение наказаний, в особенности худуд, ведение войны для распространения веры, охрана внутренней и внешней безопасности государства и попечение о военном деле, взимание зеката и других доходов казны, управление, т. е. назначение чиновников и надзор за ними¹⁷.

Гражданское судопроизводство проводилось как дибиром, так и муллой, кадием, муфтием. Муфтий выполнял свои обязанности по наибству. К его компетенции были отнесены: гражданские, религиозные дела. Другие (мулла и кадий) проводили разбирательство по селам. Решения данных должностных лиц, вынесенные по шариату, выполнялись на добровольных началах, в случае

отказа добровольно подчиниться решению, процесс разбирался наибом. Апелляция по решению наибо направлялась имаму¹⁸.

Как отмечал М. Ковалевский, большинство вопросов по гражданскому и процессуальному праву регулировались в Дагестане шариатом, а вопросы уголовного права – адатом. «Если не говорить о вещном и обязательственном праве, – констатировал он, – все стороны юридической жизни Дагестана сохраняют следы всестороннего регулирования их обычаем»¹⁹. Среди причин перехода к регулированию гражданско-правовых отношений в судопроизводстве по шариату А.И. Першиц, считает, что в «шариате гражданско-правовые нормы более модернизированы, чем отличающиеся варварской жестокостью уголовные»²⁰. Под жестокими мерами автор имеет в виду имевшие место истязания в Европе.

Из всех условий заключения брака по мусульманскому праву – согласие брачующихся и их сторон, стоимость калыма и соблюдение установленных формальностей – чеченцы и ингуши руководствовались, в первую очередь последними, когда мулла произносил молитву и объявлял брачующихся законными супругами. При этом известный правовед К.С.А.-К. Кокурхаев считает, что при «определении размеров калыма чеченцы и ингуши руководствовались не шариатом, а адатом»²¹. Очевидно, здесь имеется в виду то, что вопросы, не противоречащие шариату, могли регулироваться адатом, в этом и есть, на наш взгляд, проявление в Чечне своей особенной шариатской правовой формы, взаимодействующей с адатом. На это, кстати, указывал и академик А.М. Шагрин, отмечавший калым за невесту как основание всякого супружества²².

Взаимопроникновение адата и шариата отмечает и известный российский ученый Р.И. Хасбулатов: «...когда чеченцы приняли ислам, старые традиции и правила, регулирующие вопросы кровной мести, органически переплелись с шариатским правом, которое тщательно описывает «технологию» возмещения ущерба, в том числе и за разные формы убийства и увечий»²³.

В период распространения ислама в Чечне трактованию основных источников шариата и фикха учились в соседнем Дагестане, где у известных богословов обучались выходцы из Чечни, которые, возвращаясь домой с полученными знаниями, становились востребованными специалистами в области мусульманского права. М.Н. Покровский, отмечавший популярность религиозного просвещения среди горцев в XIX в., отмечал: «Дагестан снабжал весь Восточный Кавказ знатоками арабского языка, чтецами, муллами, кадиями»²⁴.

Как нам представляется, для ислама свойственна специфическая слитность религии и права, следовательно, и наказания, применяемые в шариатских судах, неразрывно были связаны с религиозными предписаниями. Несмотря на определенные различия в видах наказания, мусульманские суды в Чечне, хоть и не смогли вытеснить адат и адатское судопроизводство, все же стали доминирующими в данном регионе. Между тем, и грань между адатом и шариатом как нормами права постепенно стала стираться, что создавало в Чечне специфическую судебную систему, состоящую из симбиоза адата и шариата. Необходимо отметить, что чеченцы в силу своего менталитета

стремились к скорейшему утверждению ислама, но при этом очень медленно переходили на шариатскую судебно-правовую систему в части уголовного права, пытаясь оставить адат там, где это не противоречило бы шариату. Ситуацию, которую изложил К.Ф. Сталь относительно черкесов, можно применить в некоторых случаях и к чеченцам и ингушам: «Приговор по адату или шариату предоставляется выбору тяжущихся. Когда тяжущийся видит, что он по адату выиграет дело, то настаивает, чтобы его судили по адату, упирается на примере своих предков, о шариате же и слышать не хочет. Когда видит, что шариат для него выгоднее, то тяжущийся прикидывается строгим фанатиком, хочет быть судимым не иначе как по книге Божьей...»²⁵.

Стремление шариатской правовой системы полностью наложить табу на формировавшиеся на протяжении столетий социально-политические, культурные и правовые особенности чеченского и ингушского народа заставляли общество стремительно эволюционировать и развивать судебную систему. Поскольку нельзя было переделать божественные законы, лежавшие в основе шариата, возникала необходимость в том, чтобы чеченское общество начало адаптировать адатскую правовую систему под шариат, что сказалось на системе судоустройства и судопроизводства в целом.

Говоря о сторонниках адатской правовой системы, ни в коем случае нельзя представлять их как противников шариата, в данном случае речь идет о психологии горцев, веками живших по законам адатского права и которым было непривычно переходить из одной правовой системы в другую. Тем более ввиду того, что на трактование и решение некоторых вопросов при отправлении правосудия каждая из правовых систем имела свое обособленное мнение.

Однако шариат постепенно завоевывает господство не только в Чечне и Ингушетии, но и в целом на Северном Кавказе. Преимущество шариата перед адатом заключалось в консолидирующей силе первого, защищающего права каждого вне зависимости от сословий и положения. Сила шариата заключалась в незыблемости божественных законов, когда адатские законы были подвластны времени, отчасти конъюнктуре, а главное отличались партикуляризмом.

Ценное значение для историко-юридической науки наравне с низамами имеют письма имама Шамиля, в которых содержатся указы, манифесты, наставления, приказы, предписания и приватные послания к наibaм, руководителям подразделений нижестоящих инстанций, обществам и частным лицам²⁶. Важное значение в них отводится судебно-правовым вопросам, адресованным мусульманским кадиям. Анализ писем приводит нас к выводу, что они содержат предписания по неукоснительному соблюдению норм шариата. Из наиболее известных опубликованных «100 писем» наш интерес вызывают 11 из них, в которых имам Шамиль обращается к мусульманским кадиям: № 24, 32, 43, 55, 59, 61, 67, 81, 83, 87, 99.

После принятия чеченцами и ингушами ислама возросла роль кадиев в вопросах международного сотрудничества, ими не только разрабатывались и подписывались тексты различных посланий, но и принималось активное участие в самих переговорах. Так, «...в 1742–1743 гг. от имени чеченских

князей вел переговоры с иранским шахом Надиром чеченский Казы-хан... Чеченское духовенство разрабатывало и скрепляло внешнеполитические договоры, к примеру, договор с кабардинским Валием (XIX в.)»²⁷.

Институт кадия – судьи (*къеда*), сформировавшись в Чечне после принятия и утверждения ислама, приобрел функции административного характера, что позволило ему конкурировать с системой старшин, которые осуществляли функции по управлению населением, а также делегированию на тайповых собраниях кандидатов в *кхелахой* – судей по адату. Наряду с возросшей ролью кадия среди чеченцев и ингушей, оформление их в самостоятельное сословие, наличие приоритетного права отправления правосудия, следует обозначить, что кадии, будучи избираемыми из общего числа мусульманских богословов по принципу лучшей теологической образованности и просвещенности, а также уважения к их личностям среди чеченцев и ингушей, не имели при этом привилегий и полномочий, выходящих за рамки дозволительного адата и шариата. Это распространялось, в первую очередь на земельные отношения, являвшиеся в Чечне и Ингушетии на протяжении столетий главным показателем статуса в обществе.

Кадии получали земельные наделы на общих принципах общественного устройства чеченцев и ингушей. В очередной раз мы отмечаем, что элемент национальной принадлежности в вопросах выборности кадиев по принципу «коренных» чеченцев остается актуальным и имеет определяющее значение даже после принятия и утверждения ислама в Чечне и Ингушетии.

Однако после создания военно-теократического государства в первой половине XIX в. кадии стали также назначаться имамом.

Назначение и освобождение кадия от занимаемой должности имам Шамиль проводил как сам, так и через наиба, направляя письмо с обращением: «Мы назначаем к Вам такого-то алима согласно предписаниям шариата»²⁸.

Кадий отправлялся в назначенное селение и первым делом шел в мечеть и вставал там на особую молитву, затем он рассматривал дела арестованных, если они существовали, и разбирал их; освобождал, если кто-либо был несправедливо арестован, и осуждал виновного. Разбирал также вакуфные дела, завещания и т. д., вникая в каждое дело, намечая конкретные мероприятия по разрешению этих дел справедливо, проверял действия судебных исполнителей селения, распорядок, установленный в мечети, правила поведения учащихся при мечети (муталимов), занимался преподавательской работой... Обычно кадий жил в мечети селения²⁹.

В низамах же была регламентирована целая система наказаний, предусмотренных за совершение преступлений, в том числе устанавливалась и ответственность должностных лиц.

Низам не был единым сводом законов. Согласно местной правовой традиции, принимаемые указы время от времени приписывались к «тетрадке» законов, хранившейся в резиденции Шамиля. Копии низама рассылались заместителям – наibaм имама³⁰.

Согласно низамам (положениям), утвержденным Шамилем, при Диван-Хане имелись ведомства – отделы по надзору за исполнением шариата, судебным делам и т. п.

Имамат Шамиля имел совет по особо важным делам, казну, флаг и столицу. Вместе с тем, мы не можем согласиться с мнением С.К. Бушуева, что «власть Шамиля была ограничена Советом и Съездом наибов, алимов и других представителей местной власти»³¹. Наше несогласие в данной позиции выражено тем, что единственный орган, который мог ограничить власть имама Шамиля, древний чеченский судебный орган Мехк-Кхел, был им же и упразднен. При этом мы должны особо подчеркнуть, что существовавшие низамы в Имамате регулировали законодательно многие вопросы, в том числе и управленческого характера. Структура «Низама» (порядок) представляла собой сборник разного рода постановлений и мер, которые по духу и букве закона полностью соответствовали требованиям шариата. Низамы представляли собой, по словам Шамиля, «собрание различных правительственных мер, касающихся безопасности, прав, благосостояния народонаселения и усиления средств к сопротивлению внешним врагам»³². Термин «низам» в значении государственного шариатского законодательства появился во второй половине 40-х гг. XIX в., но первые вошедшие в него указы были изданы на рубеже 1830–40-х гг. Последние изменения в Низам внесены в 1858–1859 г. В 1841 г. при имаме был создан верховный судебный законодательный орган, в обязанности которого и входила подготовка Низама. Известно, что было создано 13 низамов по различным отраслям права: государственному, уголовному, гражданскому, уголовно-процессуальному, семейному, финансовому и т. д.³³. Низамы регулировали вопросы денежных штрафов, наследства и брачных дел. Территориально Имамат был поделен на наибства (наместничества), общее количество которых в некоторые годы доходило до 30. Над наибом стоял мудир – генерал-губернатор. Закрепления низамов должны быть подразделены на определенные виды. Предписания государственного управления и военного дела суммарно представляют самый большой цикл (сбор). Указанные предписания возникли первоначально всех (с 1842 г. наобы обязывались рассматривать воинские преступления согласно своду законов Шамиля)³⁴. Наказание заточением было наиболее распространенным и эффективным средством. Наказанного заточали в маленькую яму, сравниваемую с теми, кто в ней побывал, (включая и имама) с преисподней³⁵. Экзекуции (наказание части населения и целых деревень) применялись в Чечне, но не в Дагестане. Дагестанские горцы, находясь под властью Имамата, всегда повиновались соответствующим распоряжениям³⁶. Здесь, на наш взгляд, в очередной раз проявляется любовь чеченцев к свободе, очевидно, что экономические и военные обременения, которые в большей степени лежали на Чечне нежели Дагестане, не могли не вызывать возмущения в чеченских обществах, недовольных внутренней политикой имама. Однако аулы, куда ссылались осужденные, находились в Дагестане, речь идет об аулах Читль и Акнада – места с суровыми климатическими условиями. Прапорщик И. Загорский, побывавший в плену, рассказывал: «Все наказания приводят в исполнение с величайшей точностью и нужно сказать правду, что преступления становятся очень редки. Теперь через всю страну, над которой распространяется власть Шамиля, можно смело одному человеку провозить тюки золота без опасения лишиться их»³⁷. Шамиль тонко и эффективно

приспособил шариатское право к политическим потребностям своим и своего государства. «Низам» как кодифицированное законодательство способствовало совершенствованию системы Имамата, дальнейшему упрочению централизованной единоличной власти³⁸. В другом своде содержались предписания по гражданскому циклу. В них запрещалась расчистка и вырубка леса без соответствующего одобрения³⁹, сотрудничество с русскими⁴⁰, обращение денежных монет во взаиморасчетах с русскими, которые были произведены в Тифлисе, не пользовавшиеся доверием среди горского населения; фальшивомонетничество⁴¹. Был разработан и введен в действие низам по брачным делам, который был направлен на создание семьи с минимальным размером калыма. Связано это было с тем, что его высокая величина не позволяла заключать браки, результатом этого обременения в Чечне было «множество девок с седыми волосами и совсем дряхлых стариков, весь свой век проживших холостыми»⁴². Вопросы о праве на наследство и порядок наследования также были регламентированы в специальном низаме, сам имам Шамиль охарактеризовал его как рассчитанный на «сто тысяч случаев». Обращение в делах такого рода исключительно к шариату, в котором права наследников изложены в совершенной подробности, на каждый из ста тысяч случаев⁴³. Данный свод правил не имел направленного отношения к религиозным аспектам. Однако, имам Шамиль по мере возможностей, пытался отождествить их с фикхом и создать под ними теологический фундамент. Иной свод правил был отнесен к шариату напрямую. Третий свод правил: содержал конкретные предписания по шариату, а также комментарий этих предписаний. В числе таковых, были правила соблюдения пощады плененного врага⁴⁴, брачно-семейные, наследственные отношения, ранее регулируемые по адату. Здесь же содержался принцип предписания по решению, связанному с двойным толкованием по факту совершенного: относительного того, как поступать в отношении убийства гостя, в случае если первый покушался на жизнь принимающего⁴⁵. Следующий свод правил главным образом комментировал новеллы по введенному в имамате шариату и содержал конкретные наказания по совершенному преступлению. Воровство подвергалось наказанию отсечением правой руки, согласно нововведениям: в первый и во второй раз вор подвергался трехмесячному лишению свободы, в третий раз – смерти.

Наказание за пьянство составило более 40 ударов палкой, как и обязывалось по шариату, а за повторное нарушение казнился⁴⁶.

Имам Шамиль налагал строгий запрет на умыкание девушек (даже по обоюдному согласию), в соответствии с данным запретом «...и похитителя, и похищенную девушку возвращали родителям и подвергали телесному наказанию, а муллам, скреплявшим брак, зашивали рот»⁴⁷.

Не вызывает сомнения тот факт, что Шамиль вошел в историю не только как великий управленец, успешный полководец, но и как талантливый реформатор-законотворец, разработавший правовые нормы на основе шариата, которые легли в основу судебной власти Имамата. Однако, отмечая его высокие организаторские способности, нужно отметить, что именно при имаме Шамиле, сосредоточившем единовластие в своих руках, чеченцы лишились

своего древнего судебного института Мехк-Кхела. При этом не лишним будет отметить, что именно Мехк-Кхел в свое время сыграл важную роль в принятии ислама чеченцами и значительной рецепции адатского права чеченцев с нормами шариата. Ведь рецепция это постоянно протекающий процесс перетока и обмена юридическими идеями⁴⁸.

На наш взгляд, основное преимущество шариата перед адатом заключалось в том, что последний визуально защищал интересы личности или отдельного тайпа, но в целом он дробил общество на отдельные территории, где конкретный адат мог действовать лишь в пределах определенной территориальной зоны, а шариат был универсален и не знал границ и привилегий. Несмотря на все усилия шариатской правовой системы, которая запрещала кровную месть, адатская правовая система не была искоренена. При этом развитие мусульманского права и его применение в судебной практике в Чечне стремительно возросло.

Вместе с тем, отмечая существовавший партикуляризм в адатах Большой и Малой Чечни, мы считаем важным подчеркнуть, что он несоизмерим с теми масштабами, которые отмечает А.К. Халифаева применительно к Дагестану, «где в XIX веке действовало около 60 партикулярных систем адата»⁴⁹.

Мы рассмотрели вопросы организации шариатского правосудия в государственном образовании шейха Мансура и государстве имама Шамиля. В этой связи их следует выделить официальной частью рецепции мусульманского права. При этом не менее важной, а в определенной степени основной религиозной силой в Чечне и Ингушетии всегда выступали *вирдовые* братства, структуру которых мы разбирали ранее.

Здесь важно отметить, что *вирдам* в Чечне и Ингушетии принадлежит первостепенная роль распространения в массах начал мусульманского права и его понимания. В отличие от политических систем, в Чечне и Ингушетии вирдовая система не поддавалась трансформации и всегда имела свою определенную линию, ориентированную на строгое выполнение принципов шариата в массах. Следует отметить, что в конце XX – начале XXI вв. вирды станут активными участниками политических процессов, происходивших в Чечне и Ингушетии, выступая сторонниками политических деятелей.

Нам представляется ошибочным мнение, что сохранение адатского права и его сосуществование с мусульманским правом свойственно лишь традиционным обществам Чечни и Северного Кавказа в целом, поскольку «живучесть местных адатов, которые оттесняют нормы мусульманского права, обнаруживается в ряде арабских стран до настоящего времени, поэтому власти этих стран вынуждены допускать существование судов, основанных на обычном праве. Подобные суды наряду с шариатскими судами сохранялись в Ираке до конца 50-х гг., в НДРГ до 70-х гг. XX в., в Иордании они продолжают существовать до сих пор»⁵⁰.

Использование мусульманского права в судопроизводстве широко продолжилось и в последующем, в т. ч. и в советский период. В 1920–21 гг. С.М. Киров и И.В. Сталин выступали с заявлениями о допустимости шариатских судов, выражая свое уважение к шариату и почтительное понимание их традиций⁵¹.

Использованная литература и источники:

1. См.: Акаев В.Х. Указ. соч. С. 16.
2. Ахмадов Ш.Б. К вопросу о времени окончательного утверждения ислама в Чечне и Ингушетии // Вестник Академии наук Чеченской Республики Ичкерия. №2. 1999. С. 127.
3. Ахмадов Ш.Б. К вопросу о времени окончательного утверждения ислама в Чечне и Ингушетии // Вестник Академии наук Чеченской Республики Ичкерия. №2. 1999. С. 127.
4. См.: Роцин М.Ю. Указ. соч. С. 29.
5. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 530.
6. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 143.
7. См.: История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Грозный, 2006. С. 507, 817–818.
8. РГИА. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 340. Л. 21.
9. АКАК. Т. VII. С. 969.
10. Кадыров А.А. Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения. Дисс... к.полит.н. М., 2003. С. 36; Содатова Г.У. Этничность и конфликты на Северном Кавказе / Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994. С. 134–138.
11. Закс А.Б. Из истории первого периода Шамиля. Ташу-Хаджи наиб Шамиля. М., 1943. С. 11.
12. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Грозный, 2006. С. 544–545.
13. См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М., 1971. С. 33.
14. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 189.
15. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 577.
16. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 16.
17. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 189.
18. Исагагомедов А.М. Развитие судебной власти в Дагестане. Дисс... к.ю.н. Махачкала, 2006. С. 65.
19. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890. С. 127. Цит. по Исагагомедов А.М. Указ. соч.
20. См.: Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследование по общей этнографии. М., 1979. С. 225. Цит. по Исагагомедов А.М. Указ. соч.

21. Кокурхаев К.С.А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989. С. 68.
22. См.: Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях. Кавказ. №27. 1846.
23. См.: Хасбулатов Р.И. Чужие (Историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). Кремль и российско-чеченская война. М.: ИД «Грааль», 2003. С. 57.
24. Культура и традиции народов Дагестана. Махачкала, 2007. С. 95.
25. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. 21. С. 158.
26. См.: Памятники письменности Дагестана. 100 писем Шамиля. Вып. 1. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН: Редакция «Ирс», 1997.
27. См.: Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития в XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 245.
28. См.: Памятники письменности Дагестана... С. 234.
29. Там же.
30. Исмаилов М.А. История государства и права Дагестана. Ч. 1. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2010. С. 303.
31. См.: Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939. С. 18.
32. Руновский А. Кодекс Шамиля. Военный сборник. Т. XXIII, отд. II. СПб., 1862. С. 330.
33. Исмаилов М.А. Указ. соч. С. 303–304.
34. См.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Сб. документов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. С. 404.
35. См.: Церетели Г.В. Вновь найденные письма Шамиля. Тр. первой сессии арабистов. М.-Л., 1937. С. 104.
36. См.: Руновский А. Кодекс Шамиля. Военный сборник. Т. XXIII. СПб., 1862. С. 340.
37. Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века. Дисс... к.ист.н. СПб., 2003. См.: Так же Ибрагимов З.Х. Указ. соч.
38. См.: Руновский А. Кодекс Шамиля. Военный сборник. Т. XXIII. СПб., 1862. С. 327–386.
39. Еще один низам // Письменные памятники Востока. 1975. М., Наука. 1982. С. 169.
40. Еще один низам. С. 169.
41. Руновский А. Кодекс Шамиля. С. 378–380. В этой статье собраны все сведения о законодательской деятельности Шамиля из дневника Руновского.
42. Руновский А. Кодекс Шамиля. Военный сборник №2. СПб., 1862. С. 346.
43. Там же. С. 345.
44. Мухаммад Тахир аль-Карахи «Барикат аль-суййуф аль-Дагистания фи бад аль-газават аль-Шамилия» / Ред. А.М. Барабанов. М.-Л., 1946. С. 117.
45. См.: Руновский А. Кодекс Шамиля. Военный сборник. Т. XXIII. СПб., 1862. С. 342–344.

46. Там же. С. 338–339.
47. Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М.-Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2012. С. 152; Маремшаова И.И. Менталитет в семейных и общественных традициях: Кабарда, Балкария, Карачай. Нальчик, 1999. С. 48.
48. См.: Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРАМ, 2013. С. 285.
49. См.: Халифаева А.К. Государственно-правовые институты в Дагестане в XIX веке: основные тенденции и изменения. Дисс... к.ю.н. Махачкала, 2004. С. 111.
50. Акаев В.Х. Ислам и горские адаты на Северном Кавказе. Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе / Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 23. Ростов н/Д: Изд. СКНЦ ВШ, 2004. С. 20.
51. Нефляшева Н.А. Мусульмане Северо-Западного Кавказа: ислам и власть (20-е гг. XX в.) // Сб. «Ислам и право в России»: Материалы научно-практического семинара «Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в отношении российских мусульман (Северный Кавказ, Поволжье). Вып. 1 / Сост. и ред. И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. М.: РУДН, 2004. С. 56.

§5. Шариатские судебные органы и процесс

Правосудие, согласно шариату, должно совершаться беспристрастно, шариат не допускает изменений в правилах совершенного правосудия по фикху.

После утверждения ислама в Чечне здесь начали функционировать шариатские суды (*шарп-кхел*). Если в адатском праве судьями могли быть избраны в основном почтенные старцы, знающие адаты и народные обычаи, то в шариатских судах роль судей выполняли ученые алимы, умеющие трактовать Коран и для которых не было ограничений по возрастному цензу.

Утверждение шариата происходило посредством того, что нормы шариата и адата нередко приходили в противоречие друг с другом. Горцы имели возможность выбора суда, но решение по избранию шариатского или адатского суда должно было приниматься сторонами обоюдно. Шариатский суд первоначально появился в юго-восточной части Чечни, стал быстро распространяться по всей ее территории.

Состав суда состоял из трех ученых кадиев и семи мюридов, выполнявших роль судебных заседателей. Шариатское судопроизводство, в отличие от адатского, основывалось на арабской письменности, и в этом было одно из его преимуществ перед адатским судопроизводством. Решение, принятое шариатским судом, было письменным и скреплено подписью кадия и заверено печатью с аятом из Корана. Исполнение вынесенного решения было

обязательным для всех сторон*. Процесс в шариатских судах был так же, как и в адатских, гласным и публичным.

Несмотря на некоторую позиционную схожесть, нормы адата и шариата, как составляющая часть мусульманского права, в значительной мере не совпадают, они часто противоречат друг другу. В шариате по многим преступлениям содержатся конкретные соответствующие нормы, нарушение которых влечет адекватное наказание. Несовпадение друг с другом норм адата и шариата приводит к разному судебному толкованию в шариатских и адатских судах как гражданских, так и уголовных дел. Существенным преимуществом шариатских судов перед адатскими в Чечне являлась имевшаяся в них единая система процессуальных правил и строгая учетность дел, которые записывались на арабском языке.

Система наказаний за совершенные преступления по шариатскому суду предусматривала и телесные наказания, к которым в вайнахском обществе относились крайне скептически. Телесные наказания, применяемые в шариатских судах, являлись характерной особенностью, которая отличала шариатское судопроизводство от адатского. Укрепление шариата и его преимущественное применение в чеченских судах происходит в период, когда в Чечне разворачивается народно-освободительная борьба под предводительством шейха Мансура в 1785–1791 гг.¹

По сути этот период в изучении права и суда чеченцев и ингушей нами классифицируется как первый период противостояния адата и шариата и процессом укоренения последнего. Желających разбираться по адату и по шариату в Чечне на тот период было примерно поровну. Однако авторитет шейха Мансура в народной среде был чрезвычайно высок, к тому же за ним стояла военная сила, а в руках у него была власть, которую он эффективно использовал. Таким образом, говоря современными терминами, происходило применение административного ресурса в отношении суда. Но вмешивался ли Мансур в судебные дела? Мы склонны считать, что он скорее ограничивал власть мулл, считавших себя последней инстанцией в судебных разбирательствах.

Западноевропейский исламовед Александр Беннигсен, концептуально исследовавший политическую и религиозную деятельность шейха Мансура, в числе направлений его деятельности выделял «...борьбу против адатов, и введение убеждением или силой закона шариата (sarī'a), а также священную войну (газават), которая ведется сначала против соблюдающих адат, затем против «неверных» (kaфіrs) и, наконец, против русских»².

Как отмечает Самойлов К.: «В магометанских обществах Чечни в прежнее время были два рода суда: по адату, или обычаям, и по шариату, т. е. на основании закона. Суд по адату принадлежит выбранным посредникам, по шариату же могли судить только муллы и кадии. Каждый имел право избирать род суда по произволу, теперь же это право осталось только у чеченцев, подчиненных нашему управлению... Вместе с уничтожением суда по адату вся судебная власть перешла в руки муллов и кадиев, которые разбирают дела на основании изречений Корана»³.

Идеологическим оружием Шамиля был ислам и шариат, а лозунгами – газават⁴. Военно-административная система данного государства представляла собой стройную систему управления и подчинения, с должностями наибов, сотенных командиров и муллami. В государственно-правовом строительстве нового государства принимал личное участие сам имам Шамиль. Его политические действия в процессе организации государственной системы Имамата высоко оценивались как русскими, так и западноевропейскими авторами, занимавшимися исследованием данного вопроса. «Шамиль, – писал Эдмонд Тексье, – был не только военным деятелем, но и хорошим законодателем... он сумел объединить враждебные племена и создал у них общие стремления; он создал регулярное войско среди народа вольных воителей, объединив ряд племен под знаменем священной войны; он дал им общий гражданский закон»⁵.

Для нас талант имама Шамиля в рамках данного исследования интересен не столько с позиции блестящего военачальника, а, прежде всего, с позиции его законотворческих успехов в столь сложном многонациональном регионе как Северный Кавказ. Так, в свое время Эдуард Мерлье, высказываясь о руководителе горцев, отмечал: «Он был не только великим воином, но и крупным законодателем. Он ежедневно проводил много часов за работой в своем кабинете, заваленном книгами и пергаменами»⁶.

Шамиль с исключительным усердием занимался разработкой мусульманских догматов, особенно шариата, которые он позже превратил в законодательные нормы в созданном им государстве⁷.

Аналогичное мнение высказывает российский историк А.А. Каспари, который отмечает: Руководитель Шамиль являлся одной из выдающихся личностей XIX века и определенно внес законность и порядок там, где исконно царило лишь кулачное право⁸. Категорически не согласимся с термином «кулачное право», как раз напротив существовавшая в древности система адатского права была направлена на то, чтобы сдерживать возможные проявления жестокости и агрессии.

На основе общих принципов шариатского правосудия предпримем попытку реконструировать шариатский суд в Имамате. Разбирательство в шариатских судах, как правило, происходит, с обращения судьи к истцу об изложении своей претензии, после чего обращается к ответчику с вопросом признания и обоснованности им иска. В случае несогласия кадий предлагает истцу представить доказательства своей правоты. Данная процедура основывается на изречении пророка: «Истец обязан привести доказательство, а тот, кто отрицает правомерность иска, должен дать клятву»⁹.

По шариатскому судопроизводству должны быть представлены типология доказательств и система преступлений и наказаний. Типология доказательств по мусульманскому праву представлена признанием, свидетельскими показаниями или присягой. Документы сами по себе не имеют самостоятельную доказательную силу для разрешения дела, их правильность и законность должны были быть подтверждены свидетельскими показаниями¹⁰. Отсутствие свидетелей при отправлении суда по шариату, как и по адату, предполагает принесение клятвы, если же в доисламский период чеченцы

клялись именем своих божеств или тайпов, то после принятия ислама клятва совершалась на Коране. Клятва начинается священными словами: «Валлахи, Биллахи, Таллахи». Чеченцы до сих пор прибегают к данной клятве даже в обиходной жизни.

Мусульманская правовая доктрина не могла поставить под сомнение, что человек верующий может совершить ложную клятву на Коране. Однако, как нам представляется, человек, совершивший преступление, вряд ли считает это обстоятельство существенным ограничителем собственного сознания, ибо истинно верующий человек изначально умышленно не совершит деяние, запрещенное Кораном и осуждаемое адатом.

Уголовно-правовая концепция мусульманского права понятие «преступление» отождествляет с антирелигиозным характером. Примечательно, что в мусульманском уголовном праве грехи и преступления носят практически идентичный характер. Было бы ошибочным считать, что мусульманские судьи – кадии – не могли ошибаться вообще при разбирательстве дел. Об этом свидетельствуют слова пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует): «Воистину вы обращаетесь ко мне за разрешением вашего спора; возможно, один из вас окажется красноречивее другого в изложении своих доводов, и я вынесу решение в его пользу на основе услышанного от него; но если тем самым я присужу ему право, принадлежащее другой стороне спора, то наделю его языком пламени адского огня»¹¹.

В суре «Корова» Аллах говорит: «И не поглощайте состояния друг друга ложными средствами, и не пытайтесь сделать это посредством судей, чтобы могли вы поглотить часть имущества людей не по праву...»¹². Система и организация судопроизводства всех мазхабов практически одинаковая. Их суды равно называются шариатскими, вершители судебных дел – кадиями (судьями)¹³. При этом по некоторым позициям судебной практики, мнения известных мазхабов мусульманской правовой доктрины (фикха) могут не совпадать, их объединяют основные критерии, предъявляемые к носителям правосудия кадиям – шариатским судьям. На этот пост утверждается мусульманин (дееспособный), наделенный трезвым умом и пронизательностью, позволяющими ему справедливо и беспристрастно разбираться в тех или иных делах и принимать справедливое решение.

Права, в отношении которых судья не может вынести приговор, называются дий'ани хакк – «религиозным правом», т. е. правом, прочно утвердившимся в соответствии с религией. Хотя лицо, допустившее ущемление этого права, не может быть по приговору кадия подвергнуто наказанию, оно ответит за содеянное перед собственной совестью, а главное – перед Аллахом. Это в исламе самое важное право, подобного которому нет в светских системах¹⁴. Судебная власть в Чечне и Ингушетии в XIX в. представляла собой соединение многогранных правовых систем. В основе организации и функционирования шариатских судов лежит мусульманская правовая доктрина. Мусульманские юристы выражали единое мнение на исходные начала правосудия, утвержденные такими главными источниками мусульманского права, как Коран и сунна, под которой принято понимать нормативную

практику пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), отраженную в хадисах.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что по определенным вопросам создания и деятельности шариатских судов мнения, авторитетных мазхабов мусульманской правовой доктрины (фикха) не всегда идентичны, необходимо констатировать некоторые единые принципы их отношения к пониманию столпов.

Имамат Шамиля – крупное государство горцев Чечни и Дагестана, возникшее в период народно-освободительного движения в первой половине XIX в., основной идеологической платформой которого стала религия, способствовавшая широкому распространению шариата. Анализ исторических материалов и сведений сформировал нашу исследовательскую позицию, в основе которой лежит вывод о высокой степени развитости административно-управленческого ресурса данного государства. Организованная законодательная и исполнительная власть, наличие разветвленного аппарата принуждения, мобильных вооруженных сил для отражения внешней агрессии – все это в совокупности способствовало внутренней дисциплине и поддержанию общественного порядка в горской среде. Официальными языками в Имamate считались чеченский, аварский, кумыкский. Языком делопроизводства был арабский. Численность населения Имамата составляла около одного миллиона населения. Территориальный и национальный состав Имамата был представлен Чечней, Дагестаном, рядом обществ Ингушетии (вилаyet Калай), аулами цоринцев и галгаев. Карабулаки и ингуши признавались в составе наибств Малой Чечни, так как многие из них перебрались в непокорные аулы Малой Чечни. Были также неудачные попытки присоединить назрановское общество плоскостной Ингушетии¹⁵. Важное значение в имамате занимала созданная судебная власть, едино осуществлявшая правосудие как для Дагестана со свойственным ему до этого времени правовым партикуляризмом адатов различных феодалов, так и для Чечни с характерным демократическим принципом социального равенства и коллективной ответственности тайпа за своих членов.

Хронологический цикл объединенного горского государства нам представляется в виде 3 основных этапов: первый этап с 1828 по 1839 г., ознаменовавшийся возникновением и распространением идеологии единого кавказского шариата; второй этап с 1840 по 1850 г. – создание объединенного военно-теократического государства с характерными атрибутами – вооруженные силы, правительство, казна, судебная, законодательная власть, столица государства Дарго (Чечня), позднее Ведено (Чечня); третий заключительный этап с 1855 по 1859 г. – ослабление государства и военное поражение, приведшие к потере независимости и включению Чечни и Дагестана в состав царской России. Возвращаясь к теме религиозной основы созданного государства, необходимо дать ей определение – это форма консолидации единоверцев перед внешней угрозой без цели распространения миссионерской деятельности и захватнической политики в отношении сопредельных территорий Осетии и Грузии, населенных преимущественно немусульманским населением. Гази-Магомед, ставший имамом Чечни и

Дагестана, добивался установления равенства. Его политические установки были понятны Чечне и адресованы в большей степени феодальному Дагестану: «Магометанин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не обязан платить налоги, даже мусульманину. Мусульманин – должен быть свободным человеком, и между ними должно быть равенство»¹⁶. В 1837 г. Ташу-Хаджи и чеченский тхьамада Уди-мулла пригласили Шамиля в Чечню для объединения сил и средств горцев для укрепления шариата. Возрастающая роль шариата вызывала серьезную озабоченность у военного командования царской России на Кавказе. С целью мирного усмирения горцев посредством религиозного убеждения в регион был приглашен казанский мулла Таджеддин Мустафин, на которого возлагалась миссия склонить горцев к прекращению сопротивления. В результате его проповеди в крепости Грозная и в с. Чиркее жители сел Эндери, Аксая и 29 чеченских аулов принесли присягу России¹⁷. Но последовавшие карательные экспедиции царских войск в отношении других сел Чечни привели к обратному результату. Утверждение шариата в Чечне проходило через противостояние с адатом. Неприятие шариатских реформ побуждало имама Шамиля применять военную силу. В частности, в 1840 г. он отправился в военный поход с целью заставить население Шубутского и Чеберлоевского общества принять шариат. При проведении военной экспедиции на имама было совершено покушение¹⁸. Совершенное покушение говорит о наличии в чеченском обществе противников внутренней и внешней политики имама Шамиля. Административная система, организованная в Иمامате, поделила государство на 3 крупных территориальных субъекта: Чеченский, являвшийся ядром государства и его главной не только экономической опорой, но и военной силой, Аварский и Андалальский субъекты, выступавшие тыловой частью государства. В состав этих трех областей входили 16 округов, в которых были сосредоточены наибства. Одно из главных значений в организации деятельности Имамата сыграл именно Диван-хане, созданный в начальный период образования военно-теократического государства в 1841 г.

Имам Шамиль решительно устранил такой неудобный для него пережиток патриархально-родового управления, как народное собрание. Под страхом смертной казни было запрещено созывать людей без разрешения Шамиля или наибов¹⁹. В данном случае, как нам представляется, речь идет о чеченском Мехк-Кхеле, в котором имам Шамиль видел для своей единоличной власти опасность и угрозу.

Созданный в имамате Диван-хане был образован по образцу чеченского Мехк-Кхела. Но если в чеченском Мехк-Кхеле членами были только чеченцы, то в Диван-хане Имамата входили представители не только Чечни, но и Дагестана. Фактически перед нами предстает типичная модель государственного совета, с той лишь разницей, что, помимо совещательно-консультативного предназначения, на его заседаниях могли заслушиваться сложные судебные дела, это обстоятельство также проводит параллель между Диван-хане и Мехк-Кхелом. Можно предположить, что в подобных случаях Диван-хане выполнял роль судебной коллегии Высшего суда при имаме. В состав Диван-хане входили наиболее доверенные лица имама, а также алимы,

командиры военных отрядов, кадии, наибы округов. Решения принимались в форме открытого голосования по принципу простого большинства. Расширенное заседание совета проводилось в случае, если предмет обсуждения представлял повышенную важность для государства. Среди таковых особо стоит обозначить съезд, состоявшийся в 1846 году в Андии, когда на расширенном заседании Диван-хане был принят свод законов «Низам»²⁰.

Кодификация законов способствовала снижению кровной мести в Чечне, поставила вне закона феодальную знать Дагестана, систематизировала и упорядочила правовую систему, в том числе в части регулирования брачно-семейных отношений, определив единый размер выкупа невесты (*там-мах*). На законодательном уровне были гарантированы материальные выплаты вдовам погибших. К военным преступлениям относилась неявка на службу. В качестве наказания по судебному решению наиба виновный заключался в яму на определенный срок, либо к нему применялись телесные наказания в виде палочных ударов. Судебная организация по гражданским делам была выстроена с ориентиром на административную систему. Во главе региона стоял наиб, само наибство разделено на округа, которыми руководил мазун, при нем находился мулла. Аульный мулла разбирал дела небольшого значения. Принятое им решение поступало на утверждение мазуну. В случае, если дело приобретало в процессе разбирательства сложный характер, то оно передается на рассмотрение с последующим принятием решения в вышестоящую инстанцию наибоу.

Служба исполнения наказания как постоянный орган при наибствах состояла в среднем из 100 до 300 стражников. Ставка высшего суда при имаме Шамиле находилась в столице государства Дарго. Наполнение казны государства происходило за счет трех основных статей: 1) закат или десятая часть с доходов имения; 2) хомуз – пятая часть со всей добычи и 3) бойтиулемом – штрафные деньги, изыскиваемые за разные преступления, и имущество, оставшееся по смерти казненного преступника. Учрежденный Шамилем в 1841 г. государственный институт Диван-хане как государственный орган был создан для решения приоритетных задач, направленных на эффективное управление государством, включал членов, располагавших его доверием, авторитетных наибоу и духовенства. В основные функции Диван-хане входило также и разрешение судебных вопросов. Заседания совета и суда осуществлялось во главе имама Шамиля с участием секретаря, наибоу входивших в Дивана, судей и других приглашенных участников. В мирное время два раза в неделю (понедельник и вторник) Шамиль самостоятельно исследовал жалобы от тяжущихся. Однако он не торопился с приговором. Он любил утверждать, что правитель обязан все знать, но быть очень внимательным при определении наказаний, чтобы не наказать невинного. По сложности дела, он предварительно наводил через наибоу необходимые справки. В наложении взысканий Шамиль вообще следовал шариату, но, как имам, считал себя вправе и усиливать степень наказания²¹. Здесь следует отметить, что Имамат был военно-теократическим государством, следовательно, вряд ли имам Шамиль мог выходить за рамки дозволенного по шариату при осуществлении наказаний.

Стоит отметить, что исполнительная (административно-военная) власть наибов была отделена от судебной. Каждый наиб в пределах порученного ему наибства был фактически облечен почти всей полнотой власти, за исключением только права предания смерти виновного. Последнее право принадлежало самому имаму, при котором всегда был палач с секирой²².

Наиб, по сути, был губернатором региона. За дела судебные нес ответственность кадий, но в силу наличия административного ресурса нельзя исключить возможности определенного влияния со стороны наиба на суд.

При имаме Шамиле произошла унификация судебно-административного управления Чечни и Дагестана, что коренным образом изменило общественно-политическую ситуацию в регионе, а главное в сознании самих горцев, за долгое время привыкших к вольнице. Имам направил военную активность горцев в политико-государственное русло, обуздав стихию набегов с помощью единовластия, армейской организации и дисциплины, новой идеологии и поставленных ею высоких целей (газават, шариат)²³.

Шамиль во многом копировал в своих действиях шейха Мансура. Он создавал новую государственную систему среди многоплеменного населения Дагестана и Чечни. В ней он осуществил целый ряд военно-административных и социально-экономических реформ: разделение страны на наибства, организацию судебного и духовного аппарата власти, организацию армии, учреждение главного имамского совета, создание государственной казны, поощрение торговли и ремесел, уничтожение и ликвидацию ряда привилегий ханов и беков, освобождение рабов... Более того, это было, несомненно, прогрессивным явлением в сравнении со своекорыстной, продажной политикой и низкопоклонничеством шамхалов, ханов, уцмиев и беков, которые пресмыкались перед русским генералитетом и продавали страну оптом и в розницу, за что Шамиль беспощадно рубил им головы²⁴. Упоминание в данном утверждении «шамхалов, ханов, уцмиев и беков» применяется к дагестанской территории Имамата.

То, что послужило усилению владычества Шамиля среди дагестанцев, послужило ослаблению его среди чеченцев²⁵.

Как свидетельствуют исторические источники, не всякое единоличное управление со стороны имама Шамиля чеченцами, привыкшими руководствоваться коллегиальными решениями, воспринималось с покорностью и пониманием. Исследователь С. Фарфоровский в качестве примера приводит несостоявшееся назначение наиба Магомы в одно из обществ Чечни. Весьма показательны слова чеченцев посланникам имама: «Никогда не забывайте, что чеченцы всегда были свободными и умрут свободными. Как над соколами смешно назначить наибом ворона, так глупо Магоме быть начальником над нами»²⁶.

Шамиль видел в свободных и не привыкших подчиняться единичных личностях чеченцев опасное противодействие своим намерениям. Будучи даже незнакомым с трудами Н. Макиавелли, он руководствовался его методами. Чечня и Дагестан рассматриваемого периода, объединившиеся в Имамат, отличались друг от друга по многим критериям. Если дагестанцы в созданном государстве видели возможность освободиться от власти беков и установить

равенство, то чеченцы, находясь в социальном равенстве, желали видеть в имаме Шамиле прежде всего лидера²⁷. Но это искомое в Шамиле лидерство в понимании чеченцев отождествлялось с равенством, справедливостью, ответственностью всех перед законом и правосудием.

Шамиль призывал свою администрацию оценивать всю свою деятельность на мерилах шариата и не идти путем предшественников (т. е. по пути дагестанской феодальной верхушки), «оставить взаимную зависть, притеснения и быть рукою один другого»²⁸.

Несмотря на суровость этих и других видов наказаний, судебная система Имамата Шамиля была не только органом осуществления правосудия, но еще и носила ярко выраженный упредительно-сдерживающий характер от совершения преступлений.

После движения шейха Мансура, Бейбулата Таймиева восстановление шариата было приоритетной целью последователей имама, к его установлению среди горцев имам Шамиль подходил разносторонне. В устанавливаемых сводах имам декларировал равенство всех перед Всевышним Аллахом. Предписания распространялись на всех по единообразию наличия прав и обязанностей. Приоритетное значение в законотворчестве Шамиля уделялось развитию и укреплению государственной системы имамата. Членам общества было дано право обращения к муфтию, по несогласию с решениями принимаемым кадиями. Поданная апелляции по принятым решениям духовников изучалась самим имамом, а принятое решение было итоговым.

Разграничение обязанностей между наибами и муфтиями содержалось в ст. 14 «Положения о наибах»: «(Наибы) должны оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям им не позволялось разбирать тяжбы, хотя бы и являлись они учеными. Им позволялось рассматривать дела относительно военных»²⁹. На этом примере мы можем говорить о разделении властей и самостоятельности судебной власти в Имамате. Вмешательство имама Шамиля в судебные вопросы не может считаться превышением должностных полномочий руководителя государства, поскольку Имамат есть военно-теократическое государство, строившееся на шариатских принципах, в котором имам был не только верховным главнокомандующим, но и верховным судьей. Шамиль сам осуществлял функции верховного судьи – своего рода аналог Председателя Верховного Суда. К дополнениям ст. 14 «Положения...» предписывалось: «...низамом запрещалось поручение одному лицу двух должностей (судебную и военную), с целью устранения всякого сомнения народа относительно наиба и пресечения всяких дурных и подозрительных помышлений о нем. Повинный наказывался выговором при- народно»³⁰. (См.: Дадаев Ю.У. Государство Шамиля: социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления. Дисс... д.и.н. Махачкала. 2006. 540 с.).

Гражданское судопроизводство в наибствах производили дибирь, муллы, кадии, муфтии. Ему подсудны были гражданские, религиозные дела. Первые проводили разбирательство в селах, последний, выполнял свои функции во всем наибстве. Своего рода прокуратурой и управлением собственной безопасности того времени можно назвать орган мухтасибов, который

осуществлял тайный контроль за деятельностью названных выше должностных лиц. В целях владения достоверной информацией о происходящем в наибствах Шамиль ввел специальную службу мухтесибов, основной функцией которых являлся сбор информации о делах высших чиновников – наибов, «расследовать их незаконные поступки и доводить до сведения имама»³¹. Посредством полученной информации Шамиль привлекал к суду своих наибов за совершенные ими проступки. Решение земельных споров в Имамате Шамиля основывалось на нормах шариатского права. Практическая реализация решения конфликтных ситуаций и споров всецело возлагалась на местные власти, контроль за осуществлением правосудия осуществлял непосредственно Шамиль, в случае если в этом была необходимость³². В управленческих действиях имама было много заимствований из практики мусульманских государств. Многие названия служб имели арабские корни.

Мухтасиб или мухтесиб «есть чиновник, заведующий собственно полицией (хисбет), которую арабские правоведы описывают таким образом, что она состоит в поощрении ко всему хорошему и удержании от всего дурного»³³. Они регулярно информировали имама о результатах своих наблюдений для принятия надлежащих мер.

Как нам видится, политическая грамотность имама Шамиля заключалась не только в его личной природной одаренности и образованности, но и в умелом подборе управленческих кадров, которые на местах осуществляли реформы, и поэтому нахождение рядом с имамом политически грамотных и идейных соратников влияло на степень эффективности и успеха этих реформ. В этой связи заслуживает внимания мнение чеченского исследователя С. Исаева, который считает, что «“кодекс законов” этого государства (низамы) составил не Шамиль, как обычно пишут историки, а чеченец Юсуп-Хаджи Сапаров, человек весьма грамотный в военных делах, бывший полковник турецкой армии, вернувшийся на родину из Каира, где он служил у известного реформатора Магомед-Али-паши»³⁴. Это мнение отчасти перекликается с выводом известного дагестанского исследователя М.А. Исмаилова, который считает, что «само название Кодекса Шамиля – Низами – указывает на возможный предмет подражания реформы танзимата в Османской империи и преобразования, проводившиеся в Египте первой трети XIX века при паше Мухаммаде-Али»³⁵.

Утвердив предписания, Шамиль обязал население строго исполнять их: «Я долженъ привести этотъ низамъ въ исполненіе безъ всякаго послабленія и лени, – и нетъ по сему низаму пощады, заступничества и состраданія для техъ, кои впадутъ въ пучину этихъ наказаній»³⁶. «Мы согласны, – ответили наибы, – во всемъ и все написанное обязываемся приводить въ исполненіе... Да поможет намъ Аллахъ привести въ действіе шаріат и предписанія»³⁷.

Политическая мудрость имама Шамиля заключалась в том, что территория Чечни и Дагестана была поделена на наибства, своего рода современные округа. Каждое наибство представляло собой военно-административную единицу, во главе которой стоял наиб, обладающий военно-управленческим правом на своей территории.

Анализ низамов приводит нас к выводу, что в части судебного устройства Имамата и отправления суда в Чечне и Дагестане они включали как постановления, касающиеся норм шариата, обычного права, так и прямые запреты, противоречащие шариату.

Исследование дошедших до наших дней источников по структурной организации Имамата, приводят нас к выводу, что Шамиль испытывал определенные трудности в справедливом управлении наибами на подвластных им территориях.

Если муфтий узнавал о неправильном решении кадия, то он обычно смещал последнего и заменял его другим. Кадий был обязан спрашивать муфтия по тем вопросам, в которых он был недостаточно сведущ. Если муфтий выносил неправильное решение или брал взятку, то наиб только предостерегал его: «В другой раз не позволяй себе подобной подлости, иначе я смещу тебя». Эта угроза, разумеется, не всегда осуществлялась на деле (Абдурахман)³⁸.

Своеобразие шариатской судебной системы в Чечне и ее связь с адатской проявляется в вопросе избрания судей: «Мусульманские судьи – кади в Чечне избирались старшинами «фамилий», а не назначались, как в исламских государствах»³⁹. Подтверждение факта назначения кадий мы наблюдаем у голландского исследователя Ван ден Берга: «Кадий может быть назначен государем или его заместителем»⁴⁰. В чеченском обществе кадий, избранный из среды религиозных деятелей – мулл, обладал всей полнотой судебной власти на основе шариата и сбора закята, по которому население обязано было вносить в пользу мечетей, сирот и вдов ежегодно 1/10 часть урожая и 1/3 скота⁴¹.

Доходы мусульманского духовенства в Чечне составлялись из ежегодных обязательных поступлений от прихожан. По одним сведениям, в пользу главной мечети селения (*рузбан-маъжид*) каждый двор ежегодно давал 10 мер зерна и 1/5 часть других доходов, по другим – «седьмую часть из урожая... и некоторую часть из добычи»⁴².

В мусульманском мире судья (кадий) – прежде всего, чиновник, в обязанности которого входит разбор и разрешение гражданских и уголовных дел между мусульманами по правилам, изложенным в шариате. Судья назначается имамом или соответствующим правителем письменным актом, который оглашается в присутствии лиц, могущих подтвердить, что такое назначение действительно состоялось. Сфера действий судьи распространяется только на территорию его назначения⁴³. В мусульманском праве весьма четко определены типология доказательств, система преступлений и наказаний. Основная идея правосудия заключается в том, что в действиях мусульман всегда предполагаются добросовестность и правота⁴⁴. При этом наличие письменных доказательств в мусульманском праве практически совсем не упоминается законоведами⁴⁵.

Кадии в мюридистском государстве должны были решать судебные дела на основании шариата «без насилия и пристрастия». Кадью строго запрещается принимать подарки от лиц, ведущих у него процесс⁴⁶. Он должен постоянно в течение процесса иметь в виду, что всякий, кто ссылается на какой-либо факт, при непризнании его противной стороной должен представить доказательство.

Мусульманскому праву свойственна скоротечность процесса – «быстрота в судебных делах, по мнению мусульман, есть первейшее требование»⁴⁷. За употребление спиртных напитков в мусульманском праве установлена уголовная ответственность. Наказанием за него является бичевание 80 ударами⁴⁸. В преступления категории кисас «включаются преступления, за которые шариат устанавливает точную санкцию – кисас, означающую, по общепринятому определению, «возмездие», т. е. наказание, равное по тяжести совершенному противоправному деянию»⁴⁹. Основными преступлениями данной категории считаются убийство и телесные повреждения необратимого характера. Убийство считается тяжким грехом и решительно осуждается Кораном⁵⁰. К сожалению, в многочисленной литературе, посвященной Имамату Шамиля, практически не затрагивается вопрос о трансформации политического режима, задачах и функциях Имамата на различных этапах его существования. Классифицируя государство Шамиля по атрибутам историко-юридической специальности, следует сделать вывод, что это было государство, созданное на военно-демократических принципах с ярко выраженной кавказской национальной особенностью. Управлять и судить в разноразличном и одновременно разнотелтурном Имамате можно было только с помощью единого для всех горцев Северного Кавказа шариата. Именно поэтому это было военно-теократическое государство, базировавшееся на шариатских принципах. Возможно, если бы не Кавказская война, это государство развивалось бы по иному пути, но то, что религия была консолидирующим фактором, это бесспорно.

Шамиль пытался создать новую государственную систему среди многоплеменного населения Дагестана и Чечни. Эффективность этой системы, несмотря на некоторые управленческие ошибки со стороны наибов, все же можно объяснить военно-административными и социально-экономическими реформами, которые были осуществлены при Шамиле: это прежде всего разделение страны на наибства, создание и развитие судебного аппарата власти, регулярной армии, учреждение главного имамского совета, создание государственной казны. Шамиль стремился расширить преобразования в созданном им государстве. По воспоминаниям его ближайшего родственника и соратника, имам старался «окружить себя людьми умными, знакомыми с наукой и искусством»⁵¹.

Со времени принятия ингушами ислама в начале XIX в. в Ингушетии также существовали шариатские суды. После включения Ингушетии в состав России российская администрация создавала здесь различные суды, стараясь приблизить судопроизводство Ингушетии к судопроизводству Российской империи⁵².

В течение 25 лет Шамиль, как и самый первый имам Чечни шейх Мансур, возглавлял национально-освободительное движение горцев Чечни и Дагестана, борясь за независимость своего народа против царизма. Этот период в жизни Чечни хоть и сопровождался 25-летней изнурительной и жестокой войной с большими человеческими жертвами с обеих противостоящих сторон, все же является периодом, когда горцы Чечни и Дагестана сделали существенный прорыв в создании своей государственности, с достаточно развитой и

эффективной судебной системой, основанной на шариате, вместо адата, господствовавшего в чеченском обществе. Однако утверждать, что адат даже при имаме Шамиле в Чечне был полностью упразднен, мы не можем, ввиду того, что он присутствовал негласно, а порой даже нелегально в период наивысшего расцвета военно-теократического государства, созданного имамом Шамилем. Отношение имама Шамиля к адату характерно приписываемым ему выражением: «Скорее горец отступится от ислама, нежели от своего обычая, хотя бы этот обычай – ходить без рубахи»⁵³. Судя по данному выражению, адаты имели важное значение в горском традиционном обществе и могли входить на местах в противоречие с устанавливаемым шариатом.

Чеченцы судились только за преступления против права собственности, за преступления же против личности, как то убийство, раны, оскорбление и т. п. они мстили. Мщение в некоторых случаях допускается и шариатом, но Шамиль старается вывести из употребления месть в обществах, подчинившихся его власти, и ему нравится, когда на оскорбления, допускающие по закону месть, приносят жалобу наibu и требуют суда⁵⁴.

Мусульманское право знает институт представительства, который одинаково применим и к истцу, и к ответчику. Уполномоченные (векилы) представляли интересы сторон в суде в случае, если в этом была необходимость.

Преступление (джурм) состоит в совершении того, что запрещено, и неисполнении того, что приказано, будет ли это предписано законом или общественной властью⁵⁵.

Значительным источником пополнения казны Имамата служили и штрафы, взыскиваемые за различные преступления, в шариатскую казну поступало и конфискованное имущество за те или иные проступки. В пользу казны шел также хумс, составляющий пятую часть добычи⁵⁶.

Характеризуя шариатскую судебную систему Имамата Шамиля в XIX в., мы приходим к следующим выводам:

- она способствовала консолидации горских обществ в единое государство;
- законодательная база Имамата, регулировавшая суд и судопроизводство, была направлена на снижение уровня преступности в горской среде;
- она привела к ликвидации правового партикуляризма;
- способствовала развитию гражданского и уголовного судопроизводства;
- была усовершенствована система и виды наказаний;
- применяемые виды наказаний по шариату в некоторых случаях заменялись адатом;
- низамы Шамиля имели важное прогрессивное значение в условиях строительства государственности горцев.

Негативным фактором судебной реформы имама Шамиля, как нам представляется, было упразднение чеченского суда Мехк-Кхела, но это обстоятельство можно объяснить желанием не иметь самостоятельный орган на территории, где власть имама была безграничной и безраздельной.

В целом деятельность имама Шамиля как реформатора имела важное значение для формирования судебно-правовых институтов не только чеченцев, но и других народов Северного Кавказа. Несмотря на падение Имамата, присоединение Чечни и Дагестана к России, последствия создания данного государства проявились в праве сохранения в том или ином виде адата и шариата в дальнейшем общественно-политическом устройстве Чечни.

Использованная литература и источники

1. См.: Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия В XVIII – начале XX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XX века). Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2002.
2. Акаев В.Х. Ислам и горские адаты на Северном Кавказе. Сборник научных статей. Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместимости / Ответ. редактор Тишков В.В. Ростов н/Д, 2004. С. 16.
3. Самойлов К. Заметки о Чечне. С. 57.
4. См.: Исмаилов М.А. История государства и права Дагестана. Махачкала, 2010. Ч. 1. С. 291.
5. Edmond Texier «Les hommes de la guerre d'Orient. Schamyl». P. 31. Paris.
6. Souvenirs d'une française Captive Schamyl recueillies par Edouard Merliux. Paris, 1857.
7. См.: Бушуев С. Государственная система Имамата Шамиля // Ж. «Историк-марксист». 1937. №5. С. 63–64.
8. Каспари А.А. Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 440.
9. Аль-Хафиз бен Хаджар аль-Аскалани. Получение желаемого из источников норм. Каир, 1934. С. 291. (на араб. яз.). Исаагомедов А.М. Развитие судебной власти в Дагестане. Махачкала, 2007. С. 46.
10. Торнау Н. Изложения начал мусульманского законоведения. СПб.: Тип. 2 Отд. собств. Е.И.В. канцелярии, 1850. С. 118. Цит. по Мисрокову З.Х. Указ.соч. С. 70.
11. Аль-Хафиз бен Хаджар аль-Аскалани. Получение желаемого из источников норм. Каир, 1934. С. 288. (на араб. яз.). Исаагомедов А.М. Указ. соч. Там же.
12. Мухаммад Садик Мухаммад Йусуф. Права человека в Исламе. СПб.: Изд-во «Диля», 2008. С. 92.
13. Керимов Г.М. Шариат: закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб.: Изд-во «Диля», 2010. С. 16.
14. Мухаммад Садик Мухаммад Йусуф. Права человека в Исламе. СПб.: Изд-во «Диля», 2008. С. 18.
15. См.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 248, 268, 305–307; Котиков С.Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IX. Ч. 2. Вып. 1. Грозный, 1972. С. 94–101.

16. См.: Бурджалов Э.Н. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1940. С. 13.

17. См.: Материалы к истории покорения Восточного Кавказа и борьба с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. 32. Ч. I. 1912. С. 387.

18. Там же. С. 397.

19. Дубровин Н.Ф. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 4. Кн. 2. СПб., 1896. С. 192.

20. Ахмадов Я.З. К вопросу о государственном устройстве имамата Шамиля. Социально-политические процессы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С. 88.

21. См.: Шульгин С. Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках. Url.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Schulgin_S/text1 (дата обращения – 15 сентября 2009 г.).

22. См.: Бушуев С. Государственная система Имамата Шамиля // Ж. «Историк-марксист». 1937. №5. С. 63–64.

23. См.: Gille F. Lettres sur le Caucase et la Crimée. Paris, 1859. P. 112.

24. Бушуев С. Государственная система Имамата Шамиля // Ж. «Историк-марксист». 1937. №5.

25. Фарфоровский С. Шамиль и чеченцы (Неизвестный еще эпизод из завоевания Кавказа). Русский Архив (Пятьдесят первый год). М.: Синодальная типография, 1913. Вып. 6. С. 773.

26. Там же. С. 771.

27. См.: Фарфоровский С. Шамиль и чеченцы (Неизвестный еще эпизод из завоевания Кавказа). Русский Архив (Пятьдесят первый год). М.: Синодальная типография, 1913. Вып. 6. С. 771–772.

28. Низам Шамиля. С. 15.

29. См.: ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 10.

30. Там же.

31. Кавказ. 1862. №72. Выдержки из записок Абдурахмана.

32. См.: 100 писем Шамиля. С. 527, 591; См.: Арабоязычные письма. С. 53–54.

33. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 227–228.

34. Исаев С.А. Крестьянство и социально-экономическое развитие Чечни в XVIII – середине XIX века. Url.: http://www.sakharov-center.ru/chr/chrus05_1.htm (дата обращения – 10 июня 2010 г.).

35. Исмаилов М.А. Указ. соч. С. 302.

36. ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 13.

37. Там же. С. 13–14.

38. Абдурахман – приближенное лицо к имаму Шамилю, близкий родственник.

39. См.: Российский исламский институт. Научные статьи студентов. Url.: <http://www.e-riu.ru/knldg/pbl/?id=236>. (Дата обращения – 15 января 2010 г.).

40. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 193.

41. См.: Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 годы). Нальчик, 2003. С. 45.

42. См.: Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития в XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 243; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1755–1757 гг. Оп. 115/1. Д. 14. Л. 18, 65.

43. Мисроков З.Х. Указ. соч. С. 67.

44. Там же. С. 70.

45. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 200.

46. Там же. С. 198.

47. Там же.

48. Мисроков З.Х. Указ. соч. С. 74.

49. Там же. С. 192–193.

50. Сюкияйнен Л.Р. Указ. соч. С. 193.

51. Абдурахман. «Воспоминания о Шамиле» // Газ. «Кавказ». 1862. №74.

52. См.: Фаргиев И.А. Суды в Ингушетии в Евразийском правовом пространстве // Евразийский юридический журнал. 2011. №10(41). С. 6.

53. Акаев В.Х. Ислам и горские адаты на Северном Кавказе. В кн.: Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. С. 13.

54. Самойлов К. Указ. соч. С. 58.

55. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: [пер. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг. М.: Наталис, 2005. С. 165.

56. Хасбулатов А.И. К вопросу об условиях развития сельского хозяйства в Чечне в конце XIX – начале XX в. // История науки и техники. №7. 2012. С. 179.

ГЛАВА 2 . РАЗВИТИЕ СИСТЕМ ПРАВА И СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ У ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ ПОСЛЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

§1. Особенности процесса взаимодействия российского законодательства, адатов и шариата

Процесс укрепления и дальнейшего развития ислама в Чечне заставлял обращаться к пониманию основ мусульманского права не только внутри

данной территории, но и за ее пределами. Углубленная работа по изучению мусульманского права осуществлялась «по инициативе директора Института восточных языков при Азиатском департаменте (Генерального штаба) М.А. Гамадова, в данном учебном заведении была учреждена специальная кафедра мусульманского права с преподаванием курса мусульманского законоведения»¹.

Интерес к правовым нормам, действовавшим в мусульманском обществе, был проявлен правительственными кругами с точки зрения практической реализации «правового плюрализма», с которым власти вынуждены были считаться в силу обширности империи и гетерогенного состава ее населения².

Принципиально важным в плане исследования мусульманско-правовой традиции в России представляется разграничение мусульманского права и шариата. Смешение этих феноменов имело существенный политико-социальный смысл в условиях советского общества, в котором отрицалась жизнеспособность мусульманской правовой традиции³. Проводимое регулярно территориальное реформирование Северного Кавказа осуществлялось с главной целью – установить реальный и эффективный контроль над горцами Северного Кавказа и, в первую очередь над чеченцами и ингушами. В составе Западного военного отдела Терской области был создан Ингушский округ. Структурно он состоял из Назрановского, Пседахского и Горского участков. Во второй половине XIX в. произошло новое упорядочение Терской области в плане административно-территориального деления. В 1871 г. область была разделена на семь полицейских округов. Ингушский округ отныне входил во Владикавказский. Но и эти изменения не были окончательными, поскольку было проведено очередное административное деление, обусловленное ужесточением карательной политики новой власти.

Система осуществления управления царской властью после покорения Кавказа на территории Чечни и Ингушетии в период с конца XIX в. по 1917 г. регулярно изменялась, объективно это связано с теми задачами, которые ставились на тот или иной период времени. Наиболее важными вопросами организации управления над горцами Северного Кавказа стратегического планирования отводилось Особой канцелярии при наместнике. Данная канцелярия регулировала вопросы управления, но при этом роль специализированного министерского департамента по управлению государственным имуществом выполняла созданная специально для этих целей особая экспедиция⁴.

Если сравнивать все остальные российские окраины с Северным Кавказом в плане сформированного здесь правового порядка к концу XIX в., то мы наблюдаем совершенно уникальную форму организации, образованную в результате конвергенции адата, шариата и светского права. Сущность северокавказского правового плюрализма объясняется тем, что на сравнительно небольшой территории по масштабу компактно на протяжении многих веков проживают представители различных национальностей и религиозных конфессий. Невозможно не учитывать правовую специфику православных осетин, тяготевших к рассмотрению дел в организуемых судах на основе общих принципов российского закона, и игнорировать при этом тех же осетин,

исповедовавших ислам, их единоверцев чеченцев, ингушей, кабардинцев, желавших добиваться правды в судах, руководствующихся не только российским законом, но и адатом, и шариатом. Хотя в данном случае эти суды хоть и использовали адат и шариат, вместе с тем, они являлись российскими судами.

Неординарность общественно-политической ситуации, складывавшейся на Северном Кавказе в указанный выше период, является логическим итогом конвергенции адатского, мусульманского и российского права.

Многоконфессиональный и многонациональный Северный Кавказ стал идеальной почвой для развития полиюридизма, охватывающего все сферы жизнедеятельности.

Адат и шариат на Северном Кавказе стали частью российской правовой системы. При этом создаваемые в регионе судебные учреждения в целом соответствовали российскому волостному судебному учреждению второй половины XIX в., в разбирательстве дел в данных судах применялось адатское (частично) мусульманское право⁵.

Главной особенностью процесса взаимодействия российского законодательства, адатов и шариата являлась необходимость выработки практических правил осуществления правосудия, которые позволили бы сохранить правовые обычаи чеченцев и ингушей, но при этом поступательно внедрять российское законодательство в их повседневную жизнь. Этот процесс, начавшийся еще в 1852 г., за семь лет до падения Имамата Шамиля, когда в крепости Грозная был учрежден суд под председательством штаб-офицера, в состав которого входили кадий – для разбирательства дел по шариату и три старика чеченца – знатоки адата, является первой успешной моделью взаимодействия правовых систем, реализованной на практике. Начавшийся процесс кодификации обычного права горцев, локального закрепления обычных-правовых норм являлся смоделированным и осознанным компромиссом в полиэтничном обществе, при этом само право горцев подвергается внешнему воздействию новой правовой системы с целью его последовательной трансформации. Здесь мы в очередной раз вынуждены констатировать, что данные процессы для каждой из сторон имели стратегическое значение: власть в целях завершения процесса «покорения непокорных» определенными уступками в области применения смешанного правосудия осуществляла методичное воздействие на правосознание горцев. Горцы, в свою очередь, видели в этом для себя конструктивный позитив, так как новая власть считается с их религией, вековыми обычаями и традициями. Сама особенность права чеченцев и ингушей выражена в установлении паритетного баланса между единством порядка и внутренней свободой, являющейся ядром вайнахского менталитета. Было бы глубоко ошибочным и ущербным для российских властей на Кавказе пренебречь данными важными обстоятельствами.

В чем смысл выделения особенностей взаимоотношения обычно-правовой системы, шариата и российской правовой системы? Как нам представляется, прежде необходимо обозначить, что обычное право чеченцев и ингушей без обеспечения его явными политическими средствами воздействия, тюрьмами, органами полиции, обладая сугубо морально-волевым аппаратом

принуждения, играло здесь главенствующее значение. Мусульманское право и российское право в плане их установления в Чечне имеют много схожего. Эти две правовые системы формировались, внедрялись и развивались под опекой государства. Государство, по сути, возникает и позиционирует себя как представительство общественных нужд, как мощь, довлеющая выше общества, однако, в первую очередь оно выступает в виде системы структурного политического управления одних людей над другими. Первичные, так же, как и более последующие формы государства, являясь общественными институтами, редко отображали исконно общественные интересы⁶. В этой связи представляет повышенный интерес механизм организации имперского суда в Чечне, где на протяжении столетий понятие «государство» подразумевало абсолютно уникальную категорию территориальной и политической организации, именуемую *Дай-Мохк* (Страна отцов). Переход от политико-правовой формы, длительное время господствовавшей в Чечне, к системе имперского права, именуемого позитивным, предполагал коренное изменение в правовом сознании горцев. Общая политика царизма на Кавказе заключалась в активном обращении к адатско-шариатскому судопроизводству при разбирательстве внутримусульманских дел, как единой унифицированной модели суда для всего Северо-Кавказского региона. К концу XIX в. чеченское общество представляло собой этническую общность, в которой, помимо общего языка, религиозной идеологии мусульманства, обычаев, традиций и обрядов, формируется такой важнейший объединяющий признак, как политическое сознание, идентифицирующее себя с данной социально-политической общностью⁷.

Важнейшей особенностью в организации российского государственного управления в Чечне в XIX в. является то, что судебная система фактически была главным мерилom общественно-политического состояния в регионе. В этой связи представлялось необходимым избрать специфическую модель организации имперского государственного управления и суда у чеченцев и ингушей.

Структура духовных судов в Чечне в рассматриваемый период состояла из председателя, двух заседателей и муллы. В период господства адата в качестве правовой системы язык судопроизводства в Чечне и Ингушетии был местным. Все правовые действия фиксировались в *тентары*⁸ посредством арабской письменности. В результате укрепления двух других систем права происходит более широкое внедрение в практику арабского и русского языков. Если же ранее арабский язык в суде по адату использовался лишь как инструмент письменного закрепления судопроизводства, то в процессе внедрения и укрепления шариата он приобретает качественно иной статус, поскольку становится активным инструментом судопроизводства, к которому регулярно обращаются при цитировании аятов из Корана и последующем практическом толковании. Решения суда приобретают законченную письменную форму. Статус русского языка в судах на подвластных территориях имел конкурирующий характер как с местными языками, так и арабским языком. Безусловно, в судах, учрежденных военным командованием на Кавказе, русский язык должен был находиться на доминирующем месте, поскольку делопроизводство осуществлялось именно на нем, но при этом

фактическое положение дел было неоднозначным. Подавляющее большинство местного населения не владело русским языком, поэтому на начальном этапе организации судостроительства в регионе русский язык вынужден был находиться в статусе вспомогательного. Данное обстоятельство наряду с проблемами беспристрастного правосудия в учрежденных судах обозначило также проблему слабой подготовки лиц, владеющих арабским языком, а также русского языка среди местного населения.

Особенности организации имперского судостроительства в регионе в первой половине XIX в. связаны с локальными реформами в данной области, примененными пятью военно-политическими фигурами: князем П.Д. Цициановым, либерально относившимся к использованию горцами адата и шариата при отправлении суда; генералом А.П. Ермоловым, противником шариатского суда; князем М.С. Воронцовым и князем А.И. Барятинским – инициаторами создания чеченского суда на подконтрольной царской администрации территории, руководствовавшегося как адатом, так и шариатом, и, наконец, великим князем Михаилом Николаевичем, заслугой которого стало уменьшение влияния военного руководства при решении гражданских дел в Терской области.

Среди перечисленных исторических личностей выделим фигуру А.П. Ермолова, чья тотальная репрессивная политика в Чечне вызывала неприятие как в среде горцев, так и в числе военно-политического руководства страны.

Политика военачальника была направлена на нивелирование роли и значения шариата, противопоставлении его адату. Результатом этой целенаправленной политики стало упразднение в 1822 г. отмеченного нами выше Моздокского Верхнего пограничного суда⁹.

В чем сущность склонности наместника А.П. Ермолова отправлять правосудие в горской среде по адату и принижении роли шариата? Мы склонны считать, что в этом было проявление его личного отношения к горцам, стоявшего выше интересов государства. Адат с его мировоззрением к кровной мести, требующий адекватного отмщения, без всяких военных действий сокращал горское население на Кавказе, шариат же искал пути примирения и недопущения кровопролития. Подтверждением его борьбы с шариатом служит документ, в котором генерал А.П. Ермолов победоносно констатирует – шариат, или суд духовных особ по Алкорану, уничтожен¹⁰.

Политика А.П. Ермолова в части организации и отправлении правосудия в регионе под фактическим руководством военных имела продолжение и в дальнейших действиях военного командования на Кавказе. Действовавший с 1 апреля 1831 г. во Владикавказе инородческий суд отправлял правосудие по российским законам, несмотря на его смешанный состав, представленный знатными и почтенными осетинскими и ингушскими старшинами, руководство судом должно было осуществляться владикавказским комендантом¹¹.

После падения Имамата Шамиля и окончания многолетней Кавказской войны для Чечни начинается новый виток ее общественно-политического развития в рамках российской государственности. Суд и судопроизводство в Чечне начинают осуществляться в соответствии с российским законодательством, но с использованием адатско-шариатских норм.

Необходимо отметить, что задолго до падения Имамата Шамиля на территории той части Чечни, которая контролировалась царскими войсками, создаются судебные учреждения с применением смешанного законодательства. Так, «5 ноября 1852 г. было утверждено Положение об устройстве управления в Большой и Малой Чечне»¹².

В крепости Грозная учреждалось специальное судебное учреждение для «мирных» чеченцев – Мехк-Кхел. Председателем был русский офицер, а члены суда назначались из местных жителей и получали жалование¹³. Идея создания данного суда принадлежит князю А.И. Барятинскому, наместнику России на Кавказе, который «заимствовал» организацию подобного суда в Кабарде у А.П. Ермолова. Но, в отличие от А.П. Ермолова, князь А.И. Барятинский не игнорировал и шариат в процессе установления российского суда в Чечне.

В этом суде, согласованном с местным обычным правом, члены суда и председатель имели решающий голос, а мулла, истолкователь шариата, сохранял лишь голос совещательный, чем влияние его на население, по большей части враждебное русской власти, сильно ослаблялось. Князь Барятинский проявил самое внимательное отношение к устройству мехкеме, и, назначив его председателем ориенталиста полковника И.А. Бартоломея, скоро превратил этот суд в любимое и уважаемое учреждение чеченцев¹⁴.

Спорящие имели право избирать род суда, в случае согласия обеих сторон судиться по адату. Назначали судей непременно из семейств, не находящихся в родстве ни с одним из противников. При этом обе противные стороны давали обещание повиноваться решению избранных судей. Судьи основывали разбор дела или на показании свидетелей, или, в случае неимения их, на присяге, к которой приводился только ответчик. От него требовалось доказать, если спор шел, например, о краже, что во время совершения преступления он не мог быть в том месте, где оно произошло, и те, на которых он ссылался как на свидетелей, приводились к присяге. Если по окончании суда хоть один из подсудимых оставался недовольным решением, то позволялось выбирать других судей. Этот суд считался уже окончательным, и если виновный и после этого не повиновался решению судей, то право привести в исполнение приговор возлагалось на истца.

1 апреля 1858 г. было издано «Положение об управлении Кавказской армией», предусматривающее вхождение в состав Главного штаба особого отделения по управлению горскими народами¹⁵. Данное положение является первым законодательным актом, узаконившим систему так называемого военно-народного управления, обозначившуюся и сложившуюся по мере покорения региона. Положение предусматривало, что при руководстве округа избиралась группа помощников с целью «суда по разбору жалоб и тяжб, обсуждению вопросов о нуждах и потребностях племени», необходимо было «в каждом округе учредить суд из постоянных членов». Структура суда: председатель, он же начальник округа, депутаты, назначенные от всех обществ, входивших в состав округа, словесный и письменные переводчики, кадий, писари, судебный делопроизводитель – адъютант начальника округа¹⁶.

Основная суть данной системы заключалась в том, что на территории Северо-Кавказского региона управление краем было передано военному руководству, при этом следует отметить, что на службу в администрацию и суды привлекались местные жители, которые вызывали доверие у власти. На наш взгляд, это были скорее вспомогательные должности переводчиков или что-то вроде современных консультантов и советников.

После разделения Терской области в военном и административном отношениях в 1862 г. произошли изменения как в целом в системе судопроизводства, так и в правилах выбора членов народных судов. Проектом создания организуемого суда был начальник Терской области.

На основании 1-й статьи высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. ключевых принципов о преобразовании судебной части, судебная власть отделялась от административной власти, согласно этому, ни начальник области, ни аульный старшина не имели прав применять к кому бы то ни было высылания и наказания, так как это право передавалось власти суда¹⁷.

Главный народный суд, открытый в 1865 г., являлся высшей областной судебной инстанцией области; созывался 2 раза на трехмесячный срок и заседал попеременно в Грозном, Владикавказе и Хасав-Юрте. Состав суда состоял из председателя, двух кадиев, письмоводителя, письменного и словесного переводчика и двух писарей¹⁸. В данных судах рассматривались дела в отношении чеченцев. Что касается ингушей, то при Владикавказском комендантском управлении был учрежден народный суд для Куртатинского, Тагаурского, Джейраховского, Кистинского и Галгаевского обществ, в котором заседали представители от указанных обществ¹⁹.

Будучи вышестоящей судебной инстанцией Главный народный суд выполнял задачи апелляционной инстанции. Апелляции рассматривались по делам, в которых стоимость иска в Чеченском, Аргунском и Ичкеринском округах превышала 500 рублей²⁰. Нестатичное положение суда в части попеременного заседания в разных уголках Терской области свидетельствует о стремлении руководства области охватить разнородное и многоконфессиональное население при отправлении правосудия. Кадий в составе суда являлся знатоком мусульманского права, но его назначение напрямую зависело от решения начальника области.

Главный народный суд в Терской области состоял из представительных и почетных лиц. Председательство в нем вменялось особому лицу, избранному и утверждаемому в должности по распоряжению Главнокомандующего Кавказской армией.

С укреплением позиций царской России на Северном Кавказе происходит процесс образования так называемых окружных судов, которые должны были вобрать в себя как нормы обычного адата, так и шариатского права, но с учетом позиций российского законодательства. Первым шагом применения нормы российского права в среде горцев явилось решение царской администрации образовать в 1860 г. окружные словесные суды на всей территории Чечни и Дагестана²¹.

Окружной суд в гласном порядке осуществлял разбирательство по широкому кругу уголовных и гражданских дел. Для горцев, совершивших

военно-уголовные преступления – неповиновение военному командованию, убийство, воровство, разбой, измену, судебное разбирательство проводилось в комиссиях по военно-уголовным законам.

Летом 1862 г. состоялось новое разделение Терской области в военном и административном плане. Были созданы предписания выборов членов народных судов, так и всего судопроизводства²².

На территории Терской области, помимо Горских словесных судов, в каждом сельском обществе существовали также и сельские аульные суды, которые были призваны решать несложные и маловажные дела. Данные суды распространялись на все без исключения народы, проживавшие на территории Терской области, включая и осетин, которые не были подсудны Горскому словесному суду. Деятельность данных судов была регламентирована согласно Положению о сельских (аульных) обществах, утвержденных Наместником Кавказским от 30 декабря 1870 г. Согласно данному положению Сельский (аульный) суд состоял из судей, количественный состав которых определялся по мнению сельского схода, но при этом считалось обязательным, что он должен был состоять из не менее 3 судей. Срок полномочий данного суда устанавливался в один год. Примечательно, что председателем суда выбирался один из судей по решению судей, входящих в данный сельский суд²³.

Говоря о подсудности дел Сельскому суду, следует отметить, что ему были подсудны дела, возникающие между жителями сельского общества. Он рассматривал как гражданские, так и уголовные дела, в частности, по гражданским делам в Сельском словесном суде подлежали рассмотрению иски на сумму до 30 рублей, однако в случае взаимного согласия сторон Сельский словесный суд рассматривал гражданские дела на любую сумму без ограничения цены иска. Что касается уголовных дел, то Сельскому словесному суду были подсудны дела за незначительные правонарушения в пределах территориальной зоны того или иного селения. В случае совершения проступка жителем другого населенного пункта виновный приговаривался к отбытию наказания того сельского общества, в пределах которого совершен проступок. К категории проступков, подсудных Сельскому суду, были отнесены: кража, мошенничество и растрата (в случае, если цена похищенного и присвоенного обманом не превышает десяти рублей, и в случае, если совершение этих проступков не имеет характер рецидива). Что касается наказаний, к которым Сельские суды приговаривали, то здесь наблюдается следующее положение: штраф до 3 рублей, арест до 7 дней, участие в общественных работах до 6 дней²⁴.

Следует отметить, что вне зависимости от назначенного вида наказания Сельский суд обязывал виновного выплатить также денежную компенсацию потерпевшей стороне. Исследуя форму отправления правосудия, стоит также обратить внимание на то, что Сельский (аульный) суд собирался в праздничные и свободные от работы дни (выходные). Разбирательство происходило словесно и гласно. Основанием для разбирательства по гражданским делам является жалоба истца, а по уголовным делам суд приступает к разбирательству по трем основаниям: жалобе потерпевшей стороны; требованию сельского старшины

или его помощника; извещению свидетеля о совершении проступка, если обиженный лишен возможности подать жалобу сам²⁵.

Что же касается решения дел в Сельских судах, то сам процесс происходил на основании местных обычаев, причем особый акцент делался в качестве доказательства на очистительную клятву на Коране (*дуй баар*). Все процессуальные документы оформлялись письменно и в большинстве своем фиксировались на арабском языке. Решения приводились в исполнение через сельского старшину или его помощника.

В 1863 г. инспекционная поездка по Терской области наместника Кавказа по результатам выявленных недостатков судопроизводственной системы привела к тому, что был открыт областной суд во Владикавказе. Примечателен еще и тот факт, что среди причин, свидетельствующих о недостатках народного суда, называлось «...обязательное подчинение административному начальнику. Состав туземного управления Терской области испытывал высокую недостаточность апелляционного суда»²⁶.

Данный эпизод наглядно демонстрирует отсутствие независимости судебной власти. Несправедливое разрешение судебных споров, а также произвол со стороны должностных лиц нередко приводили к конфликтам между властью и местным населением. Все это происходило ввиду того, что судебная система, действовавшая в рассматриваемый период в Терской области, не отвечала единой системе судебной власти России, выражено это было в следующем: «Большинство судей в Терской области являлись военными чинами, не знакомыми с местными языками и традициями, что серьезно осложняло судопроизводство»²⁷.

«Убийство до 1865 г. разбиралось в народных судах по обычаю, – писал Н.Ф. Грабовский об ингушах в 1870 г., – с этого времени они подлежат суду по русским законам»²⁸.

Народный суд рассматривал также вопросы с долговыми обязательствами, о семейных разногласиях, воровстве, насилии. Выдавал свидетельства отъезжающим в другие места. При судебном разбирательстве народный суд руководствовался, в первую очередь постановлениями, утвержденными главнокомандующим Кавказской армией. В случае, если возникали дела, на которые не распространялись указанные постановления, судьи руководствовались адатом. По шариату разбирались дела, связанные с религиозными преступлениями и семейно-брачными отношениями. Специально для этого при судах находился кадий, рассматривающий переданное ему дело. Каждое решение, принятое по шариату, должно было быть обоснованным. При этом решение, принятое кадием, имело силу лишь после утверждения Народным судом. При возникновении ситуации, когда шариатский суд согласно нормам мусульманского права должен был применить телесные виды наказания, суд применял наказания по своему усмотрению, преимущественно штрафы.

Постепенно деятельность окружных словесных судов распространилась на все округа Северного Кавказа. Структура окружных словесных судов отличалась и от шариатского, и от адатского судопроизводства. Состав этого суда состоял из кадия, трех посланцев от каждого наибства Чечни. После

покорения Чечни и падения Имамата Шамиля в 1859 г. царская администрация не стала менять существовавшую в Чечне систему наместства, т. е. разделение на наместства, очевидно, считая ее эффективной управленческой моделью.

Контроль за надлежащим исполнением вынесенных решений окружным словесным судом осуществлял лично начальник округа. В случае невыполнения вынесенного решения в установленный срок начальник округа обладал правом привлечь виновного к ответственности.

В 1871 г. на Северо-Западном Кавказе были созданы горские словесные суды. В целом по России словесные суды были учреждены 20 октября 1864 г., когда проводилась общероссийская судебная реформа. Учреждались судебные уставы: устав уголовного, гражданского судопроизводства, устав о наказаниях уголовных и исправительных. Судебная власть отделялась от административной, отменялся принцип сословной организации суда. Число судебных инстанций сократилось с 14 до 3: окружный суд, судебная палата, Сенат. Помимо этого, был введен новый местный суд – мировой, состоявший из двух звеньев – мирового судьи (участкового или почетного) и сyezда мировых судей. Мировой суд, являясь выборным органом, имел право рассматривать малозначительные уголовные и гражданские дела²⁹.

К компетенции адатского права и горских окружных судов относились «дела, возникавшие по гражданским спорам и тяжбам всякого рода и все остальные дела уголовного характера... по убийствам в ссорах, драках, запальчивости и раздражении». 8 марта 1868 г. Кавказский наместник ввел требование, чтобы «при назначении горцам видов и сроков ссылки принимались за основание те роды и степени наказаний, которые определялись Уложением о наказаниях»³⁰.

В Терской области существовало шесть Горских словесных судов, которые располагались в Веденском, Нальчикском, Назрановском, Хасав-Юртовском районах, а в Грозненском округе существовало два суда, один из которых размещался в городе Грозный, а второй – в селении Шатой. По своему составу Горский словесный суд состоял из председателя, которым являлся помощник начальника округа, и трех членов суда, именуемых депутатами, которые избирались населением, а также кадия. Председателем Горского словесного суда назначался представитель военной администрации, который одновременно занимал должность помощника начальника округа. На наш взгляд, совмещение одним лицом данных должностей могло иметь свои отрицательные последствия, очевидно, что современный термин «использование административного ресурса» как раз подходит для такого положения дел.

По свидетельству источников, дошедших до нас, нередко были случаи, когда председатель данного суда по поручению вышестоящего руководства вынужден был прерывать судебное заседание и в спешном порядке исполнять другие поручения. Например, «19 июня 1910 года на половине заседания суда по разбиравшемуся под его председательством делу по иску Бату Шамилева к Таки Саламбаеву о 140 рублях, сев на лошадь скакать вместе с милиционерами в погоню за обнаруженной вблизи города Грозного шайкой грабителей»³¹.

Большинство из председателей Горских судов не обладали юридическим образованием, что не могло также не сказаться на точности принимаемых ими решений. В отсутствие председателя Горского суда его обязанности мог исполнять помощник командира сотни милиционеров.

Что же касается депутатов и кадия, то они избирались непосредственно населением. Процедура избрания осуществлялась путем представления каждым сельским обществом на сходе доверенных лиц в количестве 2 человек, которые избираются методом тайного голосования. Избранными считались набравшие наибольшее количество голосов. Официально порядок избрания был установлен согласно инструкции от 25 ноября 1908 г., утвержденной Главнокомандующим Кавказской армией. До издания данной инструкции депутаты и кадий избирались на 1 год, после же вступления в силу указанной инструкции срок их полномочий был продлен с 1 до 3 лет, по истечении которых они переизбирались заново.

Весьма интересна экономическая составляющая в деятельности горских словесных судов в Терской области в 1870–1871 гг. Так, годовое жалование работавших в судах области составляло: у председателя – 300 рублей, кадия – 300 рублей, депутатов – 200 рублей. Количественный состав судов, расположенных на территории проживания чеченцев и ингушей, выглядел следующим образом: Грозненский – 8 человек, Аргунский – 6 человек, Веденский – 5 человек, Назрановский – 4 человека, Хасав-Юртовский – 5 человек³².

Денежное содержание депутатов и кадия суда было незначительным, к примеру, если депутат получал 200 рублей в год, а кадий – 300 рублей, то на канцелярские принадлежности и расходы каждого словесного суда полагалось по 320 рублей.

Изучая систему подсудности дел Горским словесным судам Терской области, стоит упомянуть 3 основных признака: принадлежность сторон к горскому населению, территориальные условия, род дела.

В Горском словесном суде разбирались дела представителей чеченского, осетинского, кабардинского, балкарского, кумыкского и ингушского населения. Однако после 1871 г. дела, касающиеся осетинского населения, разбирались в общих судебных установлениях, связано это было с тем, что подавляющее большинство осетин исповедовало православие³³. Территориальность подсудности определялась согласно Временным правилам для Горских словесных судов Кубанской и Терской области от 18 декабря 1870 г. В понятие «подсудность» вкладывалось также то, что разбирательству подлежали дела, где фигурантами с обеих сторон проходили горцы. По гражданским делам подсудность определялась местом жительства ответчика, и разбирались они по месту проживания ответчика.

Разбирательство в Горских словесных судах происходило на русском языке посредством переводчика (толмача). Решения Горских словесных судов считались окончательными, когда по уголовным делам наказание не превышало одного месяца ареста или взыскания не больше 30 рублей. Что же касается неокончательных решений Горских словесных судов, допускается в месячный срок подача апелляционных жалоб на имя начальника области.

Согласно Временным правилам от 18 декабря 1870 г. (§58, 60, 63–65) решения начальника области по делам апелляционным и по приговорам Горских судов, которые представлены на его утверждение, а также окончательные решения и приговоры Горских словесных судов принимаются к немедленному исполнению. Вместе с тем, существовал порядок, когда неокончательные решения Горских судов признаются вступившими в законную силу и подлежат к исполнению в случаях: когда в течение суток от объявления приговора или решения в процессе публичного заседания сторонами не подавалось возражение, а также не представлялась апелляционная жалоба.

Вступившие в законную силу решения и приговоры Горского словесного суда приводились в исполнение силами местной полиции.

Следует также дать оценку порядку рассмотрения жалоб начальником Терской области. Согласно распоряжению Наместника Кавказского от 1 июля 1909 г. на имя начальника Терской области, все жалобы на решения Горских словесных судов должны были поступать в областное правление Терской области, которые, в свою очередь, подлежали рассмотрению в коллегиальном составе в общем присутствии областного правления под председательством начальника Терской области³⁴.

Согласно существовавшей на тот период практике, начальником области принимались к рассмотрению всякие жалобы на решения Горских судов, как на неокончательные, при том, что во Временных правилах 1870 г. указано, что к начальнику области должны были поступать только апелляционные жалобы на неокончательные решения Горских судов.

Вышестоящей надзорной инстанцией над Грозненским словесным судом Терской области являлся Наместник Кавказский, который был также Главнокомандующим Кавказской армией. К нему поступали жалобы как на решения Горских судов, так и на постановления начальника Терской области по делам Горских судов. Рассмотрение подобных жалоб в корне отличалось от аналогичного рассмотрения в Закавказье.

Отличие это было выражено, по всей видимости, в общественно-политической ситуации, складывавшейся длительное время в данных регионах. Все поступавшие на имя главнокомандующего жалобы направлялись в штаб Кавказского военного округа, где, в свою очередь, они рассматривались канцелярией и, как правило, отправлялись для принятия заключения на имя начальника Терской области, при этом в большинстве случаев без затребования и ознакомления с делом.

В целом стоит отметить также, что Горский словесный суд, согласно положению ст. 50 «Временных правил»³⁵, при рассмотрении уголовных и гражданских дел, к примеру, как оскорбление чести, кража, клевета, прелюбодеяние, нанесение неумышленного легкого физического ущерба, должен был применять нормы адата.

Решения Главного народного суда утверждались голосованием и направлялись начальнику области на утверждение³⁶.

Однако при изучении материалов рассматриваемого периода можно прийти к выводу, что данная система не в полной мере отвечала потребностям и имела ряд существенных недостатков и изъянов. Местное население,

привыкшее к устной системе судопроизводства, не могло длительное время приспособиться к ведению многочисленной документации. Наряду с этим, как и в современной системе правосудия, судебная система того периода страдала сутяжничеством, длительной задержкой во времени рассмотрения дел, таким явлением, как взяточничество, и решением вопросов по родственным и иным узам. Об этом свидетельствует одно из обращений жителей селений 1 участка Грозненского округа, датированное 1891 г., где они высказывались с жалобой на существующие порядки в судебной системе: «В наших словесных судах, где процветает волокита (иные дела не разбираются 5 лет), подкуп или соглашения различного рода до суда»³⁷.

Выглядит довольно-таки странным и тот факт, что окружное начальство исполняло функции полицейской власти, участвовало с правом голоса при заседании мирового суда. Применения к данным судам общероссийской структуры судебной власти в связи с отсутствием земских учреждений в Терской области было не- возможным. Назначение мировых судей осуществлялось правительством, не было института присяжных заседателей³⁸.

Из числа горских народов система мировых судов распространялась только на осетин. Это мотивировалось тем, что «осетины более культурны по сравнению с остальными, по вероисповеданию преимущественно являются христианами и, таким образом, лучше подготовлены к восприятию общеимперской судебной системы»³⁹. Как нам представляется, здесь определяющее значение играла религиозная принадлежность, нежели упомынутая «культура».

Процесс развития военно-народного управления, в составе которого была и судебная власть, протекал не в законодательном, а в инструкционном порядке, с минимальным участием в нем народного элемента.

Анализ вопросов формирования и развития институтов судебной власти приводит нас к выводу об отсутствии единства терминологии в обозначении суда в регионе. Эти суды носят в разных частях края различные названия: в Терской и Кубанской областях они именуются горскими словесными судами⁴⁰, в Дагестанской, Карсской и Батумской областях, а также в Закатальском округе – окружными словесными судами, причем иногда эти же суды называются просто народными судами⁴¹.

Своеобразие судебной системы указанного периода заключалось в том, что на территории Чечни и Ингушетии действовали фактически попеременно 3 правовые системы – адатская, шариатская, российская. Как нам представляется, эффективность судебной власти при такой тройственной ситуации была крайне низкой. Длительная Кавказская война отразилась на хозяйственном и общественно-политическом быте чеченцев, в меньшей степени ингушей. Сначала шариатская реформа Шамиля, где малейшие нарушения шариатских норм карались строго и скоро, затем политика военной администрации царской России на Кавказе, видевшая в горах лишь возмутителей спокойствия и опасных элементов, была далека от справедливости.

Применение шариата на Кавказе по российским законам ограничивалось коренным фактором лишь религиозных и семейных дел. Горцы,

последователи шариата, тяготели к полной отмене действия адатов в работе горских судов⁴².

Основным фактором постепенного внедрения российского права в Чечне и на Северном Кавказе было планомерное искоренение шариата, так «в борьбе с шариатом кавказская администрация старалась положиться на словесное горское судопроизводство – адат, основанный на обычаях. Кавказская администрация планировала использовать адаты по своему видению, что не представлялось сделать с шариатскими законами, поскольку они были отражены в священных книгах»⁴³.

Вместе с тем, боязнь новых восстаний и влияния мусульманского духовенства заставили это руководство пойти на некоторые уступки. В Чечне был создан подконтрольный военной администрации чеченский словесный народный суд, и без того ограниченные права которого постоянно урезывались. Впоследствии он был заменен горскими словесными судами по округам. Среди мусульманского духовенства царизм постепенно находит себе опору. Видные муллы из зажиточных слоев населения привлекались на службу в качестве окружных кадиев и в судебный аппарат⁴⁴.

В целом организация российской судебной системы в дореформенное время выглядит противоречивой и витиеватой. Структурно состав представлен разнообразными историческими сформировавшимися органами. До проведения реформ судебная система формировалась по сословному принципу, т. е. каждое сословие имело свои суды. Осуществлением судебных задач выполнялось также и отдельными административными органами. Часто правосудие осуществлялось людьми, не имевшими соответствующего образования⁴⁵.

Основополагающим процессом реализации судебного реформирования в России считается изданный в мае 1860 г. Закон о судебных следователях. Сущность реформы в целом, говорит о ее подготовке намного ранее – с 30-х гг. XIX столетия. Для этого были задействованы профессионалы тех лет. Задача судебно-процессуальной реформы заключалась: в гарантиях в отношении применения прав, обязанностью должностного аппарата юстиции злоупотреблению своих полномочий.

В процессе же подготовки проведения на Северном Кавказе судебной реформы 1864 г., как показал анализ особенностей обычного права и мусульманского права, власть проводила достаточно разумную политику⁴⁶. Социальное содержание Судебной реформы 1864 г. на Северном Кавказе представляется по-новому: реформа не консервировала обычное право местных народов региона, а, меняя направление его развития, включала адат в правовое пространство России. Военно-народное управление, действовавшее на ряде территорий Северного Кавказа во второй половине XIX в., имело много общего с административными институтами европейских колониальных империй того же столетия. Российская империя пыталась использовать для разрешения глобальных проблем обычное право. В то же время, несмотря на все усилия местных российских властей, так и не была искоренена традиционная для Северного Кавказа кровная месть. Осмысление исторического опыта государственного управления территориями Северного Кавказа в условиях подготовки и проведения Великих реформ 1860–70-х гг., в том числе Судебной

реформы 1864 г., показывает, что в то время закладывались основные принципы российского государственного управления в этом регионе, послужившие основой всех дальнейших политико-правовых процессов в регионе. Правовая система России в результате процесса присоединения к ней Северного Кавказа включила в себя и право, и судебно-правовые институты северо-кавказских народов. Это давало возможность правового взаимовлияния, что отразилось в т. н. «феномене правового плюрализма», т. е. в государственной легитимации традиционных образований права. В этом заключалась преемственность национальных особенностей населения России. Правовая культура России складывалась как интегрированный феномен, включавший в себя те или иные правовые традиции. Обычное и мусульманское право народов Северного Кавказа стало в XIX в. составной частью российской правовой системы⁴⁷.

Возникновение горских словесных судов и их дальнейшее распространение по Терской области было обусловлено тем, что власть стремилась путем введения более строгих видов наказания снизить уровень преступности среди горцев.

Введение новых судебных институтов не везде встречало поддержку и понимание со стороны горцев. В горной части Чечни враждующие стороны «предпочитали разбирать свои споры именно посредством адатских или шариатских судов»⁴⁸, в связи с тем, что, по мнению горцев, новые суды либо были слишком снисходительны к виновным в совершении преступления, либо, напротив, предусматривали строгое наказание. Шариатские суды постепенно стали утрачивать свое первоначальное предназначение беспристрастных судов. Объяснялось это тем, что состав нового суда формировался из числа представителей духовенства, которые не всегда беспристрастно осуществляли судопроизводство, равно как и многие члены горских словесных судов, которые стали отходить от норм обычного права, базировавшегося на принципе справедливости и необратимости наказания виновных.

Обзор судебной практики среди горского населения Кавказского края позволяет заключить, что положительную сторону составляет лишь его невысокая расходная сумма⁴⁹.

Сам процесс разбирательств в судах в рассматриваемый период свидетельствует о многих недочетах и в целом характеризует его несовершенство. К примеру, «в горских судах не было присяжных поверенных, адвокатов, защитников»⁵⁰.

В Грозненском горском словесном суде в декабрь 1895 г. накопилось 1676 нерешенных дел⁵¹.

По действовавшим правилам руководили в горских и народных судах первой категории начальники округов или участков. В реальности же нередко эти должности исполняли иные лица. К примеру, в Грозненском городском суде председательствовал нередко поручик (мусульманин) – командир сотни милиционеров. Председатели горских судов сетовали на сложность совмещения в одной личности: расследования преступлений, судебной оценки, добычи улик и исполнения приговора. Наиболее добросовестные из них глубоко понимали свое бессилие в судебных делах и очень этим отягощались⁵².

По заявлению председателя Грозненского словесного суда, нередко наблюдались случаи подкупа судей, особенно в сельских судах, где взятки начинали отсчет с 5 копеек⁵³. Место депутата тоже ценилось очень высоко: «Баллотировка, — свидетельствовал очевидец, — напоминает продажу на публичных торгах выгодные должности депутатов в горский суд»⁵⁴. Порядок избрания депутатов горских и народных судов столь несовершенен, что лишь в редких случаях в судебную коллегию попадают лучшие люди⁵⁵.

Но даже после того, «как судьи в народные суды стали определяться администрацией, произошла потеря веры в справедливый суд»⁵⁶.

Горские суды Кубанской и Терской областей, а также народные суды Закавказья являлись первой судебной инстанцией. Они действовали непрерывно в составе председателя по назначению администрации и депутатов (судей) и кадия по выбору населения⁵⁷.

Судебная реформа 1864 г. способствовала серьезному обновлению всей судебной власти и судебной системы в стране. На Северном Кавказе же, и особенно в Чечне, этот процесс происходил крайне медленно, во многом это опять же зависело от военного руководства.

Основное мнение закона на горские и народные суды, как на учреждения временные, определенно выражено в ст. 761 зак. судопр. гражд. и в ст. 220 учр. Кавказ. (по прод. 1906 г.): горские суды сохраняются временно, в зависимости от успеха гражданственности. Потому в местностях, занимаемых горским населением, установление времени создания мировых учреждений, на единых принципах с населенными русским населением территориями, предоставлено усмотрению Наместника⁵⁸.

Подведомственность уголовных дел горским и народным судам была указана в прим. 1 к ст. 1256 уст. угол. суд.; к Закатальскому округу относится ст. 1283 (по прод. 1906 г.); к области Дагестанской — ст. 1284, а к областям Карсской и Батумской — ст. 1285 уст. угол. суд⁵⁹.

Деятельность народных судов регламентировалась, помимо этого, многочисленными распоряжениями, отзывами, которые исходили в том числе и от высшей администрации Кавказского края. Несогласованность, отрывочность и противоречивость при издании тех или иных распоряжений свидетельствовали о том, что многие из них издавались лицами, не имеющими юридического образования, без знания специфики судебной деятельности, что, в конечном итоге, существенно сказывалось на работе судебных органов.

На основании § 66 изданных 18 декабря 1870 г. временных правил для горских словесных судов Кубанской и Терской областей горские словесные суды постановляют решения и приговоры окончательные и неокончательные; на последние апелляционные жалобы подаются начальнику области, который разрешает дела окончательно⁶⁰.

При этом процессуально «характер и границы предоставленного начальнику области надзора по судебной части не определен; потому по установившейся практике им принимаются жалобы как на неокончательные, так и на окончательные решения и приговоры, не стесняясь каким-либо сроком, и судебные постановления отменяются то в порядке надзора, то в порядке апелляционном, то в кассационном порядке»⁶¹.

Мы находим примечательным и тот факт, что «горским и народным судам неизвестны разграничения уголовного и гражданского процессов, отличия публичного и частного обвинений, в первую очередь подразумевается здесь вознаграждение потерпевшего за нанесенный ему ущерб. Распространены примеры, когда уголовное дело оканчивается обязательством виновного к возмещению причиненного ему материального ущерба или дела, к примеру, о кражах заканчиваются по примирению сторон»⁶². Это обстоятельство приводит нас в недоумение, ведь даже в судебной системе Имамата наблюдалось своеобразное разделение на уголовное и гражданское судопроизводство.

В рамках исследования считаем необходимым обратить внимание на то, как выглядела система доказательства в судебных учреждениях Терской области: «В зависимости от способов выяснения дела уголовные иски бывают двух родов: 1) иски с доказательствами и 2) иски по подозрению. Доказательствами служат: собственное сознание, документы, поличное, присяжные показания свидетелей... Иски по подозрению предъявляются, если виновник преступления неизвестен или не может быть уличен... Система доказательств в исках по подозрению находится в тесной связи с родовым бытом и религиозными верованиями населения. По этим делам обвинительный или оправдательный приговор зависит исключительно от принесения заподозренным или его сородичами (соприсяжниками) очистительной присяги или от присяги потерпевшего, если таковая ему была предоставлена судом»⁶³.

Законодательная база, которой руководствовались суды в рассматриваемый период, выглядела так: «На основании примечания (по прод. 1906 г.) к ст. 1256 уст. угол. суд. и по ст. 220 и прим. 1 к ней (по прод. 1906 г.) учр. упр. Кавк., ведомству горских словесных судов Терской и Кубанской областей, т. е. составу коллегиальному (председатель и два депутата), подлежат все дела, отнесенные статьей 33 уст. угол. суд. к ведению мировых судей; но в силу ст. 11 временных правил для горских словесных судов Кубанской и Терской областей, утвержденных Наместником 18 декабря 1870 г., часть деяний, указанных в ст. 33 уст. угол. суд., изъята из ведомства коллегиального состава суда и рассматривается и единолично председателем горского суда; moreover, это правило соблюдается не во всех судах»⁶⁴.

В Терской области горским судам были подведены возникшие между горцами дела: 1) о нанесении ран, увечья и смерти в ссоре или драке, начавшейся без всякого намерения совершить убийство или причинить увечье и рану (улож. о нак. ст. 1465 и 1485); 2) о нарушении пределов необходимой личной обороны (улож. о нак. ст. 1467 и 1493); 3) о кражах со взломом (улож. о нак. ст. 1647 и 1649) и кражах при оружии (улож. о нак. ст. 1653 и 1654), если цена похищенного в том или в другом случае не превышает трехсот рублей и если кража совершена в первый или во второй раз; 4) о похищении женщин (улож. о нак. ст. 1529 и 1530)⁶⁵.

Анализ законов и инструкций, которые определяли подсудность в горских словесных судах того времени, приводит нас к выводу, что они во многом характеризуются своей непоследовательностью, сумбуром в изложении, что существенным образом затрудняет трактовку состава

преступления по тому или иному деянию. Эти отрицательные моменты давали почву в отдельных случаях для судебной ошибки, а в других случаях предполагали самовольное трактование закона и применение репрессивных санкций. К примеру: «Грозненский горский словесный суд, ввиду отказа присяжников принять очистительную виновность присягу» нашел обвиняемых Шота Узунова и Эсамбия Висирханова виновными в краже полости и самовара у Дакаева и 29 сентября 1908 г. приговорил виновных на основании 1 п. 170 ст. уст. о нак. к тюремному заключению на один год каждого»⁶⁶.

Неэффективность судебной системы в исследуемый период характеризовалась и самими представителями власти, так «начальник Кубанской области в рапорте от 13 февраля 1902 г. за № 1934 Командующему войсками Кавказского военного округа, ходатайствуя о возбуждении вопроса об упразднении горских судов, как не соответствующих ни целям правосудия, ни целям правительственным, удостоверяет, что горские суды не пользуются популярностью среди самого горского населения»⁶⁷.

С аналогичным емким и вместе с тем точным определением о степени эффективности суда того времени высказался Н.М. Рейнке: «Шаткость и неопределенность процессуальных форм губительно отражается на охране как частных прав, так и общественного порядка»⁶⁸.

Во всеподданнейшем отчете за 1881 г. начальник Терской области докладывал о неудовлетворительном отношении местного населения к судебному и мировому учреждениям, не отвечавшим по своему делопроизводству принципам и менталитету горцев. На полях указанного отчета император написал: «Меня не удивляет»⁶⁹.

Негодование по организации суда и отправлению правосудия выразили в официальном обращении к императору ингуши, являвшиеся депутатами Назрановского общества. В прошении они ходатайствовали о разрешении в делах внутри общества и соседних горских племен разбирать по собственному суду, и лишь за антиправительственные преступления, и в целом против русских, предавать к осуждению по российскому закону виновных⁷⁰.

В ответе на обращение указывалось, что при Назрановском приставе для этого постоянно находились 6 старшин, избранных Народным собранием; они разбирали маловажные споры между жителями, старые претензии относили в Комендантское управление лишь в случаях, когда заявители были недовольными решениями старшин; а дела уголовные, в целом с русскими, решались по нашим законам⁷¹.

Как видим, исполнение решений горских словесных судов осуществлялось начальником округа через приставов и местных старшин.

Суды на территории Чечни и Ингушетии, в том числе и судебные институты, введенные царской Россией, в рассматриваемый период опирались, как уже отмечалось выше, на адатское судопроизводство. К примеру, «в управлении Аргунского округа, в лице председательствующего в суде, в начале 60-х годов XIX была сконцентрирована большая власть. Этот судья пользовался уважением у народа, так как при судебных разбирательствах использовал свои обширные знания законов и обычаев. Криминальная обстановка на подведомственной ему территории оставалась спокойной»⁷².

Вместе с тем, новая власть методично и целенаправленно осуществляла политику поэтапного вытеснения адата как правового источника. Наличие адата в чеченском и ингушском обществах, как неотъемлемого спутника бытия народа на протяжении столетий, говорит о силе национальных традиций и устоев. Адат, будучи источником обычного права чеченцев и ингушей, на наш взгляд, можно отнести к памятникам общемировой правовой системы. Этническое право чеченцев имеет много схожих позиций с правовыми системами как древних цивилизаций, так и некоторых положений современной правовой системы. В чеченских преданиях адат и адатский суд имеют не только эпический, но и воспитательный характер, вот почему, несмотря на отсутствие собственной письменности, адат, как неписанный свод законов вайнахов, прошел через века и продолжает существовать даже в наши дни.

Процесс эффективного взаимодействия системы позитивного права России и этнического права чеченцев и ингушей способствовал возникновению конвергенции светского права с адатским и мусульманским правом. Плюралистическая основа этого юридического симбиоза в пределах ограниченной территориальной зоны царской России в значительной мере способствовала ускоренному развитию права в регионе.

Как отмечает исследователь Н. Рейнке, «хотя в пределах всего Кавказского Наместничества и введены Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, но в разных частях края допущены столь существенные от них отступления, что объединение судебной организации является лишь мнимым. В Терской области уголовные дела производятся без участия присяжных заседателей (ст. 437 укр. суд. уст. по прод. 1906 г.), но для дела мировой подсудности вторую инстанцию составляют мировые съезды (ст. 440 укр. суд. уст. по прод. 1906 г.), а кассационную – Правительствующий Сенат»⁷³.

Царская власть и ее администрация на Кавказе придавали важнейшее значение организации судебной системы в Чечне, так как от этого в целом зависели успехи или неудачи остальных административных преобразований на всем Северном Кавказе. Создание судебных учреждений, полностью отвечавших имперским интересам царизма и одновременно сохранение необходимости народного суда, было приоритетной линией судебной политики, запланированной в рамках «военно-народного» управления. Однако при устройстве судебной части в Терской области было применено исключение из общероссийских Судебных уставов: производство уголовных дел в окружных судах осуществлялось без присутствия присяжных заседателей⁷⁴.

Царское правительство, понимая невыгодность и невозможность для своих интересов осуществления коренной ломки веками сформированного правового строя народов Северного Кавказа, приняло обычное право приоритетным источником существовавшего права. Реформа судебной системы горцев Чечни подразумевала нивелирование шариатского суда и укрепление былого адатского суда, контролируемого военными властями. Командованию округами вменялось не применять исполнения решений по адатам и шариату, противоречащих законам. «...русское правительство к горскому адату с самого начала нашего владычества, – отмечал М. Ковалевский, – имеет основу решительного и открытого покровительства. Стремление, побудившее русское

начальство к такому поведению, лежит в том понимании, что неприятие нашего владычества всегда выходит из зоны, благоприятной шариату»⁷⁵.

Избрание суда по адату полностью отвечало интересам формировавшейся местной знати, на которую опиралось царское правительство в осуществлении своей колониальной политики. Формирование знати из представителей местного населения происходило посредством щедрого поощрения со стороны царской власти. Земельный вопрос, являвшийся в Чечне на протяжении столетий предметом сугубо тайпового ведения, когда земли распределялись на общинных собраниях, со второй половины XIX в. военным командованием на Кавказе стал распределяться по своему усмотрению. Так, «начальник Большой Чечни подполковник Вагап-Аду и главный кадий Чеченского народного суда Али-Мирза Хасимурзов получили по 500 десятин земли, подполковник Арцу Чермоев – 670 десятин, Касум Курумов – 561 десятину, майор Бата Шамурзаев – 652 десятины»⁷⁶.

Наместник А.И. Барятинский при реализации политики царизма считал важным «прежде всего стремиться к восстановлению высшего сословия там, где сохранились еще более или менее следы его и создавать его действующим в империи порядком там, где оно не существует»⁷⁷.

Не случайно в докладе управления мирными горцами от 1 февраля 1841 г. подчеркивалось, что «заменить установленный среди горцев порядок судопроизводства в настоящее время стало бы преждевременным и даже опасным: поскольку изменение это, обязательно, подняло бы против нас сословие – князей, дворянства, духовенства»⁷⁸.

Проведя обзор общей ситуации, сложившейся вокруг адата и суда по нему, заимствованному военной администрацией, считаем важным обратить внимание в рамках исследования и на дифференцированное отношение к адату в случаях, когда интересы царской России стояли превыше интересов местного населения. В данном вопросе роль военного командования на Кавказе была определяющей.

Наиболее целостную картину организации имперского суда в регионе и отправлении суда мы можем сформировать на анализе ранее неисследованных судебных документов – протоколов допросов, обвинительного акта и приговора Временного военно-полевого суда над участниками известного восстания 1877 г. в Чечне⁷⁹.

Данные документы⁸⁰ позволяют реконструировать систему правосудия, установленную царской властью в регионе во второй половине XIX в., которая имеет ярко выраженный военно-управленческий характер. На примере данного дела можно судить о том, что адат чеченцев и ингушей, используемый при рассмотрении дел по бытовым преступлениям, не распространялся на преступления, посягавшие на интересы государства. Дело по своей сути являлось политическим, все его фигуранты были приговорены к различным видам наказаний. Судебное разбирательство проходило в г. Грозный, состав суда был сформирован из военных чинов – под председательством генерал-майора Паскевича, члены суда: полковник Белик, майор Игнатьев и в качестве делопроизводителя надворный советник Хагородин, при помощнике военного прокурора Кавказского военно-окружного суда, коллежском ассессоре

Карпинском. Допрос в суде обвиняемых в восстании осуществлялся на чеченском языке через переводчика. Обвиняемые в зависимости от степени грамотности подписывали или не подписывали протоколы допроса, последнее обстоятельство не утрачивало юридической значимости протокола допроса.

Обвинительный приговор в отношении 16 человек (самому младшему из которых прапорщику милиции Даде Умаеву было 22 года, а самому старшему Гази Нур-Магометову было 75 лет) содержит следующие основные сведения. Временный полевой военный суд в г. Грозный на основании 34 ст. С.В.П. 1869 г., XXIV кн. и рапорта временно исполняющего должность прокурора высочайше утвержденного кассационного присутствия при Кавказской армии командующему войсками в Терской области от 3 декабря 1877 г. за №371, равно ст. С.В.П. 1869 г., XXIV кн., п. 1238 и 1241, постановил: 1) подсудимых: 1) Алибека-Хаджи Алданова, 2) Ума-Хаджи Диева, 3) Дада Алимова (он же Залмаев), 4) Хусейн-Хаджи Несеева, 5) Мити Апаева, 6) Курко Гойтаева, 7) Лорсан-Хаджи Гиреева, 8) Косума Буртакова, 9) Нур-Хаджи Мехтиева, 10) прапорщика милиции Дада Умаева и 11) Тазурко Тангаторова, по лишению всех прав состояния, а прапорщика и серебряной медали для ношения на шее на Анненской ленте с надписью: «За службу в собственном конвое государя императора Александра Николаевича» – подвергнуть смертной казни через повешение; Ших-Мирза Ших-Алиева, Гусейна Амаева, Хамбатыра Яхсеева и Гази Нур-Магометова – по лишении всех прав состояния, сослать на каторжные работы на рудники: первого без срока, а последних троих – сроком на двадцать лет; 2) подсудимых: Сулеймана Хизириева и Хаджи Колдаева по обвинению их в государственной измене, а прапорщика Дада Умаева по обвинению в краже лошади считать по суду оправданными; 3) ввиду признанных судом, особо уменьшающих вину подсудимого Гази Нур-Магометова обстоятельства, ходатайствовать перед командующим войсками в Терской области о замене назначенного Гази Нур-Магометову наказания ссылкой на поселение в Сибирь, с лишением всех прав состояния, в места Сибири не столь отдаленные; 4) судебные по делу издержки, если таковые окажутся, взыскать из имущества подсудимых, признанных виновными, поровну с каждого, а в случае несостоятельности кого-либо или нескольких из них – с имущества остальных по равной части; в случае же несостоятельности всех – принять на счет казны. 7 марта 1878 г. в 3 часа пополудни приговор в присутствии генерал-адъютанта Смекалова, военного прокурора, коллежского асессора Карпинского и помощника секретаря, а также в присутствии всех подсудимых был объявлен. В материалах судебного разбирательства, берущего свое начало с 12 января 1878 г. и оканчивающегося 8 марта 1878 г., наше внимание привлекли следующие обстоятельства:

- во-первых, дело изначально рассматривается военными чинами (которые не являются при этом профессиональными судьями);

- во-вторых, учрежденная комиссия для производства следствий о государственных преступниках – туземцах, в первоначальном составе 12 января 1878 г., к 4 марта предстает в ином коллегиальном списке, среди которых появляется, к примеру, есаул Бочковский;

- в-третьих, в материалах дела не прослеживается участие стороны защиты подсудимых;

- в-четвертых, наше внимание привлекает формулировка «приговор в окончательной форме, прежде приведения оного в исполнение, представить на утверждение командующего войсками Терской области», из которой можно предположить, что приговор мог быть изменен и дополнен командующим войсками Терской области;

- в-пятых, приговор считался окончательным и его обжалование в кассационном порядке не предусматривалось.

Наиболее важным и значимым фактом имевшей место систематизации и инкорпорации традиционного права в законодательство и имперскую юстицию России необходимо отметить процесс по преданию адата и шариату правового статуса. Речь идет об утвержденных Наместником Кавказским 18 декабря 1870 г. Правил для горских словесных судов Кубанской и Терской областей, действовавших вплоть до 1917 г.⁸¹.

Функции, придающие нормам адата и шариата юридическое значение, были прямо указаны в ст. 25 Положения об управлении Терской областью, утвержденного Государственным Советом 29 мая 1862 г. Статья предусматривала применение в судопроизводстве адата и шариата параллельно с российским правом. Особое значение имеет также указ Правительствующего Сената о преобразовании административных учреждений в Терской и Кубанской области и введении 20 ноября 1864 г. в них судебных уставов.

Согласно положению данного указа в местностях, занимаемых горским населением, разбирательства возникавшие между горцами, относимые к ведению мировых судей, оставлялось за горскими словесными судами. Таким образом, они находились в полной компетенции адатского и мусульманского права.

В этой связи необходимо обратиться к сборнику «Мэджеллэ», который, в отличие от общих правил, разработанных для Горских словесных судов Кубанской и Терской области, детально регулировал вопросы права по шариату. Сборник насчитывает 1851 статью. Применение данного сборника происходило при решении вопросов, связанных с имущественными, брачно-семейными спорами, при этом многие положения сборника не входили в противоречие с позитивным правом.

Считаем необходимым выделить некоторые из статей с целью их восприятия как не противоречащих нормам позитивного права. Согласно ст. 1815 судопроизводство является гласным, но судья не должен давать предугадывать свое решение раньше, чем он его вынесет. Келейное решение дела является поводом для отмены решения⁸². Данное положение не противоречит нормам позитивного права. Оно направлено на справедливое разрешение дела. Согласно ст. 1818 судья осуждает ответчика, если истец докажет свою претензию, в противном случае судья, по просьбе истца, предложит ответчику принять присягу⁸³. Обратим внимание на раздел имущества по шариату после смерти владельца, являвшегося должником. Так, согласно ст. 1123 подлежащая разделу вещь должна быть определена. При этом раздел до уплаты общей долговой претензии не может считаться

действительным. Из этого следует, что в случае, если у покойного осталось несколько долговых обязательств, раздел не предполагает передачу их по принципу одна долговая обязанность одному наследнику, другая второму. Предполагается сначала выплата долговых обязательств и лишь потом раздел имущества среди наследников⁸⁴.

В 50–60-х гг. XIX в. правительством было осуществлено расширение и укрепление адатских судов, с одновременным вытеснением и принижением роли шариатских судов. Как отмечалось в отчете за 1857–1859 гг. наместника царя на Кавказе, главная задача горского управления должна состоять в том, чтобы обессилить мюридизм, разрешив шариату рассматривать только вопросы, связанные с духовными делами, а судопроизводство осуществлять посредством адата⁸⁵.

Процесс российского имперского воздействия на правовую систему включал в себя всестороннюю попытку воздействовать на северокавказское правосознание, для чего использовались два основных метода: введение для определенного слоя общества системы русского образования и воспитания и создание российских судебных органов⁸⁶.

Надо отметить, что данный процесс предполагал, с одной стороны, длительное по времени развитие событий, а с другой – существенное денежное финансирование.

Хотелось бы отметить еще один немаловажный элемент в становлении и развитии народных судов в Чечне и Ингушетии. В процессе их создания в 1858 г. использовался практический опыт деятельности «Временного суда» Кабарды (1852–1858 гг.) и «Народного суда» Осетии (1847–1858 гг.). На наш взгляд, это было не совсем правильно, ведь, несмотря на отдельное сходство в обычаях горцев, существуют некоторые особенности, которые неприменимы к вайнахскому менталитету, традициям и обычаям. По всей видимости, за неимением более подходящей апробированной формы власть была вынуждена внедрять уже имевшуюся в наличии модель.

Сельский суд, действовавший в регионе Терской области, принимал решения по общему согласию всех членов и большинства голосов⁸⁷.

Председателями окружных словесных судов было начальство округами либо их помощники, депутаты от населения по количеству наибств, в составе округа.

Депутаты окружных судов выбирались на 3 года по результатам двухстепенных выборов. Все сельские общества избирали 1 или 2 избирателей, которые позже выбирали депутата и кандидата к ним.

Исследовавший судебную систему на Кавказе сенатор Н. Рейнке в 1912 г. констатировал: «...порядок избрания депутатов, но и самый круг лиц, могущих участвовать в выборах и быть избранниками, оставалось неопределенное, не считая самого порядка рассмотрения и решения дел, всецело зависящих от усмотрения председательствующих»⁸⁸.

К ведению окружных словесных судов относились гражданские дела, сумма из которых не превысила 200 руб., решались безповоротно, к высшей сумме по праву апелляции относились дела по: убийству и насилию, по

воровству, грабежу, ссоре, драке, увозу женщины; семейные и религиозные дела.

В производство принимались все дела по гражданскому спору, между жителями, когда иск не превышал 100 рублей; семейные дела, опекунство и попечительство; наследственные, связанные с воровством, обманом, спор, не превышающий 30 рублей; между членами различных обществ.

Решение окружного суда принималось большинством голосов, при равенстве голосов оно подлежало усмотрению председателя. Апелляция по решениям окружного суда направлялась начальнику отдела, а в отдельных случаях начальнику области. Процедура уголовного судопроизводства в окружных словесных судах, на начальном этапе проходила под контролем окружного начальства, а с лета 1867 г. на основании инструкции⁸⁹.

Сельские суды избирались сроком на 3 года. Согласно «Положению о сельских обществах» утверждение суда и сельского кадия происходило представлением начальника округа и утверждением начальником отдела области.

Низшим звеном судебной системы в Чечне являлись сельские суды, состав которых был представлен кадием и депутатами, принадлежавшими к местной знати чеченского общества.

Власть суда не была разграничена от административно-политического влияния по всем судебным инстанциям. Была исключена по подсудности суда, категория дел в отношении коренного населения. Они рассматривались комиссией военного суда. В эту категорию входили дела:

- об измене;
- о восстании против правительства и поставленных им властей;
- об открытом неповиновении назначенному от правительства начальству и сильном его оскорблении; о разбое; похищении казенного имущества⁹⁰.

Что касается более значимых и важных уголовных дел, то они разбирались в окружных словесных судах. В данных судах подлежали рассмотрению дела, возникавшие преимущественно между горцами. В отдельных случаях данный суд мог выступить в качестве третейского при обращении к нему двух сторон, когда одна из них не была горской стороной. Горским судам Терской области в роли апелляционной инстанции был сформирован Главный народный суд, представленный председателем, 8 кадиями, 8 депутатами, 1 делопроизводителем, 4 переводчиками и 2 писарями. По приговорам горского суда, штраф подразумевал до 30 рублей, заключение не больше месяца, жалобы не представлялись⁹¹.

В период с 1870 г. по «Временным правилам» в сельских судах Кубанской и Терской областей исследовались только небольшие споры, сумма которых не была больше 30 рублей. Все несложные дела стоимостью свыше 30 рублей жителями представлялись в окружной суд, что приводило к большим тратам денег и времени. По свидетельствам современников того периода, среди чеченцев было 3 суда: уголовный Окружной, Горский словесный суд и не признаваемый законами народный суд (суд кровной мести)⁹².

С 1871 г. в Ингушетии стал функционировать Назрановский Горский словесный суд, состав которого был представлен: председателем – начальником

Владикавказского округа или его помощником, тремя депутатами и кадием⁹³. Параллельно с ним в Ингушетии функционировали народно-примирительные суды, которые рассматривали только споры, возникавшие между ингушами⁹⁴. Отмечая близость ингушей и чеченцев по языковому, религиозному принципам, мы должны отметить и территориальную близость с осетинами, которая способствовала созданию смешанного ингушско-осетинского суда. Членами данного суда в 1909 г. были Зайтула Чапанов, Жанхот Плиев, кандидатом – Берса Гошлукиев; с осетинской стороны – Баби Гайтов, Хаджимурза Хуцистов и Бечир Макеев. Протокол, состоявший из 28 пунктов и регламентировавший деятельность осетино-ингушского смешанного суда, вступил в силу 15 апреля 1909 г.⁹⁵.

Перечисленные выше суды преимущественно рассматривали мелкие бытовые вопросы, но при этом более эффективно и быстро. В то время, как не все решения даже окружного суда имели практическую силу влияния на ингушей. Решение окружного суда и наказание по нему не избавляло виновного от кровной мести. Советский ученый Н. Яковлев в своей работе «Ингуши» уделил большое внимание изучению кровной мести. Он констатирует: «Случаи кровной мести щедро накапливались у ингушей в годы национального гнета. На смену немногим, заканчивающимся примирением, возникало по несколько новых убийств. И к 1919 г. общее число случаев кровной мести по всей Ингушетии достигло очень большой цифры – целых ста пятидесяти случаев»⁹⁶.

Фактически это было продолжение той ситуации, на которую указывает источник: между ними нет почти ни одного пришедшего в полный возраст человека, который не был бы виновен в пролитии крови или не искал отмщения в том за родственника своего или приятеля⁹⁷.

Существовавшая система отправления правосудия в рассматриваемый период была далека от совершенства, а порой носила формы, противоположные таким категориям, как справедливость, беспристрастность.

Порядок избрания судей и замещения состава судей был регламентирован на «основании инструкции, утвержденной Главнокомандующим 25 ноября 1908 г., выбор депутатов и кадиев горских судов Терской и Кубанской областей установлен двухстепенный, на трехлетие. Сельское общество избирает 2 доверенных, они вместе пребывания горского суда приступают, закрытою баллотировкою, к избранию депутатов и кадия»⁹⁸.

Избрание считалось состоявшимся по принципу набора простого большинства голосов. «Список лиц, получивших большинство голосов, представляется, с заключением подлежащего атамана отдела (в области Кубанской) или начальника округа (в области Терской), начальнику области, который назначает депутатов и кадия из числа представленных лиц»⁹⁹.

Несовершенство предвыборной кампании, выражаясь современной терминологией, приводило к существенным нарушениям и злоупотреблениям в процессе избрания судей.

«По удостоверению председателя Грозненского горского словесного суда, а также председателя Веденского горского словесного суда, предвыборная агитация представляет следующую картину: желающие попасть

в депутаты не жалеют ни обещаний, ни угощений, ни денег; на подкуп выборщиков затрачивается по несколько сот рублей». «Баллотировка, – рассказывает один очевидец, – походит на продажу с публичного торга выгодных должностей депутатов горского суда. Допускается и переторжка, когда забаллотированному претенденту удается убедить кого следует из лиц, близко стоящих к докладу по делам о горских судах, в неправильности производства выборов»¹⁰⁰.

Столь сильное стремление быть выбранным на должность судьи объяснялось не столько суммой жалования, сколько, по всей видимости, возможностью получить более высокие блага. «Должности депутата добываются не из-за тех 16 руб. 66 коп. жалования в месяц, которые получает из казны депутат суда, оторванный и от семьи, и от хозяйства, находящихся иногда за несколько десятков верст от горского суда»¹⁰¹.

Примечательно, что выборы судей могли быть по распоряжению начальника области признаны недействительными, после чего происходили новые выборы.

Таким образом, при изучении деятельности судебных органов можно прийти к следующим выводам: власть, осуществлявшая, с одной стороны, внедрение новых судебных институтов, наряду с внедрением европейской системы права, не могла вытеснить полностью существовавшую многовековую систему адатского производства, которую, кстати, не смог искоренить в Чечне имам Шамиль, пытавшийся заменить адат шариадом.

При этом отметим, что чеченцы и ингуши активно перенимают и калькируют с русского языка такие юридические понятия, как *набахти* – тюрьма, гауптвахта, *йитаб* – этап, *кано* – конвой, эти термины входят в речевой оборот при обозначении правовых отношений.

Отсутствие разграничений между судебной властью и администрацией приводило к тому, что военная администрация допускала много нарушений в порядке организации правосудия и его отправления.

Игнорирование этого фактора на определенных этапах привело к тому, что судебная система существовала лишь формально, осознание этого способствовало некоторому улучшению ситуации. В числе первых, кто обратил на это внимание, был А.Ф. Кони. Он объяснял, что положение Имперского судебного устава вступает в очевидное расхождение с многовековыми горскими обычаями. А.Ф. Кони – в числе деятельных сторонников судебной реформы в России, теоретик и практик, законодатель, по юридическим наукам – не мог не знать и о иных минусах утвержденных судов на Кавказе. Он высказывался о недопустимости практиковавшихся здесь совмещений одним лицом – мировым судьей судебной и следственной функции¹⁰².

Затраты на содержание Горских судов Терской области были невысокими: девять судов областей Терской и Кубанской обходятся казне в 9720 рублей¹⁰³. Это обстоятельство заставляет нас задуматься о том, насколько власть серьезно относилась к вопросам организации судебной власти в данном регионе. Вместе с тем, следует отметить, что размеры судебных пошлин были незначительными: «Несмотря на высокую, а местами неограниченную цену иска подсудность, взыскание судебных пошлин не установлено ни законом, ни

каким либо административным распоряжением, от гербового же сбора освобождено производство горских словесных и народных судов Кавказского края на основании 1 ст. 66 уст. герб. изд. 1903 г. Лишь в горских судах Терской и Кубанской областей взывается при выдаче копий по 20 копеек с листа в канцелярские средства»¹⁰⁴.

Процедура избрания на должности судей объективно отображает сложную кадровую ситуацию, складывавшуюся в регионе в рассматриваемый период. В регионе не существовало квалифицированного кадрового надзора над судьями и их профессиональной деятельностью, что не могло не сказываться на судебной этике и отношении к ней местного населения.

Вышеприведенные обстоятельства подчеркивают существенное отличие данных судов от исконно чеченских адатских судов, которые организовывались путем делегирования в них лучших представителей чеченского народа, с целью осуществления справедливого правосудия. Трудно представить, чтобы решения адатских судов могли быть изменены в угоду тем или иным заинтересованным лицам.

К существенным проблемам судебной системы рассматриваемого периода, по нашему мнению, следует отнести зависимость судопроизводственных норм от судейского усмотрения, которое развивало затягивание судебного разбирательства с целью давления на стороны процесса.

Обращая внимание на ингушское общество, следует отметить, что отдельные вопросы семьи и брака (ограничение размера калыма, пресечение насильственного увода невест, право женщин на развод и др.) при содействии местной администрации ингуши решали на особых сходках в крепости Назрань в 1879, 1887, 1890 гг.¹⁰⁵.

В Ингушетии в исследуемый период действовал медиаторский суд, который был учрежден как необходимость в борьбе с кровной мстостью.

30 апреля в крепости Назрань, при полном сходе представителей ингушского народа, были единогласно приняты и утверждены всеми выборными и представителями от селений обществ и хуторов Назрановского округа:

- 1) приговор от доверенных от народа, составленный 3 апреля 1907 г.;
- 2) приговор о прекращении кровной вражды между ингушами;
- 3) приговор об установлении размера калыма по шариату.

В работе над данными проектами приняли участие начальник Назрановского округа подполковник Котлеревский, корнет Гуда Гудиев и некоторые почетные старики, из которых главная роль принадлежала Хами-Хаджи Аспиеву (с. Базоркино), Юсуп-Хаджи Плиеву (с. Плиевское), Муса-Хаджи Ганижеву (с. Яндырское) и Бейсангур-Хаджи Дахкильгову (с. Долаково)¹⁰⁶.

В рамках нашего исследования представляет интерес сам приговор о прекращении кровной вражды среди ингушей. Анализ текста данного приговора позволяет сделать следующие выводы: предполагалось полностью прекратить обычай кровной мести до 1 июля 1907 г. и совершить между сторонами примирение. В отношении лиц, не подчинившихся данному приговору, предполагалось осуществить выдворение из округа.

Урегулирование убийств, совершенных после принятия решения о прекращении кровной вражды, регулировалось медиаторским судом¹⁰⁷.

Медиаторский суд ингушей состоял из 4 или 6 медиаторов, которые выбирались по приглашению сторон, утверждались муллой того селения, к которому принадлежит убитый или раненый. Примечательно, что приговор предусматривал возможные «судейские ошибки» или предвзятости, на что была разработана процедура пересмотра дела советом медиаторов округа. Она предполагала осуществление процедуры отвода председательствующего в деле муллы путем его замены, если стороны и сам мулла из одного селения. В таком случае медиаторы приглашали муллу по своему решению. Данная инстанция была последней, ее решение было безапелляционно. Непримирившиеся стороны подлежали выдворению из округа на основании представления начальника округа¹⁰⁸.

Наличие подобного медиаторского суда для вайнахов имело огромное значение. «Правовое чувство чеченцев и вообще горцев не получает удовлетворения от одного только обвинительного приговора суда; родственники убитого мстят убийце и его ближайшим родственникам; предел мести может быть положен только особым примирением, обряд которого установлен местными адатами»¹⁰⁹.

Анализ деятельности судебных институтов в Чечне и Ингушетии в рассматриваемый период приводит нас к следующему заключению.

Проблемы судебного устройства в Терской области, его восприятия местным населением, в первую очередь чеченцами, были обусловлены доминирующими первопричинами: менталитет, вековые традиции, а также губительная политика царизма, связанная с Кавказской войной.

Как таковых скорых и серьезных изменений в судебной системе на территории Чечни и Ингушетии не последовало и в самом начале XX в. «К нашему сожалению, – отмечается, например, в одном из заявлении, поданном начальнику области чеченцами в марте 1909 г., – начальство ловит только мелких воров, а с крупными, действующими на крупные суммы, состоит в доле». И так думали не только местные жители, порой уличали друг друга в этом и сами чиновники¹¹⁰.

Функционирование горских словесных судов и судов кадиев в регионе осуществлялось параллельно с мировыми судами. Из этого можно сделать вывод, что они являлись своеобразным звеном судебной системы России. Отмеченный нами выше судебный плюрализм выражен в применении особой юридической процедуры рассмотрения и решения гражданских и уголовных дел и наличии особых гарантий, призванных обеспечивать обоснованность принимаемых решений.

Комплексный анализ становления системы судостроительства и судопроизводства в Чечне и Ингушетии в период XVIII – начала XX вв. позволяет сделать вывод о наличии триединой системы отправления правосудия, выраженной в виде формулы – адат, шариат и российский правовой закон.

Степень эффективности данной судебной системы, сочетающей в себе наличие тройственных элементов правосудия, имела противоречивый характер.

С одной стороны, это необходимость, диктуемая велением времени, с другой – это создавало много правовых коллизий и неудобств для населения, проживающего на данной территории. Как бы то ни было, адат и шариат будучи эффективными средствами по упреждению преступлений способствовали тому, что общий криминогенный уровень в Терской области был наиболее благоприятным по сравнению с другими кавказскими губерниями и областями, поскольку имел наименьшую преступность¹¹¹.

Исследование вопросов развития права и органов правосудия у чеченцев и ингушей после включения в состав Российской империи показывает, что данный процесс имел свои особенности, обусловленные взаимодействием российского законодательства, вайнахских адатов и шариата.

Процесс систематизации и инкорпорации права и судебных органов чеченцев и ингушей в законодательство и имперскую юстицию России носил локальный по территориальному признаку характер.

Избранная модель организации военно-народного управления и суда в Терской области, помимо обозначенных причин, связана с практической невозможностью скорого распространения имперского законодательства на присоединенные территории чеченцев и ингушей, поскольку административно-судебная система России рассматриваемого периода строилась на крепостном праве. Это существенное обстоятельство было неприемлемым для чеченского общества, в котором господствовал принцип равенства, следовательно, с ним необходимо было считаться при выстраивании управленческой политики в регионе. Объективно это находит подтверждение в выводах наместника Кавказского М.С. Воронцова: «Только одно аристократическое начало может побороть то направление демократическое, которое развилось и так глубоко пустило корни свои, против которого, к сожалению, доселе, кроме оружия, никакого оплота противопоставлено не было»¹¹².

Использованная литература и источники:

1. Нофаль И. Курс мусульманского права, читанный в 1884/1885 году в учебном отделе восточных языков при Азиатском департаменте профессором И. Нофалем. Вып. 1. Особенности. СПб., 1886. С. 221.
2. Усманова Д.М. Российские мусульмане в правовом пространстве империи: соотношение общеимперского и мусульманского права в государственной доктрине на рубеже XIX–XX вв. Ислам и право в России / Материалы научно-практического семинара «Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в отношении российских мусульман (Северный Кавказ, Поволжье)». Вып. 1 / Сост. и ред. И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. М.: РУДН, 2004. С. 46.
3. Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX–XX вв.). Дисс... д.ю.н. М., 2003. С. 60.
4. См.: АКАК. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 1316.

5. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Ед. хр. 5297. Л. 2. «Положение о сельских (аульских) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных». IV отд.

6. См.: Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999. С. 23, 66.

7. См.: Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М. – Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2012. С. 97.

8. Книга, содержащая сведения по наиболее важным вопросам.

9. См.: Кавказский календарь на 1848 год. Тифлис: Типография Гл. упр. Закавказским краем, 1847. С. 61.

10. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288. Лл. 373–373 об.

11. ПСЗ-2. 1831. Т. 6. Отд-ние 1-е. Ст. 4474. СПб.: Тип. II отд-ния собственной Е.И.В. канцелярии, 1832. С. 283.

12. ПСЗ. Т. 27. 5 ноября 1852. №26740.

13. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2-х т. / Под общ. ред. В.В. Черкесова. Т. 1 / Научные ред. Д.И. Луковская, Д.И. Раскин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 207.

14. См.: Электронный ресурс: [Url: http://www.http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography). (дата обращения – 28 сентября 2010 г.)

15. См.: Мужухоева Э.Д. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40–60-е гг. XIX века // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982. С. 75.

16. АКАК. 1904. Отчет генерал-фельдмаршала А.И. Барятинского за 1857–1859 гг. Т. XII. Тифлис, 1904. Л. 1288–1289.

17. РГИА. Ф. 1149. Оп. 7. Д. 112. Л. 161.

18. Мужухоева Э.Д. В административно-политической системе управления Терской области в 40–60-е годы XIX века. Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 67.

19. АКАК. 1878. Т. VII. Тифлис, 1878. Документ №305: Отношение Паскевича к Чернышеву о работе учрежденного в 1830 году во Владикавказе окружного суда для Куртатинского, Тагаурского, Джейраховского, Кистинского и Галгаевского обществ. Л. 372.

20. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 8. Л. 17 об.

21. Воронцов С.Т. Окружные словесные суды в Терской области. Тифлис, 1896. С. 329.

22. См.: Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия. М., 2003. С. 23.

23. Рейнке Н.М., Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 166.

24. Там же. С. 167.

25. Рейнке Н.М., Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 167.
26. РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 538. Л. 15 об.
27. См.: Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. Тифлис, 1919. С. 102.
28. См.: Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа //ССКГ. Т. III. Тифлис, 1870. С. 118.
29. Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: преемственность и обновление // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 40–41.
30. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Ч. 1. С. 88. Цит.по Мисрокову З.Х. Указ.соч. С. 80.
31. Рейнке Н.М., Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 138.
32. РГИА. Ф. 1149. Оп. 7. Д. 107. Л. 8–12.
33. Рейнке Н.М., Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 168.
34. Рейнке Н.М., Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 157.
35. См.: Временные правила для Горских Словесных Судов Кубанской и Терской областей, утвержденные 18 октября 1870 года Наместником Кавказа.
36. РГИА. Ф. 1149. Оп. 99. Д. 112. Л. 23 об.
37. См.: Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв. // Проблемы Истории и культуры народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985. С. 107.
38. РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 381. Л. 18.
39. См.: Кулов С.Д. Социально-экономическое развитие Северной Осетии в конце XIX – начале XX века. Орджоникидзе, 1966. С. 95.
40. В Терской области для разбора маловажных дел между калмыками существуют аймачные суды, а для разбора таковых же дел между караногайцами – суды маслагатные. По делам более значительным эти инородцы подведомы мировым и общим судебным установлениям.
41. Рейнке Н. Указ. соч. С. 20.
42. См.: Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882. С. 27.
43. См.: Немирович-Данченко В. Вдоль Чечни из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. №27, 32. М., 1888. С. 2.
44. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР (с древнейших времен по настоящее время). Грозный, 1967. Т. 1. С. 157.
45. См.: Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дисс... к.ю.н. Ростов н/Д, 2005. С. 54.
46. См.: Сотников А.А. Особенности проведения судебной реформы 1864 года на территориях Северного Кавказа. Автореф. дисс... к.и.н. М., 2009.
47. Сотников А.А. Там же.
48. Воронцов С.Т. Указ. соч. С. 330.
49. См.: Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912. С. 51.

50. Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дисс... к.ю.н. Ростов н/Д, 2005. С. 94.

51. См.: Ортабаев Б.Х. Указ. соч. С. 107.

52. См.: Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912. С. 14–15.

53. Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 140.

54. См.: Рейнке Н.М. Указ. соч. С. 17.

55. Рейнке Н. Горские и народные суды кавказского края. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. С. 36.

56. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 4. Цхинвали, 1989. С. 360.

57. См.: Рейнке Н. Горские и народные суды Кавказского края. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. С. 27.

58. Там же. С. 21.

59. Там же. С. 22.

60. См.: Рейнке Н. Горские и народные суды Кавказского края. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. С. 39.

61. Там же. С. 39–40.

62. Там же. С. 41.

63. См.: Рейнке Н. Горские и народные суды Кавказского края. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. С. 41–42.

64. Там же. С. 50.

65. Рейнке Н. Горские и народные суды Кавказского края. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. С. 51. См.: Так же Мисроков З.Х. Указ.соч.

66. Там же. С. 66.

67. Там же. С. 67.

68. См.: Рейнке Н. Горские и народные суды Кавказского края. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. С. 36.

69. Свод высочайших отметок по всеподданейшим отчетам за 1881–1890 гг. генерал-губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. СПб., 1893. С. 402.

70. РГИА.Ф. 1268. Оп. 1. Д. 311б.: Дела о просьбе Назрановского и части Карабулакского общества об оставлении за ними занимаемых ими земель, 1842–1845 гг. Л. 19 об.

71. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 311б. л. 30

72. Ибрагимова З.Х. Царское прошлое чеченцев: политика и экономика. М., 2009. С. 122; РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 538. Л. 14 об.

73. Рейнке Н. Горские и народные суды Кавказского края. Махачкала, 2003. С. 17.

74. См.: Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2001. С. 210. См. также: Исагагомедов А.М. Указ. соч.

75. См.: Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890. С. 279. См. Так же: Исагагомедов А.М. Указ.соч.

76. Мужухоева Э.Д. В административно-политической системе управления Терской области в 40–60-е годы XIX века. Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 67.

77. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А. Барятинский. М., 1889. Т. II. С. 242.

78. См.: Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882. С. 36.

79. См.: Хроника чеченского восстания 1877 г. // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1891 г. Владикавказ, 1890. Вып. 1.

80. Центральный государственный архив Республики Грузия. Ф. «Канцелярия наместника Кавказа». Д. 206. Начато 12 января 1878 г. Окончено 21 марта 1878 г.

81. См.: Временные правила для Горских Словесных Судов Кубанской и Терской области, утвержденные 18 октября 1870 года Наместником Кавказа.

82. Мэджеллэ – «Шариат и суд» / А.Л. Кирснер. Ташкент: Типография «Туркестанск. Т-ва Печатного Дела», 1911. Т. 3. С. 153.

83. Мэджеллэ – «Шариат и суд» / А.Л. Кирснер. Ташкент: Типография «Туркестанск. Т-ва Печатного Дела», 1911. Т. 3. С. 154.

84. Там же. С. 159.

85. См.: АКАК. Т. 12. С. 1287.

86. Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX–XX в. Дисс... к.ю.н. Ставрополь, 2004. С. 122.

87. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон. XVIII – XX вв.). Нальчик, 1995. С. 78.

88. Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912. С. 18.

89. См.: Дзидзоев А. Д. Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX века. Дисс. к.истор.н., СПб., 2011.

90. См.: Исамагомедов А.М. Развитие судебной власти в Дагестане. Дисс... к.ю.н. Махачкала, 2006. Дзидзоев А. Д. Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX века. Дисс. к.истор.н., СПб., 2011.

91. Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй пол. XIX – нач. XX в. Дисс... к.и.н. Ставрополь, 1999. С. 50.

92. См.: Иваненков Н.С. Горные чеченцы – культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области / Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910. С. 135.

93. РГИА. Ф. 1268. Оп. 15. Д. 143: Дело об образовании в местностях, занимаемых горским населением Кубанской и Терской областей, горских словесных судов и об усилении личного состава уездных полицейских управлений. Л. 8.

94. ЦГА РСФСР-А. Ф. 117. Оп. 1. Д. 24. Л. 6–6 об. См.: Албогачиева М.С.-Г. Указ. соч.

95. ЦГА РСФСР-А. Ф. 117. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–15. См.: Албогачиева М.С.-Г. Указ. соч.

96. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР (с древнейших времен по настоящее время). Грозный, 1967. Т. 1. С. 158.

97. РГИА. Ф.797. Оп. 2. Д. 8809. Л. 19–19 об. См.: Ибрагимова З.Х. Указ. соч.
98. Рейнке Н.М. Указ. соч. С. 30.
99. Там же.
100. Рейнке Н.М. Указ. соч. С. 30.
101. В некоторых горских судах депутаты получают добавочное содержание из горских средств.
102. См.: Калоев Б.А. А.Ф. Кони о Кавказе // Этнографическое обозрение. М., 1997. №3. С. 154.
103. Рейнке Н.М. Указ. соч. С. 35.
104. Там же. С. 36.
105. См.: Цуров М.М. Обычное право ингушей // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999. С. 343. См.: Арсанукаева М.С. Указ. соч.
106. См.: «Терские ведомости». 1907. №96.
107. Там же.
108. См.: «Терские ведомости». 1907. № 96, 98.
109. Рейнке Н.М., Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 153.
110. См.: Ибрагимова З.Х. Царское прошлое чеченцев: политика и экономика. М., 2009. С. 122; Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: невыученные уроки (Изучающим отечественную историю). Ярославль, 2006. С. 247.
111. См.: Липранди А.П. Кавказ и Россия. Харьков, 1911. С. 40.
112. Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 4–5. С. 36.

Глава 3. ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ И СУДЕБНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО У ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

§1. Судебно-правовое строительство в Чечне и Ингушетии (1921–1936 гг.)

4 (17) марта 1918 г. Терская область была объявлена автономной республикой. Она являлась «союзом народов и племен, живущих в ее пределах, политическое участие которых в управлении областью выражается в пропорциональном представительстве в составе единого объединенного органа областной власти»¹. Съезд закрепил «полное равноправие языков всех без исключения национальностей в школе, суде, администрации, телеграфных сношениях, в публичных собраниях и вообще повсеместно в общественной жизни»². По нашему твердому убеждению Терская автономная республика должна была иметь самые широкие полномочия, ведь по сути это была первая

автономная республика в составе РСФСР, республика многонациональная и многоконфессиональная.

Как отмечает исследователь А.М. Бугаев, «с учетом национальных особенностей каждый народ имел право создавать свои народные суды, творящие правосудие согласно народным обычаям и нравам, не противоречащим основным принципам законов Российской республики»³.

Значение Терской Автономной Советской Республики состояло в том, что она сконцентрировала в руках трудящихся масс всю полноту власти, объединив все людские и хозяйственные ресурсы Терской области, явилась форпостом пролетарской революции на Северном Кавказе, многонациональной (коллективной) формой национальной государственности народов Терека, началом национально-государственного строительства на Северном Кавказе⁴.

Одновременное с данными политико-правовыми вопросами утверждение шариата на Северном Кавказе являлось результатом успеха революции в регионе.

На проходившем в мае 1917 г. во Владикавказе 1-м съезде горских народов Кавказа было решено «ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и шариата»⁵.

В январе 1918 г. в г. Моздок состоялся первый съезд народов Терека. Съезд принял важные решения, в частности, «Декларацию первого народного съезда Терской области» как законодательный документ по таким исключительно актуальным вопросам, как земельный, национальный и т. д. В разделе по национальному вопросу отмечалось: «Каждому из народов, населяющих Терскую область, должна быть представлена действительная возможность, в согласии с основами, провозглашенными Великой русской революцией, устраивать свою жизнь так, как ему кажется наилучшим. Народности должны быть объединены в свои национальные Советы, стоящие на позициях защиты интересов трудящейся массы»⁶.

17 марта 1918 г. в г. Пятигорск Съездом была принята Конституция Терской Советской Республики, в которой было закреплено государственное устройство республики, ее политико-правовая база, регламентированы вопросы единоличной и совместной компетенции.

В 1918 г. городские шариатские суды открылись во всех крупных северокавказских городах с мусульманским населением – Владикавказе, Грозном, Нальчике, Темир-Хан-Шуре. После начала Гражданской войны в начале января 1919 г. шариатские суды прошли процесс преобразования в военно-шариатские.

В 1920 г. в Назрани был открыт советский шариатский суд под председательством Тарко-хаджи Гарданова⁷.

За исключением своего названия, к шариатскому судопроизводству они не имели никакого отношения, а, скорее, носили характер военных трибуналов.

Отношение советской власти к шариатскому праву на начальном этапе было прямо противоположно политике дореволюционной российской администрации. Царская власть и ее администрация на Кавказе поддерживали адат, надеясь ослабить этим позиции мусульманского повстанчества. Большевики же в начале 1920-х гг., наоборот, искали союза с мусульманским

освободительным движением, это было выгодно им в своих политических интересах. Согласно официальной советской статистике, на Северо-Западном Кавказе шариатские суды ежегодно разбирали до 30–50% всех судебных дел; в Дагестане и Чечне – до 70–80%⁸.

В целях централизации деятельности судебных органов в ноябре 1918 г. Положением о народном суде РСФСР был создан единый народный суд «в состав которого вошел один постоянный народный судья и два или шесть – от категории дела народных заседателя»⁹.

На Северном Кавказе, как и в целом по РСФСР, помимо Особых сессий, вводились дежурные камеры народного суда¹⁰.

Целью создания подобных судебных институтов являлось стремление советской власти облегчить функционирование народных судов за счет освобождения судебных участков от многочисленного количества дел. Но институт судебных камер на территории Северного Кавказа и Чечни не прижился.

Одновременно с этими процессами происходило становление судебно-исполнительских и следственных органов Северо-Кавказского региона.

На начальном этапе, на Северном Кавказе следственные части создавались согласно Положению о народном суде от 30 ноября 1918 г. как уголовно-следственные комиссии, состоящие из председателя и 2 членов, выбираемых городскими Советами рабочих и крестьянских депутатов либо исполнительными комитетами уездных съездов советов¹¹.

Окончание Гражданской войны в Северо-Кавказском регионе лишь весной 1920 г. привело к завершающей фазе установления советской власти. Это коренным образом способствовало строительству судебных органов в регионе. Нелишним будет отметить, что социально-политическая обстановка в стране сказывалась на неравномерности территориального охвата происходивших преобразований в судебной системе страны. Одна из причин, замедлявших процесс строительства новой судебной системы на Северном Кавказе и в Чечне, в частности, была связана с острой нехваткой специалистов с юридическим образованием. Причем ситуация была парадоксальной, если же мullah, владеющего арабским языком и базовыми понятиями мусульманского права, можно было еще найти для каждого населенного пункта, то специалистов в области светского законодательства катастрофически не хватало. Выход из данной ситуации предполагался посредством привлечения на службу граждан с юридическим образованием из числа проживающих в городе Владикавказ, Назрановском, Нальчикском, Моздокском, Грозненском и Кизлярском округах. Соответствующий приказ был издан Революционным комитетом Терской области 21 мая 1920 г.¹².

В период Гражданской войны в 1918–1920 гг. советское правительство создало суды специальной подсудности. Указываемые суды, именуемые революционными трибуналами, создавались для обеспечения защиты революции от внутренних и внешних врагов. К компетенции данных судебных специальных органов были отнесены дела о выступлениях контрреволюции, шпионаж, саботаж, спекуляция, взяточничество и опасные должностные преступления¹³. Это обстоятельство приводит нас к выводу, что правовой

плюрализм в осуществлении правосудия, длительное время присущий региону, постепенно перешел в разряд правового дуализма, когда возникали судебные органы, зачастую дублировавшие функциональные обязанности по отправлению правосудия друг друга.

Территория Северного Кавказа к 1920 г. была поделена на судебно-следственные участки. В основе данного деления лежали три главных аспекта: обширность территории, количество населения и уровень преступности.

По результатам районирования на Северном Кавказе к первой половине 1921 г. работали 180 судебный и 134 следственный участок¹⁴.

Нельзя обойти стороной в рамках исследования еще один нормативно-правовой акт, касающийся деятельности органов судебной власти на Северном Кавказе, – это приказ Революционного комитета Терской области № 74 от 28 мая 1920 г., согласно которому на основании Положения о едином народном суде в Терской области учреждался Совет народных судей с местопребыванием в г. Владикавказ. Его полномочия распространялись на народные суды г. Владикавказ и Ревкомы Владикавказского, Грозненского, Кизлярского, Моздокского и Пятигорского районов и народные суды Нальчикского Ревкома, которые разбирали дела некоренного населения¹⁵.

Административное же деление Горской республики было следующим: столица Горской республики – Владикавказ; Грозный, являясь крупным промышленным центром, имел статус отдельной административной единицы, подчинявшейся высшим государственным органам Горской АССР и Центральному Исполнительному Комитету и Совнаркому РСФСР¹⁶.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, учитывая все эти условия и волю горских народов, соответствующими Декретами образовал: 1 сентября 1921 г. – Кабардинскую автономную область; 12 января 1922 г. – Карачаево-Черкесскую автономную область; 16 января 1922 г. – Кабардино-Балкарскую автономную область; 30 ноября 1922 г. – Чеченскую автономную область¹⁷.

Строительство государственности Ингушетии после распада Горской автономной республики происходило следующим образом: 7 июля 1924 г. была образована Ингушская автономная область, 1 августа 1924 г. был образован Областной суд Ингушской АО. Возглавил первый Ингушский Облсуд известный революционный деятель Ю.Т. Албогачиев. Именно эта дата дала исторический отсчет истории Верховного Суда Ингушетии¹⁸.

В Чеченской автономной области переход к Советам был осуществлен в 1924 г. В июле этого года повсеместно на территории области состоялись выборы в окружные и сельские Советы. Были сформированы исполнительные Комитеты 11 окружных – районных и 43 сельских совета¹⁹. Переход от революционных комитетов к советам означал дальнейшую демократизацию советского строительства и открывал широкие возможности для повышения политической активности горских трудящихся²⁰.

В Чеченской АО вопрос о восстановлении органов шариатского правосудия был рассмотрен и решен на пленуме ЧечоблЦИКа. Следует отметить, что его обсуждение не вызвало каких-либо ощутимых расхождений во взглядах участников пленума. Весьма наглядно об этом свидетельствует

следующая стенограмма: «Если рассмотреть разбираемый вопрос с точки зрения современного политического момента, — отмечал один из делегатов, — то придется признать, что момент для упразднения шариатских судов не наступил»²¹.

Приведенные в качестве примера правовые акты об организации судов молодого советского государства, на наш взгляд, являются фундаментальной основой советского судоустройства и судопроизводства. Кроме того, в определенной мере они учитывали местные особенности национально-государственных образований России. Здесь, в первую очередь речь идет о Северном Кавказе, где адат и шариат играли одну из важнейших ролей в жизни чеченцев, дагестанцев, ингушей и многих других народов данного региона. Новая власть была поставлена перед дилеммой — выбрать шариат и сделать из горцев своих верных сторонников либо объявить его вне закона, тем самым настроить их против себя. Выбор был сделан в пользу первого варианта, но то, что советская власть не собиралась делить властные полномочия, выяснится по прошествии нескольких лет. Однако в начальный период установления советской власти шариат выступает ее союзником.

Как и до революции, в 20-е гг. характерной особенностью Северного Кавказа оставался правовой плюрализм, сосуществование в республике нескольких судебно-правовых систем. Помимо шарсудов, были образованы народные и сельские словесные суды (отличные от одноименных дореволюционных учреждений, объединяемые с ними лишь внешним принципам судопроизводства, хотя они работали по праву советов) и земельные комиссии. Народные суды были образованы в июле 1920 г. Штат их состоял из народного судьи, добавочного судьи, секретаря, помощника секретаря и сторож-курьера. Разрешали они гражданские и уголовные иски в отношении немусульман, в обвинении немусульманами мусульман в совершении ими уголовных преступлений. В данные суды направлялись гражданские и уголовные тяжбы между мусульманами (в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд), а с 1923 г. — дела по убийствам и кровной мести, бывшие ведением ранее шарсудов²².

Рассмотрение и разбирательство этих дел должно было осуществляться по советскому законодательству. Говоря в целом о принципах становления судебной власти в послереволюционный период в России и на территории Северного Кавказа, в частности, то они были изложены в первых декретах второго Всероссийского съезда Советов, сформировавших его принципы. Декрет о суде № 1²³ отменял действие старого законодательства, в случае противоречия «революционному правосознанию». Заключительное явилось основным сводом закона в виду отсутствия закрепленных нововведений. Хотя в местных судах в качестве источника продолжали действовать нормы обычного права, тем не менее, постепенно стала складываться новая судебная практика. Революционное правотворчество осуществлялось самими судебными органами, высшими органами власти (съезд, ВЦИК, СНК), руководящими органами политических партий (ЦК) и даже местными Советами. В этой работе основная артикуляция делалась на создание эффективного аппарата

принуждения, ведь, как считал вождь революции В. Ленин, «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»²⁴.

Одной из первых сфер, в которой было применено законодательное нормотворчество, были брачно-семейные отношения (семья – ячейка общества, и при перестройке последнего обязательно подвергается воздействию первая). В декабре 1917 г. ВЦИК и СНК приняли декреты, отменявшие все ограничения (разрешение родителей на брак, различие в вероисповедании брачующихся и др.), узаконивающие только гражданскую форму брака, устанавливающие свободу развода²⁵.

В сентябре 1918 г. ВЦИК принял Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве²⁶. В кодексе закреплялось, что церковный брак не порождал никаких юридических последствий; переезд одного из супругов не влек обязанности другого следовать за ним; отменялась общность имущества супругов. Воспитание детей рассматривалось как общественная обязанность родителей, а не как их частное дело. Провозглашался принцип раздельности имущества родителей и детей, запрещалось усыновление. Законодатель опасался скрытой «социально-экономической эксплуатации трудящихся» под видом старых правовых отношений (наследования, завещания, усыновления, опеки и т. п.)²⁷. Естественно, это не могло быть воспринято с положительной стороны чеченским обществом, имеющим свои специфические особенности менталитета, возможно, именно этим объясняется то, что эти нововведения не нашли своего внедрения на практике.

Наряду со светскими судами сохранился самый распространенный на Северном Кавказе религиозный институт, с помощью которого мусульманское духовенство держало под своим влиянием массы, – шариатский суд. "Резкий всплеск религиозного фанатизма среди наиболее отсталых слоев населения, активизация антисоветской деятельности внутренней контрреволюции, выступившей в поддержку установлений шариата, вызвали учреждение ревкомами так называемых «народно-шариатских» судов. В частности, об открытии в Назрановском округе трех таких судов сообщала 17 июля 1920 г. газета «Красная Ингушетия»²⁸.

Поддержание и создание шариатских судов было вынужденной временной мерой. Помимо того, что это был важный стратегический план в деле укрепления советской государственности, существовала еще одна очень серьезная проблема – отсутствие профессиональных кадров. Нетрудно представить, что в регионе было мало знатоков шариата, еще меньше было специалистов в области светской юриспруденции, если быть более точным, то из числа местного населения их как таковых практически не было.

Советские шариатские суды унаследовали немало черт дореволюционного адатского права и процесса. Во-первых, состав сельского шарсуда почти не отличался от словесного. Несмотря на свое название, шариатские суды продолжали руководствоваться в своей работе не только мусульманским правом, но и нормами адата. Их низовые сельские органы разбирали по шариату только бракоразводные дела на сумму до 100 руб. По форме судопроизводство шариатских судов всех уровней оставалось крайне

простым. Прокуроров и адвокатов в нем не было. Сельский суд собирался в здании сельсовета или на центральной площади по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. В уголовных делах шариатские суды всех уровней руководствовались принятыми по адату наказаниями: изгнанием кровника из населенного пункта, крупными штрафами за пролитие крови как пострадавшей стороне, так и общине²⁹. С практической точки зрения шариат нередко оказывался неприменимым в части применения отдельных видов наказания. Но он действовал в качестве идеального стандарта, приемлемого всеми мусульманскими народами для отправления правосудия, в этом была его главная консолидирующая роль и универсальность.

Первой попыткой создания правовой формы государственности чеченского, ингушского и других народов Северного Кавказа в рамках Советской России следует считать 2-й съезд народов Терека, состоявшийся в г. Пятигорск 17 марта 1918 г., который провозгласил Терскую Советскую республику. Но последовавшая вскоре за этим и другими процессами в 1918 г. череда событий, связанных с Гражданской войной, привела к тому, что молодая Терская Советская республика была оккупирована войсками генерала Деникина, следовательно, начавшийся процесс формирования государственности и ее правовых институтов был прерван до весны 1920 г.

Весной 1920 г. на общенациональном съезде был создан Чеченский ревком, который возглавил известный политик, бывший депутат Государственной Думы I и II созыва Таштемир Эльдарханов³⁰.

Что касается деятельности судебной системы в Чечне и на Северном Кавказе в целом, то, несмотря на сохраняющееся влияние шариата в регионе, как такового общероссийского законодательного акта о шариатских судах первоначально издано не было. Объективно это связано с тем, что власть находилась на стадии своего укрепления, что побуждало искать ее формы решения проблем мусульманского права и суда в мусульманских регионах страны. Отвержение же шариата для советской власти означало неминуемую потерю в лице народов Северного Кавказа верных союзников, что привело бы к тяжелым последствиям, в этой связи чрезвычайно важным было выработать нормативно-правовые акты, учитывающие интересы местного населения при осуществлении правосудия.

В декабре 1920 г. народный комиссариат юстиции РСФСР рассмотрел вопрос о целесообразности сохранения шариатских судов на Северном Кавказе и рекомендовал местным советским органам решить этот вопрос, исходя из конкретной обстановки³¹. Данное решение, по нашему убеждению, в значительной степени было оправданным и крайне необходимым, особенно для Чечни с ее сложным общественно-политическим устройством. После установления советской власти в Северо-Кавказском регионе власть своей главной задачей считала проведение полной замены существовавших ранее институтов государственной власти путем создания абсолютно новой системы управления. С этой целью в Терской области были учреждены революционные трибуналы и народные суды. Вместе с тем, в Чечне и Ингушетии процессы по установлению новых органов власти проходили сложную процедуру борьбы с имевшей место многовековой системой патриархально-родового быта, а также

активного религиозного противодействия новым порядкам. Именно поэтому длительное время, в отличие даже от своих соседей дагестанцев и осетин, власть в Чечне и Ингушетии осуществлялась революционными комитетами, а не Советами рабочих и крестьянских депутатов, поскольку работа Советов блокировалась действиями радикально настроенной части населения. Работа революционных комитетов продолжалась длительное время – с 1920 по 1924 г.

Согласно сведениям из отчета отдела юстиции Терского областного ревкома, к августу 1920 г. в данной области была создана целая система судебных органов: областной революционный трибунал, Советы народных судей, являвшиеся кассационной инстанцией для народных судов. Такие советы были учреждены во Владикавказе и Пятигорске. Кроме того, были созданы Назрановский и Чеченский советы народно-шариатских судей; народные суды, а также «народно-шариатские» суды в Назрановском и Чечено-Веденском округах³².

В данных судах происходило разбирательство по уголовным и гражданским делам. Стоит отметить и еще один немаловажный факт – что существовала своего рода обособленность организации. Процедура функционирования данных судов, обусловленная тем, что функции Советов рабочих и крестьянских депутатов осуществляли вышеупомянутые революционные комитеты, вследствие чего народные суды в области создавались не в полном соответствии с Положением о народном суде РСФСР, утвержденным декретом ВЦИК 30 ноября 1918 г.³³. В данном случае речь идет о неприменении статьи, согласно которой судьи должны избираться общим собранием из числа кандидатов, предлагаемых исполкомом районного Совета рабочих и крестьянских депутатов.

Как нам представляется, вопрос избираемости и утверждения судей лег в основу нового Положения «О народном суде», изданном 21 октября 1920 г.³⁴. При анализе данного документа мы приходим к выводу, что его содержание по основным функциональным целям не претерпело принципиальных изменений, за исключением вопроса избрания и утверждения судей, юридическая новизна данного вопроса сводилась к тому, что утверждение избранных судей проходило в Губернском исполкоме.

Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует о том, что власть даже в тот период предпринимала попытки выработать некий компромисс между обществом и собой. Однако реальная ситуация с установлением новой судебной системы была далека от того, чтобы ее можно было классифицировать как успешно внедряемую. Как отмечает видный исследователь К.А. Кокурхаев, «важная веха в деле национально-государственного строительства на Северном Кавказе – это образование Горской Советской Социалистической Республики (ГССР). Согласно декрету ВЦИК от 20 января 1921 г., она являлась частью РСФСР и включала в себя территорию, на которой проживали тогда чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы и другие народы»³⁵.

Согласно докладу Грозненского окружного ревкома от 24 мая 1920 г. отмечалось, что «организованным ревкомом народным судам передано следствие и разбирательство уголовных и гражданских дел»³⁶.

В рассматриваемый период характерны диаметрально-противоположные расхождения в вопросах организации судостроительства и судопроизводства. Объяснялось это тем, что в регионе проживали представители различных религиозных конфессий, которые считали, что организация суда должна быть непосредственно отражающей их настроение. Игнорируя мнение одних, руководствоваться мнением других советская власть до своего укрепления в крае не могла себе позволить. На наш взгляд, объясняется это тем, что и в лице казачества, и тем более народов Северного Кавказа новая власть искала оплот и верных сторонников. Даже после образования Горской Советской Социалистической Республики (ГССР), образованной в 1921 г. в составе РСФСР, куда входили шесть округов, в том числе чеченский и ингушский, разногласия по системе судопроизводства обострились. Именно так можно объяснить то обстоятельство, что практически через четыре месяца после образования Горской Советской Социалистической Республики, 21 апреля 1921 г., на съезде была принята «Резолюция о введении шариатского судопроизводства в ГССР, ввиду того, что горские народы считают шариатские суды необходимыми и жизнеспособными»³⁷.

В 1921 г. во Владикавказе состоялся съезд работников шариатской юстиции Горской республики, на котором было рекомендовано в Чеченском округе учредить 16 судов. Судопроизводство в ГССР было двойным. С одной стороны народное судопроизводство, с другой стороны – шариатское судопроизводство. Осуществление шариатского судопроизводства происходило в местах проживания преимущественно населения, исповедующего ислам. Как отмечает К.А. Кокурхаев, «при Наркомюсте республики были образованы два отдела: народный и шариатский, возглавляемые заместителями наркома. При отделах учреждались коллегии из знатоков шариата и советского правосудия для оказания необходимой методической и юридической помощи судьям. В округах, кроме бюро юстиции, создавались самостоятельные шариатские отделы, подчинявшиеся соответствующему отделу при Наркомюсте»³⁸.

Согласно действовавшему Положению, шариатским судам на территории Чечни для отправления правосудия предоставлялись широкие полномочия.

Местные окружные шариатские учреждения рассматривали все гражданские дела, возникавшие между чеченцами, когда сумма иска не превышала 1000 рублей. Постановление президиума ЧечоблЦИКа отнесло к исключительной компетенции шариатских органов также судопроизводство по бракоразводным и наследственным делам³⁹.

Своеобразным отличием и особенностью судебной системы в Чечне было то, что на ее территории «вместо совета шариатских судей был учрежден новый орган – областная шариатская коллегия»⁴⁰. Это отличие было знаковым еще и потому, что среди местных учреждений – горревтрибунала, Совнарсуда с 15 участковыми нарсудами, Владикавказским и Грозненским бюро юстиции, владикавказским и грозненским исправтруддомами, советом шариатских судей с 4 участковыми шариатскими судами при наркомате республики – первоначально не было данной обособленной шариатской коллегии.

Президиум ЦИК Чеченской АО на своем заседании 5 ноября 1924 г. передал составление предварительного проекта «Положения о шариатских

судах» в областной суд и прокуратуру. Однако не все было так просто и легко с позиции организации шариатских судов в Чечне. Работа по подготовке данного Положения длилась 5 месяцев. Было составлено 3 варианта указанного положения. Как отмечает З.Х. Мисроков: «В декабре того же года разработка данного проекта была в основном завершена. Для его окончательной доработки и уточнения деталей президиум ЧечоблЦИКа создал «особую редакционную комиссию», в состав которой ввел также нескольких шариатских судей. В ходе редактирования проекта «Положения о шариатских судах Чеченской АО» между комиссией и областной прокуратурой неожиданно возникли острые дебаты. Эти разногласия сводились к следующим пунктам: комиссия предлагала установить состав шариатского суда в лице трех постоянных и платных судей, в то время как первоначальный проект предусматривал только одного платного шариатского судью. Во-вторых, комиссия отнесла к подсудности шариатских судов все гражданские дела с иском до 500 рублей золотом вместо 100 по проекту. С другой стороны, комиссия предоставила шариатским судам право рассмотрения также и уголовных дел по признакам, указанным в п. «А» статьи 180 УК РСФСР... Препирательства между редакционной комиссией и прокуратурой продолжались до тех пор, пока, наконец, не было принято компромиссное решение о передаче в ЧечЦИК обоих вариантов проекта»⁴¹.

Структура шариатских судов состояла из трех постоянных членов, на одного из которых были возложены функции председательствующего. Среди критериев отбора на должности судей главным было знание шариата и арабского языка, именно поэтому в большинстве своем судьи являлись муллами. Исследуя процесс осуществления судебного разбирательства в шариатских судах Горской ССР, следует отметить, что оно происходило на местном языке, а запись в случае ее осуществления происходила на арабском языке.

Согласно «Положению», производство предварительного следствия по делам «о посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжелых ран или увечий, изнасиловании, разбое, грабеже и скотокрадстве» было возложено на шариатских следователей.

Двойственная система судопроизводства в Горской Республике не имела дальнейшего развития и существования. Об этом косвенно указывает востоковед М.Ю. Рошин, ссылаясь на известного чеченского политолога А. Авторханова: «Таким образом, была создана совершенно неестественная советская республика горцев с советской эмблемой на знамени и шариатской конституцией в жизни. Во всех правительственных учреждениях, школах и других публичных местах по приказу самих же большевиков вместо Ленина и членов Политбюро Российской компартии красовались портреты Шамиля и его наивов...»⁴².

Двумя последовательными этапами деятельность шариатских судов была ориентирована на ликвидацию: в мае 1921 г. ЦИК Горской Республики принял решение о снятии шариатских судов с государственного снабжения, а в сентябре 1923 г. в Чечено-Ингушетии начала действовать единая система судебных учреждений в соответствии с Положением о судостроительстве РСФСР

1922 г. Окончательно формирование единой судебной системы произошло на 3-й сессии ВЦИК XII созыва, где было принято новое Положение о судостроительстве РСФСР, введенное в действие постановлением от 19 ноября 1926 г. Данное положение установило единую систему судебных учреждений: народный суд, губернский (областной) суд, Верховный Суд РСФСР⁴³.

Необходимо отметить, что процесс кардинального реформирования органов юстиции, а также принятие в это время кодексов материального и процессуального права способствовали дальнейшему эффективному развитию и укреплению революционной законности, что способствовало отправлению совершенно нового для общества того времени социалистического правосудия.

Таким образом, судебная система на территории современной Чечни и Ингушетии в рассматриваемый период носила на определенном этапе двойственный характер, где шариатское судопроизводство на переходном этапе отчасти играло даже доминирующую роль, но позже эта тенденция стремительно начала меняться.

Власть Чеченского ревкома, а затем вновь созданных Советов всех уровней носила в Чечне преимущественно формальный характер. Создание советских органов власти никак не решило проблему скорейшего экономического восстановления Чечни, половина населения которой жила в условиях голода и нищеты. Кроме того, недовольство вызвали странные в тех условиях попытки властей ввести в Чечне, по примеру центральных областей России, продовольственный налог (продразверстку), наложить ограничения на торговлю. Еще одним раздражающим фактором стал производ, творимый революционными трибуналами и другими карательными органами советской власти⁴⁴. В данных революционных трибуналах «рассматривались дела о контрреволюционных деяниях, спекуляции в крупных размерах товарами и предметами, взятыми на учет, должностных преступлениях и др.»⁴⁵.

Функционировавший Горский революционный трибунал, после создания в Горской Республике Главсуда, в соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 4 сентября 1922 г. за № 212 фактически прекратил свое властное господство. Несмотря на это, с 1 марта 1923 г. судебный аппарат в республике был представлен двумя ведомствами – народным судом и трибуналом, возглавляемым Верховным трибуналом при ВЦИК⁴⁶.

Горская ССР просуществовала недолго, и в 1924 г., выполнив по мысли партийного руководства свои задачи, была ликвидирована⁴⁷.

29 мая 1925 г. президиум ЧечЦИКа рассмотрел выработанный особой комиссией проект «Положения о шариатских судах» и утвердил его с изменениями, в частности: «уголовные дела, поступающие на рассмотрение шариатских судов должны предварительно рассматриваться прокуратурой на предмет согласия последней о передаче дела в шарсуд». Несмотря на это, прокурор области совместно с облсудом опротестовали утвержденное и уже введенное в действие «Положение», мотивировав это тем, что «изменения, внесенные в проект при его утверждении, фактически свели на нет квинтэссенцию данного акта». В связи с изложенным прокуратура Чеченской АО потребовала пересмотреть «Положение о шариатских судах» или, во всяком

случае, ввести его в действие без внесенных президиумом ЧечЦИКа изменений⁴⁸.

Согласно «Положению о шариатских судах» Чеченской АО, «не имели права быть судьями и заседателями лица, опороченные по суду либо исключенные из общественных и профессиональных организаций за позорящие поступки и поведение. Председатели и члены шариатских судов в качестве важнейшего условия должны были обладать правом избирать и быть избранными в Советы рабочих и крестьянских депутатов. Шариатский суд принимал дела к своему рассмотрению исключительно в случае обоюдного согласия на то всех заинтересованных лиц, участвующих в судебном процессе. Если же одна из сторон желала рассмотрения дела в шариатском суде, а другая – в народном, дело было подсудно последнему. Согласно архивным документам изучаемого периода, можно обозначить позицию прокуратуры Чечни в отношении организации и деятельности шариатских судов как откровенно отрицательную. В протесте помощника прокурора Чечни Берзина в ЦИК Чеченской автономной области против деятельности шариатских судов от 8 октября 1924 г. отмечалось, что шариатские суды не входят в предусмотренную систему согласно Декрету ВЦИК «О судеустройстве РСФСР», следовательно шариатские суды являются учреждениями, исполняющими особые функции на территории Автономной Области Чечня без признания... за шариатскими судами со стороны центральной власти, т. е. их решения по гражданским и уголовным делам не имеют юридической силы, и само их существование в жизни Чечни, во-первых, нарушает формальный смысл законов, во-вторых, не отвечает действительным потребностям большинства массы населения Чечни и классовой точки зрения пролетарского государства, осуществляемой судебной системой РСФСР. Только в Чечне на пространстве всего Союза ССР имеются эти отсталые судебные учреждения, которые всю карательную и судебную политику на 80% в Чечне проводят независимо от всей карательной и судебной политики РСФСР. Состав шарсудов комплектуется из людей, имеющих арабское образование, трудно когда-то доступное и доступное исключительно богатым слоям населения Чечни. Само население состоит из отсталой в культурном и экономическом отношении крестьянской массы⁴⁹.

Введенный в научный оборот документ дает полное представление о вопросах организации шариатских судов, их дальнейшего комплектования, отношения населения и содержит прямое заключение об отмене их деятельности. Несколько сот ученых мулл и нескольких крупных и влиятельных шейхов отправляют судебную политику через шариатские суды, решения и приговоры которых являются грубейшей несправедливостью по отношению к беднякам. Часто бывает, что по одному и тому же делу следует несколько решений одного и того же суда в одном и том же составе. Из вышеизложенного ясно, что карательной и судебной политикой в области управляет ЦИК ЧАО. Таким образом, отсутствует возможность направлять кому-либо все силы и средства на поднятие правосознания масс населения и борьбу с преступностью, согласованные с взглядами трудящихся вообще и устойчивой карательной политикой в частности. Выборность шариатистов со

стороны самого населения отсутствует, а происходит за спиной населения, которое должно считаться с этим и отдавать себя и разрешение своих споров законам, основанным на теологическом учении.

Противодействие протесту нашло продолжение на заседании Президиума Чечоблика от 11 октября 1924 г. Мнение участников заседания существенно разошлись: так, Эльдарханов отметил, что, прокуратура, протестуя постановление № 21, придерживается буквы закона. В силу местных бытовых условий, отсутствия гибкого административного аппарата власти на местах, борьба с бандитами по методам законоположений невозможна, т. к. при аресте бандита у него никогда нельзя найти вещественных доказательств, ибо он все награбленное сейчас же справляет в горы или за пределы области. В силу указанных местных условий вполне возможны отступления от закона и единственный выход для успешной борьбы с бандитами – это утверждение постановления №21. На что Энеев возразил доводом, что пора подобных приказов прошла. Бандиты скрываются в лесу, а разоряются их жилища и родственники. Необходимо повести действенную борьбу с бандитизмом⁵⁰.

Веское значение в вопросе защиты прав и свобод коренного населения Северного Кавказа при осуществлении судебного разбирательства в отношении них имело постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1927 г., которое отражало учет национальных особенностей как на досудебном, так и на судебном этапах⁵¹.

Одновременно с этими процессами советская власть в конце 20-х гг. проводила репрессивную политику в отношении адата и шариата, это, в свою очередь, вызывало ответную реакцию у чеченцев и ингушей. Не случайно во время двух восстаний, произошедших в Чечне в 1929 г., одним из требований восставших было: ликвидировать назначенные сверху «народные суды» и восстановить институт шариатских судов, предусмотренный учредительным съездом Горской советской республики⁵². Реакция со стороны властей на подобные требования была жесткой и неадекватной: «В 1929 г. в подвалах ОГПУ были расстреляны более 300 представителей традиционного чеченского духовенства, обвиненные в контрреволюции, антисоветизме, сектантстве»⁵³.

Начавшийся в 1922–1924 гг. процесс возникновения чечено-ингушской национальной советской государственности, ознаменовавшийся созданием двух однонациональных автономных областей, к 1934 г. завершился созданием единой национальной автономной области чечено-ингушского народа. Чечено-Ингушская автономная область входила в РСФСР на правах административной автономии. Сообразно с формой автономии определялся и круг ее прав. Она создавала свои собственные органы государственной власти и государственного управления: Областной съезд Советов образовывался из делегатов, представляющих городские Советы, а также из делегатов, избираемых от совхозов, МТС, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений, по норме 1 делегат от 600 избирателей, а в сельской местности – 1 делегат от 3 тыс.⁵⁴.

Важной вехой в развитии национально-государственного строительства в Чечено-Ингушетии стало объединение на основе взаимного желания Чечни, г.

Грозный и Сунженского округа в единую Чеченскую автономную область. Вопросы образования единой Чеченской автономной области были в соответствующем порядке обсуждены в центральных, краевых и местных партийных и советских органах, на собраниях общественности. Было принято решение объединить Чеченскую автономную область, г. Грозный и Сунженский округ в единую Чеченскую автономную область⁵⁵.

С середины 30-х гг. XX в. советское государство вступило в новый этап политико-правового развития, отразившегося в полной мере как на союзных республиках, так и автономиях в составе РСФСР. В стране был завершен процесс перехода от капитализма к социализму, т. е. построены основы социализма. По мнению американского исследователя Г. Дерлугьяна: «социализм оказался глубоко привлекательным для чеченского сознания и даже совместился с ценностями ислама...»⁵⁶.

Представленное мнение имеет определенную степень объективности, поскольку в советской власти горцы Северного Кавказа (чеченцы в частности) видели возможность строительства государственности в составе РСФСР. Политика новой власти в первые годы ее утверждения носила сбалансированный характер, учитывающий национальные особенности и историческое прошлое народов Северного Кавказа. Это обстоятельство не могло не восприниматься народами как благо. Проявление чувства уважительного отношения к традициям и нравам самобытных народов Северного Кавказа активно декларировалось со стороны новой власти вплоть до конца 20-х гг. XX в. Постепенный переход к формированию единой советской нации внес в указанные выше процессы серьезные коррективы, тем не менее, народы Северного Кавказа не были лишены возможности строительства своих государственных образований в составе единого государства.

Среди прав Чечено-Ингушской автономной области, наиболее характеризующих ее как автономно-административное образование, было право разработки и принятия на областном съезде Советов Положения, в котором определялся ее правовой статус. То обстоятельство, что правовой статус автономной области определялся ею с последующим утверждением высшим органом государственной власти РСФСР (ВЦИК), подчеркивало национально-административную природу области и конституционную гарантию ее автономии⁵⁷.

Чечено-Ингушская автономная область, находясь в составе Северо-Кавказского края, тем не менее, не была подотчетна краю в плане согласования указанного Положения. Чечено-Ингушская автономная область пользовалась правом особого представительства в высших органах власти РСФСР и СССР.

Чечено-Ингушская автономная область имела своего представителя и при Президиуме ВЦИК; его задача состояла в том, чтобы представлять во всех центральных учреждениях РСФСР по главнейшим вопросам, имеющим политическое, национальное, хозяйственное и социально-культурное значение для Чечено-Ингушской автономной области, а также в том, чтобы информировать как центральные учреждения РСФСР по вопросам хозяйственного, культурного и политического строительства национальной

жизни области, так и органы автономной области о важных правовых актах и других мероприятиях, проводимых по национальному вопросу Союзом ССР⁵⁸.

Анализ совокупности прав, присущих Чечено-Ингушской автономной области, всецело и повсеместно закрепляли ее автономию и фундаментальную основу гарантий как автономии. Оказанная в тот период всеобъемлющая и всесторонняя помощь со стороны центра в лице РСФСР создала скорую основу процесса национального единения и консолидации двух братских народов, все это в совокупности привело к переходу к более высокой стадии национального государственного развития⁵⁹.

Конституция СССР 1936 г. утвердила преобразование ряда автономных республик в союзные, а автономных областей – в автономные республики. В числе автономных областей, преобразованных в автономную республику, была и Чечено-Ингушская автономная область.

Официальной датой возникновения первого национального государства в истории чеченцев и ингушей принято считать 5 декабря 1936 г., в этот день с принятием Конституции СССР было юридически (конституционно) закреплено преобразование Чечено-Ингушской автономной области в Чечено-Ингушскую АССР.

Еще в конце 1927 г. бюро Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) заслушало мнение по вопросу объединения двух братских народов секретарей обкомов Чечни (Г. Булат) и Ингушетии (И. Зязиков). Комплексный анализ, проведенный в двух областях представителями центральных и краевых партийных органов, обозначил в целом негативное отношение чеченских и ингушских советских руководителей по перспективе объединения в единую автономию. Нежелавшие слияния, объясняли это сравнительной удаленностью Ингушетии от Грозного, который стал бы столицей единой Чечено-Ингушетии, неразрывностью экономического взаимодействия областей между собой: Чечня в экономическом плане равнялась на Грозный, а Ингушетия – ориентировалась на Владикавказ. Экономический аспект объединения был невыгоден Чечне, так как это привело бы к передаче аграрным районам Ингушетии доли доходов от «Грознефти», являвшихся основой бюджета области⁶⁰.

На наш взгляд, национально-государственное строительство на Северном Кавказе условно можно разделить на 4 этапа. Образование Терской Автономной Советской Республики являлось первым этапом нового национально-государственного строительства, создание Горской АССР – второй этап данного строительства, образование отдельных национальных автономий (областей) – третий этап такого строительства, четвертый этап характеризуется созданием автономных республик, в частности, Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики (ЧИАССР).

ЧИАССР в составе РСФСР образована как автономная область 15 января 1934 г.; преобразована в АССР 5 декабря 1936 г. Расположена на северном склоне Б. Кавказа (в его восточной части) и на примыкающих к нему Чеченской равнине и Терско-Кумской низменности. Площадь – 19,3 тыс. км.² Население – 1159 тыс. чел. (на 1 января 1977 г.). В Чечено-Ингушетии 14 районов, 5 городов и 4 поселка городского типа. Столица – г. Грозный⁶¹.

16 апреля 1937 г. в республиканской печати был опубликован проект первой Конституции Чечено-Ингушской АССР⁶². В тот же день он был одобрен на заседании Политбюро ЦК ВКП (б)⁶³.

Конституция ЧИАССР была принята 22 июня 1937 г. Чрезвычайным 3-м съездом Советов ЧИАССР. Высшие органы государственной власти – однопалатный Верховный Совет ЧИАССР, избираемый населением на 5 лет по норме 1 депутат от 6 тыс. жит., и его Президиум. Верховный Совет образует правительство республики – Совет Министров. ЧИАССР представлена в Совете Национальностей Верховного Совета СССР 11 депутатами. Местные органы государственной власти – городские, районные, поселковые и сельские Советы народных депутатов – избираются населением на 2,5 года. Верховный Совет ЧИАССР избирает сроком на 5 лет Верховный суд республики в составе 2 судебных коллегий (по уголовным и по гражданским делам) и Президиума Верховного суда. Прокурор ЧИАССР назначается Генеральным прокурором СССР на 5 лет⁶⁴.

Конституция в ст. 1 определяла, что Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика является социалистическим государством рабочих и крестьян. В ст. 13 говорилось, что ЧИАССР входит в состав РСФСР на правах автономной республики. Она имеет свою территорию, которая не может быть изменена без ее согласия (ст. 15). Политическую основу автономной республики составляли Советы депутатов трудящихся (ст. 2).

Экономической основой являлась социалистическая собственность в форме государственной или колхозно-кооперативной собственности (ст. 4,5). Допускалось мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда (ст. 9).

Конституция четко определяла систему государственных органов власти республики. Высшим законодательным органом власти являлся Верховный Совет ЧИАССР, избиравший из своего состава Президиум Верховного Совета. Верховный Совет формировал Правительство ЧИАССР (Совет Народных Комиссаров).

Чечено-Ингушская АССР обладала всеми атрибутами и признаками государства. Главным признаком считалось наличие Конституции. Она разрабатывалась и принималась Верховным Советом ЧИАССР в соответствии с Конституцией СССР и РСФСР, при этом полностью отражала национальные интересы чеченского и ингушского народов. Конституция ЧИАССР закрепила общественное и государственное устройство республики, систему и принципы организации и деятельности ее органов, основные права и обязанности граждан и избирательную систему республики.

Чечено-Ингушская АССР как государство – это качественно новый этап советского национально-государственного строительства в Чечено-Ингушетии, прежде всего обусловленный политической логикой социалистического строительства⁶⁵.

Законодательную деятельность, а также организацию государственного управления ЧИАССР осуществляла через свой Верховный Совет, Президиум Верховного Совета и Совет Министров. ЧИАССР обладала широким

внутренним государственным самоуправлением, большими правами в решении тех вопросов хозяйственного, культурного и политического строительства республики, которые непосредственно связаны с национальным бытом, культурой, интересами и особенностями национальной жизни. Все это свидетельствует о широком круге полномочий республики в области ее социально-культурного и государственного строительства, законодательно закрепленного и гарантированного Конституциями СССР, РСФСР и ЧИАССР⁶⁶.

Среди приоритетов преобразования Чечено-Ингушской автономной области в Чечено-Ингушскую АССР следует отметить также качественно новый характер государственно-правовых отношений между РСФСР и ЧИАССР, они стали классифицироваться как федеративные.

Чечено-Ингушская АССР была той моделью национально государственного самосознания чеченского и ингушского народов, которая обеспечивала их более целостное и автономное государственное самоуправление, а также центром, установившим взаимоотношения с остальными народами РСФСР, самостоятельными в отдельных проявлениях советской социалистической государственности.

Перечисленные преобразования в государственном устройстве коснулись и судебной системы ЧИАССР, которая стала руководствоваться при отправлении правосудия единым для всей страны законодательством. В основе деятельности судов Чечено-Ингушской АССР лежали советские принципы правосудия.

Высшим судебным органом на территории ЧИАССР являлся Верховный Суд ЧИАССР, его работа осуществлялась в соответствии с дополнением к «Положению о судостроительстве РСФСР», принятым ВЦИК 5 сентября 1923 г. Его члены и Председатель утверждались Президиумом ВЦИК. Верховный Суд ЧИАССР действовал в составе Пленума, Президиума, кассационных коллегий по уголовным и гражданским делам, военной и военно-транспортной коллегии, а также дисциплинарной коллегии.

Верховный Суд осуществлял судебный надзор за всеми судами, рассматривал дела по первой и второй инстанциям, решал вопросы судебного управления и занимался толкованием законодательства по вопросам судебной практики⁶⁷.

Верховный Суд ЧИАССР явился органом судебного надзора и кассационной инстанцией по делам, рассмотренным народными судами и судом первой инстанции, по делам, превышающим подсудность народного суда. Не лишним будет отметить факт того, что Чечено-Ингушская АССР, будучи в составе РСФСР, полностью подчинялась всероссийскому законодательству, следовательно все изменения в обустройстве судов СССР находили свое отражение и на республиканском уровне.

Наряду с изучением организационно-правовых вопросов судостроительства в республике следует обратить внимание на общественно-политическую составляющую. В республике, как в целом и по всей стране, с середины 30-х гг. начались массовые репрессии, превратившиеся в произвол со стороны правоохранительных органов.

Т. Эльдарханов, пытавшийся остановить

разгул ОГПУ на территории Чечни, 27 сентября 1925 г. был смещен с поста руководителя Чеченской АО⁶⁸.

Следственные органы обвиняли арестованных в контрреволюционно-повстанческой, террористически-шпионской, антисоветско-вредительской деятельности. Аресты проводились без санкции прокурора и с другими процессуальными нарушениями советского законодательства.

Летом 1937 г. в Чечено-Ингушетии было арестовано до 14 000 человек⁶⁹. Существуют данные, согласно которым «только с середины 1936 г. и до конца 1938 г. было арестовано до 80 000 человек в Чечено-Ингушетии»⁷⁰. За 1937–1939 гг. репрессиям подверглись 30 из 76 членов и кандидатов в члены областного комитета ВКП(б), 20 из 28 – секретарей райкома партии, 17 партработ обкома, 77 членов райкома, 192 руководящих работников сельских районов⁷¹. В апреле 1937 г. начались массовые аресты в Чечено-Ингушетии. К июню 1937 г. в народном хозяйстве республики были арестованы 151 член партии как «враги народа», в основном это были работники нефтяной промышленности. 8–10 октября 1937 г. состоялся второй расширенный пленум Чечено-Ингушского обкома партии. В его работе активное участие принял приглашенный кандидат в члены Политбюро, председатель партколлегии КПК и заместитель Ежова М.Ф. Шкирятов, огласивший решение ЦК ВКП (б) о снятии с работы руководящих партийных, государственных и хозяйственных работников республики⁷². Обозначенный выше пленум от 8–10 октября 1937 г. явился катализатором трагических событий для тысяч граждан республики. Как отмечает исследователь Г.А. Ерещенко, «к 10 мая 1938 г. только под следствием находилось 7572 человека»⁷³. «Враги народа» были обнаружены в музеях, архивах и других учреждениях и организациях. В 1937 г. был репрессирован директор республиканского музея З.Д. Шерипов⁷⁴. В результате репрессий с 1929 по 1937 г. население Чечни с учетом неродившихся сократилось на 205,8 тысяч человек⁷⁵. Во второй половине 1940 г. было осуждено 156 директоров предприятий, 25 главных инженеров, 18 начальников ОТК... и т. д. (всего 391 человек). Арестованные делились на 2 категории: первая категория, чьи дела рассматривались на тройках и подлежали расстрелу, ко второй категории относились те, кто приговаривался к 8–10 годам заключения в лагерях. Состав «тройки» в Чечено-Ингушетии состоял из Дементьева (председатель), Петрова и Вахаева (члены)⁷⁶. Тройка вела протокол заседаний, куда записывались вынесенные ими приговоры в отношении осужденных, далее они направлялись начальнику оперативной группы с целью приведения приговора в исполнение.

В ноябре 1937 г. были арестованы второй секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) Х. Вахаев, Председатель Совнаркома республики А.И. Горчханов. Подверглись репрессиям в период 1937–1940 гг. и те, кто долгие годы чинили беспредел и преступления, в их числе были высокопоставленные руководители правоохранительных органов: глава НКВД ЧИАССР – Крафт, наркомы внутренних дел ЧИАССР Раев и Иванов⁷⁷.

Председателем Верховного Суда ЧИАССР в 1937 г. был назначен Ушаев Мазлак – советский генерал, сталинский чекист⁷⁸. О масштабах необоснованных репрессий свидетельствует тот факт, что только в 1989–1990

гг. в процессе пересмотра уголовных дел, сфабрикованных в 1937–1939 гг., посмертно было реабилитировано 6 тысяч человек. И это только вершина айсберга⁷⁹. Не выяснена судьба остальных из общего числа 80 000 человек, арестованных в рассматриваемый период. Систематизация и реконструкция событий периода с 1926 по 1940 г. позволяет сделать вывод о том, что общественно-политическая ситуация в республике была в целом схожа с аналогичными политико-правовыми процессами в стране в рассматриваемый период. Конституционно-правовое развитие ЧИАССР, начавшееся с 1936 г., было осложнено начавшимися массовыми репрессиями, в результате которых были расстреляны, а также приговорены к длительным срокам тюремного заключения представители партийной элиты, интеллигенции и рабочие предприятий ЧИАССР. Формулировка «враг народа» в подавляющем большинстве случаев была надуманной, уголовные дела строились в основном на доносах и домыслах следственных органов, тем не менее, это не мешало судам применять самые жесткие виды наказаний. Следствие проводилось ускоренно и в упрощенном порядке, в материалах уголовных дел находились: агентурно-учетный материал, анкета арестованного, протокол допроса и обвинительное заключение в сжатом виде. Исследованные события были предтечей масштабной трагедии в истории чеченцев и ингушей – 23 февраля 1944 г. чеченцы и ингуши были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию, а ЧИАССР была ликвидирована⁸⁰. Без всякого суда и следствия, вопреки всем законам, сталинско-бериевская репрессивная машина осуществила в ЧИАССР в 1944 г. триаду действий в отношении своих же граждан – репрессии, депортацию и геноцид. Последнее из перечисленного проявилось 27 февраля 1944 г. в высокогорном селении Хайбах, в связи с отставанием от графика операции по депортации, труднодоступности населенных пунктов, сложности транспортировки «были расстреляны и сожжены заживо до 700 человек из нескольких селений и хуторов Галанчожского района. В Чеберлоевском районе людей топили в озере Кезеной-Ам, в селе Урус-Мартан больных людей закопали во дворе районной больницы. В Итум-Калинском районе дома с больными людьми забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью»⁸¹. Противоправные действия в отношении тысяч граждан в целом по всей стране способствовали формированию у властной элиты чувства вседозволенности, когда без суда и следствия наказывались не отдельно взятые граждане, а целые народы: «к моменту выселения в 1944 г. численность чеченцев составляла 478 479 человек (в том числе 37,1 тыс. чеченцев-аккинцев), ингушей – 91250 человек»⁸². Проведенный анализ позволяет нам сделать предварительные выводы:

- в начальный период установления советской власти судопроизводство на Северном Кавказе осуществлялось с определенным учетом местных религиозных и обычно-правовых особенностей, но позже власть отказалась от этого учета особенностей менталитета;

- советское законодательство в области судоустройства закрепило важнейшие принципы судопроизводства: выборность судей, коллегиальность рассмотрения дела, ведение судопроизводства на национальных языках,

обеспечение обвиняемому права на защиту; право на обжалование решения суда;

- проявляется острая нехватка знатоков шариата, в результате очевидна необходимость в формировании профессиональных кадров для шариатских судов;

- главной необходимостью наличия шариатских судов является то, что в регионе преимущественно проживает население, исповедующее ислам, которое на протяжении двух столетий преимущественно руководствовалось принципами шариатского судопроизводства;

- необходимо отметить степень эффективности советских шариатских судов в регионе при сравнении с другими судами;

- юридически важным является то, что в оборот вводится термин «советский шариатский суд», разработка и принятие нормативно-правовых актов в части организации шариатских судов и регулирования их деятельности, по нашему убеждению, является разновидностью нового советского законодательства, фактически до середины 20-х гг. продолжается процесс правового плюрализма, берущего начало еще в царской России;

- этатизм, свойственный советскому государству, в конечном итоге привел к ликвидации шариатских судов в целях создания единой советской судебной системы, из чего следует главный вывод о том, что советские шариатские суды, действовавшие в Чечне и Ингушетии, были созданы по желанию новой власти в целях ее скорейшего укрепления в регионе, а сама модель «советского шариата» фактически была адаптирована под светскую власть; создание и упразднение шариатских судов есть последовательные действия политического режима того периода времени;

- формальная ликвидация шариатских судов не привела к их упразднению из жизни чеченцев и ингушей, перейдя на нелегальное положение, они продолжали свое функционирование. При этом мы особо отмечаем продолжавшееся существенное влияние симбиоза адата с шариатом на чеченское и ингушское общество, которое прослеживается и в более поздний советский период. О существовании Мехк-Кхела в Чечено-Ингушетии даже в советский период говорит тот факт, что практически в каждом районе существовали примирительные комиссии Мехк-Кхела. Их существование было негласным, скорее даже тайным, поскольку во многом противоречило советскому законодательству. Различные житейские конфликты и даже тяжкие преступления религиозные авторитеты, игнорируя советское законодательство, выносят на рассмотрение суда – кхел, руководствующегося адатами⁸³. Параллельно будет уместным отметить, что юридическая терминология чеченцев, обновлявшаяся заимствованиями из других правовых систем, под воздействием сначала мусульманского права, затем царского периода продолжила данную практику и в советский период. К наиболее распространенному заимствованию среди судебных терминов отнесем «смешанный» термин *судхо* (судья), *суддахел* (суд). Как справедливо отмечает А.Ю. Кормазов, «даже в советское время приговоры кхела периодически приходили в противоречие с решениями официального, т. е. народного суда. Большинство чеченцев и ингушей продолжало признавать

верховенство в судебной практике кхела. Такая позиция в их правосознании и судебной практике неизбежно приводила к определенной маргинализации личности, к возникновению промежуточных состояний в ее правосознании и поведении. Кхел не потерял своего значения и в наше время у вайнахов»⁸⁴. Несмотря на общие усилия властей и общественности по установлению советской власти в регионе, продолжали иметь место конфликтные ситуации внутри отдельных обществ, и помирить их советская власть не могла. В подобных ситуациях единственным регулятором выступали адатско-шариатские нормы, о чем заявляли вовлеченные в подобные конфликты. Так, согласно архивным документам, между сел. Нуй и Махнеты издавна существовали обостренные отношения из-за горы Пешхой-Лам, о чем уже указывалось в прошлых отчетах. В результате непрекращающейся вражды граждане сел. Нуй, желая занять спорную гору, сожгли два хутора, принадлежавших сел. Махнеты, расположенных на этой горе. По этому делу выезжал следователь Чечоблсуда, которым в сел. Дуба-Юрт Шалинского округа в присутствии начальники этого округа были вызваны 15 человек, граждан сел. Нуй во главе с председателем сельисполкома. Прибывшие категорически отказались от дачи показаний и заявили: «Советскую власть мы не признаем и пока вы не перебьете нас, мы в руки к вам не дадимся, и пока нас всех не перестреляют, никому не дадим пользоваться этой горой, пусть сначала этот вопрос обсудит шариатский суд, а потом будете говорить с нами о горе»⁸⁵. В 1928 г. в УК РСФСР была закреплена X глава «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта», которая была ориентирована в основном на автономные республики Северного Кавказа, где до этого существовали шариатские суды. Статьи 203–204 главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к тяжелым уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагерь сроком на один год. Подобные наказания были сохранены в российском Уголовном кодексе, принятом в 1961 г.⁸⁶. Шариатско-адатский суд советскими партийными органами относился к разряду пережитков прошлого. Косвенно это находит отображение в материалах XXIV съезда КПСС: «Новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого в сознании и поступках людей, это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества»⁸⁷. Следуя этим наставлениям КПСС, в Чечено-Ингушетии была развернута массовая кампания по поиску и дискредитации всех, кто каким-то образом был связан с комиссиями Мехк-Кхела. На необходимость усиления борьбы с пережитками прошлого со всей серьезностью указывалось на X пленуме Чечено-Ингушского областного комитета партии⁸⁸. Коммунистическая идеология стремилась представить Мехк-Кхел в самом нелицеприятном виде. На радио и телевидении транслировались передачи, осуждающие как членов «кхела», так и тех, кто обращался в данные суды, на страницах периодической печати была развернута целая кампания по противодействию адатско-шариатской системе негласного судопроизводства. В официальном печатном органе ЧИАССР газете «Грозненский рабочий» мы обнаружили следующее: «О реакционности суда

«кхел» и противоречивости его советским, общенародным законам говорит такой пример: в Назрановском районе народный суд привлек к уголовной ответственности группу расхитителей совхозного зерна, «кхел» решил взыскать со свидетелей, давших правдивые показания народному суду по этому делу, 7400 рублей в пользу преступников»⁸⁹. Из приведенного примера мы можем сделать вывод: несмотря на суровость советских законов, централизованную систему управления в ЧИАССР, полностью искоренить адат и адатский суд чеченцев и ингушей советской власти не удалось. Исключенные из официального нормативного правового присутствия *кхелы* (суды) формально не существовали, однако латентно были сохранены и оказывали сильное влияние на общество и государственные институты. Говоря о борьбе советской власти с пережитками прошлого, необходимо также отметить и обратную сторону этой борьбы. Советская власть эффективно использовала нормы УК РСФСР 1960 г. Согласно ст. 231 «Уклонение от примирения», уклонение родственников убитого от отказа от применения кровной мести в отношении убийцы и его родственников, осуществляемого в порядке, установленном положением о примирительном производстве по делам о кровной мести, считалось преступлением. Фактически здесь мы можем констатировать признание официальной властью примирительной процедуры, которая одобрялась властью, но реальные инструменты которой базировались на нормах адата и шарията.

Использованная литература и источники

1. Съезды народов Терека. Т. 1. Орджоникидзе, 1977. С. 157.
2. Бугаев А.М. История национально-государственного строительства в Чечено-Ингушетии. 1917–1936 гг. (Некоторые вопросы исследования). Великий Октябрь и социалистические преобразования в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987. С. 35; От вековой отсталости к социализму: осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917–1945). Сб. документов и материалов. Грозный, 1977. С. 24. См.: Эльбиздукаева Т.У. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Чечни и Ингушетии в 20 – 30-е годы XX века. Дисс...д. истор. наук. Ростов н/Д., 2013.
3. Там же. С. 35. Эльбиздукаева Т.У. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Чечни и Ингушетии в 20 – 30-е годы XX века. Дисс...д. истор. наук. Ростов н/Д., 2013. См.: Дзидзоев А. Д. Указ.соч.
4. Мулукаев Р.С. Развитие советской государственности Северной Осетии: краткий исторический очерк. Орджоникидзе, 1958. С. 28. См.: также Эльбиздукаева Т.У. Указ. соч.
5. Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала). Ф. 2. Оп. 1. Д. 57. Л. 39. См.: Исагомедов А.М. Указ.соч.
6. Бугаев А.М. История национально-государственного строительства в Чечено-Ингушетии. 1917–1936 гг. (Некоторые вопросы исследования). Великий Октябрь и социалистические преобразования в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987. С. 33; От вековой отсталости к социализму: осуществление ленинской

национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917–1945). Сб. документов и материалов. Грозный, 1977. С. 24.

7. Боков А. Тарко-хаджи Гарданов // Грозненский рабочий. 1998. 5 ноября.

8. Мисроков З.Х. Отмирание шариатской юстиции в автономиях Северного Кавказа. М., 1979. С. 227–228. См.: Дзидзоев А. Д. Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX века. Дисс. к.истор.н., СПб., 2011.

9. СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

10. СУ РСФСР. 1920. № 100. Ст. 541.

11. См.: Важнейшие декреты советской власти по делам юстиции. Ставрополь, 1920. С. 7.

12. См.: Кониев Ю.И. Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973. С. 46.

13. См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства от 30 апреля 1919. № 13. Ст. 1.

14. ГА РФ. Ф-А353. Оп. 4. Д. 73. Л. 123.

15. См.: Газ. «Листок приказов». № 2. 10.06.20.

16. См.: Эбзеева С.Э. Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М., 1976. С. 122.

17. СУ. 1922. № 80. Отдел I. Ст. 1009.

18. См.: Фаргиев И.А. Суды в Ингушетии в Евразийском правовом пространстве // Евразийский юридический журнал. 2011. № 10 (41). С. 6.

19. Бугаев А.М. Указ. соч. С. 38.

20. Там же. С. 39.

21. Мисроков З.Х. Личный архив автора Ч-И. Ф. 264. Оп. 1. Ед. хр. 110. Лл. 69–70.

22. Постановление Ревкома Дагестана // ЦГА РД. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 13. Л. 59, 91; Там же. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 2. Л. 85; Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 54. Л. 143; Ф. Р-117. Оп. 6. Д. 45. Л. 57. См.: Исамагомедов А.М. Указ. соч. См.: Дзидзоев А. Д. Указ. соч.

23. Российское законодательство X–XX веков / Под ред. Б.В. Виленского. Т. 8. М., 1991. С. 192.

24. Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 33. С. 99. См.: Так же: Исамагомедов А.М. Указ. соч.

25. См.: Российское законодательство X–XX веков / Под ред. Б.В. Виленского. Т. 8. М., 1991. С. 199. См.: Исамагомедов А.М. Указ. соч.

26. Там же. С. 212.

27. См.: Исамагомедов А.М. Указ. соч.

28. Кокурхаев К.А. Особенности судоустройства в Чечено-Ингушетии в первые годы советской власти. Проблемы социалистической законности. Харьков, 1987. № 19. С. 64.

29. См.: Исамагомедов А.М. Развитие судебной власти в Дагестане. Дисс...к.ю.н. Махачкала, 2006.

30. История Чечено-Ингушетии: учебное пособие. Бугаев А.М., Гакаев Х.А., Хасбулатов А.И. и др. Грозный: Чечено-Ингушский госуниверситет, 1989.

С. 81; Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. К вопросу о репрессивной политике в Чечено-Ингушетии в 1920–30-х гг. // История науки и техники. № 7. 2002. С. 117.

31. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 4. Ед. хр. 202. Л. 7.

32. Кокурхаев К.А. Указ. соч. С. 64.

33. СУ РСФСР. 1918. № 385. Ст. 889.

34. СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

35. Кокурхаев К.А. Указ. соч. С. 65.

36. Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Ф. 18. Д. 19. Л. 33–34.

37. Кокурхаев К.А. Указ. соч. С. 65.

38. Там же. С. 66.

39. Мисроков З.Х. Указ. соч. С. 232–233.

40. Там же. С. 230.

41. Мисроков З.Х. Указ. соч. С. 182–183.

42. Рошин М.Ю. Указ. соч. С. 35.

43. СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

44. Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005. С. 677–678.

45. Кокурхаев К.А. Указ. соч. С. 64.

46. См.: Цалиев А.М. Судебная власть в республиках Северного Кавказа. М., 2003. С. 35.

47. Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 690.

48. Мисроков З.Х. Указ. соч. С. 184.

49. ГАРО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 26. Л. 88.

50. ГАРО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 26. Л. 41об–41об.

51. См.: Кониев Ю.И. Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973. С. 118.

52. См.: Рошин М.Ю. Из истории ислама в Чечне. Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Прага, 2011.

53. См.: Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике. М.: Логос, 2008. С. 38.

54. СУ РСФСР. 1934. № 40. Ст. 246. См.: Кокорхоева Д. С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа: 1917 – 1944 гг. Дисс... к истор.н., Элиста. 2001.

55. Бугаев А.М. Указ. соч. С. 40, 41.

56. Дерлугьян Г. Чеченская Республика и Чеченская история // Сборник статей. Чечня и Россия: общества и государства. М.: «Полинформ-Талбури», 1999. URL.: http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus10_1.htm.

57. Дудаев А.Х. Создание и развитие чечено-ингушской национальной советской государственности. М.: Наука, 1964. № 6. С. 7–12.

58. Дудаев А.Х. Указ. соч. С. 7–12.

59. Там же. См. указание этого источника так же: Кокорхоева Д. С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа: 1917 – 1944 гг. Дисс... к истор.н., Элиста. 2001.

60. См.: Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 719.

61. Большая Советская энциклопедия. М., 1978. Т. 29. С. 506–521.

62. Бугаев А.М. Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный, 2012. С. 56; Газ. «Грозненский рабочий». 1936 г., 16 ноября.

63. Бугаев А.М. Там же. С. 56; РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 986, л. 7.

64. Большая Советская энциклопедия. М., 1978. Т. 29. С. 506–521.

65. Бугаев А.М. Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный, 2012. С. 61.

66. Кокорхоева Д. С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа: 1917 – 1944 гг. Дисс... к. истор.н., Элиста. 2001.

67. См.: Исамагомедов А.М. Указ.соч.

68. Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. К вопросу о репрессивной политике в Чечено-Ингушетии в 1920–30-х гг. // История науки и техники. № 7. 2012. С. 117.

69. Авторханов А.Г. Убийство чечено-ингушского народа: народовубийство в СССР. М., 1991. С. 47.

70. Геноцид длиною в столетия // Справедливость. 1994. № 4.

71. Республика. 1992, 4 апреля.

72. См.: Ерещенко Г.А. Указ. соч. С. 82–83.

73. См.: Ерещенко Г.А. Указ. соч. С. 82–83.

74. Эльбуздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. Грозный, 2012. С. 180.

75. Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. К вопросу о репрессивной политике в Чечено-Ингушетии в 1920–30-х гг. // История науки и техники. № 7. 2012. С. 118.

76. См.: Ибрагимов Мовсур М. Политические репрессии СССР в Чечено-Ингушетии в 1930-е гг. // История науки и техники. № 7. 2012. С. 121.

77. Там же. С. 121–122.

78. См.: Зелев А. Знаменитые Чеченцы и Ингуши Энциклопедия Т-Я. Url.: <http://www.proza.ru/2009/02/15/185>. (дата обращения – 23.05.2009 г.).

79. Гакаев Ж.Ж. «Божья кара». Геноцид большевистского режима против вайнахов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 1. 1994. С. 160.

80. См.: Нухажиев Н., Умхаев Х. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. Грозный, 2009. С. 139–154.

81. Манкиев А.А. Об уроках и причинах чеченской трагедии 1944 г. / Материалы республиканской научно-практической конференции «Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа». Грозный, 2007. С. 55.

82. Махмудова К.З. Реабилитация чеченцев и ингушей: этнополитические аспекты. / Материалы республиканской научно-практической конференции «Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа». Грозный, 2007. С. 88.

83. См.: Албастов И.А., Джабраилов Х.М. По законам новой жизни. Грозный, 1976. С. 8.

84. Коркмазов А.Ю. Обычное право и специфика его проявления в условиях Северного Кавказа // Вестник Северо-Кавказского государственного

технического университета. 2008. № 3 (16). URL.:<http://www.ncstu.ru>. (дата обращения – 8 апреля 2010 г.).

85. ЦГА ИПД РСО-А. ФР-1849. Оп. 2. Д. 34. Л. 58–59.

86. См.: Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5 (13). С. 5. См.: Дзидзоев А. Д. Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX века. Дисс. к.истор.н., СПб., 2011.

87. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 54.

88. Албастов И.А. Джабраилов Х.М. По законам новой жизни. Грозный, 1976. С. 7.

89. См.: Газ. «Грозненский рабочий». 11 июля 1973.

§2. Развитие права и судебная реформа в Чечено-Ингушской АССР

После депортации 1944 г. чеченцев и ингушей и ликвидации ЧИАССР¹ на долгие 13 лет работа судебной системы в Чечено-Ингушской автономии была прекращена.

В марте 1944 г. была образована Грозненская область в составе РСФСР (постановление от 22 марта 1944 г.). В ее состав вошли: г. Грозный и районы: Атагинский, Ачхой-Мартановский, Галанчожский, Галашкинский, Грозненский, Гудермесский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Сунженский, Урус-Мартановский, Шалинский и Шатоевский бывшего Грозненского округа, г. Кизляр и районы: Ачикулакский, Караногайский, Каясулинский, Кизлярский и Шелковской бывшего Кизлярского округа, а также Наурский район, выделив его из состава Ставропольского края².

25 июня 1946 г. был принят по своей сути чудовищный и несправедливый закон об упразднении ЧИАССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область³.

Обвиненный в измене Родине на основании Постановления ГКО от 31 января 1944 г. № 5073 сс⁴ целый народ был выслан за тысячи километров в Казахскую и Киргизскую ССР. В период высылки чеченцы не утратили своей самобытности, напротив, даже в самые трудные времена всестороннего контроля внутренние конфликты они предпочитали решать на основе адата и шариата. Не удалось изжить властям и кровную месть в период нахождения чеченцев и ингушей в высылке. «...Перед дыханием кровной мести, – пишет А. Солженицын, – ... трусливо замерли до сих пор такие грозные для нас и райком партии, райисполком, и МВД с комендатурой, и милиция со своими глинобитными заборами... для чечен и для всех нас было ясно, что есть сила на земле и чисто мираж»⁵.

Однако и прогресс не был чужд народу, стремление получить образование и быть востребованными в обществе – вот что двигало многими чеченцами и ингушами в годы нахождения на чужбине. Именно они впоследствии будут активно вовлечены в процесс создания республиканской национальной управленческой элиты.

Как отмечал в служебной записке о положении спецпереселенцев министр внутренних дел Н.П. Дудуров: за 12 лет пребывания на спецпоселении чеченцы и ингуши приобрели трудовые навыки квалификации... Учитывая, что дальнейшее применение ограничений по спецпоселению к чеченцам и ингушам не называется необходимостью, МВД СССР вносит предложение снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД чеченцев, ингушей и членов их семей, установить, что снятие с этих лиц ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены⁶.

Снятие чеченцев и ингушей с учета спецпоселения возвращало им все необходимые гражданские права и равенство с другими народами СССР.

Помимо многочисленных жертв в период насильственной депортации в феврале 1944 г., чеченцы и ингуши продолжали подвергаться массовым притеснениям, находясь в ссылке вплоть до 1957 г. Наиболее распространенной уголовной статьей, по которой привлекались к уголовной ответственности и наказанию чеченцы и ингуши в период депортации, была ст. 58-10 ч. 1, 2 УК РСФСР. В категорию «антисоветская деятельность» попадали совершаемые в бытовом кругу обряды и традиции по адату и шариату, начиная от заключения брака в соответствии с мусульманским правом и адатами чеченцев и ингушей, заканчивая традиционным зикром и мовлидом по случаю траура.

По ст. 58-10 ч. 1, 2 УК РСФСР (антисоветская деятельность) только в Казахстане за 1949 г. и 7 месяцев 1950 г. было арестовано и осуждено 874 переселенца⁷.

С 1956 по 1957 г. были приняты нормативно-правовые акты, позволившие чеченцам вернуться на историческую родину в их восстановленную автономию. Речь идет об Указе Президиума Верховного Совета ССР «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны от 16 июля 1956 г.»⁸, Указе Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области» от 9 января 1957 г.⁹.

В целом по стране политическая оттепель началась гораздо раньше описанных процессов. С 1953 г. в СССР начинаются позитивные процессы, коснувшиеся в том числе и судебной системы.

19 января 1957 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР». Этот государственный акт означал собой официальное прекращение 13-летней депортации чеченского и ингушского народов. В том же году была восстановлена и национальная автономия балкарцев, карачаевцев и калмыков¹⁰.

Восстановление Чечено-Ингушской АССР сопровождалось значительным обострением борьбы между различными националистически настроенными группировками внутри местных партийно-советских элит. Не многие желали возрождения чечено-ингушской государственности в рамках РСФСР.

Территориальная целостность Чечено-Ингушетии была нарушена. Так, в результате закулисных интриг руководства Северной Осетии к этой республике отошла территория Пригородного района и часть территории Назрановского и Малгобекского районов Чечено-Ингушской АССР. Под различными предложениями партийные и государственные органы не только Грозненской области, но и союзные ведомства стремились максимально замедлить процесс возвращения чеченцев и ингушей на свою историческую родину. Согласно разработанному в верхах плану, выселенные в 1944 г. в течение 8 дней вайнахи должны были проделать обратный путь небольшими группами и не менее чем за 4 года – с 1957 по 1960 г. Обратное переселение должно было происходить по специальным разрешениям органов МВД и Организационного комитета по Чечено-Ингушской АССР. Комитет размещался в Грозном, а его главой был назначен М.Г. Гайрбеков¹¹.

Наиболее громким делами, рассмотренными судебной системой ЧИАССР, стали уголовные дела, возбужденные и переданные в Верховный Суд ЧИАССР по событиям 26–27 августа 1958 г. в г. Грозный, которые были спровоцированы антисоветским и уголовно преступным элементом, использовавшим межнациональный фактор для дестабилизации общественно-политической ситуации в восстановленной ЧИАССР. Среди осужденных Георгий Шваук – автор резолюции, в которой требовалось выселить чеченцев и ингушей обратно в Среднюю Азию и переименовать ЧИАССР в Грозненскую область, – арестован 1 октября 1958 г. и осужден по ст. 59-2 и ст. 59-7 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Наряду с преступными элементами был арестован известный общественный деятель в ЧИАССР, член Оргкомитета по восстановлению ЧИАССР Дзияудин Мальсагов (на момент грозненских событий – слушатель Высшей партийной школы при ЦК КПСС), который попытался довести до сведения Комиссии партийного контроля ЦК КПСС правду о событиях в Грозном: в частности, содержание античеченских листовок, распространявшихся в городе. 25 марта 1959 г. Д. Мальсагов был арестован КГБ при СМ ЧИАССР и 30 сентября 1959 г. осужден Верховным судом Чечено-Ингушской АССР по ст. 7 ч. 1 Закона о государственных преступлениях от 25 декабря 1958 г. («антисоветская агитация») на 5 лет.¹²

С возвращением чеченцев и ингушей на историческую Родину после тринадцатилетней ссылки и восстановления Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР открылась новая историческая веха в жизни этих двух братских народов. По нашему убеждению, именно этот период в жизни чеченцев и ингушей вплоть до начала 90-х гг. был периодом наивысшего экономического, культурного, общественно-политического развития, несмотря на отдельные отрицательные эпизоды, имевшие место в XX столетии.

Мы солидарны с мнением востоковеда М.Ю. Рощина в том, что депортация, вместе с тем, сказалась на сохранении религиозных традиций и убеждений чеченцев и ингушей, тяжелые жизненные испытания, выпавшие на долю этих народов, позволили еще более обогатить религиозный и духовный опыт чеченцев, сохранить преемственность традиций от старшего поколения к младшим поколениям¹³.

Принятые политические решения союзного центра о восстановлении автономии чеченцев и ингушей, создании Чечено-Ингушской АССР восстанавливали конституционное право чеченского и ингушского народов на создание собственной национально-территориальной единицы.

Нельзя не согласиться с исследователем А. Бугаевым, по мнению которого восстановление государственности, незаконно упраздненной в 1944 г., реабилитировало форму национального самоопределения, но при этом требовалась полная и безоговорочная реабилитация (фактическая, юридическая и политическая) самого субъекта этого естественного права – народа¹⁴.

Одним из трагических последствий депортации стали значительные изменения отрицательного характера в социальном, образовательном и профессиональном составе чеченской нации¹⁵. Аналогичные последствия можно констатировать и по ингушскому народу.

Стратегическим шагом на пути возрождения чечено-ингушской государственности, на наш взгляд, является то, что к лету 1957 г. начал работу Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, началось строительство телецентра в Грозном, вышли первые номера газет на чеченском и ингушском языках¹⁶.

1957 г. – переломный год в жизни чеченского и ингушского народов, также год больших преобразований в судебной системе СССР.

В целях улучшения руководства судами и расширения полномочий местных органов юстиции Президиум Верховного Совета СССР издал 14 августа 1954 г. Указ «Об образовании президиумов в составе Верховных Судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей». На президиумы этих судов возлагалось рассмотрение дел в порядке надзора, что значительно ускорило надзорный пересмотр дел и усилило роль местных, особенно областных, судов в руководстве народными судами. В связи с ликвидацией Указом от 4 августа 1956 г. управлений Министерства юстиции при краевых, областных Советах депутатов трудящихся судебное управление народными судами стали осуществлять также краевые и областные суды.

12 февраля 1957 г. был принят Закон об утверждении нового Положения о Верховном Суде СССР. Надзорные функции высшего судебного органа страны значительно сокращались. По новому Положению Верховный Суд СССР вправе был отменять и изменять приговоры, решения и постановления только Верховных Судов союзных республик в порядке надзора, в то время как ранее он мог истребовать в порядке надзора любое дело из любого суда страны, что приводило к волоките в надзорном пересмотре дел и отвлекало Верховный Суд СССР от выполнения функций по руководству судами.

Вторая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва 25 декабря 1958 г. утвердила Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик, отменив Закон о судостроительстве 1938 г.¹⁷. Основы закрепили важнейшие, принципиальные положения о судостроительстве всей страны, одинаковые и обязательные для всех союзных республик.

Концепция исследования приводит нас к последовательному выводу о необходимости анализа двух Основных Законов Чечено-Ингушской АССР (1937 и 1978 гг.).

Конституция ЧИАССР 22 июня 1937 года стала первым Основным Законом в истории Чечено-Ингушетии, который провозгласил ее социалистическим государством. С 1937 по 1944 г., т. е. до депортации чеченцев и ингушей, республика жила по Основному Закону ЧИАССР. С одной стороны, слабость республиканской власти, не реализовавшей ее основные принципы перед партийным руководством страны, с другой – репрессивная политика самого партийного руководства страны в отношении народов привела к полному низвержению всех конституционных основ и попранию прав граждан.

В целях общего обзора Конституции ЧИАССР 1937 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на IV сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР шестого созыва)¹⁸. Она состояла из 11 глав, 113 статей.

Одним их существенных отличий Конституции Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики 1937 г. от Конституции (Основной Закон) Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики 26 мая 1978 г. являлось то, что она принималась Верховным Советом Чечено-Ингушской АССР и утверждалась Верховным Советом РСФСР; вторая же Конституция ЧИАССР, принятая на внеочередной сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР шестого созыва 26 мая 1978 г., не нуждалась в утверждении высшим органом государственной власти союзной республики (РСФСР), в состав которой она входила.

Среди факторов, выделяющих Конституцию ЧИАССР 1937 г., следует отметить, что это была Конституция, которая де-факто и де-юре находилась в состоянии неотмененной после депортации чеченцев и ингушей в 1944 г. Фактически в юридической природе существовала Конституция ЧИАССР, но не было самой республики. Кроме того, следует обратить внимание на то, что Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» был подписан 7 марта 1944 г. Закон об упразднении Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область¹⁹ был принят еще позже – 25 июля 1946 г. Примечательно заключительное положение данного закона²⁰, согласно которому «внесение соответствующих изменений и дополнений в статью 14 Конституции РСФСР» свидетельствует о том, что ЧИАССР до 1946 г. де-юре находилась в составе РСФСР, де-факто – была расчленена и роздана соседям. Следовательно, это привело к нарушению территориальной целостности ЧИАССР, закрепленной в ст. 15: территория Чечено-Ингушской АССР не может быть изменяема без согласия Чечено-Ингушской АССР.

Ст. 1 Конституции ЧИАССР закрепляла автономию как социалистическое государство рабочих и крестьян. Здесь необходимо отметить, что, с одной стороны, в этом не было ничего сверхъестественного или отличного от других конституций автономных республик, поскольку автономии, входившие в состав РСФСР, принятые в 1925–1930 гг., закрепляли

автономную республику как социалистическое государство рабочих и крестьян, входящее в состав РСФСР. Вместе с тем, следует отметить, что «Комиссия при ВЦИК, образованная в 1926 г. для предварительного рассмотрения представленных на окончательное утверждение конституций автономных республик, высказалась большинством голосов против определения АССР как государства, мотивируя это тем, что объем прав автономной республики не дает возможности называть ее государством»²¹. Несмотря на это, спустя 11 лет Конституция ЧИАССР будет начинаться со статьи, в которой республика обозначена как государство. Было бы неверно возвеличивать статус и возможности данного государства, наделяя его чрезмерными функциями суверенитета в условиях советского тоталитаризма. Но одно очевидно – формальное закрепление своей государственности в советский период чеченцы и ингуши получили именно с принятием Конституции 1937 г.

Реализация прав граждан, в том числе участие народа в осуществлении власти, была в определенной мере формальным закреплением. Это также проявлялось и в отдельных полномочиях самой автономной республики, поскольку не было выработанных правовых механизмов их реализации. Данное обстоятельство можно отнести к свойственному тому периоду процессу унитаризма. Здесь, на наш взгляд, проявлялся элемент двойственности: с одной стороны, в Конституциях АССР закреплялись отдельные признаки самостоятельности, с другой стороны – в Конституции РСФСР, на которую опирались Конституции автономных республик, не раскрывались полномочия и права автономий. В частности, согласно ст. 18. п. (в) к ведению Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики в лице ее высших органов власти и органов государственного управления подлежало законодательство Чечено-Ингушской АССР. В то же время ст. 59 Конституции РСФСР среди перечисленных в ней прав автономных республик не указывает в прямом смысле на это. Более того, Конституция РСФСР не конкретизирует сферу законодательства автономных республик.

Возможно, что принятие Основного Закона Чечено-Ингушской АССР было не столько фактором становления национальной государственности, сколько процессом единого выстраивания политической системы в стране. Центр не мог дать периферии, и особенно национальным территориям, расширенную самостоятельность, так как она могла послужить в ущерб формирующейся федерации. Тем не менее, мы строго следуем своей исследовательской позиции, считающей Конституцию ЧИАССР 1937 г. фундаментом чечено-ингушской государственности в рамках РСФСР.

Изменения в Конституцию ЧИАССР 1937 г. были внесены после восстановления ЧИАССР. 15 апреля 1958 г. начала свою работу первая сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР второго созыва. В связи с тем, что действующей Конституцией ЧИАССР была признана ее Конституция, принятая еще в 1937 г., депутаты внесли в нее соответствующие коррективы, обусловленные изменениями в Конституции СССР и Конституции РСФСР за прошедший период и текущими государственно-правовыми процессами, в основном связанными с формальностями национально-государственного устройства.

На первой сессии были сформированы высшие руководящие органы государственной власти и государственного управления Чечено-Ингушской АССР – Президиум Верховного Совета ЧИАССР и Совет Министров ЧИАССР. Сессия Верховного Совета ЧИАССР в установленном порядке утвердила состав Верховного Суда республики²¹.

Действовавшая Конституция 1937 г. до принятия Конституции ЧИАССР 1978 г. на IV сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР шестого созыва претерпела изменения и дополнения²². Если в первом варианте она стояла из 114 статей, то в последней редакции уже из 113. Наиболее броские изменения при сравнении двух вариантов Конституции ЧИАССР наблюдаются в ст. 14: они закрепляют территориальное устройство, также на смену старого названия «народный комиссариат» пришло название «министерство».

Глава VII «Суд и прокуратура» состояла из 12 статей (72–83). Правосудие в Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республике осуществлялось народными судами, Верховным Судом Чечено-Ингушской АССР, а также специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР.

В статьях указанной главы регламентирован процесс рассмотрения дел в судах; процедура и сроки избрания Верховного Суда ЧИАССР. В ст. 76 было закреплено: народные судьи районных (городских) народных судов избираются гражданами района (города) на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Народные заседатели районных (городских) народных судов избираются на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства военнослужащих по воинским частям сроком на два года. В ст. 77 можно отметить принцип естественного доминирования по национальному признаку: судопроизводство в Чечено-Ингушской АССР ведется в районах и поселках с большинством чеченского, ингушского или русского населения соответственно на чеченском, ингушском и русском языках, а в центральных судебных учреждениях – на чеченском, ингушском и русском языках с обеспечением для лиц, не владеющих этими языками, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке. По ст. 80 высший надзор за точным исполнением законов всеми министерствами и подведомственными им учреждениями, равно как и отдельными должностными лицами, а также гражданами на территории Чечено-Ингушской АССР осуществляется как Генеральным Прокурором СССР непосредственно, так и через Прокурора РСФСР и Прокурора Чечено-Ингушской АССР.

Структура же судебной системы ЧИАССР была идентична структуре других автономных республик. Основным звеном этой системы являлись районные (городские) народные суды. Они рассматривали подавляющее большинство гражданских и уголовных дел, отнесенных законом к их подсудности.

В соответствии со ст. 74 Конституции Чечено-Ингушской АССР высшим судебным органом ЧИАССР являлся Верховный Суд Чечено-Ингушской АССР²³, осуществляющий надзор за судебной деятельностью районных (городских) народных судов автономной республики. Надзор Верховного Суда

ЧИАССР за судебной деятельностью нижестоящих судов был призван способствовать обеспечению правильного и единообразного применения законов при осуществлении правосудия. Конституционные полномочия Верховного Суда ЧИАССР на надзор за судебной деятельностью включали в себя его право и обязанность не только указывать на ошибки и нарушения законов районным (городским) народным судам при осуществлении ими правосудия, но и принимать установленные законом меры по их устранению, давать соответствующие разъяснения и указания по правильному применению законов.

Основы государственного устройства Чечено-Ингушской АССР в полной мере нашли свое закрепление и в Конституции Чечено-Ингушской АССР 1978 г., которая была принята на внеочередной восьмой сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР шестого созыва 26 мая 1978 г. Структура Конституции ЧИАССР 1978 г. в сравнении с действовавшей до ее принятия Конституцией ЧИАССР 1937 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на IV сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР шестого созыва) претерпела существенные изменения. Новая Конституция ЧИАССР состояла из 10 разделов, 16 глав и 160 статей, в то время как в прежней было 11 глав и 113 статей. Следовательно, если брать во внимание количественную составляющую, можно сделать предварительный вывод о том, что произошло увеличение ее объема и содержания. Конституция ЧИАССР 1978 г. по своему объему является самой большой из Конституций в истории республики. Нововведением и одновременно достоинством данной Конституции стало появление в ней преамбулы, которая закрепляла роль народа республики в принятии Основного Закона. Одним из самых ключевых разделов Конституции ЧИАССР 1978 г. являлся раздел 8 «Правосудие, арбитраж, прокурорский надзор». Раздел состоял из двух глав. Глава 15 «Суд и арбитраж» включает ст. 140–152, в которых четко закреплено – правосудие в Чечено-Ингушской АССР осуществлялось только судом. Судами Чечено-Ингушской АССР являлись Верховный Суд Чечено-Ингушской АССР и районные (городские) народные суды. Организация и порядок деятельности судов Чечено-Ингушской АССР определялись законами Союза ССР, РСФСР и настоящей Конституцией. Ст. 148 определила: судопроизводство в Чечено-Ингушской АССР велось на чеченском, ингушском или русском языке, или на языке большинства населения данной местности. Участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором велось судопроизводство, обеспечивалось право полного ознакомления с материалами дела, участие в судебных действиях через переводчика и право выступать в суде на родном языке. Ст. 149 гласила: никто не мог быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом. В Конституции ЧИАССР 1978 г. были закреплены основы ее правового положения как государства, входящего в состав союзной республики. При этом ЧИАССР представляла собой государственное образование, республика имела представительство в союзном парламенте, т. е. выходила на союзный уровень. Конституция ЧИАССР закрепила наличие ограниченного суверенитета и условного гражданства. Конституция ЧИАССР

1978 г. повысила политико-правовой статус республики, закрепила права и свободы гражданина ЧИАССР, право на использование родного языка в целях реализации прав и свобод граждан, формальную свободу религиозных чувств верующих²⁴. Действие Конституции ЧИАССР 1978 г. на территории республики продолжалось вплоть до 12 марта 1992 г., т. е. до принятия Конституции Чеченской Республики. Юридически это положение было закреплено в постановлении Временного Совета Чеченской Республики от 27 сентября 1991 г. № 6²⁵. Нововведением и одновременно достоинством Конституции ЧИАССР 1978 г., стало появление в ней преамбулы, которая закрепляла роль народа республики в принятии основного закона. В разделе «Основы общественного строя и политики Чечено-Ингушской АССР» в ст. 1–9 закреплена политическая система, определяющая Чечено-Ингушскую АССР как социалистическое общенародное государство (ст. 1). В главе 1 заслуживает внимания ст. 5, в которой было определено, что наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение, а также ставятся на всенародное голосование (референдум). Глава 2 «Экономическая система» структурно состояла из девяти статей (ст. 10–18). Статьи данной главы закрепляли и регламентировали основу экономической системы ЧИАССР в виде социалистической собственности. В ст. 13 подчеркивалось, что основу личной собственности граждан Чечено-Ингушской АССР составляют трудовые доходы. В личной собственности могли находиться предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения. Личная собственность граждан и право ее наследования охранялись государством. Заключительная ст. 18 данной главы закрепляла принятие необходимых мер для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей среды человека. Глава 3 «Социальное развитие и культура» состояла из девяти статей (ст. 19–27). В статьях декларировалась забота об охране, приумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня. В Чечено-Ингушской АССР всемерно поощрялось развитие профессионального искусства и народного художественного творчества. Второй раздел Конституции закреплял и регламентировал взаимоотношения между государством и личностью. Глава 4 «Гражданство Чечено-Ингушской АССР. Равноправие граждан» состояла из пяти статей (ст. 28–32). В ст. 29 было закреплено: граждане Чечено-Ингушской АССР равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Равноправие граждан Чечено-Ингушской АССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни. Глава 5 «Основные права, свободы и обязанности граждан Чечено-Ингушской АССР» состояла из тридцати одной статьи (ст. 33–63). В них были закреплены права граждан ЧИАССР, в частности они обладали: полнотой социально-

экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР, Конституцией РСФСР, Конституцией Чечено-Ингушской АССР и советскими законами. Социалистический строй обеспечивает расширение прав и свобод, непрерывное улучшение условий жизни граждан по мере выполнения программ социально-экономического и культурного развития. Использование гражданами прав и свобод не должно было наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан; они имели право на охрану здоровья. Это право обеспечивалось бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан; развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии; проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды; особой заботой о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием; развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан; имели право на образование. Это право обеспечивалось бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, производством; развитием заочного и вечернего образования; предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся и студентам; бесплатной выдачей школьных учебников; возможностью обучения в школе на родном языке; созданием условий для самообразования. В соответствии со ст. 48 Гражданам Чечено-Ингушской АССР гарантировались неприкосновенность личности. Никто не мог быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора. Начиная со ст. 54 по 63 указанной главы были определены обязанности граждан ЧИАССР. Важное значение в данной Конституции имеет третий раздел «Национально-государственное и административно-территориальное устройство Чечено-Ингушской АССР», открывающийся главой 6 «Чечено-Ингушская АССР – автономная республика в составе РСФСР». Данный раздел содержит семь статей (64–70). В ст. 64 был определен статус республики и её полномочия: Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика есть советское социалистическое государство, находящееся в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Вне пределов прав Союза ССР и РСФСР Чечено-Ингушская АССР самостоятельно решала вопросы, относящиеся к ее ведению. Ее территориальная целостность была закреплена в ст. 65. Территория Чечено-Ингушской АССР не могла быть изменена без ее согласия. Глава 7 «Административно-территориальное устройство Чечено-Ингушской АССР» является одной из самых небольших по количеству статей, содержала 2 статьи – 71 и 72. Ст. 71: Чечено-Ингушская АССР определяла свое районное деление и решала иные вопросы административно-территориального устройства республики в соответствии с законодательством РСФСР. Ст. 72: Чечено-

Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика состояла из районов: Ачхой-Мартановского, Веденского, Грозненского, Гудермесского, Малгобекского, Надтеречного, Назрановского, Наурского, Ножай-Юртовского, Советского, Сунженского, Урус-Мартановского, Шалинского, Шелковского; городов республиканского подчинения: Грозного, Гудермеса, Малгобека. Четвертый раздел «Советы народных депутатов Чечено-Ингушской АССР и порядок их избрания» состоял из трех глав. Главу 8 «Система и принципы деятельности Советов народных депутатов» составляют ст. 73–78, согласно которым: Советы народных депутатов – Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР, районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские (станичные) Советы народных депутатов – составляют единую систему органов государственной власти. Советы народных депутатов и создаваемые ими органы систематически информируют население о своей работе и принятых решениях. Глава 9 «Избирательная система» (ст. 79–86) закрепляла: выборы депутатов во все Советы народных депутатов проводились на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Голосование при выборах депутатов являлось тайным: контроль за волеизъявлением избирателей не допускался. Избиратели давали наказаы своим депутатам. Соответствующие Советы народных депутатов рассматривали наказаы избирателей, учитывали их при разработке планов экономического и социального развития и составлении бюджета, организовывали выполнение наказов и информировали граждан об их реализации. Глава 10 «Народный депутат» (ст. 87–91) раскрывала полномочия и статус депутатов. Согласно нормам статей: депутаты являлись полномочными представителями народа в Советах народных депутатов. Депутаты решали вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, организовывали проведение решений Советов в жизнь, осуществляли контроль за работой государственных органов, предприятий, учреждений и организаций. В своей деятельности депутат руководствовался общегосударственными интересами, учитывал запросы населения избирательного округа, добивался претворения в жизнь наказов избирателей. Депутат обязан был отчитываться о своей работе и работе Совета перед избирателями, а также перед коллективами и общественными организациями, выдвинувшими его кандидатом в депутаты. Депутат, не оправдавший доверия избирателей, мог в любое время быть отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке. Раздел 5 «Высшие органы государственной власти и управления Чечено-Ингушской АССР» состоял из двух глав. В главе 11 «Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР» в ст. 92–109 раскрывались полномочия высшего органа государственной власти Чечено-Ингушской АССР – Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, его структура и организация. Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР состоял из 175 депутатов, избираемых по избирательным округам с равной численностью населения. Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР по представлению избираемой им мандатной комиссии принимал решение о признании полномочий депутатов, а в случае нарушения законодательства о выборах – о признании выборов отдельных депутатов недействительными. Право законодательной инициативы в

Верховном Совете Чечено-Ингушской АССР принадлежало Президиуму Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, Совету Министров Чечено-Ингушской АССР, постоянным и иным комиссиям Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, депутатам Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, Верховному Суду Чечено-Ингушской АССР, Прокурору Чечено-Ингушской АССР. Примечательна ст. 98, которая гласила: Законы Чечено-Ингушской АССР, постановления и иные акты Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР публиковались на чеченском, ингушском и русском языках за подписями Председателя и Секретаря Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. Порядок избрания Президиума Верховного Совета ЧИАССР был закреплен в ст. 101. Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР избирал Президиум Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР постоянно действующий орган Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, подотчетный ему во всей своей деятельности и осуществляющий в пределах, предусмотренных настоящей Конституцией, функции высшего органа государственной власти Чечено-Ингушской АССР в период между его сессиями. Порядок деятельности Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР и его органов определялся Регламентом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР и другими законами Чечено-Ингушской АССР, издаваемыми на основе Конституции Чечено-Ингушской АССР. Глава 12 «Совет Министров Чечено-Ингушской АССР» (ст. 110–118) регламентировала деятельность Совета Министров ЧИАССР. Совет Министров Чечено-Ингушской АССР – Правительство Чечено-Ингушской АССР – являлось высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Чечено-Ингушской АССР. Согласно ст. 113, Совет Министров Чечено-Ингушской АССР был правомочен решать все вопросы государственного управления, отнесенные к ведению Чечено-Ингушской АССР, поскольку они не входят, согласно Конституции, в компетенцию Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР и Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. В пределах своих полномочий Совет Министров Чечено-Ингушской АССР: 1) обеспечивал руководство народным хозяйством и социально-культурным строительством; разрабатывал и осуществлял меры по обеспечению роста благосостояния и культуры народа, развитию науки и техники, рациональному использованию и охране природных ресурсов; способствовал осуществлению мер по укреплению денежной и кредитной системы, организации государственного страхования и единой системы учета и статистики; участвовал в проведении единой политики цен, оплаты труда, социального обеспечения; организовывал управление промышленными, строительными, сельскохозяйственными предприятиями и объединениями, предприятиями транспорта и связи, а также иными организациями и учреждениями республиканского и местного подчинения; 2) разрабатывал и вносил в Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР текущие и перспективные государственные планы экономического и социального развития Чечено-Ингушской АССР, государственный бюджет Чечено-Ингушской АССР; принимал меры по осуществлению государственных планов и бюджета; представлял Верховному Совету Чечено-Ингушской АССР отчеты о выполнении планов и исполнении бюджета и т. д. Раздел 6 «Местные органы

государственной власти и управления в Чечено-Ингушской АССР» состоял из двух глав. В главу 13 «Местные Советы народных депутатов» входило восемь статей (ст. 119–126). Органами государственной власти в районах, городах, районах в городах, поселках, сельских населенных пунктах являлись соответствующие Советы народных депутатов. Местные Советы народных депутатов решали все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории Совета, проводили в жизнь решения вышестоящих государственных органов, руководили деятельностью нижестоящих Советов народных депутатов, участвовали в обсуждении вопросов республиканского (АССР, РСФСР) и общесоюзного значения, вносили по ним свои предложения. Согласно ст. 126, местные Советы народных депутатов осуществляли свою деятельность в тесной связи с общественными организациями и трудовыми коллективами, выносили наиболее важные вопросы на обсуждение граждан, вовлекали их в работу постоянных комиссий, исполнительных комитетов и других подотчетных Советам органов, содействовали работе местных добровольных обществ и развивали общественную самодеятельность населения. В главе 14 «Исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов» семь статей (ст. 127–133). Исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов являлись избираемые ими из числа депутатов исполнительные комитеты в составе: председателя, заместителей председателя, секретаря и членов. Исполнительные комитеты не реже одного раза в год отчитывались перед избравшими их Советами, а также на собраниях трудовых коллективов и по месту жительства граждан. В соответствии со ст. 128 Исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов непосредственно были подотчетны как Совету, их избравшему, так и вышестоящему исполнительному и распорядительному органу. Раздел 7 «Государственный план экономического и социального развития Чечено-Ингушской АССР. Государственный бюджет Чечено-Ингушской АССР» состоял из шести статей (ст. 134–139), которые не были выделены в самостоятельную главу. В данном разделе нормативно было закреплено: государственный план экономического и социального развития Чечено-Ингушской АССР являлся составной частью государственного плана экономического и социального развития РСФСР. Текущие и перспективные государственные планы экономического и социального развития Чечено-Ингушской АССР имеют целью обеспечение комплексного экономического и социального развития на территории республики в соответствии с основными задачами и направлениями экономического и социального развития РСФСР. Разработка планов экономического и социального развития осуществлялась с учетом предложений коллективов предприятий, учреждений и организаций, а также общественных организаций. В ст. 137 давалось определение и назначение бюджету республики. Государственный бюджет Чечено-Ингушской АССР являлся составной частью единого государственного бюджета РСФСР и объединял республиканский бюджет Чечено-Ингушской АССР и местные бюджеты. Государственный бюджет Чечено-Ингушской АССР разрабатывался Советом Министров Чечено-Ингушской АССР на основе государственных

планов экономического и социального развития РСФСР и Чечено-Ингушской АССР, государственного бюджета РСФСР и утверждался Верховным Советом Чечено-Ингушской АССР по докладу Совета Министров Чечено-Ингушской АССР и заключениям Планово-бюджетной и других постоянных комиссий Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. Одним из самых ключевых разделов Конституции ЧИАССР 1978 г. являлся раздел 8 «Правосудие, арбитраж, прокурорский надзор». Раздел состоял из двух глав. Глава 15 «Суд и арбитраж» включает ст. 140–152, в которых четко закреплено – правосудие в Чечено-Ингушской АССР осуществлялось только судом. Судами Чечено-Ингушской АССР являлись Верховный Суд Чечено-Ингушской АССР и районные (городские) народные суды. Организация и порядок деятельности судов Чечено-Ингушской АССР определялись законами Союза ССР, РСФСР и настоящей Конституцией. Ст. 148 определила: судопроизводство в Чечено-Ингушской АССР велось на чеченском, ингушском или русском языке, или на языке большинства населения данной местности. Участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором велось судопроизводство, обеспечивалось право полного ознакомления с материалами дела, участие в судебных действиях через переводчика и право выступать в суде на родном языке. Ст. 149 гласила: Никто не мог быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом. Заключительная глава раздела 16 «Прокуратура» включала в себя четыре статьи и регламентировала деятельность надзорного органа. Согласно ст. 153, высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами на территории Чечено-Ингушской АССР осуществлялся Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему Прокурором РСФСР, Прокурором Чечено-Ингушской АССР и нижестоящими прокурорами. Назначение прокурора Чеченской Республики и районных прокуроров было закреплено в ст. 154: прокурор Чечено-Ингушской АССР назначался Генеральным прокурором СССР. Районные и городские прокуроры назначались Прокурором РСФСР и утверждаются Генеральным прокурором СССР. Заключительные две статьи раздела определяли сроки полномочий прокурора Чечено-Ингушской АССР и всех нижестоящих прокуроров, согласно ст. 155 этот срок был установлен в пять лет. В ст. 156 было закреплено, что органы прокуратуры осуществляли свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору СССР. Раздел 9 «Герб, флаг и столица Чечено-Ингушской АССР», состоявший из трех статей (ст. 157–159), был посвящен государственной символике и столице автономной республики. Заключительный десятый раздел «Действие Конституции Чечено-Ингушской АССР и порядок ее изменения» (ст. 160–161) закреплял и регламентировал деятельность всех нормативно-правовых актов ЧИАССР в строгом соответствии с Конституцией ЧИАССР. Заключительная ст. 161 Конституции

Чечено-Ингушской АССР гласила: изменение Конституции Чечено-Ингушской АССР производится решением Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, принятым большинством не менее двух третей от общего числа депутатов Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР.

Проведенный постатейный обзор основного закона Чечено-Ингушской АССР 1978 г. позволяет сделать следующие выводы. Советский период государственно-правового развития ЧИАССР способствовал разработке и принятию правовых актов конституционного значения. Право принятия каждой национальной советской автономной республикой своей Конституции было закреплено четвертой главой Конституции СССР. В Конституции ЧИАССР закреплены основы её правового положения как государства, входящего в состав союзной республики. При этом ЧИАССР представляла собой государственное образование, республика имела представительство в союзном парламенте, т. е. выходила на союзный уровень. Конституция ЧИАССР закрепила наличие ограниченного суверенитета и условного гражданства. По своей сути автономия – эта форма национальной государственности, в которой проявлялся суверенитет нации, и в этом её сходство с союзной республикой. Конституция ЧИАССР 1978 г. определила компетенцию республики и предметы её ведения. Она закрепила основные положения, связанные с решением вопросов национально-государственного и административно-территориального строительства республики. Конституция ЧИАССР повысила политико-правовой статус республики, закрепила права и свободы гражданина ЧИАССР, право на использование родного языка в целях реализации прав и свобод граждан, формальную свободу религиозных чувств верующих. Будучи ядром судебной системы республики, Верховный Суд Чечено-Ингушской АССР избирался Верховным Советом Чечено-Ингушской АССР сроком на 5 лет. Судей мог быть любой гражданин СССР, достигший 23-летнего возраста и пользующийся избирательным правом. Рассмотрение дел в Верховном Суде Чечено-Ингушской АССР, районных и городских народных судах осуществлялось коллегиально – в составе судьи и двух народных заседателей, а при рассмотрении дел Верховным Судом Чечено-Ингушской АССР в качестве второй инстанции в кассационном порядке – в составе трех членов суда.

Верховный Суд ЧИАССР входил в состав второго звена судебной системы СССР и союзных республик²⁶ и относился к судам соответствующей союзной республики²⁷. Организация и устройство Верховного Суда АССР регулировалось ст.ст. 151 и 152 Конституции СССР, ст.ст. 24 и 25 Основ законодательства о судостроительстве²⁸.

Народные заседатели районных и городских народных судов избирались на общих собраниях рабочих, служащих по месту их жительства и работы сроком на 2 года.

Народные заседатели Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР избирались Верховным Советом ЧИАССР сроком на 5 лет. Они пользовались равными правами с судьей при рассмотрении дела судом.

В соответствии со своим положением Верховный Суд ЧИАССР действовал в составе президиума Верховного Суда, судебной коллегии по гражданским делам, судебной коллегии по уголовным делам. Он рассматривал

в пределах своих полномочий дела в качестве суда первой инстанции, в кассационном порядке и по вновь открывшимся обстоятельствам. В качестве суда первой инстанции Верховный Суд ЧИАССР рассматривал в пределах своих полномочий наиболее сложные и важные гражданские и уголовные дела, отнесенные законом к его подсудности. В качестве суда кассационной инстанции он проверял по кассационным жалобам и протестам законность и обоснованность не вступивших в законную силу решений районных (городских) народных судов автономной республики по гражданским и уголовным делам.

Как суд, осуществляющий надзор за судебной деятельностью районных (городских) народных судов, Верховный Суд ЧИАССР проверял вступившие в законную силу решения этих судов по гражданским и уголовным делам и пересматривал в случае признания их незаконными или необоснованными по протестам соответствующих должностных лиц.

Осуществляя надзор за судебной деятельностью районных (городских) народных судов, Верховный Суд ЧИАССР изучал и обобщал судебную практику, анализировал судебную статистику²⁹.

Заслуживает внимания и тот факт, что Верховному Суду ЧИАССР по Конституции ЧИАССР (ст. 96) принадлежало право законодательной инициативы в Верховном Совете Чечено-Ингушской АССР. В силу принципа осуществления правосудия только судом лишь Верховный Суд ЧИАССР, выступающий в качестве суда кассационной и надзорной инстанций, наделен законом правом отменять или изменять решения районных городских народных судов ЧИАССР по гражданским и уголовным делам в случае признания их незаконными или необоснованными.

Судейский корпус ЧИАССР рассматриваемого периода обладал высокой степенью профессионализма и ответственностью, состав его был многонационален, что ни в коей мере не служило препятствием для справедливого и объективного отправления правосудия. Согласно данным о составе народных судей и народных заседателей районных (городских) народных судов ЧИАССР, избранных в 1982 г., в числе народных судей 39% – женщины, 59% – чеченцы и ингуши, 41% – представители других национальностей республики, а среди народных заседателей этих судов женщины составляют 55%, чеченцы и ингуши – 55%, представители других национальностей, населяющих автономную республику, – 45%.

Профессионализм многих работников судебной власти ЧИАССР был отмечен высокими правительственными наградами и званиями. Председатель Шалинского районного народного суда М.-Х.А. Арсанукаев, народный судья Ленинского районного народного суда В.Н. Гакаев, заместитель председателя Верховного Суда ЧИАССР А.-Г.Л. Чаниев за заслуги в укреплении социалистической законности были удостоены почетного звания «Заслуженный юрист РСФСР»³⁰.

Верховный Суд ЧИАССР, являясь высшим судебным органом Чечено-Ингушской АССР, был призван отправлять независимое и справедливое правосудие.

На основании советского законодательства в Чечено-Ингушетии были подробно регламентированы основные требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи или народного заседателя, процедура отзыва судей, привлечения их к дисциплинарной ответственности, а также многие другие основополагающие вопросы судостроительства.

Большое значение в ЧИАССР придавалось выборам народных судей и народных заседателей.

В декабре 1960 г. секретариат обкома КПСС, учитывая важное значение выборов народных судов, как основного звена судебной системы, обязывал ГК и РК КПСС осуществить руководство подготовкой и проведением выборов, обеспечив активное участие в этом деле партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций. Данный документ, длительное время хранившийся под грифом «секретно», находящийся в нашем распоряжении, представляет повышенный интерес и сегодня, поскольку большая часть архивных документов того времени, отображающая деятельность судебной системы ЧИАССР, безвозвратно утеряна. Его содержание в рамках данного исследования представляет важное значение.

Согласно данному документу основными задачами агитационно-пропагандистской работы партийных организаций в связи с проведением выборов народных судей и народных заседателей в тот период являлись:

- широкое разъяснение трудящимся задач коммунистического строительства и успехов, достигнутых в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма;
- миролюбивая внешняя политика партии и правительства;
- пропаганда мероприятий партии и правительства по дальнейшему укреплению социалистической законности;
- пропаганда советского законодательства и особенно вновь принятых законов, разъяснение трудящимся больших задач, поставленных партией о резком сокращении, а затем и о полном искоренении преступности и нарушений общественного порядка в нашей стране совместными усилиями широкой общественности и государственных органов.

Партийным организациям ЧИАССР было предписано повседневно уделять внимание и оказывать помощь добровольным народным дружинам и товарищеским судам с тем, чтобы эти общественные организации совместно с судебно-прокурорскими органами и милицией активно участвовали в укреплении общественного порядка, снижении преступности. Кроме того, согласно документу им отводилась роль в искоренении отживших обычаев, противоречащих социалистической морали. Очевидно, под таковыми подразумевались адатские обычаи.

При подготовке и проведении выборов необходимо было добиваться улучшения работы народных судов, укрепления их связей с общественными организациями, поддерживать здоровую критику недостатков в работе народных судов и принимать меры к устранению этих недостатков. В связи с созданием в городских районах единых народных судов вместо участковых партийные органы и исполкомы Советов депутатов трудящихся обязаны были

оказать судам всемерную помощь в обеспечении их соответствующими помещениями и оборудованием³¹.

Что касается кандидатов в народные судьи, то основными критериями при их выдвижении являлись: их проверенное политическое кредо, юридическая подготовленность, безупречность в поведении, доверие и авторитет в народной среде, способность обеспечить борьбу с опасными преступлениями и со всякого рода злоупотреблениями и нарушениями социалистической законности.

В состав кандидатов в народные заседатели рекомендовались лучшие представители из числа передовых рабочих, колхозников и советской интеллигенции. Партийное руководство считало, что в составе кандидатов «должно быть не менее 40–50% беспартийных и 35–40% женщин»³².

Вместе с тем, партийные организации должны были проводить агитацию как за кандидатов в народные судьи и народные заседатели не только из числа кандидатов коммунистов, но и кандидатов беспартийных.

При проведении выборов на всей территории ЧИАССР требовалось неукоснительно соблюдать нормы Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик, а также положения о выборах народных судов.

Примечательно, что процесс подготовки и проведения выборов должен был быть гласным: «Ход подготовки и проведения выборов надлежит систематически освещать в местной печати, публикуя статьи и консультации по выборам народных судов, материалы о кандидатах в народные судьи и народные заседатели»³³.

Анализ постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР в период с 1965 по 1970 г. приводит нас к выводу, что деятельность судов ЧИАССР в рассматриваемый период неоднократно подвергалась критике. В постановлении Пленума Верховного суда РСФСР № 26/П 1965 г. отмечалось, что в работе судов РСФСР были серьезные недостатки, выраженные в случаях поверхностного рассмотрения судами уголовных дел. Не проводилась проверка тщательности предварительного следствия, законности и обоснованности предъявленного обвинения. В судебной практике не были устранены нетерпимые факты необоснованных арестов и осуждения невиновных граждан, а также незаконного оправдания преступников. В числе 11 регионов РСФСР, в которых наблюдалось значительное число случаев необоснованного осуждения невиновных граждан, в 1964 г. – первом квартале 1965 г. была отмечена и Чечено-Ингушская автономная республика. Верховным Судом РСФСР в 1964 году были отменены и изменены приговоры верховных судов АССР, краевых, областных судов в отношении 31,8% осужденных к исключительной мере наказания. В рассматриваемый период допускалось много ошибок верховными судами АССР, краевыми и областными судами при рассмотрении дел в кассационном и надзорном порядке; в практике работы указанных судов имеются неединичные случаи поверхностного рассмотрения и необоснованного отклонения жалоб, поданных в порядке надзора. В результате для устранения негативных явлений в работе судов предлагалось президиумам Кемеровского, Куйбышевского, Магаданского, Московского, Новосибирского, Пермского и Сахалинского областных судов, верховных судов Башкирской, Татарской и

Чечено-Ингушской АССР... глубоко разобраться в причинах неосновательного осуждения граждан и принять меры к недопущению подобных фактов в дальнейшем. При рассмотрении материалов об условно-досрочном и досрочном освобождении осужденных от наказания суды должны были строго соблюдать требования ст.ст. 53 и 55 УК РСФСР и основное внимание уделять тщательному и всестороннему выяснению вопроса о том, доказал ли осужденный свое исправление. В целях лучшей организации работы народных судов по рассмотрению уголовных дел верховным судам АССР, краевым, областным, городским судам, судам автономных областей и судам национальных округов рекомендовалось глубже разбираться в причинах неудовлетворительной работы отдельных народных судов и допускаемых ими ошибок и нарушений закона; больше уделять внимания оказанию практической помощи судьям; установить строгий контроль за исполнением постановлений президиума и указаний, данных по итогам проверок работы судов и обобщений судебной практики³⁴.

Если же в приведенном выше постановлении пленума Верховного Суда РСФСР обращалось внимание на факты незаконного осуждения, то в другом постановлении указывалось на факты незаконного заключения под стражу до вступления приговора в законную силу. Так, в постановлении пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 г. № 52/П «О практике обращения к исполнению приговоров в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, но не заключенных под стражу до вступления приговора в законную силу» отмечалось, что в работе судов по обращению к исполнению указанных приговоров имелись серьезные недостатки. Суды необоснованно избирали в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, в качестве меры пресечения, до вступления приговора в законную силу, подписку о невыезде и не всегда своевременно направляли копию приговора и распоряжение о его исполнении соответствующему органу милиции. В результате некоторые лица, осужденные к лишению свободы, неосновательно оставались на свободе. В целях устранения отмеченных недостатков Пленум Верховного Суда РСФСР в заключительной части постановлял: Верховным судам Чечено-Ингушской и Чувашской автономных республик... проверить и обсудить на заседаниях президиумов практику обращения к исполнению приговоров в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, и о принятых мерах сообщить Верховному Суду РСФСР к 15 июня 1970 года»³⁵.

Возможно, указанные обстоятельства в указанном постановлении имели связь с действием адата в советском чечено-ингушском обществе. Это косвенно можно наблюдать у исследователя Л.М. Васильева, пришедшего к выводу, что в процессуальных формах влияние адата в представленном виде выражалось: в уклонении от дачи правдивых показаний, изменении ранее данных показаний, заведомо ложного заключения, заведомо ложного перевода, невыполнение своих профессиональных обязанностей должностным лицом (лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судьей), в так называемой негативной процессуальной форме³⁶.

Несмотря на советские законы, советскую систему правосудия, сила адата и шарията все же оставалась незыблемой для большей части чечено-

ингушского общества, особенно это проявлялось в сельской местности на территории Чечено-Ингушской АССР.

Мы считаем, что влияние адата в рассматриваемый период следует разделить на две категории воздействия. Первая категория воздействия имеет позитивное значение для общества в целом, поскольку это воздействие напрямую направлено на недопущение совершения преступлений (по причинам кровной мести). Вторая категория воздействия выражена в использовании адата в корыстных и иных негативных целях. И в первом и во втором случае прослеживается связь с официальными органами власти. Наряду с положительными сторонами использования адата наблюдалась и обратная сторона применения его авторитета в целях противодействия органам официального расследования и суда. Как отмечал Л.М. Васильев, «авторитет старшего используется с целью принуждения свидетеля к отказу от дачи правдивых показаний по делу»³⁷.

Л.М. Васильев, характеризуя механизм влияния пережитков местных обычаев на установление истины по уголовному делу, выделяет субъекты, оказывающие такое влияние, цели и способы влияния. Методом же воздействия выступает давление на лиц, обладающих носителями существенной информации по делу»³⁸.

Наравне с советскими народными судами в республике с 1958 по 1991 г. практически в каждом районе Чечни и Ингушетии действовали кхелы (суды), в состав которых входили авторитетные представители тайпов, в основном люди преклонного возраста. Власть не могла не знать о наличии подобного рода судов в республике, и всеми доступными средствами противодействовала этому явлению, называя их пережитками прошлого.

В основу этой критики легла марксистская идеология, считавшая, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»³⁹.

Органы власти в советской Чечено-Ингушской АССР осуществляли преследование участников кхелов (судов). На страницах республиканской печати регулярно появлялись публикации пропагандистского толка, в которых указывалось о недопустимости существования норм адата и шариата в современном советском обществе чеченцев и ингушей.

Коммунистическое воспитание масс, борьба за окончательное преодоление пережитков прошлого в сознании людей велись в основном мерами убеждения. Однако на практике также активно применялось государственное принуждение.

Как отмечали И. Албастров и Х. Джабраилов, «решительная борьба с нравами и предрассудками старого мира, с его индивидуализмом, эгоизмом, корыстью объективно предполагает использование в отношении отдельных лиц, нарушающих советские законы, мер государственного принуждения»⁴⁰.

Данная постановка вопроса в полной мере отражает целенаправленность в действиях по искоренению пережитков прошлого в ЧИАССР, под которыми подразумевались адат и шариат. Широко использовалась агентурная сеть в поиске лиц, состоящих в адатско-шариатских кхелах.

Так, только в «1960 году в Чечено-Ингушской АССР было выявлено 15 нелегально действующих мусульманских молитвенных домов и около двухсот действующих мулл»⁴¹. Муллы выполняли функции *къеды* – шариатского судьи.

Власть, на наш взгляд, не понимала, а точнее не желала осознавать всей силы адатского права, хотя могла и должна была использовать феномен адата в полной мере в целях эффективного правового воздействия на население ЧИАССР. Вместо этого она использовала адат частично.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в некоторых случаях на местах партийные руководители из лиц чеченской и ингушской национальности не препятствовали осуществлению адатского правосудия, если речь шла, к примеру, о примирении кровников, и сами вопреки всему участвовали в урегулировании данных конфликтов. Исследователь Б.Б. Нанаева отмечает также, что «сохранились архивные данные о решениях исполкомов ряда местных Советов Чечено-Ингушской республики по поводу размера калыма за невесту, установленного старейшинами села, за пределы которого не разрешалось выходить»⁴². И это в то время, когда в УК РСФСР «уплата и принятия выкупа за невесту наказывалось до одного года или общественным порицанием». Последняя формулировка ст. 232 УК РСФСР в ЧИАССР фактически не могла быть реализована, так как данная процедура, именуемая *там-мах*, была не поддающейся искоренению адатско-шариатской нормой. Тем не менее, данная статья предусматривала ответственность за два преступления – принятие и уплату выкупа. В этой связи были даны соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР, под таковыми действиями понимается передача и принятие денег, скота и другого имущества как обязательного условия выдачи женщины замуж. Вне зависимости от того происходило это с согласия или без согласия невесты⁴³. Субъективная сторона данного преступления заключалась в прямом умысле, поскольку виновный осознает всю полноту своих действий. Оно считалось окончанным независимо от того, состоялся ли брак после уплаты и принятия выкупа или не состоялся. При этом разъяснения Пленума ВС РСФСР дали право для обхода категорий «уплата и принятие выкупа», подводя их под категорию свадебных подарков, не носящих характер выкупа, следовательно это приводило к отсутствию состава преступления.

В рассматриваемый период в ЧИАССР были нередкими судебные разбирательства по преступлениям, предусмотренным ст. 233 УК РФ «Принуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование вступлению в брак». За данное преступление предусматривалось наказание сроком до 2 лет. Согласно ст. 233 УК РСФСР исполнителем данного преступления считалось не только лицо, желающее путем похищения вступить в брак, но и лицо, принимавшее участие в похищении, тем самым субъектом преступления могли быть: родители невесты, жениха, их родственники, жених. Помимо ситуаций, когда похищенная и ее родственники не давали согласия на заключение брака, были распространены также ситуации, когда в последующем стороны договаривались между собой. Тем не менее, в случае, если ситуация доходила до суда, то это примирение не имело значения, поскольку согласно

разъяснениям Пленума Верховного Суда РСФСР⁴⁴ преступление считалось совершенным и не освобождало виновных от ответственности.

В ЧИАССР практически не совершались преступления, предусмотренные по ст. 234 – заключение соглашения о браке с лицом, не достигшим брачного возраста. Не обнаружено осужденных за двоеженство и многоженство – ст. 235 УК РСФСР, хотя эти явления не были редкими.

Религиозные деятели в ЧИАССР нередко попадали на скамью подсудимых, в их числе Яндаров Юнади, являвшийся внуком Солса-Хаджи Яндарова⁴⁵.

В целом судебная политика и основанная на ней практика судопроизводства в автономных республиках Северного Кавказа и в Чечено-Ингушетии в частности в период с 1960 по 1990 г. строились из принципа – адаты не законы, но могут служить закону во благо общества. Большая заслуга в этом, на наш взгляд, принадлежит законодательному закреплению в УК РСФСР⁴⁶ статей (часть из которых рассмотрена выше) за преступления, составляющие пережитки прошлого. Выделенная в кодексе одноименная глава включала 6 статей – с 231 по 236.

Наш вывод основан на следующих позициях, среди которых выделим закрепление ст. 231 УК РСФСР 1960 г.⁴⁷ Анализ данной статьи приводит нас к выводу о высоком значении примирительной комиссии по делам о кровной мести. Статья фактически подтверждала полномочия примирительных комиссий, созданных на местах согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 5 ноября 1928 г. «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести»⁴⁸.

Субъектами данного преступления выступали родственники убитого, вызванные в примирительную комиссию. Объективная сторона преступления по данной статье заключается в отказе явиться по требованию в примирительную комиссию, либо дать согласие на примирение согласно установленной форме подписки. Установление факта уклонения от примирения классифицировало преступление оконченным, вне зависимости от того были ли совершены виновным какие-либо действия по кровной мести. При этом совершение посягательства на жизнь, здоровье кровника или его родни влекло к привлечению к ответственности уклонившегося от примирения по совокупности преступлений по ст. 231 и конкретной статьи преступлений против личности.

В целом формулировка данной статьи звучит либерально в сравнении с другими статьями УК РСФСР, в котором были закреплены 2 основные статьи, относящиеся к преступлениям, совершенным на почве кровной мести: ст. 102 п. «к» УК РСФСР и ст. 103 УК РСФСР.

Эти статьи также нуждаются в пояснении. Особенность п. «к» ст. 102 заключалась в том, что она не давала права сравнительного толкования, поскольку конкретно применялась при квалификации убийств, на почве кровной мести, относящейся к пережиткам общинно-родового строя. Отнесение законодательством согласно ст. 102 п. «к» УК РСФСР убийства, совершенного на почве кровной мести, к категории умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах связано с тем, что общественная опасность

данного деяния заключалась, помимо факта самого убийства, еще и в потенциальной опасности реверсного убийства уже со стороны потерпевшего. Здесь кровная месть выступает как мотив возможных последующих убийств. При этом следует разграничить мотив убийства на почве кровной мести от мести, возникшей на почве личных отношений, которые квалифицировались по ст. 103 УК РСФСР, под которую попадали в т. ч. убийства из мести на почве личных отношений как правомерного, так и противоправного действия со стороны потерпевшего.

Из приведенного выше мы видим, что ЧИАССР будучи составной частью РСФСР в полной мере реализовывала практическую направленность данного кодекса. Здесь можно выявить некоторое преимущество автономной республики, на которую распространялся УК РСФСР, в то время как в союзных республиках статьи подобной направленности отсутствовали. Ужесточив наказания за убийства на почве кровной мести, законодателем была оставлена возможность урегулирования бытовых конфликтных ситуаций с целью дальнейшего недопущения совершения преступления по мотивам кровной мести.

Созданные в ЧИАССР примирительные комиссии активно включились в вопрос примирения сторон. Они собирали сведения о лицах, враждующих между собой на почве кровной мести. По каждому случаю заводилось примирительное дело. Вызывались участники конфликта, которые в случае примирения давали комиссии подписку о примирении и неосуществлении дальнейших действий по преследованию с целью мщения. Отказ от примирения приводил к направлению соответствующего акта в народный суд для уголовного преследования уклонившихся. Здесь очень важно обозначить, что, несмотря на отправление правосудия в отношении виновных по советским законам, они не избегали также ответственности по адату, тем самым сохранялся элемент рецидива преступлений. Цель комиссии заключалась в стабилизации общественно-политической и криминогенной ситуации в республике путем предупреждения совершения преступлений. В целом институт кровной мести в Чечне и Ингушетии претерпевал кардинальные изменения на протяжении нескольких периодов: в первый раз, когда с ней боролся имам Шамиль, запретив в Имамате, тем самым поставив ее на нелегальное положение. До создания военно-теократического государства в Чечне акт возмездия по кровной мести носил открытое и намеренное действие потерпевшей стороны, в первой же половине XIX в. он приобрел статус скрытого действия. В советский период кровная месть в чечено-ингушском обществе не изжита, но приобрела статус частично контролируемого и управляемого явления, которое сначала переходит в стадию враждебности, а затем примирения под воздействием примирительной комиссии. В конце XX в. в Чечне и Ингушетии наблюдается резкая эскалация конфликтов на почве кровной мести, к неразрешенным конфликтам добавились новые преступления на почве кровной мести. В начале XXI в. в Чечне и Ингушетии активно внедряется советский опыт работы примирительных комиссий, который позволил в период с 1960 по 1990 г. на территории ЧИАССР значительно стабилизировать криминогенную ситуацию в сравнении с другими

республиками РСФСР. По числу совершенных тяжких преступлений ЧИАССР в составе РСФСР занимала низовые позиции, в республике велась эффективная работа по общественной безопасности.

В примирении кровников принимали участие министр внутренних дел и охраны общественного порядка Чечено-Ингушской АССР, генерал внутренней службы III ранга М.П. Дроздов; председатель республиканской примирительной комиссии А.-В.Т. Тепсаев; председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР по вопросу порядка проведения перемирия И.А. Алмазов. В республике была разработана и по партийной линии издавалась «Памятка по примирению кровников»⁴⁹.

К категории дел, попадавших в компетенцию примирительной комиссии в ЧИАССР, следует отнести ранения, дорожно-транспортные происшествия, повлекшие гибель людей. Как уже отмечалось нами выше, помимо уголовной ответственности по советскому законодательству, если виновником и потерпевшей стороной были лица чеченской или ингушской национальности, ответственность наступала также по адату. Задача комиссии заключалась в примирении по адату. Ситуация осложнялась, если виновный в совершении преступления находился в состоянии алкогольного опьянения. В подобных случаях потерпевшая сторона проявляла пассивность в процессе примирения. Следует обратить внимание на национальную принадлежность как элемент наступления обычно-правовых последствий в Чечено-Ингушетии. Если, к примеру, виновником было лицо не чеченской или ингушской национальности, адат и кровная месть в большинстве случаев не применялись, не говоря уже о коллективной ответственности родственников виновного перед потерпевшей стороной. Таким образом, адат и кровная месть в многонациональной ЧИАССР применялись исключительно в отношении чеченцев и ингушей.

Примеры участия высокопоставленных членов партийного руководства в негласных кхелах (судах) можно найти на страницах газеты «Грозненский рабочий»: анализ материала о примирении кровников в с. Гехи приводит нас к выводу о том, что в процессе примирения кровников адатским судом принимала участие и авторитетная республиканская комиссия из числа республиканских советских партийных работников, при этом обращалось внимание на жестокость адатов и необходимость отказа от них⁵⁰.

Нелогичным выглядит утверждение советской идеологии о жестокости адата, при том, что адат даже на примере указанного случая выступал как фактор примирения многолетней вражды и способствовал дальнейшему недопущению совершения преступления, в то время как действующие государственные нормы были порой бессильны в установлении справедливости и законченности тех или иных имевших место многочисленных конфликтных ситуаций.

Как отмечает исследователь М.С.-Г. Албогачиева с 1920 г. у ингушей действовала комиссия по примирению, состоящая из наиболее уважаемых местных жителей, духовенства и представителей влиятельных в народе религиозных братств. Была проделана огромная работа, все случаи кровной мести подробно изучались и записывались. Комиссия устанавливала величину выкупа, который должна была уплатить сторона ответчиков. Цена крови была

определена в 500 тыс. рублей советскими денежными знаками⁵¹. Было бы глубоко неверным чрезмерно идеализировать влияние адатских норм на общественно-политическую ситуацию в республике исключительно с положительной стороны. Наличие родственных уз, землячества приводило к прекращению уголовных дел, либо к оправданию подсудимых или отмене приговоров и определений. Причем истоки этих процессов уходили корнями вглубь истории. Руководитель местной милиции Кайтаев в рапорте в Чеченское оргбюро Грозненского партийного комитета докладывал: «В Чечне чем дальше, тем больше развиваются кражи, грабежи и разбои. Это объясняется тем, что на местах стоят у власти чеченцы, которые, боясь кровной мести, абсолютно ничего не делают, например, пошлешь в какой-нибудь аул команду русских милиционеров для ареста бандита, начальник местной милиции вместо того, чтобы оказать ей содействие, сейчас же высылает вперед к этому бандиту человека с предупреждением: «Я иду, мол, к вам с командой для ареста вас, уходите скорее из дома». Необходимо установить инициативу, чтобы кровная месть не падала на чеченца, стоящего у власти, под страхом расстрела самого убийцы, поджога дома и высылки семьи его из пределов Горской Республики безвозвратно»⁵².

Изучая состояние судебной системы ЧИАССР в рассматриваемый период, мы должны подчеркнуть еще один специфический фактор, характеризующий отношение к советской системе судопроизводства в некоторой части чеченского и ингушского общества. Это устойчивое нежелание доводить дело до следствия и суда, отдавая предпочтение решению дел по адатско-шариатскому суду, что в очередной раз подтверждает развитый фактор преемственности морально-правовых ценностей на основе адата и шариата в чеченском и ингушском народах.

Использованная литература и источники:

1. См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории от 7 марта 1944 г.». Москва, Кремль. Д. № 1 1/803. Секретно.
2. См.: Сборник законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР, 1938–1946 гг. Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1946. С. 58.
3. Нухажиев Н.С., Умхаев Х.С. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму, Грозный, 2009. С. 163.
4. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 1. Д. 480. Л. 358–359.
5. Гакаев Ж.Ж. «Божья кара». Геноцид большевистского режима против вайнахов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 1. 1994. С. 165; Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. С. 244.
6. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 1. Д. 480. Л. 358–359.
7. Ибрагимов Муса М. Судебные преследования представителей чеченской интеллигенции в период сталинской депортации // История науки и техники. № 7. 2012. С. 127.
8. ГАРФ. Ф. 207. Т. 4. Папка 15.

9. ГАРФ. Ф. Р-352. Оп. 2. Д. 9. Л. 4.
10. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005. С. 880.
11. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005. С. 882–883.
12. См.: Массовые беспорядки в Грозном (1958). Url.: <http://zavalinka.org/read.php?id=450480>. (дата обращения – 29.11.2010 г.).
13. См.: Рошин М.Ю. Из истории ислама в Чечне. Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Прага, 2011. С. 38.
14. См.: Бугаев А.М. Восстановление Чечено-Ингушской АССР: юридический и политический аспекты / Материалы Республиканской научно-практической конференции «Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа». Грозный, 2007. С. 207.
15. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. Указ. соч. С. 909.
16. Газ. «Грозненский рабочий». 21 июня 1957.
17. Вторая сессия Верховного Совета ДАССР. Стенографический отчет, 1958. С. 185.
18. См.: Конституция Чечено-Ингушской АССР 1937 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на IV сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР шестого созыва) // Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1977.
19. См.: Нухажиев Н., Умхаев Х. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму // Грозный, 2009. С. 154–157, 163–164. Там же. С. 164.
20. См.: Югай А.Ф. Природа и правовое положение Автономных Советских Социалистических республик в системе Союза ССР // Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского. Ученые записки. Саратов: Коммунист, 1952. Вып. 3. С. 20–65.
21. Ибрагимов М.М., Ибрагимов И.М. Национально-государственное и конституционное развитие чеченского народа и вклад А.А. Кадырова в этот процесс / Материалы Региональной научно-практической конференции «От беззакония и хаоса – к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики)» (г. Грозный, 10 июня 2010 г.); История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Грозный, 2008. С. 144–145.
22. См.: Конституция Чечено-Ингушской АССР 1978 г. (принята на внеочередной восьмой сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР шестого созыва 26 мая 1978 г.) // Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978.
23. См.: Конституция Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1977. С. 16.
24. Сайдумов Д.Х. Конституция 1978 г.: государственно-правовое устройство Чечено-Ингушской АССР // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 1 (18). С. 207.
25. См.: Постановление Временного Совета Чеченской Республики «Об объявлении переходного периода в Чеченской Республике» от 27 сентября 1991 г., № 6.

26. Положение Верховного Суда АССР в судебной системе равнозначно положению краевого и соответствующего суда.

27. В РСФСР организованы и действуют Верховные Суды: Башкирской АССР, Бурятской АССР, Дагестанской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Калмыцкой АССР, Карельской АССР, Коми АССР, Марийской АССР, Мордовской АССР, Северо-Осетинской АССР, Татарской АССР, Тувинской АССР, Удмуртской АССР, Чечено-Ингушской АССР, Чувашской АССР, Якутской АССР, в Азербайджанской ССР – Верховный Суд Нахичеванской АССР, в Грузии – Верховные Суды Абхазской АССР и Аджарской АССР; в Узбекской ССР – Верховный Суд Каракалпакской АССР.

28. См.: Семенов В.М. Суд и правосудие СССР. М., 1984. С. 141.

29. Бурмистров К.Д. Закон. Правосудие. Воспитание. Грозный, 1983. С. 68.

30. Там же.

31. См.: Решение Чечено-Ингушского Обкома КПСС от 15.11.1960.

32. Там же.

33. Там же.

34. См.: Постановление Пленума ВС РСФСР N 26/П. Верховный Суд Российской Федерации Url.:http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=308&w (дата обращения – 20.01.2009 г.).

35. См.: Постановление Пленума ВС РСФСР N 52/П О практике обращения к исполнению приговоров в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, но не заключенных под стражу до вступления приговора в законную силу от 28 января 1970 года. Верховный Суд Российской Федерации. Url.: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=343&w (дата обращения – 20.01.2009 г.).

36. См.: Васильев Л.М. Влияние пережитков местных обычаев на установление истины по уголовным делам / По материалам ЧИАССР // Региональные особенности преступности и проблемы эффективности борьбы с нею. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции (30–31 мая 1985 г.). Махачкала, 1985. С. 22.

37. Там же С. 21.

38. Там же. С. 22.

39. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. М., 1957. С. 119.

40. Албастов И.А., Джабраилов Х.М. По законам новой жизни. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. С. 3.

41. Там же. С. 34.

42. Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М. – Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2012. С. 189.

43. См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961–1977. С. 255.

44. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961–1977. С. 226.

45. См.: Грозненский рабочий. 23 ноября 1976 г.

46. См.: УК РСФСР. Url.: <http://www.zakon.kuban.ru/private/uk60g.htm> (дата обращения – 15.04.2010 г.)

47. Там же.
48. См.: СУ РСФСР. 1928. № 141. Ст. 927.
49. Албогачиева М.С.-Г. Примирительные комиссии в Ингушетии: история и современность // Вестник восстановительной юстиции. № 8. 2011. С. 44.
50. См.: Газ. «Грозненский рабочий». 31 мая 1973 г.
51. Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 178.
52. ЦГА РСО-А. ФР. 81. Оп. 1. Д. 215. Л. 152–152 об. См.: Эльбиздукаева Т.У. Указ.соч.

Глава 4. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЧЕЧНЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

§1. Слом позитивной правовой системы и федеральной юстиции в Чеченской Республике

В Чечено-Ингушской Республике с июня 1990 г. начала складываться ситуация по формированию сил для слома действующей правовой системы. Здесь, в первую очередь отметим возникновение в республике общественной организации Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН). Несмотря на отсутствие официального статуса регистрации в органах юстиции республики, данная организация за короткий промежуток времени (1990–1991 гг.) своими антиконституционными действиями сначала парализовала, а затем и полностью сломила работу легитимных органов государственной власти Чечено-Ингушетии. Попытки противодействия этой организации со стороны прокуратуры республики привели к освобождению от занимаемой должности прокурора республики А.В. Пушкина и назначению на эту должность Э. Шариповой.

Процесс слома позитивной правовой системы и федеральной юстиции в Чеченской Республике связан с форсированными событиями общественно-политического характера, произошедшими в период с августа по октябрь 1991 г., и приходом к власти Д. Дудаева.

Впервые в историко-юридической науке предпринимается попытка реконструкции в хронологической последовательности нормативно-правовой деятельности, осуществлявшейся в республике 3 органами, 2 из которых классифицируются как легитимные органы государственной власти: Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики и Временный Высший Совет Чечено-Ингушской Республики (позже Временный Совет Чеченской Республики), третий же орган (ИК ОКЧН) Исполнительный комитет. Общенациональный конгресс чеченского народа являлся нелегитимным.

Однако именно ИК ОКЧН, несмотря на свой нелегитимный статус, в 1991 г. самостоятельно возложил на себя функции по управлению республикой и нормотворчества. Эти действия привели к кардинальным политическим потрясениям в республике и тяжелым последствиям общественно-политического характера, связанным в первую очередь с распадом Чечено-Ингушской Республики.

Действия перечисленных трех органов характеризуются: дублированием полномочий, скоропалительностью и противоречивостью нормативно-правовых актов.

Указанные процессы происходили при полном бездействии правоохранительных органов МВД ЧИР и КГБ ЧИР, с августа по октябрь 1991 г. ориентировавшихся на указания союзного и федеративного руководства, что в совокупности привело к полной потере контроля над республикой. Правоохранительные органы республики ограничились лишь декларированием заявлений. В частности, сотрудники аппарата МВД ЧИР и 4 районов столицы республики выступили с заявлением, в котором они лишь констатировали, что «в настоящее время, ввиду незаконных действий отдельных членов национальной гвардии, работникам милиции не представляется возможным в полной мере выполнять требования Конституции РСФСР и Закона РСФСР о милиции»¹. Сотрудники государственной безопасности сделали аналогичное заявление, в котором лишь отмечалось, что «сотрудники Комитета госбезопасности ЧИР, понимая всю серьезность сложившейся обстановки, готовы и в дальнейшем служить интересам всех народов Чечено-Ингушетии»².

Хаотичные процессы указанного периода сопровождались активным законотворчеством перечисленных органов, каждый из которых преследовал свои конкретные цели. Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики пытался сохранить власть, а ИК ОКЧН, в свою очередь, – прийти к власти в республике. В этой связи чрезвычайно важно реконструировать хронологическую последовательность политических событий в республике, определивших дальнейший вектор ее историко-правового развития.

Во второй половине ноября (23–25) 1990 г. в Грозном на первом чеченском национальном съезде был избран Исполком Общенационального конгресса чеченского народа (ИК ОКЧН) во главе с Д.М. Дудаевым. С 1991 г. этот орган стал центром всех общественно-политических действий в республике. Пытаясь противостоять возрастающему давлению на органы власти, Верховный Совет ЧИР 3 сентября 1991 г. с целью укрепления конституционного строя и реального разграничения законодательной и исполнительной власти, обеспечения прав, свобод и безопасности граждан принял Закон Чечено-Ингушской Республики «Об учреждении поста Президента Чечено-Ингушской Республики». Постановлением Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики была назначена дата выборов Президента Чечено-Ингушской Республики – 29 сентября 1991 г.³. Однако эти выборы не состоялись.

Параллельно с указанными процессами 1 сентября 1991 г. было принято решение Учредительного общенационального конгресса чеченского народа, согласно которому Верховный Совет ЧИАССР с 1 сентября считался

распущенным. В этом же документе в п. 3 было определено до 15 октября 1991 г. разработать: Конституцию, Закон о выборах, Закон о референдуме и ряд других законов⁴.

5 сентября ИК ОКЧН своим постановлением признал утратившими действие законов, постановлений и указов Верховного Совета ЧИАССР. При этом постановление закрепляло, что до формирования демократического парламента республики и до принятия им соответствующих законов на территории республики действуют законы РСФСР⁵.

С 15 сентября 1991 г. Временный Высший Совет Чечено-Ингушской Республики являлся формально единственным высшим органом государственной власти, обладающим полномочиями Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики. В связи с образованием 27 сентября 1991 г. суверенной Ингушской Республики в составе РСФСР и решением от 26 сентября 1991 г. исполкома депутатов ингушского народа всех уровней Временный Высший Совет Чечено-Ингушской Республики был переименован во Временный Совет Чеченской Республики⁶. Указанный орган в ЧИАССР можно считать, с одной стороны, проводником правовых реформ, поскольку данный орган готовил политико-правовую платформу для сил, стремившихся во власть. В этой связи нам видится необходимым обозначить наиболее важные среди принятых в тот период нормативно-правовых актов:

- Постановление Временного Совета Чеченской Республики «Об объявлении переходного периода в Чеченской Республике» № 6 от 27 сентября 1991 г. Согласно нормативно-правовому документу предусматривалось введение поста президента и избрание парламента Чеченской Республики;

- Постановление Временного Совета Чеченской Республики «О принятии Закона Чеченской Республики «О выборах Президента Чеченской Республики» № 7 от 30 сентября 1991 г.

С другой стороны, деятельность этого органа фактически была направлена на слом правовой системы республики. В качестве подтверждения этого мнения обозначим следующие два нормативно-правовых акта, принятых Временным Советом Чеченской Республики, напрямую направленные на прекращение работы правоохранительных структур республики:

- Постановление Временного Совета Чеченской Республики «Об освобождении прокурора Чечено-Ингушской Республики А.В. Пушкина от занимаемой должности» № 16 от 4 октября 1991 г.;

- Постановление Временного Совета Чеченской Республики «О прекращении деятельности Комитета Государственной безопасности Чечено-Ингушской Республики» № 17 от 4 октября 1991 г.

Фактически эти документы санкционировали дальнейшие действия, в частности, захват здания КГБ ЧИР 5 октября 1991 г., с вытекающими из этого последствиями – похищение большого количества оружия, обмундирования и средств связи, хранившихся в служебных помещениях.

Все попытки федерального центра взять под контроль ситуацию, в т. ч. с введением ЧП, не возымели действия.

27 октября состоялись выборы Президента Чеченской Республики. Согласно постановлению ЦИК Чеченской Республики в них приняло участие

458144 избирателя, что составляет 72% от общего числа избирателей. В результате выборов Д. Дудаев, набравший наибольшее количество голосов – 412671, был избран Президентом Чеченской Республики⁷.

Одновременно с выборами президента были объявлены выборы депутатов парламента. Анализ постановления ЦИК Чеченской Республики по итогам выборов в парламент приводит нас к следующим выводам: в однопалатный Парламент Чеченской Республики избран 41 депутат; по 9 округам выборы были признаны недействительными; республика по своему национальному составу будучи многонациональной в Парламенте Чеченской Республики тем не менее была представлена лишь одним представителем русскоязычного населения – Буниным Глебом Викторовичем (избранным по округу № 41). Юридическим нонсенсом является избрание по округу № 22 в качестве депутата Парламента Чеченской Республики Цихесашвили Мате Алексеевича (являвшегося вице-префектом Ахметовского района Грузинской Республики)⁸.

Таким образом, в Чеченской Республике, произошла легализация деструктивных сил, пришедших к власти в 1991 г. Эти процессы явились начальным этапом слома позитивной правовой системы в республике.

Изучение событий периода 1990–1991 гг. приводит нас к следующим выводам: слом правовой системы в Чечено-Ингушской Республике в период 1990–1991 гг. происходил при попустительстве федерального центра, не посчитавшего необходимым реагировать на процессы, набравшие ход в периферийных регионах, ввиду жесткой борьбы за власть в центре; ситуация в ЧИР определенное время рассматривалась демократическими силами из центра как борьба с рушащимся коммунистическим режимом и приходом к власти единомышленников. Осознание обратного было явлением поздним и не имевшим результатов воздействия на вышедший из-под контроля окрепший режим Д. Дудаева.

Оформлением политико-правового фиаско в деле восстановления утраченного конституционно порядка в период с 1991 по 1992 г. на территории республики, по нашему мнению, является упразднение федеральным центром единой Чечено-Ингушской Республики в 1992 г. и образование двух самостоятельных друг от друга монореспублик. Правовой основой этого действия стала принятая съездом депутатов всех уровней ингушского народа Декларация об образовании Ингушской Республики в составе РСФСР и решение от 26 сентября 1991 г. исполкома депутатов ингушского народа всех уровней о принятии на себя полномочий, связанных с устройством ингушского государства⁹. Тем не менее, объяснение данной ситуации лишь позицией депутатов желанием сформировать государственность в рамках Российской Федерации является неубедительным фактором, ведь подобного прецедента не было с другими национальными субъектами – Кабардино-Балкарией, Карачаево-Черкесией. Фактически данным действием можно констатировать признание утраты контроля со стороны федерального центра в рассматриваемый период над Чеченской Республикой. Возникшая ситуация привела в т. ч. и к противоречиям и неясности по административно-территориальной составляющей двух новых республик, когда вопрос об

административной границе между Чеченской Республикой решался, с одной стороны, непризнанным президентом Д. Дудаевым, а с другой – легитимным президентом Ингушетии Р. Аушевым, руководителем одного из субъектов Российской Федерации. Решение вопросов подобного характера являлось исключительно ведением Парламента Чеченской Республики, согласно п. 4, 5 ст. 62 Конституции Чеченской Республики 1992 г.

Складывалась уникальная ситуация, когда фактически пришедший к власти в Чеченской Республике Д. Дудаев не признавался федеральным центром руководителем республики, но при этом на различных уровнях с ним велись переговоры и принимались отдельные договоренности: к примеру, о трехмесячном (с мая по июль 1992 г.) полном выводе вооруженных сил Российской Федерации с территории республики. При этом вооружения, хранившиеся в воинских частях, на складах, военных аэродромах Хан-Кала, Калиновская, оставались в самой республике. Последней политической попыткой вернуть Чеченскую Республику, точнее ее руководство, в политико-правовое пространство Российской Федерации до перехода в фазу вооруженного противостояния являлось распоряжение Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина № 189-рп от 15 апреля 1994 г. «О подготовке проекта Договора о разграничении предметов ведения между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти Чеченской Республики и взаимном делегировании полномочий»¹⁰. Положения постановления предполагали поиск путей выхода из сложившейся социально-политической ситуации, с конечной целью разработать проект Договора между федеральным центром и республикой, но, как известно, его подписание не состоялось.

Говорить о легитимности Д. Дудаева как президента Чечни, на наш взгляд, неуместно в силу того, что «выборы Президента Чечни не были легитимными, так как из четырнадцати районов в них принимали участие только шесть. То есть не было осуществлено волеизъявление народа»¹¹.

Кроме того, соответствующая оценка им была дана Верховным Советом РСФСР, объявившим, что выборы Президента и Парламента Чеченской Республики «не имеют правовой основы и их результаты не могут быть признаны законными»¹². Съезд народных депутатов России также признал выборы «незаконными, а принятые ими акты не подлежащими исполнению»¹³.

Вместе с тем, указанный период для Чеченской Республики является важным историческим отрезком, который должен быть изучен в рамках настоящего историко-правового исследования. Как нам видится, анализ этого и последующих периодов общественно-политического развития Чечни позволит сформировать объективную картину, отражающую состояние правосудия в Чечне в 90-х гг., как официального регламентированного законом, так и неписаного на основе адата.

Работу судебных органов Чечни, начиная с 1991 по 1999 г., для объективного восприятия и понимания всего происходившего в тот период, на наш взгляд, целесообразно разделить на 3 этапа:

1-й этап – с 1991 по 1995 г. (организация и функционирование судебной системы при Д. Дудаеве);

2-й этап – с 1995 по 1996 г. (краткосрочный этап восстановления судебной системы в соответствии с федеральным законодательством);

3-й этап – с 1996 по 1999 г. (переход на шариатскую судебную систему при А. Масхадове, Ш. Басаеве).

На фоне процесса распада СССР, обострения отношений региональной элиты России с раздираемым противоречиями и стремительно слабевшим союзным центром провозглашение на Северном Кавказе независимой экзотической республики прошло почти незамеченным. Единственной «реакцией» Москвы стало введение 9 ноября 1991 г. на территории Чечено-Ингушской Республики чрезвычайного положения¹⁴. Руководствуясь п. 12 ст. 121-5 Конституции РСФСР, в соответствии с Законом РСФСР «О чрезвычайном положении» с 5 часов 00 минут 9 ноября 1991 г. до 5 часов 00 минут 9 декабря 1991 г. было введено чрезвычайное положение на всей территории Чечено-Ингушской Республики¹⁵. Но реализовать на практике пункты данного указа не удалось.

В 1991 г. начался не русско-чеченский, а гражданский конфликт – противостояние воинствующего маргинального меньшинства и подавляющего большинства чеченцев, русских, ингушей, представителей других народов, в мире и добрососедстве проживавших в бывшей Чечено-Ингушетии¹⁶.

Судебная система в годы правления генерала Д. Дудаева (1991–1995) носила лишь формальный, представительский характер, большинство решений по гражданским делам и приговоров по уголовным делам принимались под контролем режима. Нормативно-правовое регулирование на начальном этапе осуществлялось на основе принятых еще в советский период времени законов.

Справедливости ради надо отметить, что оставшиеся работать в судебной системе республики профессионалы из числа воспитанников советской правовой школы пытались сохранять целостность структуры, но в целом были бессильны перед набравшей обороты репрессивной машиной режима. Принцип независимости, который качественно отличает судебную власть от всех ветвей власти в указанный период, постепенно утрачивался. Обнаруженное нами заявление аппарата министерства юстиции, народных судей, государственных нотариусов и коллегии адвокатов ЧИР в республиканском печатном издании «Голос Чечено-Ингушетии» наглядно это подтверждает. В заявлении отмечалась озабоченность судей системой правосудия и недопустимостью вмешательства в работу народных судов республики, так как это неминуемо приведет к ухудшению криминогенной ситуации¹⁷.

На этом фоне усиливаются процессы по ускоренной реанимации адата и тотального его внедрения в общественно-политическую жизнь республики. С 1991 по 1993 г. в Чеченской Республике идет широкомасштабное обращение к адату и адатским принципам чеченского обычного права, шариат же находится в неактивированном режиме.

Законодательство, регламентирующее деятельность судебной власти и органов судебной системы с 1991 по 1995 г., включало в себя прежде всего Конституцию Чеченской Республики, принятую в 1992 г., а также специальные законы и указы.

12 марта 1992 г. на территории Чеченской Республики в связи с принятием Конституции Чеченской Республики прекратили свое действие советская Конституция Чечено-Ингушской АССР 1978 г. Фактически это событие ознаменовало новый этап политико-правового развития республики. Историко-юридическое осмысление законотворчества самопровозглашенной независимой от федерального центра Чеченской Республики необходимо начать с исследования постановления Парламента Чеченской Республики № 108 от 12 марта 1992 г. «О порядке вступления в силу Конституции Чеченской Республики»¹⁸. Данное постановление послужило прологом для правовых преобразований. Для целостного восприятия его содержание необходимо разбить на два аспекта: правовой и политический. По первому аспекту указанное постановление закрепляло с принятой Конституцией Чеченской Республики пролонгацию законов ЧИАССР и ЧИР, а также основанных на них подзаконных актов, действовавших на момент вступления в силу Конституции Чеченской Республики. Сохраняли свое действие, если не противоречили ей, и принятые на ее основе законы Чеченской Республики. При этом до 1 января 1993 г. все республиканские и местные нормативные акты подлежали пересмотру для устранения противоречий с нормами Конституции. Политический аспект проявился в заключительных положениях постановлений, фактически закрепивших гарантии для руководства самопровозглашенной республики: Парламент и Президент Чеченской Республики, формально избранные до принятия Конституции Чеченской Республики, должны были осуществлять все полномочия, предоставляемые принятой Конституцией, в течение срока, на которые были избраны. Здесь в полной мере проявилась степень практической направленности конституционной реформы, ее можно было бы считать полноценной, в случае если и президент, и парламент подали бы в отставку и республиканская избирательная комиссия назначила досрочные выборы на основе принятой Конституции 1992 г. Но не свершившееся предполагаемое в той ситуации политическое событие, тем не менее, не может характеризовать Конституцию Чеченской Республики 1992 г. слабым и неразработанным с позиции юридической техники и содержания Основным законом. Другой вопрос, что она во многом для органов государственной власти носила лишь декларативный характер.

Структурно Конституция Чеченской Республики состояла из 8 разделов и 116 статей.

1. Основы конституционного строя (ст. 1–16)¹⁹. Статьи раздела закрепляли Чеченскую Республику – суверенным и независимым демократическим правовым государством, созданным в результате самоопределения чеченского народа. Республика обладала верховным правом в отношении своей территории и национальных богатств; самостоятельно определяла свою внешнюю и внутреннюю политику. Наиболее важные вопросы государственной жизни должны были выноситься на всенародное обсуждение, а также ставиться на всенародное голосование (референдум).

2. Права, свободы и обязанности граждан (ст. 17–60)²⁰. За каждым гражданином гарантировались естественные и неотъемлемые права. Права, свободы и обязанности граждан Чеченской Республики не могли быть

отменены, ограничены, а обязанности произвольно расширены какими-либо иными актами и действиями. Закреплялось право на охрану здоровья, бесплатное пользование государственными медицинскими учреждениями, а также платное медицинское обслуживание, оказываемое учреждениями здравоохранения.

3. Система государственной власти и управления (ст. 61–85)²¹. Раздел содержал закрепления по полномочиям и компетенциям законодательной и исполнительной власти Чеченской Республики.

4. Избирательная система (ст. 86–88)²². Статьи раздела регулировали порядок и процедуру проведения выборов. Выборы в Чеченской Республике проводились на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

5. Органы местного самоуправления (ст. 89–93)²³. Местное самоуправление осуществлялось представительными и исполнительными органами власти, а также в форме непосредственной демократии. Представительные органы местного самоуправления являлись основными органами местной власти на соответствующей территории.

6. Судебная власть (ст. 94–108)²⁴. Раздел закреплял компетенцию и полномочия органов правосудия Чеченской Республики. Нормы статей регламентировали реализацию судебной власти в Чеченской Республике только судом, ее независимость от законодательной, исполнительной власти, а также от партий, иных общественных объединений и движений. Никто, кроме предусмотренных Конституцией и законами Чеченской Республики органов правосудия, не вправе был брать на себя функции и полномочия судебной власти, полномочия и компетенцию Конституционного Суда Чеченской Республики в силу своей компетенции. Были регламентированы базовые принципы судопроизводства. Закреплена подведомственность дел Арбитражному суду Чеченской Республики.

7. Защита закона и правопорядка (ст. 109–113)²⁵. Статьи раздела были посвящены вопросам защиты закона и правопорядка на территории Чеченской Республики, в которых должны были участвовать законодательная, исполнительная, судебная власти, адвокатура и граждане. К правоохранительным органам, непосредственно подотчетным законодательной власти, были отнесены Прокуратура Чеченской Республики, Следственный комитет Чеченской Республики, Служба национальной безопасности Чеченской Республики, органы и учреждения юстиции пограничного и таможенного контроля. Генеральный прокурор Чеченской Республики и подчиненные ему прокуроры должны были осуществлять надзор за повсеместным, точным, единообразным исполнением и применением действующих на территории Чеченской Республики законов и ратифицированных международно-правовых актов всеми государственными органами, общественными объединениями, их должностными лицами и гражданами, кроме высших органов законодательной и исполнительной власти и судов Чеченской Республики.

8. Заключительные положения (ст. 114–116)²⁶ содержали закрепления по государственному атрибутам: наименованию столицы, флагу и гербу; порядок изменения Конституции Чеченской Республики и ее вступления в силу.

Рассмотренное нами выше постановление № 108 от 12 марта 1992 г. «О порядке вступления в силу Конституции Чеченской Республики» регламентировало, что раздел 6 «Судебная власть» должен был вступать в силу поэтапно, по мере осуществления судебной реформы, включающей принятие законов о судостроительстве, Верховном Суде Чеченской Республики и о Конституционном Суде Чеченской Республики, а также иных законов, обеспечивающих реализацию норм, содержащихся в данной статье. Указанное постановление гарантировало судьям всех судов Чеченской Республики, избранным в соответствии с законодательством ЧИР, действующим до вступления Конституции Чеченской Республики силу, сохранность их полномочий до выборов судей в порядке, установленном Конституцией Чеченской Республики. Процедура установления срока и порядок проведения судебной реформы устанавливались Парламентом Чеченской Республики.

Характеризуя в целом принятый в 1992 г. Основной Закон Чеченской Республики, следует отметить его глубокую проработку на предмет закрепления демократических принципов. По Основному Закону 1992 г. Чеченская Республика была светским государством, где законы, президент и органы исполнительной власти были отделены от религии. Это проявляется, к примеру, в ст. 72: при вступлении в должность Президента Чеченской Республики избранник должен был принести торжественно клятву, но при этом в статье нет упоминания, что клятва должна была быть с использованием священного писания. Анализ Конституции Чеченской Республики образца 1992 г. в силу обозначенных в исследовании вопросов обязывает нас, помимо приведенного выше обзора специализированного раздела 6 «Судебная власть», произвести выделение и систематизацию статей, относящихся к судебной власти, к таковым относятся:

- ст. 5, закрепившая самостоятельность и независимость законодательной, исполнительной и судебной власти в Чеченской Республике;

- ст. 38, определившая применение смертной казни только по приговору суда, как исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления;

- ст. 46, дававшая гражданину право обжаловать в суде неправомерные, ущемляющие его права действия государственных и общественных органов и их должностных лиц;

- ст. 64, закреплявшая компетенцию и полномочия Парламента Чеченской Республики, в п. 4 к полномочиям законодательного органа отнесла: избрание Председателя Конституционного Суда Чеченской Республики и его заместителей, членов Конституционного Суда Чеченской Республики; Председателя Верховного Суда Чеченской Республики и его заместителей, членов Верховного Суда Чеченской Республики, судей городских и районных (региональных) судов; Председателя Арбитражного Суда Чеченской Республики и его заместителей, членов Арбитражного Суда Чеченской Республики;

- ст. 65, определившая право законодательной инициативы, помимо Парламента, Президента Чеченской Республики, за: Конституционным Судом, Верховным Судом, Арбитражным Судом Чеченской Республики, а также Генеральным прокурором;

- ст. 93 закрепляла право гражданам обжаловать в судебном порядке решения и действия органов местного самоуправления, их должностных лиц.

Говоря о внешнем формальном соблюдении закона, необходимо иметь в виду, что Конституция Чеченской Республики от 12 марта 1992 г. признавала юридическую силу законов ЧИАССР и ЧИР, а также основанные на них подзаконные акты, действующие на момент вступления в силу Конституции Чеченской Республики, в случаях, если они не противоречат ей и принятым на ее основе законам Чеченской Республики. Анализируя Конституцию Чеченской Республики того периода, следует отметить, что в ней также была закреплена законодательная инициатива за Конституционным Судом, Верховным Судом и Арбитражным Судом Чеченской Республики (ст. 65 Конституции Чеченской Республики).

Раздел 6 Конституции Чеченской Республики от 1992 г. был полностью посвящен судебной власти. Ст. 94–108 регламентировали деятельность всех судов на территории Чеченской Республики. Однако конституционное закрепление независимости судебной власти от законодательной, исполнительной власти, также от партий, иных общественных объединений и движений в будущем останется всего лишь нормой, существующей на бумаге. Равно как и ст. 98 данной Конституции, которая гласила: Председатель Конституционного Суда Чеченской Республики и его заместители, члены Конституционного Суда Чеченской Республики; Председатель Верховного Суда Чеченской Республики и его заместители, члены Верховного Суда Чеченской Республики; судьи городских и районных (региональных) судов избираются Парламентом Чеченской Республики.

В период правления Д. Дудаева Парламентом Чеченской Республики были приняты 3 основополагающих закона о деятельности судебных органов Чеченской Республики – «О Конституционном Суде Чеченской Республики» от 7 июля 1992 г., «О статусе судей в Чеченской Республике» от 12 ноября 1992 г. и «О судостроительстве в Чеченской Республике» от 19 ноября 1992 г.

Закон Чеченской Республики «О Конституционном суде Чеченской Республики», состоящий из 89 статей, регламентировал деятельность данного органа судебной власти по защите «конституционного строя Чеченской Республики». Однако Д. Дудаев 28 мая 1993 г. своим указом № 45 «О роспуске Конституционного Суда Чеченской Республики» упразднил его деятельность на территории Чечни. Мотивировано это решение было «необходимостью недопущения раскола в обществе и сохранением единовластия»²⁷. По нашему мнению, данный указ Д. Дудаева является антиконституционным, поскольку правом роспуска Конституционного Суда, отменой или изменением закона мог обладать лишь Парламент Чеченской Республики, принявший 7 июля 1992 г. Закон Чеченской Республики «О Конституционном Суде Чеченской Республики».

В Законе Чеченской Республики «О статусе судей в Чеченской Республике», структурно состоявшем из 20 статей, устанавливалось единство статуса судей, основные требования, предъявляемые к судье, отбор кандидатов на должности судей, порядок наделения их полномочиями, сроки полномочий судей, гарантии и меры социальной защиты судей.

Широким по своему практическому содержанию был Закон «О судостроительстве в Чеченской Республике» от 19 ноября 1992 г. Структурно он состоял из 5 разделов и 68 статей. В первом разделе содержались общие положения, во втором разделе раскрывалось содержание судебной системы Чеченской Республики в целом, третий и четвертый разделы были посвящены судьям и заседателям, в пятом разделе регламентировались вопросы организационного характера в работе судов.

В рассматриваемый период было также разработано Положение о квалификационной аттестации судей, утвержденное Министерством юстиции Чеченской Республики в 1993 г. Согласно данному положению, квалификационная аттестация проходила при предъявлении судьи к избранию в вышестоящий суд, утверждению на должность председателя, заместителя председателя или председателя судебной коллегии соответствующего суда.

В действительности ситуация обстояла иначе: судьи назначались и освобождались по протекции и лоббированию со стороны политиков, представителей бизнеса. Конституционный Суд Чеченской Республики носил также формально-декларативный характер. Его компетенция была закреплена в ст. 99 Конституции Чеченской Республики.

Согласно ст. 108 Конституции Чеченской Республики для рассмотрения хозяйственных споров между юридическими лицами образуется и действует Арбитражный суд Чеченской Республики²⁸. Таким образом, в рассматриваемый период конституционно была закреплена деятельность всех судов на территории Чеченской Республики. На начальном этапе своего президентства Д. Дудаев, следуя примеру федерального центра, осуществлял процесс по правовой реформе в республике. Но именно в этот период адатский суд все чаще проявляет свою жизнеспособность и альтернативность действующим официальным органам правосудия.

В этой связи, на наш взгляд, представляет интерес Указ Президента Чеченской Республики от 8 января 1992 г. «Об обеспечении деятельности судов и органов внутренних дел»²⁹. Данный указ может говорить о том, что в какой-то степени в самом начале Д. Дудаев пытался обуздать ситуацию зарождавшегося в республике беззакония, в первую очередь в судебной системе.

Настоящим указом запрещалось вмешиваться в деятельность судов и органов МВД, а лиц, препятствующих осуществлению судами и органами МВД Чеченской Республики своих функций, предполагалось привлекать к строгой ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Говоря о начавшемся процессе правового реформирования, инициированном Д. Дудаевым, здесь следует рассмотреть «Положение о национальном комитете по правовой реформе при Президенте Чеченской Республики». В данном положении, помимо общих пунктов, касающихся задач

по разработке законопроектов, экономической и финансовой основы государственного суверенитета Чеченской Республики, мы находим основополагающие предписания по:

- систематизации и подготовке предложений по кодификации законодательства;
- организационному обеспечению руководства судами, нотариальными конторами, загсами и другими подведомственными учреждениями и организациями;
- подбору и предложению Президенту или Парламенту кандидатов на должности судей.

Среди функций данного комитета были также: изучение и обобщение судебной практики, координация работы с Верховным Судом Чеченской Республики.

Национальный комитет по правовой реформе при Президенте Чеченской Республики устанавливал структуру и штат судов. По своей сути данный комитет был образован после ликвидации Министерства юстиции (на должность руководителя комитета был назначен У.К. Имаев).

Данным комитетом было разработано Положение «О Государственном учете нормативных актов Чеченской Республики», утвержденное Распоряжением Президента Чеченской Республики № 66 от 26 августа 1992 г.

Согласно этому положению, комитет должен был обеспечивать своевременный ввод нормативных актов в фонды и их поддержание в контрольном состоянии путем оперативного внесения соответствующих изменений; осуществлять информационно-правовое обслуживание Парламента, Президента и кабинета министров ЧР, министерств и юридических ведомств (Прокуратура, Следственный комитет, Министерство безопасности, Верховный Суд и научные юридические учреждения); выдавать справки органам и организациям по реквизитам нормативных актов, а также справки о дате вступления в силу и сроке действия нормативных актов, их последующих изменениях, распространении действия и признании утратившими силу³⁰.

Не менее интересными с научно-практической точки зрения представляются и следующие распоряжения Д. Дудаева, в частности от 27 января 1992 г. № 4 «О мерах по обеспечению надлежащей деятельности национального комитета по правовой реформе и судов», а также распоряжение № 19 от 15 марта 1992 г. «О мерах по улучшению условий работы районных, городских судов Чеченской Республики»³¹. В последнем указывалось, что большинство районных, городских судов Чеченской Республики размещается в непригодных для осуществления правосудия помещениях, а отдельные – в аварийных зданиях. В целях улучшения условий работы судов предполагалось: передать Октябрьскому, Старопромысловскому, Наурскому, Шелковскому, Веденскому, Надтеречному и Грозненскому районным, а также Гудермесскому и Урус-Мартановскому городским судам здания (помещения) с находящейся в них мебелью и другим инвентарем, ранее принадлежавшие соответствующим районным и городским комитетам КПСС. Руководителям организаций, занимающим указанные здания (помещения) без согласования с

Парламентом либо Президентом Чеченской Республики, освободить их до 1 марта 1992 г.³².

В рассматриваемый период нередкими были случаи, когда здания судов, иных учреждений пытались захватить деструктивные силы, утверждая, что учреждение стоит на завещанном им по адатам земельных участках.

Анализ данного документа, на наш взгляд, не может быть однозначным, поскольку, с одной стороны, это попытка своеобразной заботы о судебной системе республики, а с другой стороны – власть в лице Д. Дудаева стремилась как можно быстрее избавиться от коммунистического наследия в Чеченской Республике, действуя тем самым в унисон с федеральным центром, который проявлял такую же решительность в отношении идеологического прошлого страны.

Судебная система Чеченской Республики потеряла свою независимость при Д. Дудаеве. О чем может свидетельствовать и факт использования ее в политических целях режима в рассматриваемый период. Показательным примером тому служит Указ Президента Чеченской Республики от 25 февраля 1992 г. за № 34 «Об исполнении решений иностранных судов и арбитражей в Чеченской Республике».

Согласно данному указу: «В целях юридического обеспечения Декларации о государственном суверенитете Чеченской Республики: устанавливалось, что на территории Чеченской Республики подлежат исполнению судебные решения иностранных государств и арбитражей тех стран, которые признали независимость Чеченской Республики и заключили с ней соответствующие международные договора. Должностные лица, не выполняющие данный указ, подлежат ответственности в соответствии с законодательством, действующим на территории Чеченской Республики»³³.

Абсурдность данного нормативно-правового документа заключалась в том, что исполнение его в п. 1 настоящего указа не представляется возможным ввиду того, что государств, признавших Чеченскую Республику суверенным независимым государством, не было. Вместе с тем, в данном документе в п. 2 четко прослеживается позиция, определенная Д. Дудаевым, которая прямо направлена на игнорирование законов под угрозой наказания.

Вместе с тем, сам Д. Дудаев отмечал, что никаких шагов для вступления Чечни в мировое сообщество не предпринимается, хотя Чечня – правовое государство по всем признакам международного права, не отступившая ни на один шаг от канонов права, прошла легитимный путь к правовому государству³⁴.

В марте 1992 г. Д. Дудаев утвердил своим указом от 24 марта Положение «О ставках государственной пошлины, взимаемой с подаваемых в суд заявлений и жалоб, а также за совершение нотариальных действий и актов гражданского состояния». Данный нормативно-правовой акт регламентировал ставки тех или иных действий, связанных с обращением в суд, получением копий решений, приговоров и т. д. Относительно благоприятным моментом этого положения являлось лишь то обстоятельство, что ставки в условиях событий, происходивших в республике в тот период, были вполне приемлемыми для среднестатистического гражданина.

К примеру, с подаваемых в суд заявлений и жалоб и за выдачу судом копий документов взималась государственная пошлина в следующих размерах: с исковых заявлений, в том числе по спорам колхозов и межколхозных организаций с государственными, кооперативными и иными общественными предприятиями, организациями и учреждениями, а также между собой, при цене иска: до 100 рублей – 5 рублей; свыше 100 до 500 рублей – 6% цены иска; свыше 500 рублей до 1000 рублей – 8% цены иска, свыше 1000 рублей – 10% иска³⁵.

Работа судов в исследуемый период была осложнена тяжелой криминогенной ситуацией, которая объяснялась появлением на руках у населения большого количества огнестрельного оружия. Несмотря на это, происходил процесс узаконивания хранения и ношения оружия. Правовым актом, разрешающим хранение личного оружия, стал Указ Президента Чеченской Республики «О праве граждан Чеченской Республики на приобретение и хранение личного огнестрельного оружия и ограничении права на его ношение» от 16 декабря 1991 г.³⁶. Мы не случайно подчеркнули факт наличия бесконтрольного числа оружия на руках у населения, поскольку именно в этот период в республике возросло большое количество самосудов с использованием оружия.

Согласно данному указу: «Возрождалось утраченное в условиях тоталитарной системы право граждан Чеченской Республики на приобретение и хранение огнестрельного оружия по удостоверению о его регистрации, выдаваемому органами внутренних дел. Устанавливалось, что отдельные должностные лица, члены представительных и исполнительных структур наделяются также правом ношения личного оружия по специальному именному разрешению, выдаваемому МВД Чеченской Республики»³⁷.

Многие процессы, связанные с реформированием системы правосудия в Чеченской Республике, инициированные генералом Д. Дудаевым, скорее были аналогами тех процессов, начавшихся в Российской Федерации с 1991 г., нежели собственной инициативой руководства. Данное обстоятельство отмечается в исследовательской работе А.А. Кадырова, который справедливо констатирует: «1992 г. положил начало активному законотворчеству... Президента Чечни, который стремился с помощью указов нормализовать жизнь в Чечне, доказать свою легитимность и во всяком случае создать видимость нормальной работы возглавляемой им администрации»³⁸.

Законодательство Чеченской Республики, принятое в период 1992–1995 гг., регулировало различные стороны организации органов правосудия: судостроительство, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исправительное законодательство, гражданское, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство.

Целостность судебной власти в ЧРИ должна была обеспечиваться совокупностью актов законодательства ЧРИ о судостроительстве и судопроизводстве, единообразным применением их судами (в том числе гражданско-процессуального, уголовно-процессуального, арбитражно-процессуального законодательства) на всей территории ЧРИ, финансированием судов из республиканского бюджета, единым статусом судей. Но на практике

ситуация выглядела таким образом, что законодательная база не имела практического применения.

Формирование судебной власти осуществлялось по принципу родственных уз, участия в составе тех или иных вооруженных формирований и многими другими обстоятельствам, не соответствующим букве и духу закона. Конституция ЧР утверждала независимость носителей судебной власти (ст. 97). Только судам Конституция ЧР предоставляет право при рассмотрении дела отказаться от применения актов государственных органов, если они, по их мнению, противоречат Конституции ЧР (ст. 107).

Официальная система правосудия в Чеченской Республике в рассматриваемый период находилась в полной стагнации. Несмотря на конституционное разделение властей, судебная власть в широком смысле ее понимания в республике по существу практически отсутствовала.

15 июля 1994 г. Чечня была объявлена Исламской Республикой, а 16 сентября на ее территории было введено военное положение³⁹. До этого периода Д. Дудаев отмечал, что строится «светское конституционное государство с равными правами, обязанностями и возможностями для всех граждан. С раскрепощенными душами, независимо от вероисповеданий, политических принципов и национальности»⁴⁰.

В декабре 1994 г. в Чеченской Республике начала функционировать Чеченская судебная безапелляционная комиссия (ЧСБСК). Устав ЧСБСК был утвержден Парламентом Чечни 1-го созыва 20 декабря 1994 г. и подтвержден Парламентом 2-го созыва 9 июня 1998 г. В компетенцию данной комиссии на момент ее создания входило безапелляционное рассмотрение уголовных дел в связи с военными действиями на территории Чеченской Республики. Федеральный центр не признавал законность данных действий властей самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия.

После начала событий 1994–1995 гг. были введены федеральные войска для наведения конституционного порядка. Правовой базой начала операции по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике стали два указа Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина: Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики»⁴¹ и Указ Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта»⁴². А также постановление Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружении незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа»⁴³. Деятельность судебной системы Чеченской Республики Ичкерия была прекращена. Однако 23 марта 1995 г. Д. Дудаев подписал указ о введении на территории Чеченской Республики судов шариата, при этом их деятельность должна была осуществляться параллельно со светскими судами.

По нашему мнению, данный указ преследовал две цели: во-первых, руководству самопровозглашенной республики для демонстрации институтов государственности перед западными государствами необходимо была демонстрация наличия всех ветвей власти (поэтому светские суды не упразднялись вообще); во-вторых, введя суды шариата, привлекалось внимание ближневосточных государств к чеченскому конфликту.

Необходимо констатировать, что законотворческий период развития Чеченской Республики во время пребывания в должности президента Д. Дудаева в части регулирования деятельности судебных органов был более разработан в правовом плане, нежели в последующие годы, когда Чеченская Республика продолжала находиться вне правового пространства России.

Использованная литература и источники

1. См.: Обращение работников милиции отделов охраны Октябрьского, Ленинского, Старопромысловского, Заводского районов // Голос Чечено-Ингушетии. 13 сентября 1991 г.
2. Катышева М. Уроки чеченского... (сборник материалов) Сон разума рождает чудовищ: 1988–1991 гг. Ч. I. Мичуринск, 2006. С.538-540.
3. См.: Катышева М. Уроки чеченского... (сборник материалов) Сон разума рождает чудовищ: 1988–1991 гг. Ч. I. Мичуринск, 2006. С. 372.
4. См.: Решение Учредительного общенационального конгресса чеченского народа. 1 сентября 1991 г.
5. Постановление Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа. 5 сентября 1991 г.
6. См.: Постановление Временного Высшего Совета Чечено-Ингушской Республики «О реорганизации Временного Высшего Совета Чечено-Ингушской Республики» № 5 от 27 сентября 1991 г.
7. См: Постановление ЦИК Чеченской Республики «Об итогах выборов Президента Чеченской Республики» от 29 октября 1991 г.
8. См.: Постановление ЦИК Чеченской Республики «Об итогах выборов в депутаты Парламента Чеченской Республики» от 31 октября 1991 г.
9. См.: Постановление Временного Высшего Совета Чечено-Ингушской Республики о реорганизации Временного Высшего Совета Чечено-Ингушской Республики № 5 от 27 сентября 1991 г.
10. Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 16. Ст. 1380.
11. Кадыров А.А. Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения. Дисс... к.полит.н. М., 2003. С. 93–94.
12. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 31 октября 1991 г. № 44. Ст. 1435.
13. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1503.
14. Кадыров А.А. Указ. соч. С. 86; Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М., 2002. С. 15–16.
15. См.: Указ Президента РСФСР от 7 ноября 1991 г. № 178 «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике» Url..

http://www.lawrussia.ru/texts/legal_689/doc689a255x760.htm (дата обращения – 12.02.2013 г.).

16. Обращение русскоязычных общин выходцев из Чеченской Республики к кандидатам в президенты Чеченской Республики // Российская газета: Неделя, № 3307, 29.09.2003.

17. См.: Голос Чечено-Ингушетии. 1991 г., октябрь.

18. Конституция Чеченской Республики. Постановление Парламента Чеченской Республики № 108 от 12 марта 1992 г. «О порядке вступления в силу Конституции Чеченской Республики». Грозный, 1992. С. 1.

19. Конституция Чеченской Республики. Грозный, 1992. С. 1–7.

20. Конституция Чеченской Республики. Грозный, 1992. С. 8–16.

21. Там же. С. 16–26.

22. Там же. С. 26.

23. Там же. С. 26–27.

24. Там же. С. 27–30.

25. Конституция Чеченской Республики. Грозный, 1992. С. 30–32.

26. Конституция Чеченской Республики. Грозный, 1992. С. 32.

27. См.: Указ Президента Чеченской Республики от 12 ноября 1996 г. № 191 «Об отмене Указа Президента ЧР от 28.05.1993 г. № 45».

28. См.: Указ Президента Чеченской Республики от 12 ноября 1996 г. № 191 «Об отмене Указа Президента ЧР от 28.05.1993 г. № 45».

29. Сборник распоряжений и постановлений Президента Чеченской Республики. Грозный, 1993. С. 39.

30. Положение «О Государственном учете нормативных актов Чеченской Республики», утвержденное Распоряжением Президента Чеченской Республики № 66 от 26 августа 1992 г.

31. Там же.

32. См.: Распоряжение «О мерах по улучшению условий работы районных, городских судов Чеченской Республики» № 19 от 15 марта 1992 г.

33. См.: Указ Президента Чеченской Республики «Об исполнении решений иностранных судов и арбитражей в Чеченской Республике» № 34 от 25 февраля 1992 г.

34. См.: Независимая газета. 07.07.1994.

35. См.: Сборник распоряжений и постановлений Президента Чеченской Республики. Грозный, 1993. С. 102.

36. См.: Указ Президента Чеченской Республики «О праве граждан Чеченской Республики на приобретение и хранение личного огнестрельного оружия и ограничении права на его ношение» от 16 декабря 1991 г.

37. Там же.

38. Кадыров А.Х. Указ. соч. С. 86.

39. Кадыров А.Х. Указ. соч. С. 89.

40. См.: Независимая газета. 18.02.1992.

41. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32.

42. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 33.

43. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3424; № 35.

§ 2. Трансплантация экзогенных религиозно-правовых форм и институтов в управление и судопроизводство

Политико-правовые процессы в начале 90-х гг. на Северном Кавказе и в Чечено-Ингушетии, в частности, способствовали тому, что «...окраины активно стали привлекать к собственному государственно-правовому строительству правовые обычаи и правовые системы в качестве основы своего нового законодательства»¹.

С 1991 г. в Чечне зарождаются процессы по реанимации адатской системы правосудия и придания ей качественно нового статуса, позволяющего ей конкурировать с законной системой отправления правосудия. Основной акцент в этих процессах делается на Мехк-Кхел – адатский суд чеченцев.

Мехк-Кхел как альтернативный институт светской судебной и законодательной системы был создан в сентябре 1991 г. старейшинами, поддерживавшими исполком Общенационального конгресса чеченского народа. В декабре 1991 г. он был провозглашен государственным органом, осуществляющим «моральный контроль и надзор» (ст. 12 Закона о деятельности Парламента ЧР от 24.12.1991). Однако в феврале 1992 г. Парламент ЧР отверг попытки лидеров Мехк-Кхела вмешиваться в формирование кабинета министров и отменил статус Мехк-Кхела как государственного органа².

Созданный в рассматриваемый период Мехк-Кхел в очень скором времени дискредитировал себя как орган, способный осуществлять независимое и беспристрастное правосудие на основе адата и шариата. Мы разделяем мнение Р.И. Хасбулатова, считавшего, что «авторитет Мехк-Кхел сильно упал, едва этот институт стал возрождаться в 90-е годы: новые власти в Грозном ввели в его состав полуграмотных, с уголовным прошлым людей, превратили в инструмент пошлой идеологии и нанесли сильнейший удар по многовековым традициям народа (адатам)»³.

В обществе назрела необходимость в действительно народном органе в лице Мехк-Кхела, способном реально воздействовать нормами обычного права на общественно-политическую ситуацию в республике, а также резко возросший уровень преступности. В этой связи начинается процесс создания альтернативного Мехк-Кхела, в состав которого должны были войти не только старейшины, представляющие различные тайпы, но и известные в республике люди, прославившиеся своим авторитетом и снискавшие к себе уважение в народе конкретными заслугами.

Новый Мехк-Кхел создается 17 февраля 1992 г. как реакция на деятельность проправительственного Мехк-Кхела (Совета старейшин). Основная цель – создание настоящего Мехк-Кхела (Совета страны) – общественного парламента, представляющего все чеченские тайпы⁴.

Попытка реанимации Мехк-Кхела в XX в., на наш взгляд, связана с тем, что чеченское общество, во всяком случае определенная его часть, нуждалось в легализации норм обычного права посредством конвергенции их с шариатом,

поскольку светские законы и нормы правосудия на тот период фактически бездействовали.

Так, лидер националистической партии «Нохчи» («Чеченцы») (НПН), глава отдела политики, информации и культуры Администрации Президента и Управления делами Кабинета министров Ш. Пашаев⁵ призывал к возрождению традиционных тайповых институтов в лице высшего законодательного органа Чечни – Мехк-Кхела, формируемого из представителей всех тайпов, а высший коллегиальный орган Мехкан Кхеташо (Государственный совет) – из представителей тукхумов (крупных территориальных объединений, тайпов)⁶. Приведенный пример показывает, что в понимании многих на тот период только строгое наказание по смешанным нормам адатско-шариатского права могло стабилизировать криминогенную ситуацию в Чеченской Республике.

В рамках данного исследования было изучено большое количество материалов республиканской прессы за период 1991–1999 гг. Ценные информационные материалы, отображающие общественно-политическое состояние Чеченской Республики, содержат отдельные сведения и о вопросах организационного устройства официальной судебной системы.

В проекте так называемой декларации «Об основах государственной власти ЧРИ», инициатором которой выступил бывший первый вице-премьер Ичкерии Х.-А. Нухаев, предлагалась своеобразная модель формирования руководства республики (Эли Да – глава государства, Лор Ис – законодательный совет, Мехк Кхел – представительный совет, Юст Ис – судебный совет) на основе традиционной тайповой структуры чеченского общества⁷.

Приведенное автором программное название на чеченском языке Эли Да в нашем понимании трактуется как «отец князей», что уже противоречит тайповой демократии чеченцев, которая не признавала институт «собственных» князей.

Вместе с тем, данная программа носила концептуальный характер, поскольку обращала внимание на вопросы государственного устройства по принципу Мехк-Кхела, в который должны были входить представители 9 основных чеченских тукхумов.

Под влиянием мусульманской общественности из последней редакции Уголовного кодекса Российской Федерации, принятой в 1996 г., были изъяты ст. 212 и 235, приравнивавшие применение норм шариата к тяжкому преступлению. Но шариатские суды так и не были признаны федеральной властью. De jure шариатское правосудие было узаконено только в Чеченской Республике, где в 1996 г. был введен уголовный кодекс Судана, в целом придерживающийся норм шариата, и в Ингушетии, где в декабре 1997 г. принят закон о мировых судьях, обязывающий их «руководствоваться нормами адата и шариата» (ст. 3)⁸. Особенностью судостроительства и судопроизводства в Чечне в середине 90-х гг. было введение шариатской системы правосудия. Произошло это в результате трансплантации экзогенных религиозно-правовых форм и институтов в управление и судопроизводство.

Анализ нормативно-правовых актов Чеченской Республики Ичкерия, федеральной и республиканской прессы в совокупности позволяет воссоздать

хронологическую последовательность введения данной системы судостроительства и представить достаточно четкую и объективную картину сущности институтов правосудия рассматриваемого периода.

В 1995–1996 гг. происходил процесс возрождения судебной системы, а точнее ее воссоздания в правовом поле Российской Федерации⁹. Однако драматические события августа 1996 г., приведшие к заключению «Хасав-Юртовских соглашений»¹⁰, фактически в очередной раз привели к правовому и политическому хаосу в Чеченской Республике.

Трансплантация экзогенных религиозно-правовых форм и институтов в управление и судопроизводство, начавшаяся в период 1993–1995 гг. в Чечне, приобретала большой размах. Традиционный же ислам в Чечне и Ингушетии, в основе которого лежит тарикат, был религиозным течением, ненавистным внедренному из-за рубежа новому течению ислама, являвшемуся противником тариката и вирдовых братств. Как справедливо отмечает известный в Чеченской Республике теолог М.-Х.С. Насуханов, «секуляризм из программы «культурной агрессии духовного насилия, еретической направленности» явился предвестником появления большинства разрушительных идеологий и течений, которые вторглись в наш «Даймохк» Нахчийчоь (Адамийчоь). А именно под лозунгами, проповедовавшими идеи расовой дискриминации, но не под лозунгами исламской общечеловеческой ценностной культуры, практической нравственности человека»¹¹.

Интенсивными темпами начинается внедрение салафитского учения в общество, веками жившего по канонам тариката. Влияние этого учения, зародившегося на низовых площадках в середине 90-х гг., активно распространяется на политико-правовые институты Чеченской Республики. Логическим завершением этого влияния стало введение судов шариата в Чеченской Республике. Формирование данных судов осуществлялось за счет выпускников салафитских учебных заведений как Ближнего Востока, так и открывшихся в спешном порядке в республиках Северного Кавказа.

Драматически складывалась ситуация с правосудием в Чеченской Республике после введения шариатских судов. Если ранее при режиме Д. Дудаева наблюдалось хотя бы видимое соблюдение закона, то после упразднения светских судов и введения шариатского судопроизводства все проблемы, связанные с протекционизмом, некомпетентностью судейского корпуса, приобрели открытый характер и к 1999 г. достигли губительных масштабов.

Неправильное толкование норм мусульманского права лицами, которые не имели не только высшего светского образования, но и базового теологического образования (необходимого шариатским судьям), привело к тому, что шариатские суды воспринимались в обществе лишь как репрессивная машина действовавшего режима.

Кроме того, эти процессы в корне противоречили Конституции Чеченской Республики 1992 г., согласно которой «судебная власть в Чеченской Республике осуществляется только судом и действует независимо от законодательной, исполнительной власти, а также от партий, иных общественных объединений и движений. Никто, кроме предусмотренных

Конституцией и законами Чеченской Республики органов правосудия, не вправе брать на себя функции и полномочия судебной власти. Судебная власть имеет своим назначением защиту конституционного строя Чеченской Республики, прав и свобод граждан, контроль за правильным применением и исполнением законов и актов исполнительной власти, Конституции Чеченской Республики»¹².

К полномочиям судебной власти Чеченской Республики Ичкерия были отнесены:

- конституционный контроль (надзор);
- правосудие;
- контроль за законностью и обоснованностью решений и действий государственных учреждений и должностных лиц;
- обеспечение исполнения приговоров, иных судебных решений и решений некоторых других органов;
- разбирательство и разрешение дел об административных правонарушениях, подведомственных судам;
- разъяснение действующего законодательства на основе данных судебной практики;
- участие в формировании судейского корпуса и содействие органам судейского сообщества.

Закрепление в конституционных нормах и законодательстве ЧРИ судебной власти как государственно-правового института позволяет выделить ее специфические признаки. Своеобразными специфическими свойствами судебной власти являлись ее самостоятельность, исключительность, подзаконность и полнота. Все они закреплены в Конституции Чеченской Республики.

Основное назначение судебной власти – защита прав и свобод граждан, конституционного строя Чеченской Республики, обеспечение соответствия актов законодательной и исполнительной власти Конституции ЧР, соблюдения законности и справедливости при исполнении и применении законов, а также иных нормативных актов – выполнялось на низком уровне.

Исследование нормативно-правовых актов Чеченской Республики Ичкерия позволяет сформулировать ряд принципиальных положений, относящихся к осуществлению правосудия, которые находят отражение в нормах раздела 2 Конституции ЧР «Права, свободы и обязанности граждан»:

- признание за каждым гражданином естественных и неотъемлемых прав (ст. 17);
- признание наличия взаимных прав и ответственности гражданина и государства (ст. 19);
- равенство перед законом и судом (ст. 21);
- равенство женщины и мужчины (ст. 22);
- признание права на труд (ст. 26);
- признание права на частную собственность, охрана права частной собственности (ст. 27);
- признание права на предпринимательскую деятельность (ст. 28);

- признание права на охрану здоровья и бесплатное пользование государственными медицинскими учреждениями (ст. 30);
- признание права на жилище (ст. 31);
- право на жизнь и исключительный характер смертной казни (ст. 38);
- охрана достоинства личности и запрета на пытки, насилие, жестокое и унижающее человеческое достоинство обращение и наказание (ст. 39);
- право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 40);
- неприкосновенность жилища (ст. 42);
- судебной защиты прав и свобод (ст. 46) и т. п.

Выявленные положения из Конституции Чеченской Республики образца 1992 г. позволяют констатировать нам, что исключительность судебной власти заключается в том, что никакой иной орган государственной власти или управления не вправе был принимать на себя функции и полномочия, составляющие компетенцию судов. Однако так ли это было на самом деле?

Как нам представляется, особенность судов, как органов судебной власти, проявляется не только в своеобразии их полномочий, но и в особом порядке их формирования. В частности, наличие серьезных требований к кандидатам на судейские должности, порядок их отбора и выдвижения и т. д.

После 1996 г. судебная система Чеченской Республики Ичкерия несколько расходится с положениями о судебной системе, закрепленными в Конституции Чеченской Республики от 12 марта 1992 г.¹³, где ей отведен раздел 6 «Судебная власть».

Можно согласиться с точкой зрения А.А. Кадырова, отраженной в его исследовательской работе, что «исламский фактор играл двойственную роль в чеченском конфликте. Дудаев, а затем и Масхадов выступали за светское государство. Оба прекрасно понимали, что, во-первых, только при этом условии они могут рассчитывать на принятие Чечни в мировое сообщество, а во-вторых, в случае образования государства на религиозной основе, они, светские политики, в конечном счете, будут вынуждены уйти в тень, уступив место исламским радикалам¹⁴. Несмотря на это, Масхадов, как и его предшественник, не смог противостоять указанным силам, что в конечном итоге привело к трагическим событиям 90-х гг.

По мнению правоведа Л. Гумашвили, «введение Шариатских судов в ЧРИ, а затем их утверждение были обусловлены военным положением и послевоенными проблемами республики, необходимостью обеспечения жесткого общественного порядка»¹⁵.

Трудно полностью согласиться с данной точкой зрения, скорее, это мнение отражало ту конъюнктурную ситуацию, в которой находились жители Чеченской Республики, вынужденные постоянно жить и работать в Чечне в тот сложный и трагический период. Применяемые публичные виды наказаний в виде палочных ударов с обязательной демонстрацией этого процесса по местному телевидению вызывали бурю негодования со стороны общественности и при этом способствовали усугублению ситуации, когда лицо, наказывавшее виновного по шариату, по адату чеченцев классифицировалось как совершающее преступление против чести и достоинства.

Вместе с тем, на начальном этапе в чеченском обществе некоторая его часть в лице шариатской системы правосудия видела в ней единственную приемлемую модель для обуздания преступности, но и она в скором времени осознала, что данная система не имела ничего общего с нормами шариата.

Принятая в 1992 г. Конституция Чеченской Республики и конституционные законы: Закон о Конституционном Суде Чеченской Республики, Закон о Шариатских судах Чеченской Республики (О судеустройстве ЧР) должны были раскрыть структуру и содержание судебной системы республики.

По нашему мнению, начавшиеся процессы активизации салафитского подполья в промежутке с 1993 по 1994 г. приобрели ускоренный характер внедрения псевдошариатских законов в Чеченской Республике Ичкерия именно после начала военных действий на территории Чеченской Республики в декабре 1994 г. Налицо формирование совершенно неординарной ситуации, когда предполагаемое наведение конституционного порядка в соответствии с указом Президента РФ № 2166 9(д) «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» обернулось колоссальными по своим масштабам и содержанию последствиями, в результате ввода в Чеченскую Республику армейской группировки Вооруженных Сил Российской Федерации.

Непризнанное руководство Чеченской Республики Ичкерия во главе с Д. Дудаевым осуществляло власть на подконтрольной ему территории. В частности, 23 марта 1995 г. был подписан указ «О судах Шариата», де-юре согласно данному указу они действовали параллельно со светскими судами. Кроме того, введение в судебную систему судов шариата было продиктовано «решением национального Конгресса Чеченской Республики Ичкерия от 9 марта 1995 г.»¹⁶. Как нам представляется, это был скорее жест политической активности, нежели желание усовершенствовать работу органов правосудия. Кроме того, большая часть территории Чеченской Республики на момент подписания вышеуказанного указа Д. Дудаевым уже находилась под контролем федеральных сил, следовательно, в промежуток с марта 1996 по август 1997 г. о наличии судебной системы Чеченской Республики Ичкерия говорить неуместно. Скорее, данным указом Д. Дудаев пытался придать цивилизованный вид тем военным трибуналам, которые существовали в рядах незаконных вооруженных формирований. Подтверждением существования такого рода судов была видеозапись расстрела префекта Веденского района Чеченской Республики А. Загаева¹⁷.

Через несколько лет в 2011 г. заместитель главы администрации Веденского района Тавзаев Райбек, лидер веденских ополченцев, также был расстрелян по приговору шариатского суда¹⁸.

Эти суды действовали по упрощенной и ускоренной процедуре. Прения сторон фактически отсутствовали, обвиняемые не имели никакой юридической защиты, решение суда было окончательным и обжалованию не подлежало. Смертные приговоры приводились в исполнение, как правило, немедленно.

В этой связи, в очередной раз возникала ситуация, когда в Чеченской Республике обострялась ситуация с применением систем права. На

рассмотренном примере в отношении казненного А. Загаева, к которому было применено «военно-шариатское» наказание, люди, совершившие данное преступление, автоматически становились преступниками как по российскому праву, так и по адатскому праву чеченцев. Здесь в очередной раз нами прослеживается многовековая историческая параллель существования тройственной системы правосудия в Чечне. Данные трансформационные процессы обостряются с середины 90-х гг. Исконно традиционные духовные ценности, имеющие приоритетное значение в чеченском обществе, в условиях возникшего политического и социального кризиса не смогли остановить дробление чеченского общества по религиозным и националистическим настроениям.

Слом и разрушение духовных ценностей под воздействием негативных процессов способствовали расширению сфер влияния маргинализированной части общества и снятию всех морально-волевых запретов, что неизбежно приводило к беззаконию и вседозволенности.

Появившийся в середине 90-х гг. «ваххабизм» был обречен на тотальное противостояние не только с традиционным исламом, но и чеченским национализмом, присутствовавшим в кодексе «Нохчалла». В рассматриваемый период по инициативе «Духовного лидера и первого Президента Чеченской Республики, тогда еще муфтия ЧР, Ахмат-Хаджи Кадырова при Исламском университете был создан и успешно осуществлял свою деятельность Исламский Центр Научных Исследований»¹⁹. В составе данного центра существовал отдел теологии мусульманского права, сам центр был призван координировать важнейшие направления теологической науки и обеспечивать единую научную политику и духовное развитие общества. В целях противодействия религиозному экстремизму было приобретено 14 тысяч бесценных книг суфийской методологии мировой культуры²⁰. Однако экстремистские силы обладали административными ресурсами, что существенно осложняло противодействие религиозному экстремизму.

Характеризуя чеченское общество второй половины 1990-х гг., можно констатировать наличие глубокого системного кризиса, из которого одна часть чеченского общества искала выход, обращаясь к своему прошлому, а другая, отвергая и не принимая историческое достояние адатов, обращалась к опыту арабского мира, пытаясь копировать в т. ч. судебно-правовую систему. Но можно ли это было сделать в обществе, где адат господствовал столетиями, адаптировался под шариат и не был искоренен? На наш взгляд, нет. Объясняем мы это своеобразной национально-религиозной идентификацией, всегда господствующей в сознании чеченского общества. Однако существовало и другое мнение, которое озвучивали идеологи введения шариата в Чечне. Так, М. Удугов (бывший министр иностранных дел и министр печати Республики Ичкерия) считал, что формирование государственных структур, исходя из законов шариата, обосновывается тем, что «так называемое римское право, которое широко практикуется в мире, для чеченской природы противоестественно. Оно многими не воспринимается и поэтому нарушается. Для формирования законодательства нам нужно найти такую базу, которая принималась бы народом. Подобной базой для чеченского народа является

ислам. Иначе мы получим неуправляемую вооруженную массу, которая создаст много проблем для всех, в том числе для России»²¹.

Это заявление перекликается с мнением А.Г. Кузнецова и С.Я. Сидоренко: «В Чечне на самом высоком государственном уровне существовала разнополярность в системе приверженности к разным течениям ислама, так «одни из которых заявили о своей приверженности ваххабизму (З. Яндарбиев, М. Удугов, Ш. Басаев), другие остались верны идеалам традиционного ислама (А-Х. Кадыров, Х.-П. Ибрапилов, С. Ямадаев), третьи заняли более светскую позицию, отождествляемую со строительством в Чеченской Республике суверенного государства по западному образцу (А. Масхадов)»²².

Несмотря на то, что во второй половине 1990-х гг. произошла радикальная трансформация ценностей в чеченском обществе под воздействием пришедших к власти квазиэлит, когда на смену тайповой демократии со своими родовыми судами стали приходить полевые командиры, вершившие свой самосуд и не признававшие тайповой демократии и авторитетного слова старейшин, чеченское общество не сломилось, ведя самостоятельную борьбу с данными проявлениями всеми доступными средствами.

Использованная литература и источники

1. См.: Магомедов Ш.Б., Рамазанов А.Х., Исмаилов М.А. Итоги и перспективы исследования обычного права Дагестана // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. Ростов н/Д, 2006. С. 42.

2. Мехк-Кхел – Совет страны. Высший совет старейшин Чеченской Республики. Центр Панорама. База данных «Лабиринт». Url.:<http://labyrinth.ru/content/card.asp?cardid=28672> (дата обращения – 01.04.2009 г.).

3. См.: Хасбулатов Р.И. Чужие (Историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). Кремль и российско-чеченская война. М.: ИД «Грааль», 2003. С. 321–322.

4. Оргкомитет по возрождению Мехк-Кхела. Центр Панорама. База данных «Лабиринт» Url.:<http://labyrinth.ru/content/card.asp?cardid=28810> (дата обращения – 01.04.2009 г.).

5. См.: Музаев Т. Политическое противостояние в Ичкерии: расстановка сил, хроника, факты. М., 1999. С. 66.

6. См.: «Ичкерия». 1999. № 9.

7. См.: «Чеченец». 1999. № 1.

8. См.: Акаев В.Х. Религиозно-политический конфликт в Чеченской Республике Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ [Лулео, Швеция]. 1999. № 4. С. 102. См. http://otherreferats.allbest.ru/history/00059988_0.html. (дата обращения – 01.04.2012 г.).

9. Игнатьева Ю. Фемида-ханум. На работу в Чечню направлены бывшие шариатские судьи // Общая Газета. № 7. 2001.

10. 22 августа 1996 г. в Хасав-Юрте (Республика Дагестан) было подписано соглашение о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в г. Грозный и на территории Чеченской Республики.

11. Насуханов М.-Х.С. Вирд – II / Формула жизни тариката святого шейха Кунта-Хаджи Кишиева (къадас Аллах!у сирруху). Ч. I. Саратов: Издательский центр «Наука», 2011. С. 71.

12. См.: Ст. 94 Конституция Чеченской Республики. Грозный, 1992.

13. См.: Конституция Чеченской Республики от 12 марта 1992 г.

14. Кадыров А.А. Указ. соч. С. 99.

15. Гумашвили Л.Э. Судебная власть и система органов, осуществляющих ее в Чеченской Республике Ичкерия: учебное пособие. Грозный: Чеченский университет права, 1997. С. 9.

16. Гумашвили Л.Э. Судебная власть и система органов, осуществляющих ее в Чеченской Республике Ичкерия: учебное пособие. Грозный: Чеченский университет права, 1997. С. 63.

17. Загаев Амир – глава администрации Веденского района Чеченской Республики.

18. См.: Зелев А. Знаменитые чеченцы и ингуши. Энциклопедия Т-Я. Url.: <http://www.proza.ru/2009/02/15/185> (дата обращения – 23.05.2009 г.).

19. Насуханов М.-Х.С. Вирд – II / Формула жизни тариката святого шейха Кунта-Хаджи Кишиева (къадас Аллах!у сирруху). Ч. I. Саратов: Издательский центр «Наука», 2011. С. 185.

20. Там же. С. 185–186, 188.

21. См.: «Независимая газета». 12.09.1998.

22. Кузнецов А.Г., Сидоренко С.Я. Мифы этнорелигиозного традиционализма на Северном Кавказе в контексте геополитических реалий // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. № 24. Ростов н/Д: Изд. СКНЦ ВШ, 2004. С. 73.

§ 3. Введение шариата в общественную и государственную системы

Политическим катализатором развития ситуации в Чеченской Республике стали подписанные 31 августа 1996 г. в г. Хасав-Юрт соглашения между секретарем Совета безопасности Российской Федерации генералом А. Лебедем и начальником штаба вооруженных сил самопровозглашенной Чеченской Республикой Ичкерией полковником (советской армии) А. Масхадовым. По сути данное соглашение положило конец первой чеченской войне.

Из Чеченской Республики были выведены федеральные войска, а вопрос о статусе республики был отложен до 31 декабря 2001 г. Хасав-Юртовские соглашения нельзя классифицировать как настоящий мирный договор между двумя субъектами международного права, и они ни в коей мере не способствовали разрешению противоречий между федеральным центром и сепаратистским режимом, установившимся в Чеченской Республике¹.

Косвенно это подтверждается тем, что Совет Федерации Федерального Собрания РФ в октябре 1996 г. принял постановление «О ситуации в Чеченской Республике». Согласно данному документу, подписанные 31 августа 1996 г. в г. Хасав-Юрт соглашения считались «свидетельством готовности сторон разрешить конфликт мирным путем, не имеющими государственно-правового значения»².

Политико-правовые последствия данного договора выразились в проведении 27 января 1997 г. выборов Президента Чеченской Республики при участии международных наблюдателей. Однако анализ дальнейших событий, происходивших в Чеченской Республике в исследуемый период, приводит нас к выводам о процессах маргинализации чеченского общества под воздействием квазиэлиты, стремившейся внедрить псевдошариатскую систему правосудия. Именно институт шариатских судов, введенный в конце 1996 г., сыграл значительную роль в эрозии государственной власти³ в Чеченской Республике.

Руководством Ичкерии был принят ряд указов, которые в корне изменили судебную систему Чеченской Республики Ичкерия, переведя ее формальную светскую основу в шариатскую.

Однако были ли эти действия соответствующими Конституции Чеченской Республики? В рамках исследования впервые в историко-юридической науке нами предпринята попытка реконструкции нормативно-правовых актов Чеченской Республики Ичкерия, регламентирующих деятельность органов правосудия. В основном это указы Президента Чеченской Республики, т. е. подзаконные нормативно-правовые акты.

За период с 1995 по 1999 г. было принято 15 нормативно-правовых актов:

- Указ Президента ЧРИ № 18 от 23 марта 1995 г. «О судах Шариата»;
- Указ Президента ЧРИ № 82 от 8 июля 1996 г. «Об Уголовном кодексе Чеченской Республики Ичкерия»;
- Указ Президента ЧРИ № 138 от 30 сентября 1996 г. «О создании Арбитражного суда Чеченской Республики Ичкерия»;
- Указ Президента ЧРИ № 191 от 12 ноября 1996 г. «Об отмене Указа Президента Чеченской Республики от 28.05.93 г. № 45 «О роспуске Конституционного Суда Чеченской Республики»;
- Указ Президента ЧРИ № 209/37 от 24 ноября 1996 г. «О реорганизации судебной системы в Чеченской Республике Ичкерия»;
- Указ № 226 от 2 декабря 1996 г. «О создании шариатской гвардии при Президенте ЧРИ»;
- Указ Президента ЧРИ № 246 от 16 декабря 1996 г. «О Высшем Арбитражном Суде Чеченской Республики Ичкерия»;
- Указ Президента ЧРИ № 247 от 16 декабря 1996 г. «О реорганизации судебной системы в Чеченской Республике Ичкерия»;
- Указ Президента ЧРИ № 20 от 15 января 1997 г. «О судоустройстве ЧРИ»;
- Указ Президента ЧРИ № 375 от 16 августа 1997 г. «О выведении из штаты председателей и судей районных, городских, региональных Шариатских судов, Военного трибунала ЧРИ»;

- Указ Президента ЧРИ № 376 от 16 августа 1997 г. «О внесении изменений и дополнений в указы Президента ЧРИ № 18 от 23 марта 1995 г. «О судах Шариата», № 209/37 от 24 ноября 1996 г. «Об учреждении шариатских судов и введении в действие Шариатского судопроизводства на всей территории ЧРИ», № 247 от 16 декабря 1996 г. «О реорганизации судебной системы в Чеченской Республике Ичкерия», № 20 от 15 января 1997 г. «О судоустройстве ЧРИ»;

- Указ Президента ЧРИ № 377 от 16 августа 1997 г. «Об утверждении штатного состава председателей Верховного Шариатского суда ЧРИ, районных, городских, региональных Шариатских судов, Военного трибунала ЧРИ, их заместителей и судей Верховного Шариатского суда, районных, городских, региональных Шариатских судов, Военного трибунала ЧРИ»;

- Указ Президента ЧРИ № 39 от 3 февраля 1999 г. «О введении полного шариатского правления на территории Чеченской Республики»;

- Указ Президента ЧРИ № 73 от 5 февраля 1997 г. «О предоставлении дополнительных прав шариатскому суду»;

- Указ Президента ЧРИ № 46 от 8 февраля 1999 г. «О Шариатской Конституции».

В 1996 г. в Чеченской Республике Ичкерия был принят Уголовный кодекс, которым впоследствии стали руководствоваться шариатские судьи. Многие российские политики оценили чеченский УК как закон феодального государства и указывали, что этот документ идет вразрез с любой международной конвенцией по правам человека. Нормой, не имеющей прецедента в мировой юридической практике, называлось, например, положение кодекса, согласно которому чеченец, совершивший преступление вне территории Чечни, может быть подвергнут уголовному преследованию на территории любого государства⁴.

Взятый за основу данного кодекса Уголовный кодекс Судана 1983 г. не был адаптирован под особенности чеченского менталитета. Уголовный кодекс Судана целиком был основан на шариате, предусматривал наказания за все три категории преступлений – худуд, кисас и тазир. В частности, УК предусматривает такие способы исполнения смертного приговора, как повешение, забивание камнями, лишение жизни по принципу талиона (т. е. таким способом, каким было совершено убийство) и даже распятие. Помимо случаев, прямо предусмотренных нормами шариата, смертная казнь предусматривается за ряд политических и иных преступлений. В этих случаях она осуществляется через повешение или расстрел⁵.

Принятие и введение в действие данного уголовного кодекса непризнанной республики федеральным центром, международным сообществом было оценено неприемлемым правовым явлением. Помимо уже существовавшего обостренного политического конфликта между Российской Федерацией (федеральным центром) и Чеченской Республикой (субъектом), добавилось еще и правовое противостояние. Уголовный Кодекс Чеченской Республики Ичкерия введен в оборот подзаконным нормативно-правовым актом Указом Президента ЧРИ № 82 от 08.07.1996 г. и вступил в действие во исполнение решений Народного Конгресса Чеченской Республики Ичкерия,

Государственного Комитета Обороны и Высшего Совета Улемов Чеченской Республики Ичкерия, которые одобрили настоящий Уголовный Кодекс⁶.

На основании УК ЧРИ шариатское судопроизводство осуществляло вердикты, приводившиеся на практике посредством в основном расстрела или забиванием палками (камнями), часто всенародно. Руководитель ЧРИ А. Масхадов (Халид Масхадов) характеризовал всенародные казни процедурой непостоянной, однако требуемой велением временем, о чем официально озвучил прессе: характеризуя разнузданность преступников, убийств, похищений граждан – как главную беду для республики, прекращение, которых возможно провести, только кардинальными методами⁷.

Введение в действие данного Уголовного Кодекса ЧРИ современная российская юридическая наука и федеральный центр считали прямым нарушением законодательства Российской Федерации. Исследование данного УК приводит нас к следующим выводам: по степени главенства на приоритетном месте находятся преступления антигосударственного и антиобщественного характера, преступления направленные относительно личности, замыкают содержание глав кодекса Ичкерии. Данная конструкция объясняется по принципу главенствующего в шариате и фикхе положения охраны интересов общества и его защиты ответственными за него.

Сущность определений «преступления», по ичкерийскому уголовному кодексу, классифицируются на действия (бездействия), требующие наказания по квалификации с применением конкретной нормы закрепленной в УК ЧРИ. В их числе такие деяния: убийство, отступничество от религии, употребление алкоголя, а также оборот спиртных напитков, клевета, воровство, грабеж, азартные игры, преступления, затрагивающие честь, репутацию и общественную нравственность.

Уголовная ответственность, по нормативным закреплениям УК ЧРИ, наступает для лиц, достигших возраста – 15 лет, удостоверяемого по естественным признакам. С наступлением (достижением) возраста – 18 лет такие признаки для отождествления с возрастом не требовались.

УК ЧРИ определял такие виды наказаний: смертную казнь, посредством отсечения головы, посредством бития с использованием камней, посредством, способа совершения убийства преступником. Самым распространенным видом наказания были применяемые телесные методы наказания. Например, лицо, употреблявшее спиртные напитки, являясь мусульманином, подвергалось применению 40 палочных ударов, употребление спиртных напитков не мусульманином, в общественных местах, с нарушением общественного порядка – подвергалось тюремному заключению не превышающему 1 месяц или с нанесением наказания не свыше 40 ударами (ст. 78 УК ЧРИ)⁸. Как нам представляется, данная статья в корне противоречила чеченскому адатскому мировоззрению в части публичного телесного наказания. Нередкими были возникавшие конфликтные ситуации на почве применения данного вида наказания, когда лицо, подвергнувшееся этому виду наказания, впоследствии мстило лицу, приводившему в исполнение наказание. Ситуация усугублялась еще и тем, что наказанию придавался публичный характер, с транслированием по телевидению.

Кроме указанных видов наказания, УК ЧРИ предусматривал, тюремное заключение на 20 лет и пожизненное, ссылку, штрафы, конфискацию и уничтожение имущества.

В Чеченской Республике Ичкерия в исследуемый период было разработано Положение о Верховном Шариатском суде ЧРИ (от 22 декабря 1996 г.).

Нами обнаружено, что осуществление шариатского правосудия было возможным не только шариатскими судами данной судебной системы, но и членами Идарата мусульман Чеченской Республики (Центр управления духовными делами мусульман республики). Согласно уставу Идарата мусульман Чеченской Республики Ичкерия в его структуре была должность кяди района, который выполнял функции районного судьи шариатского суда по рассмотрению дел, отведенных к его компетенции уставом Идарата и действующим законодательством на основе законов шариата⁹. При этом в самом уставе нет пояснения по делам, отведенным к его компетенции. До середины 1999 г. жители Чеченской Республики предпочитали обращаться именно в Идарат мусульман Чеченской Республики как в квалифицированный независимый орган, в составе которого были специалисты по шариату, и видели в данном органе альтернативу шариатским судам. Кроме того, в п. 4 данного Устава мы обнаружили положение, согласно которому Меджлис ИМ ЧРИ является высшей судебной инстанцией по рассмотрению дел мусульман Чечни на основе шариатского производства¹⁰.

16 декабря 1996 г. стало официальной датой в Чеченской Республике, когда деятельность светских судов была упразднена. Именно в этот день был подписан Указ № 247 «О реорганизации судебной системы в Чеченской Республике Ичкерия». Согласно данному указу Верховный Суд Чеченской Республики Ичкерия и Высший Шариатский Суд были реорганизованы в Верховный Шариатский Суд ЧРИ. Люди, пришедшие на работу в сформированные в спешном порядке суды и именовавшие себя шариатскими судьями, в подавляющем большинстве не имели никакого отношения ни к шариату, ни к фикху.

Указы Президента Чеченской Республики Ичкерия (1996–1999 гг.) в корне изменили судебную систему Чеченской Республики Ичкерия, привели ее к полной трансформации в религиозную.

В целом судебная система Чеченской Республики Ичкерия подразделялась на ветви: Конституционный Суд ЧРИ, Верховный Шариатский Суд Чеченской Республики Ичкерия, Военный Трибунал Чеченской Республики Ичкерия, районные, городские и региональные Шариатские суды, Высший Арбитражный Суд Чеченской Республики Ичкерия¹¹.

Законодательной основой функционирования судебной власти Чеченской Республики Ичкерия являлись:

- для шариатских судов ЧРИ и шариатского судопроизводства: Коран, Сунна, Положение о Высшем шариатском суде ЧРИ, толкование ведущих исламских ученых – авторитетов шариата;
- для отправления судопроизводства, основанного на действующем законодательстве ЧРИ (по общему судопроизводству): Конституция ЧР,

Конституционные законы ЧРИ о судебной системе, устанавливающие компетенцию, порядок образования, структуру и основные функции, а также материально-техническое и организационное обеспечение этих судов.

Светски ориентированным политикам противостояла группа деятелей во главе с З. Яндарбиевым, уверенным, что «создание независимого чеченского государства возможно только на исламской основе»¹².

Идеологами введения шариатского судопроизводства и искоренения светских судов в Чеченской Республике были З. Яндарбиев, Ш. Басаев, М. Удугов. Роль Президента ЧРИ А. Масхадова в этом вопросе на начальном этапе была выражена в молчаливом согласии и игнорировании происходящего, что, в конечном итоге, безусловно, давало мощные аргументы для практических действий со стороны деструктивных сил салафитского течения.

Началом процесса практического введения шариатского судоустройства следует считать Указ № 226 от 2 декабря 1996 г. «О создании шариатской гвардии при Президенте ЧРИ»¹³. На практике шариатская гвардия была придана Верховному Шариатскому Суду. Властям нужен был аппарат подавления и принуждения к реализации принятых шариатскими судами решений.

Как справедливо отмечает Т. Музаев, «шариатская гвардия и исламский полк особого назначения (ИПОН) до июня 1998 г. считались официальными военизированными формированиями, подчиненными Верховному Шариатскому суду, главными задачами которых являлись борьба с преступностью и исполнение решений шариатских судов. Действия бойцов этих формирований неоднократно приводили к конфликтам «шариатистов» с местным населением и с сотрудниками других правоохранительных органов. В мае 1998 г. операция Шариатской гвардии в Гудермесском районе спровоцировала вооруженное противостояние в Гудермесе, в июне 1998 г. выступления Шариатской гвардии и ИПОН привели к столкновениям в Гудермесском районе»¹⁴.

Деятельность Верховного Шариатского Суда ЧРИ регламентировалась «Положением о Верховном Шариатском Суде Чеченской Республики» от 22 декабря 1996 г.

Являясь высшим судебным органом, Верховный Шариатский Суд ЧРИ в пределах своих полномочий рассматривал дела об убийствах, прелюбодеяниях, разбоях и других особо опасных преступлениях, крупные споры между организациями, ведомствами, сложные бракоразводные дела, бракосочетание девушки или женщины, у которой нет родственников, дела, связанные с продажей наркотиков, преступления против государства, жалобы на нижестоящие Шариатские суды, вероотступничество, спорные торговые отношения.

Нам представляется неправильным употребление в названии шариатского суда термина «Верховный» или «Высший». Здесь налицо копирование светской системы правосудия, что приводит нас к очередному выводу о разности внешнего и внутреннего в созданной ичкерийскими властями судебной власти. Равно как и другой термин «военно-шариатский трибунал». Ни одной

мусульманской правовой школе неизвестны данные структуры как органы шариатского правосудия.

Своеобразна была структура Верховного Шариатского Суда ЧРИ, который действовал в составе: Председателя суда – специалиста по Шариатскому судопроизводству; заместителя Председателя суда – специалиста по судопроизводству, основанному на действующем законодательстве ЧРИ; заместителя Председателя суда – председателя судебной коллегии по уголовным делам, специалиста по Шариатскому судопроизводству; заместителя Председателя суда – председателя судебной коллегии по гражданским делам, специалиста по Шариатскому судопроизводству; членами судебной коллегии по гражданским делам являются: 4 судей по Шариатскому судопроизводству и 4 судей по общему судопроизводству; судебной палаты Верховного Шариатского суда, образующейся из числа судей ВШС в следующем составе:

- Председатель Судебной палаты – Председатель ВШС ЧР;
- члены Судебной палаты – 4 судьи по Шариатскому судопроизводству.

Верховный Шариатский Суд ЧРИ в пределах своих полномочий рассматривал:

- а) в качестве суда первой инстанции – особо сложные уголовные и гражданские дела;
- б) в кассационном порядке по жалобам и протестам на приговоры, решения суда, не вступившие в законную силу;
- в) в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам на приговоры, решения суда, вступившие в законную силу.

Полномочия и компетенция чеченских шариатских судов заключалась в том, что они разбирали дела по обращениям граждан в органы Шариатского суда, сами могли возбуждать уголовные дела, обладали правом широкого толкования законов. Ключевым являлось то, что по вопросам своего ведения Верховный Шариатский Суд ЧРИ обладал правом законодательной инициативы.

Несмотря на то, что на момент введения шариатских судов в Чеченской Республике Ичкерия действовали светские суды, находящиеся в производстве дела в Шариатском суде не могли передаваться в иные суды, при этом сами шариатские суды могли истребовать из других судов дела в собственное производство.

Согласно Указу Президента ЧРИ № 377 от 16 августа 1997 г. «Об утверждении штатного состава председателей Верховного Шариатского суда ЧРИ, районных, городских, региональных Шариатских судов, Военного трибунала ЧРИ» функция кадрового обеспечения судей по шариатскому судопроизводству возлагалась на Совет улемов. Были учреждены шариатские судебские ранги – судья-мулязим, кадий третьей степени, кадий второй степени, кадий первой степени; вакиль – уполномоченный суда второй степени, вакиль – уполномоченный суда первой степени; начальник суда второй степени, начальник суда первой степени; кассационный судья, председатель кассационного суда; председатель Высшего Совета суда.

Первая публичная казнь по приговору шариатского суда была проведена 3 сентября 1997 г. Казнь вызвала серьезный резонанс со стороны мирового сообщества. По приговору шариатского суда были расстреляны женщина и молодой человек. Несмотря на реакцию мирового сообщества, публичное исполнение приговоров шариатского суда в дальнейшем продолжилось.

18 сентября 1997 г. площадь Дружбы народов в Грозном вновь стала местом публичной казни двух убийц семьи Дадаевых¹⁵.

Казни по приговору шариатских судов продолжились и в районах республики. В селении Бачи-Юрт шариатский суд приговорил к казни убийцу посредством перерезания горла. Казнь, которая, кстати, транслировалась по местному телевидению, была приведена в исполнение родственниками жертвы¹⁶.

Руководство России незамедлительно отреагировало на смертные приговоры шариатского суда, однако, на наш взгляд, на тот период, кроме словесных комментариев, как-то воздействовать на происходящее в самопровозглашенной республике не представлялось возможным. В частности, Президент Российской Федерации Борис Ельцин назвал казнь на площади Дружбы «судом Линча»¹⁷.

К сожалению, мы не располагаем данными об общем числе вынесенных этими судами смертных приговоров. Однако нами установлены данные деятельности военно-полевого суда, действовавшего в составе вооруженных формирований Чеченской Республики Ичкерия. Данный суд действовал с 8 по 27 августа 1996 г. на территории Грозного (период боев и первые дни перемирия). Никакой другой суд в это время в Грозном не функционировал. Председателем военно-полевого суда был назначен Асламбек Исмаилов, являющийся также комендантом города (с чеченской стороны). Всего этим судом было вынесено 12 смертных приговоров – десяти чеченцам, армянину и русскому; к смертной казни приговаривались лица, совершившие тяжкие преступления с применением насилия. Приговоры этих судов обжалованию не подлежали. Квалифицированная защита подсудимым не предоставлялась. Обвиняемым не было также обеспечено право на подачу прошения о помиловании или о смягчении приговора, апелляции в вышестоящую судебную инстанцию с целью пересмотра их дела согласно закону¹⁸.

Осуществление смертных казней на основании приговоров, вынесенных в результате вышеприведенных примеров, на наш взгляд, было грубым нарушением ст. 6 (п. 2а) Второго дополнительного протокола к Женевским конвенциям¹⁹ и ст. 6 (п. 3) Международного пакта о гражданских и политических правах²⁰. Их действие распространяется даже в условиях чрезвычайного положения, которое можно было применить к ситуации в Чеченской Республике. Эти судебные процедуры противоречили ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах²¹.

Стремление ичкерийского руководства заручиться поддержкой ближневосточных государств заставляло проводить «шариатское реформирование» в ускоренные сроки. 9 июля 1998 г. в Чеченской Республике было сообщено, что столица Чеченской Республики город Грозный был принят в организацию столиц исламских государств²². При этом изолированность

Чечни от внешнего мира была очевидной. Даже совершение паломничества в мусульманскую святыню не было бы возможным, если бы МИД РФ в апреле 1997 г. «не выделил бы Чечне 3 тысячи заграничных паспортов»²³.

В Чеченской Республикеросло недовольство шариатской судебной системой. Это недовольство побуждало власти проводить изменения в структуре судов. В соответствии с Указом Президента ЧРИ № 375 от 16 августа 1997 г. «О выведении за штаты председателей и судей районных, городских, региональных Шариатских судов, Военного трибунала ЧРИ» все судьи были выведены за штатное расписание и была проведена их аттестация. По нашему мнению, данные действия не влияли на степень эффективности правосудия, ввиду хаотичности их применения.

Согласно данному нормативно-правовому акту судей Высшего Шариатского Суда ЧРИ избирали на заседании Совета Улемов Республики. Судьи Высшего Шариатского Суда ЧРИ утверждаются указом Президента ЧРИ. Однако мы не располагаем данными о том, что тот или иной судья был выбран Советом Улемов. Как правило, на эти должности назначались лица по родственным связям. Лишь очень малое число среди них обладало глубокими познаниями в шариатском праве.

В Чеченской Республике Ичкерия были созданы следующие районные Шариатские суды: Старопромысловский районный Шариатский суд, Октябрьский районный Шариатский суд, Ленинский районный Шариатский суд и Заводской районный Шариатский суд. Все они были расположены в г. Джохар²⁴ (Грозный).

Было создано 4 городских суда: Аргунский городской Шариатский суд, Гудермесский городской Шариатский суд, Урус-Мартановский городской Шариатский суд и Шалинский городской Шариатский суд.

Нами установлено, что в исследуемый период в ЧРИ было создано 10 региональных шариатских судов: Ачхой-Мартановский региональный Шариатский суд, Веденский региональный Шариатский суд, Грозненский региональный Шариатский суд, Курчалойский региональный Шариатский суд, Надтеречный региональный Шариатский суд, Наурский региональный Шариатский суд, Ножай-Юртовский региональный Шариатский суд, Сунженский региональный Шариатский суд, Шатойский региональный Шариатский суд, Шелковской региональный Шариатский суд.

Согласно приложению к Указу Президента Чеченской Республики Ичкерия № 377 от 16 августа 1997 г. был утвержден штатный состав всех шариатских судов, в том числе и Военного трибунала ЧРИ. Общее количество шариатских судей составляло 114 человек²⁵. Возможно ли было в республике, где не смогли выработать собственное уголовное законодательство на основе шариата, за короткий срок подготовить 114 профессиональных шариатских судей? Ответ формулируется из первой части поставленного вопроса. Наша позиция совпадает с мнением известного специалиста в области национальных отношений Р. Абдулатипова, по мнению которого «нельзя объявлять шариат в обществе, государстве, где нет ни одного человека с высшим образованием по шариатскому праву»²⁶.

К региональным Шариатским судам был приравнен военный трибунал ЧРИ.

Председатели всех районных, городских и региональных Шариатских судов, Военного трибунала ЧРИ должны были быть специалистами по Шариатскому судопроизводству, их заместители – специалистами по судопроизводству, основанному на действующем законодательстве ЧРИ. В их компетенцию входила организация работы судей по общему судопроизводству, рассмотрение уголовных, гражданских и административных дел, решение иных вопросов.

По представлению Председателя Верховного Шариатского Суда ЧРИ судьи всех шариатских судов утверждались Президентом ЧРИ. Какими критериями руководствовался Председатель Верховного Шариатского Суда ЧРИ при определении кандидатов трудно сказать, поскольку, как отмечалось выше, немногие из них имели высшее теологическое образование.

Структурно-организационный состав районных, городских и региональных Шариатских судов, Военного трибунала ЧРИ состоял из: председателя, заместителя, судей по шариатскому судопроизводству и судей по общему судопроизводству. Среди «четких ограничений», предъявляемых к шариатским судьям, было то, что судей не могла быть женщина и лицо, не исповедующее ислам. Мы не случайно акцентируем внимание на категории «четкие», поскольку для нас остается непонятным критерий наличия уровня необходимого исламского образования для судей. Какова его шкала? Каков уровень аттестации и повышения квалификации шариатских судей Чеченской Республики Ичкерия? Отсутствие квалифицированных и документально подтвержденных ответов предполагает лишь создание авторской реконструкции на основе скудных исследовательских материалов и источников, сохранившихся в республике.

С первых же дней начала функционирования шариатских судов население Чеченской Республики начало относиться к деятельности данных учреждений весьма настороженно. Для чеченцев с их адатским правосознанием были чуждыми телесные наказания в виде ударов палкой. Шариатская гвардия, созданная при Верховном Шариатском Суде Чеченской Республики Ичкерия (своего рода аналог службы судебных приставов), занималась не своими прямыми функциональными обязанностями, а вместо них проводила рейдовые мероприятия по городам и селам республики в целях обнаружения людей в состоянии алкогольного опьянения, уничтожения миниустановок по переработке нефтепродуктов и проводила многие другие силовые операции, не являвшиеся ее функциональным предназначением.

Шариатская система вошла в противоречие с существовавшей ранее системой правосудия. Согласно указу № 73 от 5 февраля 1997 г. «О предоставлении дополнительных прав шариатскому суду», Верховному Шариатскому Суду разрешалось непосредственно рассматривать преступления, требующие дознания и предварительного следствия.

В результате исследования нами было установлено, что в системе шариатских судов Ичкерии работали выходцы из ближневосточных государств. Их деятельность фактически была направлена на подрыв развития ичкерийской

государственности. Подтверждением этому является указ президента А. Масхадова от 18 июля 1998 за № 175 «О выдворении отдельных лиц за пределы Чеченской Республики Ичкерия» за участие в организации незаконных вооруженных формирований, антигосударственную пропаганду, распространение идеологии, направленной на раскол общества на религиозной основе. Руководствуясь ст. 73, 76 Конституции Чеченской Республики, было постановлено: освободить Анвар Ахьмад Юнус Бакр Шишани (Хамзата Шишани) от должности члена Президиума Верховного Шариатского Суда Чеченской Республики Ичкерия²⁷.

На начальном этапе своего президентского правления А. Масхадов пытался противостоять ваххабитскому влиянию в Чеченской Республике. Так, 20 августа 1998 г. он освободил целый ряд председателей и судей районных, городских, региональных шариатских судов (всего 44 человека) от занимаемых должностей²⁸.

Присутствие в судебском корпусе лиц без гражданства Чеченской Республики (Российской Федерации) противоречило Закону «О статусе судей в Чеченской Республике» в части требований, предъявляемых к кандидатам в судьи. Все кандидаты в судьи должны были быть гражданами Чеченской Республики, согласно ст. 4 данного закона²⁹.

Единственным примером, когда шариатское правосудие распространилось не только на простых обывателей, но и на высокопоставленного представителя ичкерийского режима, является приговор в отношении С. Радуева. 4 ноября 1998 г. Верховный Шариатский Суд ЧРИ, рассмотрев дело о нападении группы боевиков из вооруженного формирования «Армия Джохара Дудаева» на телецентр в Грозном, приговорил С. Радуева к 4 годам тюрьмы. Спустя 6 дней, 10 ноября 1998 г., президент А. Масхадов разжаловал С. Радуева в рядовые³⁰. Однако заключить под стражу С. Радуева властям не удалось.

В целом анализируя работу шариатских судов, можно сделать вывод о том, что решения шариатских судов Ичкерии не коснулись могущественных и высокопоставленных лиц из числа полевых командиров, членов Правительства Ичкерии.

В Чеченской Республике Ичкерия отношение к деятельности шариатских судов было негативным даже со стороны представителей правоохранительных органов самопровозглашенной республики Ичкерия.

В числе тех, кто активно боролся и противостоял разгулу преступности, ваххабизму, был муфтий Чеченской Республики А.-Х. Кадыров. Будучи глубоко образованным теологом, он критиковал преждевременность «введения шариата, непрофессионализм членов шариатских судов, а главное за ваххабизм», который рассматривался им как идеология терроризма³¹.

Начало 1999 г. для Чеченской Республики ознаменовалось целым рядом процессов, которые способствовали полной утрате доверия к президенту А. Масхадову со стороны даже той части общества, которая ранее поддерживала его и видела в нем альтернативу воинственным и радикальным силам, пытавшимся полностью узурпировать власть в Чеченской Республике.

16 января 1999 г. Афганистан сообщил о признании Чеченской Республики Ичкерия. На это заявление незамедлительно последовала реакция МИД РФ, охарактеризовавшего действия Афганистана вмешательством во внутренние дела России и доказательством того, что в Чечне действуют международные террористы³².

Подписанный президентом Чеченской Республики Ичкерия А. Масхадовым указ № 39 от 3 февраля 1999 г. «О введении полного шариатского правления» фактически привел к конфронтации А. Масхадова с законодательной властью Чеченской Республики Ичкерия. Нормативно-правовой акт лишил Парламент Чеченской Республики Ичкерия своей главной функции – законодательной. Данным указом А. Масхадов ввел в Чечне «полное шариатское правление» и издал указ о формировании Президентской шуры (исламского совета)³³.

8 февраля 1999 г. был обнародован указ Президента Чеченской Республики № 46 «О Шариатской Конституции», согласно которому специальной государственной комиссии поручалось разработать проект Шариатской Конституции ЧРИ, согласовать его с Советом Улемов ЧРИ и представить для принятия Общенациональному съезду чеченского народа.

Предполагалось принятие новой Конституции ЧРИ на шариатских принципах. Трудно выстроить логическую последовательность в действиях руководства Ичкерии в данный период. Отказ от Конституции 1992 г., по нормам которой были избраны все президенты Ичкерии, фактически был сломом даже той мнимой государственности, о которой ратовали ичкерийские лидеры.

В очередной раз складывалась ситуация правового хаоса: президент лишил парламент республики законодательных полномочий, но при этом законодательный орган не был распущен. Ответной реакцией парламента была инициированная им процедура импичмента вследствие антиконституционных действий руководителя республики, оформившаяся в отмену указов президента А. Масхадова.

Однако следует напомнить, что еще в 1997 г. Парламент Чеченской Республики осуществил действия, поставившие под сомнение легитимность правления А. Масхадова. Как отмечал в своем исследовании А.А. Кадыров, «в 1997 г. чеченский парламент принял закон «О внесении изменений в Конституцию ЧРИ». Измененная ст. 4 Конституции провозгласила ислам государственной религией. Был создан Верховный шариатский суд»³⁴.

Данные события фактически поставили под сомнение легитимность Президента ЧРИ А. Масхадова, избранного согласно Конституции Чеченской Республики, от которой он своими указами решил впоследствии отказаться. Правовой хаос, в который впадала республика, был проявлением безответственной и слабой политики А. Масхадова, который считал, что подобными шагами удастся избежать внутреннего конфликта между радикально настроенными силами.

По нашему убеждению, правовым реформированием в Чеченской Республике в рассматриваемый период, если происходившее возможно было так охарактеризовать, занимались непрофессиональные юристы. Этот вывод

подтверждается тем, что министр культуры, информации и печати ЧРИ А. Закаев, возглавлявший Государственную комиссию по разработке Шариатской Конституции ЧРИ, заявлял, что к разработке нового Основного закона привлечены известные в республике ученые-богословы, полевые командиры, политики, депутаты Парламента. К концу февраля Госкомиссия разработала модель конституции, основанную на моделях конституций Ирана и Пакистана³⁵. В очередной раз квазиэлита брала за основу нормативно-правовые акты, разработанные в странах, чей менталитет противоречил чеченскому кодексу *Нохчалла*.

Разработанная конституция не имела перспективы на чеченской земле, так как иранская и пакистанская модели, взятые за основу, были чужды чеченскому обществу. Радикальное крыло оппозиции в лице Мехкан Шуры в феврале 1999 г. выразило «недовольство деятельностью Верховного Шариатского суда ЧРИ и объявило о намерении сформировать собственный Выший шариатский суд»³⁶.

О непоследовательности политики президента А. Масхадова говорит принятый им 9 марта 1999 г. указ № 80, которым он «провозгласил себя Мехкан-да» (Отцом страны)³⁷. Мнение А. Масхадова в отношении шариатской системы правосудия также было им впоследствии скорректировано: «Только законом шариата мы можем спасти себя, потому что он обязателен для всех, включая самых высших государственных чиновников»³⁸. Но данному заявлению предшествовало другое заявление президента А. Масхадова, в котором он отмечал: «Нас пытаются превратить в афганских талибов – послушное орудие Запада на Кавказе. Мы – сунниты нахшбандийского и кадирийского толка, и другому исламу в Чечне не бывать»³⁹.

Парламент Чеченской Республики Ичкерия, в свою очередь, активно выступил в защиту действовавшей Конституции ЧРИ.

Главной особенностью исследуемого периода является выявленная нами ситуация правового нонсенса, заключавшегося в том, что шариатские суды в Ичкерии функционировали лишь на основе указов президента, т. е. подзаконных актов.

Давая оценку деятельности Парламента Чеченской Республики Ичкерия как законодательного органа, существенным будет отметить, что, несмотря на тяжелую общественно-политическую ситуацию в республике, в рассматриваемый период он оставался единственным представителем власти, открыто выступавшим против всех негативных процессов, происходивших в Чечне. При этом его профессиональная деятельность в виде законотворчества была сведена к минимуму. За 2 года с момента избрания Парламент ЧРИ «рассмотрел, обсудил и принял 56 законов, в том числе: «О Налоговой службе ЧРИ» (7.06.1997); «О Национальном банке ЧРИ» (19.09.1997); «Об оружии» (15.11.1997); «О культуре» (25.11.1997); «Об обороне» (12.01.1998); «Уголовный Кодекс ЧРИ» (9.02.1998); «О мерах социальной защиты жертв русско-чеченской войны 1994–1996 гг.» (9.06.1998); «О здравоохранении» (16.06.1998); «Об образовании» (25.08.1998) и 210 постановлений по социально-экономическим, политическим, правовым вопросам»⁴⁰.

Криминогенная ситуация в Чеченской Республике за 1999 г. характеризует истинную общественно-политическую ситуацию в республике. К началу апреля в розыске находилось 1203 человека, совершивших различные преступления. Из них 173 совершили тяжкие преступления, в том числе 82 убийства. По данным Генеральной прокуратуры Чеченской Республики в 1998 г. в Чечне было совершено 3083 преступления (в 1997 г. – 3558). В 1998 г. в производстве прокуратуры и МШГБ (министерства шариатской государственной безопасности) находилось 3824 уголовных дела, что на 825 уголовных дела меньше, чем в 1997 г., однако органами расследования в шариатские суды было направлено на 278 дел больше, чем в 1997 г. Увеличение количества направленных в суды уголовных дел является показателем улучшения качества предварительного расследования. Раскрываемость преступлений в 1998 г. составила 55,8% против 41,8% в 1997 г. Вместе с тем, не произошло улучшения показателей по особо тяжким преступлениям. Так, в 1998 г. было совершено 275 убийств против 353 в 1997 г. Однако раскрываемость этого вида преступления снизилась с 28% в 1997 г. до 20,1% в 1998 г. В 1998 г. следователями Генпрокуратуры ЧРИ было изучено 129 уголовных дел, приостановленных следственными органами. В результате 23 постановления были отменены как необоснованные и незаконные. По результатам проверок исполнения законов и правовых актов было возбуждено 4 уголовных дела и обеспечено добровольное возмещение ущерба государству на сумму 500 тыс. руб. Органами прокуратуры вынесено 282 протеста и 332 постановления, по представлению прокуроров привлечено 129 лиц к дисциплинарной и 31 человек к материальной ответственности⁴¹.

В Чеченской Республике на тот период самым распространенным видом преступления было похищение людей. В причастности к похищениям людей следственными органами ЧРИ к началу 1998 г. было задержано 60 человек. Из них 4 преступника специальным Шариатским судом были приговорены к смертной казни, 7 человек – к пожизненному тюремному заключению⁴². В исследуемый период «только чеченцев было похищено 1217 человек»⁴³. Похищение человека по адатам чеченцев является одним из самых тяжких преступлений, поскольку лишает человека свободы, являющейся для чеченца олицетворением его чести и независимости.

Резонансным решением шариатского суда стал запрет на преподавание философии в одном из высших учебных заведений Чеченской Республики осенью 1998 г.⁴⁴ Решение было принято Заводским районным шариатским судом в отношении Грозненского нефтяного института имени академика М.Д. Миллионщикова с мотивировкой, что на занятиях по философии изучаются труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса. О разобщенности и бессистемности в действиях шариатских судов говорит то, что в двух других вузах республики – Чеченском государственном университете и Чеченском государственном педагогическом институте философия преподавалась без ограничений.

Из всех городских и сельских районов самым сложным в криминогенном отношении являлся Авторхановский (бывший Ленинский) район Грозного, где за 1998 г. было совершено 736 преступлений, что составило 25% всех

преступлений, совершенных в 1998 г. в Чечне⁴⁵. Сколько из них реально было доведено до суда неизвестно.

Архивы шариатских судов в результате событий 1999–2000 гг. не сохранились, они практически полностью уничтожены; таким образом, анализ их деятельности существенно усложняется ввиду отсутствия свободного доступа к решениям, хранившимся в архивах. Считаем, что анализ конкретного решения, принятого шариатским судом по гражданскому делу, позволит предпринять попытку формирования объективного вывода о структуре и содержании шариатского судоустройства Ичкерии. В рамках исследования нами обнаружено одно из решений шариатского суда Ичкерии, впервые внедряемого в научно-исследовательскую работу. Решение шариатского суда Авторхановского района г. Джохар Чеченской Республики Ичкерия № 766 от 27.07.98 г. Детальная характеристика анализируемого решения позволит реконструировать процессуальные действия представителей органа шариатского правосудия. Текст решения отпечатан на бланке Верховного Шариатского суда Чеченской Республики Ичкерия. В верхней части бланка размещена символика ведомства. С левой стороны наименование суда выполнено на чеченском языке кириллицей, справа стороны на арабском языке جمهورية الشيشان Чеченская Республика العليا المحكمة الشرعية العليا Высший Шариатский Суд المحكمة المنطقه Суд района. По центру размещена эмблема Верховного Шариатского суда Чеченской Республики Ичкерия, над которой надпись – بسم الله الرحمن الرحيم (Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного). Эмблема выполнена в виде полумесяца, расположенного полукругом, внутри которого развернутое изображение книги, символизирующей Коран, на страницах книги весы в равном положении, на ребре полумесяца надпись на арабском языке – بسم الله الرحمن الرحيم (وَمَنْ لَّمْ يَخْضَمْ بِمَا أَنْزَلَ اللَّهُ فَأُولَئِكَ هُمُ الْكَافِرُونَ) «А те, которые не судят согласно тому, что ниспослал Аллах, то они – неверные»⁴⁶. Текст решения, выполненный на русском языке, набран печатной машинкой, содержит многочисленные исправления и орфографические ошибки. Председательствующий судья Д. и секретарь судебного заседания А. оба мужского пола. Структура решения практически идентична решениям, принимаемым в светских судах по гражданским делам. Она содержит вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части.

Исследуемое решение позволяет сделать соответствующие выводы относительно судебной системы рассматриваемого периода. Судебное решение принято в результате открытого судебного заседания. Язык судопроизводства в процессуальном документе русский, при этом на практике реальным было использование чеченского языка. На исследуемом решении стоят две печати, различные как по форме, так и по содержанию имеющихся на них надписей. С левой стороны решения шариатского суда № 766 от 27.07.98 г. поставлена большая круглая печать, на которой изображена эмблема Верховного шариатского суда. На верхнем полукруге данной печати надпись *Нохчийн Пачхьалкх Нохчийчоь*, в переводе с чеченского языка – *Чеченское государство Нохчийчоь*. В нижней части полукруга печати надпись *Джохар-Галин шариатан кхел № 2*, которая определяет конкретную территориальную

принадлежность суда к Авторхановскому району г. Джохар (Ленинскому району г. Грозный). Печать, располагающаяся с правой стороны исследуемого документа, имеет меньший размер и выполнена в стандартном виде – круг, по центру которого изображен герб Чеченской Республики Ичкерия, на котором изображен волк, печать по круговой дуге содержит также надпись территориальной принадлежности суда к Авторхановскому району г. Джохар. Содержание исследуемого решения представляет установление судом факта собственности на недвижимое имущество гражданки Ч. в связи с утратой ею правоустанавливающих документов. Решение не содержит ни одной ссылки на нормы мусульманского права и права как такового, за исключением единственной ссылки на подзаконный нормативно-правовой акт Чеченской Республики Ичкерия – Указ Президента Чеченской Республики № 125 (дата не указана), который относится к светскому законодательству Чеченской Республики Ичкерия. Теологическая формулировка находит применение лишь в заключительной части решения «о руководстве судом Священным Кораном и Сунной пророка Мухаммада (с.а.в.) при вынесении решения». Резолютивная формулировка исследуемого документа «об обжаловании принятого решения в Верховном Суде ЧРИ через Шариатский суд Авторхановского района в течение десяти дней со дня его оглашения» не свойственна мусульманскому законодательству, а является, как нам представляется, ичкерийским симбиозом рецепции светской системы правосудия и так называемой шариатской системы правосудия, внедренной в Чеченской Республике Ичкерия в период с 1997 по 1999 г.

Рассмотренный пример конкретного решения шариатского суда самого крупного района столицы Чеченской Республики приводит нас к выводу, что судьи не применяют конкретных норм мусульманского права в части толкования вопросов собственности по гражданским делам, нет вообще судебного толкования как такового. Шариатская судебная система Ичкерии предстает в неразвитом виде в части доктринального понимания судебским корпусом мусульманского права и его конкретной реализации на практике. Указанное существенное обстоятельство приводило в большинстве случаев к применению в данных судах светских процессуальных норм, которым придается внешняя теологическая оболочка. В целом техническое исполнение процессуальных форм решений шариатских судов Ичкерии рассматриваемого периода аналогично форме решений светских судов.

Мы установили, что в рассматриваемый период не редкими были случаи, когда правоохранительные органы Чеченской Республики Ичкерия игнорировали деятельность шариатских судов. Руководители силовых структур потребовали от своих подчиненных профессионального сотрудничества с шариатскими судами, в связи с переходом республики к полному шариатскому правлению. Генеральный прокурор С. Албаков обязал всех городских и районных прокуроров установить тесные контакты с судьями шариатских судов, координировать работу всех силовых структур и правоохранительных органов в борьбе с преступностью⁴⁷.

О глубоком правовом кризисе в Чеченской Республике Ичкерия свидетельствует указ президента ЧРИ № 128 «О проведении аттестации в

правоохранительных и судебных органах республики на предмет наличия работников «с криминальным прошлым». В соответствии с данным указом граждане, имеющие судимость, не могут быть приняты на работу в органы прокуратуры, госбезопасности, шариатские суды, а уже работающим в судах и правоохранительных структурах грозило увольнение.

Ярким эпизодом, свидетельствующем о стагнации правосудия в Чечне, является то, что указ установил минимальный образовательный ценз для работников судов и правоохранительных органов в виде законченного среднего специального образования.

Основным видом социальных конфликтов в рассматриваемый период в Чечне являлись трудовые споры. 9 из 10 дел, рассматриваемых в шариатских судах республики, были связаны с трудовыми спорами. В этой связи выглядит антиконституционным указ А. Масхадова «Об упорядочении судебного рассмотрения трудовых споров», согласно которому шариатским судам запрещено принимать к рассмотрению заявления граждан Ичкерии об обоснованности их смещения с должности, сделанного по инициативе президента или Парламента ЧРИ. Рассмотрению подлежали лишь жалобы на администрации предприятий и организаций⁴⁸.

Мы всецело солидарны с мнением российского исследователя мусульманского права Л.Р. Сюкияйнена, что шариат – не средство, а цель, которой является достижение высшей справедливости, а жестокость суда не обязательно ведет к ней. Шариат требует взвешенности и холодного расчета, а суесть и тем более самое неистовое поклонение могут только бросить тень на справедливость суда, а творящего произвол судью, по высказыванию Мухаммада (Да благословит его Аллах и приветствует), обречь на вечное горение в аду⁴⁹. Авторитетное мнение ученого заключалось в том, что конечная цель должна быть направлена на достижение справедливости, но не на элемент наведения страха и ужаса. Последнее же стало доминирующим в Чеченской Республике Ичкерия в период с 1996 по 1999 г.

Шариатские суды, сформированные и функционировавшие в Чеченской Республике в период с 1996 по 1999 г., дискредитировали себя в глазах общественности ввиду того, что в большинстве случаев решения принимались непрофессиональными знатоками мусульманского права, что сказывалось на целях правосудия. Следовательно, они не воспринимались большей частью населения в Чечне как справедливый и независимый институт правосудия. Кроме того, в шариатской системе действовали военизированные отряды, которые формально относились к данной системе, но выполняли функции, выходящие далеко за рамки их профессиональных обязанностей.

Общественно-политические события в Чеченской Республике в период с 1994 по 1999 г. приводят к выводу об истинной природе «чеченского шариата». Обращение к шариату и шариатской системе в мировоззрении политического и военного руководства республики было проявлением религиозного радикализма, возникшего и трансформировавшегося из первоначальных идей сепаратизма. Как мы отмечали выше, на начальном этапе создания независимого государства, акцент Д. Дудаевым делался на адатские традиции чеченского народа с сохранением светской направленности республики.

Фактически с 1996 г. произошла подмена политических ценностей, когда произошла стремительная переориентация А. Масхадова и военного крыла ичкерийцев на шариат, точнее его демонстрацию в самых негативных проявлениях. Объяснением столь стремительной смены курса ичкерийского руководства в нашем понимании является желание заручиться поддержкой (в первую очередь финансовой) со стороны ближневосточных государств.

Проведенный анализ шариатской системы судоустройства в Чечне 1995–1999 гг. позволяет сделать следующие выводы:

- ичкерийские власти, постоянно используя в своих идеологических целях такие понятия, как шариат, фикх, шариатское судопроизводство, не относились к ним как к ценностям правовой культуры, призванной стоять на страже интересов законопослушных граждан, а напротив считали их карательным инструментом воздействия на общество и сохранения собственной власти;

- введение шариатского судопроизводства в Чеченской Республике в рассматриваемый период, как нам представляется, было еще и политическим фактором воздействия со стороны режима на ближневосточные государства с целью поиска в их лице экономической и политической поддержки. Однако официальное руководство ближневосточных государств не только не признало режим А. Масхадова, но и всячески осуждало негативные процессы, происходившие в республике в рассмотренный период;

- проведенный анализ организации и деятельности шариатской судебной системы в рассмотренный период приводит нас к выводу о противоречивости нормативно-правовой базы, слабой разработанности нормативно-правовых источников, регулировавшей деятельность шариатских судов;

- шариатские судьи в большинстве своем не имели необходимого теологического образования;

- шариатская судебная система характеризуется своей непоследовательностью, частой сменой судейского корпуса, процессуальной неразработанностью, сказывающейся на слаженности и общем профессионализме, что способствовало выработке устойчивого недоверия у населения к деятельности данной судебной системы, игнорировавшей в своей практике адатское право. Все это в совокупности усугубляло политический кризис между федеральным центром и республикой, находившейся длительное время вне правового пространства российских законов.

Использованная литература и источники

1. См.: Осмаев А.Д. Общественно-политическая и повседневная жизнь Чеченской Республики в 1996 – 2005 гг. Дисс...д. истор.н. Грозный.2009.

2. См.: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 8 октября 1996 г. № 336-СФ «О ситуации в Чеченской Республике».

3. См.: Осмаев А.Д. Там же.

4. Максимов И. Шариатское право по-чеченски // Независимая газета. 29.02.2000.

5. См.: Уголовное право и процесс Судана. Url.:<http://www.diplys.ru/mandays34.htm> (дата обращения – 14.02.2009 г.).
6. Уголовный Кодекс Чеченской Республики Ичкерия. 1996. С. 2.
7. См.: Старостина С. А. Правовое регулирование борьбы с преступностью в странах с элементами исламской правовой традиции: Историко-теоретическое исследование. Дисс... к.ю.н. М., 1999; «Комсомольская правда». 1997. № 166.
8. См.: Уголовный Кодекс Чеченской Республики Ичкерия. 1996. С. 35.
9. См.: Устав Идарата мусульман Чеченской Республики / «Ичкерия». 1 октября 1996.
10. Там же.
11. Указом Президента ЧРИ № 246 от 16 декабря 1996 г. Арбитражный Суд переименован в Высший Суд ЧРИ.
12. Кадыров А.А. Указ. соч. С. 99.
13. Сборник Указов и Распоряжений Президента Чеченской Республики Ичкерия. Грозный, 1999. С. 61.
14. Музаев Т.М. Чеченский кризис – 99. Политическое противостояние в Ичкерии: расстановка сил, хроника, факты. М.: ООО «Панорама», 1999. С. 31.
15. См.: Осмаев А.Д. Чеченская Республика в 1996–2006 гг. Хроника, документы, исследования. Нальчик, 2008. С. 90.
16. Пулина Н. Шариатский суд стал править судьбами // Независимая газета. 05.09.1997.
17. Жуков М. Борис Ельцин: этот шариат недопустим // «Коммерсантъ». № 148 (1330). 05.09.1997.
18. См.: Бессудные казни. Смертные приговоры, вынесенные в результате процедуры упрощенного судопроизводства. Исчезновения людей Url.:www.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/itogi (дата обращения – 10 февраля 2010 г.).
19. См.: Второй дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г.
20. См.: Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.
21. Там же.
22. См.: Осмаев А.Д. Чеченская Республика в 1996–2006 гг. Хроника, документы, исследования. Нальчик, 2008. С. 133.
23. Там же. С. 63.
24. Указом З. Яндарбиева за № 32 от 23 января 1997 г. город Грозный был переименован в Джохар-Гала.
25. Приложение к Указу Президента ЧРИ № 377 от 16 августа 1997 г.
26. См.: «НГ-религии». 03.03.1999. С. 2.
27. См.: Сборник указов и распоряжений Президента Чеченской Республики Ичкерия (с 3 февраля 1995-го по 1 июня 1999 г.). Кн. 3, 4, 5. С. 260–261.

28. См.: Осмаев А.Д. Чеченская Республика в 1996–2006 гг. Хроника, документы, исследования. Нальчик, 2008. С. 133.
29. См.: Закон Чеченской Республики «О статусе судей в Чеченской Республике» от 12 ноября 1992 г.
30. См.: Музаев Т.М. Указ. соч. С. 112.
31. Кадыров А.А. Указ. соч. С. 100.
32. См.: Осмаев А.Д. Чеченская Республика в 1996–2006 гг. Хроника, документы, исследования. Нальчик, 2008. С. 191.
33. См.: Кадыров А.А. Указ. соч. С. 100.
34. Кадыров А.А. Указ. соч. С. 100.
35. См.: Грозненский рабочий. 1999. № 6.
36. Музаев Т.М. Указ. соч. С. 55.
37. Там же. С. 7.
38. Яков В. Аслан Масхадов: «Чечне с Россией сегодня мешают радуевы и куликовы // Новые известия. 1998. 10 февр. С. 4. См.: Осмаев А.Д. Общественно-политическая и повседневная жизнь Чеченской Республики в 1996 – 2005 гг. Дисс...д. истор.н. Грозный.2009.
39. Независимая газета. 26.03.1999. С. 5.
40. См.: Музаев Т.М. Указ. соч. С. 46.
41. См.: Грозненский рабочий. 1999. № 13.
42. Музаев Т.М. Чеченский кризис – 99. Политическое противостояние в Ичкерии: расстановка сил, хроника, факты. М.: ООО «Панорама», 1999. С. 146.
43. Гаврилов Ю. Цвет истины различишь не сразу. «Бархатные» террористы в Чечне надели правозащитные маски // Российская газета. Федеральный выпуск № 3440. 27.03.2004.
44. См.: Акаев В. Шариатское правление в Чечне и его последствия Url.: <http://evrazia.org/article/2396> (дата обращения – 15.09.2010 г.).
45. См.: Ичкерия. 1999. № 6.
46. Коран. Трапеза: 44.
47. См.: Грозненский рабочий. 1999. № 16.
48. См.: Музаев Т.М. Чеченская Республика Ичкерия. Политический мониторинг. Ежемесячные обзоры / Ч. 3. Октябрь 1997 – сентябрь 1999 г.
49. См.: Сюкияйнен Л.Р. Непростой путь к шариату // «НГ-религии». 23.10.1997. С. 4.

§ 4. Восстановление федерального конституционного правового порядка и юстиции в Чеченской Республике

Новейшее историко-правовое развитие судебной системы Чеченской Республики неразрывно связано с единой судебной системой Российской Федерации. Началом периода становления современной судебной власти Российской Федерации, по мнению А.М. Исагагомедова, считается 24 октября 1991 г., когда Верховным советом РСФСР была принята «Концепция судебной реформы»¹.

Принцип разделения властей обеспечивает независимость каждой из ветвей друг от друга, независимость же судебной власти является гарантом правового развития цивилизованного государства.

В основу доктрины разделения властей положена структурная и функциональная самостоятельность законодательных, исполнительных и судебных органов, что позволяет государству следовать по эволюционному пути дальнейшего развития.

Чрезвычайно важно, характеризуя значение судебной власти, в первую очередь подчеркнуть, что права и свободы человека и гражданина, являющиеся непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и местного самоуправления, обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ), осуществляемым судами – органами судебной власти (ст. 118 Конституции РФ). (См. Сатуев А.А. Указ. соч.).

Согласно ч. 3 ст. 118 Конституции РФ: судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается.

Судебная власть – это неотъемлемая потребность гражданского общества в качественном регулировании взаимоотношений внутри конкретного общества с целью торжества справедливости.

23 сентября 1999 г. Президент РФ издал Указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации»², предусматривающий создание Объединенной группировки войск (сил) на Северном Кавказе для проведения контртеррористической операции³. С этого периода Чеченская Республика находилась в режиме контртеррористической операции (КТО).

Возрождение и становление судебной власти в данном регионе проходило в чрезвычайных условиях продолжавшихся боевых действий. Именно начавшийся политический процесс урегулирования ситуации в Чечне во многом стал точкой опоры в процессе установления мира и безопасности в регионе.

Основополагающим юридическим документом новейшей истории возрождения чеченской государственности в рамках Российской Федерации были два базовых нормативно-правовых акта: Указ Президента Российской Федерации от 8 июня 2000 г. № 1071 «Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике» и Указ Президента РФ от 19 января 2001 г. № 52 «О системе органов власти Чеченской Республики», который внес изменения и дополнения в предыдущий указ. Последний в числе названных юридически закрепил права высшего должностного лица Главы Администрации Чеченской Республики без временных ограничений, закрепленных в первом документе. Важным показателем государственно-правового развития Чеченской Республики являются проведение референдума и принятие Конституции Чеченской Республики. В референдуме приняли участие 510125 человек, что составляет 88,41 процента от общей численности лиц, имевших право голосовать. В голосовании по

проекту Конституции Чеченской Республики приняли участие 509796 участников. За её принятие проголосовало 489257 чел., что составляет 95,97 процента от числа всех участвовавших. В голосовании по проекту закона «О выборах в Парламент Чеченской Республики» приняли 509861 участников референдума. За его принятие проголосовали 489757 участников референдума, что составляет 96,06 процента⁴.

5 октября 2003 г. на выборах Президента Чеченской Республики победу одержал Ахмат-Хаджи Кадыров. По официальным данным, за него проголосовали более 80% избирателей, принявших участие в выборах. За ходом выборов наблюдали представители Лиги арабских государств, организации «Исламская конференция», стран СНГ и Хельсинкской группы⁵. После принятия Конституции Чеченской Республики и выборов Президента Чеченской Республики в развитии национальной государственности чеченского народа новейшего времени наступил качественно новый этап. Республика ценой огромных жертв – и человеческих, и материальных – была легитимным путем инкорпорирована в правовое поле Российской Федерации. Были созданы правовые предпосылки для её всестороннего мирного развития. Этот многогранный процесс был прерван чудовищным актом, совершенным врагами чеченского народа 9 мая 2004 г. В результате террористического акта погибли президент Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадыров и председатель Государственного совета ЧР Хусейн Исаев. Однако мирные процессы в Республике были уже необратимы.

В 2004 г. Чеченская Республика обрела свою государственную символику – герб, флаг, гимн. 22 июня 2004 г. был подписан указ Президента Чеченской Республики «О государственном гербе и флаге Чеченской Республики». До избрания Парламента Чеченской Республики его отдельные функции (исключая законотворческие) были возложены на Государственный совет, созданный 28 мая 2003 г. в соответствии с Указом Президента Чеченской Республики «О формировании государственного совета Чеченской Республики» (вместе с «Положением о порядке формирования Государственного совета Чеченской Республики»). Его членами стали 42 человека: по два представителя от каждого из 21 района республики. 21 июня 2003 г. состоялось первое заседание Государственного совета Чеченской Республики. За два года своей деятельности Госсовет подготовил и рассмотрел 52 проекта законов Чеченской Республики (для последующего внесения их в установленном порядке в будущий парламент), в том числе в области социальной политики, судебной практики, бюджетной сферы и экономической политики, строительства и жилищно-коммунального хозяйства, аграрного сектора и природопользования, науки, культуры, образования и СМИ. 27 ноября 2005 г. состоялись выборы двухпалатного Парламента Чеченской Республики: Народного Собрания (40 депутатов – 20 по партспискам и 20 – по одномандатным округам) и Совета Республики (21 человек по числу районов республики). По партийным спискам в Народное Собрание прошли представители трёх партий – Единой России, КПРФ и СПС. 27 июня 2008 г. на внеочередном совместном заседании обеих палат Парламента Чеченской Республики было принято решение о его самороспуске. 12 октября 2008 г.

состоялись новые выборы уже однопалатного Парламента Чеченской Республики, состоящего из 41 депутата⁶. Важным этапом в новейшей истории государственноправового развития Чеченской Республики являлось возрождение судебной системы Чеченской Республики, начало которому было положено в 2000 г. Чрезвычайно важно отметить, что в рассматриваемый сложный отрезок времени в республике была разработана Концепция государственной национальной политики. Документ представляет собой систему принципов и направлений в деятельности органов государственной власти Чеченской Республики в сфере межнациональных отношений. В Концепции учитываются историко-культурные особенности, современная этнополитическая обстановка в республике, проблемы возрождения и развития основных сфер жизнедеятельности многонационального народа Чеченской Республики. 11 октября 2009 г. в Чеченской Республике состоялись выборы в органы местного самоуправления. С этого момента в республике завершился процесс формирования всех ветвей власти⁷.

2 сентября 2010 г. Парламент Чеченской Республики принял Конституционный закон Чеченской Республики «О внесении изменения в Конституцию Чеченской Республики», в соответствии с которым слова «Президент Чеченской Республики» заменены словами «Глава Чеченской Республики». 5 марта 2011 г. Рамзан Кадыров был наделен полномочиями Главы Чеченской Республики⁸.

В связи с проведением антитеррористической операции на Северном Кавказе во второй половине 1999 – 2001 гг. приобрел остроту вопрос о судебном расследовании всех фактов нарушения прав человека в зоне боевых действий и привлечении к судебной ответственности виновных. В рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы для России от 6 апреля 2000 г. и в материалах о положении в Чечне июньского и сентябрьского заседаний ПАСЕ за 2001 г. также указывалось на продолжающееся массовое нарушение прав человека в ходе военного конфликта в Чеченской Республике⁹. Необходимость в эффективной и справедливой судебной власти была не только в осуществлении наказания за уголовные преступления, но и в острой потребности правосудия по многочисленным гражданским вопросам, явившимся следствием многолетнего беззакония и хаоса в Чеченской Республике. К распространенному виду мошенничества, когда на то или иное домовладение или квартиру изготавливались фальшивые ордера и договора, добавились и фальшивые решения судов, датированные периодом с 1995 по 1996 г. Об этом неоднократно упоминалось в докладе Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике за 2006 г.¹⁰.

Представители Совета Европы, посетившие Чечню, неоднократно обращали внимание на необходимость судебного расследования всех фактов нарушения прав человека, убийств и исчезновения людей¹¹.

Чеченская Республика в рассматриваемый период особенно остро нуждалась в создании независимой и эффективной судебной власти. В состоянии режима контртеррористической операции в Чеченской Республике начался сложный, опасный, но жизненно важный процесс по созданию органов судебной власти.

Отсчетом времени вторичного возрождения судебной системы в рамках федерального правового поля можно по праву считать встречу от 15 марта 2000 г. представителей Чеченской Республики с исполняющим обязанности Президента Российской Федерации В.В. Путиным, на которой был обозначен вопрос о возобновлении работы судов общей юрисдикции в Чеченской Республике. В конце марта 2000 г. в г. Гудермес состоялось заседание Правительственной комиссии по нормализации общественно-политической ситуации в Чечне, где были рассмотрены вопросы материально-технического обеспечения, финансирования и формирования штатов судов общей юрисдикции. Воссоздание в Чеченской Республике судебной власти было начато во втором полугодии 2000 г. в соответствии с поручением Президента Российской Федерации В.В. Путина от 6 июля 2000 г.¹².

В 2000 г. для формирования судебного корпуса Чеченской Республики на постоянной основе необходимо было наличие представительного органа – Парламента, но учитывая, что органы законодательной власти не были сформированы, для этих целей были привлечены судьи, вышедшие в отставку. На каждого из привлеченных давалось соответствующее заключение Высшей квалификационной коллегии судей РФ, после чего приказом председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева на них возлагались требования по исполнению обязанностей судей.

Первые суды в Чеченской Республике начали функционировать с 10 ноября 2000 г. Из 57 судей – 12 женщин (из них 2-е – председатели районных судов), 18 человек (русскоязычные судьи) приехали из многих регионов России: Смоленской области, Самары, Саратова, Краснодарского края, Ставропольского края, Осетии, Кабардино-Балкарии¹³.

Суды, как уже отмечалось выше, начали функционировать в чрезвычайно сложных и опасных условиях, многие из них ввиду отсутствия необходимых помещений находились в северной части Чеченской Республики, менее пострадавшей в результате военных действий.

Восстановление судов общей юрисдикции в Чеченской Республике являлось важнейшей предпосылкой быстрого и эффективного обеспечения законности на ее территории, а также реальной защиты прав населения Чеченской Республики, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. В соответствии с Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть в республике должны была быть представлена Верховным Судом Чеченской Республики и 15 районными судами¹⁴.

Согласно данной программе предполагалось для строительства зданий судов и жилья для судей, а также для содержания судов общей юрисдикции Чеченской Республики затратить «105,07 млн. рублей, в том числе 69,97 млн. рублей – на восстановление и строительство зданий судов, 35,1 млн. рублей – на обеспечение деятельности судов, включая обеспечение безопасности судей и защиту зданий судов»¹⁵.

Внимание также предполагалось уделить восстановлению объектов уголовно-исполнительной системы. В целях обеспечения функционирования судебной системы Чеченской Республики предусматривалось «восстановление

следственного изолятора № 3 и исправительной колонии № 2 в пос. Чернокозово (общий объем затрат – 70 млн. рублей)»¹⁶.

23 марта 2003 г. был проведен референдум по обсуждению проекта Конституции Чеченской Республики. На всенародном референдуме была принята Конституция Чеченской Республики, заложившая основы дальнейшего стратегического развития.

Государственная власть в Чеченской Республике реализуется посредством разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную ветви, каждая из которых является самостоятельной.

Структурно Конституция Чеченской Республики состоит из 2 разделов, 9 глав, 112 статей. Как и практически во всех конституциях республик Северного Кавказа (за исключением Республики Северная Осетия-Алания, где положения о судебной власти закреплены в 8 главе), в Конституции Чеченской Республики судебной власти отведена глава 7¹⁷.

Впервые в новейшей истории Чеченской Республики был проведен постатейный комментарий Конституции Чеченской Республики в части, касающейся главы 7 «Судебная власть, прокуратура, адвокатура и нотариат» с учетом изменений, внесенных: на референдуме Чеченской Республики от 2 декабря 2007 г. (КЗ ЧР от 02.12.2007 № 2-РКЗ); Конституционным законом Чеченской Республики от 23.07.2010 № 3-РКЗ; Конституционным законом Чеченской Республики от 02.09.2010 № 4-РКЗ¹⁸.

Конституционное закрепление основ справедливого правосудия находит свое отражение в ст. 96, согласно которой правосудие в Чеченской Республике осуществляется только судом. Создание чрезвычайных судов и судов, не предусмотренных федеральным конституционным законом, не допускается; судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства; на территории Чеченской Республики действуют федеральные суды, Конституционный Суд Чеченской Республики, мировые судьи Чеченской Республики; никакой другой орган, должностное или иное лицо не вправе брать на себя функции судебной власти.

Принципы судебской деятельности закреплены в ст. 98 Конституции Чеченской Республики: судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, а также руководствуются Конституцией Чеченской Республики и законами Чеченской Республики.

Судьи несменяемы, они назначаются на должность в установленном федеральным законом порядке, а мировые судьи назначаются (избираются) также в порядке, установленном законом Чеченской Республики. Полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом.

Судьи неприкосновенны, они не могут быть привлечены к уголовной ответственности иначе как в порядке, установленном федеральным законом.

Наряду с судами общей юрисдикции в Чеченской Республике начал работать Грозненский гарнизонный военный суд (вышестоящая инстанция – Северо-Кавказский военный окружной суд в Ростове-на-Дону), рассматривающий преступления военнослужащих, где работают восемь судей (по штату положено десять).

До создания в Чеченской Республике гарнизонного суда все дела по преступлениям, совершенным военнослужащими, направлялись в Северо-Кавказский окружной военный суд, расположенный в Ростове. А также в гг. Батайск, Пятигорск и Астрахань¹⁹.

С 1 сентября 2003 г. – со дня начала работы Грозненского военного гарнизонного суда – было рассмотрено более 600 уголовных дел в отношении военнослужащих. По 95% случаев из них был вынесен приговор, при этом ни одного оправдательного. Примерно 5% из них – это преступления, совершенные в отношении мирных жителей²⁰.

В соответствии с Федеральным конституционным законом №1-ФКЗ от 23.06.1999 г. «О военных судах Российской Федерации» и решением президиума Северо-Кавказского окружного военного суда к территориальной подсудности Грозненского гарнизонного военного суда относятся воинские части и учреждения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, дислоцированных на территории Чеченской Республики²¹.

10 июня 2003 г. возобновил (ведомство было создано в 1995 г.)²² свою работу на территории Чеченской Республики Арбитражный Суд. Арбитражный Суд Чеченской Республики относится к первому уровню системы арбитражных судов.

Структурно Арбитражный Суд Чеченской Республики состоит из коллегии по рассмотрению споров, возникающих из административных правоотношений, и коллегии по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений. К их компетенции относится рассмотрение всех дел в первой инстанции, которые подведомственны арбитражным судам в Российской Федерации. Арбитражный Суд Чеченской Республики изучает и обобщает судебную практику, анализирует судебную статистику, разрабатывает предложения по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов.

Арбитражным Судом Чеченской Республики только за 1 год своей деятельности было разрешено 149 дел, в 2007 г. их количество достигло 1456. За 5 месяцев 2008 г. разрешено 597 дел, т. е. почти столько же, сколько за весь 2006 г. Лишь за период с 2003 по 2008 г., т. е. за 5 лет, было разрешено более 4500 дел²³.

Сравнительный анализ работы данного суда за 2003 и последующие годы свидетельствует о следующих показателях: в 2003 г. – 149 дел, в 2007 г. их количество достигло уже 1456 дел. Увеличение числа обращений в Арбитражный Суд является безусловным показателем функционирования судебной системы, роста доверия населения к ней²⁴.

В Российской Федерации за последние десять лет существенно обновилось законодательство, определяющее судостроительство, судопроизводство в российских судах, статус судей, а также законодательство, применяемое при рассмотрении конкретных дел.

При модернизации законодательства, регулирующего судебную власть, не изменяется главное, во имя чего она существует, – это обеспечение защиты гарантированных Конституцией Российской Федерации прав граждан и

юридических лиц. Отправление правосудия – это сложный, последовательный процесс принятия законного, обоснованного и окончательного решения, исходя из того, что суд является последней инстанцией в обеспечении прав и интересов граждан Российской Федерации.

Вопрос комплектования судов Чеченской Республики профессионально подготовленными судьями и работниками аппаратов судов республики является главной, не теряющей своей актуальности проблемой, требующей компетентного комплексного решения, основанного на анализе исторического прошлого и настоящего.

Нормативно-правовое закрепление деятельности Конституционного Суда Чеченской Республики берет свое начало с принятием 24 мая 2006 г. Республиканского конституционного закона «О Конституционном Суде Чеченской Республики» № 2-РКЗ (с изменениями и дополнениями, принятыми республиканскими конституционными законами от 25 августа 2006 г. № 5-РКЗ «О внесении изменений и дополнений в Конституционный Закон Чеченской Республики», № 2-РКЗ 24.05.2006 г. «О Конституционном Суде Чеченской Республики», 6 октября 2006 г. № 6-РКЗ, 15 ноября 2006 г. № 8-РКЗ и 14 июля 2008 г. № 1-РКЗ).

Конституционный Суд Чеченской Республики состоит из 5 судей. Полномочия судьи Конституционного Суда Чеченской Республики не ограничены определенным сроком. Предельный возраст пребывания в должности судьи Конституционного Суда Чеченской Республики – семьдесят лет²⁵.

Конституционный Суд Чеченской Республики относится к судам субъекта Российской Федерации, следовательно, его финансирование осуществляется за счет бюджета Чеченской Республики²⁶.

В результате исследования нами установлено, что граждане Чеченской Республики практически не обращаются в Конституционный Суд Чеченской Республики, и ситуация практически аналогична той, о которой в свое время говорила известный в Дагестане специалист по конституционному праву Д. Пирбудагова: «Конституционный Суд РД на практике не оставался безразличным к нарушениям законности только по той причине, что к нему не обращаются уполномоченные на то органы и лица»²⁷.

В рамках данного исследования особое место, на наш взгляд, занимает изучение становления и дальнейшего функционирования института мировых судей. В 2008 г. началось формирование института мировой юстиции в Чеченской Республике. На должности мировых судей Квалификационной коллегией судей Чеченской Республики на тот период были рекомендованы 58 человек, из них Постановлением Парламента Чеченской Республики были назначены 39 человек.

В соответствии со ст. 101 Конституции ЧР мировые судьи являются судьями общей юрисдикции Чеченской Республики и входят в единую судебную систему Российской Федерации. Полномочия, порядок деятельности мировых судей и порядок создания должностей мировых судей устанавливаются федеральными законами, а порядок их деятельности – также законами Чеченской Республики (См. Сатуев А.А. Ук. соч.)

В соответствии с ч. 4 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.96 г. «О судебной системе Российской Федерации» мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и представляют республиканскую судебную власть, но при этом входят в единую судебную систему Российской Федерации и обладают единым статусом с другими судьями. В соответствии с законодательством Российской Федерации отбор кандидатов на должность мирового судьи Чеченской Республики осуществляется на конкурсной основе. Парламент Чеченской Республики в течение тридцати дней со дня поступления представления Президента Чеченской Республики принимает решение о назначении представленной кандидатуры на должность мирового судьи либо об отклонении данной кандидатуры согласно Закону о мировых судьях в Чеченской Республике (в ред. Закона ЧР от 27.07.2010 г. № 28-РЗ).

В пределах своих полномочий мировые судьи рассматривают уголовные дела о преступлениях небольшой тяжести, большую часть гражданских и административных дел.

На территории Чеченской Республики создано 66 мировых участков. Создание судебных участков и должностей мировых судей регулируется Законом Чеченской Республики от 18 марта 2008 г. № 5-НР «О создании судебных участков и должностей мировых судей в Чеченской Республике», Законом Чеченской Республики от 19 марта 2008 г. № 7-РЗ «О создании судебных участков и должностей мировых судей в Чеченской Республике». Порядок прекращения, приостановления полномочий мирового судьи регулируется Законом о мировых судьях в Чеченской Республике (в ред. Закона ЧР от 27.07.2010 г. № 28-РЗ)²⁸.

Федеральное законодательство о мировых судьях является базой для развития законодательства субъектов Российской Федерации. В Чеченской Республике Закон «О мировых судьях в Чеченской Республике» № 28-РЗ был принят 27.09.2006 г. и вступил в действие с 1 января 2007 г. Его структура в основном соответствует структуре аналогичного акта федерального уровня. На сегодняшний день в Чеченской Республике функционирует 66 судебных участков и столько же мировых судей, а в других регионах Российской Федерации, к примеру: на 2002 г. в Омской области на 97 судебных участков не было ни одного мирового судьи, в г. Москва – 384 судебных участка и 27 мировых судей, в Ленинградской области – 75 судебных участков и 9 мировых судей²⁹. Отметим также определенное своеобразие в законодательном регулировании функционирования деятельности мировых судей. Оно состоит в том, что полномочия, порядок деятельности мировых судей, порядок наделения и прекращения их полномочий регулируются Конституцией Российской Федерации, Конституцией Чеченской Республики, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. № 1-РКЗ (в редакции от 05.04.2005 г.) и «О Конституционном суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в редакции от 05.04.2005 г.), Законом Российской Федерации «О статусе судей» от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в редакции от 05.04.2005 г.), федеральным Законом «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ (в

редакции от 05.04.2005 г.), законом «О мировых судьях в Чеченской Республике» № 28-РЗ (был принят 27.09.2006 г. и вступил в действие с 1 января 2007 г.) и др.

Порядок же осуществления правосудия мировыми судьями определяется федеральным законом. Вместе с тем, в части, касающейся осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях, данный порядок может устанавливаться также законами Чеченской Республики, последнее объясняется тем, что согласно ст. 72 Конституции РФ, которая относит административное и административно-процессуальное законодательство к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Организационное обеспечение деятельности мировых судей осуществляется Управлением судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в Чеченской Республике.

Возникновение и успешное функционирование мировых судов как в Чеченской Республике, так и в целом по стране является существенным эффективным фактором судебного реформирования.

С появлением мировых судов на территории Чеченской Республики уменьшилась загруженность федеральных судей районных судов. Только за 1-е полугодие 2009 г. общее число рассмотренных дел мировыми судьями Чеченской Республики составило 20206, уголовных – 244, гражданских – 13628, административных – 5084³⁰. Для сведения – в Российской Федерации в 2003 г. мировые судьи рассмотрели около 288 тыс. уголовных дел. В этом же году мировыми судьями в целом по стране было рассмотрено 2 млн. 995 тыс. гражданских дел, что составляет 55% от общего их числа, рассмотренных судами общей юрисдикции всех уровней (тогда как в 2001 г. мировые суды рассмотрели всего 24% гражданских дел). Значительный рост числа обращений граждан в мировые суды является объективным показателем растущего доверия населения к судебной власти³¹. В то же время появление мировых судей позволяет сосредоточить внимание федеральных судов на рассмотрении дел значительной сложности, имеющих повышенное общественное значение.

В г. Грозный, который территориально состоит из 4 районов, функционируют 18 судебных участков. Наибольшее число судебных участков после столицы Чеченской Республики находится в Гудермесском и Грозненском районах – по 6 судебных участков, наименьшее количество судебных участков в 3 районах Чеченской Республики – Шатойском, Шаройском, Итум-Калинском районах – по 1 судебному участку.

Обращаясь к историческим сведениям мировых судов на территории Терской области, следует отметить, что в 1871 г. число участковых мировых судей было 8, а к 1914 г. их число достигло 15³².

В связи с тем, что федеральное законодательство не препятствует установлению субъектами дополнительных требований к мировым судьям, на наш взгляд, учитывая некоторые национальные особенности, необходимо включить в соответствующий закон Чеченской Республики некоторые новые положения. В частности, о языке судопроизводства и делопроизводства, поскольку для местных судов (а мировой суд является местным) этот вопрос имеет важное значение.

Мы предлагаем внести пункт об обязательном месте проживания судьи на территории района, где он работает или будет работать. Объясняется это тем, что знание обстановки на местах позволит принимать действительно справедливые решения.

Для Чеченской Республики наличие мировых судов имеет важное значение, поскольку оно эффективно способствует укреплению законности и правопорядка в Чеченской Республике и при этом является фактором, влияющим на укрепление единой судебной системы в целом по Российской Федерации.

В результате исследования установлено, что с введением института мировой юстиции в Чеченской Республике нагрузка на районные суды значительно уменьшилась, все дела об административных правонарушениях (за исключением лишь некоторых), уголовные дела, наказание по которым не превышает трех лет лишения свободы, и подавляющее большинство гражданских дел рассматриваются мировыми судьями.

До 2010 г. Чеченская Республика была единственным субъектом Российской Федерации, где не был создан, а следовательно не функционировал суд присяжных. Однако с 22 января 2010 г. в Чеченской Республике суды присяжных считаются сформированными. В основной список вошли 6040 кандидатов, в запасной – 1200 человек.

Среди причин столь длительного отсутствия в Чеченской Республике суда присяжных являлось отсутствие избранных органов муниципальной власти. Согласно российскому законодательству именно они обязаны формировать коллегию присяжных заседателей.

В сформированный суд присяжных в Чеченской Республике вошли представители самых различных слоев населения, к примеру, в их числе есть люди, в свое время пострадавшие от действий членов незаконных вооруженных формирований. Введение суда присяжных в Чеченской Республике стало заключительным этапом в повсеместном установлении в Российской Федерации данного института.

С введением суда присяжных в Чеченской Республике процесс структурного возрождения судебной системы в Чеченской Республики в соответствии с федеральным законодательством завершен.

Важным событием в общественно-политической жизни Чеченской Республики стало принятие решения об отмене контртеррористической операции. Национальный антитеррористический комитет 16 апреля 2009 г. отменил режим контртеррористической операции (КТО), действовавший в Чечне с 1999 г.³³. Отмена режима позволила Чеченской Республике окончательно завершить процесс перехода из поствоенного состояния в режим устойчивого мирного развития.

Чеченская Республика, пережившая множество политических и военных потрясений, вместе с тем, сумела за короткий период восстановить судебную систему в соответствии с российским законодательством. Развиваясь в едином российском правовом пространстве, где судебное реформирование из года в год набирает силу, Чеченская Республика, по нашему убеждению, должна также

активно включаться в этот процесс. В частности, необходимо начать практическое внедрение института ювенальных судов.

Восстановление судебной системы в Чеченской Республике способствовало формированию в чеченском обществе устойчивого понимания судебной защиты его прав и интересов.

Использованная литература и источники

1. Исамагомедов А.М. Становление и развитие судебной власти в Дагестане. Махачкала, 2007. С. 110.

2. См.: Указ Президента РФ 23 сентября 1999 г. № 1255 сс. «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации».

3. Контртеррористическая операция в Чечне 1999 – 2009 гг. Справка Url.: http://www.rian.ru/defense_safety/20090326/166106234.html (дата обращения – 15.02.2010 г.).

4. См.: Электоральный паспорт Чеченской Республики. Грозный. Б/г. С. 31.

5. Гапуров Ш. А. Конституционные процессы и восстановление научного потенциала Чеченской Республики. Материалы республиканской научно-практической конференции «Конституция – основной закон Чеченской Республики». Грозный, 2008. С. 99.

6. Парламенту Чеченской Республики – 5 лет. Грозный, 2012. С. 119.

7. Первые местные выборы в Чечне после распада СССР. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://inotv.rt.com/2009-10-12/> Pervie-mestnie-vibori-v-Chechne.

8. Абдурахманов Д. Б. 23 марта 2003 г. - принятие Конституции ЧР и начало конституционного процесса на территории Чеченской Республики. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.mvdchr.ru/rus/chechennews/856.html>. См.: Сайдумов Д.Х. Чеченская Республика: уникальный опыт борьбы с международным терроризмом и экстремизмом (от возрождения к развитию в начале XXI в.). Евразийский юридический журнал. № 7 (98) 2016. С.275-295.

9. См.: Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. Приложение № 9. М., 2001. С. 322–3268; Горшкова С.А. Европейские нормы по правам человека и усилия России по их соблюдению // «Журнал российского права». 2001. № 11. Url.: http://www.jursites.ru/gorshkova_evropeiskie_normy_p.html. См.: Торкунова Е. А. Правовая основа реализации конституционного права российских граждан на судебную защиту в Европейском суде. Дисс... к.ю.н. М., 2002.

10. См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике в 2006 г. Грозный, 2007. С. 36–37.

11. См.: Там же. Приложение №10. С. 327–334; Url.: http://www.jursites.ru/gorshkova_normy_p.html (дата обращения – 10.02.2009 г.). См.: Так же Торкунова Е. А. Указ.соч.

12. См.: Гусев А.В. Пять лет... Для истории мгновение. Для Чечни – целая вечность. Url.: http://usd.chn.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&id=1 (дата обращения – 14.03.2010 г.).

13. См.: Встать! Суд идет в Чечню. Стенограмма пресс-конференции в «Московском комсомольце», 19.10.2005. Url.: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/10/m49512.htm> (дата обращения – 09.11.2008 г.).

14. См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2001 г. № 96 «О федеральной целевой программе восстановления экономики и социальной сферы Чеченской Республики в 2001 г.» (в ред. Постановления Правительства РФ от 23.10.2001 № 739).

15. Там же.

16. Там же.

17. См.: Конституция Чеченской Республики, 2003. Грозный: ИПК «Грозненский рабочий», 2005.

18. См.: Сайдумов Д.Х. Комментарий к главе 7 «Судебная власть, прокуратура, адвокатура и нотариат» Конституции Чеченской Республики // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 2 (15). С. 200–207.

19. Бабакин А. Деятельность военных судов сегодня носит правозащитный характер // Независимое военное обозрение. 03.12.2004.

20. Алиев Т. Грозненский военный гарнизонный суд вынес уже 600 приговоров. Prague Watchdog. Url.: <http://www.watchdog.cz/?show=000000-000008-000001-000376&lang=2> (дата обращения – 10.06.2010 г.).

21. См.: ФЗ № 121 от 8 октября 2002 г. О создании Грозненского гарнизонного военного суда и упразднении Норильского гарнизонного военного суда.

22. См.: Арбитражный суд Чечни празднует пятилетие со дня воссоздания. Url.: <http://www.regions.ru/news/location01789/2148376> (дата обращения – 10.07.2009 г.).

23. См.: Арбитражный суд Чечни празднует пятилетие со дня воссоздания. Url.: <http://regions.ru/news/location01789/2148376/> (дата обращения – 11.06.2008 г.).

24. См.: По материалам Сайта Правительства Чеченской Республики. Url. <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=180> (дата обращения – 15.03.2008 г.).

25. Органы конституционного контроля субъектов Российской Федерации. Url.: http://www.ksrf.ru/Info/External/Pages/KS_subjects.aspx (дата обращения – 12.05.2009 г.).

26. Сайдумов Д.Х. Комментарий к главе 7 «Судебная власть, прокуратура, адвокатура и нотариат» Конституции Чеченской Республики // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 2 (15). С. 200–207.

27. См.: Пирбудагова Д.Ш. Институт конституционного контроля в Республике Дагестан: Дисс... к.ю.н. М., 2002.

28. Сайдумов Д.Х. Комментарий к главе 7 «Судебная власть, прокуратура, адвокатура и нотариат» Конституции Чеченской Республики // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 2 (15). С. 205.

29. Степанов В. Проблемы реализации Федерального закона о мировых судьях и пути их решения // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 42.

30. По материалам статистической отчетности по рассмотренным делам мировыми судьями Чеченской Республики за первое полугодие 2009 г.

31. Радченко В.И. Судебная реформа. Современный этап // Ж. «Право и безопасность». 2004. № 3 (12).

32. См.: Зозуля И.В. Страницы истории становления и развития «Мировой юстиции» Северного Кавказа в дореволюционной России. Мировая юстиция России: проблемы теории и практики (к 140-летию со дня введения института мировых судей на Ставрополе) / Материалы всероссийской научно-практической конференции (20–21 ноября 2008 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. Таблица 1. Личный состав мировых судов на Северном Кавказе. С. 73.

33. См.: Загорец Я. Светлое будущее. Кадыров все-таки добился отмены режима контртеррористической операции в Чечне. Url.:<http://www.lenta.ru/articles/2009/04/17/chechnya/> (дата обращения – 18.04.2009 г.).

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ НА ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

А

агIонаш ю ~ стороны; **лехам-девне** ~ стороны в гражданском судопроизводстве; **зулам-девне** ~ стороны в уголовном судопроизводстве

амат д; **аматаш** д; **аматан**, **аматна**, **амато**, **амате** ~ облик, черта, примета, отличительная особенность

аьлларг д; **аьлларш** д; **аьллагун**, **аьллагунна**, **аьллачо**, **аьллачуьнга** ~ высказывание; ~деш доцу непокорный; ~ **цадар** ~ неповиновение

Б

бакь-агIо ю ~ правая (объективная) сторона; сторона, руководствующая законом; сторона, обладающая законным правом

бакьонца бина барт б ~ законный договор

бакьтал боцу кхерам ~ нереальная угроза

бакь-гIиллакх д; **бакь-гIиллакхаш** д; **бакь-гIиллакхан**, **бакь-гIиллакхна**, **бакь-гIиллакхо**, **бакь-гIиллакхе** ~ обычай (источник права; правовой или истинный, национальный обычай)

бакьдерг д; **бакьдерш** д; **бакьдолчун**, **бакьдолчунна**, **бакьдолчо**, **бакьдолчуьнга** ~ истина

бакьдолу ~ истинный, действительный, вещественный

бакьдоцург д; **бакьдоцурш** д; **бакьдоцун**, **бакьдоцунна**, **бакьдоцучо**, **бакьдоцучуьнга** ~ неправда

бакь-кхиэл ю; **бакь-кхиэлан**, **бакь-кхиэлана**, **бакь-кхиэло**, **бакь-кхиэле** ~ правосудие

бакьонца йобзна нийсо ю ~ справедливость

бакьо ю; **бакьонаш** ю; **бакьонан**, **бакьонна**, **бакьоно**, **бакьоне** ~ право; **нехан цхьатерра** ~наш хилар ~ равноправие граждан; **шайн** ~нел я даржел **тIехвийлар** ~ превышение власти или служебных полномочий; ~**яларан кьепе** ~ разрешительная система; ~**а йоцуш**, **шеггара**, **шкна сийлаллин я бIаьхочун даржац йобзна цIе кхоллар**, **я ша-шен пачхьалкхан даржехь нисвар** ~ самовольное присвоение звания или власти должностного лица; ~**йоцуш**, **шеггара**, **латта лацар а**, **гIишлош яр а** ~ самовольный захват земли и самовольное строительство; ~**йоцуш**, **шеггара**, **хIусам чох дIалацар** ~ самоуправное занятие помещения; **пачхьалкхан ницкьашца ларьен** ~ право, обеспеченное силами и средствами государства; власть закона ~**нийн кехат** ~ юридический документ; ~**алсам хилар** ~ правовой приоритет; ~**нан кьастамзалла**, **билгалзалла** ~ неопределенность права (правовая неопределенность)

бакьонийн хьосташ ю ~ источники права

бакьонцара барам б (Иедал) ~ правовая норма

барт б; **берташ** б; **бертан**, **бартана**, **барто**, **барте** ~ договор, сделка, соглашение; **харц** ~ недействительная сделка; ~ **баран кьепе** ~ порядок заключения договора (сделки, соглашения); ~ **баран**, **кхочушбаран я бохоран оздангалла** ~ культура составления, исполнения и расторжения договора; ~

бохо бахъанаш ~ основания для признания сделки недействительной; **бертан билламаш** ~ условия договора (сделки, соглашения); **бертан Іалашо** ~ предмет договора

барт бохор *д* ~ расторжение договора; **хІусам чу витаран** ~ расторжение договора найма жилого помещения; **~ан билламаш** ~ условия расторжения договора (сделки, соглашения); **~ан кеп** ~ форма расторжения договора (сделки, соглашения); **~ан къепе** ~ порядок расторжения договора (сделки, соглашения)

барт бохорна доккху гІуда *д* ~ неустойка

барт харцхиларан билламаш *б* ~ условия недействительности договора (сделки, соглашения)

барт цахилар *д* (барт бацар) ~ разногласие

бахам *б*; **бахамаш** *б*; **бахаман, бахамна, бахамо, бахаме** ~ 1) недвижимое имущество, недвижимость; 2) хозяйство

бертан Іалашо *ю* ~ предмет договора (сделки, соглашения)

бехказваккхаран агІо *ю* ~ сторона защиты

бехказаллин презумпци *ю* (лат.) ~ презумпция невиновности

бехказаллин тешораш девне дахкаран таронаш *ю* ~ возможности приобщения к делу оправдательных доказательств

бехказаллин тешораш зулам-девнехъ тІечІагІдайтаран бакъо *ю* ~ право требования о закреплении оправдательных доказательств в уголовном деле

бехказаллин тешораш зулам-девнехъ тІечІагІдаран къепе *ю* ~ порядок закреплении оправдательных доказательств в уголовном деле

бехказаллин тешораш лехам-девнехъ тІечІагІдайтаран бакъо *ю* ~ право требования о закреплении оправдательных доказательств в гражданском деле

бехкалла *ю* (бехке хилар) ~ виновность

бехке (корта-мукъа) ~ неприкосновенный (находящийся под защитой закона)

бехкевар *д*; **бехкеварш** *д*; **бехкеваран, бехкеварна, бехкеваро, бехкеваре** ~ обвинение

бехкеваран агІо *ю* ~ сторона обвинения

бехкевархо кхиэле кхайкхаран къепе *ю* ~ порядок приглашения на суд обвинителя

бехкевен ~ обвинительный

бохамхо кхиэле кхайкхаран къепе *ю* ~ порядок вызова потерпевшего в суд

бухбацаралла *д* ~ неосновательность

Іаьхойн кхиэл *ю* ~ военный трибунал

В

вадар *д* (лаьцначуьра) ~ побег

валор ~ привод; **нуьцкъала** ~ насильственный привод

векал *в, ю*; **векалш** *б*; **векалан, векална, векало, векале** ~ представитель, посол

векалалла *ð* ~ представительство; **кхиэলেখь ден** ~ представительство в суде; **зулам-дов къастор даредарехь** ~ представительство в уголовном процессе; **кхечу пачхьалкхан** (*кхечу пачхьалкхан векали*) ~ представительство другого государства; **кхечу пачхьалкхехь** ~ дар ~ представительство в другом государстве

верасалла *ð* (*бус. шерет*) ~ наследственность

верас ларар *ð* ~ признание наследником

Г

гайтамалла *ð* ~ наглядность

гучудаккхар *ð* ~ раскрытие

ГІ

гІиттарш *ð* ~ беспорядки

гІуда такха ~ уплатить штраф

гІуллакхлелор *ð* ~ делопроизводство

гІуллакх тІеталлар *ð* ~ дополнительное расследование

гІуллакх цадовзар *ð* ~ непосвященность в дело

Д

дагаваларан дош *ð* ~ совещательный голос

тІаьхъара ца йолу ойла ~ неотступная мысль

дагахь хІума долуш ~ с умыслом

данза цавалар *ð* ~ крайняя необходимость

даредар *ð*; **даредарш** *ð*; **даредаран, даредарна, даредаро, даредаре** ~ процесс

дІахайтар *ð* ~ предупреждение

дІахьедар *ð*; **дІахьедарш** *ð*; **дІахьедаран, дІахьедарна, дІахьедаро, дІахьедаре** ~ заявление

девне гІуллакх накъостийн кхиэле диллар *ð* ~ передача дела на рассмотрение товарищеского суда

дерзор *ð*; **дерзораш** *ð*; **дерзоран, дерзорана, дерзоро, дерзоре** ~ заключение

дІаяккхалур йоцу бакъо *ю* (*схъаяккхалур йоцу бакъо*) ~ неотъемлемое право

Е

ерриг а ю; ерраш а ю; ерригенан а, ерригенна а, ерригено а, ерригене а ~ совокупность, все, полностью; ~ **кхелаш** ~ совокупность приговоров; **дерриге а зуламаш** ~ совокупность преступлений

Ж

жоп дала ~ дать ответ; нести ответственность

З

закъалтах схъахеца ~ освободить под залог

зен меттах **лоттор тедиллар** *д* ~ обязательство, возникающее из причинения вреда

зуламалла *д* ~ преступность; ~ **юадаккхар** ~ предупреждение преступности

зулам-девнийн аг **лонаш ю** (*зулам-дов даредарехь йолу аг* **лонаш**) ~ стороны в уголовном процессе

зулам-дов талларн къепе ю ~ порядок расследования уголовного дела

зулам талларан г **уллакх хьадар** *д* (*зуламан дов хьадар*) ~ возбуждение уголовного дела

Й

йар-йаккхар (*дар-даккхар*) *д* ~ производство

К

кархдолуш хилар ~ наличие способности совершить какие-либо действия

кеп ю; **кепаш ю**; **кепан**, **кепана**, **кепо**, **кепе** ~ форма; **~е дало** ~ привести в форму; оформить

Кх

кхчам боллуш, **шеен хеннахь**, **ц** **енна** (*бус. хьанал*) **бертан цхьаццайолу аг** **лонаш кхочуш цаярна жьопе озоран къепе ю** ~ порядок привлечения к ответственности за недобросовестное, несвоевременное и некачественное исполнение отдельных пунктов договора (*сделки, соглашения*)

Л

Лаккхара б **лаьхойн кхиэл ю** ~ Главный военный трибунал

Лаккхара Кхиэл ю ~ Верховный Суд

лар ю; **лараш ю**; **лоран**, **лорана**, **лоро**, **лоре** ~ след

ларт **ге далийна** ~ приведенный в норму

ларъяза бакъо ю ~ незащищенное право

лахар *д* ~ розыск

М

махкахваьккхинарг в, ю; **махкахбаьхнарш б**; **махкахвоккхучун**, **махкахвоккхучунна**, **махкахвоккхучо**, **махкахвоккхучуьнга** ~ ссылаемый

маршонах ваккхар *д* (*чуволлар*) ~ лишение свободы

мегар доцург *д* (*йиш йоцург, амал доцург, таро йоцург*) ~ недопустимое

мехк урхалла ю ~ правительство (дословно ~ главное управление страной)

мехк-кхиэл ю; **мехк-кхиэлаш ю**; **мехк-кхиэлан**, **мехк-кхиэлана**, **мехк-кхиэло**, **мехк-кхиэле** ~ конституционный суд (дословно ~ суд страны)

мехк-ледал *д* ~ законодательство

Н

нап **галла** *д* ~ иждивение

нах б; **нехан**, **нахана**, **наха**, **нахе** ~ граждане

нийсо цахилар *д* (*бакъонийн нийсазалла*) ~ неравенство (в правах)

Оь

оьзда ~ нравственный (достойный, ответственный, честный, порядочный)

П

пачхьалкхана угаре а зуламе дерг лело вовшахтоьхна гIуллакх д ~организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений

пурба д; пурбанаш д; пурбанан, пурбанна, пурбано, пурбане ~ разрешение

С

сацам б; сацамаш б; сацаман, сацамна, сацамо, сацаме ~ постановление; **мехка-урхаллин кхеташонан** ~ постановление кабинета министров; **кхиэлан** ~ постановление суда; **талламхочун** ~ постановление следователя; **куьйгалхочун** ~ резолюция; **гуламан** ~ резолюция съезда

Т

таллам б; талламаш б; талламан, талламна, талламо, талламе ~ расследование; анализ; исследование; **~ан тоьшалла** ~ протокол (расследования); **тIекхиарца а, ~ца а йоьзна йолу кьайле гучуяккхар** нарушение тайны дознания и следствия; **~ан эксперимент** (*хилларг толлуш, юхаметтаxломттор*) следственный эксперимент; **талламна кечам барехь ~ан кхеташо ю** ~ распорядительное заседание суда

тешаман хIуманна тIехьажор д (*тIетовжар*) ~ ссылка на вещественное доказательство

толлуш хьажар д ~ осмотр

тоьшаллина тIехьажор д (*тIетовжар*) ~ ссылка на документ

ТI

тIевогIург хиларан чIагIо ю ~ подписка о явке

тIекхиархойн (*сурахойн*) **декъан сацаман кеп ю** ~ форма постановления органа дознания

У

уггаре а кIезига болу кхерам б ~ наименьший риск

Уь

уьйр хилар д ~ наличие отношения

Х

хаамбар масд. ~ сообщение, уведомление, извещение

хаамаш буьззина цахилар д ~ неполнота сведений

харц-кхиэл ю (*бакъ йоцу кхиэл*) ~ неправый суд

харц-мотт б ~ ложный, двусмысленный, лицемерный язык

харционна тардар д ~ подделка

хийцаран барт б ~ договор обмена

Хь

хъажо ~ направить; **лакхарчу кхиэле** ~ направить в вышестоящий суд

хъукме тӔхъажар *д* ~ административный надзор

хъукме лацар *д* ~ административный арест

хӀумма а дагахь цахилар *д* ~ отсутствие всякого умысла

Ц

ца ваьлла дайтар *д* ~ принуждение

ца хууш адам дер *д* ~ неумышленное убийство

цахьа Ӏалашо йолу Ӏедалан дакъа *д* ~ отрасль права

ЧӀ

чӀаӀдар *д*; **чӀаӀдарш** *д*; **чӀаӀдаран**, **чӀаӀдарна**, **чӀаӀдаро**, **чӀаӀдаре**
~ утверждение, заверение; **бохамхочун** ~ утверждение потерпевшего

Ш

ша-шен ларван Ӏедало лун бакьо *ю* ~ право на законную самозащиту

Э

эрна бехкевар *д* ~ напрасное обвинение

Ю

юкъадаккхар *д* ~ внесение

юкъадалор *д* ~ включение

юкъараллин къепе *ю* ~ общественный порядок

юх-юха зуламаш дар *д* (*юх-юха а тайп-тайпана зуламаш дар*) ~
повторность преступлений

Ӏ

Ӏадат *д*; **Ӏадаташ** *д*; **Ӏадатан**, **Ӏадатна**, **Ӏадато**, **Ӏадате** (*Ӏаьрб. шира Ӏедал; шира гӀиллакх*) ~ адат, обычное право, неписанный закон

Сост. на основе Чеченско-русского, русско-чеченского словаря юридических терминов (2247 терминов) Абдурашидова Э.Д. (Грозный, 2010).

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИИ ВАЖНЫХ СОБЫТИЙ

6 октября 1783 г. – происходит жестокое сражение чеченского ополчения с войском генерала П. Потемкина (племянник Г. Потемкина) на Чеченской равнине. 27 октября оп. силы вернулись на левый берег Терека*.

15 ноября 1784 г. – сообщение о поездке ингушской делегации в чеченские селения, «чтобы сделан, мир».

12 – 13 февраля – 8 марта 1785 г. – землетрясение на Северном Кавказе. 8 марта следует первое сообщение генерал-майора Пеутлинга о появлении мусульманского «святого» (Мансур) в ауле Алды.

март 1785 г. – июнь 1791 г. – Освободительная война горцев Чечни и Северного Кавказа против царских колонизаторов под руководством имама и шейха Мансура.

весна 1785 г. – успешная пропаганда шейхом Мансуром своих идей в среде чеченского и кумыкского «народа». Распространение его учения в Кабарде и Дагестане.

апрель 1785 г. – сообщение коменданта Владикавказа подполковника Матцена, что с выступлением шейха Мансура в Чечне начались волнения и в Осетии.

5 мая 1785 г. – указ императрицы Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества (именовалось и губернией) с включением в него Астраханской области. В 1802 г. губерния была разделена на 2 области – Кавказскую (позже Ставропольская) и Астраханскую (южная граница наместничества проходила по левому берегу Терека).

6 июля 1785 г. – разгром чеченцами отряда полковника Пиери у аула Алды. Убито 300 солдат, 9 офицеров, в т. ч. Пиери, взято в плен около 200 чел., в том числе и прапорщик П.И. Багратион, будущий герой Отечественной войны 1812 г.

15 июля 1785 г. – первая осада шейхом Мансуром крепости Кизляр. Взятие повстанцами Каргинского редута.

Конец июля 1785 г. – массовый переход «черного народа» в селения Малой Кабарды на сторону Мансура. Героическая попытка войск Мансура штурмом взять укрепление Григориополис.

19–22 августа 1785 г. – вторая неудачная попытка Мансура взять крепость Кизляр. Отход шейха Мансура от Кизляра и ожесточенный бой с Томским пехотным полком.

октябрь–ноябрь 1785 г. – демонстративные передвижения повстанческих сил Мансура вдоль Терека. Создание здесь угрозы станицам и крепостям Кавказской Линии.

30 октября – 2 ноября 1785 г. – два крупных сражения армии Мансура с русскими соединениями полковника Нагеля в Малой Кабарде с использованием передвижных деревянных щитов для защиты от картечи. В конечном счете Нагель отступил к Моздоку, но Мансур не смог воспользоваться фактической победой.

Первая половина 1786 г. – появление в европейской дипломатической переписке (архив Ватикана) известий о движении горцев Кавказа, возглавляемых «имамом Мансуром, татарским вождем».

Июль-август 1786 г. – начало отхода от шейха Мансура князей, владельцев и старшин различных горских народов и их обращения к царским властям с просьбой о помиловании.

17 января 1787 г. – набег русских сил в плоскостную Чечню под начальством полковников Ретиндера и Савельева. Сражение полковников с горцами на Качкальковском хребте и их отступление.

19 апреля 1793 г. – торжественное принятие ближайших союзников чеченцев – кумыкских князей и шамхала Тарковского в русское подданство. Пожалование шамхалу чина тайного советника с ежегодным жалованьем 6 тыс. рублей.

1794 г. – В Нижегородском драгунском полку в Кизляре начинает службу в чине вахмистра будущий герой Отечественной войны 1812 г. и генерал-майор чеченец Александр (Али) Николаевич Чеченский-Раевский (приемный сын видного военного и государственного деятеля России Н.Н. Раевского).

13 апреля 1794 г. – смерть первого имама горцев Северного Кавказа и Чечни шейха Мансура (Ушурма) в Шлиссельбургской крепости.

26 июня (предположительно) 1797 г. – в селении Гимры (Генуб) Нагорного Дагестана родился Шамиль – будущий имам Чечни и Дагестана.

1798 г. – князь Али Алхасов из владельческой фамилии шамхалов Тарковских основал чеченское селение Али-Юрт на Тереке, напротив станицы Галюгаевская.

1799 г. – усиление чеченских набегов по Тереку в ответ на нападения русских сил. Проведение генералом К.Ф. Кноррингом переговоров с чеченскими старшинами и подписание мирных «статей» о торговле*.

(*Использованы сведения из Истории Чечни с древнейших времен до наших дней. В четырех томах. Т. II. АО «ИПК Грозненский рабочий». 2016. С. 553-584.).

Июнь 1803 г. – Карательная экспедиция генерала Шепелева в Чечню **.

Июнь 1806 г. – Назначение новым главнокомандующим на Кавказе И.В. Гудовича.

20 сентября 1806 г. – Обращение генерала И.В. Гудовича к чеченцам с полуультимативным «Обвещанием».

Апрель, октябрь 1807 г. – Принятие российского подданства 20 чеченскими селениями Большой Чечни.

6 сентября 1807 г. – Поездка Б. Таймиева во Владикавказ для переговоров с русскими властями. Съезд чеченских старшин 104 селений.

Январь 1808 г. – Уход Бей-Булата из русского лагеря и возвращение его в горы.

Январь-декабрь 1808 г. – Начало нападений Бей-Булата Таймиева на русские гарнизоны.

22 августа 1808 г. – В кр. Владикавказ подписан акт о присоединении равнинных ингушей к России.

5 января 1811 г. – Обращение А.П. Тормасова со специальной прокламацией к чеченскому народу.

1 марта 1811 г. – Принятие решения русскими властями о передаче управления чеченцами кордонным командирам.

26 августа 1812 г. – Участие в Бородинском сражении ротмистра Александра Чеченского, позже генерал-майора.

Октябрь 1812 г. По ходатайству Д.В. Давыдова и по личному распоряжению М.И. Кутузова А. Чеченский вторично награжден боевым орденом.

Конец 1812 г. – начало 1813 г. – Тысячи кавказских горцев – черкесы, кабардинцы, чеченцы и другие выразили готовность вступить в ополчение и в рядах русской армии сражаться с французами.

7 января 1813 г. – Штурм и истребление жителей «деревни Бельской» в Чечне отрядом полковника Эристов.

Сентябрь 1816 г. – Встречи Бей-Булата Таймиева с генералом Ермоловым в Георгиевске и Владикавказе.

25 мая 1818 г. – Прибытие А.П. Ермолова с войсками на Сунжу.

10 июня 1818 г. – Закладка генералом Ермоловым крепости Грозная.

Август 1818 г. – Прибытие в Чечню 1000 аварцев и лезгин во главе с аварским военачальником Нур-Мухамедом на помощь восставшим чеченцам. Сражение с отрядом Вельяминова в окрестностях Старого Юрта.

Октябрь 1818 г. – Завершение строительства крепости Грозная. Переговоры между Бей-Булатом и Грековым в кр. Грозная. Основание ст. Шелковская.

15 сентября 1819 г. – Героическая защита аула Дади-Юрт. Истребление его русскими войсками во главе с генералом Сысоевым.

1819 г. – Карательная экспедиция генерала Ермолова в аулы Большой Чечен, Шали, Герменчук, Автуры, Гелдыген, Майртуп. Апрель 1821 г. Начало общего восстания в Чечне под руководством Бей-Булата Таймиева.

24 мая 1821 г. – Объявление в Майртупской мечети муллы Магомеда Майртупского (Кудуклинского) имамом – духовным вождем Чечни.

Февраль 1822 г. – Истребление полковником Грековым аулов Гойты и Урус-Мартан, Малые Атаги. Сражения между повстанцами и отрядами Грекова в Большой Чечне. Смерть в бою Абдул-Кадыра Герменчукского.

Октябрь 1822 г. – Новые волнения в Чечне.

Начало ноября 1822 г. – Разорение генералом Грековым аулов, расположенных по р. Аргун

11 и 12 февраля 1823 г. – По приказу Грекова истреблены до основания крупнейшие в Чечне селения Шали и Малые Атаги.

1823 г. – Крепостные крестьяне Дубинины, торговавшие грозненской нефтью, впервые в России построили в Моздоке нефтеперегонный завод.

1 января 1824 г. – Встреча Б. Таймиева с генералом Ермоловым в Эрпели при посредничестве Тарковского шамхала. Выступление Б. Таймиева, муллы Магомеда Майртупского и Авки Герменчукского. Провозглашение Авки «временным» имамом Чечни.

Весна 1824 г. – Встреча Б. Таймиева с основоположником учения юридика Магомедом Ярагским в Дагестане. Убийство Бей-Булатом ставленника Ермолова кумыкского князя Мехти-Гирея у аула Старо-Сунженский.

13 сентября 1824 г. – Назначение генерал-лейтенанта Лисаневича начальником Кавказской линии на правах губернатора.

Январь-март 1825 г. – Набеги войск генерала Грекова в Чечню. Разорение аулов Гойты, Урус-Мартан, Гехи. Карательная экспедиция в общество Карабулак.

Конец мая – начало июня 1825 г. – Арест сподвижника Б. Таймиева яндырского старшины Джамбулата Цечоева и его публичное убийство по приказу генерала Ермолова.

Июнь 1825 – 1826 гг. – Всеобщее восстание в Чечне под руководством Бей-Булата Таймиева. Осада русских крепостей.

22 июня 1825 г. – По призыву Бей-Булата и муллы Магомеда на помощь восставшим в Ичкерии прибыли отряды из дагестанских вольных обществ.

25 июля 1825 г. – Второй общечеченский съезд в с. Майртуп. Раскол между руководителями восстания.

7 – 8 июля 1825 г. – Взятие Бей-Булатом укрепления Амир-Аджи-Юрт.

12 июля 1825 г. – Осада Бей-Булатом крепости Герзель-аул.

15 июня 1825 г. – Прибытие генералов Лисаневича и Грекова с отрядом в 3360 чел. и с орудиями на помощь осажденной крепости Герзель-аул.

16 июля 1825 г. – Побоище в кр. Герзель-аул, где было 200 чеченских и кумыкских старшин, погибли генералы Греков и Лисанович.

29 августа 1825 г. – Попытка Бей-Булата взять крепость Грозная.

25 ноября 1825 г. – Попытка Бей-Булата захватить в плен генерала Ермолова у ст. Калиновская.

30 января 1826 г. – Жестокие бои с Ермоловым отряда чеченцев и лезгин на р. Аргун.

28 февраля 1826 г. – Возвращение Ермолова из похода в Чечню на Терек.

Июль 1826 г. – Назначение генерал-майора Эммануэля командиром войск на Кавказской линии.

1827 г. – В с. Ногай-Мирза-Юрт родился первый чеченский историк и этнограф Умалат Лаудаев – автор работы «Чеченское племя».

1829 г. – Рескрипт Николая I главнокомандующему Кавказа И.Ф. Паскевичу «Об усмирении навсегда горских народов или истреблении непокорных».

25 февраля 1830 г. – Начало открытых действий Гази-Магомеда в Дагестане против России.

Весна 1830 г. – Признание Гази-Магомеда имамом Чечни чеченским вождем Б. Таймиевым.

Июнь 1831 г. – Блокада чеченскими отрядами крепости Внезапная.

14 июля 1831 г. – Гибель Бей-Булата Таймиева.

12 – 15 июня 1835 г. – Бои между отрядами подполковника Пулло и Ташу-Хаджи на р. Аргун.

Чеченские предводители Ахверды-Магома, Шоип Цонтароевский, Джаватхан Даргинский присоединились к Шамилю. Ташу-Хаджи признал Шамиля имамом и предложил ему содействие.

29 января 1836 г. – Бой между отрядами Пулло и Ташу-Хаджи у с. Кошкельды.

Апрель 1837 г. – Строительство Ташу-Хаджи укрепления при урочище Ахмат-Тала на правом берегу р. Аксай, вблизи аула Мескеты.

10 мая 1837 г. – Сражение между войсками генерала Граббе и отрядом Ташу-Хаджи у с. Мескеты. Ранение поручика А.Д. Милютин – будущего военного министра России.

31 мая 1837 г. – Отряд генерала Граббе одержал победу над соединенными силами дагестанцев и чеченцев в Гумбете.

Весна 1837 г. – Чеченский предводитель Ташу-Хаджи совершает набеги на Кавказскую линию в целях отвлечь русские силы от Дагестана.

22 августа 1837 г. – Взятие генералом Граббе после героической обороны аула Ахульго. Учреждение царем Николаем I медали «За взятие Ахульго». Побег Шамиля в Чечню.

Конец августа 1837 г. – Авария, гумбетовское, койсубулинское, андийское общества Дагестана отказались повиноваться имаму Шамилю.

Сентябрь 1837 г. – Прибытие Шамиля в селение Беной.

Февраль – март 1840 г. – Всеобщее восстание в Чечне под руководством Шуаиб-муллы Центароевского, Джаватхана Даргоевского, Ташу-Хаджи Саясановского, Исы Гендергеновского.

Начало марта 1840 г. – Чеченский мулла Магомед-Хаджи вместе с Шамилем прибыл в верховья Аргунского ущелья с призывом к чеченцам подняться на газават.

7 марта 1840 г. – Появление Шамиля в Урус-Мартане, его встреча с чеченскими предводителями Исой Гендергеновским и Ахверды-Магомой. Избрание Шамиля имамом Чечни.

5 июля 1840 г. – Взятие отрядами Шамиля и Ташу-Хаджи с. Зубут в Салатавии (Дагестан).

Декабрь 1840 г. – Разделение Чечни на 4 наибства: Мичиковское, Ауховское, Большую и Малую Чечню. Назначение Шуаиб-муллы Центароевского наибом Мичиковского наибства, Джаватхана – наибом Большой Чечни, Ахверды-Магомы – наибом Малой Чечни, Улубия – наибом Ауховского наибства.

Декабрь 1840 г. – Распоряжение Шамиля чеченским наibaм о дружелюбном отношении к беглым солдатам и создание для них приемлемых условий жизни.

1841 г. – Закладка укреплений Закан-Юрт, Казах-Кечу на р. Сунжа. Новое разорение аула Герменчук.

Март 1841 г. – Введение знаков отличия в войсках горцев. Направление Шамилем чеченца Магомеда Киреева (Магомед-Гирея) к закубанцам для согласования совместных действий.

1 – 2 июня 1842 г. – Разгром чеченским наибом Шуаиб-муллой войск Граббе в Ичкерии.

7 сентября 1842 г. – Штурм и взятие чеченским наибом Шуаиб-муллою русского укрепления Цатанах в Дагестане.

Октябрь 1842 г. – Назначение генерал-адъютанта Нейдгардта командиром отдельного Кавказского корпуса. Назначение Юсупа-Хаджи Алдинского наибом Малой Чечни, Исы Гендергеновского помощником наиба Малой Чечни, Суайба Эрсеновского наибом Большой Чечни.

Октябрь 1850 г. – Столкновение чеченского отряда с конвоем наследника российского трона Александра у крепости Ачхой.

Январь – март 1851 г. – Большая зимняя экспедиция царских войск в Чечню.

1 апреля 1851 г. – Вступил в должность начальника Левого фланга Кавказской линии кн. Барятинский.

1853 г. – Ингуши обратились к Главнокомандующему на Кавказе князю М.С. Воронцову с просьбой учредить у них народный суд, аналогичный созданному в крепости Грозная для чеченцев.

Январь 1857 г. – Генералом Евдокимовым взято с. Гелдыген.

3 – 23 ноября 1858 г. – Выселение Галашевских аулов на плоскости.

1 апреля 1859 г. – Взятие аула Ведено – столицы Имамата.

5 апреля 1859 г. – Покорение Чеберлоевского общества.

12 мая 1859 г. – Покорение Ичкерийского общества.

25 августа (по старому стилю) 1859 г. – Взятие Гуниба в Дагестане и пленение имама Шамиля. Окончание Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе.

8 апреля 1860 г. – Образована Терская область.

Середина 1860 г. – Начало восстания в Чечне. Одним из центров становится горный аул Беной.

Восставшие избрали своим предводителем Байсангура.

Ноябрь 1860 г. – Антиколониальная борьба в Чечне приобретает более широкий размах благодаря личным поездкам Умы Дуева и Атаби Атаева по аулам густонаселенного Чантинского наибства с призывом к всеобщему восстанию.

17 февраля 1861 г. – Байсангур Беновский был захвачен в плен и впоследствии казнен в Хасав-Юрте.

1862 г. – В Тифлисе издан на чеченском языке букварь Кеди Досова.

3 января 1864 г. – Шейх Кунта-Хаджи, его брат Мовсар и еще несколько руководителей зикристского движения арестованы в укреплении Шали и этапированы за пределы Чечни.

18 января 1864 г. – У укрепления Шали произошла кровавая трагедия, которая вошла в историю Чечни как «шалинский кинжальный бой».

Апрель 1864 г. – Поездка генерала М. Кундухова в Константинополь для проведения переговоров о переселении горцев Чечни.

25 мая 1865 г. – Кавказское наместничество начало подготовку к массовому переселению чеченцев в Турцию.

24 мая 1865 г. – Попытка восстания в Чечне под предводительством Тоза Акмирзаева.

31 декабря 1869 г. – «Комиссия по разбору личных и поземельных прав горцев Терской области» преобразована во временную «Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» с подчинением ее главному управлению наместника Кавказа.

1870 г. – Наместником Кавказа утверждено «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области».

Январь 1870 г. – Крепость Грозная получила статус города.

8 ноября 1870 г. – В укреплении Ведено была открыта школа.

Декабрь 1870 г. – Распоряжением наместника Кавказа народные суды в Терской области были заменены словесными судами.

1871 г. – Проведены новые территориальные преобразования в Терской области, по которым Чечня разделена вместо 4-х на 3 округа: Грозненский и Веденский; Кумыкский округ переименован в Хасав-Юртовский, с включением в его состав части Нагорного округа с чеченским населением.

7 октября 1877 г. – Последний бой Ума-Хаджи возле аула Шарой Аргунского округа

27 ноября 1877 г. – Предводитель восстания Алибек-Хаджи добровольно сдался в плен начальнику Веденского округа князю Авалову.

4 – 6 марта 1878 г. – В городе Грозный состоялся военно-полевой суд над руководителями восстания, попавшими в руки властей. 11 человек приговорены к смертной казни через повешение – это Алибек-Хаджи Алданов, Дада Залмаев, Ума-Хаджи Дуев и др **.

** Использованы сведения из Истории Чечни с древнейших времен. ФГУП «Грозненский рабочий». Грозный, 2013. Т. III. С. 606-624.

1885 г. – Родился известный чеченский композитор Муслим Магомаев, один из создателей азербайджанской музыкальной культуры, автор опер «Шах-Исмаил», «Нергиз» и произведений «Песни и танцы Чечни», «Чеченская пляска» и др. Умер в 1937 г.***.

1886 г. – Умер видный ингушский просветитель А. Долгиев.

1887 г. – Установление для чеченцев и ингушей «временного налога с мусульман взамен отбывания воинской повинности».

1887 г. марта 21 – В Терской области произведено новое административное деление на Владикавказский, Хасав-Юртовский, Нальчикский и Грозненский округа, Пятигорский и Сунженский отделы.

1888 г. – Посещение Чечни наследником царя и вручение; ему прошения от чеченского народа с жалобой на недостаток земли.

1888 г. июля 14 – Объявление лесов Чечни и Ингушетии казенными.

1889–1968 гг. – Годы жизни чеченского писателя Саид-Бея Арсанова.

1890 г. – Распоряжение начальника Терской области генерала Коханова уничтожить чеченские и ингушские хутора, образованные на арендованных ими землях казачьих станиц.

1890 г. – Родился Гапур Ахриев, видный ингушский революционер, государственный деятель.

1891 г. – Составление Гасаном из Алкадарии «Асары Дагестан».

1891 г. осенью – А.М. Горький работал на строительстве Петровской железнодорожной линии в Ассинском ущелье и написал рассказ «В ущелье».

1891–1966 гг. – Годы жизни ингушского писателя и ученого Д.Д. Мальсагова.

1892 г. – Заложение первой скважины в Грозненском районе нефтепромышленником Русановским.

1892 г. – Родился Н.А. Анисимов, один из партийных организаторов и руководителей грозненского пролетариата.

1892 г. лето – Эпидемия холеры в Терской области.

1892 г. июль – Рабочие на строительстве Петровской железнодорожной линии в знак протеста против жестокой эксплуатации бросили работу.

1893 г. – На первом участке Старогрозненской площадки заложена первая нефтяная скважина.

1893 г. – Завершено строительство железнодорожной магистрали Беслан – Грозный – Порт-Петровск (Махачкала).

1893 г. – Установление памятника князю А.И. Барятинскому в виде каменного портика вблизи березовой рощи в верхнем Гунибе.

1893 г. – Возникновение первой грузинской социал-демократической организации «Месаме даси».

1893 г. май – Введение правительством правила, запрещающего горцам, не состоящим на государственной службе или находящимся в отставке не в офицерских чинах, селиться и владеть недвижимым имуществом в Грозном, слободах Ведено, Шатое, Воздвиженском. Начало выселения горцев из указанного города и слобод.

1893 г. октября 6 – На грозненских нефтяных промыслах ударил первый фонтан нефти, и в Грозном началась промышленная разработка нефти.

1894 г. – Утверждение властями проекта устава акционерного общества «И.А. Ахвердов и К°».

1894 г. сентября 30 – Утверждение командующим Кавказским военным округом «Временного положения о мерах для удержания туземного населения Терской области от хищничества и в особенности от всяких насилий против лиц нетуземного происхождения», т. е. штраф «за доведенные следы похищенного скота до общественного надела».

1894 г. – Установление на высшей точке горы Маяк в верхнем Гунибе памятника в честь действий Апшеронского полка.

1894–1935 гг. – Годы жизни известного ингушского драматурга З.К. Мальсагова.

1894 г. мая 17 – Открытие постоянного движения по железной дороге Петровско-Бакинской ветки.

1895 г. – Создание комиссии для уничтожения чеченских и ингушских хуторов, образованных на арендованных ими землях казачьих станиц.

1895 г. – Уничтожение на арендованных землях Нестеровской, Ассиновской, Фельдмаршальской станиц, чеченских и ингушских хуторов Берешки, Мершет, Нижние Берешки, Алхасты, Футук, Верхние Аршты, Нижние Аршты, Верхний Бамут и др.

1895 г. – Открытие в Грозном отделения Азово-Донского коммерческого банка.

1895 г. – Создание Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Начало пролетарского этапа освободительного движения.

1895–1937 гг. – Годы жизни первого ингушского художника Х.-Б.А. Ахриева.

1895–1943 гг. – Годы жизни чеченского поэта А.И. Нажаева.

1896 г. апреля 9 – 1901 г. октябрь – Генерал-лейтенант князь А.А. Барятинский – военный губернатор Дагестанской области.

1896–1948 гг. – Годы жизни известного ингушского писателя А.С. Гойгова.

1897 г. март – В г. Одессе родился Н.Ф. Гикало, один из видных руководителей грозненского пролетариата.

1897 г. сентября 18 – Родился Асланбек Джамалдинович Шерилов, герой гражданской войны, командир Чеченской Красной Армии. Погиб в бою с белогвардейцами у слободы Воздвиженской 11 сентября 1918 г.

1898 г. – Окончание строительства железной дороги через Порт-Петровск.

1898 г. – Издание в Тифлисе русского перевода «Дербенд-наме» под редакцией М. Алиханова-Аварского.

1898 г. января 1 – Родился известный чеченский писатель Х. Ошаев.

1899 г. – Разрушение властями ингушских хуторов на арендованных ими землях у генерала Костелянова, около селения Гизель и у купца Моздокелова у станиц Архонской и Бекмурзаево.

1900–1958 гг. – Годы жизни чеченского писателя Магомета Сальмурзаева.

1901 г. январь – Отмена подымной поземельной подати и введение государственной оброчной подати со всех «казенных земель, состоящих в постоянном пользовании поселян, кроме казаков и государственный налог со всех прочих земель».

1901 г. март 18 – Отмена ограничения проживания горцев в Грозном.

1901 г. мая 24 – В Грозном проходил суд над Зелимханом Гушмазукаевым, его отцом Гушмазуко Бехоевым. Суд приговорил их на 3,5 года в исправительные арестантские отделения. Зелимхана сослали в Илецкую защиту.

1901 г. летом – Побег Зелимхана с тремя товарищами из Грозненской тюрьмы.

1901 г. – Выход на арену абреческого движения в Чечне Зелимхана Гушмазукаева, жителя с. Харачой Веденского округа.

1902 г. ноября 27 – Ограбление ингушского аула Яндырка казаками ст. Карабулакской.

1902 г. ноябрь – Столкновение между чеченцами и казаками на базаре в с. Шама-юрт из-за попытки казаков отобрать у чеченцев оружие.

1902–1932 гг. – Годы жизни первой поэтессы и актрисы Ф.К. Мальсаговой.

1903 г. – Открытие в Грозном женской гимназии.

1903 г. августа с 15 на 16 – Атаман Сунженского отдела, под видом выявления «самовольно возвратившихся из ссылки» горцев, устроил погром в ингушском ауле Экажево.

1903 г. сентября 15 – Предписание начальника Терской области начальникам участков произвести в аулах внезапные обыски и конфискацию оружия.

1903 г. сентября 18 – В Грозном рабочие кружки слились, создав две партийные организации РСДРП – промысловую и городскую.

1903 г. – Первая рабочая маевка в Грозном.

1904 г. начало – Создание в Грозном партийной организации на правах группы РСДРП.

1904 г. – Открытие в Грозном реального училища.

1904 г. января 27 – Чеченские селения Веденского округа отказались признавать назначаемых администрацией старшин и платить налоги.

1904 г. марта 1 – Объявление среди чеченцев о формировании сотни для отправки на русско-японскую войну.

1904 г. май – Отправка в составе Терско-Кубанского и Дагестанского полков чеченской и ингушской сотни на русско-японскую войну.

1904 г. октябрь – В Грозном основана «Грозненская народная читальня».

1904 г. октября 13 – Восстание чеченской и кабардинской сотен на русско-японском фронте в с. Лацузо в Манчжурии.

1904 г. ноября 5 – Временный военный суд Манчжурской армии в г. Мукдене осудил 13 всадников восставших чеченской и кабардинской сотен, как «зачинщиков». Командиров чеченской сотни Пашу Тасмахилова и кабардинской сотни Залим-Гирея Керефова приговорили «к смертной казни через расстрел».

1904 г. конец – Объединение демократических организаций Терской и Дагестанской областей в Терско-Дагестанский комитет РСДРП.

1904 г. конец – Крестьянские волнения в 60-ти аулах Веденского округа.

1904 г. – Родился С.С. Бадиев – основоположник чеченской советской литературы.

1905 г. января 9 – Кровавое воскресенье в Петербурге.

1905 г. с 27 января по 4 февраля – Забастовка рабочих на промыслах нефтяной фирмы «Ахвердов и К⁰», которая положила начало революции на Тереке.

1905 г. февраль – Восстановление на Кавказе наместничества, упраздненного в 1882 г.

1905 г. февраль – Назначение Воронцова-Дашкова наместником Кавказа.

1905 г. февраль – Объявление 33 аулов Веденского округа мятежными.

1905 г. февраля 16 – Объявление Владикавказской железной дороги на военном положении.

1905 г. апрель-май – Захват жителями с. Сурхохи Назрановского округа казенных усадебных и пахотных земель.

1905 г. – Первая массовая маевка на горе 15-го участка Старых промыслов.

1905 г. мая 3 – Прошение Автуринского сельского общества Грозненского округа на имя наместника Кавказа о нехватке земли.

1905 г. мая 17 – От имени чеченского, ингушского, кабардинского, осетинского народов наместнику подано коллективное прошение о предоставлении горскому населению прав местного сельского самоуправления.

1905 г. мая 18–31 – Забастовка рабочих грозненских нефтяных промыслов.

1905 г. май – сентябрь – Размещение войск в чеченских и ингушских аулах для экзекуции населения.

1905 г. июня 8 – Разгон I Государственной Думы.

1905 г. июня 17 – Выход Грозненской организации РСДРП из состава Терско-Дагестанского комитета РСДРП в знак протеста его меньшевистскому руководству.

1905 г. июнь – Жители аула Долакова отказались платить налоги, захватили канцелярию сельского правления.

1905 г. июнь-июль – Забастовка рабочих Владикавказской железной дороги.

1905 г. конец июня – Прибытие в Грозный представителя наместника Кавказа генерала Михайлова.

1905 г. июля 26 – Делегация ингушского народа вручила наместнику Кавказа «Записку о нуждах ингушского народа».

1905 г. конец июля – Подавление войсками забастовки рабочих Владикавказской железной дороги.

1905 г. летом – По инициативе имущих классов мусульманского населения Северного Кавказа их депутация вручила наместнику петицию с просьбой предоставить ханам и бекам дворянские права и т. д.

1905 г. сентября 17 – В Грозном состоялось совещание учителей области.

1905 г. октября 17 – Абрек Зелимхан в ответ на погром чеченцев, организованный властями на грозненском базаре 10 октября 1905 г., около станции Кади-Юрт остановил пассажирский поезд, расстрелял 17 пассажиров, ровно столько же расстреляли одураченные властями солдаты и казаки на грозненском базаре.

1905 г. середина октября – Забастовка рабочих Владикавказской железной дороги и служащих почтово-телеграфной конторы. Мобилизация более 60 второочередных и третьеоочередных сотен Донского, Кубанского и Терского казачьих войск для подавления революционных выступлений в крае.

1905 г. октября 21 – Высочайший от 21 октября Указ об амнистии за политические преступления, т. е. за участие в революционном движении.

1905 г. октября 24 – Грозненский, Веденский, Хасавюртовский округа объявлены на военном положении и генерал Светлов назначен общим руководителем военными действиями.

1905 г. ноября 3 – Восстание в 82-м пехотном Дагестанском полку в Грозном.

1905 г. ноября 15 – Почтово-телеграфные служащие Терской области присоединились к Всероссийской забастовке почтово-телеграфных служащих.

1905 г. ноября 26-30 – IV конференция Кавказского союза РСДРП в Тифлисе.

1905 г. ноябрь-декабрь – В Грозном создано отделение «Конституционно-демократической партии», куда вошли местные нефтепромышленники и буржуазная интеллигенция.

1905 г. декабря 8 – На станции Грозной состоялось собрание, которое вынесло решение присоединиться к Всероссийской железнодорожной политической забастовке.

- 1905 г. декабря 8-25 – Забастовка грозненских железнодорожников.
- 1905 г. декабря 13 – Антизабастовочный поход казаков на станцию Гудермес и разгром ее.
- 1905 г. декабря 21 – Алагирское вооруженное восстание в Осетии.
- 1905 г. декабря 21 – На сходе в ст. Михайловской (ныне Серноводской) казаки приняли решение присоединиться к борьбе грозненских рабочих.
- 1905 г. декабря 23 – Убийство в с. Барсуки начальника Назрановского округа подполковника Митника при попытке отобрать оружие у встречающих горцев.
- 1905 г. декабря 23 – Терская область объявлена на военном положении, начало репрессий против революционеров.
- 1905 г. декабря 25 – Решение стачечного комитета прекратить стачку и приступить к работе с 26 декабря.
- 1905 г. декабря 27 – Распоряжение временного генерал-губернатора Терской области об отпуске бесплатно для вооружения казачьих станиц 10 тысяч берданок и 1 млн. патронов.
- 1905 г. декабря 8–27 – Всеобщая декабрьская забастовка на Владикавказской железной дороге.
- 1905 г. декабря 30 – Разрешение наместника Кавказа Воронцова-Дашкова генерал-губернатору Колубакину израсходовать 25 тысяч рублей на подкуп и провокации.
- 1905 г. декабрь – Червленское совещание казачьих и горских верхов Кизлярского отдела и Грозненского округа, на котором принят документ, направленный против трудового казачества и горского крестьянства.
- 1905 г. декабрь – С целью обмана общественного мнения наместник Кавказа Воронцов-Дашков создал специальную комиссию по землеустройству Нагорной полосы Терской области и карачаевского народа Кубанской области под председательством чиновника Абрамова (Абрамовская комиссия).
- 1905 г. конец – Приезд Н. Буачидзе во Владикавказ.
- 1905 г. – Захват жителями с. Чишки казенных земель.
- 1905 г. – В Терской области произведено новое административное деление: на Пятигорский, Моздокский, Кизлярский и Сунженский отделы и Владикавказский, Хасавюртовский, Нальчикский, Грозненский, Веденский и Назрановский округа.
- 1905 г. – Открытие публичной библиотеки в г. Грозном.
- 1906 г. января 10 – В Грозном и других городах Северного Кавказа открыты временные военно-полевые суды.
- 1906 г. января 17 – Забастовка рабочих литейно-механического завода Фаниева и мастерских Хохлова.
- 1906 г. январь – Второе Червленское совещание казачьих и горских верхов Кизлярского отдела и Грозненского округа, на котором принят документ, ущемляющий права трудового казачьего и горского крестьянства.
- 1906 г. февраля 16 – Отмена ограничения проживания горцев в Воздвиженской слободе.

1906 г. февраля 17 – Собрание почетных стариков Веденского округа в с. Устар-Гордое (ныне г. Аргун) с требованием убрать начальника Веденского округа полковника Ханжалова.

1906 г. марта 16 – Второе собрание почетных стариков Веденского округа в ст. Устар-Гордой с требованием убрать начальника Веденского округа полковника Ханжалова. Прибывший сюда генерал-губернатор Терской области Колюбакин вынужден был удовлетворить их требование.

1906 г. апреля 4 – Абрек Зелимхан Гушмазукаев убил старшего помощника начальника Грозненского округа подполковника Добровольского.

1906 г. мая 16 – На собрании выборщиков во Владикавказе депутатами в I Государственную думу избраны кадет А. Маслов и от горских народов Терской области – Таштемир Эльдарханов.

1906 г. мая 28–29 – Столкновение между казаками ст. Троицкой и ингушами с. Яндырки. Разгром воинскими частями с. Яндырки.

1906 г. май – июня 13 – Забастовка рабочих нефтяных промыслов Грозного.

1906 г. июня 12 – Выступление Таштемира Эльдарханова на заседании I Государственной думы с разоблачением преступной политики царизма в Терской области.

1906 г. 14 июня – 10 июля – Забастовка рабочих грозненских нефтепромыслов). Бастующие добились удовлетворения почти всех требований (33), предъявленных ими.

1906 г. июня 17 – Телеграмма доверенных лиц чеченского народа председателю Думы Д. Муромцеву с копией членам Думы от Терской области Т. Эльдарханову и А. Маслову и наместнику Кавказа графу Воронцову-Дашкову с требованием «не вовлекать чеченцев в позорную сделку», т. е. в стражники для охраны помещичьих имений в центральные губернии России.

1906 г. июня 25 – Трехтысячный митинг рабочих и делегаций горцев в Грозном с требованием возратить на родину стражников, обманным путем завербованных властями для охраны помещичьих имений в центральных губерниях. Отказ Дагестанского пехотного полка разогнать митинг.

1906 г. июня 27–28 – В Грозном проходил суд над участниками декабрьской забастовки на станции Грозный.

1906 г. июня 27–28 – Выездная сессия Тифлисской судебной палаты предъявила 18 участникам декабрьской забастовки обвинения в «организации вооруженного восстания».

1906 г. июня 28 – Выступление Т. Эльдарханова на заседании I Государственной Думы с требованием прекратить вербовку стражников из горцев Терской области для охраны помещичьих имений в России.

1906 г. июля 9 – Разгон I Государственной думы.

1906 г. июль – Поездка жителя с. Герменчук Хамзатхана Визиева в Ставрополь с решением чеченских сельских обществ, из которых были отправлены стражники, вернуть их домой. Х. Визиев был арестован и заключен в тюрьму.

1906 г. август-декабрь – Карательная экспедиция полковника Галаева в восставшие аулы Веденского округа.

1906 г. октябрь – Забастовка булочников и кондитеров пяти наиболее крупных предприятий Грозного.

1906 г. ноябрь – Перенесение центра местопребывания ТДС РСДРП из Владикавказа в Грозный.

1906 г. декабрь – Конференция Терско-Дагестанского союза (ТДС) РСДРП во Владикавказе для выработки тактики социал-демократических организаций Терской и Дагестанской областей в избирательной кампании во II Думу.

1906 г. декабря 15 – Забастовка рабочих чугунолитейного завода Фаниева.

1906 г. декабря 17–18 – Артиллерийский обстрел восставших чеченских аулов Веденского округа.

1907 г. января 21 – Выборы депутатов во II Государственную думу от Терской области. Были избраны кадет Горбунов и вторично Т. Эльдарханов.

1907 г. марта I – Совет Министров «Особым журнальным постановлением» решил «по примеру прошлого года» всем казакам, находившимся на службе с 1 марта 1907 г., выделить по 75 рублей единовременного пособия.

1907 г. марта 8 – Всеобщая забастовка на грозненских нефтяных промыслах.

1907 г. март – IV конференция Терско-Дагестанского союза в Грозном, на которой был выбран делегат на V съезд РСДРП.

1907 г. май – Раскрытие антиправительственного заговора среди солдат 222-го Шацкого резервного батальона в с. Ведено и арест его организаторов.

1907 г. июня 3 – Роспуск II Государственной думы.

1907 г. июня 6 – По инициативе генерала Коллюбакина во Владикавказе состоялся ингушско-осетинский съезд из представителей национальной верхушки.

1907 г. июня 7 – Опубликование приказа наместника Кавказа Воронцова-Дашкова о введении чрезвычайного положения в крае.

1907 г. июня 15 – Терская область объявлена на военном положении.

1907 г. июнь – Запрет издания в области газет либерального направления «Грозненский торгово-промышленный бюллетень», «Терское эхо», «Пятигорье» и др. Учреждение военного суда в Грозном.

1907 г. июня 19 – Расстрел войсками и полицией политической демонстрации рабочих Старых промыслов.

1907 г. октября 5 – Выборы в III Государственную думу в Терской области. В результате целого ряда казуистических приемов реакционным кругам удалось устранить Т. Эльдарханова от баллотировки.

1907 г. ноябрь – V конференция Терско-Дагестанского союза РСДРП в Грозном.

1907 г. декабря 5 – Нелегальное собрание Грозненской партийной организации.

1907 г. – Делегация аулов Веденского округа приехала в Тифлис и предъявила наместнику Кавказа приговоры сельских обществ об отказе выполнять незаконные требования властей.

1907 г. – Массовые аресты участников крестьянских выступлений в Чечне и Ингушетии.

1907 г. конец – Аресты членов Грозненского комитета РСДРП.

1908 г. июнь 1 – Разгром типографии Грозненского комитета РСДРП.

1908 г. августа 31 – На Качкалыкском хребте в стычке, спровоцированной властями, жителями Беноя убит отец Зелимхана Гушмазуко Бехоев и брат Солтамурад.

1908 г. август – Карательная экспедиция в аул Цацан-юрт.

1908 г. октябрь – Волнения крестьян Итум-Калинского, Джераховского, Мецхальского и Цоринского обществ и подавление их подполковником Черновым.

1908–1910 гг. – В с. Лаха-Невре Надтеречного района родился всемирно известный ученый, политолог и писатель Абдурахман Гиназович Авторханов.

1908 (1909) г. – Родился чеченский поэт Магомед-Салах Гадаев. Умер в 1972 г.

1908 г. декабрь – Провокационный «Кавказский запрос» за подписями 58 правых депутатов в III Государственную думу.

1908 г. – Замена генерал-губернатора Терской области генерала Колюбакина генералом Михеевым.

1908 г. лето – Убийство абреком Зелимханом начальника Веденского округа полковника Галаева.

1908 г. – Абрамовская комиссия закончила свою работу, создав несколько проектов по землеустройству Нагорной полосы, которые вызвали бурные протесты у крестьян-горцев.

1908 г. – В Темир-Хан-Шуре (Буйнакске), пользуясь арабским алфавитом, начали издавать на чеченском языке произведения религиозного содержания.

1908 г. – Вышел в свет чеченский букварь, составленный на основе русской графики Т. Эльдархановым.

1908 г. марта 7 – Приказ по Терской области о формировании временного «охотничьего отряда» во главе с войсковым старшиной Вербицким, на которого возлагалось специальное поручение по ловле и уничтожению вооруженных «разбойничьих шаек» в пределах Хасавюртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов, т. е. абрека Зелимхана и его единомышленников.

1909 г. марта 14 — Атаман «охотничьего отряда» войсковой старшина Вербицкий устроил погром чеченцев на Гудермесском базаре. На месте побоища осталось 3 убитых и 10 раненых.

1909 г. апрель – По инициативе генерала Михеева в Грозном состоялся съезд туземных народов Терской области, в котором участвовали представители национальной верхушки.

1909 г. май – По заданию ЦК РСДРП С.М. Киров переезжает во Владикавказ.

1909 г. июня 17 – Указ о введении в Терской области «состояния; усиленной охраны».

1909 г. июня 22 – Отмена военного положения на Кавказе, за исключением Тифлиса, его уезда и полосы Закавказской железной дороги.

1909 г. август – Торжественные церемонии в Грозном и станицах ко дню 50-летия окончательного покорения Кавказа.

1909 г. октября 1 – Опубликовано в печати «Воззвания мусульманского духовенства и горской интеллигенции к туземцам Терской области» с призывами к населению подчиниться царским властям.

1909 г. – Царские власти за голову Зелимхана назначили 5000 руб.

1909 г. – В № 2 «Ежегодника Кавказского горного общества», издаваемого в Пятигорске, напечатана работа Г. Вертепова «Общинные кузницы в Чечне».

1909 г. января 9 – Абрек Зелимхан в два часа ночи произвел налет на грозненский вокзал, увез из кассы 18000 рублей.

1910 г. апрель 9 – Абрек Зелимхан в ответ на гудермесский погром, заранее предупредив атамана Вербицкого о своем намерении, в 12 часов дня ограбил Кизлярский банк.

1910 г. июня 15 – Родился известный ингушский писатель И.М. Базоркин.

1910 г. сентября 25 – Крупный карательный отряд под командованием начальника Назрановского округа князя Андронникова начал шестистороннее наступление на абрека Зелимхана.

1910 г. октябрь – Абрек Зелимхан вместе с четырьмя товарищами на мосту в Ассинском ущелье устроил засаду карательному отряду, убил князя Андронникова и поручика Афанасьева, тяжело ранил командира дагестанской сотни штаб-ротмистра Данагуева (последний на всю жизнь остался калекой) и шестерых всадников.

1910 г. осенью – Массовое выступление крестьян Веденского округа против царских властей.

1910 г. декабря 1 – В своем родном селении Старые Атаги убит абрек Абубалар Хасуев, ближайший друг Аюба Тамаева.

1910 г. декабря 16 – Родился выдающийся чеченский писатель М.А. Мамакаев. Умер в 1973 г.

1910–1964 гг. – Годы жизни ингушского поэта Х.Б. Муталиева.

1910 г. – В «Терском сборнике» (вып. VII) напечатана работа А.С. Иваненкова «Горные чеченцы».

1911 г. – Открытие в Грозном отделения Русско-Азиатского банка.

1911 г. марта 1 – В своем родном селении Старые Атаги убит ближайший сподвижник Зелимхана абрек Аюб Тамаев.

1911 г. апреля 14 – Забастовка рабочих фирмы «Ахвердов и К^о».

1911 г. апреля 19 – Встреча Зелимхана с 5 студентами (преимущественно армяне), которые просили Зелимхана поддержать революцию в России. В этой встрече, организованной через Шахида Боршикова, участвовали 22 человека, среди которых оказались 2 агента военного отряда.

1911 г. октябрь – Приказ наместника Кавказа взыскать 100 000 рублей штрафа с чеченского населения Грозненского и Веденского округов в пользу пострадавших от «Зелимхановщины».

1911 г. октября 15 – Начальник карательного отряда полковник Морганя с 3-мя ротами Дагестанского полка, двумя сотнями казаков и 16 всадниками дагестанцами окружил с. Старосунженское, где ночевал Зелимхан. Зелимхан прорвал окружение, ушел невредимым.

1911 г. октябрь – По приказу наместника Кавказа в с. Старосунженском взорвали несколько домов, в которых 15 октября мог остановиться Зелимхан.

1911 г. ноябрь – Репрессированы и высланы из Чечни и Ингушетии представители высшего духовенства Сугаип Гайсумов, Бамат-Гирей Митаев, Абдул-Азиз Шаптукаев, Батал-Хаджи Белхороев, Кана-Хаджи, Чиммирза, мулла Магома.

1911 г. ноября 11 – Начальник Веденского округа подполковник Каралов создал команду из местных старшин, которые поклялись на Коране убить Зелимхана.

1911 г. декабря 9 – Начальник карательного отряда полковник Морганя окружил пещеру недалеко от Харачоя, в которой скрывался Зелимхан один.

1911 г. декабря 11 – Зелимхан в течение двух суток в ответ на бомбардировки и ружейный обстрел сделал пять выстрелов, убил двух и ранил троих солдат. Сам ушел из окружения невредимым.

1911 г. конец – В Грозном под редакцией Даниэлбека Джамалдиновича Шерипова начала выходить прогрессивная газета «Терек».

1912 г. – Д. Дж. Шерипов в городском парке Грозного поставил на чеченском языке свою пьесу «На вечеринке». По сообщениям газет, пьеса шла с необыкновенным успехом.

1912 г. апреля 4 – Расстрел рабочих Ленских приисков.

1912 г. середина – Образование в Грозном легальной рабочей организации «Общество потребителей города Грозного и его окрестностей».

1913 г. – Царские власти за голову Зелимхана назначили 18 000 руб.

1913 г. – Впервые было сыграно знаменитое музыкальное произведение чеченского композитора Магомета Магомаева «Лезгинка Шамиля».

1913 г. – Получен первый нефтяной фонтан в районе современных Новых промыслов (Октябрьский район Грозного).

1913 г. – Основание фирмы «Алдынская нефть» Т. Чермоева.

1913 г. – Во Владикавказе вышла в свет работа чеченского публициста И.Б. Саракоева «По трупам Чечни».

1913 г. августа 15 – сентября 6 – Забастовка рабочих нефтяных промыслов и других предприятий г. Грозного.

1913 г. августа 15 – Митинг рабочих г. Грозного с оглашением 53 экономических и политических требований властям и предпринимателям.

1913 г. сентября 27 – Каратели Дагестанского конного полка под командой поручика Кибирова на хуторе близ Шали окружили дом, где находился больной Зелимхан. Получив предательский выстрел в спину, Зелимхан отстреливался, тяжело ранил Кибирова и юнкера Закарья Дебекова, всадников Абазы Магомедова и Закарья Абдулатипова. Зелимхан погиб в единоборстве с карателями.

1913 г. октябрь 15 – Родился чеченский писатель и поэт Нурдин Музаев. Умер в 1983 г.

1914 г. – Умер ингушский этнограф Ч. Ахриев.

1914 г. января 23 – Основание фирмы «Старо-Юрловская нефть» Баширова, Бадиева, Батукаева, Мирзоева и Шаптукаева.

1914 г. август – Открытие в Грозном отделения Тифлисского коммерческого банка.

1914 г. август – Начало первой мировой войны.

1914 г. августа 13 – Особым распоряжением Терская область объявлена на положении «чрезвычайной охраны».

1914 г. – августа 16 – В Терской области введено временное положение о военной цензуре.

1915 г. начало – Открытие в Грозном отделения Волжско-Камского банка.

1915 г. весна – С.М. Киров приехал в Грозный, присутствовал на подпольном собрании грозненских большевиков.

1915 г. июль – Открытие методических курсов при назрановской городской школе на 40 человек.

1916 г. начало февраля – В Грозный приехал С.Г. Шаумян. В марте арестован и отправлен в ссылку.

1916 г. мая 10 – Отмена ограничения проживания горцев в слободах Ведено и Шатой.

1916 г. мая 10 – июня 8 – Всеобщая забастовка рабочих г. Грозного и окрестностей.

1916 г. лето – Массовые выступления аксаевских крестьян. Воинские части под командованием генерала Степанова подавили восстание, более 20 человек было предано военно-полевому суду.

1916 г. август – Восстание осетинской пехотной бригады в Воздвиженской слободе.

1916 г. августа 26 – Подавление восстания Осетинской пехотной бригады. Убито 16, ранено 30 солдат. Некоторым удалось спастись в чеченских аулах.

1916 г. октябрь 15 – Родился ингушский поэт Джемалдин Яндиев.

1916 г. ноябрь – Приезд в Грозный коммерческого атташе при посольстве США в Петрограде В. Хайтингтона.

1917 г. март – Общее партийное собрание избрало городской партийный комитет, куда вошли Н. Анисимов, М. Мордовцев, Н. Носов.

1917 г. март – Создание Ингушского национального Совета, Ингушского исполнительного комитета во главе с Висан-Гиреем Джабагиевым.

1917 г. – Умер чеченский композитор Магомет Магомаев.

1917 г. марта 4 – Собрание представителей Совета съезда терских нефтепромышленников, военнопромышленного комитета, городской думы и других буржуазных и монархических учреждений Грозного. На собрании создали гражданский комитет.

1917 г. марта 5 – В Грозном избран Совет рабочих депутатов,

1917 г. март – По постановлению Совета арестовали начальника Грозненского округа полковника Джапаридзе, жандармских офицеров и других представителей царской власти.

1917 г. марта 6 – Переименование Грозненского Совета рабочих депутатов в Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов.

1917 г. марта 9 – Создание в Грозном соединительного бюро из представителей гражданского казачьего, 1 чеченского комитетов и Совета.

1917 г. марта 14 – В Грозном состоялся съезд представителей чеченского населения Терской области, который избрал Чеченский национальный Совет и признал власть Временного правительства и его комиссаров на местах. Совет для

постоянной работы избрал Чеченский исполнительный комитет во главе с присяжным поверенным Ахмет-ханом Мутушевым.

1917 г. марта 14 – Избрание правительства Терского казачьего войска. Избрание Караулова председателем этого правительства и атаманом Терского казачьего войска.

1917 г. марта 24 – Гражданский комитет, в котором руководящее положение занимали кадеты, на собрании заводоладельцев и управляющих нефтепромышленных фирм постановил приветствовать Временное правительство и оказать ему полное содействие.

1917 г. марта 24 — Постановление Грозненского Совета о введении для всех отраслей труда восьмичасового рабочего дня***.

(*** Использованы сведения: А.Айдамиров.Хронология истории Чечено-Ингушетии. Вестник ИПО (История – Право – Общество). Грозный . № 2. 2005. С. 3 – 70.

17 ноября 1920 г. – в г. Владикавказ открылся съезд народов Терека.

1918 г. март – провозглашение Горской и Терской народной Республики.

30 ноября 1922 г. – постановление Президиума ВЦИК об образовании Чеченской автономной области.

4 января 1923 г. – на Президиуме ВЦИК был рассмотрен вопрос о внешних границах Чеченской автономной области и выделении г. Грозный в самостоятельную единицу.

июль 1924 г. – в г. Грозный состоялся съезд Советов Чеченской автономной области.

7 июля 1924 г. – ВЦИК РСФСР упразднил Горскую АССР. Образованы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области и Сунженский округ.

25 октября 1928 г. – Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило постановление Северо-Кавказского крайкома партии от 12 октября 1928 г. и Оргбюро ЦК от 22 октября 1928 г. по вопросу присоединения Грозного к Чеченской национальной области.

5 декабря 1933 г. – на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрен вопрос об объединении автономий чеченского и ингушского народов. Образованная область стала называться Чечено-Ингушской автономной областью.

15 января 1934 г. – Президиум ВЦИК постановил: образовать Чечено-Ингушскую автономную область с центром в г. Грозный.

15 января 1934 г. – на I-ом областном съезде Советов Чечено-Ингушской автономной области председателем избран А.И. Горчханов.

17 января – на первом пленуме Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) первым секретарем был избран Г.К. Махарадзе.

15 – 17 января 1936 г. – в г. Грозном на III-ем Чрезвычайном съезде Советов Чечено-Ингушской автономной области одобрен проект Конституции СССР (автономные области преобразовывались в республики) .

22 июня 1937 г. – на III-ем Чрезвычайном съезде Советов Чечено-Ингушской автономной области утверждена Конституция ЧИАССР.

26 июня 1938 г. – состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР и депутатов ВС ЧИАССР.

25 июля 1938 г. – открытие первой сессии ВС ЧИАССР.

23 февраля 1944 г. – чеченцы и ингуши выселены с родной земли в Казахстан и Среднюю Азию.

16 июля 1956 г. – Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О снятии ограничений по спецпоселению чеченцев и ингушей, карачевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

24 ноября 1956 г. – принято постановление ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачевского, балкарского, чеченского и ингушского народов».

2 января 1957 г. – Президиум ЦК КПСС принял постановление «О территории Чечено-Ингушской АССР».

3 марта 1957 г. – первые выборы в органы власти ЧИАССР (выборы депутатов трудящихся в местные Советы).

7 июня 1957 г. – восстановлен Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

1 июля 1957 г. – I –ый республиканский съезд женщин Чечено-Ингушетии.

декабрь 1957 г. – первая республиканская конференция писателей.

22 августа – в г.Грозном состоялся первый концерт М.Эсамбаева.

Июль 1958 г. – воссоздан Чечено-Ингушский государственный драматический театр.

2 января 1958 г. – Оргкомитет по ЧИАССР утвердил «Положение о выборах в Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР», оно состояло из 100 статей.

10 и 16 января 1958 г. – образованы 116 избирательных округов по выборам в Верховный Совет ЧИАССР.

16 марта 1958 г. – выборы депутатов в Верховный Совет ЧИАССР.

15 апреля 1958 г. – начала свою работу первая сессия Верховного Совета ЧИАССР (открыл депутат С.-Б.А. Арсаханов. Председателем избран А.М. Мурдиев, заместителями Л.И. Шаджиева и Г.М. Сухарев).

26 – 28 августа 1958 г. – беспорядки в Грозном, возникшие на почве бытового конфликта, получившие политическое наполнение под воздействием провокаторов, требовавших повторной депортации чеченцев и ингушей. Виновные наказаны.

13 декабря 1965 г. – Чечено-Ингушская АССР награждена орденом Ленина (высший орден страны).

Апрель 1972 г. – в ЦК КПСС поступило письмо "О нарушениях ленинской национальной политики КПСС в Чечено-Ингушской АССР", подготовленное и направленное 27 коммунистами ингушской национальности.

2 декабря 1972 г. – представители ингушского народа – писатель И.Базоркин, Д.Картоев, С.Плиев, А. Газдиев, А.Куштов направили в ЦК КПСС письмо-заявление на 80 страницах "О судьбе ингушского народа".

16 – 19 января 1973 г. – в г.Грозный состоялся многотысячный митинг ингушей и чеченцев, требовавших вернуть Пригородный район.

28 августа 1973 года – Х.Х. Боков избран Председателем Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР (занимал данную должность до 1990 г.).

Лето 1988 г. – объединение неформальных групп в организацию «Союз содействия перестройке», впоследствии переименована в «Народный фронт» (возглавлял Х. Бисултанов), фронт прекратил существование к 1990 г.

1988 г. – создано научно-просветительское общество «Кавказ».

1988 г. – учреждение Духовного управления мусульман ЧИАССР, муфтият возглавил Ш.-Х. Тазабаев.

23 февраля 1989 г. – в год сорок пятой годовщины на площади им. В.И. Ленина в г. Грозный состоялся массовый митинг памяти жертв депортации чеченцев и ингушей.

1 июля 1989 г. – открытие пленума Чечено-Ингушского обкома КПСС в результате работы которого произошло знаковое событие – впервые первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС избрали чеченца – Д.Г. Завгаева.

Осень 1989 г. – заместителем Председателя Совета министров ЧИАСС назначен Л.А. Касаев (ранее занимавший пост первого секретаря Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ).

9 – 10 сентября 1989 г. – съезд ингушского народа; в г. Грозный поставлен вопрос воссоздания самостоятельной ингушской государственности в составе РСФСР. Организатор съезда – Народный союз «Нийсо».

20 – 21 января 1990 г. – первым секретарем Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ избран Х. М. Бугаев.

Февраль – март 1990 г. – процесс смены партийных руководителей под воздействием общественности республики названный «весенним листопадом».

4 – 18 марта 1990 г. – 2 тура выборов народных депутатов РСФСР (10 мандатов) и ЧИАССР (175 мандатов). Победа на этих выборах профессора Р.И. Хасбулатова.

2 марта – утверждение результатов выборов председателем избиркома М.А. Мамаевым на первом собрании (сессии) девятого созыва народных депутатов Верховного Совета ЧИАССР и утверждение кандидатуры на пост Председателя Верховного Совета ЧИАССР Д.Г. Завгаева.

Лето 1990 г. – создание в ЧИАССР Чечено-Ингушского отделения Партии Исламского возрождения в СССР (А.Дениев).

26 апреля 1991 г. – Верховный Совет РСФСР принял закон «О реабилитации репрессированных народов».

20 марта 1990 г. – Председателем Верховного Совета ЧИАССР тайным голосованием с результатом 139 депутатов «за» был избран Д.Г. Завгаев.

24 марта 1990 г. – сформирован Совет министров ЧИАССР (председатель С.М. Беков).

5 мая 1990 г. – учреждена Вайнахская демократическая партия, трансформировавшаяся из конструктивной оппозиционной в открыто радикальную оппозиционную (З.Яндарбиев, М.Темишев, Л.Усманов).

Сентябрь 1990 г. – в г. Грозный началась работа по подготовке съезда чеченского народа.

23 – 25 ноября – в г. Грозный состоялся съезд чеченского народа.

25 ноября 1990 г. – на съезде чеченского народа принята Декларация о государственном суверенитете Чеченской Республики Нохчийчоь.

2 – 27 ноября – работа над текстами проектов (14) и принятие Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики.

Декабрь 1990 – март 1991 г. – массовые митинги оппозиции в г.Грозный.

Декабрь 1990 г. – избрание генерал-майора авиации Д.Дудаева председателем Исполкома чеченского съезда.

11 марта 1991 г. – Верховный Совет ЧИАССР принял решение не принимать участие в общероссийском референдуме.

Март – апрель 1991 г. в г. Назрань прошли многотысячные митинги с требованиями возвращения Пригородного района.

8 – 9 июня – прошло второе заседание чеченского народа по инициативе Исполкома ОКЧН (Д.Дудаев).

9 августа 1991 г. – создан Союз предпринимателей ЧИР.

21 августа 1991 г. – Президиум Верховного Совета ЧИР осудил ГКЧП.

24 августа эскалации ситуации со стороны оппозиции (Д.Дудаев, З.Яндарбиев), захват грозненского телецентра.

25 августа 1991 г. Верховный Совет ЧИР подтвердил доверие руководству Республики в лице Д.Г. Завгаева.

26 августа 1991 г. – в г. Грозный для изучения ситуации прибыла высокопоставленная делегация из г. Москва.

1 – 2 сентября 1991 г. – в г. Грозный состоялась третья сессия ОКЧН. Принято решение о полномочии данного органа в ЧИР, с одновременным роспуском Верховного Совета ЧИАССР.

3 сентября 1991 г. – неудачная попытка ввести чрезвычайное положение в ЧИР Верховным Советом ЧИР.

6 сентября 1991 г. – беспорядки в г. Грозный, организованные силами ОКЧН, захват Дома политпросвещения. Д.Завгаев под угрозой применения силы сложил полномочия Председателя Верховного Совета ЧИР.

11 – 14 сентября 1991 г. – в г. Грозный прибывают высокопоставленные делегации из г. Москва (Г. Бурбулис, М.Полторанин, Р.Хасбулатов).

15 сентября 1991 г. – Верховный Совет ЧИР принял решение об отставке Д.Г. Завгаева и самороспуске Верховного Совета ЧИР.

15 сентября 1991 г. – сформирован Высший Временный Совет из 13 человек, Б. Бахмадова на посту председателя сменил Х.Ахмадов.

Сентябрь 1991 г. – в г. Грозный происходят переговоры «ингушской» стороны, возглавляемой И.Кодзоевым, с «чеченской» стороной в лице руководства ОКЧН о территориальном разделении единой республики.

1 октября 1991 г. – принятие решения Высшим Временным Советом (Х.Ахмадов) о разделении Чечено-Ингушской Республики на суверенные Чеченскую Республику Нохчийчоь и Ингушскую Автономную Республику в составе Российской федеративной государственности.

6 – 7 октября 1991 г. – прибытие в г. Грозный вице-президента РСФСР А. Руцкого на III съезд ингушского народа.

6 – 7 октября 1991 г. – III съезд ингушского народа отменил постановление «чрезвычайного съезда депутатов Ингушетии» о

провозглашении Ингушской Республики и подтвердил сохранение единой ЧИР.

7 октября 1991 г. – возобновление работы Высшего Временного Совета под руководством Б.Бахмадова в первоначальном составе.

8 октября 1991 г. – вооруженными сторонниками ОКЧН произведен разгром штаб-квартиры Высшего Временного Совета ЧИР с целью прекратить его деятельность.

8 октября 1991 г. – Исполком ОКЧН объявил себя единственной властью в Республике и назначил дату 27 октября 1991 г. днем выборов Президента Чеченской Республики.

9 октября 1991 г. – принято Постановление ПВС РСФСР «О политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике».

10 октября 1991 г. – в г. Грозный состоялись два отдельных митинга. На площади им. Шейха Мансура (ранее площадь им. В.И. Ленина) собрались сторонники легитимного курса и проведения выборов в Верховный Совет 17 ноября 1991 г. На площади перед зданием Совета министров ЧИАССР и Республиканского комитета партии сторонники ОКЧН и проведения президентских выборов 27 октября 1991 г.

27 октября 1991 г. – состоялись безальтернативные выборы Президента и Парламента ЧР, организованные Исполкомом ОКЧН, на которых победу одержал Д.М. Дудаев.

1 ноября 1991 г. – безальтернативно избранный президент Д.М.Дудаев издал указ «Об объявлении суверенитета Чеченской Республики с 1 ноября 1991 г.».

2 ноября 1991 г. – на V-ом съезде народных депутатов РСФСР Р.И. Хасбулатов избран Председателем Верховного Совета РСФСР.

2 ноября 1991 г. – V-ый съезд народных депутатов РСФСР признал выборы, проведенные в Чечено-Ингушской Республике, незаконными.

7 ноября 1991 г. – Б.Н. Ельцин подписал Указ 178 «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике». В г. Грозный переброшены силы ОМОНа и ВВ МВД РСФСР.

7 – 9 ноября 1991 г. – силы ОМОНа и ВВ МВД РСФСР заблокированы ополченцами на территории комплекса МВД и авиабазе Ханкала.

9 ноября 1991 г. – в г. Грозный состоялась инаугурация Д.М. Дудаева на должность президента Чеченской Республики Нохчийчоь.

9 ноября 1991 г. – силы ОМОНа и ВВ МВД РСФСР из г. Грозный в сопровождении ополченцев на автобусах были вывезены в г. Владикавказ.

17 ноября 1991 г. – дата запланированных и несостоявшихся выборов в легитимный орган власти ЧИР – Верховный Совет ЧИР.

23 ноября 1994 г. – сформировано «Правительство национального возрождения» (ПНВ) под руководством С.Н. Хаджиева.

26 ноября 1994 г. – неудавшаяся попытка штурма г. Грозный силами оппозиции. Разгром колонн бронетехники в пригородах и центральной части чеченской столицы.

28 ноября 1994 г. – заседание Совета безопасности России, на котором принято решение о военной операции в Чеченской Республике.

30 ноября 1994 г. – Президентом России Б.Н.Ельциным подписан указ № 2137с "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики".

8 декабря 1994 г. – на закрытом заседании Государственной думы РФ принято постановление "О ситуации в ЧР и мерах по ее политическому урегулированию".

9 декабря 1994 г. – Президентом России подписан указ № 2166 "О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории ЧР и в зоне осетино-ингушского конфликта".

11 декабря 1994 г. – Президентом России Б.Н. Ельциным подписал указ "О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной деятельности на территории Чеченской Республики".

31 декабря 1994 г. –1 января 1995 г. штурм г. Грозный. Разгром федеральной группировки войск.

2 января 1995 г. – возобновления штурма г. Грозный.

3 – 29 января 1995 г. – тяжелые уличные бои в г. Грозный с применением самых современных средств артиллерии и авиации.

16 июня 1996 г. – в Чеченской Республике состоялись выборы депутатов двухпалатного Народного собрания (Парламента) ЧР (законодательный орган новой «не ичкерийской»власти).

30 июля в г. Грозный подписано Соглашение по мирному урегулированию ситуации в Чеченской Республике (блок военных вопросов), оно предусматривало прекращение боевых действий, освобождение насильственно удерживаемых лиц, разоружение и поэтапный вывод войск из республики.

1 августа 1995 г. – президент ЧРИ Д.Дудаев сделал заявление о недовольстве подписанными документами.

2 августа 1995 г. – руководитель чеченской делегации на переговорах У.Имаев отстранен от руководства ичкерийской правительственной делегацией.

Октябрь 1995 г. – председатель Правительства национального возрождения С.Н.Хаджиев подал в отставку.

6 октября 1995 г. – в Грозный совершено покушение на командующего Объединенной группировкой федеральных войск в Чеченской Республике генерал-лейтенанта А.А. Романова. Генерал в тяжелом состоянии госпитализирован. Срыв переговорного процесса с ичкерийской стороной.

24 октября 1995 г. – Д.Завгаев на Сессии Верховного Совета Чечено-Ингушетии, подал в отставку, назначен премьером правительства национального возрождения Чечни.

14 – 17 декабря 1995 г. – выборы в Чеченской Республике.

22 декабря 1995 г. – Избирком Чеченской Республики подвел итоги – на выборах Д. Завгаев набрал 74,8%. Было зарегистрировано 462 тысячи 800 избирателей. Из них в выборах приняли участие 405 тысяч 352 человека, это 87,6% избирателей. По одномандатному округу депутатом Госдумы РФ был избран военный комиссар республики И. Сулейменов.

6 августа 1996 г. – штурм г. Грозный силами чеченских вооруженных формирований.

7 – 30 августа 1996 г. – в г. Грозный идут тяжелые уличные бои.

31 августа 1996 г. – подписание в г. Хасав-Юрт (Дагестан) А.Лебедем и А.Масхадовым мирного соглашения.

31 декабря 1996 г. – завершился вывод подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации из Чеченской Республики.

Октябрь 1996 г. – А. Масхадов стал во главе коалиционного Правительства Чеченской Республики Ичкерия.

27 января 1997 г. – А. Масхадов избран Президентом ЧРИ.

12 февраля 1997 г. – вступление А. Масхадова в должность президента ЧРИ.

12 мая 1997 г. – в г. Москва Президент РФ Б.Н. Ельцин и Президент ЧРИ А.А. Масхадов подписали мирный договор «о мире и сотрудничестве».

22 июня 1998 г. – указом А. Масхадова в ЧРИ было введено чрезвычайное положение.

14 – 15 июля в г. Гудермес бой вооруженных сил ЧРИ с ваххабитскими силами международного терроризма.

29 – 30 сентября 1998 г. – в г. Грозный радикальные полевые командиры Ш.Басаев, С.Радуев на II –ом съезде участников сопротивления предъявили А. Масхадову ультиматум с требованием уйти с поста Президента ЧРИ.

8 октября 1998 г. в г. Грозный прошел съезд сторонников А. Масхадова против сил радикально-экстремистской оппозиции.

8 – 22 октября 1998 г. – муфтий Чеченской Республики Ичкерия А.-Х. Кадыров первым открыто заявил об угрозе ваххабизма и назвал поименно виновников эскалации ситуации в Чечне – Басаева и Удугова.

22 октября 1998 г. – А.Масхадов выступил с ультиматумом в отношении экстремистов.

8 октября 1998 г. – состоялась встреча А. Масхадова с оппозицией.

9 октября 1998 г. – оппозицией нарушено соглашение от 8 октября 1998 г.

10 ноября 1998 г. – президент ЧРИ А.Масхадов разжаловал С. Радуева.

11 декабря 1998 г. – А.Масхадов объявил о мобилизации своих сторонников на борьбу с радикальной оппозицией и преступностью в ЧРИ.

3 февраля 1998 г. – А. Масхадов ввел полное шариатское правление в Чеченской Республике Ичкерия.

5 марта 1999 г. – в аэропорту г. Грозный похищен российский генерал Г. Шпигун.

Август 1999 г. – вторжение сил международных террористов с территории Чечни и восстание дагестанских ваххабитов в Карамахинском треугольнике – подготовка к началу второй чеченской войны.

2 октября 1999 г. – начало наземной операции в Чеченской Республике.

7 октября 1999 г. – в с. Элистанжи Веденского района в результате неизбирательного авиаудара погибли и были ранены 48 мирных жителей.

15 октября 1999 г. – назначен специальный представитель Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике Н.Кошман.

21 октября 1999 г. – удар тактическими ракетами «Точка» класса «земля-земля» по центральному рынку, родильному дому и мечети в поселке Калинина Ленинского района г. Грозного погибло около 200 человек и свыше 400 ранено.

26 декабря 1999 г. – федеральными войсками и чеченской милицией началась операция по взятию г. Грозный.

11 января 2000 г. – генерал Казанцев сделал заявление о том, что через административную границу Чечни будут выпускаться только женщины и мужчины до 10 лет и старше 65 лет.

29 января 2000 г. – федеральными силами над г. Грозным установлен контроль.

Февраль 2000 г. – трагедия в населенном п. Алды и Старопромысловском районе г. Грозный; в результате «зачисток» погибли мирные жители.

Вторая декада февраля 2000 г. – в отношении А. Масхадова Генеральной прокуратурой Российской Федерации возбуждено уголовное дело.

Март 2000 г. – арестован командир 160-го танкового полка полковник Буданов по делу Э. Кунгаевой.

8 июня 2000 г. – Президент РФ подписал Указ и Положение «Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике».

12 июня 2000 г. – Президент РФ подписал Указ о назначении Главой Администрации ЧР А.-Х. Кадырова.

20 августа 2000 года – А.А. Аслаханов избран депутатом в Госдуму от Чеченской Республики.

20 декабря 2000 г. – в г. Грозный в результате минометного обстрела студенческого городка погибло 5 студентов Чеченского государственного педагогического института, 1 учащийся средней школы № 8.

14 июня 2001 г. расстрел 7 мирных жителей у с. Самашки.

11 января 2002 г. – расстрел группой ГРУ ГШ ВС РФ 6 мирных человек (среди них 1 беременная женщина) у населенного пункта Дай.

Январь – август 2001 г. – от рук международных террористов погибло 12 руководителей органов местного самоуправления, 24 чеченских милиционера, 3 алима.

25 января 2001 г. – Правительство Российской Федерации утвердило Программу восстановления экономики и социальной сферы Чеченской Республики.

10 октября 2002 г. – в г. Грозный в результате террористического акта взорвано здание Заводского РОВД, 25 сотрудников погибли.

15 декабря 2002 г. – Президент России В.В. Путин подписал Указ «Об утверждении положения о проведении референдума в Чеченской Республике» по проекту Конституции Чеченской Республики, проектам Законов Чеченской Республики «О выборах Президента Чеченской Республики» и «О выборах в Парламент Чеченской Республики».

4 июля 2003 г. – принято Постановление Правительства Российской Федерации за № 404 «о порядке и сроках выплат компенсаций жителям Чеченской Республики за разрушенное жилье и утраченное имущество».

27 декабря 2002 г. – в г. Грозный в результате террористического акта, совершенного смертниками были подорваны машины, прорвавшиеся сквозь оцепление к Дому правительства; погибли 70 человек и 200 ранены.

23 марта 2003 г. – в Чеченской Республике состоялся всенародный референдум по принятию Конституции Чеченской Республики и Законов Чеченской Республики «О выборах Президента Чеченской Республики» и «О выборах в Парламент Чеченской Республики».

12 мая 2003 г. – в населенном пункте Знаменское Надтеречного района у здания районной администрации совершен террористический акт, погибло 60 человек, свыше 200 ранено.

5 октября 2003 г. – в Чеченской Республике состоялись выборы первого Президента Чеченской Республики, в них приняло участие 87, 7% , по результатам победу одержал А.-Х. Кадыров за него проголосовал 81% избирателей.

21 июня 2003 г. – председателем Госсовета был избран Х.А. Исаев.

9 мая 2004 г. – в результате террористического акта погиб первый Президент Чеченской Республики А.-Х. Кадыров, там же погиб председатель Государственного совета Х. А. Исаев.

11 мая 2004 г. – в Чеченскую Республику прибыл Президент России В.В. Путин, он вручил Звезду Героя России А.-Х. Кадырова его младшему сыну Р.А. Кадырову, орден Мужества вдове Х.А. Исаева.

29 мая 2004 г. – в г. Москва футбольный клуб «Терек» (Грозный), победив в финальном матче самарские «Крылья Советов» (1:0) стал обладателем «Кубка России 2003/2004гг.».

11 мая 2004 г. – состоялись кадровые назначения: С.Б. Абрамов – и.о. Президента Чеченской Республики, Р.А. Кадыров – первый заместитель Председателя Правительства Чеченской Республики.

10 июня 2004 г. – на сходе в с. Центорой принято решение о выдвижении А.Д. Алханова на должность Президента Чеченской Республики.

21 – 22 июня 2004 г. – крупномасштабное нападение сил международного терроризма на Назрань, атакованы учреждения правоохранительных органов, разграблены оружейные арсеналы МВД.

22 июня 2004 года – приняты и утверждены герб и флаг Чеченской Республики.

21 августа 2004 г. – нападение международных террористов на г. Грозный, погибло 70 сотрудников МВД ЧР.

29 августа 2004 года – А.Д. Алханов (бывший министр внутренних дел Чеченской Республики) на досрочных выборах, проводившихся после гибели Президента ЧР Ахмат-Хаджи Кадырова избран Президентом Чеченской Республики.

8 марта 2005 г. – в результате специальной операции в с. Толстой-Юрт убит А. Масхадов.

27 ноября 2005 г. – состоялись выборы в двухпалатный Парламент Чеченской Республики I-го созыва: Народное собрание (40 депутатов, возглавил Д.Б. Абдурахманов) , Совет республики (18 депутатов, возглавил А. Газиханов, позже В. Манцаев).

12 декабря 2005 г. – в работе первого заседания Парламента Чеченской Республики принял участие Президент России В.В. Путин.

18 ноября 2005 г. – Р.А. Кадыров – исполняющий обязанности Председателя Правительства Чеченской Республики.

4 марта 2006 г. – Р.А. Кадыров Председатель Правительства Чеченской Республики.

15 февраля 2007 г. – назначение Р.А. Кадырова президентом России В.В. Путиным на должность исполняющего обязанности Президента Чеченской Республики.

2 марта 2007 г. – наделение полномочиями Президента Чеченской Республики Р.А. Кадырова Парламентом Чеченской Республики.

11 апреля 2007 г. – Президент Чеченской Республики Р.А. Кадыров утвердил Концепцию государственной национальной политики Чеченской Республики.

11 мая 2007 г. – в г. Грозный Президент Чеченской Республики Р.А. Кадыров подписал указ № 207, согласно которому 25 апреля – день подписания Закона Чеченской Республики «О языках в Чеченской Республике» – является Днем чеченского языка.

2 декабря 2007 г. – на референдуме в Чеченской Республике приняты изменения в Конституцию Чеченской Республики, об однопалатном парламенте.

15 мая 2008 г. – Парламент Чеченской Республики принял во втором чтении законы о государственном гербе, государственном флаге и государственной символике Чеченской Республики, представленные на утверждение парламента Президентом Чеченской Республики Р.А. Кадыровым.

27 июня 2008 г. – Парламент Чеченской Республики на 24-м внеочередном заседании обеих палат единогласно проголосовал за самороспуск.

12 октября 2008 г. – выборы в однопалатный Парламент Чеченской Республики II-го созыва.

17 октября 2008 г. – открытие соборной мечети им. А.-Х. Кадырова «Сердце Чечни».

2 февраля 2009 г. – Р. А. Кадыров подписал Указ № 39 об установлении Дня чеченской женщины.

16 апреля 2009 г. – отмена контртеррористической операции на территории Чеченской Республики.

11 октября 2009 г. – выборы в органы местного самоуправления Чеченской Республики.

11 ноября 2009 г. – первое заседание депутатов Городского совета г.Грозный.

16 ноября 2009 г. – в 4 ч. 50 мин. из аэропорта «Грозный» совершен первый международный авиарейс в Мекку (с паломниками на борту, совершающими Хадж).

26 ноября 2009 г. – 248-му отдельному специальному моторизованному батальону им. Героя Российской Федерации Ахмата-Хаджи Кадырова ВВ МВД РФ министром внутренних дел России Р. Нургалиевым вручено Боевое знамя.

12 августа 2010 г. – Президент Чеченской Республики Р.А. Кадыров обратился в Парламент Чеченской Республики внести изменение в название высшего должностного лица Чеченской Республики.

2 сентября 2010 г. – Парламент Чеченской Республики переименовал должность Президента Чеченской Республики в Главу Чеченской Республики.

28 февраля 2011 года – Президент России Д.А. Медведев внёс в Парламент Чеченской Республики кандидатуру Р.А. Кадырова для утверждения на должность Главы Чеченской Республики на второй срок.

5 марта 2011 г. Р.А. – Кадыров единогласно утверждён в должности Главы Чеченской Республики.

5 апреля 2011 года – Р.А. Кадыров официально вступил в должность Главы Чеченской республики на второй срок.

11 мая 2011 г. – в г. Грозный состоялось открытие «Ахмат-Арены» (Спортивный комплекс имени Ахмат-Хаджи Кадырова).

20 мая 2011 г. – в г. Грозный на «Ахмат-арене» состоялся матч-открытия, первый официальный матч российской футбольной Премьер-Лиги, между грозненским «Тереком» и махачкалинским «Анжи», матч закончился победой грозненцев (1:0).

5 октября 2011 г. – в г. Грозный открылся высотный комплекс "Грозный-Сити".

8 сентября 2013 г. – выборы в Парламент Чеченской Республики III-го созыва.

16 мая 2014 г. – в г. Аргун открыта мечеть имени Аймани Кадыровой («Сердце матери») и высотный комплекс зданий «Аргун-сити».

19 января 2015 г. – в г. Грозный прошел миллионный митинг по инициативе Р.А. Кадырова «Любовь к Пророку Мухаммеду и протест против карикатур», после появления карикатур в издании Charlie Hebdo (Франция).

6 апреля 2015 г. – в г. Москва Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал указ № 176 О присвоении г. Грозному почетного звания. Российской Федерации "Город воинской славы".

29 июня 2015 г. – на 59-м году жизни скончался председатель Парламента Чеченской Республики Д.Б. Абдурахманов.

22 января 2016 года – в г. Грозный состоялся митинг в поддержку Р.А. Кадырова под лозунгом «В единстве – наша сила». По оценке МВД по Чеченской Республике в митинге приняли участие 1 млн человек.

25 марта 2016 г. – Президентом России В.В. Путиным врио Главы Чеченской Республики назначен Р.А. Кадыров.

14 июня 2016 г. – Парламент Чеченской Республики официально назначил выборы Главы Чеченской Республики и депутатов Парламента Чеченской Республики на 18 сентября 2016 года (единый день голосования).

16 июня 2016 г. – Парламент Чеченской Республики III-го созыва на 82 заседании принял решение о самороспуске.

18 сентября 2016 г. – в Чеченской Республике – единый день голосования.

18 сентября 2016 г. – Р. А. Кадыров избран Главой Чеченской Республики.

21 сентября 2016 г. – Избирательная Комиссия Чеченской Республики подвела итоги голосования выборов депутатов Парламента Чеченской Республики IV-го созыва.

5 октября 2016 г. – в г. Грозный состоялась торжественная церемония инаугурации Главы Чеченской Республики, Героя России Рамзана Ахматовича Кадырова.

КРАТКИЙ СПИСОК ЗНАМЕНИТЫХ ПЕРСОНАЛИЙ В ИСТОРИИ ЧЕЧЕНЦЕВ

Абдулла Майрбекович Хамзаев (10.05.1936 – 12.06.2004) — известный советский, российский адвокат. С 1965 по 1979 годы работал следователем столичной прокуратуры, помощником Генерального прокурора РСФСР и СССР «по пересмотру судебных решений о смертной казни». Работал следователем по особо важным делам Прокуратуры РСФСР. В 1976 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за особые заслуги удостоен почетного звания «Заслуженный юрист РСФСР». С августа 1979 года работал в Московской городской коллегии адвокатов. Защищал Геннадия Янаева по «делу ГКЧП», адвокат семьи Эльзы Кунгаевой во время судебного процесса над преступником Ю. Будановым.

Абдулла Махмудович Бугаев (1 января 1949 г. в Казахстане) — известный российский общественный и государственный деятель, ученый. В марте 1990 г. был избран народным депутатом Верховного Совета ЧИАССР. Являлся председателем постоянной комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям. Активно боролся с антиконституционными событиями в Чеченской Республике (1991 – 1993 гг.). С января по ноябрь 1996 г. заместитель, первый заместитель Председателя Правительства Чеченской Республики. В июле 1996 г., избран депутатом Народного Собрания Чеченской Республики. С июня 2000 г. по февраль 2001 г. первый заместитель Главы Администрации Чеченской Республики А.-Х. Кадырова. С 2001 г. по 2003 г. работал в аппарате полпреда Президента в ЮФО. В 2003 г. баллотировался на пост Президента Чеченской Республики, занял второе место. Автор научных работ по истории ЧИАССР, новейшей истории Чеченской Республики.

Абдурахман Геназович Авторханов (3 октября 1908 — 30 апреля 1997) — писатель, публицист и общественный деятель, доктор политических наук, известный политолог, псевдоним – А. Уралов. «Революция и контрреволюция в Чечне: Из истории гражданской войны в Терской области. Краткие очерки» (1933 г.), «К основным вопросам истории Чечни: к десятилетию Советской Чечни» (1930 г.), «Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне» (1931 г.), «Народоубийство в СССР: Убийство чеченского народа» (1952 г.).

Абубакар Алазович Арсамаков (род. 9 сентября 1956 года, село Токус, Георгиевский район, Южно-Казахстанская область) — известный предприниматель, общественный деятель, ученый. Президент Московского индустриального банка (с 23 апреля 1998 года). Член Совета Московского банковского Союза, член Совета Представителей уполномоченных банков Правительства Москвы, Лауреат ряда профессиональных программ и конкурсов («Банкир-2000», «Финансист-2001», «Менеджер года в банковской сфере — 2013», «Лучший банкир России» 2007 года. Автор ряда научных работ, результаты которых успешно внедрены на практике. Награжден орденами и медалями Российской Федерации.

Абазар Абдулхакимович Айдамиров (29 октября 1929 года—27 мая 2005 года) — советский и чеченский писатель и поэт, прижизненный

классик чеченской литературы. Народный писатель Чечено-Ингушской АССР. Народный писатель Чечено-Ингушетии; «Отличник образования СССР», Почётный профессор Чеченского государственного университета, Почётный академик Академии наук ЧР, «Отличник образования РСФСР», «Народный учитель Чеченской Республики». Награжден Орденом Трудового Красного Знамени. Автор романа «Долгие ночи». Народный депутат Верховного Совета РСФСР I-го созыва (1989 – 1993 гг.). В 2004 г. – председатель Союза писателей Чеченской Республики. В 2013 г. его имя присвоено Национальной Библиотеке Чеченской Республики.

Адам Султанович Делимханов (род. 25 сентября 1969, Беной, Ножай-Юртовский район, Чечено-Ингушская АССР) — российский государственный деятель. Заместитель председателя Правительства Чеченской Республики (2006—2007 гг.). Депутат Государственной думы России (с 2007 г.), член партии «Единая Россия». Сопатник первого Президента Чеченской Республики А.-Х. Кадырова и Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова. Активный участник восстановительных процессов в Чеченской Республике, в борьбе с силами международного терроризма и экстремизма. Автор научных работ, посвященных новейшей истории становления чеченской государственности.

Аймани Несиевна Кадырова (род. 4 августа 1953 года, станица Куркамис, Шербактинского района Павлодарской области Казахской ССР) — известный российский благотворитель. президент Регионального Общественного фонда им. А. Кадырова, оказывающего помощь нуждающимся в Российской Федерации и за ее пределами. Вдова первого Президента Чеченской Республики Ахмата-Хаджи Кадырова, мать Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова. Почетный гражданин Чеченской Республики. В ее честь названа уникальная по техническому исполнению и дизайну мечеть «Сердце матери» в г. Аргун (Чеченская Республика).

Асламбек Ахмедович Аслаханов (род. 11 марта 1942, Новые Атаги, Шалинский район, Чечено-Ингушская АССР) — российский политик, член Совета Федерации — представитель от Правительства Омской области в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам. Генерал-майор милиции, советник президента Российской Федерации. С 2000 года по 2003 год – депутат ФС Государственной Думы Российской Федерации. Доктор юридических наук. Мастер спорта по вольной борьбе, дзюдо, самбо.

Асланбек Имранович Хасбулатов (24 ноября 1937 года, Грозный ЧИАССР – 2 октября 2013 г.) – российский ученый, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской АССР, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия. С 1969 г. по 1997 г. был деканом исторического факультета ЧГУ. В 1996—2001 годах – проректор Чеченского государственного университета. С 2001 года — заведующий отделом гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института РАН имени Х. И. Ибрагимова. Заведовал кафедрой «История народов Чечни» исторического факультета ЧГУ, являлся

профессором кафедры «Отечественная история» Чеченского государственного педагогического института. Награжден премией «Интеллектуального центра Чеченской Республики» в номинации «Образование» (2006).

Асланбек Джемалдинович Шерипов (1897, Гатен-Кале — 11 сентября 1919, слобода Воздвиженская) — руководитель чеченской Красной армии, активный борец за Советскую власть на Северном Кавказе в годы Гражданской войны.

Ахмат-Хаджи Абдулхамидович Кадыров (23 августа 1951 года, Караганда — 9 мая 2004 года, Грозный) — религиозный и государственный деятель. Муфтий Чеченской Республики. Первый Президент Чеченской Республики. 22 ноября 2001 года указом Президента Российской Федерации Владимира Путина награждён орденом Дружбы. 5 октября 2003 года избран Президентом Чеченской Республики (за него проголосовали 80,84 % избирателей). Автор Конституции Чеченской Республики. Кандидат политических наук. Погиб 9 мая 2004 г. в результате террористического акта, совершенного в г. Грозный. 10 мая 2004 года указом Президента Российской Федерации Владимира Путина присвоено звание Героя России (посмертно). Знаменитая цитата А.А. Кадырова «Моя цель – не остановить войну, а покончить с ней раз и навсегда!».

Байсангур Беноевский (1794 г., Беной, Чечня — 3 марта 1861 г.) — знаменитый военачальник XIX века, наиб имама Шамиля, герой имамата, участник Кавказской войны 1817—1864 годов. В 1846 г. в боях с царскими войсками под командованием графа М. С. Воронцова, лишился руки и глаза, в 1847 году в боях с царскими войсками за дагестанский Гергебиль от разрыва пушечного ядра лишился ноги. Несмотря на это, продолжал воевать до своего пленения.

Батуко Шатоевский — крупный чеченский военачальник, уроженец аула Гуш-Корт (таип Пхямто). Наиб Шатоевского (Шубутовского) округа. Принимал активное участие в военных операциях войск имамата, за доблесть и героизм, проявленные в сражениях с царскими войсками получил прозвище «лев Шатоя». В подчинении имел 150 конных и 300 пеших воинов. Участник отражения наступления царских войск под командованием генерал-майора Н. Слепцова в 1851 г. в Малой Чечне.

Бекхан Абусупьянович Хазбулатов (род. 15 июля 1952 г.) — ученый, общественный и политический деятель, меценат. С 2001 года до мая 2013 года был председателем Совета ректоров вузов Чеченской Республики, избирался членом Общественной палаты Чеченской Республики. Инициатор и практический руководитель возрождения Чеченского государственного педагогического института после событий (1994 – 1995 гг.), (1999 – 2000 гг.). С 1 марта 1995 года назначен, а затем избран ректором педагогического института, который возглавлял до 1 марта 2013 года. По инициативе Б.А. Хазбулатова на базе ЧГПИ был построен и введен в эксплуатацию не имеющий аналогов Библиотечно-компьютерный центр ЧГПИ. За годы его руководства вузом институт стал ключевым научно-образовательным центром, с мощной материально-технической базой. С 2003 года возглавляет Региональную общественную организацию «Интеллектуальный центр Чеченской

Республики». Доктор филологических наук, профессор. Депутат Парламента Чеченской Республики с 2013 г.

Бейбулат Таймиев (1779 год — 14 июля 1832 года) — политический и военный деятель конца XVIII — первой половины XIX века. Руководитель Мехк-кхела (Суда страны). Выходец из тайпа Бильтой. Назван А. С. Пушкиным в произведении «Путешествие в Арзрум» «грозою Кавказа». Прославленный военачальник, дипломат. Инициатор создания единого документа — руководства для чеченского общества, имеющего сходства по направленности и целям с конституцией.

Бувайсар Хамидович Сайтиев (род. 11 марта 1975 года в Хасавюрте, Дагестанская АССР) — выдающийся российский борец вольного стиля. Депутат Государственной Думы от Республики Дагестан. Самый титулованный борец в вольного стиля в истории спорта Чечни, первый олимпийский чемпион из чеченцев. Трёхкратный олимпийский чемпион (1996, 2004, 2008), шестикратный чемпион мира (1995, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005), шестикратный чемпион Европы (1996, 1997, 1998, 2000, 2001, 2006), четырёхкратный чемпион России, семикратный победитель Красноярского турнира памяти Ивана Ярыгина, победитель Игр доброй воли (1998), заслуженный мастер спорта России (1995). Советник Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова. Президент федерации спортивной борьбы Чеченской Республики.

Ваха Ахмедович Татаев (15 декабря 1914 — 13 августа 1977) — народный артист Чечено-Ингушской АССР (1959 год), депутат Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР (1958 г.), министр культуры Чечено-Ингушской АССР (с 1958 г. по 1976 г.). Один из ярких и активных участников процесса возрождения чечено-ингушской государственности в советский период развития республики. Под его руководством активно начала воссоздаваться культурная сокровищница чеченского народа.

Джохар Мусаевич Дудаев (род. 15 февраля 1944 г., Ялхорой — 21 апреля 1996 г.) — генерал-майор авиации, выпускник Военно-воздушной академии имени Гагарина. В 1989—1991 годах командир стратегической 326-й Тарнопольской тяжёлой бомбардировочной дивизии 46-й воздушной армии стратегического назначения (место дислокации г. Тарту, Эстонская ССР), исполнял обязанности начальника военного гарнизона. Награждён орденом Боевого Красного Знамени. Президент самопровозглашенной Чеченской Республики (Ичкерия) с 1991 по 1996 гг. Убит в 1996 г. в результате авиаудара в окрестностях с. Гехи-чу.

Дзияудин Габисович Мальсагов (1913 год, Старый Ачхой, Чечня, Терская область, Российская империя — 5 апреля 1994 года, Грозный) — известный правозащитник, общественный деятель, юрист, историк. С 1931 по 1937 год прокурор, следователь, народный судья Курчалоевского и Шалинского районов. В 1937 году — первый заместитель наркома юстиции Чечено-Ингушской АССР. 27 февраля 1944 года был свидетелем трагедии сожжения жителей в высокогорном селении Хайбах при проведении депортации чеченцев и ингушей в 1944 г. Благодаря его

свидетельствам это преступление было предано огласке, несмотря на попытки органов власти скрыть его от мировой общественности.

Доку-шейх (Абдул-Азиз Шаптукаев) родился в с. Толстой-Юрт (Девлетгири-Эвла) – чеченский святой.

Доку Гапурович Завгаев (род. 22 декабря 1940 года, село Бено-Юрт, Чечено-Ингушская АССР) — российский государственный и политический деятель, дипломат. С марта 1990 по сентябрь 1991 года – председатель Верховного совета Чечено-Ингушской АССР. В 1989 году был избран первым секретарем Чечено-Ингушского республиканского комитета КПСС. В 1990 году избран народным депутатом РСФСР. Кандидат экономических наук. Доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО.

Дошлоку Духович Мальсагов (23 декабря 1898 г., Гамурзиево, Назрановского округа — 9 июля 1966, Грозный) — известный учёный-кавказовед, писатель, член Союза писателей СССР, переводчик, учёный-фольклорист и этнограф, литературный критик и языковед. С 1957 по 1958 год — директор Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. С 1958 по 1966 год — доцент, а потом и профессор кафедры родного языка и литературы Чечено-Ингушского государственного педагогического института.

Дукуваха Баштаевич Абдурахманов (14 марта 1956 г. — 29 июня 2015 г.) — российский государственный деятель, ученый, автор и соавтор ряда научных работ по истории Чечни. Председатель Парламента Чеченской Республики (2008—2015 гг.). Соратник первого Президента Чеченской Республики А.-Х. Кадырова и Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова. Внес вклад в развитие современного парламентаризма в Чеченской Республике, обладал высоким ораторским мастерством и качествами дипломата. Автор исследований: «Человек и эпоха: Ахмат-Хаджи Кадыров» (2012 г.), «Человек и эпоха: Рамзан Кадыров» (2012 г.), в соавторстве с академиком, доктором исторических наук Ш.А. Гапуровым: «Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX века)» (2009 г.). Кандидат экономических наук. Именем Д.Б. Абдурахманова названа одна из центральных улиц столицы Чеченской Республики.

Зулай Мадаевна Сайдумова (род. 6 февраля 1952 г. ст. Чиили, Казахская ССР) — российский деятель культуры, общественный деятель. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, заслуженный работник культуры Российской Федерации (единственный библиотечный работник Чеченской Республики, награжденный высоким почетным званием Российской Федерации). Автор свыше 40 методических и научно-методических работ по библиотечному делу. Инициатор и активный участник возрождения библиотечной системы Чеченской Республики. После событий (1994 – 1995 гг.), (1999 – 2000 гг.) дважды с нулевого цикла восстанавливала Республиканскую детскую библиотеку им. А.П. Гайдара, ныне Республиканская детская библиотека им. С.М. Михалкова. За профессионализм и преданность профессии награждена государственными наградами. Директор Республиканской детской библиотеки Чеченской Республики им. С.М.

Михалкова. Под её руководством библиотека в 2015 г. впервые в истории Чеченской Республики вошла в 10 лучших библиотек Российской Федерации (являясь, единственной детской библиотекой в этом числе).

Кунта-Хаджи (Кишиев) (род. в 1830 г.) — святой, суфийский шейх. Призывавший в своих проповедях к миру, справедливости. 3 января 1864 года на основании ложного доноса и по личному распоряжению великого князя Михаила Романова, Кунта-Хаджи вместе с ближайшими мюридами был арестован. На основании указания царя Александра II отправлен в бессрочную ссылку под надзором полиции в г. Устюжна Новгородской губернии, где находился до весны 1867 года. В 1910 году в Темир-Хан-Шуре был издан его трактат «Тарджамат макалати». В 1998 году в Грозном муллой М. Асхабовым издан сборник на чеченском языке в котором содержатся изречения шейха, записанные мюридом Абдуссаламом Туттиреевым.

Магомед Нурдинович Музаев (12 июня 1941 г., сел. Белгатой Шалинского района — 18 сентября 2015 г.) — ученый, просветитель, общественный деятель. Свою жизнь посвятил делу борьбы с фальсификациями в истории чеченского народа. С 1988 г. заместитель директора по научной работе Краеведческого музея ЧИАССР. С 1992 г. заместитель начальника Департамента по делам архивов Чеченской Республики, директор национального архива Чеченской Республики. В мае 1994 г. участник переговоров в составе чеченской делегации в г. Москва с российской стороной по вопросам разработки предложенного чеченской стороной «конфедеративного договора». Автор и соавтор около 200 работ по истории чеченского народа, среди них «Память», «Дорога к победе». Руководитель Архивного управления Чеченской Республики.

Мавлид Алероевич Висантов (13 мая 1918 года, Надтеречное, Чечня, Терская область, Российская империя — 23 мая 1986 года, Грозный, Чечено-Ингушская АССР) — Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, командовал: 255-м отдельным Чечено-Ингушским кавалерийским полком, позже 28-м гвардейским кавалерийским полком (6-ой гвардейской кавалерийской дивизии, 2-го Белорусского фронта), гвардии подполковник. Первым встретился с союзниками на Эльбе в мае 1945 г. Удостоен награды «Легион почета» (США).

Махмуд Алисултанович Эсамбаев (род. 15 июля 1924, с. Старые Атаги, Чеченская автономная область, РСФСР — 7 января 2000, Москва, Россия) — выдающийся советский балетмейстер, артист балета, эстрадный танцовщик, актёр, хореограф. Народный артист СССР (1974). Герой Социалистического Труда (1984). Именем прославленного артиста назван один из центральных проспектов столицы Чеченской Республики.

Муса Харонович Багаев (11 сентября 1941 года, Грозный, Чечено-Ингушская АССР) — российский учёный, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, член-корреспондент РАЕН, первый чеченский археолог. Воспитаник научной археологической школы Е.И. Крупнова. Автор более 100 научных и научно-методических работ, учебников

для старших классов средних образовательных школ. Руководил археологическими экспедициями: раскопки в Аргунском ущелье (раннесредневековый могильник у села Дай); в ущелье реки Хулхулау (могильник VII—IX вв. у села Харачой); в ущелье реки Аксай (Галаитинский могильник IV в. до н. э. — IV в. н. э.); в Джейрахском ущелье (Ингушетия) (Фуртоугский могильник VIII—IX вв.) и другие.

Муслим Гайрбекович Гайрбеков, (декабрь 1913 года, Валерик, Терская область, Российская империя — 20 июня 1971 года, Грозный, Чечено-Ингушская АССР) — общественный и государственный деятель, депутат Верховного Совета СССР 5—8 созывов, председатель Организационного комитета Президиума Верховного Совета РСФСР по восстановлению Чечено-Ингушской АССР (9.1.1957 — 15.4.1958), председатель Совета министров Чечено-Ингушской АССР (16.4.1958 — 20.6.1971).

Пётр Захарович Захаров-Чеченец (род. 1816 год — август 1846 года) — Родился в с. Дади-Юрт, российский живописец-портретист, чеченец по происхождению. Выжил младенцем при штурме и разрушении аула Дади-Юрт, был взят на воспитание и перевезен в Россию.

Райком Хасимханович Дадашев (род. 17 декабря 1950 года, Ошская область, Киргизская ССР) — российский ученый, доктор физико-математических наук, профессор, действительный член Академии наук Чеченской Республики, вице-президент Академии наук Чеченской Республики. Один из активных руководителей, внесший вклад в возрождение высшей школы Чеченской Республики, член-корреспондент Адыгской Международной Академии наук, заслуженный деятель науки ЧР. Является автором свыше 150 научных работ. Научный руководитель более 10 исследований на соискание ученой степени кандидата наук. Благодаря его деятельности в должности ректора Чеченского государственного университета удалось успешно наладить учебный процесс в вузе с 1995 по 1999 гг., установить тесное сотрудничество с ведущими вузами страны. Активный благотворитель, именем Р.Х. Дадашева названа одна из школ Ножай-Юртовского района Чеченской Республики. Инициатор создания научно-популярной серии «Духовное наследие», ценный вклад Р.Х. Дадашевым внесен в сохранение и популяризацию чеченского фольклора.

Рамзан Ахматович Кадыров (род. 5 октября 1976, Центарой (Центорой), Курчалоевский район, Чечено-Ингушская АССР) выдающийся российский государственный и политический деятель. Глава Чеченской Республики с 15 февраля 2007 года. Герой Российской Федерации. Генерал майор-милиции. Кандидат экономических наук. Почётный академик Академии наук Чеченской Республики. Сын первого Президента Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадырова. При Р.А. Кадырове в Чеченской Республике произошло установление мира и безопасности, нанесено поражение силам международного терроризма, произошло восстановление разрушенных в годы войны Грозного и других городов и населенных пунктов Чеченской Республики. Соратник Президента Российской Федерации В.В. Путина.

Первым среди руководителей субъектов Российской Федерации решительно и открыто заявил в 2014 г. о поддержке воссоединения Крыма с Россией. Историческое значение для чеченского народа имеют указы Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова о Дне чеченской женщины, праздновании дня чеченского языка – являющиеся праздничными и знаковыми в истории народа.

Руслан Имранович Хасбулатов (род. 22 ноября 1942 года, Грозный) — российский политический деятель, учёный и публицист, член-корреспондент РАН (1991). Председатель Верховного Совета Российской Федерации, в 1994 году — организатор «Миротворческой миссии профессора Хасбулатова» в Чечне. С 1994 года — заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Доктор экономических наук. Автор большого числа научных работ, получивших всемирное признание.

Салавди Гугаев (25 октября 1917 года, Шатой – 11 апреля 2010 года, США) – общественный деятель, известный на Западе, участник советско-финской войны, активный участник процесса реабилитации чеченского и других репрессированных народов в период сталинизма. Обращениями в ООН информируя мировую общественность, одним из первых добивался возвращения чеченцев и ингушей из депортации на историческую родину.

Саламбек Наибович Хаджиев (род. 7 января 1941 года, Шали, Шалинский район, Чечено-Ингушская АССР) — российский бизнесмен чеченского происхождения, политик, нефтехимик, академик РАН (2008); член-корреспондент РАН с 1991, член-корреспондент АН СССР с 1990). В 1991 году возглавлял министерство химической и нефтехимической промышленности СССР. Во время Первой Чеченской войны в 1995 году — председатель Правительства национального возрождения Чечни.

Тапа (Абдул Меджид) Арцуевич Чермоев (3 (15) марта 1882, Грозный, Терская область, Российская империя — 1936 год, похоронен во Франции) — видный политический деятель на Северном Кавказе в 1917—1919 годах, нефтепромышленник, сын российского генерала Арцу Чермоева.

Ташев-Хаджи – Ташу-Хъажи Сесано, Воккха Хъаж (ум. 1843 г.) — ученый богослов, военный и политический деятель XIX века., организатор военных соединений образовывавших по структуре армию на территории Чечни. Создал аналоги мобильных военных гарнизонов, был назначен наибом округа Ауха. Руководитель крупных военных операций, проводившихся армией имамата в Большой Чечне.

Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов (1 апреля 1870, Гехи, Чечня, Российская империя — 14 ноября 1934, Грозный, Чечено-Ингушская автономная область) — выдающийся просветитель, политический и государственный деятель, депутат Первой и Второй Государственных дум.

Умалат Лаудаев (Ловдаев) Умалат (ок. 1827 г., Ногай-Мирза-Юрт — конец 1890-х гг.) — историк, офицер армии Российской империи, первый чеченец, осветивший в исследовании на русском языке проблемы истории и этнографии чеченского народа. Автор рукописи «Чеченское племя»,

опубликованной в «Сборнике сведений о Кавказских горах» в 1872 г. В 1877—1878 годах, будучи всадником в составе Чеченского конно-иррегулярного полка, У. Лаудаев принимал деятельное участие в сражениях во время русско-турецкой войны.

Хажбикар Хакашевич Боков (род. 5 января 1935 года, Сагопши, Малгобекский район, Чечено-Ингушская АССР) — известный политический деятель, учёный, специалист в области межнациональных отношений, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР (1973 – 1990 гг.), заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР (1975 – 1990 гг.). Делегат XXV, XXVI, XXVII съездов КПСС и XIX Всесоюзной конференции КПСС. Депутат Верховного Совета РСФСР (с 1975 – 1990 гг.). Кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Жизнь национальностей».

Ханпаша Нурадилович Нурадилов (6 июля 1920 года, село Минай-Тугай, Дагестанская область, РСФСР — 12 сентября 1942 года, Серафимович, Сталинградская область) — пулемётчик, командир пулемётного взвода, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. На его личном счету уничтоженных: 920 солдат противника, 7 пулемётных расчетов, пленил 12 немецких солдат.

Хамзат Исмаилович Ибрагимов (род. 10 июля 1934, Шали, Шалинский район, Чечено-Ингушская АССР — 10 марта 2006, Грозный) — общественный и научный деятель, доктор химических наук, профессор. Депутат Верховного Совета СССР седьмого созыва. Первый Президент Академии наук Чеченской Республики, директор Комплексного научно-исследовательского института Российской академии наук.

Хож-Ахмед Жабраилович Кадыров (род. в 1942 г.) — председатель Совета Алимов Чеченской Республики, известный богослов и общественный деятель. Автор научных публикаций по теологии, ведущий еженедельной просветительской программы «На светлом пути ислама» (ЧГТР «Грозный»). Почетный гражданин Чеченской Республики. Человек года. Обладатель премии РОО «Интеллектуальный центр Чеченской Республики» – «Серебряная сова» (2008 г.).

Халид Дудаевич Ошаев (род. в 1897 году в слободе Воздвиженская – 12 декабря 1977 г.) — писатель. В 1916 году окончил Грозненское реальное училище, затем учился в Лесном институте в Петрограде. С 1921 по 1922 год возглавлял Чеченский ревком. Возглавлял горский педагогический институт в г. Владикавказ. Первые произведения Ошаева опубликованы в 1926 году. Автор романа в четырёх книгах «Пламенные годы» («Алун шераш») о Гражданской войне. Пьесы «Асланбек Шерипов» (о Гражданской войне), «Клещ», «Борьба продолжается», «Селасат», «Две Зайбуллы», «Кто виноват», «В одной руке два арбуза», «Зулай». Соавтор повести «Гибель вендетты». Важное историческое значение имеет его исследовательская работа по поиску земляков, участвовавших в обороне Брестской крепости; результатом этой работы стал

выход в 1968 г. художественно-документальной повести «Брест — орешек огненный», переиздана в 1990 г.

Хасан Вахитович Туркаев (род. 10 мая 1938 года, Малые Варанды, Шатойский район, Чечено-Ингушская АССР) — российский учёный, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки ЧИАССР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Союза писателей СССР и Союза писателей России, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Член авторского коллектива 6-томника «История советской многонациональной литературы» (М.: "Наука", АН СССР), составитель двухтомного собрания сочинений классика чеченской литературы Саида Бадиева (Грозный, 1976 – 1977 гг.).

Хусейн Абубакарович Исаев (род. 25 сентября 1960 года — 9 мая 2004 года) — политик, общественный деятель, ученый. Председатель Государственного Совета Чеченской Республики с июня 2003 года по май 2004 года. в 1991 году был депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. С 1991 по 1997 год являлся начальником главного управления «Чеченингушгласнаб», генеральным директором акционерной коммерческо-посреднической компании «Чеченгласнаб». С 1997 по 2000 год — генеральный директор Центра новых технологий Международной инженерной академии. Заслуженный экономист Чеченской Республики. Соратник первого Президента Чеченской Республики. Погиб 9 мая в г. Грозный в результате террористического акта на стадионе «Динамо». В с. Итум-Кали открыт краеведческий музей носящий имя Хусейна Исаева.

Чеченский Александр Николаевич (1780 год, Алды, Чечня — 1834 год) — российский генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 года, воин четвёртой и шестой коалиций, кавалер отечественных орденов и иных наград, чеченец по происхождению.

Шамиль 26 июня (7 июля) 1797, Гимры (16) февраля 1871, похоронен в Медине) – имам Чечни и Дагестана, руководитель теократического государства – имамат.

Шарпудин Бачуевич Ахмадов (род. 5 декабря 1941 г. в с. Тевзана Веденского района ЧИАССР—23 июня 2016 г.) — российский ученый, доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики. С 1968 года по 1990 год работал в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы, где прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом. В 1992 г. в РГУ (г. Ростов-на-Дону) защитил докторскую диссертацию на тему «Народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством шейха Мансура в 1785 – 1791 гг.». С 1990 года в должности доцента, а затем – профессора, преподавал историю в ЧГУ и ЧГПИ. В 1996 г. на общем собрании Академии наук Чеченской Республики был избран Главным ученым секретарем и членом Президиума Академии наук Чеченской Республики. Автор свыше 130 научных работ по истории Чечни и Ингушетии. В 2003 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки ЧР».

Шахрудин Айдиевич Гапуров (род. 6 января 1951 года, Таш-Кумыр, Джалал-Абадская область, Киргизская ССР) — российский учёный,

общественный деятель, доктор исторических наук, профессор, академик и президент Академии наук Чеченской Республики. Эксперт Российской академии наук. Автор свыше 200 научных публикаций. Под руководством Ш.А. Гапурова активно начался процесс возрождения научного потенциала Чеченской Республики, утраченного в период известных событий конца XX столетия. В центре столицы Чеченской Республики по поручению А.-Х. Кадырова было построено и введено в эксплуатацию здание Академии наук ЧР, коллектив которой был сформирован Ш.А. Гапуровым за короткий период времени. Ш.А. Гапуров стал инициатором интенсивного развития археологического направления науки. При нем активно стали развиваться науки о земле, регулярными стали научно-практические конференции всероссийского масштаба. Вышли в свет несколько томов «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней», «Грамматика чеченского языка». Академия наук Чеченской Республики под руководством Ш.А. Гапурова стала главным научным центром Чеченской Республики.

Шейх Мансур, Ушурма (1760 — 13 апреля 1794) — первый имам Кавказа. Руководитель народно-освободительного движения горцев Северного Кавказа 1785—1791 годов. Выходец из тайпа Элистанжхой, общество Нохчмакххой. Организатор армии, административно-управленческой системы. Наиболее значимая военная операция: 6 июля 1785 года, в результате которой Шейх Мансур нанес сокрушительное поражение при селении Алды полковнику Пиери. После этой победы за Ушуромой закрепилась характеристика «победоносного» или «победоносец — Мансур».

Шейх Сугаип мулла Гайсумов (род. в 1818 году – 1932 год) — святой, богослов. Выходец из тайпа Белгатой. Разработчик оригинальной графики чеченской письменности на основе арабского языка. Автор множества научных работ по мусульманскому праву.

Шоип-Мулла (Шуаиб-мулла) Цонтроевский (Шоип-Молла Цонтро) (род. в 1804 году — март 1844 года) — легендарный полководец времен Кавказской войны, ученый. За искусную военную тактику получил характеристику «маршала лесной войны», один из самых ярких в воинском искусстве набоов имамата. Возглавлял «Мехк-кхел».

Эрис Хан Султан Гирей Алиев (род. 30 апреля 1855, Старые Атаги, Терская область — 1920, Грозный) — российский военный, генерал от артиллерии (1914). Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; за героизм и умелые действия награждён орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. С 1 октября 1895 г. — командовал батареей лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады. С 25 февраля 1900 г. — командовал 2-ым дивизионом 20-й артиллерийской бригады. С 13 ноября 1903 г. — командовал 26-й артиллерийской бригадой. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени (1905).

Явус Зайндиевич Ахмадов (род. 3 октября 1949 г., с. Потапенко, Семипалатинская область, Казахская ССР) — известный российский историк, политический деятель. Доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики. Автор

свыше 140 научных публикаций. В 1993 году член Совета национального и гражданского согласия Чеченской Республики. В 1994—1996 годах министр информации и печати Чеченской Республики. С 2000 по 2002 годы возглавлял Территориальное управление Министерства РФ по делам печати в Чеченской Республике. Руководитель аппарата Комиссии по политическому урегулированию и соблюдению прав человека в Чеченской Республике Государственной Думы Российской Федерации в 2002—2003 годах. В 2004—2010 годах работал главным советником, заместителем начальника департамента по обеспечению деятельности советников Администрации Президента Российской Федерации.

Якуб Умарович Эсхаджиев (род. 8 марта 1936 г., с. Толстой-Юрт (Девлетгири-Эвла, выходец из тайпа Элистанжхой — 28 августа 2007 г.) — выдающийся чеченский филолог. Внес ценный вклад в совершенствование и разработку методики преподавания чеченского языка и литературы. С 1972 году по 1989 г. заведующий Чечено-Ингушским филиалом Научно-исследовательского института национальных школ Министерства просвещения РСФСР. Автор более сорока научных и методических работ. Среди них учебники и методические пособия на чеченском языке, которыми пользуются учителя и преподаватели высших и средних образовательных учреждений. В 1986 году вручена медаль «За трудовое отличие», присвоены почетные звания «Отличник народного образования РСФСР», «Отличник просвещения СССР». В 2004 году Указом Президента Чеченской Республики ему было присвоено звание Заслуженный деятель науки Чеченской Республики. В с. Толстой-Юрт в 2016 г., за вклад и популяризацию чеченского языка именем Я.У. Эсхаджиева названа построенная и введенная в эксплуатацию одна из самых современных школ Чеченской Республики.

При подготовке раздела использованы открытые источники информации (в т. ч.: wikipedia.org), с последующей структурно-содержательной обработкой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В историко-правовой науке разработка «Истории государства и права Чечни» является попыткой на научном уровне систематизировать существующие разрозненные сведения по истории возникновения государственности, праву и правосудию у чеченцев и ингушей. Хотелось бы предвосхитить вопрос почему наряду с чеченцами в работе регулярно упомянуты и ингуши, несмотря на то, что работа посвящена Чечне? Авторская позиция в этом вопросе заключается в том, что понятие вайнах (наш народ) для работавших над данным исследованием это выстраданное историческим переплетением судеб братьев, одного отца, коими являются чеченцы и ингуши. Живущие ныне в «обособленных территориальных квартирах», но при этом не перестающие говорить практически на одном языке, имеющими общую историю, ценности, чеченцы и ингуши (в том числе и живущие по настоящее время в Чеченской Республике) рассматривают многие исторические процессы с позиции единства. Невозможно рассматривать историю чеченцев и ингушей лишь следуя тому разделению, которое произошло в 1991 г. Чтобы не нарушить эту структуру такие правовые категории как: Мехк-кхел, адат мы рассматриваем как единое наследие правовой культуры чеченцев и ингушей.

Работа местами имеет нарративный характер, но это обстоятельство не должно смущать, в этом проявляется одна из авторских задач, которая не противоречит академическому стилю. Сделать определенные выводы представляется возможным каждому, кто будет работать с настоящим комплексом сведений. Закономерным и необходимым процессом видится дальнейшая разработка данного цикла с включением новых фактов, документов по истории государства и права Чечни. На этом этапе мы ограничиваемся настоящим резюмированием. В работе представлен широкий хронологический охват исторического пути становления и развития государства, права, суда, судебной системы у чеченцев. Чеченские адаты, по крайней мере с начала XVI в., устанавливались Мехк-Кхелом. Право чеченцев и ингушей, являющееся правовой основой суда, возникнув в глубокой древности, сохранилось до наших дней и имеет важное значение для чеченского и ингушского обществ, выступая в качестве регулятора общественно-правовых отношений. По этническому праву чеченцев и ингушей объектом уголовного посягательства являлись: жизнь, имущество, достоинство и честь членов общества. Судебный процесс у чеченцев и ингушей носил преимущественно обвинительно-состязательный характер¹, посредством которого устанавливалась истина. В основе вайнахского этнического правосудия лежали принципы: равенства всех перед Мехк-Кхелом (Судом страны), необратимости наказания за совершенное преступление, что являлось мощным сдерживающим фактором от совершения преступлений.

Влияние мусульманской правовой культуры на право и судебную систему чеченцев начинает ощущаться с того момента, когда чеченское общество принимает ислам в качестве вероисповедания. Основы этого влияния впервые

¹ См.: Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.). Дисс... д.ю.н. М., 2010.

закладываются в период народно-освободительного движения шейха Мансура (1785–1791 гг.).

Отличия между исламской и доисламской правовыми системами чеченцев и ингушей проявляются на примере толкования преступлений на почве кровной мести. После принятия ислама и введения шариатского судопроизводства клятва на Коране стала обязательным элементом справедливого отправления судопроизводства. История появления и распространения ислама в Чечне знает семь важных этапов данного процесса. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестане, Чечне и Ингушетии) ислам имеет форму суфизма, функционирующего посредством тарикатов накшбандийа, кадырийа и частично шазалийа, оказавших духовно-культурное и политическое влияние на многие народы региона.

Ислам в Чечне существует в виде специфической модели традиционного ислама, который прошел многовековую историю развития и укрепления в вайнахском обществе. Основу данной модели ислама составляют суфийские тарикаты накшбандийа и кадырийа. Тарикат накшбандийа, проповедующий аскетизм, на Северном Кавказе известен с XV в., но в первой половине XIX в. он приобрел явно выраженный политический характер. Тарикат кадырийа связан с деятельностью известного чеченского суфия Кунта-Хаджи Кишиева и появился в Чечне в конце 50-х гг. XIX в.

Накшбандийский и кадырийский тарикаты являлись главными центрами формирования мусульманских правовых школ, которые готовили богословов – знатоков шариата – для Чечни и Ингушетии.

Процесс формирования государственно-правовых институтов в Чечне на основе ислама отождествляется в основном с шамилевской и постшамилевской эпохами. В основу первой было положено создание шариатской системы правосудия, где адат заменялся единым шариатом для всех горцев Чечни. Внедрение шариата имамом Шамилем осуществлялось под угрозой применения силовых методов воздействия. Очевидно, это была вынужденная мера в условиях сложного времени борьбы с царизмом. Шариат, в отличие от адата, унифицировал систему отправления правосудия. После падения Имамата и пленения имама Шамиля использование шариата в вопросах осуществления правосудия было переходной моделью функционирования суда на основе российского законодательства и норм шариата.

Если же при адатской правовой системе в тех или иных областях Чечни существовали отличные друг от друга адаты, то с принятием ислама шариатское судопроизводство стало единым для всех представителей чеченского общества, и оно не давало, в отличие от адатской системы судопроизводства, права широкого толкования.

К концу XVIII – началу XIX вв. происходит дифференциация правосудия по отраслям права. Процесс шариатского судопроизводства в Чечне и Ингушетии сопровождался ведением специальных учетных книг, в которые записывались решения по конкретному делу.

С принятием ислама в Чечне и Ингушетии вопросы наследства чеченцы и ингуши все чаще предпочитают решать на основе шариата. Объясняется это тем, что шариат, в отличие от адата, достаточно последовательно

разработал процедуру наследования, выделив группы наследников, которые в адате не были так широко представлены.

Несмотря на широкое распространение юрисдикции шариатской системы, которая запрещала кровную месть, адатская правовая система не была искоренена. При этом развитие мусульманского права и его применение в судебной практике в Чечне стремительно возрастало. В Ингушетии данные процессы происходят менее активно, ввиду того, что власть имама Шамиля не распространялась в полном объеме на ингушское общество.

Первый шариатский суд первоначально появился в юго-восточной части Чечни. Суд состоял из трех ученых кадиев и семи мюридов, выполнявших роль судебных заседателей. В компетенцию шариатских судов входило рассмотрение всех гражданских дел.

С начала 30-х гг. XIX в., благодаря имаму Шамилю и Ташу-Хаджи, впервые в истории Кавказа было образовано единое государство – Имамат, объединившее народы Чечни и Дагестана. Особый интерес у многих исследователей вызывает законотворческая деятельность Имамата. Низамы являлись нормами по государственному, гражданскому, уголовному, административному, и др. отраслям права, нормы принимаемые в Имамате, строго утверждали и успешно развивали шариатское право.

В основу Имамата были положены демократические принципы управления горцами в сочетании с религиозными нормами. Принятые в 1842–1847 гг. инструкции и постановления Шамиля, употребляемые по названию Низамы, являлись равными законодательству. При имаме Шамиле произошла унификация судебно-административного управления Чечни и Дагестана, что коренным образом изменило общественно-политическую ситуацию в регионе, а главное – в сознании самих горцев. Несмотря на суровость этих и других видов наказаний, судебная система Имамата Шамиля была не только органом осуществления правосудия, но еще и носила ярко выраженный упредительно-сдерживающий характер от совершения преступлений.

Судебная система, созданная в Имамате Шамиля, способствовала консолидации горских обществ в единое государство; она привела к ликвидации правового партикуляризма; способствовала развитию гражданского и уголовного судопроизводства.

Главной особенностью процесса взаимодействия российского законодательства, адатов и шариата являлась необходимость выработки правил осуществления правосудия, которые позволили бы сохранить правовые обычаи чеченцев и ингушей, но при этом поступательно внедрять российское законодательство в их повседневную жизнь. Этот процесс, начавшийся еще в 1852 г., когда в крепости Грозная был учрежден суд под председательством штаб-офицера, в состав которого входили кадий для разбирательства дел по шариату и три старика чеченца, знатоки адата, является первой моделью взаимодействия трех правовых систем, реализованной на практике.

После падения Имамата Шамиля для Чечни начинается новый этап ее общественно-политического развития в рамках российской государственности. Суд и судопроизводство в Чечне начинают осуществляться в рамках

российского законодательства, но с частичным использованием адатско-шариатских норм.

Первым шагом внедрения норм российского права в среде горцев явилось решение царской администрации образовать в 1860 г. окружные словесные суды на всей территории Чечни и Дагестана.

На территории Терской области, помимо Горских словесных судов, в каждом сельском обществе существовали также и сельские аульные суды, которые были призваны решать несложные и маловажные дела. Деятельность данных судов была регламентирована Положением о сельских (аульных) обществах, утвержденным Наместником Кавказским от 30 декабря 1870 г.

Несмотря на все усилия местных российских властей, так и не была искоренена традиционная для Северного Кавказа кровная месть. Взаимодействие систем права России с этноправовыми традициями народов Северного Кавказа на протяжении столетий породило уникальное явление – конвергенцию российского позитивного права с адатским и мусульманским правом².

Царская власть после укрепления на Северном Кавказе стремилась организовать судебную систему в регионе в соответствии со своей внутренней политикой при учете национальных особенностей горцев. В 50–60-х гг. XIX в. правительством было осуществлено расширение и укрепление адатских судов, с одновременным вытеснением и принижением роли шариатских судов. Основная задача сводилась к обессиливанию мюридизма, посредством разрешения рассматривать по шариату только вопросы, связанные с духовными делами и брачно-семейными отношениями.

В 1871 г. на Северо-Западном Кавказе были созданы горские словесные суды. В Терской области существовало шесть Горских словесных судов, которые располагались в Веденском, Нальчикском, Назрановском, Хасав-Юртовском округах, а в Грозненском округе существовало два суда, один из которых размещался в городе Грозный, а второй – в селении Шатой. По своему составу Горский словесный суд состоял из председателя, трех членов суда, именуемых депутатами, а также кадия.

Октябрьская революция 1917 г. послужила отправной точкой в создании новой системы судебного управления на Северном Кавказе. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе условно можно разделить на 4 этапа. Образование Терской Автономной Советской Республики стало первым этапом нового национально-государственного строительства; создание Горской АССР – второй этап данного строительства; образование отдельных национальных автономий (областей) – третий этап такого строительства; четвертый этап характеризуется созданием автономных республик, в частности, Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики (ЧИАССР).

5 декабря 1936 г. с принятием Конституции СССР было юридически закреплено преобразование Чечено-Ингушской автономной области в Чечено-Ингушскую АССР. Чечено-Ингушская АССР была моделью национально-

² Мисроков З. Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX–XX вв.) Дисс... д.ю.н. М., 2003. С. 7.

государственного устройства чеченского и ингушского народов, обеспечивавшей их более основательное и широкое государственное самоуправление, а также формой установления сотрудничества с другими народами РСФСР, которые самоопределились в разных проявлениях советской социалистической государственности³.

Высшим судебным органом на территории ЧИАССР являлся Верховный Суд ЧИАССР, его работа осуществлялась в соответствии с дополнением к «Положению о судоустройстве РСФСР», принятым ВЦИК 5 сентября 1923 г. Верховный Суд ЧИАССР действовал в составе Пленума, Президиума, кассационных коллегий по уголовным и гражданским делам, военной и военно-транспортной коллегии, а также дисциплинарной коллегии.

Верховный Суд ЧИАССР осуществлял судебный надзор за всеми судами, рассматривал дела по первой и второй инстанциям, решал вопросы судебного управления и занимался толкованием законодательства по вопросам судебной практики.

В начальный период установления советской власти судопроизводство на Северном Кавказе осуществлялось с определенным учетом местных религиозных и обычно-правовых особенностей, но позже власть отказалась от такого учета особенностей менталитета. Влияние адата на чеченское и ингушское общество прослеживается и в более поздний советский период.

В марте 1944 г. была образована Грозненская область в составе РСФСР (постановление от 22 марта 1944 г.). 25 июня 1946 г. был принят Закон об упразднении ЧИАССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область. Тринадцать лет чеченцы и ингуши находились в ссылке в Казахстане и Средней Азии.

С 1956 по 1957 г. были приняты нормативно-правовые акты, позволившие чеченцам и ингушам вернуться на историческую родину в их восстановленную автономию. 15 апреля 1958 г. начала свою работу первая сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР второго созыва, сформировавшая высшие руководящие органы государственной власти и государственного управления Чечено-Ингушской АССР – Президиум Верховного Совета ЧИАССР и Совет Министров ЧИАССР, а также в установленном порядке утвердившая состав Верховного Суда республики.

Верховный Суд Чечено-Ингушской АССР избирался Верховным Советом Чечено-Ингушской АССР сроком на 5 лет. Судьей мог быть гражданин СССР, пользующийся избирательным правом и достигший 23-летнего возраста. Рассмотрение дел в Верховном Суде Чечено-Ингушской АССР, районных и городских народных судах осуществлялось коллегиально – в составе судьи и двух народных заседателей, а при рассмотрении дел Верховным Судом Чечено-Ингушской АССР в качестве второй инстанции в кассационном порядке – в составе трех членов суда.

В результате исследования советского периода развития судебной системы ЧИАССР установлено, что наряду с советскими народными судами в

³ См.: Кокорхоева Д. С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа: 1917 – 1944 гг. Дисс... к. истор.н., Элиста. 2001.

республике практически в каждом районе Чечено-Ингушетии действовали *кхелы* (суды), в состав которых входили авторитетные представители тайпов, в основном люди преклонного возраста. В ЧИАССР советской власти искоренить суды, руководствовавшиеся адатами и шариатом, не удалось.

Политические изменения, происходившие в стране с 1990 г., не могли не отразиться на общественно-политической ситуации в Чечено-Ингушской АССР. 27 ноября 1990 г. на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики была принята Декларация «О государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики».

После распада СССР и утраты контроля федеральным центром в Чечено-Ингушской Республике к власти в 1991 г. пришел генерал Д. Дудаев. В Чечне произошли процессы, приведшие к ее внешней политической и экономической изоляции.

Нормативно-правовое регулирование на начальном этапе осуществлялось на основе принятых еще в советский период законов. Конституция Чеченской Республики от 12 марта 1992 г. признавала юридическую силу законов ЧИАССР и ЧИР, а также силу основанных на них подзаконных актов, действовавших на момент вступления в силу Конституции Чеченской Республики, в случаях, если они не противоречили ей и принятым на ее основе законам Чеченской Республики.

В последующий период с 1992 по 1994 г. в Чеченской Республике было принято наибольшее количество нормативно-правовых актов, регулировавших деятельность судебной власти в период объявления суверенитета Чеченской Республикой.

15 июля 1994 г. Чечня была объявлена Исламской Республикой, 16 сентября на ее территории было введено военное положение. Политическая борьба между Москвой и Грозным переросла в военные действия на территории Чеченской Республики (1994–1996 гг.).

Особенностью судостроительства и судопроизводства в Чечне в середине 90-х гг. было введение шариатской системы правосудия. Анализ нормативно-правовых актов Чеченской Республики Ичкерия позволил воссоздать хронологическую последовательность введения данной системы судостроительства и представить объективную картину сущности судебных институтов рассматриваемого периода.

Драматически складывалась ситуация с судебной властью в Чеченской Республике после введения шариатских судов. Неправильное толкование норм мусульманского права лицами, которые не имели не только высшего светского образования, но и базового теологического образования (необходимого шариатским судьям), привели к тому, что шариатские суды воспринимались в обществе лишь как репрессивная машина действовавшего режима.

Политическим катализатором развития ситуации в Чеченской Республике стали соглашения от 31 августа 1996 г., заключенные в г. Хасав-Юрт между секретарем Совета безопасности Российской Федерации генералом А. Лебедем и начальником штаба вооруженных сил Чеченской Республики Ичкерия, бывшим полковником Советской армии А. Масхадовым.

В период 1996–1999 гг. происходит процесс маргинализации чеченского общества под воздействием квазиэлиты, стремившейся внедрить псевдошариатскую систему правосудия. В Чеченской Республике Ичкерия принимались в основном указы, регламентирующие шариатское судоустройство и судопроизводство, но при этом не были разработаны специальные законы, на практике позволявшие внедрять положения указов ичкерийских властей. Законодательство Чеченской Республики Ичкерия до 1993 г. регулировало различные стороны организации органов судебной власти: судоустройство, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исправительное законодательство, гражданское, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство. Отдельными законами Чеченской Республики Ичкерия регламентировались: статус судей, особенности деятельности некоторых видов судов (например, Военного Трибунала ЧРИ), различные вопросы обеспечения деятельности судебной власти. Однако данное законодательство противоречило введенному шариатскому судоустройству.

16 декабря 1996 г. стало официальной датой упразднения светских судов в Чеченской Республике. Указом № 247 «О реорганизации судебной системы в Чеченской Республике Ичкерия» Верховный Суд Чеченской Республики Ичкерия и Высший Шариатский Суд были реорганизованы в Верховный Шариатский Суд ЧРИ. Действовавшие до того момента Указы Президента Чеченской Республики Ичкерия от 13 июня 1993 г. за № 62 «О статусе судей» и «О судоустройстве ЧРИ» были отменены. Судьи, назначенные в сформированные в спешном порядке суды и именовавшие себя шариатскими судьями, в подавляющем большинстве не имели никакого отношения ни к шариату, ни к фикху.

Законодательной основой функционирования судебной власти Чеченской Республики Ичкерия являлись: Коран, Сунна, Положение о Высшем Шариатском суде ЧРИ, толкование ведущих исламских ученых-авторитетов Шариата – для шариатских судов ЧРИ и шариатского судопроизводства.

Первый вынесенный шариатским судом (не военно-полевым) смертный приговор был приведен в исполнение 23 апреля 1997 г. Публичная казнь по приговору шариатского суда была проведена 3 сентября 1997 г. Казнь вызвала серьезный резонанс со стороны мирового сообщества. Установлены данные деятельности военно-полевого суда, действовавшего в составе вооруженных формирований Чеченской Республики Ичкерия. Данный суд действовал с 8 по 27 августа 1996 г. на территории Грозного (в период боев и первые дни перемирия). Никакой другой суд в это время в Грозном не функционировал. Всего этим судом было вынесено 12 смертных приговоров.

В 1996 г. в Чеченской Республике Ичкерия был принят Уголовный кодекс, которым впоследствии стали руководствоваться шариатские судьи. Взятый за основу Уголовный кодекс Судана образца 1983 г. не был адаптирован под особенности чеченского менталитета.

Шариатские суды, сформированные и функционировавшие в Чеченской Республике в период с 1996 по 1999 г., дискредитировали себя в глазах общественности ввиду того, что в большинстве случаев решения принимались

непрофессиональными знатоками мусульманского права, что сказывалось на цели правосудия.

Шариатская судебная система характеризуется своей непоследовательностью, частой сменой судейского корпуса, процессуальной неразработанностью, сказывающейся на слаженности и общем профессионализме, что способствовало выработке устойчивого недоверия у населения к деятельности данной судебной системы. Введение шариата в указанный период носило политический характер нежели было направлено на реализацию закона и справедливости.

23 сентября 1999 г. Президент РФ Б. Ельцин издал Указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации», с этого периода Чеченская Республика находилась в режиме контртеррористической операции (КТО). В связи с проведением антитеррористической операции на Северном Кавказе во второй половине 1999–2001 гг. приобрел остроту вопрос о судебном расследовании всех фактов нарушения прав человека в зоне боевых действий и привлечении к судебной ответственности виновных. Чеченская Республика в рассматриваемый период особенно остро нуждалась в создании независимой и эффективной судебной власти как подсистемы судебной власти Российской Федерации. В состоянии режима контртеррористической операции в Чеченской Республике начался сложный процесс по созданию судебной системы.

Отсчетом времени вторичного возрождения судебной системы в рамках федерального правового поля считается встреча от 15 марта 2000 г. представителей Чеченской Республики с исполняющим обязанности Президента Российской Федерации В.В. Путиным, на которой был обозначен вопрос о возобновлении работы судов общей юрисдикции в Чеченской Республике.

В 2000 г. для формирования судебного корпуса на постоянной основе необходимо было наличие представительного органа – Парламента, но учитывая, что органы законодательной власти не были созданы, для формирования судейского корпуса Чеченской Республики были привлечены судьи, вышедшие в отставку.

Первые суды в Чеченской Республике начали функционировать с 10 ноября 2000 г. Из 57 судей – 12 женщин (из них 2-е – председатели районных судов), 18 человек (русскоязычные судьи) приехали из многих регионов России.

Конституционное закрепление основ справедливого правосудия находит свое отражение в главе 7 Конституции Чеченской Республики. Наряду с судами общей юрисдикции в Чеченской Республике начал работать Грозненский гарнизонный военный суд (вышестоящая инстанция – Северо-Кавказский военный окружной суд в Ростове-на-Дону).

С 1 сентября 2003 г. – со дня начала работы Грозненского военного гарнизонного суда – было рассмотрено более 600 уголовных дел в отношении военнослужащих. По 95% случаев из них были вынесены приговоры, при этом ни одного оправдательного. Примерно 5% из них – это преступления, совершенные в отношении мирных жителей.

10 июня 2003 г. возобновил (ведомство было создано в 1995 г.) свою работу на территории Чеченской Республики Арбитражный суд, относящийся к первому уровню системы арбитражных судов.

До 2010 г. Чеченская Республика была единственным субъектом Российской Федерации, где не был создан, а следовательно, не функционировал суд присяжных. С 22 января 2010 г. в Чеченской Республике суды присяжных считаются сформированными. Среди причин столь длительного отсутствия в Чеченской Республике суда присяжных указывается отсутствие избранных органов муниципальной власти. Введение института суда присяжных в Чеченской Республике стало заключительным этапом в повсеместном установлении в Российской Федерации данного института, а также ознаменовало процесс структурного возрождения и дальнейшего построения судебной системы в Чеченской Республике в соответствии с федеральным законодательством.

В августе 2010 г. по инициативе Главы Чеченской Республики была создана Комиссия по примирению кровников, которая была им же и возглавлена, его заместителем был назначен депутат ФС Государственной Думы Адам Делимханов, в состав рабочей группы вошли государственные деятели, старейшины, духовные лица. 17 октября 2011 г. были подведены итоги 14 месяцев деятельности миротворческой комиссии. За время работы комиссии был выявлен 451 конфликт, все они закончились примирением.

Проведенный анализ становления системы права и суда в Чечне и Ингушетии в период XVIII – начала XX вв. позволяет сделать вывод о наличии триединой системы отправления правосудия, выраженной в виде формулы – адат, шариат и российский правовой закон. Степень эффективности такой судебной системы имела неоднозначный характер. Исследование деятельности судебных органов в прошлом и настоящем позволило обозначить общие проблемы в работе судов, свойственные им на различных исторических этапах. Несмотря на то, что целый ряд отмеченных в исследовании проблем в осуществлении правосудия носит схожий характер, свойственный в целом всей Российской Федерации, Чеченская Республика в силу определенных особенностей национального менталитета (отразившегося в том числе и на правовой культуре этносов) вынуждена сталкиваться с наличием адатской и шариатской систем правосудия в условиях официального верховенства федерального законодательства. Адат и шариат не только не утратили своего значения в Чечне и Ингушетии, но за последние годы стали сильнее влиять на поведенческие отношения в вайнахском обществе. Несмотря на монополизирование сферы правового регулирования общественной жизни того или иного народа на основе официального законодательства, очевидно, что оно единолично не способно действительно справиться с данной задачей в этнических обществах. Ислам в регионе играет важное значение, в т. ч. и общественно-политическое. Мы глубоко солидарны с мнением национального лидера России В. Путина, справедливо и конкретно выразившего свою позицию в отношении ислама: «Это одна из традиционных религий народов России, и те люди, которые исповедуют ислам, – граждане страны, и другой родины у них нет. У нас, к сожалению, часто возникают проблемы, связанные с межнациональными,

межэтническими отношениями. В последнее время все больше и больше. Государство должно действовать следующим образом: нужно вне зависимости от вероисповедания, национальности обеспечивать исполнение закона каждым гражданином, кем бы он ни был – христианином, мусульманином, русским, чеченцем, татаринном, башкиром, все равно. Государство должно обеспечить и безопасность, и справедливое отношение к людям, которые уважают закон и людей, с которыми живут»⁴.

Данное исследование показало, что в значительной степени эффективность государственно-административного управления на Северном Кавказе во многом зависела от того насколько развита была судебная система и как к ней относилось общество данного региона.

Исторический путь чеченского народа с XVII по XXI вв., характеризуется чередой трагических периодов. Особенно сложным и трагически выдался XX век – это депортация чеченцев и ингушей в 1944 г. в Среднюю Азию и Казахстан, военно-политические события конца 90-ых годов XX столетия поставили чеченский народ над пропастью исчезновения как самобытного этноса. Задача ставившаяся исследователями при разработке данной работы заключалась посредством систематизации имеющихся сведений собрать из разрозненных «пазлов» истории целостную картину. Достаточно исследовать хронологию важных исторических событий XX в., включенную в данную работу, чтобы понять насколько скоротечными и тяжелыми были события являющиеся без всякого сомнения важным этапом в процессе развития чеченской государственности. Несмотря на это и вопреки стараниям злопыхателей, чеченский народ выстоял и занимает достойное место в единой семье российских народов.

⁴ Новиков К. Прямой и честный. Премьер-министр дал интервью чеченским СМИ / «Российская газета». Федеральный выпуск. №5562 (186). 24.08.2011.

УЧЕБНО-НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Подготовлено к печати: предисловие Д.Ю. Шапсугов.

Раздел I. История государства и права Чечни. Ш.Б. Ахмадов, Д.Х. Сайдумов;

раздел II. История государства и права Осетии А.М. Цалиев

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НАРОДОВ КAVKAZA

УЧЕБНИК

Часть II

Редактор Л.И. Фисенко

Подписано в печать 15.09.21. Формат 60х84/16
Бумага офсетная. Объем 25,99 п.л. Уч.-изд. л. 31,56 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 329/08-2021

Издательство ЮРИУ – филиала РАНХиГС
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

Отпечатано: ИП Кузнецов Н.В.
603001, Нижний Новгород, ул. Шорина, 13
Тел.: +7 (831) 413-62-61